

Арнаутова Дана

СЕРДЦЕ МОРСКОГО КОРОЛЯ

Глава 1. Потерянное и возвращенное

— Если вокруг тебя Бездна — главное, понять, в какую сторону плыть. Или хотя бы определить верх и дно.

Принц Эргиан переставил очередной камешек риши, и Джаид поняла, что эту партию тоже проиграет. Кариандец родился с камешком в руке, как сказали бы в Храме, где риши считалась не забавой, а важной частью подготовки жрецов, потому что учила думать и рассчитывать наперед. Джаид помнила несколько десятков выигрышных комбинаций, но вот беда — Эргиан, судя по всему, тоже их знал. Наверное, здесь «журавль на склоне» и «три лягушки, дерущиеся за кувшинку» назывались иначе, но сути это не меняло, — кариандец играл восхитительно.

Это было тем более обидно, что принц явно думал о чем-то своем, поддерживая беседу только из учтивости, так что Джаид откровенно не понимала, зачем глубинник вообще приплыл именно сейчас.

Ей самой тоже было не до риши. Алестара, стоило им вернуться во дворец и вызвать к Лилайну целителей, уволокли очень озабоченные советники, в одном из которых Джаид узнала отца Эрувейн. Что-то срочное с теми самыми злосчастными маравейскими документами... Что поделать, жизнь королевства продолжалась, и его новому повелителю следовало блюсти торговые соглашения, разбирать тяжбы и заниматься сотней других необходимых дел.

Алестар успел только сказать, что вернется как можно быстрее, и Джаид понимающе кивнула — у нее сейчас из головы не выходил Лилайн. Болт, пробивший наемнику правое плечо, серьезно повредил мышцы и задел кость, так что даже чудесное искусство Невиса не могло поставить алахасца на ноги в скором времени. Нет, на ноги он как раз встать мог, но под водой пользы от них было куда меньше, чем от рук. Вдобавок, Невис сказал, что Лилайна пытали...

Стоило Джаид подумать об этом — и смерть Торвальда уже не казалась достаточным возмездием. А еще мучила вина... Умом Джаид понимала, что вряд ли причиной пыток стала их с Лилайном связь. Торвальд был слишком расчетлив в своем отношении к жрице, чтобы ревновать. Ему нужны были сведения и, возможно, послушание наемника. Но голос разума смолкал, стоило представить Лилайна в руках аусдрангских палачей. Сейчас Джаид ненавидела Торвальда так же сильно, как прежде любила, и удивлялась, как могла обмануться, принимая гадюку за феникса.

Однако Невис обещал, что Лилайн вскоре поправится. Его напоили целебными снадобьями, вытащили болт и обработали рану, а Джаид невольно подумала, что, будь у них истинное Сердце Моря... «Быстро же ты привыкла полагаться на магию», — упрекнула она себя. И еще неизвестно, захотел бы Алестар помочь своему сопернику? Это было еще одной причиной для беспокойства. А когда Лилайн вернется наверх, на него откроют охоту как на убийцу короля! И Сердце, где же оно...

Однако прямо сейчас она не могла сделать ровным счетом ничего. Лилайн крепко спал, Алестар занимался королевскими делами, а Джаид... Джаид играла в риши. И беседовала с Эргианом о жизни в Карианде, гадая, что же нужно глубиннику на самом деле.

— Я думала, умение чувствовать море у вас в крови, — отозвалась она на последние слова принца. — Любой человек может понять, где дно, а где небо, стоит прислушаться к ощущениям. А уж иреназе...

— Для Бездны этого мало, — рассеянно улыбнулся Эргиан, выстраивая того самого «журавля на склоне». — Даже жители моря, не бывавшие в Карианде, не могут вообразить величие и ужас Великого Разлома. Вы помните Арену?

Джаид кивнула, глядя на доску. Клюв «журавля» уверенно нацелился на ее «лягушек», но позицию еще можно было спасти, если соединить три камня, якобы бессмысленно разбросанных ею несколько ходов назад.

— Тогда представьте несколько Арен, вытянувшихся в длину одна за одной и не выступающих над морским дном, а уходящих в него так глубоко, что никто никогда не достигал дна Бездны. Там вечный мрак и холод, а давление воды столь сильно, что даже иреназе не могут спуститься глубже определенного предела. Склоны у Бездны не гладкие, как у Арены, а покрыты ущельями и нагромождением скал. В этих скалах вода и время проделали множество ходов, которые никогда не знали луча света. В них прячутся глубинные твари, охотясь друг на

друга и никогда не выползая наружу. Некоторые скалы так неустойчивы, что малейший толчок опрокинет их, закупорив пространство внизу, но штормов там не бывает, и никакая волна не доберется так глубоко, потому скалы могут пребывать в зыбком равновесии веками. Пока не найдется глупец, решивший спуститься к ним и потревожить покой Бездны...

Тихий ровный голос кариандца рисовал в воображении Джад чудовищные картины. Ледяная тьма, каменные лабиринты, полные смерти и ужаса... Она содрогнулась, попытавшись представить это и понимая, что вряд ли сможет. Все равно что муравью вообразить погребальные катакомбы под Храмом.

— Звучит так, словно вы там побывали, тир-на, — донесся от входа голос Алестара, разрушая страшное очарование рассказа. — В самой Бездне...

— Любой кариандец там бывал, — мгновенно спрятался Эргиян за безразлично вежливый тон. — Мы живем Бездной... Я слышал, тир-на, вы лично участвуете в охоте на салту?

Алестар кивнул, подплывая ближе и с интересом глядя на доску.

— Ну, а наша королевская семья спускается в Бездну, чтобы найти новые месторождения редких веществ. Это, конечно, совсем не так увлекательно, как быть загонщиком...

Пальцы глубинного принца зависли над доской и медленно переставили камешек, на который Джад очень рассчитывала. Досадно.

— И вы ни разу не отправлялись на эти склоны просто так? — допытывался Алестар, бесцеремонно укладываясь на огромную кровать рядом с игроками. — На обычную охоту или погулять?

— Случалось, — безмятежно подтвердил кариандец, ожидая хода Джад и не выказывая ни малейшего недовольства, что его отвлекают от игры. — Мы, конечно, охотимся на склонах, в их верхней части, где еще не так темно и добычи побольше. Собираемся примерно по дюжине, следим друг за другом и устраиваем переключки, чтобы не потеряться... Даже опытный охотник может погибнуть, если окажется в переплетении скал без туарры. Или свернет не туда, или вляпается в жгучие заросли... Боги, как говорят, любят Акаланте, но Бездна не любит никого и всегда голодна.

Алестар помрачнел, и Джад почему-то подумала, что дело не только в любопытстве принца насчет глубинной охоты. А еще — что партия затянулась, и даже отвоеванный нужный камешек, выхваченный из-под носа кариандца, уже не принесет победы. Что за новости расскажет Алестар? И как бы им остаться вдвоем, чтобы поговорить о действительно важных вещах? Сердце Моря, судьбе Лилайна и... свободе Джад.

— Скажите, амо-на, — обратился вдруг к ней Эргиян, — а ваши жрецы когда-нибудь охраняли королей иреназе?

Вопрос был таким неожиданным, что Джад вздрогнула и окончательно отвлеклась от положения дел на доске.

— Нет, насколько мне известно, — ответила она.

Алестар лежал рядом расслабленно, и только хвост его едва заметно подергивался, словно у беспокоящегося кота.

— Но никаких препятствий к этому не имеется? — уточнил Эргиян, делая ход, который не мог принести ему ровно никакой пользы — у края доски, вдали от основного поля битвы.

— Кажется, нет, — пожала плечами Джад и невольно снова покосилась на Алестара. — Конечно, это было бы сложно. И бессмысленно, насколько я могу судить. Под водой иреназе — гораздо лучшие бойцы, чем люди, даже от наших жрецов не будет особого толка.

— И это говорит победительница сирен? — мягко улыбнулся Эргиян, делая еще один ход, настолько бессмысленный, что Джад заподозрила кариандца в желании проиграть партию.

— Сирен, а не иреназе, — усмехнулась она в ответ. — Сирены не бойцы, они падальщики, привыкшие к легкой победе над ослабленными жертвами. И то бой с ними мне дался нелегко. На земле с парой-тройкой противников я бы справилась куда проще, а здесь едва не погибла.

— Понимаю... — задумчиво согласился кариандец. — Но ценность вашего служения не только в воинском мастерстве. Вы умеете думать, амо-на Джад. А верность цены вообще не имеет.

— Мой прежний наниматель с вами бы не согласился, — одними губами улыбнулась Джиад, а в сердце уже привычно потянуло холодной тоской. — Он оценил меня в двадцать пять лет торговой свободы Аусдранга на море. Хорошая цена, мне бы стоило быть польщенной.

«Сердце моря, — напомнила она себе. — Кариандец знает, что оно пропало. Но молчит, не позволяет себе ни вопроса, ни даже любопытного взгляда, хотя Алестар снял цепь с фальшивкой, которую носил напоказ. Почему он молчит? Ну не из учтивости же! Такая-то насмешливая язва...»

Алестар, возможно, подумал о том же, потому что поднял взгляд от доски, в упор взглянув на Эргиана, ответившего печальным вздохом.

— Вам не нравится тосу? — поинтересовался кариандец у рыжего. — Какая жалость. А я надеялся, что мы не раз поиграем, когда окончательно станем одной семьей. Это, конечно, не гонки...

— А вам не нравятся гонки? — усмехнулся Алестар. — Какая жалость. А я надеялся, что вы будете часто сопровождать меня на Арену. Это, конечно, не тосу...

Мгновение Эргиан смотрел на него в недоумении, а потом расхохотался так искренне и заразительно, что даже Джиад улыбнулась.

— Один-один, — признал кариандец и повернулся к ней. — Как насчет ничьей, амо-на? Полагаю, вам сейчас не до игры. Надеюсь, ваш друг ранен не слишком серьезно?

— Благодарю, не очень, — настороженно ответила Джиад, снова неприятно удивляясь уже привычной осведомленности кариандца. — Но вы правы, и ваше предложение... весьма великодушно.

— Вообще-то — да, — кивнул Эргиан. — Осмелюсь предположить, что выиграл бы за... пять ходов. Но вам не стоит огорчаться: дома я считался весьма сильным игроком. Хотя его величество Алестар, не сомневаюсь, в гонках на салту гораздо лучше, чем я с камнями тосу. Как и вы, амо-на, хороши в обращении с оружием...

Он не договорил, и в комнате повисла тишина. Хвост Алестара все так же легонько подрагивал, и Джиад чувствовала от него колебание воды. Кариандский принц выглядел спокойным, но в его пальцах поблескивала пара камешков риши, которые Эргиан крутил, как храмовые стражи крутят тяжелые шарики для разминки пальцев. Ну, чего он ждет?

— Так, значит, если мой отец и повелитель обратится в ваш храм, с ним заключат договор? — снова заговорил Эргиан, небрежно откидываясь на высокий валик-подушку. — А выбрать стража можно самому?

— В определенных пределах, — осторожно отозвалась Джиад, поднимая взгляд от доски и ритмично шевелящихся пальцев глубинника на его спокойное лицо. — Обычно Храм предоставляет нескольких жрецов на выбор. Из тех, кто свободен и не отказался именно от этого договора по каким-то причинам.

— Ах, так отказаться все-таки можно?

Алестар молчал, и это настораживало еще сильнее. Что здесь происходит? Разговоры о Бездне, о храме, о риши — о чем угодно, только не о том, что действительно важно!

— Иногда — можно. Бывает, что наниматель вызывает у стража слишком сильную неприязнь. Не ко всякому мужчине можно послать храмовую жрицу и наоборот. Кто-то из стражей не любит работать на юге или, напротив, на севере. Храм, конечно, может настоять, но зачем? Если страж будет охранять нанимателя против своей воли, постоянное раздражение ему мешает. Всегда можно найти того, кто согласится, мы ведь жрецы и дети храма, а не рабы.

— Очень разумно, — рассеянно похвалил Эргиан, роняя камешек и снова подхватывая его в руку. — Пожалуй, я непременно посоветую своему отцу послать в ваш храм просьбу о договоре. А во сколько обходится это несравненное удовольствие?

На мгновение у нее возникло огромное желание отправить его кариандское высочество... хотя бы к Ирталю! Тот знает о храме достаточно... Но вежливый вопрос требовал учтвого ответа, и Джиад вздохнула, надеясь, что это вышло не очень заметно.

— Если страж младше двадцати семи лет, — монотонно проговорила она уже навязшие в зубах положенные слова, — то при заключении договора храму выплачивается вес стража в серебре.

Если старше — в золоте. После этого каждый год страж получает от нанимателя сто золотых монет не меньше определенного веса и чистоты, из которых половину отсылает в храм. Наниматель оплачивает оружие и снаряжение стража и содержит его с должной заботой. А по достижении стражем сорока лет его договор с храмом и нанимателем считается разорванным. Страж свободен и может жить, как пожелает. Вернуться в храм, где ему всегда найдется место, но никаких обязательных контрактов больше не будет, или найти нового нанимателя уже лично для себя, или... Да что угодно, в общем.

— Очень интересно! — с чувством проговорил Эргиан, бросая в коробку камешки, плавно опустившиеся на кучку себе подобных. — Благодарю вас, амо-на. Ваше величество, — склонил он голову перед Алестаром, — не смею больше отвлекать...

Он шевельнул хвостом, собираясь всплыть, и тут Алестар, по-прежнему разглядывающий доску для риши, разомкнул губы:

— Останьтесь.

Эргиан замер, но удивленным отнюдь не выглядел, и Джад снова подумала, что смысл сказанного все время ускользает, будто иреназе говорят на плохо знакомом языке — вроде бы и понимаешь отдельные слова, но что они значат все вместе?

А рыжий что-то достал из маленькой сумочки на поясе и протянул Эргиану. Глаза кариандца изумленно расширились, он взвесил на ладони огромный рубин, тревожно сверкнувший в ярком сиянии недавно подкормленной туарры на стене.

— Это ведь...

Он замолчал, снова покрутил камень в руке, поднес к глазам и пригляделся. Алестар смотрел на него с подозрительно спокойным лицом, а в сердце Джад медленно вползало предчувствие чего-то нехорошего. Если это рубин, взятый с тела Торвальда, то он ведь фальшивый! Или нет? Но Алестар сам сказал, что... И зачем он показывает его кариандцу?

— Значит ли это, что ваше величество признает меня не только послом Карианда, но и... вашим советником? — бесстрастно поинтересовался Эргиан, поднимая взгляд от камня.

— Нет, — так же холодно уронил Алестар. — Не знаю, как у вас, а по нашим законам советник короля может служить только одному государству. Это значит, что вам придется выбирать, тир-на Эргиан. Я по-прежнему намерен соблюдать договор, заключенный с Кариандом. Относительно вашей сестры и относительно переселенцев — в равной мере. Но в моем Совете вы останетесь только моим подданным, а не кариандским. Член королевской семьи Акаланте и советник короля — или посол Карианда. Решать вам.

— Это... справедливо, — тихо и очень спокойно признал Эргиан. — Я должен ответить прямо сейчас?

— Вовсе нет, — пожал плечами Алестар. — Но я не могу обсуждать с послом Карианда то, в чем попросил бы помощи своего советника. А положение дел таково, что промедление может ударить по всем королевствам моря.

— Знаете, ваше величество, — с вымученным смешком сообщил Эргиан, возвращаясь к прежнему ехидному тону, — вы сейчас очень сильно оскорбили весь свой остальной Совет. Получается, что они вам помочь не могут? Или не хотят?

— Половину нынешнего Совета я бы с радостью разогнал к муреньей прародительнице, — раздраженно бросил Алестар. — Но не могу. Вторая половина просто не в силах помочь. У отца был Руаль. Мне противно об этом даже думать, но отец полагался на него многие годы, и до последнего времени не было причин об этом жалеть. Мой Совет хорош в хозяйственных делах. Военных, политических... Но сейчас в Акаланте творится такой сон глубинных богов, что я не могу приплыть за помощью ни к кому из них. Разве что к Ирталю, но даже ему нельзя знать всего.

— А мне — можно? — насмешливо вскинул брови Эргиан, но глаза у кариандца остались невеселыми.

— А вы и так уже знаете самую страшную тайну Акаланте, — в тон ему ответил Алестар. — Кстати, вы всего третий, кроме меня и Джад. Так что если секрет станет известен кому-нибудь еще...

Эргиан сосредоточенно крутил в пальцах рубин — точную копию того, который Джад видела

на груди Алестара, и тоже фальшивку. На скрытую угрозу короля Акаланте он лишь отмахнулся:

— Да понимаю я. Это ведь вторая копия, так? Здесь нет отверстия для туарры, а внутри светится что-то другое... Откуда он? Впрочем, молчите. Весь дворец гудит, что тир-на Алестар вернулся с поверхности и притащил раненого человека. Госпожа Джиад обеспокоена настолько, что играет в тосу гораздо хуже обычного. Ваши гвардейцы не отвечают на самые безобидные вопросы. Кстати, скажите им, что это зря. Большие тайны нужно прятать за легкой болтовней, сами по себе они слишком заметны. И возле вулкана вы говорили, что рассчитываете вернуть Сердце в самом скором времени. Но снова получили копию. М-м-м-м... Аусдранг? Торвальд?

— Я вот думаю, — мрачно сказал Алестар, — зачем мне при дворе настолько умный посол Карианда?

Эргиан оценил его признание смешком и взглянул на Джиад. А потом одним движением руки смел с доски камешки, перемешав их, и спросил:

— Вы хорошо помните позицию, амо-на?

Джиад молча кивнула.

— За сколько ходов я бы выиграл?

— За шесть, — спокойно отозвалась она. — Вы бы выиграли за шесть ходов, тир-на Эргиан. Именно для этого вы сделали два последних — чтобы дать мне отыграть северную сторону и протянуть время. Показать?

— Не надо, — усмехнулся карианец. — Но вы меня не поправили, когда я сказал про пять. Играть с вами было истинным удовольствием, амо-на, и я скорблю, что скоро лишусь его. Кстати, как скоро? Полагаю, теперь вас несколько задержит раненый?

— Это ненадолго, — улыбнулась Джиад одними губами, надеясь, что карианец ничего не прочтает по ее глазам. — Вы же слышали, его величество не намерен разрывать договор с Карианом.

— Догово-о-о-ор... — протянул Эргиан и позволил рубину свободно упасть в ту же коробку, где лежали камешки для риши.

Черные и белые камни — и среди них огромная багровая капля неправильной формы. «Кровь Матери Море смешалась с кровью первого короля Акаланте, — вспомнилось Джиад. — И даже глубинные боги устрашились...»

— Если ваша тайна выплывет наружу, тир-на Алестар, — сказал Эргиан задумчиво, — не спешите обвинять в этом меня. Ведь был еще и тот, кто сделал копию Сердца для короля Аусдранга. Кстати, зачем?

— Это спрашивает посол Карианда или советник Акаланте? — спросил Алестар, доставая рубин из коробки и тоже, в свою очередь, крутя его в пальцах.

— Это спрашивает тот, кому по-прежнему не хочется стать королем вашего дивного города, — парировал карианец. — Кто еще не отправил домой ни одного донесения сверх обычных писем учтивости и пока не собирается этого делать.

— А также тот, кто спас меня возле вулканов и проголосовал за невиновность моей избранной, — с той же холодной и горькой усмешкой уточнил Алестар. — Я все это помню, тир-на Эргиан. Но вот вопрос... А вашему отцу и повелителю тоже не хочется, чтобы вы стали королем Акаланте? Не торопитесь отвечать. Мы ведь оба понимаем, что ваши желания на самом деле не имеют никакого значения, как и мои. Я заключаю брак с Маритэль, потому что так нужно моей родине. А что вы сделаете для Карианда?

— Все, — еле слышно уронил глубинник. А потом, помолчав, добавил бесцветным, как его обычная серая туника, голосом: — Знаете, ваше величество, я попрошу у вас пару уроков гонок на салту. Возможно, это не столь бессмысленное занятие, как мне ранее представлялось.

— Согласен, — без улыбки кивнул Алестар. — Если взамен вы поучите меня играть в тосу. У нас будет интересная мирная жизнь, тир-на Эргиан, если мы до нее доживем. У короля Торвальда была фальшивка, но он искренне верил, что обладает настоящим Сердцем Моря.

Верил настолько, что поставил на эту веру все — и проиграл. Но вы правы, копию для него кто-то сделал. И пока я не узнаю — кто, я не вправе доверять никому. Хотя мне бы очень хотелось доверять вам, Эргиан.

— Я подумаю над этим, ваше величество.

Принц-глубинник оттолкнулся хвостом от ложа и всплыл над ним, отвесив безупречный почтительный поклон сначала Алестару, потом Джиад.

Когда за кариандцем закрылась дверь, рыжий обессиленно растянулся на ложе, только голову повернул к Джиад. Помолчал немного и спросил:

— Как себя чувствует твой... друг?

— Он спит, — невольно насторожившись снова, ответила Джиад. — Целители говорят, что рана не опасна, но какое-то время ему придется провести в постели. Я... очень благодарна вам за помощь, тир-на.

— Не стоит благодарности, — безразлично отозвался Алестар. — Я не буду притворяться, что мне приятно его присутствие, но помню, что обязан ему твоей жизнью.

— Вы — моей? — не удержалась она.

Повернувшись набок, Алестар откинул с лица выбившиеся из косы короткие пряди и внимательно посмотрел на Джиад.

— Ты хотела уплыть как можно скорее, да? Вместе с ним...

Он не спрашивал, а утверждал, и Джиад молча кивнула, изнывая от той же самой непонятной глухой тоски. Вернувшись, Алестар не сменил тунику, которую надел с утра. Ту самую, что снял вечером, ложась с Джиад в постель, чтобы разорвать запечатление. Память предательски подсказывала, что ночь они провели вместе. И не только за тем, вспоминать о чем было сладко и горько одновременно, они ведь еще просто спали... Спали в объятиях друг друга, как обычные любовники. Доверяя не только тело, но и нечто более тонкое, зыбкое, мимолетное.

И Алестар ни словом не напоминал об этом, только его взгляд, жадный и тоскливый, все время тянулся к Джиад, когда рыжий думал, что это незаметно. Чутьем стража она ощущала постоянное внимание, словно прикосновение, но не липкое и неприятное, как можно было бы ожидать, а сходное с ровным теплом от горящего очага, в который ты не подбрасываешь поленья, потому что это делает кто-то другой. Тебе же достается только тепло...

Да, Алестар не напоминал, не намекал, не предлагал... И следовало поскорее забыть об этой ночи, окончательно стершей последние следы ненависти и вины между ними. Пусть все так и остается, постепенно превратившись в тихую грусть, которая когда-нибудь вернется к Джиад одиноким холодным вечером далеко отсюда, в Храме или доме очередного нанимателя... Потому что расставаться с такой огромной частью собственной жизни всегда грустно, и Джиад знала, что не сможет забыть ничего, случившегося с ней в Аусдранге и Акаланте. Да и не захочет. Эта боль принадлежала ей, делая ее сильнее, потому что Джиад прошла сквозь нее, как меч проходит сквозь огненное горнило и ледяную воду для закалки. Проходит, чтобы обрести силу и упругость, которые не получить иначе.

— Теперь придется немного подождать, — спокойно, словно размышляя, сказал Алестар. — Я сегодня же велю Ирталю узнать через наших слуг наверху, что в Аусдранге говорят о смерти Торвальда. Наверное, твоего друга будут искать?

Джиад снова молча кивнула.

— Значит, вам не стоит возвращаться в Аусдранг?

— Я не знаю, — отозвалась она. — Мне нужно поговорить об этом с Лилайном. У него в Аусдранге остался отряд, там люди, за которых он отвечает. А мне нужно вернуться в храм.

— Чтобы отправиться к новому нанимателю? — в голосе рыжего прорезалось что-то, нешуточно похожее на злость. — Вроде Торвальда? Или короля Карианда? Он как раз успеет сговориться с твоим храмом.

— Ваше величество, я страж. И это — моя жизнь, — напряженно сказала Джиад, которой очень не понравилось, какое направление принимает разговор. — Вы сказали, что дадите мне

свободу.

— Дам, — кивнул Алестар.

Взяв со стола гребень, он быстрыми нервными движениями расплел косу и принялся ее расчесывать, беспощадно раздирая спутавшиеся пряди.

— Только я дам тебе настоящую свободу, — бросил он, не глядя на замершую в ожидании Джад. — Думаешь, я не понимаю, о чем говорил этот глубинный маару? Могу поспорить, если я решу заключить договор с твоим храмом, чтобы ты стала моим стражем, Карианд не будет слишком возражать. Эргиан изо всех сил намекает, что... Ладно, неважно.

— И... что вы собираетесь делать? — похолодела Джад, вдруг понимая, какую безумную идею могла подать рыжему болтовня Эргиана.

Очень расчетливая болтовня — следовало признать.

— Выкупить тебя, — буднично подтвердил ее страх Алестар. — Я же обещал, помнишь? Не для себя, конечно... Монеты уже готовят — я велел казначею рассчитать все в золоте, чтоб не возиться с серебром.

— Благодарю...

Дыхание все-таки перехватило, и в этот миг Джад окончательно поверила, что ее отпустят. И не просто откроют клетку и снимут ошейник, а вернут крылья, которых ее душу лишило предательство Торвальда. Вот так просто! Чем отплатить за подобное, она не знала, да и счетов между ней и Алестаром накопилось столько, что если их разбирать... Так что к демонам все прежние счета, сейчас ее заливала искренняя горячая благодарность, для которой Джад даже слов подобрать не могла. Да, Кариалл предлагал нечто подобное, когда нуждался в ее помощи, но то было в уплату за оскорбление, и Джад никогда не оценила бы свою честь и гордость даже по таким высоким ставкам. Алестар пообещал неизмеримо больше! Он не хотел заплатить стражу, которого собирался оставить себе, он давал Джад свободу!

И... не об этом ли говорил Малкавис? Не это ли он обещал? «Единственный путь стать свободной — посмотреть в глаза собственному страху и слабости», — вспомнились Джад слова, услышанные в забыты. Значит, она выполнила условие бога? И теперь станет воистину свободна?!

— Не за что, — невесело улыбнулся Алестар, отводя взгляд. — Это меньшее, что я могу сделать. Только не торопись, прошу. Отправить в храм деньги — еще куда ни шло, это могут устроить наши слуги на берегу. Но тебя мне им доверять не хочется. Или нужно найти действительно надежных спутников. Пусть твой... друг очнется, может, он что-то посоветует.

— Да, конечно, — поклонилась Джад.

А рыжий ведь останется со своими бедами один. Та же неясная тоска, что мучила ее все утро, не отступала, грызла потихоньку, царапала сердце, как дурная злая кошка... Да, это дела иреназе, Джад они не касаются. С самого начала не касались! Она и так сделала, что могла, став Алестару стражем, пока жила здесь. Интриги и заговоры советников, покушения, глубинные боги и их прислужники — все это не ее дело! Да Алестар и сам не просит помощи. Бывшая избранная ему ни в коем случае здесь не нужна, это станет оскорблением настоящей невесты! Маритэль вот-вот приплывет, остались считанные дни... И даже то, что придется задержаться из-за раненого Карраса, может вызвать неудовольствие кариандцев, на что бы там ни намекал Эргиан... Ведь все так, верно?

Ну и что же тогда Алестар смотрит, словно у него сердце пополам рвется, а губы принца держат вежливую улыбку, как приклеенную? Они ведь уже не связаны запечатлением — зачем эта ложь? И разве могут лгать глаза? Это ведь не клятвы...

— Простите, ваше величество, — проговорила Джад, изнывая от еще более непонятной, чем тоска, вины. — Мне нужно навестить Лилайна. Если он уже проснулся, я хочу узнать у него... про перстень.

— Да, конечно, — кивнул Алестар, запуская пальцы в коробку и бездумно пересыпая камешки риши. — Возвращайся потом, нам тоже есть о чем поговорить. Я надеюсь, эти несколько дней, что ты еще будешь здесь, ты не откажешь мне в советах? Ты ведь тоже, — старательно улыбнулся он, — мой советник. Тринадцатая каи-на Акаланте.

И от этой вымученной улыбки Джиад окончательно сбежала, уговаривая себя, что ничего страшного — это просто у рыжего привычка. Или запечатление уходит не сразу, а как болезнь, от которой выздоравливаешь постепенно. Пройдет. Приплывет Маритэль, и Алестар забудет даже Кассию, не то что связанную с ним дурным случаем двуногую.

«Но он не забыл Кассию, когда был запечатлен с тобой, — возразил тихий упрямый голос ее „внутреннего я“. — Значит, настоящей любви запечатление не помеха?»

«Так это любви, — невесело усмехнулась Джиад, подплывая к двери комнаты рядом со своей спальней, где устроили Лилайна. — Я-то здесь причем? Вот рассчитается его величество окончательно со мной и со своей совестью — и сможет жить спокойно. И пусть. Пусть хотя бы от потери Кассии излечится — от души ему желаю. Пусть будет счастлив с Маритэль и постарается сделать ее счастливой. Это жизнь, Джи. Что-то теряешь, а что-то находишь...»

Но последние слова прозвучали в памяти насмешливым голосом Торвальда, любившего эту поговорку, и Джиад вздрогнула, прежде чем открыть дверь.

Лилайн уже не спал. Увидев Джиад, он попытался привстать из кучи подушек, на которые опирался, но тут же снова неуклюже опустился в них и поморщился от боли.

— Лежи! — торопливо попросила она, подплывая и опускаясь рядом. — Ради Малкависа, не дергайся. Как ты?

— Живой, — усмехнулся Каррас, глядя на Джиад лихорадочно блестящими глазами. — А ведь думал, из этой передрыги уже не выберусь. Ты-то сама как?

Он протянул здоровую руку, и Джиад легонько сжала горячие пальцы — у алахасца был жар.

— У меня все хорошо, — сказала она чистую правду. — Я здесь почетная гостья. И что-то вроде леди... Прежний король наградил меня титулом за... Долго рассказывать — давай потом? Лил, они наверняка свалят смерть Торвальда на тебя, понимаешь?

— Еще бы, — вымученно усмехнулся алахасец. — Не признаются же, что сами его порешили. А, плевать. Потеряв голову, о серьгах не жалеют, верно? Гостья, значит? И долго тебе еще... гостить?

— Уже нет, — вздохнула Джиад. — Пока ты не выздоровеешь. И пока не решим, что дальше делать. В Аусдранг тебе нельзя — схватят. Лил, прости... Это я втянула тебя во все это.

Она опустила взгляд к руке алахасца, которую держала. Сильные темные пальцы казались странно тонкими, будто похудевшими, да и лицо Карраса заострилось, а в вырезе рубашки виднелись темные следы на ключицах — то ли шрамы, то ли ожоги.

— Глупости, — улыбнулся тот, мгновенно став прежним Лилайном Каррасом — отважным и азартным. — Что-что, а вляпаться во всякое я и сам умею. Джи, тебя... здесь точно не обижают?

Джиад покачала головой, растерянно подумав, сколько же придется рассказать Лилайну, чтобы алахасец понял, насколько все изменилось с прошлого раза, когда она была пленницей. И непонятно, что именно можно рассказывать, ведь многое — тайна акалантцев.

— Точно, — улыбнулась она. — Я же говорю... Лил, ты быстро поправишься. Здесь отлично лечат, гораздо лучше, чем на земле. И мы сможем... Боги, как же я по тебе соскучилась!

Подчиняясь порыву, она подняла руку алахасца выше, прижалась к ней щекой и замерла, прикрыв глаза. Лилайн... живой! Какое счастье — сознавать, что прямо сейчас им ничто не угрожает. Что можно побыть вместе, поговорить, прикоснуться...

— А нынешним королем у хвостатых, значит, тот самый принц, что тебя... — услышала она напряженный и не по-хорошему холодный голос алахасца.

— Забудь, — поспешно сказала Джиад, вздрогнув. — Просто забудь, ладно? Он...

И вот как объяснить, что Алестар не просто выпросил прощение? Несколькими неделями раньше Джиад сама бы не поверила, скажи кто-то, что она простит рыжего. По-настоящему простит, от души. И что сам иреназе изменится настолько, что пропасть между нынешним Алестаром и тем жестоким испорченным мальчишкой станет глубокой, как эта их Бездна.

— Я его простила, — сказала она наконец, сама понимая, как глупо и фальшиво это звучит,

потому что словами, как обычно, всей сути не передашь. — Действительно простила, клянусь. Он... это заслужил.

— Простила?

Недоверчивое изумление и гнев в голосе Карраса ударили Джад, словно плетью.

— Ты? Простила эту тварь?

Джад прикусила губу изнутри, и боль отрезвила, напомнила, что для Лилайна не было ничего, что случилось между нею и Алестаром. Наемник просто не понимает. Но ради Малкависа, пусть не смотрит так! Да, Джад виновата перед ним. Она ушла в море, чтобы заслужить собственную свободу то ли у богов, то ли у судьбы. Бросила Карраса... И в том, что Лилайн попался Торвальду, есть вина Джад — тяжелая, невыносимо горькая вина... Но ведь все не так, как думает Лилайн! А это он еще не знает, кем здесь Джад считалась до вчерашнего дня. Ведь только утром она сняла браслет избранной. Можно не сомневаться — вскоре кто-нибудь проболтается. И как тогда смотреть Каррасу в глаза? Особенно, когда наемник узнает об обещании Алестара выкупить Джад у храма. Что он об этом подумает?!

— Не суди, не зная, — попросила она тихо. — Прошу, Лил, не суди ни его... ни меня. Очень много всего случилось, пока я была здесь. Да и раньше... Сейчас он не враг ни мне, ни тебе. И он здесь король, не забывай. Да не в этом дело... Говорю же — я его простила. Значит, было за что, поверь мне...

— Ладно, как скажешь... — медленно сказал Каррас, не сводя с нее удивленного и недоверчивого взгляда. — А ты изменилась, Джи. Только не пойму — в чем. Значит, уверена, что нас отпустят?

— Он обещал, — кивнула Джад. — А короли иреназе слово держат, сам знаешь. Только сначала тебе нужно вылечиться. Здесь можно жить, Лил. Не очень удобно и вообще странно, однако можно. Не беспокойся ни о чем, выздоравливай...

И снова собственные слова звучали фальшиво, аж ухо резали. Но Каррас прикрыл глаза, наверное, больше от недостатка сил, чем поверив Джад. Его рука так и сжимала ее пальцы, и размыкать это касание не хотелось. Может, все-таки обойдется? Только бы они с рыжим не сцепились!

— Лил, — позвала она наемника, отчаянно мучаясь виной, что не дает тому отдохнуть спокойно. — Помнишь, я тебе оставила вещи? Там еще сапоги были...

— Ты про перстень? — не открывая глаз, уточнил Каррас, как всегда понимая с полуслова. — Его величество Торвальд очень хотел его вернуть. Все спрашивал...

Он усмехнулся, и усмешка вышла такой злой, что у Джад тревожно и виновато заныло сердце.

— Знаешь, — проговорил Каррас, помолчав, — я ведь рассказал все. Там умеют допрашивать. Сначала думал, что уж я-то устою... Но это длилось и длилось. Сначала часы, потом дни, потом... время вообще исчезло. И я выложил все, что мог. Да мне и рассказывать особо нечего было. Как снова встретились, как жили... в лесу. Но ему был нужен только перстень. Он быстро понял, что я его видел. И я рассказал... про сапоги.

— Понимаю, — сказала Джад, ничего, впрочем, не понимая.

Если Торвальд узнал, где лежало кольцо, почему не забрал? Ох, да плевать сейчас на перстень! Она отдала бы все драгоценности на свете, лишь бы стереть горькую усмешку с губ Лилайна и растопить холод в его голосе. Холод унижения и вины.

— Нет, — спокойно возразил Каррас, по-прежнему не открывая глаз. — Не понимаешь. Я рассказал про сапоги. Их нашли, я их в «Лысом еже» оставил, как и все остальное. Ты прости... за мечи. Их тоже забрали. Но каблук был уже пустой. И потом... когда стали спрашивать опять... Я сломался. Я очень старательно сломался, Джи. Орал, умолял, клялся, что не знаю. И он поверил. Поверил, что перстень то ли у тебя в море, то ли ты его спрятала где-то. Ты же нашла, да?

Он говорил в полузабытьи, и сердце Джад рвала на части вина и гордость за то, что Лилайн даже под пыткой обманул палачей. Победил и боль, и страх, спасая то, что она доверила ему. Хотя, видит Малкавис, лучше бы Каррас отдал перстень! Но тогда, скорее всего, Торвальд казнил бы ненужного ему наемника.

— Нет, — покачала она головой. — Не нашла. Спи, Лил. Потом расскажешь. Все хорошо, слышишь?

— Как... не нашла... — заплетающимся языком удивился алахасец. — Я же отправил его... тебе. Пряжка, она же... вот... Внутри...

Не договорив, Лилайн окончательно обмяк среди подушек, а Джад, бережно положив его руку на покрывало, тронула пряжку, присланную Торвальдом в доказательство, что Каррас у него. Ту, которую так и носила на вороте рубашки. С которой плавала на встречу, ставшую для короля Аусдранга смертельной, даже не подозревая, что перстень — вот он, только руку протяни.

Теперь Джад понимала, почему пряжка такая тяжелая. Она отколола ее с рубашки, взвесила на ладони, перевернула. Круглая и толстая... Как же открыть? Но сейчас, когда она смотрела, зная секрет, все оказалось легко. Просто нажать и сдвинуть!

Задняя стенка отошла, и на ладонь Джад выпал, сверкнув мрачным кровавым огнем, королевский перстень Аусдрангов.

— Ну и как без него взойдет на трон следующий король? — прошептала она. — Может, теперь наша очередь поторговаться?

В дверь постучали — торопливо и властно. Джад кинулась туда, чтобы стук не разбудил Лилайна, открыла — и замерла. За порогом в коридоре был Алестар, и одного взгляда на лицо принца хватило, чтобы понять — беда.

На перстень в ее руках Джад рыжий глянул мельком. А потом сказал с тихим мучительным отчаянием:

— Ты мне нужна. Прямо сейчас. Маритэль пропала. Ее караван пересек нашу границу, их видели со сторожевого поста. Но до Акаланте никто не доплыл.

Глава 2. Слово короля — честь всего моря

— Принц Эргиан уже знает? — быстро спросила Джаад, плывя рядом с иреназе.

— Нет, — бросил Алестар. — Но это ненадолго. Притом, от него я скрывать не собираюсь. Все равно правда всплывет, и как тогда она будет выглядеть? Пока что знают Иратель и советник Тумалас, который занимался подготовкой ко встрече. Гвардейцы Ирателя должны были встретить караван у второго пограничного поста, но напрасно прождали несколько часов и поплыли навстречу. Там ничего нет, понимаешь? Пустое дно! Ни тел, ни обломков, ни следов крови в воде... Три дюжины иреназе на салту, грузовые звери и их поклажа... Все будто растворилось!

Он толкнул дверь, привычно открывая ее перед Джаад, и проплыл следом. Раздраженно виляя хвостом, опустил на ложе и запустил пальцы в волосы, растирая виски.

— Разве так может быть? — осторожно спросила Джаад, устраиваясь рядом. — Если на них напали...

— Даже если бы охрану перебили, вода долго помнит кровь. Очень долго. Если бы там убили хотя бы одного иреназе или салту, гвардейцы бы это почувствовали. Нет, караван просто... исчез! И я не знаю, какая сила на это способна!

— А вам хорошо известна эта местность? — продолжала допытываться Джаад, пытаясь быть хоть сколько-нибудь полезной. — Есть какие-нибудь карты?

— Да, конечно...

Алестар тяжело вздохнул и поднял на неё мрачный взгляд.

— Сейчас пошлю за картой и свидетелями. Ну, и за теми, кого это касается. Джаад, пока здесь нет кариандца... Беда не только в том, что Маритэль пропала. Это звучит мерзко, я понимаю, но настоящая беда в том, что она пропала, когда пересекла нашу границу. От Карианда до Акаланте много дней пути, причем довольно опасного, не зря у принцессы была такая охрана. А проплыви караван немного дальше, там начались бы наши населенные владения, где полно охотников и собирателей водорослей. Там кариандцы были бы все время на виду, понимаешь?

— Кажется, да, — кивнула Джаад. — Они исчезли в последнем глухом месте, но именно на вашей стороне? И теперь Карианд вправе обвинить вас?

Алестар молча кивнул.

— А почему их не встретили на самой границе? — поинтересовалась Джаад. — Почему только у второго поста?

— Сейчас увидишь карту — поймешь, — безнадежно махнул рукой Алестар и дернул рычаг, вызывая слуг...

Иратель прибыл первым, он наверняка ждал вызова, а вместе с ним в комнату Джаад, внезапно ставшую королевским кабинетом, вплыли двое незнакомых иреназе, одетых в одинаковые темные туники и пояса с ножнами непривычной Джаад формы — узкими и длинными. Приложив ладонь к сердцу, все трое поклонились Алестару и замерли, едва шевеля хвостами.

— Я выслушаю ваш рассказ через несколько минут, — негромко сказал рыжий, неувовимо меня интонацию голоса, и Джаад сразу вспомнила старую мудрость, что властелина делает его свита. — Каи-на Иратель, советника Тумаласа предупредили о молчании?

— Да, ваше величество, — поклонился начальник охраны. — Как и всех, кто имел к этому делу какое-то отношение.

— Хорошо, — кивнул Алестар и почему-то покосился на Джаад, но тут же отвел взгляд.

Ей и самой было неловко снова вмешиваться во внутренние дела иреназе, так что Джаад бы поняла, вели ей Алестар уплыть. Но рыжий молчал, а Иратель, похоже, привык к постоянному присутствию жрицы, потому что ни словом, ни взглядом не выказал, что его это беспокоит.

Дверь в очередной раз открылась — приплыли принц Эргиан и его начальник охраны. Окинув всех быстрым внимательным взглядом, принц поклонился Алестару, словно они и не

расстались совсем недавно. Теперь в спальне стало довольно тесно, и Жи, недавно приведенный с прогулки, недовольно завопил в клетке, что-то проурчав уже совсем не детским писком — посторонних салру не любил. Один из гвардейцев загляделся на Джад, но тут же опомнился и снова принял бесстрастно-почтительный вид.

— Тир-на Эргиан, — медленно сказал Алестар, немного меняя позу — из всех, кто был в комнате, только они с Джад устроились на постели, отчего Джад было тем более не по себе. — Я прошу вас внимательно и спокойно выслушать, что расскажут мои солдаты. И верить, что Мать Море милостива и справедлива.

Кариандец кивнул, а Алестар махнул гвардейцам, и тот, у которого туника была украшена блестящей узкой полосой рыбьей кожи поперек груди, немедленно заговорил:

— По приказу его величества, да продлит его дни Мать Море, мы ожидали прибытия кариандского каравана...

Джад слушала, не забывая посматривать на присутствующих, но лица у иреназе были каменные, только Эргиан на глазах побледнел, когда гвардеец описывал совершенно пустое дно и чистую воду там, где должен был проплыть караван. Большинство подробностей, названных солдатом, Джад ничего не говорили. Она только поняла, что караван плыл по ущелью. Разве под водой бывают горы? Хотя... почему нет? Вулканы же имеются. Карта, принесенная по приказу Алестара, так и лежала между ними на постели, свернутая в трубку, и разворачивать ее сейчас было неловко. Когда гвардеец замолчал, Алестар повернулся ко второму:

— Можешь добавить что-нибудь?

— Нет, ваше величество, — отрапортовал тот. — Именно так все и было.

— Я... могу спросить? — раздался настолько спокойный голос кариандского принца, что Джад стало не по себе.

Алестар кивнул.

— Вы сказали, — не сводил глубинник пристального взгляда с гвардейцев, — что в воде не было крови.

— Воистину так, тир-на, — отозвался старший, а его подчиненный кивнул.

— А что-нибудь другое? Непривычный вкус, например?

— Нет, тир-на. Но мы оказались там часа через четыре после того, как должен был проплыть караван. Вода бы успела очиститься от обычной мути, которую поднимают салту.

— А рыбы или маару? Они не беспокоились больше обычного? — попытался Эргиан. — Неужели вы не увидели ничего странного?

Капитан снова ответил, что нет, однако второй гвардеец замялся. Джад уже хотела обратить на это внимание, но Эргиан и сам увидел:

— Ну же, — мягко попросил он. — Говори...

— Да это, наверное, глупость, тир-на...

Под всеобщим вниманием воин совсем смешался, потом вздохнул и объяснил:

— Вода там и вправду чистая была, Матерью Море клянусь. И рыбы не беспокоились. А вот вы сейчас про странное сказали... на самом входе в ущелье водоросли пожелтели. Ну, словно там дыхание Глубинных прорвалось, спаси нас Мать Море от их гнева. А только... там же нет горячих источников, и никогда не было. Да и пожелтели они несильно, я глянул — и забыл...

— Благодарю тебя за внимательность, — сказал Эргиан. — Значит, у самого входа? На дне или на скалах?

— На скалах, тир-на, — не раздумывая, отозвался солдат. — И не с нашего края, а с того, что ближе к границе.

— Ваше величество, у меня больше нет вопросов, — склонил голову глубинник.

— Иратель, я жду любых известий, а пока вы свободны, — хмуро бросил Алестар, и начальник охраны, снова поклонившись, уплыл вместе с подчиненными. — Тир-на Эргиан, ваш спутник...

— Реголар, оставь нас, — кивнул принц, и Джад снова ждала, что кто-нибудь вспомнит и про нее, но глубинник только посмотрел в ее сторону — и промолчал.

Кариандец выплыл вслед за Ирателью и гвардейцами, так что в комнате остались трое: Алестар, Эргиан и Джад.

— Вы что-нибудь поняли с этими водорослями? — нетерпеливо спросил Алестар, но Эргиан покачал головой:

— Увы, пока нет. Но любая странность может навести на след, и даже таким пустяком нельзя пренебречь. А что вы думаете о случившемся, тир-на?

— Я не знаю, что думать, — зло отозвался Алестар. — Вы же понимаете, что Акаланте нужен этот брак так же, как и Карианду? И я...

Он осекся, опять посмотрев на Джад — это уже начало слегка раздражать — и махнул рукой.

— Ваше величество, может, мне не следует здесь находиться? — вежливо поинтересовалась Джад. — Если позволите, я вас тоже оставлю.

— О нет! — быстро сказал Эргиан прежде, чем Алестар успел открыть рот. — Напротив, каина, я прошу вас не уплывать.

Взгляды двух иреназе — удивленный у Алестара и напряженно-бесстрастный у кариандца — скрестились, подобно клинкам. Джад словно услышала внутренним чутьем этот лязг и напряглась, изнывая от неловкости. Зачем она понадобилась Эргиану? Именно сейчас...

— Вы что-то знаете, — утвердительно сказал Алестар, глядя кариандцу в глаза. — Все эти расспросы о воде, рыбах и водорослях... Говорите!

— Я ничего не знаю, — сквозь зубы процедил глубинник. — Не больше вас, во всяком случае...

Он первым отвел взгляд, а Джад осторожно потянула к себе тугой сверток карты, перевязанный кожаной лентой, и развернула его. Оба иреназе повернулись к ней со смущенной торопливостью, будто пользуясь возможностью замолчать. Алестар плеснул хвостом, давая Эргиану место, и тот подвинулся ближе к кровати, но не опустил на нее, а повис сверху, легко пользуясь плотностью воды, как все иреназе.

Джад взглядела в темные линии и пятна, покрывающие большой кожаный лоскут. Водостойкие чернила в морском королевстве делали на совесть, как и следовало ожидать, и раскрашенная в несколько цветов карта оказалась на удивление понятной. Похожие Джад видела у лоцманов, отмечающих мели и рифы, чтобы провести среди них судно. Буквы, правда, были ей совершенно не знакомы. Интересно... А ведь иреназе и люди побережья говорят на одном языке, почему же пишут по-разному?

Но сейчас не до того. Она без труда нашла на карте Акаланте с крошечным рисунком королевского дворца, отыскала Арену и столь памятные вулканы на границе с Суаланой... По ним шла четкая темно-синяя линия, наверняка обозначающая эту самую границу. Так, а дальше...

— Вот здесь, в закатной стороне, — негромко подсказал Алестар, указывая на правый край карты. — Видишь горы?

Джад кивнула. По всему выходило, что горный хребет Аусдранга сползает в море и продолжается на дне, окаймляя запад Акаланте. А вот это, значит...

— Ущелье? — спросила она, указывая на место, где цепь подводных скал прерывалась.

— Оно самое, — кивнул рыжий. — Вот здесь — первый пост. Потом длинное ущелье между двумя скалами, а там, где оно заканчивается — второй пост. Между ними караван и пропал.

Он покосился на безмолвно следящего за ними Эргиана и раздраженно потянул кончик косы, пропустив его между пальцами. Глубинник глянул на карту, но сразу же поднял взгляд, посмотрев на Алестара и лежащую слишком близко к рыжему Джад.

— Вы ведь понимаете, тир-на, — сказал он тусклым холодным голосом, так не похожим на его

обычный живой и насмешливый тон. — Что бы ни случилось с Маритэль, договор о переселении это не изменит. Маритэль — всего лишь младшая принцесса от наложницы, мой отец легко найдет ей замену. Возможно, у той принцессы не будет человеческой крови, но если понадобится, Карианд пришлет несколько претенденток на... место вашей супруги. Столько, сколько будет нужно. Рано или поздно запечатление случится. Мы не можем позволить себе потерять этот союз.

— Перестаньте! — яростно выдохнул Алестар. — Я не собираюсь принимать замену Маритэль! Во всяком случае, не раньше, чем буду уверен в ее гибели. Так и передайте своему королю!

— Я могу твердо рассчитывать на это, ваше величество?

Голос Эргиана неуловимо изменился, в нем зазвучали прежние яркие нотки, и Джад показалось, что кариандец даже вздохнул свободнее.

— Можете, — буркнул Алестар. — Хорошо же вы обо мне думаете.

— Не о вас, тир-на, — невесело усмехнулся глубинный принц. — Поверьте, о вас я думаю гораздо лучше, чем о многих моих родичах. Акаланте слишком избалован долгим благодеянием. Иметь всего одного наследника! Вы даже не представляете, какая это роскошь! И каково быть одним из дюжины королевских отпрысков...

— Хотел бы я иметь братьев, — вздохнул Алестар. — И желательно — старших. Эргиан, я могу поклясться, что караван с вашей сестрой будут искать со всем возможным усердием. Верить мне или нет — дело ваше.

— Рискну поверить, — склонил голову кариандец. — Но скрыть то, что случилось, от своего отца и повелителя я не смогу. Вы ведь тоже это понимаете?

— Будь у меня Сердце моря... — измученно выдохнул Алестар, снова растирая пальцами виски. — Я бы мог спросить саму воду, что там произошло.

— Но вы не можете, — ровно сказал кариандец, не спрашивая, а утверждая. — И это наводит на мысли, что кому-то была очень выгодна его пропажа. Король, лишенный Сердца, почти беспомощен. А у вас еще и тайная служба... собственный хвост поймать не способна. Тир-на, не пора ли рассказать мне, что здесь происходит?

Джад нутром почувствовала, как растет напряжение между двумя иреназе, снова глядящими в глаза друг другу. Алестар выглядел откровенно усталым и почти больным. Джад вдруг подумалось, что теперь, когда запечатление разорвано, рыжий не может подпитываться ее жизненной силой, а собственная его сила вряд ли восстановилась. Болезнь после расставания с Джад, смерть отца, укрощение вулкана... А еще — спасение Эрувейн, несколько попыток убийства, гарната, которой Алестара так долго травили... Но он держался, не позволяя себе ни малейшей слабости, насколько могла видеть Джад. Занимался королевскими делами, пытался распутать змеиный клубок, свившийся вокруг трона Акаланте, и еще находил минуту подумать о судьбе жрицы...

— Мы уже говорили об этом, — негромко сказал Алестар, не отрывая взгляда от лица Эргиана. — Карианд или Акаланте — вам выбирать. Или, если угодно, ваша сестра против... других родичей. Видят Трое, мне нужна помощь. Нужна так отчаянно, что я готов рискнуть и довериться вам, тир-на. Но отдаться на милость вашего отца... Вы же не считаете меня глупцом настолько, Эргиан?

— Не считаю, — глубинник снова растянул губы в невеселой усмешке. — Но выбор, о котором вы говорите... Не мне его делать. Мой отец не полагается на такие зыбкие и ненадежные вещи, как верность и честь своих детей. Если я нарушу его волю, моя жизнь продлится до тех пор, пока его не известят о моем непослушании. Знаете, в чем выгода иметь множество детей?

— Догадываюсь, — уронил Алестар. — Можно пожертвовать одним из них. Или двумя.

— Или двумя, — эхом согласился Эргиан, отводя взгляд и словно в задумчивости запуская пальцы в коробочку с фишками для тосу, так и лежащую на кровати. — Но я в самом деле не думаю, что это отец. Ему нужен брачный договор с Акаланте. Да, условие о человеческой крови невесты стало, скажем так, не очень приятной неожиданностью. Я точно знаю, что до этого на место вашей супруги предназначалась совсем иная моя сестра. Но лучше уж Маритэль, чем вообще не кариандка, а вы ведь могли найти супругу и в другом королевском доме. Так что отец будет в бешенстве. Возможно, он попытается использовать силу нашего Сердца моря, чтобы найти Маритэль. Но на это уйдет время... Слишком много времени.

Он помолчал в полной тишине, глядя на стену комнаты мимо Алестара и перебирая камешки тосу длинными тонкими пальцами, обманчиво слабыми на вид, но Джад помнила, что это лишь видимость — кариандец не боялся драки. Рыжий не торопил, молча ожидая, и вскоре Эргиан снова заговорил.

— Тир-на Алестар, я не могу обещать вам верности, потому что моя жизнь принадлежит не мне. Я не могу обещать вам дружбы — плохим я был бы другом, если бы начал эту дружбу с обмана. Но я умоляю вас о доверии. Не ради себя, а ради Маритэль. Она будет вам хорошей женой. Лучшей, чем любая из тех, кого пришлют ей на замену. Возможно, мне удастся упросить отца, чтобы он позволил мне остаться здесь. Тогда, клянусь, у вас не будет более преданного подданного. Но если нет... Я обещаю, что не выдам ни одной вашей тайны. Какова бы ни была цена — в этом я могу дать свое слово. А мое слово, как и ваше, честь всего моря.

— Вы... — Алестар закашлялся и смутился — тонкая кожа на скулах порозовела, и он глубоко вдохнул, прежде чем продолжить. — Вы настолько любите свою сестру, что готовы рискнуть ради нее всем? Милостью своего отца, клятвой королевской крови... Насколько — Эргиан?

По губам кариандца скользнула легкая и на удивление мягкая улыбка. Он поднял взгляд от фишек на Алестара, потом снова посмотрел на Джад и пожал плечами:

— В это трудно поверить, да? У нас один отец, но это единственное, что нас объединяет. Мы не были особенно близки в детстве... Что ж, раз уж сегодня — время темных тайн, я расскажу вам одну историю. Когда я говорил о дуэлях... Скажем так, я не соврал, разумеется, но... утаил кое-что. Дуэли у нас действительно запрещены. Однако если двое высокородных решили поохотиться в Бездне вдвоем, и вернулся лишь один из них, правду может выяснить только король, используя силу Сердца. А его величество далеко не всегда настроен это делать. Случается, что вернувшийся принесет гораздо больше пользы живым и благодарным за помилование, чем казненным за нарушение закона.

— Удобно, — хмуро бросил Алестар, меняя позу и будто невзначай облокотившись на колени Джад. — А как же родные погибшего? Разве они не просят справедливости?

— Справедливость — это король, — усмехнулся Эргиан, играя камешками. — Боги и в самом деле любят Акаланте, тир-на, если вам не приходится напоминать подданным то, что в Карианде общеизвестно. Если король посчитает нужным наказать победителя — он это сделает. Но карать того, кого пощадила Бездна... Это неуважение к ней, знаете ли. А мы чтим волю Бездны не меньше, чем королевскую. Так вот... Однажды, когда мне было лет на пять меньше, чем сейчас, меня вызвали на дуэль.

— Принца? — непритворно поразился Алестар. — Нет, я понимаю, конечно, что вас там и так дюжина, одним больше, одним меньше, но...

Он осекся, что-то увидев на лице Эргиана, а Джад досадливо поморщилась от такой опасной бесцеремонности — кариандец только разговорился, не следовало обижать его в такой момент.

— Извините, — виновато буркнул Алестар. — Я ведь правильно понял? Кто может вызвать на дуэль одного принца, если не...

— Другой, — спокойно подтвердил Эргиан. — О да, вы поняли верно. Я тогда был не только гораздо моложе, но и изрядно глупее. Мне очень хотелось заслужить одобрение отца, доказать ему свою ценность для семьи — и я старался изо всех сил. Проявлял недюжинное рвение в делах, всячески выказывал способности... А они у меня есть — и вполне неплохие. Одобрения отца я добился, но вместе с этим привлек к себе слишком много внимания. Один из моих братьев решил, что слишком бледно смотрится рядом со мной, да и вообще отцовское благоволение гораздо выгоднее делить на... меньшее число сыновей. Подозреваю, что так решил вовсе не он, а кое-кто другой из моих братьев, достаточно умный, чтобы остаться в тени, но это уже неважно. Важно, что меня пригласили на охоту... с которой я не должен был вернуться. Дуэль в Бездне — это не совсем поединок двоих. Это всегда поединок двоих и Бездны. Часто побежденный погибает не от клинка или лоура победителя — его убивает упавшая скала или темнота, в которой он оказывается без туарры. Если есть кто-то, способный найти тебя и вывести наверх, ты выживешь. Но даже возьми я кого-нибудь с собой... Их просто ждала бы та же участь. И отец никогда не наказал бы одного из принцев за убийство другого. Во всяком случае, публично.

— И как вы выкрутились? — мрачно спросил Алестар.

Его хвост прильнул к ногам Джад слишком тесно, чтобы это было случайностью. Джад

попыталась осторожно отодвинуться, но рыжий, не глядя на нее, вильнул хвостом и бесцеремонно уложил его поверх коленей Джаад, а потом еще и хвостовой плавник подсунул с другой стороны, обвив ноги жрицы. И все это с таким невозмутимым и рассеянным видом, словно сам не замечал!

— Маритэль меня предупредила, — спокойно ответил Эргиан, пересыпая камешки из ладони в ладонь плавными отточенными движениями. — Ее никто не принимал в расчет, все видели в ней лишь очаровательную глупышку, не способную ни на что сложнее, чем заплести красивую косу. Но она услышала случайную обмолвку одного из придворных и поняла, чем мне грозит эта охота. Она очень рисковала, предупреждая меня... Если бы я все-таки погиб, а ее участие стало известно, ей бы тоже не поздоровилось. Она же всего лишь младшая принцесса от наложницы, таких у нас даже не дюжина, а больше. Но она рискнула — и мне пришлось выжить ради нас обоих. А для этого — убить своего старшего брата Эриалла.

Алестар резко вздохнул, и его хвост сильнее сжал ноги Джаад. Это было бы неприятно, но Джаад вдруг поняла, что рыжий в самом деле не замечает, что делает. Он просто потянулся к Джаад, как делал это раньше — еще при запечатлении. Но почему?! Привычка? Или что-то пошло неверно и ритуал не сработал?!

— Но раз уж вы здесь... — сказал Алестар хмуро, — все получилось?

— Да, — кивнул Эргиан. — Я знал, что даже если чудом убью Эриалла в поединке, меня прикончит его свита. В лучшем случае. В худшем — побоятся взять на себя убийство принца и бросят где-нибудь в скалах без туарры, раненого и беспомощного. И я подготовился. Зная, куда примерно мы поплывем охотиться, я заранее отправил туда двоих своих друзей с запасом туарры, лекарствами и оружием. Я, глупый мальчишка, надеялся драться честно, мне только нужна была возможность ускользнуть потом. Почти так и получилось. Эриалл не собирался устраивать дуэль по всем правилам, он выбрал удачный момент — и ударил. Но я был настороже и смог ответить.

Он снова помолчал, потом продолжил, с пугающим спокойствием отмеряя слова:

— Вот тогда это стало настоящей дуэлью. Я обратился к Матери Море и Бездне — и никто из прихвостней Эриалла не посмел вмешаться в поединок. А когда мой брат получил острие лоура в сердце — я сбежал. Забился в скалы, в самую глубину. Преследователи решили, что я все равно погибну. Не от раны, так от маару, которых привлечет моя кровь... Но в скалах меня отыскивали Даголар с Регом. Единственные, кому я рискнул довериться, — и не прогадал. Когда я вернулся домой, отец... — Эргиан криво усмехнулся. — Знаете, я ожидал чего угодно. Гнева, наказания... Приготовился оправдываться. Но не понадобилось. Отец сказал, что Эриалл сам виноват в своей смерти. Принц Карианда должен быть сильным и умным, если хочет выжить. А дуракам — прямой путь в Бездну. Я запомнил урок.

— А что же другой ваш брат? — нарушила Джаад молчание, когда оно стало невыносимо тяжелым. — Тот, что натравил на вас... этого?

— Ничего, — пожал плечами Эргиан, снова усмехнувшись. — Я понял урок по-настоящему хорошо и больше не пытался превзойти старших братьев ни в чем, серьезнее игры в тосу. Поэтому мне милостиво позволили не охотиться в их компании. А когда стало известно, что к Маритэль посватался наследник Акаланте, я попросил отца отправить меня сюда. Посол при чужом дворе — хорошая должность для того, кому лучше держаться подальше от любящих родичей. Кто же знал, что у вас творится такое? Ну что, ваше величество, — вернулся он к прежнему насмешливому тону, — вы все еще хотите иметь братьев и сестер?

— Сестра спасла вам жизнь, — парировал Алестар.

— О да, которую хотел отнять брат. Вы всегда видите в других самое лучшее?

Улыбка Эргиана показалась Джаад напряженной, но, пожалуй, не фальшивой. Принц позволил камешкам тосу просыпаться сквозь пальцы, не сводя с Алестара странно тоскливого взгляда, и это было так не похоже на вечно язвительного и уверенного в себе кариандца, что Джаад охватил холодный ужас. Бывают мгновения, которые решают судьбу на много лет вперед, если не навсегда. Те, что вскрывают душу до глубин более темных, чем подводная Бездна. И чудовища там таятся такие же страшные.

Ей подумалось, что на месте старших братьев Эргиана она бы не так снисходительно отнеслась к успехам принца в игре. Риши, что здесь зовут тосу, — игра полководцев и жрецов, мудрецов и правителей. Тот, кто знает в ней толк, опасен остро отточенным умом не менее, чем клинком. Эргиан смотрел на Алестара, явно что-то решая, и было понятно, что все их

встречи на Арене, в Совете и у вулканов — все они вели к этому мгновению, как долгий поединок ведет к единственному завершающему удару. Или к опущенному мечу, шадящему противника. И к тому, что начинается потом, — к последствиям этого выбора.

— Я стараюсь, — тихо сказал Алестар, отвечая глубиннику таким же болезненно открытым взглядом. — Мой отец всю жизнь считал лучшим другом того, кто его убил. Наверное, я никогда не смогу об этом забыть. Но это не причина, чтобы отказываться от дружбы. Вы правы, Эргиан, брат может предать, как любой другой. Ему даже проще это сделать. И удар в спину от того, кому веришь, во сто крат больнее. Но если не верить никому, кто прикроет твою спину, когда это понадобится? Я очень плохой игрок в тосу, зато неплохо понимаю в гонках. Там всегда остается только один победитель. Случается, один наездник помогает другому против третьего, но лишь до тех пор, пока Арена не столкнет их между собой. И я не хочу жить, как в Гонках. Я знаю вкус победы, она того не стоит.

— Вкус победы... — протянул Эргиан, словно смакуя каждое слово. — На что он похож? На власть? На счастье?

— Он горький, — с застывшим, как камень, лицом еще тише сказал Алестар. — Сначала кажется, что ничего слаще ты не ведал, что ради этого можно отдать все, совершить что угодно... А потом понимаешь, что отдал как раз то, что имело настоящую цену. Я дюжину с лишним лет брал главные призы, думая, что это делает меня лучше остальных. Верил, что победить можно честно... А сегодня утром я убил своего врага, не прикоснувшись к нему ни пальцем, ни лоуром. Убил несколькими словами, натравив на него его же свиту. Он думал, что мы играем в тосу, и выигрывает умнейший. А я знал, что мы на Арене, и одного ума мало. Нужны еще хитрость, подлость и готовность победить любой ценой. Вы выбрались из скал, Эргиан, а я... кажется, я остался там. В тех скалах, куда сам себя загнал своей победой. Мне ли осуждать других, если мои руки в крови? И чего теперь стоит мое слово?

— Думаю, — еле слышно ответил Эргиан, — оно, как и прежде, честь всего моря. Иначе вас не заботила бы кровь на руках. Ее так легко смыть... Поверьте тому, кто знает в этом толк. Мы с Эриаллом были не только единокровными братьями, но и единоутробными. Нет родства ближе... Но моя верность принадлежит Маритэль, единственной, кого при дворе Карианда я считаю сестрой. И ради нее я пойду на что угодно, а чем придется за это платить — знает Мать Море, ей и взвешивать мои слова и поступки. Вы сказали, что постараетесь ее найти — этого довольно, чтобы я был вам благодарен. И верен — насколько смогу. Но, умоляю, пока я принадлежу Карианду, не поворачивайтесь ко мне спиной, тир-на. У моего отца слишком много сыновей, чтобы ценить одного из них выше, чем надежду заполучить Акаланте.

Улыбка давно исчезла с его лица, перестав скрывать истинные чувства, и глубинный принц смотрел в лицо Алестару прямо и с какой-то безнадежной гордостью. Так смотрят воины, зная, что приказ полководца оставил их умирать. Джаад оценила — и содрогнулась от сочувствия умному и порядочному юноше, ставшему разменной фишкой в играх королей. Камешком, которым так легко пожертвуют ради выигрыша, ни на мгновение даже не задумавшись о его чувствах и чести.

— Я запомню, — кивнул Алестар и протянул глубиннику руку.

Тот глянул с изумлением, потом подал свою и осторожно пожал пальцы рыжего.

— Вы невозможны, тир-на, — сказал он, криво усмехнувшись и забрав руку. — Просто невозможны. Я буду молиться Трои, которые так любят Акаланте, чтоб они позволили мне увидеть, чем все это закончится...

Стук в дверь прервал его. Оба иреназе, как по команде, вскинулись, и Джаад тоже невольно напряглась — возможно, стало что-то известно о караване? Но за медленно открывшейся дверью оказался молоденький целитель из подручных Невиса, который поклонился королю и сконфуженно произнес:

— Прошу прощения, тир-на, вы велели вас позвать, когда...

— Да, я плыву, — оборвал его Алестар и поспешно оттолкнулся хвостом от ложа.

Всплыв наверх, он обернулся к Джаад и Эргиану.

— Если появятся новости о пропавших, вас известят так же, как меня самого — я распорядился. Простите, у меня неотложное дело.

— Разумеется, тир-на.

Кариандец вежливо поклонился, Джад тоже склонила голову, молча гадая, что за дела у Алестара с целителями. Впрочем, её это не касается. «Меня теперь не касается ничто, происходящее здесь, — нужно почаще себе об этом напоминать», — подумала Джад с внезапным раздражением.

— Простите, — негромко сказал Эргиан, впервые за долгое время обратившись к ней, когда за Алестаром закрылась тяжелая дверь спальни. — Вам, должно быть, очень нелегко посреди наших придворных штормов. Я сгораю от любопытства, что же произошло сегодня утром, но, конечно, не вправе вас расспрашивать...

Он принялся собирать камешки тосу, рассыпанные по постели, складывая их в коробку. И Джад, глядя, как смешиваются черные и белые фишки, глубоко вздохнула. В самом деле, ведь Эргиан очень быстро обо всем узнает. Он вообще знает чересчур много для чужака при дворе Акаланте. Как там сказал Алестар про чересчур умного посла? Иногда рыжий попадает словами точнее, чем лоуром.

— Вопрос за вопрос? — предложила она кариандцу. — Я не обещаю, что отвечу на любой, но вы и сами это понимаете.

— Более того, я на это и не рассчитываю, — весело блеснул глазами Эргиан, окончательно вернув себе маску насмешника и хитреца. — Извольте, кай-на. Хм... что бы такое у вас спросить... Кто сегодня поплатился жизнью, проиграв его величеству Алестару гонку, я и так догадался. Ведь это же король прибрежного королевства, так? Торвальд Аусдранг, ваш бывший... наниматель.

Джад с усмешкой кивнула, оценив деликатность кариандца.

— А Сердце моря, которое досталось вам, оказалось очередной фальшивкой, — азартно продолжил Эргиан.

Джад снова кивнула — в этом уже признался сам Алестар. Ей было интересно, о чем же спросит глубинный принц, но тот не торопился. Все камешки уже отправились в коробку, уложенные столь аккуратно, словно это было важнейшим делом. Эргиан погладил их кончиками пальцев, полюбовался и, подняв глаза на Джад, сообщил:

— А знаете, я, пожалуй, уступлю вам первый вопрос. Всегда любил ходить вторым.

— Понимаю, — улыбнулась Джад. — У нас в Храме говорят, что первым поднявший меч, поражает самого себя. Но пусть будет по-вашему. У меня очень простой вопрос, ваше высочество. Зачем вы так настойчиво внушаете тир-на Алестару мысль оставить меня в Акаланте?

— Именно в Акаланте? — поднял бровь Эргиан в явно притворном недоумении. — Вообще-то, я рассуждал исключительно об охране моего отца, повелителя Карианда.

— Вы даже Алестара этим не обманули, — не без злорадства сообщила Джад. — Все-таки он действительно хорош в гонках и знает, что салту не всегда плывет в ту сторону, куда виляет его хвост.

— О, да вы становитесь настоящей иреназе! — восхитился глубинный мерзавец и от души рассмеялся. — Ну, положим, в хвостах салту я действительно не разбираюсь... Кстати, вы еще обещали рассказать мне о своем питомце — жду с нетерпением. Да-да, простите, вопрос... Ответ будет еще проще, пожалуй. Потому что я действительно хочу, чтобы вы остались здесь.

— Зачем? — вырвалось у Джад. — Вам-то это зачем? Ведь ваша сестра выйдет за него замуж! Зачем вам, чтобы я... То есть чтобы Алестар...

— Вы удивительно ему подходите, — без улыбки и со спокойной грустью сказал кариандец. — Именно потому, что вы с ним такие разные. Как вода и скалы, что не могут друг без друга. Я не слепой, кай-на Джад. Я вижу любовь в его глазах и смятение — в ваших. Пока еще смятение. Но уже не ненависть. А смятение лучше мертвого покоя, как волна — лучше штиля, это известно и людям, не правда ли? Я люблю мою сестричку Маритэль всей душой. И понимаю, что они с тир-на Алестаром не будут счастливы. Да, запечатление сгладит острые кромки и подарит им взаимное наслаждение тел. И Маритэль будет прекрасной супругой короля: верной, нежной, покладистой. Но тир-на Алестару не нужен мягкий мох, ему нужна скала, о которую будут биться его волны...

— Продолжайте, — мрачно сказала Джад. — Я слушаю. Скала, значит?

— И мох тоже, — пожал плечами кариандец, — почему нет? Он ведь прекрасно растет на скалах. Каи-на, я не знаю, какие традиции у вас на родине, но короли иреназе часто имеют наложниц. Запечатление этому совершенно не мешает! Маритэль могла бы стать душой своего супруга, но она никогда не станет его рассудком и удилами, как это удастся вам. А любовь... о, ее у тир-на Алестара хватит на двоих, я полагаю.

— Вы так великолепно все рассчитали, — выдавила Джиад, не зная, смеяться или возмущаться. — Маритэль — законная супруга, я — наложница. Ну и страж... Об этом вы ведь тоже думали, верно?

Эргиан кивнул, опять блеснув глазами.

— А меня вы не забыли спросить? — все-таки возмутилась Джиад. — Да, я храмовый страж, чье предназначение — служить. Но я еще и человек. Провести в море всю жизнь — это не та судьба, о которой я прошу своего бога! Мне здесь не место! У меня ноги, а не хвост, я дышу только благодаря амулету, мне уже во сне снятся лепешки и жареное мясо, а не ваша рыба с водорослями. Думаете, это ничего не значит?!

— Я думаю, — с подозрительной серьезностью сообщил Эргиан, — что богам виднее. Не поверите, но я тоже никогда не мечтал о судьбе советника при короле, который приводит меня в непрерывное изумление половиной слов и поступков, а второй половиной заставляет то восхищаться, то ужасаться. Но, кажется, если боги уготовили мне именно такую участь, я должен их поблагодарить — другая могла бы оказаться хуже. Не такой интересной, во всяком случае. Я понимаю вас, каи-на. Поверьте, действительно понимаю. И никто не станет держать вас тут силой. Уж точно не тир-на Алестар, насколько я мог убедиться. Просто подумайте об этом, прошу. Что ждет вас наверху? Новая служба неизвестно у кого? И так — долгие годы? Одиночество, случайные любовники, верность тому, кто купил вас как вещь? Стоит ли это привычных блюд и возможности дышать воздухом вместо воды? Решать, конечно, вам.

— Я здесь оказалась не по своей воле, — привычно огрызнулась Джиад, а в памяти всплыл голос Малкависа, говорящего о свободе почти то же самое, что сейчас было так неприятно и почти страшно слышать от глубинного принца.

Эргиан смотрел на нее с сочувствием, и под мягким спокойным взглядом серых глаз терялись гневные слова, таяло возмущение, уходя, как вода в песок. Остаться в море? Глупость какая. Невозможная, полная, непревзойденная глупость. Да понимает ли кариандец, какой тугой узел ненависти и боли связывает Джиад с Алестаром? То есть связывал еще совсем недавно... Неважно! Остаться — невозможно.

— Это невозможно, — повторила она вслух, всей душой чувствуя уверенность в собственной правоте. — Я понимаю вас, тир-на Эргиан, вы выросли в семье, где подобное — дело обычное... Но это не для меня.

— Вы хотите стать не наложницей, а законной супругой? — все так же спокойно поинтересовался кариандец.

— Да нет же! — выдохнула Джиад. — Нет! Это... ничего не изменит. Я просто хочу наверх! К солнцу, воздуху... К своей собственной жизни, понимаете? Я храмовый страж, я человек! Моя судьба — там!

— Хорошо, я понял, — слегка улыбнулся Эргиан. — Простите, если был слишком... настойчив. И вы позволите оставить мне мой вопрос на будущее? Думаю, хватит на сегодня разговоров, которые сдирают чешую с сердца.

— Да, конечно, — с облегчением кивнула Джиад, чувствуя, как наваливается усталость.

Провожая взглядом уплывающего кариандского принца, она честно попыталась представить, что вот такой и была бы отныне ее жизнь. Под водой — навсегда. Та же служба, только у всех вместо ног — хвосты. Еда непривычная и не слишком вкусная... Хотя старшие стражи рассказывали, чем иной раз приходится питаться, если занесет далеко на восток. Там тоже любят водоросли и рыбу, а еще жареную саранчу, улиток, вяленых червей, бараньи яички и выдержанные несколько лет в глине яйца... Да нет же, глупость. Совсем не о том следует думать. Как только Лилайн выздоровеет, они смогут подняться наверх и... отправиться куда-то вместе? Разойтись навсегда?

Джиад мысленно застонала. Проклятый кариандец несколькими словами разбил ее привычный мир на кусочки, а потом раскидал их, как камешки для игры, сложив что-то свое, странное, непонятное и пугающее. Глупости это все. Следует положиться на волю Малкависа

и выполнять долг стража — и все пойдет как надо. Благодарение всем богам, что Алестар действительно держит слово, и можно не бояться, что Джиад оставят здесь силой. Ведь не оставят же? Слово короля — честь всего моря. Но куда же он уплыл?

Несколько минут Джиад уговаривала себя, что мало ли, какие дела у рыжего могут быть с целителями? И что это неприлично, в конце концов! Но в мысли упорно лезло, что раненый, возле которого она видела именно этого парнишку-лекаря, поблизости только один. И... в этом ведь нет ничего такого, если она просто спросит? Может, ей нужно поговорить с Алестаром. И ведь в самом деле нужно! Например, о дурацком плане некоего глубинника, который явно не собирается от него отказываться. И пока Эргиан не придумал что-то, способное склонить волю богов на его сторону, Алестара следует остеречь.

Убедив себя, что думает только об этом, Джиад дернула рычаг вызова прислуги и попросила приплывшего юного слугу разыскать его величество. Нет, звать сюда не надо! И передавать ничего — тоже. Только узнать, где он сейчас.

— Так я вам и так это скажу, каи-на, — радостно сообщил мальчишка и покосился на Жи, принявшегося восторженно рваться из клетки, думая, что его отведут на прогулку. — Его величество с целителем Ирвайном к двуногому поплыли. Ой, простите, к человеку, — смутился мальчишка. — Ну, то есть к тому, которого сегодня принесли. Я как раз у него в комнате туарру кормил, так мне велели уплыть и не беспокоить.

— Вот как... — медленно сказала Джиад, про себя лихорадочно пытаясь сообразить, что это означает и почему Алестар отправился к Лилайну сам.

Ну хорошо, с целителем. Но не с ней! Он сказал, что Лилайну не причинят вреда. Слово короля — честь моря. Не забыть бы об этом... Но почему?! И что случится, если эти двое...

Джиад едва не застонала, разом представив себе, что могут натворить вспыльчивый иреназе и искренне ненавидящий его наемник. Малкавис, за что? И что делать? Торопиться разнимать? Подождать? Аккуратно послать туда кого-нибудь?

«Мало мне было забот с одним, — безнадежно подумала она. — Вот теперь, чувствую, разом станет куда веселее».

Глава 3. Худшее слово на свете

Алестар хвостом чувствовал, что первый разговор с возлюбленным Джаад должен случиться наедине, чтобы жрице ни в коем случае не пришлось оказаться между волной и рифом. И как можно скорее, пока кто-то не наболтал лишнего. Все равно человеку скажут, конечно, что Джаад — избранная короля, но с этим можно разобраться после, когда первый шторм между ними стихнет. Куда труднее будет объяснить всем остальным, почему жрица больше не носит его браслет... Но это все — тоже потом!

Так что он велел целителям предупредить его, как только человек придет в себя и сможет беседовать, а оказавшись в комнате, первым делом велел оставить их вдвоем. Умница Ирвайн поклонился и уплыл, попросив только не беспокоить раненого слишком долго, и Алестар пообещал, забыв, впрочем, спросить, долго — это сколько? Ладно, разберется как-нибудь.

Дождавшись, пока за Ирвайном закроется дверь, он подплыл ближе к постели, где лежал обнаженный до пояса и перевязанный человек, внимательно вгляделся в лицо, показавшееся смутно знакомым. Хижина, каменный очаг с огнем, сидящая перед ним Джаад... Горячий бред после запечатления вспомнился так явно, словно все случилось наяву. Значит, это и в самом деле не было бредом! Но какая теперь разница? Их с Джаад запечатление растворилось в молочном тумане зелья — и воспоминание об этом отдалось в сердце уже привычной болью.

Алестар молча разглядывал раненого, даже не думая стесняться своего интереса, и человек отвечал тем же. Светло-голубые глаза цвета зимнего неба недобро глядели со смуглого, почти как у Джаад, лица. Однако оттенок кожи — это единственное, что у них со жрицей оказалось похожим. Тело Джаад при всей его силе поражало изяществом и плавностью форм. Лилайн же — как назвала его жрица, — был похож на хорошего гоночного салту: рослый, с четко обрисованными плоскими мускулами плеч, груди и рук. Такой же быстрый, наверное. И такой же опасный.

Во взгляде, колючем, как острие лура, у него точно не было ни тени смирения или боязни. Он смотрел так, словно выискивал на Алестаре уязвимое место. Или уже нашел. «Мало мне было одного Даголара», — с усталым раздражением подумал Алестар, окончательно уверившись, что правильно решил сначала поговорить с глазу на глаз.

— Полагаю, ты очень хочешь меня убить, — спокойно сказал он, одним взмахом хвоста опускаясь ближе к полу, чтобы человеку не приходилось смотреть снизу вверх.

— У меня есть причины, — помедлив, с обманчивым равнодушием отозвался тот.

— Есть, — согласился Алестар. — Но даже пытаться не стоит.

— Потому что я здесь пленник? — одними уголками рта усмехнулся человек и пошевелился на подушках, тут же едва заметно дернув щекой от боли.

— Ну что ты, — ответил Алестар такой же едва заметной усмешкой. — Разве Джаад не заверила тебя в моем гостеприимстве?

О, какой яростный огонь вспыхнул в льдисто-голубых глазах! Злость пополам с бессилием — отравы, разом напомнившая Алестару дурман гарнаты. Несколько мгновений он смотрел наемнику в глаза, почти наслаждаясь тем, что видел в них. Разве не этот двуногий отнимет у него Джаад? Уже отнял! Она выбрала его сама и по доброй воле, их не разделяет память о боли и унижении, и он смог стать для нее тем, чем Алестар уже станет никогда — возлюбленным, которого желают сердцем и телом.

И она уплывет с ним. Вот о чем забывать не следовало, как бы ни хотелось хоть ненадолго забыть.

— Гостеприимстве?

Яда в одно-единственное слово человек ухитрился влить столько, что хватило бы на дюжину мурен. У Алестара даже в висках застучало от злости. Да что он о себе возомнил, этот двуногий?! Беспомощный, раненый, всем своим хрупким существованием зависящий от камешка на шее! И только из-за жрицы Алестар до сих пор не осадил его за наглость.

— Здесь, в Акаланте, не любят людей, — бросил он еще более ядовито и надменно. — Тебя приняли как гостя по просьбе Джаад, единственной из жителей земли, чье слово я ценю. Ты под моей защитой, потому что она этого хочет, но сомневаться в гостеприимстве короля Акаланте — дерзко и не слишком умно.

— Не глупее, чем рассчитывать на его благородство.

Человек попытался привстать, то ли для того, чтобы пристальнее всмотреться в Алестара, то ли просто — лечь поудобнее. Скривился едва заметно, лицо на пару мгновений закаменело от тщательно скрываемой боли, но читать по лицам и глазам Алестар умел, хоть и хуже, чем по движениям. Его сопернику было больно. Наверное — очень больно, однако он держался и огрызался, едва ли думая, чем все это может закончиться. Да глубинные его побери! Как легко и сладко было бы ненавидеть этого двуногого салту — и не получалось!

— Терпения у меня еще меньше, чем благородства, — невольно съязвил Алестар. — Советую хорошо это запомнить. Я не буду с тобой драться, даже не рассчитывай. И если у тебя есть хоть капля ума, ты тоже не станешь добиваться поединка.

— Потому что ты здешний король? — глумливо усмехнулся тот.

— Именно, — бросил, едва сдерживаясь, Алестар. — Я здешний король, и покушение на мою жизнь карается смертью. Закон не знает исключений. А ты — гость не только мой, но и госпожи Джаад. Она за тебя поручилась. Понимаешь, что это означает?

О, понял он мгновенно. Еще пару мгновений смотрел на Алестара с лихорадочной ненавистью в глазах, а потом стиснул зубы так, что по заострившимся скулам прокатились желваки. Вдохнул глубоко, полной грудью, и Алестар невольно посочувствовал какой-то частью разума, ответственной за справедливость. Быть так близко от того, кого ненавидишь, и не иметь возможности для мести — он хорошо помнил, каково это. Еще не растаял в памяти ненавистный вид и голос Торвальда Аусдрангского! Да, возлюбленного Джаад, изнывающего от бешенства и бессилия, Алестар понимал. И готов был свести к ничьей поединок слов, если уж поединок оружия и вовсе под запретом. Но человек подставился сам.

— И каково оно — прятаться за чужой спиной? — поинтересовался он едко.

Смуглое лицо заливала бледность, и будь здесь целитель — Алестара уже давно отправили бы из комнаты. А теперь, получается, он должен подумать и об этом? Уйти, оставив последнее слово за соперником? Чтобы тот, не дай Трое, не слишком утомился?!

— Спроси самого себя, — огрызнулся он вместо этого. — Потому что мы оба за ней прячемся, если начистоту!

Перевел дыхание и добавил, с трудом сдерживая злость:

— Меня не интересует, что ты обо мне думаешь. Просто води себя прилично, чтобы в твоей дерзости не обвинили Джаад, — это все, что от тебя требуется. Она не заслужила разнимать нас, как двух сцепившихся салту.

И, едва успев договорить, он понял, что попал. Безупречно угодил в больное место, словно легко и точно скользнул в просвет, на пару мгновений открывшийся между плотными телами чужих верховых зверей.

На мгновение стало стыдно. Человек не сделал ему ничего плохого, и уж причин для ненависти у него и вправду предостаточно. Алестар бы на его месте...

«Я на его месте никогда не буду, — устало подумал он. — И хватит об этом. Что толку вечно мучиться угрызениями совести, если прошлого не изменить».

— Я не просил о твоём гостеприимстве, — тихо сказал Лилайн.

— Верно, — согласился Алестар. — И потому ты ничего мне за него не должен. Кроме обычной вежливости, да и то, поверь, я бы без нее обошелся. В другое время...

«В другое время, — подумал он, — я бы вылечил тебя силой Сердца моря. Хорошо вылечил, на совесть, как лучшего друга! А потом... потом сам предложил бы поединок. И пусть лоуры решат, чье сердце крепче».

«О да, — глумливо согласился чей-то голос в его мыслях: — Сражаться в воде, где у тебя есть хвост, а у него — нету. Где ты привык двигаться, дышать и думать так легко, что даже не замечаешь этого, а он беспомощен, словно маару, лишенный щупальцев. И ты назвал бы это честным поединком? И не постыдился бы этой победы?»

— Другого времени не бывает, — снова усмехнулся Лилайн. — Никогда. Что ты со мной собираешься делать?

— Лечить, — равнодушно от усталости сказал Алестар и бесстрастно добавил: — Если я верно понял, в смерти Торвальда его каи-на обвинят тебя?

— Каи-на? Лорды? Конечно, кого же им еще винить.

«Еще несколько вздохов — и пора будет уходить, — понял Алестар. — И звать целителей... То есть уже давно пора, но... ладно, еще чуть».

— Они наверняка потребуют отдать меня, — так же ровно сказал Лилайн, не сводя с него взгляда лихорадочно блестящих глаз. — Будут грозить или обещать выкуп...

— Какая жалость, что я не торгую своими гостями, — снова не сдержался Алестар от насмешки. — А угрозы тем более не люблю. Что берег сделает с морем? Швырнет в него камушком? Успокойся, мне нет никакого дела, кто станет следующим королем Аусдранга и какую ложь сочинят о смерти Торвальда. Он мертв, и это лучшее, что случилось в последнее время. Если же люди захотят отправлять свои корабли и лодки в мои воды, это они придут ко мне, и не с угрозами, а прося о милости. Ты спрашивал, что я собираюсь делать с тобой? Для начала — вылечить. У нас хорошие целители, Джад говорит, что лучше ваших, земных. Потом, когда поправишься, можешь уплыть домой.

— А Джад?

Сейчас он был похож на салту, выжимающего остатки сил в попытке доплыть до цели. И Алестар бы посочувствовал и даже устыдился, но короткое имя, так небрежно произнесенное, укололо прямо в сердце ядовитой хвостовой колючкой ската. И от этого укола внутри снова поднялась та горячая слепая ярость, с которой он думал о Торвальде. О любом, кто был с Джадом. Кто целовал ее лицо и пальцы, ласкал ее тело, заглядывал ей в глаза и видел прикушенную в страсти губу... Кто обладал ею, оставив след в ее плоти и душе, а главное — кого она любила.

Да, он убил Торвальда, не притронувшись к нему и пальцем. И сделал бы это снова сто, тысячу раз. За всю боль, что эта тварь причинила Джаду. Но оказалось, что дело не только в ненависти. Ему не за что было мстить Лилайну, но он иступленно хотел даже не смерти соперника, а просто — чтобы его не было рядом. Или вообще никогда не существовало. Лишь потому, что, выбирая между ними, Джад никогда не выберет Алестара. Худшее на свете слово — никогда.

«А я ведь мог бы избавиться от него легче, чем хвостом махнуть, — пришла холодная и ясная мысль. — И вовсе не нужно вызывать на поединок или доводить до такой ярости, чтобы он нарушил закон о неприкосновенности короля. Достаточно просто уронить пару слов. Не целителям, конечно, а... жрецам, пожалуй. Тот мерзавец из храма Троиш наверняка найдет способ, чтобы в еде или питье человека оказалась капля какой-то гадости. И будет неизмеримо счастлив оказать своему королю такую услугу.

А можно и проще. Он ведь ничего не знает об опасностях нашего мира. И даже не поймет, например, что нужно замереть, если рядом оказалась красивая рыбка в черно-красную полоску, одним укусом плавника приносящая быструю тихую смерть... Могу я это сделать? Правильно рассчитать, устроить, а потом утешать Джада, клянясь, что никто не хотел здесь плохого ее другу? Почему нет? А там, глядишь, вдруг она решит остаться здесь? Если ничто больше не позовет ее наверх...»

Молчание затянулось. Человек смотрел на него так, словно от решения Алестара прямо сейчас зависела его жизнь. Не зная, что это на самом деле так. Что волны поднимают и опускают, как поплавков, его судьбу, и Алестара рвет изнутри на части никогда доселе не изведанное желание стереть, уничтожить, развеять саму память о Лилайне в разуме и сердце Джада.

— Каи-на Джад, — услышал он свой голос будто со стороны, — не пленница в моем дворце, а почетная гостья. Любое ее желание — закон, и выполнить его — честь и радость для меня и моих подданных. Если она захочет покинуть Акаланте, то вольна сделать это сразу, как только пожелает и как это окажется возможным.

— И она здесь по своей воле? — яростно выдохнул Лилайн, подаваясь вперед и не замечая, что из-под повязки на его плече сочится кровь.

Зато Алестар сразу почувствовал отвратительный соленый вкус в воде и едва удержался, чтобы не скривиться.

— А по-твоему, наверху ей было безопаснее?! — рявкнул он, тоже не сдерживаясь. — Там, где она могла попасть в щупальца к этому выкидышу маару?! А может, мне напомнить, кто отдал нам ее в первый раз? Прежде, чем колоть меня моей виной, вспомни о собственной! Я-то свою знаю, и, клянусь Матерью Море, мне ее никогда не забыть!

Их взгляды скрестились, как лоуры в поединке, и Алестар не отвел свой — первым. Впрочем, как и Лилайн, который просто обмяк в подушках, тяжело и быстро задышав, и Алестар, нехорошо помянув собственную дурость, торопливо дернул рычаг вызова. Посторонился, пропустив стремительно приплывшего Ирвайна, виновато закусил губу. На душе было темно и мерзко, словно в облаке поднятой со дна мути. И дышалось так же тяжело.

Значит, вот этот клубок мурен, свернувшийся под сердцем, оплетающий его ядовитыми водорослями, — это и есть ревность? И можно оправдать перед самим собой любую подлость, пока эта дрянь, родившаяся из твоих собственных желаний, шепчет в ухо, что нет ничего справедливого в том, чтобы уступить свою любовь другому? Значит, вот так оно и начинается? А потом ты оправдаешь себя в чем угодно, потому что ты — король, ты всегда прав, и все должно принадлежать тебе... Власть, сила... и единственная в мире женщина. Для тебя — единственная. Неважно, хочет ли она этого, значение имеют лишь твои желания.

Алестару стало жутко, будто он заглянул в Бездну, о которой рассказывал Эргиан, и проник ее взглядом до самого дна, а потом понял, что эта бездонная тьма — внутри него самого. Он вздрогнул, сбрасывая липкий темный страх, и поклялся, что ни за что, никогда... Сам не до конца осознавая, в чем клянется, но старательно давя даже мысль о том, что мог бы сделать с Лилайном.

— Я же просил, ваше величество... — только и выдохнул Ирвайн, меняя на плече то ли гостя, то ли пленника повязку, поднося к его губам поильник с лекарством и тревожно вглядываясь в посеревшее смуглое лицо.

— Простите, — буркнул Алестар. — Он... скоро оправится?

— От этой раны — да. Она свежая, и помощь была оказана вовремя.

Ирвайн чуть ли не силой влил в больного содержимое второго поильника и проверил пульс на его запястье.

— Но у него сильное истощение, — сказал он негромко, не поворачиваясь к Алестару. — Его долго держали голодным и не давали вволю воды. Пытали, попросту били... Мы, конечно, справимся с этим, но лечиться придется долго.

— Слышал? — хмуро спросил Алестар, поймав яростно горящий взгляд из-под полуприкрытых век. — Если собираешься сдохнуть — дело твое, даже уговаривать не стану. Только Джад от твоей смерти не будет никакой пользы, одно горе. А вот если выживешь и придешь в себя, то... хотя бы будет, кому ее беречь наверху.

Они снова встретились взглядами, и человек медленно, словно нехотя, прикрыл глаза — сил у него не осталось даже на то, чтобы кивнуть. И тут же снова посмотрел на Алестара в упор, молча требуя ответа. Ирвайн суетился с повязками, и отсылать его не хотелось, но ведь главного, ради чего он и пришел, Алестар сказать не успел. Вместо этого сорвался и помчал, как малек салру по прибою... Но, может, и хорошо, что не успел? Джад сама расскажет все, что сочтет нужным.

— Ирвайн, — сказал он целителю. — Проследи, чтобы наш гость ни в чем не нуждался. И никого, кроме каи-на Джад, к нему не пускать.

— Да, ваше величество, — с готовностью согласился целитель. — Не беспокойтесь, никто его не потревожит.

«Все-таки пленник?» — еще яростнее вспыхнули светлые, как хорошо отточенное острие лоура, глаза.

Алестар прочел это так явно, словно услышал голос.

— Выздоровливай, — бросил он, мечтая только об одном: чтобы быстрее закончился очередной безумный день, а утро следующего принесло хоть какие-то хорошие вести.

И уснуть в одной посели с Джад ему больше не удастся. Никогда — все то же мерзкое, с горьковато-соленым привкусом на губах, слово. Нет, конечно, это просто в воде вокруг растворилась кровь. Вода утечет, промоет комнату насквозь, сменится чистой. Жаль, что с

памятью нельзя сделать так же. Не промыть, не очистить...

Лилайн бессильно прикрыл глаза, погрузившись в сон, и Алестар, еще несколько мгновений посмотрев на него, выплыл из комнаты.

С Алестаром она разминулась совсем чуть-чуть. Будь это наверху, сказала бы, что его следы еще не остыли, а здесь... Море не хранит следов. «Точнее, ты не можешь их прочесть, — поправила себя Джад. — А иреназе могут, Алестар говорил, что вода долго помнит кровь...» Но следы пропавшей принцессы Карианда и ее свиты морские глубины скрыли так же надежно, как пустынный ветер — след затерявшегося в барханах путника.

— Мой друг хорошо себя чувствует? — спросила она терпеливо ожидающего ее внимания целителя, молодого светловолосого иреназе с умным тонким лицом. — Когда он выздоровеет?

— Не могу сказать в точности, каи-на, — развел руками тот. — Он сильно истощен, есть повреждения внутренних органов. Можно надеяться, что излечение будет полным, но понадобится время и послушание больного. Много сна, особая пища... И покой, разумеется. Сейчас ваш друг спит, и я бы не советовал его будить. Если он и проснется, то не раньше вечера, а сразу после ужина и перевязки я дам ему еще сонного снадобья.

— Понимаю, — уронила Джад. — И очень вам благодарна, господин Ирвайн. Если Лилайн станет беспокоиться, пошлите за мной, будьте любезны. Здесь для него все чужое, непривычное, и я могла бы помочь.

— Разумеется, каи-на, — поклонился иреназе и не удержался — бросил быстрый взгляд на ее руку.

Джад мысленно вздохнула: ну вот, начинается. Без массивного золотого браслета, к тяжести которого она уже привыкла, запястье ощущалось непривычно легким и словно обнаженным. Его хотелось то потрогать, убедившись, что сгиб руки совершенно свободен, то убрать подальше от любопытных глаз, будто в том, что она сняла браслет, есть что-то непристойное. Глупость какая!

Вернув Ирвайну поклон, она бросила последний взгляд на дверь комнаты, где спал Лилайн, и выплыла в коридор, уже привычно темный и прохладный. Вот и что теперь делать? Алестар занят королевскими делами, да и не стоит попадаться ему на глаза чаще необходимого. Напроситься бы к Эргиану на партию в риши, но брату, потерявшему сестру, не до того, чтобы развлекать навязчивую гостью. Выгулять Жи? Отправиться в знакомый маленький дворик и хорошенько потренироваться?

Она медленно плыла по коридору, все яснее понимая, что чуть ли не впервые в жизни не может найти себе дела. То есть может, конечно, однако даже мысль об играх с рыбенышем вызвала глухое неправильное раздражение. Что это с ней творится? «Безделье недостойно стража, оно ослабляет тело и поит разум дурманом, — всплыли в памяти строки соответствующей сутры. — Слабость, рожденная бездельем, увеличивается, как летящая с горы лавина, и погребает под собой благие стремления...»

Но сутры тоже чуть ли не впервые не помогали. Найти себе любое занятие, лишь бы не бездельничать, показалось бессмысленным самообманом. Ладно, все-таки можно погулять с Жи...

И тут Джад словно укололо — она вспомнила! Санлия... Она совсем забыла про бывшую наложницу, которую отдали на ее попечение. Кажется, Алестар, вынося приговор, велел разместить девушку возле покоев Джад?

Торопливо вернувшись к себе, она вызвала слугу и велела отвести себя к ири-на Санлии. Несколько минут — и Джад оказалась перед массивной дверью, точно такой же, как ее собственная. И вправду рядом, всего несколько десятков шагов по коридору, если считать земными мерками.

Слуга, поклонившись, уплыл, а Джад замерла, пытаясь собраться с мыслями. Что она скажет Санлии? И можно ли как-то помочь несчастной суаланке, которую будто преследует злая судьба? Ответов у нее не было, но... «Вот об этом я и скажу, — решила она, толкая тяжелую дверь. — Может быть, вместе мы что-нибудь придумаем. Говорят, что мысли человека подобны птичьему крылу, но даже на самом мощном крыле нельзя взлететь, если оно одно, зато два, пусть и слабых, поднимают птицу в воздух».

Дверь качнулась, пропуская ее, Джад проплыла внутрь и едва не столкнулась с молодым

иреназе, показавшимся ей знакомым. Ах да, он же приносил зелье для разрыва запечатления!

Юноша почтительно поклонился и уставился на Джаад с неподдельным интересом, будто пытаясь что-то прочитать на ее лице.

— Амо-на... Виалас? — не без труда вспомнила она, и иреназе просиял.

— Для меня честь, что каи-на помнит мое имя, — церемонно сообщил он, снова кланяясь. — Вижу, эликсир возымел нужное действие?

— Да, — скупое уронила Джаад.

А она ведь даже не спросила у рыжего, что отвечать на вопросы, чтобы нечаянно не задеть его королевскую честь! Но Виаласа, кажется, интересовал только результат его работы. Встречала она и на земле таких целителей, умелых и старательных, но в пациентах видящих лишь ступеньку к новым знаниям.

Подтверждая ее мысли, Виалас посторонился и сообщил:

— Прошу прощения, каи-на, я не смог выполнить приказ его величества и помочь его наложнице. Мне очень жаль! Изумительно интересный случай, но безнадежный.

— Приказ его величества? — осторожно переспросила Джаад. — А он приказывал...

— Тир-на Алестар был так великодушен, — раздался хрустальный голосок Санлии, — что не стал отменять приказ, данный им... задолго до всего случившегося. Он хотел, чтобы мне вернули способность к запечатлению. Увы, Мать Море лишила меня своей милости, и я не могу не признать справедливость этого возмездия.

Подплыв, она склонилась перед Джаад в глубоком почтительном поклоне, и той стало неловко. Значит, Алестар пытался позаботиться о своей наложнице? В это легко поверить, он ведь даже на злополучном Совете с радостью воспользовался возможностью не казнить Санлию, пусть и ценой ее свободы. Наверное, он по-своему любит суаланку. Такую красивую, изысканную, гордую и отважную...

«Тебе-то что до этого, — сердито оборвала себя Джаад. — Они давно вместе, и у него наверняка есть причины о ней заботиться! Вот еще — думать об этом».

— И у вас ничего не получилось? — повернулась она к Виаласу. — Неужели нет никакой надежды?

— Мне жаль, — кивнул тот и покачал из стороны в сторону хвостом. — В крови ири-на Санлии отсутствуют вещества, на которых строится способность к запечатлению. Обычно они вырабатываются телом, когда оно созревает для любви и брака. Простите, каи-на, я не знаю, понятно ли вам все это...

— Пока вполне понятно, — поспешно сказала Джаад, украдкой бросая взгляд на бледную, но внешне спокойную Санлию.

Суаланка так и не вернулась к прежним роскошным нарядам, а может, ей их попросту не отдали, но все равно была чудно хороша даже в простой тунике из тонкого некрашеного полотна. Волосы она заплела в толстую косу и перевила нитью бирюзовых бус — единственное украшение, которое Джаад на ней заметила. Тонкое смуглое лицо, не тронутое красками, словно светилось изнутри собственным внутренним сиянием. Боги, как жаль! Неужели все иреназе — слепцы, способные думать лишь о запечатлении?! Она же прекрасна...

— О, ну так вот! — обрадовался Виалас, складывая руки на груди и становясь похожим на одного из храмовых целителей Арубы. — Когда кто-то из нашего народа входит в брачный возраст, эти вещества в его теле участвуют во многих необходимых процессах. Но если иреназе встречается на ложе с кем-то из собственного города, то они дремлют, ведь у того, другого, точно такие же вещества! Ну, это примерно, как воин Акаланте встречает другого воина в такой же форменной тунике и не вступает с ним в битву.

— Я понимаю, — послушно кивнула Джаад на ожидающий взгляд юного жреца. — А у воина из другого города и форма другая, верно?

— Да, — согласился тот, явно удовлетворенный ее сообразительностью. — Суть одна, но форма — другая. Вещества в теле иреназе разных городов образуются одинаковые, но сила города придает им некий характерный оттенок. Если иреназе ляжет на песок с кем-то из другого

города, крошечные невидимые воины их тел сначала вступят в борьбу, а потом заключат союз, связав своих хозяев между собой тем новым веществом, которое создадут вместе. У ири-на Санлии, — вспомнил он о наложнице, — нужные вещества несомненно были, раз уж у нее случилось то первое запечатление. Но от случившегося потрясения ее тело потеряло способность их вырабатывать, и ее кровь теперь в определенном смысле пуста.

— Это лечится? — прямо спросила Джад, думая, что давным-давно следовало услышать такой понятный рассказ вместо туманных восхвалений запечатления.

— Нет, — честно и так же прямо сказал Виалас, открыто встретив ее взгляд. — Если лекарство и есть, мне оно неизвестно.

— Вам? — уточнила Джад, ожидая, что юный жрец обидится, но тот лишь фыркнул с изрядной долей высокомерия и заявил:

— Поверьте, каи-на, готовить зелье для вас и его величества доверили именно мне совсем не потому, что другим было некогда. Я знаю, что вы думаете, глядя на меня, но ни в одном храме Акаланте нет никого, более сведущего в этом деле. Я уж не говорю об обычных целителях. Лекарства нет. Я не исключаю, что может случиться чудо и способность к запечатлению вернется, как, бывает, прозревают слепые или обретают способность к движению парализованные. Но чудеса не в моем ведении, хоть я и жрец. Мое дело — зелья и исследования, точная наука, готовая дать ответ без участия высших сил. Я перебрал все архивы храма, касающиеся похожих случаев, но ни разу за многие столетия утраченная способность к запечатлению не вернулась.

— Он прав, каи-на, — прошелестела Санлия, не поднимая на нее глаз. — Я тоже о таком не слышала, а я ведь долго училась на целителя. Надежды нет, но я благодарна его величеству за попытку и амо-на Виаласу за хлопоты.

— Скажите, амо-на, — медленно спросила Джад, рассудив, что Санлии и так достаточно известно об их с Алестаром отношениях. — А как же тогда случилось запечатление между мной и его величеством, тогда еще принцем? Ведь я человек, откуда у меня эти самые вещества?

— Ну а кто вам сказал, что у двуногих их нет? — удивился Виалас. — Мы, иреназе, дети Матери Море, а вы — Матери Земли, но ведь эти великие богини, прародительницы всего живого, родные сестры. Да, мы еще дышим водой, кроме воздуха, и немного иначе воспринимаем мир, а вместо ног у нас хвост. Но между иреназе и двуногими возможны брачные союзы, у нас могут родиться дети, а значит, различия совсем не велики.

— На меня запечатление не подействовало, — отчего-то очень хмуро сообщила Джад.

Виалас посмотрел на нее с сожалением и сообщил:

— Ничего странного. У иреназе кровь очень чутко отзывается на призыв чужой крови, мы ведь веками обмениваемся запечатлениями, и наши тела привыкли к этому. А у людей все внутренние воины одеты в одну и ту же форму, так сказать. Они не сражаются между собой, но, когда человеческие брачные вещества встречаются с веществами иреназе, последние проигрывают, потому что предлагают союз, а их подавляют. Ваши частицы, попавшие в тело тир-на Алестара при соитии, просто взяли его в плен, так сказать. Может, победа и не далась бы им легко, но в крови принца дремали вещества, унаследованные им от человеческого предка, и они, проснувшись, узнали братьев и покорились им, если понимаете, о чем я. Очень интересный процесс! Я обязательно буду исследовать его и дальше!

— Премного благодарна за объяснения, — выдавила Джад, не зная, удивляться или возмущаться тому, что услышала.

Что ж, теперь многое понятно. Если не думать о том, например, как все иреназе по ее лицу читают, что запечатление разорвано. Но это в другой раз! А то от этих целительских премудростей голова уже кругом.

— Последний вопрос, если позволите, — попросила она, хотя юный жрец явно был счастлив делиться знаниями. — Значит, когда вы дали нам то зелье, оно воздействовало больше на его величество Алестара, чем на меня? И можно ли вернуть разорванное запечатление снова?

Все-таки ей очень не нравились намеки, а потом и прямые предложения Эргиана. Если кариандец поставит цель сделать Джад наложницей или даже законной женой рыжего, он ведь может и добиться этого. В уме и упрямстве глубинного принца она нисколько не

сомневалась!

— В вашем случае — нет, — без тени сомнения заявил Виалас. — Никто не может сказать, что я плохо выполняю порученные мне дела. Когда вы выпили зелье, оно сделало ваши брачные вещества ну, скажем... непригодными для запечатления с иреназе. То есть другие иреназе и так вряд ли с вами запечатлелись бы, только те, у кого есть дремлющее наследство людей. Или очень слабые сами по себе. Но нам ведь нужно было разорвать вашу связь именно с его величеством! Зелье подействовало на вас обоих. В его крови вещества, унаследованные от двуногих, начали исчезать, а когда вы в процессе ритуала сошлись на ложе и обменялись телесными жидкостями, его кровь и ваша окончательно поссорились, скажем так. Вы не пострадали, как и велел его величество, а его кровь утратила способность к запечатлению с двуногими.

Он смотрел с такой гордой радостью, так был доволен собой, что Джад не сразу поняла, что именно слышит. Потом осознала — и ужаснулась. Надо было говорить об этом наедине! Но поздно. Санлия вскинула голову, тоже изумленно воззрившись на жреца, но промолчала, потом посмотрела на Джад расширившимися глазами, и по этому взгляду было ясно, что умная и образованная суаланка поняла все ничуть не хуже.

— То есть... его величество... больше не сможет запечатлеться именно с двуногими? — мягко уточнила Джад, наплевав на оскорбительность этого названия и молясь, чтобы все оказалось не так плохо, как она себе представила.

Действительно, не дурак же Алестар, чтобы дважды сунуть руку в осиное гнездо? Никого из людей он больше не тронет. Но вот полукровки?

— С двуногими и с теми, в ком течет их кровь, — радостно заявил Виалас. — Ну а как иначе? Я ведь рассчитывал структуру зелья именно по этому признаку! Больше никаких отличий, способных послужить основанием для разрыва, в вашей и его крови нет. Но кровь двуногих у нас встречается настолько редко, что возможность подобного брачного союза с другим королевским родом можно не учитывать!

О да... Наверное, покойному королю Кариаллу было и вправду нелегко найти для сына принцессу с нужным признаком в роду. Чуть ли не единственную подходящую... А теперь... Теперь получается, что бедняжка Маритэль никогда не сможет выйти за Алестара! Именно она! И если об этом узнает тот, кто ее похитил, не станет ли это причиной избавиться от опасной и уже бесполезной пленницы? И... еще получается, что король Карианда может теперь предложить Алестару любую из своих дочерей! И любой другой король — тоже! Что же ты натворил, умненький жрец-целитель, гениальный в своем ремесле, но совершенно ничего не понимающий в жизни и, тем более, в политике...

На лице Санлии отчетливо читался страх, суаланка, должно быть, уже представила, чем ей грозит причастность к такой тайне. Но об этом и самой Джад следовало хорошенько подумать.

— Виалас, — сказала она непослушными губами, чувствуя, как сердце в груди бьется сильнее и чаще. — А кто еще знает, что вы так замечательно очистили кровь его величества? Вы кому-нибудь рассказывали?

Юный жрец задумался, припоминая. Джад истово, всем существом взмолилась Малкавису, чтобы тайна осталась тайной. Хотя бы пока! Санлия никому ничего не расскажет, Виаласа тоже можно временно посадить под замок, да и сам жрец из тех, кому дай любимое дело — и лишение свободы он не скоро заметит. Время! Алестару нужно выиграть хоть немного времени, пока у него еще развязаны руки!

— Да вроде никому, — с легким недоумением отозвался Виалас и тут же небрежно поправился. — Кроме моего начальника, разумеется. Амо-на Корасиль всегда спрашивает, что именно у меня получилось. — Он фыркнул и добавил с той же надменностью: — Не понимаю — зачем? Все равно он ничего не смыслит в том, что я делаю и как. Но почему-то каждый раз меня проверяет, словно я хоть раз выполнил поручение неправильно.

«Я бы тоже тебя проверяла, — мрачно подумала Джад, глядя на беззаботного жреца. — Ты ведь и правда не понимаешь, что делаешь. Скажут — сваришь яд. Велят — в лепешку разобьешься, чтобы решить интересную задачку, даже не задумавшись, чьи судьбы за ней стоят. Если бы я за тебя отвечала, я бы выпрашивала каждую тонкость, чего ты там наварил. Но это значит, что жрецы Трои точно знают о новом положении дел. И если пока молчат, то лишь потому, что владеющий тайнами — владеет миром. Они даже Алестару ничего не сказали! А если бы Маритэль не пропала? Когда Храм Трои посчитал бы нужным раскрыть

эту тайну?!»

— Благодарю, амо-на Виалас, — выдохнула она устало. — Простите, что отняла у вас столько времени.

— О, ничего страшного, — опять поклонился жрец и улыбнулся наивной детской улыбкой. — Очень приятно поговорить с тем, кто тянется к знаниям. С вашего позволения, каи-на, я поплыву? Очень много работы...

— Конечно, — согласилась Джиад, раздумывая, не сказать ли Виаласу, чтобы больше ни с кем об этом не болтал.

Но толку стеречь конюшню, когда коня уже свели? О том же подумала и Санлия, потому что стоило тяжелой двери закрыться за хвостом выплывшего жреца, бывшая наложница поспешно сказала:

— Я никому ничего не скажу, каи-на Джиад. Только, боюсь, это уже неважно.

— Я тоже боюсь, — согласилась Джиад, мечтая о чем-нибудь горячем.

А еще хорошо бы сесть, положить подушку под спину, привалившись к стене, вытянуть ноги и не думать, что стоит оттолкнуться пальцем — и всплывешь под потолок. Как же ей не хватало обычной земной тяжести, горячей еды, которую можно просто класть в рот, и вода не проникнет следом, ощущения тепла и сухости... Всех мелочей, которые на земле никогда не замечаются, потому что кажутся естественными, а здесь постепенно раздражают и давят. Да она бы многое дала за возможность всего лишь умыться! Но чтобы мокрыми были только лицо и руки, а потом вытереть их чистым мягким полотенцем досуха и почувствовать свежесть от дуновения ветерка, ласкающего кожу...

— У вас усталый вид, каи-на, — тихо сказала Санлия, глядя на нее сочувственно. — Простите, я даже не могу напоить вас горячим. Да и вряд ли вы теперь возьмете что-то из моих рук.

— Почему нет? — пожала Джиад плечами. — Теперь вам незачем что-то мне подливать.

— Да, теперь моя жизнь зависит от вашей, — ровно согласилась суаланка. — И от вашей воли, разумеется.

— Перестаньте, Санлия, — поморщилась Джиад, проплывая немного дальше и оглядывая небольшую комнату. — Если помните, я об этом не просила. Все, чего я хотела, это сохранить вам жизнь. Извините, что не навестила раньше. С вами хорошо обращаются? Может, вам что-нибудь нужно?

Комната была по размерам почти такой же, как и та, где Санлия принимала Джиад, но обставлена с вызывающей скудностью. Кровать, укрытая чем-то темным, голые, не считая двух шаров туарры, стены, маленький столик с несколькими коробками и в углу горшок с шираккой.

— Прошу прощения, — бледно улыбнулась Санлия, поймав взгляд Джиад. — Обычно ширакку не ставят в жилых комнатах, но здесь нет смежных, а выводить меня наружу под охраной — это слишком хлопотно. Но вода проточная, не беспокойтесь.

Ширакка в комнате, никакой жаровни с тинкалой, как раньше, да и чем кормят суаланку — тоже неизвестно. Она немного похудела, но отчего? В любом случае, это неправильно! Санлию не приговорили к тюрьме, и мучить ее унижительными мелочами вроде уборной в комнате — подло и глупо!

— Я не беспокоюсь, — нахмурилась Джиад. — Но мне это не нравится. Санлия, я поговорю с его величеством, чтобы вам предоставили больше удобств. Где ваши прежние вещи?

— Мне мало что нужно из них, — пожала плечами суаланка с удивительно искренним равнодушием. — Для кого мне теперь наряжаться и краситься? Впрочем, если вы прикажете, чтобы мне вернули книги, я буду неизмеримо благодарна.

— Хорошо, — пообещала Джиад, все еще хмурясь. — Вас кто-нибудь навещает? Или это запрещено?

— Запретить мне что-то можете только вы, каи-на, — снова улыбнулась Санлия той же сдержанной, но исполненной грустного достоинства улыбкой. — Просто теперь у меня гораздо меньше друзей. Оказывается, это очень удобно: теперь я абсолютно точно знаю, кто из них

настоящий. Из всех наложниц приплывает только Леавара. Она чудесная девочка, пусть Мать Море даст ей много счастья. И из прислуги кое-кто заглядывает не по обязанности. Остальные... Думаю, вы сами понимаете.

— Понимаю, — уронила Джад, испытывая неприятное чувство вины за весь человеческий род, с хвостами он или без. — Вам вернут книги. И я попрошу Леавару собрать ваши вещи. А с комнатой... придумаем что-нибудь.

Она еще раз оглядела тюремную камеру — иначе это не назовешь — и честно сказала:

— Санлия, я понятия не имею, что мне с вами делать. Есть какая-нибудь возможность дать вам свободу? Его величество обещал, что вскоре я смогу покинуть Акаланте, но до этого времени надо как-то устроить вашу судьбу.

— И вы согласны... просто отпустить меня? — тихо уточнила Санлия, глядя на нее с непонятым выражением. — После всего зла, что я вам причинила?

Джад молча кивнула. Ей совершенно не хотелось пускаться в рассуждения, кто больше виноват в случившемся, или уверять Санлию, что преступления той прощены и забыты. Но никакого возмездия суаланке она и в самом деле не желала — та уже достаточно расплатилась за сделанное из любви к сестре.

— Вас вряд ли отпустят, пока Кариша на свободе, — честно сказала она, опускаясь на край кровати и чувствуя, что та гораздо тверже обычных постелей. — Но потом — да ради Малкависа, если это зависит от меня.

— Должно быть, ваш бог милосерден и справедлив, — губы Санлии тронула настоящая улыбка.

— Скорее второе, чем первое, — усмехнулась Джад. — Что вы будете делать? Вам ведь понадобятся деньги на жизнь.

— Да, на обычное вознаграждение бывшей наложницы теперь можно не рассчитывать, — тоже слегка усмехнулась Санлия, на глазах оттаивая. — Но это не страшно. Думаю, я покину Акаланте. В этом городе меня никогда не простят, да и для меня его воды несут слишком много горечи.

— Вернетесь домой?

— Нет, — покачала головой суаланка и задумчиво потерела кончик косы. — Там мой бывший жених, мне нельзя с ним встречаться. А еще... там мне всегда будут напоминать, что я была наложницей тир-на Алестара, врага Суаланы. Я уплыву куда-нибудь подальше. В Маравею, например. Говорят, там тепло и красиво. Целители везде нужны, а я все-таки была хорошей ученицей своего отца. Если вы распорядитесь вернуть мне вещи, я смогу продать несколько подарков его величества, и мне с лихвой хватит и на инструменты, и на зелья, и на жизнь первое время. Лекарям не нужны жемчужные ожерелья.

Она лукаво улыбнулась, став совсем прежней Санлией, и Джад невольно испытала уважение к чужой отваге. Отправиться в незнакомый город, одинокой и беззащитной, чтобы зарабатывать на жизнь нелегким трудом целителя — это требует немалого мужества! Интересно, знал ли Алестар свою наложницу такой? Или для него, как и для всех, она была хрупкой разряженной куколкой, не заботящейся ни о чем, коме сплетен и украшений? Сейчас все наносное слетело с Санлии, как слетает разбитая скорлупа раковины-жемчужницы, оставляя драгоценное ядро. «И вправду начинаю думать как иреназе, — недовольно сказала себе Джад. — Ведь не вспомнила про орехи или золотые вкрапления в пустой породе».

— Теперь я точно знаю, что семья не для меня, — задумчиво сказала Санлия. — Никогда — страшное слово для тех, кто на что-то надеется. Но если надежды нет, можно просто жить дальше. Я всегда хотела увидеть другие страны. Ах, каи-на Джад, какая вы счастливая!

— Я? — растерялась Джад.

— Вы вернетесь на землю, — пояснила Санлия и мечтательно вздохнула. — Там совсем другой мир! Огромный, непредставимо интересный... Да-да, я понимаю, что и там есть болезни, насилие и ложь. Но там все совсем иное! Как жаль, что вы, люди, к нам спускаться можете, а нам дорога наверх заказана.

— Да, пожалуй, — кивнула Джад. — Может, тогда между землей и морем было бы меньше вражды... Что это?

Она насторожилась, чувствуя, что вода как-то странно ощущается. Глянула на Санлию — та испуганно озиралась вокруг, ее глаза казались огромными на посеревшем от ужаса лице. Медленный тяжелый гул словно катился со всех сторон, мучительно ощущаясь плотью и костями. Джад попыталась вдохнуть поглубже... Тронула рукой амулет на шее — тот тоже гудел странно и страшно. Мир вокруг взбесился, и Джад разом вспомнила, что над ее головой — огромная толща камня, из которого сложен дворец, а дальше во все стороны бесконечная вода.

— Сотрясение дна... — скорее угадала по движению губ Санлии, чем услышала Джад. — Далеко, но...

— Уходим отсюда! — решительно сказала Джад. — Если дворец завалится...

Ей на миг подурнело, стоит представить, что все эти бесчисленные коридоры, комнаты и залы обрушатся внутрь.

— Лилайн! — вспомнила она. — Он здесь! И плыть не может!

Рванувшись в ставшей плотной, как в дурном сне, воде, она подплыла к двери, молясь, чтобы ту не заклинило. И чтобы землетрясение не пробудило вулкан, на котором стоит Акаланте, иначе они и уплыть не успеют, погибнув вместе с городом. Санлия оказалась рядом, тоже налегла на дверь с неожиданной силой, и они вдвоем вывалились в коридор, едва не столкнувшись с встревоженным гвардейцем, в котором Джад узнала всегда веселого Камриталя. Неразлучный с ним Семариль маячил за спиной друга.

— Каи-на, мы за вами! — выпалил Камриталь, окидывая ее взглядом. — Три Брата пробудились. Его величество велел вывести вас в безопасное место. Скорее, медлить нельзя!

Глава 4. Испытание огнем

— Я не поплыву без Лилайна, — спокойно предупредила Джиад. — Мой друг ранен и не сможет выбраться сам.

— Каи-на, прошу вас! — взмолился Камриталь, складывая руки перед грудью. — Ему помогут целители и слуги, а у нас строгий приказ его величества не медлить.

— Господин Камриталь, — так же бесстрастно и ровно поинтересовалась Джиад, — как вы думаете, что будет быстрее, помочь мне забрать его или тащить меня силой?

Гвардеец поймал ее взгляд и мгновенно принял верное решение.

— Показывайте комнату! — выдохнул он.

Семариль ругнулся, поминая Глубинных, но Джиад уже изо всех сил рванулась по коридору. Камриталь обогнал ее, поплыл, держась немного впереди, и Джиад поняла, что продвигаться в струе воды, рассеченной хвостом иреназе, гораздо легче. Камриталь — умница... Если бы она подбирала Алестару новую охрану, начала бы с этих двоих. Мысли лезли в голову несвоевременные, но Джиад цеплялась за них, пытаясь отвлечься от страха перед землетрясением. Или здесь это моретрясение?

Минута — и нужная дверь оказалась перед ними. Гвардейцы распахнули ее одним махом, и Джиад метнулась внутрь, а следом за ней зачем-то проскользнула Санлия. Лилайн спал, замотанный в плотные повязки, пересекающие его плечи и грудь. Джиад кинулась к нему, тронула здоровое плечо, но Каррас даже не шевельнулся. Лицо его казалось нездорово бледным, хотя грудь вздымалась ровно. Вокруг металась Санлия, что-то собирая в подол задранной туники, но больше в комнате никого не было. Видимо, целитель отлучился, решив, что раненый все равно крепко спит, а про слуг Джиад и думать не стала — не до этого.

— Помогите его вытащить, — велела она гвардейцам, тоже всплывшим в комнату, и те молча подчинились.

Камриталь подхватил так и не проснувшегося Лилайна за плечи, Семариль взял ноги, и вдвоем они довольно быстро потащили Карраса к выходу. Джиад последовала за ними, злясь на свое бессилие под водой и понимая, что ничем не может помочь. Ну не толкаться же на дороге у иреназе, которые даже с тяжелой ношей плывут так быстро, что она едва за ними успевает. Благодарение Малкавису и местным богам, что Лилайн спит!

— Все будет хорошо, каи-на, — сказала Санлия, держась рядом с ней. — Здесь, на дне, опасность не так уж велика, это жителям берега следует бояться, если никто их не предупредит.

— Не предупредит о чем? — спросила Джиад, не поворачиваясь, чтоб не терять скорость.

— О Великой Волне, — спокойно сказала суаланка. — Сотрясения дна часто порождают огромные волны, далеко уходящие на берег. Разве вы не слышали легенду об Ираэли?

— Той... которую... предал... Аусдранг? — тяжело выдохнула Джиад, чувствуя, как с каждым взмахом рук и ног ей труднее плыть.

Вода становилась все плотнее и неподатливей, а дыхания не хватало, словно она долго бежала на пределе сил. «Амулеты, — мелькнула короткая и страшная мысль. — Если они откажут... А кто знает, как это все действует на морскую магию?!»

— Именно, — безмятежно подтвердила Санлия. — За предательство и жестокость король Акаланте наказал побережье Великой Волной, что прокатилась до самой столицы. Это очень далеко?

У Джиад предательски потемнело в глазах. Адорвейн в нескольких лигах от побережья, но есть еще рыбацкие деревушки, беззащитные перед стихией! Она вспомнила гостеприимных жителей побережья, что помогли ей после побега из подводного плена. Если по берегу прокатится Великая Волна, они обречены! Там же на многие лиги не останется ничего живого!

Коридоры, по которым они плыли, стали заполняться иреназе. Никто не кричал от страха, как было бы на суше, не толкался и не мешал друг другу. Просто тяжелый поток тел заполнял все вокруг, плеща хвостами и руками, и все новые ручейки вливались в него из боковых

коридоров. Иреназе покидали дворец молча, сосредоточенно и быстро, помогая друг другу, поддерживая пожилых и оберегая детей.

— Камриталь! — окликнула Джиад гвардейца. — А где его величество?

Она так и не успела передать Алестару, что сказал Виалас. А это очень важно! Хотя не важнее, чем спастись от землетрясения. Интриги жрецов подождут, лишь бы все обошлось, и было кому их распутывать. Проклятье, у рыжего же нет Сердца Моря! Как он успокоит вулкан? Снова кровью? Тогда тайну пропажи Сердца точно не сохранить, но лучше раскрыть ее, чем позволить Великой Волне обрушиться на побережье!

Чьи-то руки и хвосты взбивали воду вокруг нее, Джиад изо всех сил старалась не отставать, видя, с каким беспокойством время от времени оборачивается на нее Семариль, и как другие иреназе жмутся к стенам коридора, уступая дорогу королевским гвардейцам и ей с Санлией... И тут невольная теснота вмиг закончилась, потому что их вынесло в огромное пространство подводного города. Джиад завертела головой, пытаясь осмотреться, и поняла, что они выплыли наружу через одно из бесчисленных отверстий в дворцовой стене, заменяющих здесь и окна, и двери. Боги, храните иреназе за то, что все обошлось без давки! Испуганная толпа — страшный зверь, тупой и безжалостный.

— Следуйте за нами, каи-на!

Семариль тронул ее за плечо, и Джиад подчинилась, больше не оглядываясь на дворец. Давящее чувство в груди постепенно отпускало, дышать стало легче, зато начало колоть правое плечо. Наверное, ударились им обо что-нибудь, пока плыла. Или растянула... Она поморщилась, стараясь держать скорость, взятую иреназе, но те, отплыв подальше от стены, остановились.

— Все хорошо, каи-на? — внимательно глянул на нее Камриталь, поддерживая Карраса.

Кивнув, Джиад подплыла к Лилайну и взяла его за руку. Алахасец так и не проснулся, и этот болезненно крепкий сон уже начинал тревожить.

— Позвольте мне, каи-на, — услышала она мягкий голос Санлии.

Еще во дворце суаланка подняла подол своей длинной туники и заткнула его под пояс, так что на животе у нее получился огромный карман, который что-то оттягивало. Не обращая внимания на эти неудобства, она взяла Лилайна за свободную руку, прижала пальцами запястье и зашевелила губами, считая сердцеебиение. Через некоторое время, показавшееся Джиад томительно долгим, Санлия успокаивающе улыбнулась и полезла в «карман», пояснив:

— Нужно поменять повязку и дать вашему другу лекарство. Я позволила себе дерзость прихватить необходимое...

— Благослови вас Трое и все известные мне боги, Санлия! — искренне сказала Джиад с огромным облегчением. — Я так благодарна, что вы позаботились об этом!

— Потому что я не воин, — сказала суаланка, продолжая с легкой грустью улыбаться. — Это воины вечно забывают, что любая битва когда-нибудь закончится и нужно будет спасти тех, кто еще жив. Господа, — обратилась она к гвардейцам со спокойной властью, — вам лучше опустить его на дно. И мне нужно больше света!

— Сейчас поищу туарру, — кивнул Семариль и скрылся в толпе плавающих поблизости иреназе, а Джиад снова посмотрела Лилайну в лицо, с тревогой отмечая, как оно побледнело еще сильнее, а черты заострились.

— Не тревожьтесь, каи-на, — тихо сказала Санлия, растирая пальцы алахасца. — Я напою его обезболивающим, а потом попробую бережно разбудить, чтобы сон не стал опасно глубоким. Поддержите его голову. Будет хорошо, если вы положите ее себе на колени. Только поверните набок, чтобы язык не западал внутрь.

Джиад послушно выполнила сказанное, и ей стало немного легче, когда она почувствовала тяжесть тела Лилайна на своих руках. словно, поддерживая наемника, она могла чем-то помочь ему или прикрыть от опасности собой. «Я слишком много ему должна, — подумала она, обнимая плечи Лилайна и следя, чтоб тот не запрокинул голову. — Хотя, Малкависом клянусь, я предпочла бы и дальше нести бремя долга, лишь бы Каррас оставался в безопасности». Неподалеку от них постепенно собиралось все больше жителей моря. Покинувшие дворец иреназе разговаривали громко и с торопливым оживлением, словно на

место страха приходило облегчение, и этот признак вернее прочих сказал ей, что угроза если не миновала, то хотя бы дала передышку.

Семариль, вынырнув из толпы, подплыл к Джад, в руках у него светился большой шар туарры, и это голубое сияние дало понять, что вокруг довольно темно. Наверное, наверху солнце уже преодолело зенит и теперь спускается к краю моря. Какой бесконечный день! И прежде, чем он закончится, судьба Акаланте и жителей Аусдранга еще крепче сплетется воедино либо общим спасением, либо такой же общей гибелью. Где же Алестар? Сердце тревожно заныло, и Джад, сама удивляясь этой тоскливой тревоге, упрямо напомнила себе, что дело вовсе не в беспокойстве за рыжего. Просто Алестар — снова их единственная надежда выжить.

— Держите туарру пониже, ири-на Семариль. Вот так, да.

Санлия, опустившись рядом и уложив на песчаное дно роскошный темно-синий хвост с блестящим плавником, развязала узлы туники, достала мягкие темные полосы, похожие на шелковистую ткань, и острый, чуть изогнутый нож. Ловко надрезав повязки на плече Лилайна, она бережно сняла их, убрала точно такие полосы, оказавшиеся внизу и уже пропитанные кровью, и заменила их свежими.

— Это водоросли сетанагра, — пояснила она Джад, ловко заматывая повязки обратно. — Они выделяют сок, убивающий заразу, если та попала в рану. Очень хорошее средство, но редкое и дорогое. Будь у нас с отцом его побольше, сколько жизней мы могли бы спасти...

Она вздохнула и туго свернула использованные водоросли, от которых расплывалось темное кровавое пятно, тоже объяснив:

— Их следует вернуть целителю, который лечит вашего друга. Он осмотрит сетанагра и определит, исходит ли рана слишком много крови. Гной тоже можно увидеть, но для него слишком рано. Будем надеяться на милость Матери Море, что он и не появится. Поднимите его голову повыше, каи-на.

Покопавшись в подоле и достав пару коробочек, Санлия с сомнением посмотрела на Лилайна, бросила одну обратно и заменила другой, из которой вытащила серую плотную пиллюлю...

Джад глядела на это, невольно затаив дыхание и безмолвно молясь. Пусть ее бог и не был покровителем лекарей, но кому, как не ему, ведома цена храбрости и стойкости.

«Помоги ему, Малкавис, — просила она, чувствуя сладкую горечь надежды. — Он пострадал из-за меня, твоей жрицы. Он верен, честен и отважен. И хотя он не поклоняется тебе словами, но его дела чтут тебя».

— Вот и все, — тихо сказала Санлия, когда горло алахасца дрогнуло, пропуская пиллюлю, а потом еще одну. — Через несколько минут я постараюсь его разбудить...

— Госпожа Джад, вот вы где!

В голосе подплывшего к ним Эргиана слышалось искреннее облегчение. Принц Карианда опустился рядом с ней на песок, с любопытством глянув на Лилайна, и заинтересовался:

— А жители земли все черноволосые и темнокожие, как суаланцы? Это из-за солнца? Наши ученые жрецы говорят, что его лучи добавляют живым созданиям красок, потому в Бездне все так бесцветно, а чем выше к поверхности моря — тем рыбы и растения ярче.

— Нет, — отозвалась Джад, беря руку Лилайна и стараясь уловить биение сердца в его крови. — У людей волосы, кожа и глаза тоже разного цвета, как у иреназе. Хотя ваши жрецы правы. На юге, откуда я родом, солнца больше, и люди там темнее.

— Еще один человек в подводном королевстве... — задумчиво протянул Эргиан, глядя на Лилайна со странным выражением лица. — Ваше появление, госпожа Джад, всколыхнуло глубины, породив такие волны и смещения скал, которых наш мир не видел уже много столетий. Новая жизнь иреназе рождается прямо сейчас, и это не остановить, как бы кому-то этого ни хотелось. Впрочем, прямо сейчас у нас другие заботы, верно?

Карианец беззаботно улыбнулся, словно они с Джад сидели за очередной партией в риши, и все, что его беспокоило, это очередной ход. «Сказать ему или нет? — спросила себя Джад. — Маритэль больше не может выйти замуж за Алестара, и ее брату следует об этом знать. Это ведь меняет... решительно все! Но первым должен узнать Алестар, и пусть он сам решает, кому рассказывать. Это не мое дело — снова влезать в хитросплетения глубинной политики!

Не мое ведь, правда?»

— Что собирается делать его величество? — спросила она вслух, косясь на держащихся рядом гвардейцев, и Эргиан, как обычно, понял ее с полуслова.

— Спасать Акаланте, разумеется, — пожал он плечами. — Прошлым способом за неимением другой возможности.

«Значит, снова будет жертвовать кровью и рисковать...» Джад поморщилась — плечо уже откровенно жгло. Она положила туда ладонь, пытаясь растереть больное место, но пальцы нащупали что-то твердое... Она совсем забыла про перстень Аусдрангов! После разговора с Лилайном, найдя кольцо, сунула его обратно в тайник и приколола на плечо, где пряжка и потерялась в складках мягкой широкой туники. А сейчас серебряная бляха нагрелась и дрожала под пальцами. Вот зар-раза...

— Если бы кто-нибудь спросил моего мнения, — непринужденно продолжал Эргиан, — я бы сказал, что спасать остальных ценой собственной жизни — очень вредная привычка. Но истинно королевская, с этим не поспоришь.

Отколов словно еще сильнее потяжелевшую пряжку, Джад сдвинула пластину, вытряхнула на ладонь злополучный перстень и едва не охнула от боли и неожиданности. Золото ободка показалось раскаленным, несмотря на воду вокруг, а рубин горел и пульсировал, словно живой.

— Что это у вас, каи-на? — услышала она мягкий и такой спокойный голос Эргиана, что замерла от разом обрушившегося предчувствия то ли беды, то ли чего-то иного, еще непонятного. — Позвольте взглянуть?

Он протянул руку, и Джад молча положила в нее перстень, почему-то не предупредив кариандца, что вещичка с норомом.

— Хвосты глубинных! — растерянно ругнулся Эргиан, уронив перстень на песок перед собой и детским движением прижав обожженную ладонь ко рту. — Это же...

Он воззрился на перстень с испуганным и благоговейным восторгом, совершенно непривычным для ироничного и всегда спокойного глубинника, потом поднял взгляд на Джад.

— Скажите, что это именно то, что я вижу! — попросил он, и Джад хмуро отозвалась:

— Это перстень Аусдрангов, из-за которого я сюда попала. Но я понятия не имею, что вы видите, ваше высочество...

— Аусдранги... — завороченно протянул Эргиан, и в его серых глазах просияло мгновенное озарение. — Ради Троих, Джад, вы же сами все понимаете! Ну!

Алый рубин, на который не попадал свет гуарры в руках плавающего рядом Семариля, должен был казаться темным, но вызывая ярко сиял собственным светом, будто на морское дно упал раскаленный и чудом потухший уголек. Джад показалось, что он мерцает в ритме человеческого сердца, но чьего? Ее собственное билось хоть и быстро, но ровно, а огонек внутри рубина иногда подрагивал и мерцал. Точно так же дрожало свечение гуарры в фальшивом Сердце Моря и Джад закусила губу, тоже осозная то, что еще мгновение назад казалось немыслимым. Совершенно невозможным! В перстне Аусдрангов частица Сердца Моря?!

— Осколок? Но откуда? — растерянно спросила она у Эргиана, и тот азартно улыбнулся, мгновенно преобразившись.

— Какая сейчас разница? Главное — вовремя. Ох, если я еще раз усомнюсь, что боги любят Акаланте, прицепите мне дюжину крабов на хвост! Но право, это даже обидно как-то! Я только-только согласился сунуть нос в жерло вулкана, словно какой-то неразумный малек салру. Ну или его непревзойденное отважное величество, — добавил он невинно, тоже покосившись на гвардейцев. — А теперь, того и гляди, наш с ним будущий подвиг станет чуть менее безнадежным, и это почти оскорбительно. Я как раз начал заражаться героическим безумием, которым все здесь пропитано, и даже находить в нем удовольствие. Только тир-на Алестару об этом не говорите, а то он решит, что ничего мне не должен за помощь.

— Вы... тоже собрались туда плыть? — удивилась Джад, пропуская мимо ушей насмешливую болтовню кариандца.

Хотя чему тут на самом деле удивляться? В прошлый раз только хладнокровная отвага Эргиана спасла и Алестара, и ее саму.

— Ну да, — с той же легкой беззаботностью отозвался глубинник. — Видите ли, вдвоем некоторые вещи делать гораздо удобнее и приятнее. Например, заниматься любовью, играть в риши или умирять вулканы.

О боги, он хоть когда-нибудь бывает серьезным?! Джад невольно улыбнулась шутке и тут же вскинулась, с недоумением глянув на Эргиана. Вдвоем? Получается, что теперь она Алестару не нужна? А если что-то пойдет не так? Впрочем, если с происходящим не справятся два прирожденных властителя моря, что сможет сделать она, человек? Наверное, все правильно. Алестар должен спасти свой народ, а ее дело — присматривать за Лилайном.

Но тоскливая тревога не отступала, вцепившись в сердце острыми кривыми когтями, и Джад, как ни старалась ее прогнать, положившись на милость Малкависа, не могла отрешиться от мыслей, что беспокоится за Алестара больше, чем просто за короля Акаланте, способного спасти и свой город, и побережье.

— Это очень опасно? — спросила она, опуская взгляд к лицу Лилайна и с облегчением видя, что щеки алахасца утратили пугающую мертвенную бледность. — Вы справитесь?

— Мы постараемся изо всех сил, — честно ответил Эргиан. — Слишком многое зависит от исхода этой партии между иреназе и Глубинными богами. Акаланте нужен притихший вулкан, который не разбудит остальные, а лично мне — обещанные Карианду плодородные долины, которым этот вулкан как раз угрожает. Поэтому нам придется справиться. Не тревожьтесь, госпожа Джад, — улыбнулся он, пряча под насмешливостью беспокойство. — Я постараюсь вернуть наше героическое рыжее величество целым и невредимым, он ведь еще не научил меня гонкам на салту. Вы позволите передать это тир-на Алестару?

Он накрыл ладонью перстень, лежащий между ними, и Джад несколько растерянно кивнула. Если это действительно осколок Сердца Моря, как она может отказать? И зачем? Да если бы она только знала — давно отдала бы перстень сама.

Эргиан оттолкнулся хвостом от дна и уплыл, а Джад снова посмотрела на Лилайна, над руками которого колдовала молчаливая Санлия, растирая пальцы и запястья. Ресницы алахасца дрогнули, он медленно открыл глаза, посмотрел на сосредоточенную суаланку и с трудом выдал:

— Джи...

— Я здесь, — поспешно сказала Джад, понимая, что наемник обманулся темными волосами и смуглой кожей Санлии.

Действительно, спросонья их с суаланкой можно и перепутать. Странно, как раньше это не приходило Джад в голову. Интересно, не потому ли они обе понравились Алестару, что рыжий просто предпочитает возлюбленных с особой внешностью? Например, совсем не похожих на потерянную им Кассию...

Лилайн повернул голову, посмотрел на Джад уже осознанно и улыбнулся ей. Нашел ее руку своей и сжал пальцы, перебирая их совсем как раньше. Знакомый до мельчайшей черточки лица и тела, надежный, почти родной... «Любимый?» — подсказал внутренний голос с тенью неуверенности, которой Джад тотчас устыдилась.

— Как ты? — спросила она, глядя кончиками пальцев его щеку, на которой уже начала пробиваться темная щетина.

— Рядом с тобой, — усмехнулся Лилайн тоже прежней улыбкой. — Значит, все хорошо. Джи, обещай, что мы вернемся наверх, как только я смогу шевелиться. Плевать на Аусдранг, мои люди помогут нам сбежать из этой богами проклятой страны. Поедем в твой Храм, и я уговорю ваших жрецов отпустить тебя. Если надо — сам к ним в рабство пойду. Должны ведь они понять...

— Конечно, — успокаивающе сказала Джад, зная, что скорее отгрызет себе руку, чем скажет сейчас алахасцу, что от долга перед Храмом ее уже пообещал освободить Алестар. — Конечно, мы вернемся на землю. Только выздоровей сначала, хорошо? Ох, Лил...

Она запустила пальцы в его волосы, перебирая темные жесткие пряди, и с отчаянием подумала, как же все неправильно. Почему она вообще думает не только о том, кто за ее

спасение расплатился свободой и чуть не отдал жизнь, но и о другом, который сейчас пытается преградить путь взбесившейся стихии. Малкавис, пошли просветление своей глупой запутавшейся жрице, помоги отделить вину и благодарность от прочих чувств, подскажи верный путь.

«С каких пор ты стала бояться испытаний, дитя? — слышался ей тихий, почти неслышный голос. — Огонь вулканов или огонь собственных страстей — какая разница для того, кто идет путем чести и мужества? Верь, жди и делай то, что должно».

«А что мне должно делать?» — торопливо спросила Джад.

«Спроси у своего сердца, — с усталой терпеливой усмешкой ответил голос то ли ее бога, то ли ее разума. — Если сердце живет одним лишь долгом, оно мертво, но в твоём горит огонь, который сам по себе — испытание. Спроси у него и имей мужество услышать ответ».

— Ваше величество, дворец пуст, — доложил советник Лорасс, и Алестар кивнул, вспоминая, не забыл ли еще что-нибудь срочное, что непременно нужно сделать перед тем, как отправляться к вулкану.

— Благодарю, каи-на, — уронил он, и Лорасс, после истории с Миаларой ловивший малейший знак его благоволения, поклонился, благодарно просияв.

Где же гвардейцы, посланные за Джад? Им было велено известить Алестара, как только жрица окажется в безопасности! Если с ней что-нибудь случится... «А чтобы не случилось, — сказал сам себе Алестар, — нужно все сделать как надо. Успокойся, это просто очередной проснувшийся вулкан. Ты же справился в прошлый раз».

Он постарался не думать, что в прошлый раз ему просто повезло. А еще рядом оказался принц Карианда... И Джад... «Нет уж, ее я точно не потащу к вулкану второй раз! Кстати, а где Эргиан? Пообещал помощь и исчез, когда каждый час на счету. Солнце скоро зайдет...»

— Лорасс, — велел он вслух, — найдите его высочество Эргиана и...

— Зачем меня искать? — удивился кариандец, выплывая из-за пары гвардейцев, приставленных к Алестару Ирталем. — Я в полном распоряжении вашего величества. Мы отправляемся прямо сейчас?

Алестар мельком позавидовал подобной безмятежности — Эргиан словно собирался на приятную прогулку, а не к жерлу взбесившейся горы. Всего полчаса назад наблюдатели, приплывшие от Старшего Брата, сообщили, что по всей долине перед склонами вулканов прорываются горячие источники, и тянуть дольше — смертельно опасно.

— Да, — уронил он, смирясь, что не успеет увидеть Джад. — Если вы готовы. Где ваш салту?

— Реголар его держит, — махнул рукой Эргиан. — Кто еще плывет?

— Моя охрана, — хмуро сказал Алестар. — Не до самого конца, конечно. Эргиан, вы уверены? Мне нужна ваша помощь, но это опасно.

— О да, ваше величество, — фыркнул глубинник, перетягивая поясной ремешок на своей прочной кожаной тунике с множеством карманов. — Расскажите мне, что мы оба можем погибнуть. Вдруг я испугаюсь и передумаю! Мне казалось, что мы уже это обсудили. Лучше давайте поговорим о действительно нужных вещах. Как вы собираетесь подобраться к жерлу?

— Никак, — хмуро сказал Алестар. — Я буду искать точку резонанса, как и в прошлый раз. Если бы толчки только начались, к жерлу еще можно было бы подплыть, но сейчас там из-под каждого камня ползет дыхание глубинных. Мы отправимся раньше, чем доберемся хотя бы до склона.

— Разумно, — кивнул Эргиан и выразительно покосился на советника Лорасса, почтительно ожидающего дальнейших распоряжений.

— Лорасс, помогите Ирталю, — велел Алестар. — Он поддерживает порядок в городе...

— И это вы называете порядком? — раздался сварливый голос, и Лорасса бесцеремонно потеснил жрец Герлас, опустившись прямо перед Алестаром. — Ваши подданные мечутся, как бестолковые мальки! Иртал, конечно, старается, но клянусь хвостом, гораздо больше пользы было бы от дюжины опытных пастухов салту с лоурами подлинней. Лорасс, на рыночной площади вас ждут мои младшие жрецы. Возьмите их и разгоните это перепуганное стадо

обратно по городским кварталам. Пусть плавают поверху, лишь бы к домам не спускались, а если опять начнет трясти, мои мальчики соберут и уведут из города всех, у кого осталась хоть капля разума. Я отправляюсь с вами, ваше величество! — объявил он, снова поворачиваясь к Алестару.

Алестар кивнул Лорассу, подтверждая сказанное, и советник торопливо уплыл.

— С какой стати, амо-на? — поинтересовался Алестар у Герласа, разрываясь между благодарностью предусмотрительному жрецу и досадой на его бесцеремонность.

— С той, что без меня вы не справитесь, — отрезал служитель глубинных богов. — Вам ведь уже доложили, что вода у вулкана полна ядовитых испарений? О да, храм Троих умеет красиво говорить о милости богов, раздавать утешения и варить зелья в чистеньких пещерах. Но когда нужно лезть в кипящую грязь и отраву, от их жрецов никакой пользы! Этим с начала времен занимаемся мы, не боясь испачкать руки и обжечь плавники. Как вы думаете, тир-на, кто ремонтирует проложенные под городом трубы, чистит горячие источники и забившиеся сливы для отходов? Кто затыкает уходящие в Бездну щели, из которых сочится дыхание глубинных? Те, кого никто не замечает, пока все в порядке!

— Я помню о вашем служении и чту его, амо-на Герлас, — очень сдержанно сказал Алестар. — Но...

— Но вы собрались поплыть к вулкану и надышаться ядовитой дрянью, — подхватил жрец таким ехидным голосом, что еще неизвестно, где отравы было больше. — А между тем, в моем храме давным-давно придуманы средства защиты!

— От глубинных испарений? — вскинулся Эргиан с неподдельным азартным интересом. — У вас тоже?

— Что значит «тоже»? — сварливо хмыкнул Герлас. — Это еще вопрос, кто придумал их раньше. Не забывайте, юноша, что истинный город-прародитель иреназе — это Акаланте, все остальные созданы теми, кто покинул родину...

— Амо-на Герлас! — непочтительно прервал Алестар. — Урок истории — это прекрасно, только не ко времени. У вас есть что-то, способное защитить нас от отравы?

— Разумеется! — самодовольно отозвался Герлас и подозвал жестом молодого жреца в темной храмовой тунике, забрав у него большой, чем-то туго набитый мешок. — Но это тайна, которую я не имею права раскрывать непосвященным. И не смотрите с такой насмешкой, юноша, — ткнул он пальцем в Эргиана. — Мне прекрасно известно о тех несовершенных примитивных устройствах, которыми пользуются ваши охотники за редкими веществами, спускаясь в Бездну. Два-три часа дыхания и простенькие фильтры! Пф... Впрочем, полагаю, у ваших жрецов тоже имеется что-то помощнее... Но это неважно. Если вы хотите подобраться к вулкану, тир-на, — снова повернулся он к Алестару, — вам придется взять меня с собой. Никому другому я тайны храма не доверю.

— Это опасно, — угрюмо предупредил Алестар, и Герлас опять фыркнул, закатив глаза и на мгновение став удивительно похожим на кариандца.

— Ваше величество, — тихо сказал Эргиан Алестару на ухо, когда жрец отвлекся на подведенного ему салту, — что бы вы сейчас дали за Сердце моря? Не целое! — поспешно добавил он, встретив взгляд рывком обернувшегося к нему Алестара. — Осколок! Но достаточно большой, чтобы послужить проводником вашей воли...

— Эргиан! — выдохнул Алестар с яростным изумлением. — У вас есть частичка Сердца, и вы собираетесь торговаться? Сейчас?!

— Да, а что? — удивился кариандец. — Самое время, я считаю! Разве вас не учили, что продавать нужно то, в чем у покупателя больше всего нужда? С осколком Сердца вы сможете найти точку резонанса гораздо быстрее, да и кровь использовать не понадобится. Я уж не говорю о сохранении тайны.

— Ваше величество, так мы отправляемся? — поинтересовался Герлас, усевшись в седло своего салту и перехватывая поданный ему лоур.

Мешок с таинственной защитой от глубинного яда он прикрепил к седлу, и Алестар закусил губу, понимая, что решать надо быстро. Что кариандец попросит за осколок? И откуда он у него? Впрочем, второе можно выяснить позже, сейчас главное заполучить драгоценную

частицу Сердца.

— Что вы хотите? — тихо спросил он, махнув, чтобы подвели ожидающих неподалеку салту.

Серый опередил остальных, почти волоком притащив за собой парнишку из прислуги, и радостно ткнулся носом в ладонь хозяину. Алестар почесал сморщенную морду, складки на носу и чувствительное местечко между глазами, салту игриво боднул его в бок и потерся мордой о живот.

— А что вы дадите? — прищурился кариандец, принимая повод салту от своего начальника охраны, почтительно поклонившегося Алестару.

— Что угодно, — теряя терпение, процедил Алестар, одним движением оказываясь в седле Серого, и тут же поправился, вспомнив, с кем имеет дело: — В разумных пределах, конечно.

— О, какое ценное уточнение! — насмешливо фыркнул Эргиан. — Мои наблюдения показывают, что пределы разумного у всех разные, тир-на. У некоторых они и вовсе отсутствуют, причем это зачастую те, у кого с разумом все в порядке. Ладно, что угодно — это как раз подходящая цена! И я даже соглашусь оставить определение пределов на ваше усмотрение и чувство чести. Слово короля?

Где-то в этих хитросплетениях точно крылся подвох. Чтобы Эргиан был искренен? Да скорее Старший Брат успокоится без всякого вмешательства. Но если кариандец признает, что Алестар сам определит разумность платы, значит, она не будет непомерно велика? Ведь не враг же Алестар себе? Но все-таки, что может понадобиться глубиннику? В любом случае, придется это отдать. Усмирить вулкан — важнее всего, да и притворяться, что Сердце моря не похищено, с осколком будет гораздо проще.

— Слово короля, — кивнул он, стараясь говорить достаточно тихо, чтобы отплывший на несколько взмахов Герлас, нетерпеливо дергающий поводом своего салту, их не расслышал. Благо, шума вокруг от покинувших дворец иреназе было предостаточно. — Любая ваша просьба, которую я смогу исполнить без урона своей чести и ущерба для Акаланте.

— Хорошее определение, мне нравится, — одобрил Эргиан, весело блеснув светло-серыми глазами, и протянул что-то круглое, тревожно сверкнувшее ало-багровым огоньком.

Словно огромная капля крови застыла в золотой оправе. Перстень... Алестар взял его из пальцев кариандца, чувствуя холод металла, ничуть не согретого ладонью глубинника. Глянул на широкий массивный ободок, золотые лапки оправы... Узнавание пронзило резкой болью, хотя он видел этот перстень всего один раз в жизни и несколько мгновений... У той скалы, где они с Джадд встретились на беду друг другу...

— Перстень Аусдрангов, — сказал он одними губами, удивляясь, как вообще может ими шевелить.

Боль, поднимающаяся откуда-то изнутри, наполнила его, обернувшись ледяной тоской, раскаленным стыдом, мучительным осознанием того, что случилось, когда он первый и единственный раз взял эту вещь в руки.

— Откуда?!

— Ваша жрица-страж попросила передать, — с абсолютно невозмутимым лицом сообщил Эргиан, и Алестар снова закусил губу, теперь уже изнутри, но до вкуса крови, чтобы прийти в себя.

Джадд нашла перстень?! Но... Да неважно — где! Расскажет потом! Алестар глянул на глубинного принца, изнывая от бешенства, и очень ровно, с подчеркнутым спокойствием спросил:

— Она попросила передать эту вещь мне? А вы мне ее продали?

— Вот именно! — возмутительно безмятежно сообщил Эргиан. — А почему бы и нет, если вы на это согласились? Слово короля — честь моря. Не так ли, мой дорогой будущий родич?

— И... что вы хотите? Дорогой... родич...

Злость на себя и кариандца кипела, рвалась наружу, и он едва сдерживал ее, чувствуя бессилие и от этого злясь еще сильнее. Надо же было оказаться таким дурнем! Безмозглой медузой... Пообещать любое желание этому хитрому, подлому, гнусному маару! Да чтоб ему!

И ведь даже на поединок не вызвать! Посол — лицо неприкосновенное, притом Эргиан сейчас нужен как никогда! Да и что решит поединок, если Алестар сам виноват?!

Герлас уже извертелся в седле, ожидая их, и присоединившийся к нему охранник кариандца смотрел с тревогой, да и гвардейцы явно почувствовали неладное, насторожившись. Алестар сжал свободной рукой повод Серого, и чуткий к настроению хозяина салту забеспокоился, оглядываясь по сторонам, скаля страшные зубы, а Эргиан все так же насмешливо и беззаботно улыбался. Потом чуть наклонился в седле, глянув Алестару прямо в лицо, и таинственным шепотом сообщил:

— Понятия не имею... дорогой родич. Но не сомневайтесь, непременно что-нибудь придумаю. Если, конечно, мы оба вернемся с сегодняшней прогулки. Теперь у меня появилась еще одна веская причина на ней выжить и убедиться, что выжили вы.

Скрипнув зубами, Алестар тряхнул повод Серого, натянул его, а потом отпустил, и салту радостно прыгнул с места. Вперед и вверх! Дальше, быстрее, на пределе возможной скорости!

Опомнился Алестар лишь спустя несколько минут, когда и дворец, и сопровождение остались далеко позади. Придержал зверя, не остановив совсем и мрачно пообещав себе, что никому не будет объяснять причину. К счастью, никто его спрашивать и не стал, просто догнали и поплыли рядом, пристроившись кто в хвост, кто по бокам, и Алестар уже спокойнее тронул повод и направил Серого в нужную сторону, следя, чтоб не отстали ни Герлас на крупном, но не слишком резвом салту, ни гвардейцы, у которых звери были хороши, но слишком молоды и потому пугливы.

Эргиан и вовсе держался позади, хотя его салту единственный мог бы потягаться с Серым в скорости. «Вот же маару хитрохвостый! — подумал Алестар, успокаиваясь и уже не без раздраженного восхищения. — Ну почему мне никогда не попадался такой соперник на Арене?! Милостью Трои хлянусь, его бы я не то что не убрал, как Торвальда, — чешуйке бы с него не дал упасть! Ах, как бы мы сражались за Золотой Жемчуг! И почему у меня никогда не было такого... друга?»

Слово возникло в его сознании так неожиданно, что Алестар не сразу понял, о чем именно сожалеет. Друг... Отец всегда внушал ему, что принц, а затем и король может иметь лишь подданных, чтобы оставаться справедливым и беспристрастным. Да, Алестару позволялась дружба с Эруви и Кассией, были в их кругу и знатные юноши... Но никто из них никогда не оказывался даже на равных, не говоря уж о том, чтобы насмешливо дергать гордость Алестара за хвост, как это постоянно делал Эргиан. Его свита всегда следовала за ним и делала то, чего хотел принц!

Отправиться на Арену или в город? Устроиться в библиотеке или поплыть в открытое море за скальный хребет? Подкрасться к человеческой лодке и порезать сети? Сплавать в далекую дику бухту, куда ночью причаливают человеческие корабли с товаром, и напугать матросов? Алестар придумывал новые и новые забавы, а друзья либо разделяли их, либо отговаривали, упирая на опасность, и он обычно соглашался, понимая, что они слабее и не такие ловкие, волны не так их слушаются, и с прибоем им справиться труднее.

О да, он всегда и на всех смотрел свысока! И никто во всем Акаланте не позволял себе превзойти его! Не поэтому ли его так тянуло на Арену, что там оставалась хотя бы видимость честной борьбы? И на охоту — чтобы уж окончательно исключить даже мысль о том, что соперники поддаются, и он, Алестар, не лучший всадник Акаланте! Дикие салту не знают почтения к королевской крови, эта победа точно не обманет. И если уж снимать чешую с сердца до конца, не потому ли он так безоглядно и мучительно утонул в любви к Джад, что страж была первой, кто не покорился ему, а начал сопротивляться? И оказалась отважнее, сильнее духом и благороднее...

Стоило подумать о ней, и Алестар снова ощутил то сладкое, мучительно откровенное чувство, которое наполняло его при взгляде на Джад, звуках ее голоса, воспоминании о вкусе ее кожи... Любовь к Джад так долго пронизывала его, прорастая в душе и теле, что стала неотъемлемой частью всего его существа, и Алестар беспомощно и безнадежно гнал мысль, что с ним случится, когда жрица вернется наверх... С Эргианом ничего подобного не было, да и быть, разумеется, не могло, но почему-то Алестару отчаянно хотелось превзойти его! Доказать, но не слабость кариандца, а свою силу! И потом предложить разделить победу на двоих, потому что единственный, кто может оценить тебя по-настоящему, — это достойный соперник! Или друг...

«Неужели отец был прав? — растерянно подумал Алестар, перекладывая повод в одну руку, а второй сжимая в ладони холодное тяжелое золотое перстня. — И король обречен на

одиночество? Жена должна быть послушной и воспитанной, подданные — покорными, враги — усмирёнными... И для дружбы здесь попросту нет места? А как же тогда Руалль? Он был верен отцу много лет! Хотя... будь он другом по-настоящему, разве поверил бы чьей-то ядовитой лжи, что Алестар хочет Кассию любой ценой, даже если это смертельно опасно? Друг пришел бы к его отцу и спросил, правда ли это. И ничего из всей случившейся мерзости и жути попросту бы не произошло. Но Руалль был подданным больше, чем другом, и выбрал измену там, где на верность не хватило сил. Как бы поступил Эргиан?»

Он оглянулся на глубинника, прикинувшего к телу своего салту, и заколебался, не позвать ли его? Но на такой скорости они все равно не смогут поговорить, да и о чем? У него нет никаких прав на откровенность кариандца, и тот только что дал это понять. Очень изящно и, главное, доходчиво!

Алестар стиснул зубы. Ладно, это он Эргиану еще припомнит. Один выигранный круг — это не вся Гонка! И все-таки, что же такого нужно глубиннику, что он рискнул расположением короля Акаланте? Не может ведь не понимать, что слишком чувствительно задел самолюбие Алестара!

Они выплыли уже далеко за пределы населенной части Акаланте, и Алестар, отбросив посторонние мысли, снова попытался сосредоточиться на перстне. Осколок Сердца Моря в нем молчал, но кровь Алестара чувствовала его, как медленно пульсирующий сгусток тепла, резко контрастирующий с холодом металла. Не в этом ли секрет того, что в первый раз Алестар не почувствовал осколок? Могла ли выкованная людьми оправа скрыть живой огонь Сердца моря, пригасить его, усыпить на долгие десятилетия, даже века? И как его тогда пробудить?! Ах, если бы перстень попал к нему в руки хоть на день раньше! Хоть на несколько часов! Но по всему выходит, что Джад получила его в тот краткий промежуток, когда они расстались после известия о похищении Маритэль. Иначе жрица отдала бы перстень сама, а не передавала его с кариандцем! Все-таки это связано с ее земным возлюбленным... Ладно, неважно! Отзовись же ты, проклятая каменюка!

Алестару на миг показалось, что камень отозвался вспышкой самой настоящей обиды, и он обрадовался, но осколок тут же упрямо затих. А равнина, на другом конце которой высились Три Брата, уже расстилалась далеко внизу, и Алестару хватило одного взгляда на помутневшую воду, чтобы содрогнуться от мрачного предчувствия. Дыхание глубинных заполнило придонный слой так плотно, что камней и водорослей уже не было видно. И чем дальше вперед, тем тяжелее был этот смертоносный прилив, идущий пока лишь по дну, но еще одно сотрясение — и слои перемешаются, отравы поднимется вверх, и все, кто попадет в ядовитое облако, неминуемо погибнут.

Он остановил салту и оглянулся на хмурого, тяжело дышащего Герласа. Столь быстрый путь дался немолодому жрецу с явным трудом, но Герлас держался, даже метал раздраженные взгляды на спутников и, разумеется, на самого Алестара. Похоже, его это бодрило не хуже тинкалы.

Алестар глянул вверх на неумолимо темнеющее далекое небо. Еще час будет что-то видно, потом плыть в темноте станет не просто опасно, а самоубийственно. Они не смогут разглядеть мощный выброс отравы, который поднимется выше основного слоя.

— Амо-на Герлас, сколько у вас этих устройств для защиты? — спросил он жреца, с отвращением разглядывающего воду внизу и наверняка думающего о том же самом.

— Три, — мрачно бросил Герлас. — И одно из них для меня, учтите это сразу.

— Амо-на, позвольте мне... — подал голос молодой жрец, так и увязавшийся с ними от самого дворца, но поймал взгляд своего начальника и замолчал на полуслове.

— Три... — повторил Алестар.

Значит, дальше плыть им с Эргианом и Герласу. Немолодому и явно теряющему силы. Насколько хватит упрямства жреца? И насколько хватит воздуха в этих таинственных устройствах, о которых он даже не подозревал до нынешнего дня. Не дело принца разбираться, чем там пользуются служители глубинных богов для чистки мусорных шахт!

— Фильтры на черном угле или на белом? — деловито спросил Эргиан, одним махом превращая последнюю мысль Алестара в очередную глупость. — Ваше величество, не смотрите на меня так! Я же говорил, что у нас королевская семья спускается в Бездну! Не всем Мать Море посылает косяки салту, кое-кому приходится доставать пропитание из глубин.

— На белом, — с отвращением буркнул Герлас. — И тройная прослойка из сагарры. Куда плывет этот мир, если тир-на знают такие вещи?

— Действительно, — невозмутимо согласился Эргиан, бросив на Алестара лукавый взгляд. — И не говорите! Вот не умел бы я ничего сложнее, чем заплести косу, сидел бы сейчас в безопасном месте и лишился такого прекрасного развлечения в столь дивной компании. Даже не знаю, жалеть или радоваться... А вы что скажете, ваше величество?

Алестар молча пожал плечами. Всякая злость на кариандца исчезла, потому что глупо всерьез ненавидеть того, с кем сейчас вместе сунешься в пасть глубинных богов. Как-то в одной из книг о путешествии Исковиаля он прочитал земную пословицу, услышанную знаменитым странником от человека. Мол, истинная отвага и верность проверяются огнем, водой и медными трубами. Смысла этих слов Алестар тогда не понял, да и сейчас они остались мутными. Огня под водой нет, зато самой воды имеется сколько угодно. Про медные трубы — это и вовсе что-то непонятное, совсем человеческое. Надо спросить у Джиад, что ли.

Но похожая пословица у иреназе была. В ней говорилось, что храбрость проверяется штормом, а стойкость — штилем, но истинный огонь водой не погасить. Эту пословицу Алестар тоже не любил. Разве вода не сильнее любого огня? Сейчас, глядя на темный клуб над вулканом, едва виднеющимся сквозь отравленную воду, он начинал понимать...

— Чем погасить огонь, который не боится воды? — сказал он тихо, не рассчитывая на ответ, но ему отозвался голос Эргиана, такой же спокойный и задумчивый:

— Другим огнем, разумеется. Думаю, тот, который горит в нас самих, вполне подойдет.

Глава 5. Добрые соседи

— Что ж, показывайте свою защиту от яда, амо-на Герлас, — промолвил Алестар, глубоко вдохнув и выдохнув неприятно пахнущую воду.

Герлас молча развязал мешок, прикрепленный к седлу, и достал странное устройство, напоминающее голову глубоководной рыбы. Вытянутый нос и огромные выпученные глаза, блеснувшие в последних лучах солнца. Вот эти ремешки наверняка для крепления?

— Тайны вашего храма, значит? — ехидно сказал Эргиан, протягивая руку к устройству. — А мне рассказывали, что сплошную маску с линзами для глаз придумали как раз в Карианде...

Герлас что-то неразборчиво фыркнул, из чего Алестар заключил, что глубинник наверняка прав, только признать это жрецу не позволяет гордость. Эргиан натянул кожаный мешочек маски на голову, передвинул так, что круглые искусственные глаза оказались на нужном месте, и плотно затянул горловину вокруг основания шеи. Алестар старательно смотрел, а потом попытался повторить.

— Позвольте мне, ваше величество, — поправил его маску Герлас. — Ну-ка, вдохните.

Линзы оказались тонкими и прозрачными, они почти не искажали мир вокруг, но Алестар все равно чувствовал себя странно и непривычно, словно вместо салту попытался оседлать огромного маару. Совершенно иные ощущения! Как в этом дышать? И разговаривать...

Он осторожно втянул воду сквозь «нос» маски, жабры, оказавшиеся выше горловины, слегка защипало, но примеси в воде больше не чувствовались.

— Внутри фильтры, которые задерживают яд, — хмуро сказал Герлас, держа свою маску в руке. — Но их не хватит надолго. Как только прокладка пропитается отравой насквозь, она сама станет смертельно опасна. Так что следует поторопиться, тир-на. Доплываем до вулкана, делаем, что нужно, и возвращаемся. Если почувствуете, что голова кружится, немедленно задержите дыхание и всплывайте наверх. О нас не думайте, слышите?

Алестар попробовал представить, как бросит спутников в отравленной глубине, и его передернуло.

— Амо-на прав, — сказал Эргиан. Голос его звучал сквозь маску глухо, но разборчиво. — Мы должны все время следить друг за другом. Потому и плывем втроем. Но это наше дело, а ваше — вулкан.

Вулкан... Алестар посмотрел на клубящуюся вдали громаду, остро чувствуя свое бессилие, и решительно кивнул, радуясь, что сквозь маску никто не разглядит его лицо. Не хватало еще показаться испуганным.

Он махнул рукой гвардейцам охраны, и те торопливо подплыли ближе. Растянув шнур на горловине, Алестар приподнял маску и велел:

— Двое останутся здесь, еще двое — наверх и ждите на поверхности. Если кто-то из нас всплывет и будет звать на помощь, вы услышите. Оставайтесь там, пока...

Салту под ним вздыбился, и Алестар с трудом его удержал. Словно огромная рука толкнула его, рядом завизжал испуганный зверь кого-то из гвардейцев... Эргиан крутнулся со своим салту на месте, но тоже не дал ему сорваться, а вот салту Герласа забил хвостом в совершеннейшем ужасе. Проклятье... Это был не такой мощный удар как тот, первый, но рядом с источником он показался даже сильнее.

— Бесполезно! — крикнул Эргиан, тоже успевший сорвать маску. — Нас раскидает, и звери не удержатся. Нужно плыть быстрее.

Алестар кивнул, оглянулся на Герласа. Тот что-то кричал, с трудом держась в седле, но Алестар чувствовал, что другие глубинные толчки неминуемы. Жрец просто не сможет управлять зверем, а пересаживать его на другого — поздно. Да и смысла нет. Из всех салту только у его Серого и зверя Эргиана достаточно выучки. Опять обстоятельства толкают его довериться глубиннику!

— Помогите амо-на и ждите нас! — рявкнул он гвардейцам и махнул Эргиану, снова натягивая маску.

Глубинник кивнул и хлестнул салту лоуром, сорвавшись с места ровно в тот же миг, что и Алестар, словно они оба услышали гонг к началу гонок.

«Что же он все-таки потребует за перстень? — мелькнула неуместная мысль, а потом Алестар понял, что мысль очень даже своевременна. — Перстень!»

Кольцо Аусдрангов сидело на пальце так плотно и удобно, что Алестар про него попросту забыл. Рыба безмозглая!

Он пригнулся к салту и попытался дотянуться до осколка Сердца сознанием, как делал это с настоящей реликвией. Кольцо упрямо молчало. Может, следует вытащить осколок из оправы? Ну да, без инструментов и посреди моря! Алестар стиснул зубы, исступленно пытаясь придумать хоть что-то. Вода вокруг становилась все мутнее, и он запоздало забеспокоился, как же в ней смогут дышать салту, но Серый, хоть и сбавил скорость, упрямо плыл вперед, и зверь Эргиана не отставал.

«Выберемся, обязательно надо будет погонять с ним на Арене...»

Отбросив пока попытки сладить с неподдающимся осколком, Алестар окинул взглядом стремительно мутнеющую воду вниз. Чтобы отыскать точку резонанса, зрение вовсе не нужно, достаточно того же чувства, что позволяет королевской крови настроиться на Сердце моря. Однако нужная точка все никак не находилась. Глухо! Пусто! И только нарастает на пределе слышимости тяжелая мрачная дрожь... Удар!

Сильный или нет — Алестар не понял. Тонко взвизгнул Серый, но с пути не уклонился, только замедлился. Вода сгустилась, превратилась в мутную взвесь — и Алестар едва удержал порыв сорвать маску и всплыть наверх. Завертел головой, пытаясь найти кариандца — но тот вынырнул из мутного облака рядом. На миг их салту оказались рядом, и Эргиан тут же осадил своего зверя.

— Мы не подберемся близко! — закричал Алестар и тронул маску. — Даже с этим! Если только бросить салту!

Эргиан несколько мгновений смотрел в сторону еще далекого вулкана, тоже оценивая расстояние, потом помотал головой. Ну да, далеко! Сами они доплыть не успеют, а салту либо надышатся этой дрянью, либо взбесятся от страха. Ну и что делать? Да как тут можно сделать хоть что-то?! Он не справится. В этот раз — ни за что. Это неправильное извержение, оно просто не должно случиться, никакие временные карты вулканов о нем не предупреждали!

Алестар сжал кулаки, невольно натянув повод, но Серый, обычно чувствительный к малейшим движениям, этого даже не заметил. Салту так и плыли к вулкану, но слишком медленно... Где же этот клятый резонанс? Маска вдруг стала душной, давящей, и Алестар испугался, что час уже прошел или жрец неправильно рассчитал время. Он поднял руку и уже потянул за край — но опомнился. Нельзя! Это смерть... А равнина внизу уже стала заметно выгибаться вверх, поднимаясь пологим склоном к самому жерлу. Жерло... склоны... Что-то билось в сознании Алестара, какая-то мысль, которую он никак не мог ухватить, и спешка этому не помогала, совсем наоборот.

— Это неправильное извержение! — крикнул он, и Эргиан рывком повернулся к нему.

Лица глубинника под маской не было видно, однако он тоже должен был понимать, что счет идет на минуты.

— Почему? — донесла вода его глухой крик.

— Его нет на временных картах! — закричал Алестар. — Значит, колебания не просчитаны! Это не извержение!

Мысль выглядела откровенно дурацкой, вот и Эргиан вскинулся, свободной рукой указав на жерло и ухитрившись выразить: мол, а что же это?

— Волна! — снова крикнул Алестар, борясь с невыносимым желанием снять маску. — Точка резонанса далеко! А это волна колебаний. Сотрясение где-то там! Очень далеко!

Он махнул рукой вдаль, в сторону хребта гор, извилисто уходящего в сторону Суаланы. И расположенного за ней и немного в стороне Карианда.

Словно во сне он увидел, как Эргиан тоже поднимает руку к маске, будто собираясь ее снять — и бессильно роняет. И как через пару немыслимо долгих мгновений кивает. Ну да,

резонанс. Только не тот, что пронизывает земные слои снизу вверх, а продольный. Видимо, там, вдали, Великая Бездна все-таки зашевелилась... Нет, нельзя сейчас думать об этом! Карианду Алестар помочь ничем не может, ему бы удержать свой кусок дна, пляшущий, как испуганный салту. А как? Если источник подземных волн недоступен! Думай же, думай...

Он в отчаянии снова глянул на склон. Потом — на далекое небо, уже не различимое сквозь слой потемневшей воды. Минуты. А вскоре — и мгновения! Что-то такое говорил жрец глубинных про свою работу! Про кипящую грязь... Дыхание глубинных сейчас просачивается через щели в скалистом дне. Бьет наверх упругими тугими струями...

Алестар прикрыл глаза, и перед его внутренним взором встали бесконечные таблицы временных карт, перечисляющих извержения на сотни лет назад и вперед. И сложные волновые — по которым можно найти точку резонанса, если вдруг отказало внутреннее чутье. И свои детские рисунки, когда он старательно рисовал вулкан, пытаясь понять, почему лава внутри не охлаждается, если в нее попадает вода. Не попадает же! Зато давление нарастает — в точности как у дыхания глубинных!

Выход показался таким пугающе простым, что он даже вздрогнул. Не может быть! Или может? И не все так просто, если подумать, потому что...

Ну да, равнины. Алестар снова глянул вниз. Плодородные равнины между Суаланой и Акаланте, которые отец обещал переселенцам из Карианда. Временные карты уверяли, что сильных сотрясений дна здесь не должно быть лет четыреста, а мелкие... Для этого у Акаланте есть король! Но карты не учитывали, что колебания придут извне. И никакого другого выхода не видно, потому что если не сбросить напряжение в закрытом пока жерле, вулкан вскоре разразится взрывом огненной лавы, уже не поддающимся усмирению, как не остановить салту, попробовавшего крови. И тогда... Волна от этого извержения неминуемо пробудит Младших Братьев, а там и до Ложы Акаланте недалеко.

— Склон! — крикнул он, не зная, услышит ли Эргиан. — Мы должны вскрыть жерло и пустить лаву по склону. Пока еще есть время.

Долину это убьет, конечно. Лава встретится с водой, и самым глубинным богам станет тошно, что здесь начнется. А потом, в лучшем случае, останется каменное поле застывшей лавы, на котором жизнь поселится еще не скоро... И придется думать, где устраивать беженцев, но главное, чтобы было кого. И кому!

Эргиан кивнул — наверное, просчитал то же самое. И постучал ладонью по маске, напоминая, что время вот-вот выйдет.

Алестар посмотрел на склон вулкана уже иначе, закусил изнутри губу. Ну и как выполнить принятое решение?! Тряхнул поводом, переложил его в другую руку, беспомощно посмотрел на камень, уже не светящийся, мертвенно-тусклый. Что, снова придется поить воду собственной кровью? А хватит ли ее сейчас? Это ведь не тонкое воздействие на точку резонанса, здесь нужно собрать острие силы и вскрыть склон, ударив в самое подходящее место... Даже если кариандец поделится кровью, может не получиться.

Он поднял руку к губам, тронул ими перстень, пытаясь ощутить единство, как с Сердцем. Показалось, что услышал слабый далекий отклик... Ну же! Далеко... холодно... Перед глазами вдруг потемнело... Нет, это просто волна принесла еще порцию мути. Алестар глубоко вдохнул, пропуская воду через маску, глянул на перстень... Значит, огонь, который горит в нем самом? Эргиан, возможно, сказал это ради красивой фразы, но Алестар знал только один способ выпустить этот огонь наружу и проверить.

Лоур пришлось перехватить у самого верхнего конца, и тяжелое древко неудобно тянуло вниз, но Алестар быстро ткнул острием в ладонь у основания большого пальца и прижал перстень к набухающей темным ране. Миг... Острая боль пронзила его, словно камень в оправе выпустил острые шипы и впился в рану. А еще через пару вдохов Алестара окатило знакомым блаженным чувством единения! Показалось, что осколок ворочается, как живой, в оправе. И все вокруг заволочло алым туманом!

Торопливо ловя это ощущение, Алестар потянулся через камень, чувствуя, как становится частью моря, а оно плещется в нем и вокруг. Дальше, дальше, через толщу скалы! И почти сразу нащупал нужное место, где каменная скорлупа показалась тонкой и хрупкой. Потратил еще несколько драгоценных мгновений, чтобы проверить... Да! Именно здесь.

И ударил острием воли, подкрепленным теперь не слабыми силами живого существа, а всей мощью Моря. Третье сотрясение дна качнуло мир вокруг, срезонировав с его ударом, и

Алестар подхватил это колебание, оседлал, как дичка салту. Взломал еще сильнее проделанную щель, глубже вонзил невидимое острие...

— Хватит! — услышал он крик — и очнулся.

Мир вокруг был белесо-туманным. Глаза щипало, и Алестар с изумлением понял, что держит маску в руках, прижимая ее к лицу тем местом, через которое надо вдыхать. А рядом прикрывает лицо рукавом Эргиан...

— Надо уплывать! — крикнул кариандец и закашлялся.

Да, лава вот-вот хлынет наверх... Алестар понимал это еще затуманенным сознанием. А вот чего он не понимал, так это почему у него в руках маска глубинника, а своя маска, разрезанная почти до горловины, висит на шее? Бред какой-то... Что случилось, пока его сознание управляло осколком?

Кариандец нетерпеливо потянул его за рукав, указывая в сторону Акаланте, и Алестар спохватился. Вдохнув поглубже, оторвал маску от лица и протянул Эргиану, но тот помотал головой и, махнув рукой, хлестнул своего зверя лоуром.

Обратно они летели так, словно за ними гнались сами глубинные боги. Алестар, догнав Эргиана, все-таки сунул ему маску и сразу почувствовал, как вода наполнилась омерзительной вонью. Кариандец, немного подышав, вернул ему драгоценное устройство, и они еще несколько раз передали его друг другу, пока не выплыли в относительно чистые воды, разглядев свет предусмотрительно зажженной гвардейцами туарры.

— Наконец-то! — встретил их Герлас. — Вы с ума сошли! Час уже истек. Ради всех богов мира, ваше величество! Как можно быть настолько неосторожным?

Алестар, у которого не было сил даже велеть жрецу замолчать, только измученно пожал плечами и протянул спасительную вещь.

— А вторая? — мрачно спросил Герлас и возмущенно воззрился на лохмотья маски, так и висящие на шее Алестара. — Вы что с ней сделали? С такой драгоценностью!

— Напишу домой... и попрошу прислать вам... дюжину этих драгоценностей... — огрызнулся задыхающийся Эргиан. — У второй фильтр забился! Полчаса назад! Пока его величество...

Он почти упал на спину салту, потом свесился с нее, и пока его мучительно рвало, Алестар смотрел на маску в руках смертельно бледного даже в полутьме Герласа. Фильтр, значит... Пока он ломал склон, выпуская лаву, его маска стала смертельной ловушкой, и Эргиан ее срезал. А потом, получается, держал свою маску у лица Алестара, потому что сам Алестар этого точно сделать не мог.

— Эргиан, как вы? — спросил он, тревожно оглядываясь в сторону вулкана.

— За... мечательно, — выдавил кариандец, отпил из поданного начальником его охраны сосуда и, прокашлявшись, ехидно добавил: — Судя по тому, как мне в последнее время везет, боги явно уже причислили меня к жителям Акаланте. Даже беспокоило как-то... А теперь никто не возражает, если мы отсюда уберемся? Очень не хочется свариться заживо.

Дворец был так тих, словно в него никто не вернулся, и только караулы на постах приветствовали короля поклонами. А Джад уже спит, наверное... Или нет? Может, она сидит у постели своего возлюбленного? Гладит ему волосы, всматриваясь в лицо. Или легла рядом, положив голову ему на здоровое плечо, и их дыхание в воде смешивается, а пальцы сплетены. Говорят, у тех, кто спит в обнимку, сны общие... Проклятье, ну что опять лезет в голову! Как окончательно подчинить камень в перстне и найти с его помощью Сердце моря — вот что сейчас главное. И еще поиски Маритэль! И все неразрешенные мрачные тайны, которых в Акаланте больше, чем медуз у берега после шторма!

А у него перед глазами — Джад. И на ее тонком нежном лице, словно отчеканенном из потемневшего золота, беспокойство за того, другого...

Алестар раздраженно махнул хвостом, собираясь свернуть в коридор, ведущий к его старым покоям. И снова по сердцу острой тоской полоснуло, что больше он никогда не окажется с Джадом в одной постели. Уже незачем... Запечатление разорвано, и нет ни одной причины делить ложе с не желающей этого жрицей. Что ж, одиночество — это именно то, что он заслужил. Только вот любая мысль, чтобы взять в постель кого-то другого, вызвала почти физическую тошноту. Наложниц даже видеть не хотелось!

Ну, разве что Леавару, но именно потому, что как раз с ней Алестар не спал, а в наложницы взял по просьбе ее отца, чтобы девушка получила от казны приданое. С Леаварой было весело болтать, она умела делать массаж и так заплетать длинные волосы Алестара в тугую косу от самого лба, что они становились гораздо короче — незаменимо для гонок! А еще она никогда не пыталась ни оказаться между Алестаром и Кассией, как другие наложницы, ни поссорить его с Санлией, чтобы занять место главной жемчужины внутренних покоев. Санлия... Еще одно воспоминание, от которого тоскливо. Надо поговорить о суаланке с Джад, как только будет время. Но когда оно будет?

— Ваше величество! Ваше... величество...

В голосе Иратора, выплывшего из коридора и преградившего Алестару путь, плескалось беспокойство. Показавшийся следом за ним Герувейн молча поклонился, и Алестара окатило волной тревоги. Если два советника ждут его появления, уже зная, что вулкан усмирен, это не к добру.

— Что случилось? — выдохнул он, в последний миг вспомнив, что за спиной у него Герлас, Эргиан и молчаливый гвардеец из дворцовой охраны.

Если новости — неважно, хорошие или дурные — касаются принцессы Маритэль, то лучше бы выслушать их наедине. В крайнем случае — при одном лишь Эргиане. Ну почему Герлас не отправился сразу к себе домой или в храм? Нет же, заявил, что будет сегодня ночевать во дворце!

— Гонец из Суаланы, ваше величество, — торопливо поклонился Иратель и, выпрямившись, опять тревожно блеснул глазами. — Простите, мы не решились бы вас тревожить, но... на послании Золотая печать.

Пара слов упала в воду тяжело, как свинцовые грузила, разве что не стукнула о каменный пол. Золотая печать! Знак, что послание одного правителя моря другому настолько важно, что выслушать его надлежит немедленно. Более того, не наедине, а в присутствии Высокого Совета каи-на! Золотая печать возвещает объявление войны или наступление мира... Или что-то не менее значимое!

— Глубинные боги, — прошипел Алестар, чувствуя, как по телу бежит противная дрожь страха. — Да что за день такой! Герувейн, Совет уже собран?

— Да, тир-на, — поклонился тот. — Ожидают лишь вас, амо-на Герласа и...

Он слегка замялся.

— Ну?! — холодно поинтересовался Алестар.

— Я не знал, следует ли приглашать каи-на Джад, — сознался советник и бросил выразительный взгляд на Эргиана, словно напоминая, что у того теперь тоже непонятный статус.

С одной стороны, будущий родич короля, а место в Совете ему отдал Руаль. С другой — Руаль оказался преступником, а родич Эргиан именно что будущий!

Алестар закусил губу. Кариандца попробуй не пригласи! Во-первых, он и так все разнюхает сразу после Совета. Вот, кстати, еще одно нужное дело: узнать, кто из каи-на откровенничает с послом Карианда! Во-вторых, Эргиан может оказаться полезен. А в-третьих, он давно доверяет глубиннику больше тайн, чем доброй части собственных придворных.

— Мы плывем в Зал Совета, — хмуро сказал он Герувейну. — Не стоит беспокоить мою из... каи-на Джад.

Герувейн низко поклонился, сделав вид, что не заметил оговорки, а Алестар глубоко вдохнул, пытаясь сбросить усталость. Как же не вовремя гонец! Все, чего хочется, это добраться до постели.

Он обернулся к Герласу. Тот держал спину прямо, словно лоур проглотил, а на осторожное предложение Алестара отдохнуть, возмутился:

— И пропустить, что нам хочет сказать Суалана? Еще чего! Я, ваше величество, пока не помер, а от меня живого вы так легко не избавитесь. Пф! И велите подать тинкалы прямо туда, — сварливо добавил Герлас, подтверждая пословицу, что матерый салту стоит пары

молодых. — Еще не родился тот суаланец, из-за которого я откажусь от глотка горячего после такого дня.

— Изумительная мысль, амо-на, — поддержал его Эргиан, и Алестар не без удовлетворения услышал, что бодрость в голосе глубинника изрядно потускнела.

Все-таки и он не каменный! Хотя, надо признать, держится отменно. А Эргиан одним толчком хвоста оказался рядом и очень тихо, так что вряд ли услышал кто-нибудь еще, уронил:

— Что бы вы ни услышали, тир-на, не забывайте, как сильно сегодня устали.

Устал? Зачем он это напоминает? Алестар удивленно глянул на глубинника, но тот снова оказался позади, не давая заглянуть себе в лицо, и осталось только плыть вперед, от желанной, но недостижимой спальни — к Залу Совета.

Как и пообещал Иратель, Высокий Совет уже ждал в полном составе. Восемь каи-на, склонившихся в почтительном приветствии, стоило ему всплыть в Зал. Герлас, Иратель и Герувейн, тоже поклонившись, проплыли к пустым сидениям, и лишь одно осталось свободным — по правую руку от Алестара. Бывшее место недоброй памяти советника Руаля!

Алестар взглядом указал на него кариандцу, и Эргиан, поклонившись, занял сиденье так безмятежно, словно в этом не было ничего необычного. «А ведь я говорил, что ему придется выбирать между должностью посла и местом в моем Совете, — не без досады подумал Алестар. — Но все получается словно само собой... Род Руалля угас, а у меня совсем нет времени, чтобы посоветоваться с каи-на и возвысить какую-то другую линию. Ладно, и это подождет».

Он проплыл к месту короля и занял его, бросив взгляд в свободную середину зала, где, ярко освещенная верхними шарами туарры, слегка колебалась в воде фигура суаланского посла.

— Его величество Алестар, король и повелитель Акаланте, внимает! — раздался голос каи-на Миристаля, ведающего церемониями, и Алестар едва не фыркнул, вдруг вспомнив, что Эргиан, маару хитрохвостый, так и не удосужился представиться ему при Совете по всей форме.

Верительные грамоты посла он передал, разумеется, но чтобы вот так, со всеми положенными церемониями? А волны при дворе от него такие идут, словно кариандец здесь уже давно и врос в Акаланте, как мидия — в скалу, попробуй отодрать.

— Его величество Лорасс, король и повелитель Суаланы, говорит моим голосом! — ясно и громко ответил гонец, и Алестар присмотрелся.

Суаланец был молод, не намного старше самого Алестара, и, пожалуй, не слишком походил на суаланца. Оттенок светлых волос издали и при свете туарры было не разобрать, но в том, что они бледнее золота, никак не усомнишься. Кожа тоже не имела ничего общего с яркой смуглостью жителей Суаланы. Рядом с той же Санлией молодой иреназе смотрелся бы, как день рядом с ночью. Странно...

— Я рад выслушать голос нашего доброго соседа, моего брата Лорасса, — ответил Алестар положенными словами, и суаланец поклонился.

В руках у него был свиток из шкуры салту, скрепленный большим золотым кругляшом — той самой печатью. Гонец поднял его над головой, показывая всем, а потом подплыл и протянул Алестару на вытянутых руках.

Алестар, повинувшись церемониалу, взял свиток, оглядел печать и положил его перед собой. Ему никогда не приходилось выполнять этот ритуал прежде. При его жизни послания с Золотой печатью появлялись во дворце всего дважды, когда Суалана объявила войну — и когда попросила мира. Оба раза эти письма принимал отец... Да кончится ли сегодня ночью эта проклятая горечь во рту, словно поднимающаяся от самого сердца?!

— Подтверждаю, что печать моего брата Лорасса цела, — сказал он. — И жду его слов.

Ритуал... Послание в свитке и то, что гонец передаст устно, должны совпасть до единого слова. Но вскрыть письмо положено лишь, когда оно прозвучит для всех.

— Мой король и повелитель говорит... — торжественно, громко и слегка монотонно начал гонец заученную намертво речь. — Я, Лорасс, владыка Суаланы, приветствую Алестара, моего юного брата по крови повелителей моря. Посылаю ему соболезнования в тяжелой утрате,

постигшей Акаланте. Брат мой Кариалл был силен, мудр и великодушен, и прежние наши распри тяжким грузом ложились на мое сердце...

«Как же, — зло подумал Алестар. — То-то твое сердце подсказало тебе начать войну, хотя отец изо всех сил пытался свести к миру».

— Я надеюсь, что тяготы будут забыты и шторм вражды больше никогда не всколыхнет наши воды, — продолжал гонец.

«Слова, слова... пустые, как жемчужницы, проверенные старательным добытчиком. Да переходи же ты к делу!»

Алестар поморщился от боли во всем теле. Где там обещанная тинкала? Из Карианда ее везут, что ли?

— И потому в знак верной дружбы и с обещанием вечного мира я зову юного брата моего Алестара подтвердить вечный союз между Акаланте и Суаланой, — ровно и размеренно падали слова суаланского короля из уст его посланника в полной тишине. — Ныне настал час, когда воля Матери Море должна связать наши народы узами любви, доверия и поддержки. Я, Лорасс, повелитель Суаланы, предлагаю его величеству Алестару брачный союз и готов отдать ему в супруги любую из моих прекрасных и целомудренных дочерей...

«Что?! Да какого... какого глубинного?!»

Только страшная усталость помогла Алестару не вскинуться, словно салту, которого изо всех сил хлестнули лоуром. Да еще осознание, что все глаза в зале сейчас устремлены на него.

«Но какого... глубинного, а? Можно подумать, Лорассу неизвестно о заключенной помолвке! И договоре с Кариандом!»

— Понимаю, что предложение мое должно прозвучать для брата моего Алестара неожиданно, — продолжал посол, и в его размеренных, как волны прибоя, словах и в самом спокойном тоне Алестару чудилось скрытое ядовитое злорадство. — Однако дошло до меня, что воля Трои, разрешивших каждому из своих детей свободный выбор в запечатлении, ныне была нарушена, и брат мой Алестар избрал себе будущую супругу не по зову сердца и плоти, а единственно из наличия в ней крови двуногих, родственных прежним королям Акаланте. Но Трое милосердны и справедливы, посему я ручаюсь честью и королевским словом, что если брат мой Алестар изберет в супруги принцессу Суаланы, то милость запечатления изольется на него полной мерой и свяжет наши народы, даруя им грядущее благоденствие...

Тишина в зале, напоминавшая предгрозовое молчание, превратилась в десятки еле слышных шепотков, словно струйки высохшего песка зашелестели, высыпанные на камень. Алестар заставил себя вдохнуть тяжелый загустевший воздух... Суалана знает! И знает не только про человеческую кровь, но... Но и что-то еще! Слишком уверенно Лорасс обещает невозможное, невысказанное — запечатление с одной из своих дочерей, в которой совершенно точно нет ни капли земной крови!

— Вместе с братом моим Алестаром, — возвысился чистый и резкий голос гонца, легко перекрывая шум в зале, — я готов оказать братскую помощь народу Карианда, ныне терпящего тяжелое бедствие. Объединив наши силы, мы сможем протянуть королю глубин могучую руку помощи и принять в своих водах часть его подданных!

«А ведь отказывались! Ну конечно, раз объединившись... То есть оплатит рыбу для беженцев Акаланте, а махать ею над головой, хвалясь великодушием, будет Суалана!»

— Вместе с братом моим Алестаром мы приведем народы наши к процветанию, и грядущие поколения благословят наше мудрое решение объединиться путем не войны, но мира!

Чем дальше, тем больше все это походило на бред. Алестар обводил взглядом лица своих каи-на и видел на каждом сменяющиеся быстро, как погода перед весенним штормом, оттенки выражений. Неприязнь, досаду, отвращение, задумчивость, интерес... Все они — до одного! — сейчас просчитывали, что будет, если на трон Акаланте рядом с Алестаром сядет не кариандка, договор с которой должен привязать к Акаланте многочисленных беженцев, а дочь недавнего злейшего врага.

Да Суалана ненавидит Акаланте! Злопамятно и алчно считает чужие богатства, не желая признать, что акаланты готовы были поделиться по-братски, но не пожелали отдать свое грабителям. И если браслет избранной короля наденет суаланка, в Акаланте хлынут ее

жадные родичи, которым дай рыбий хвост — они оттяпают рыбину по самые жабры!

Оскорбленный Карианд, конечно, все равно примет помощь — у них нет выбора. Склоны вулкана потеряны надолго, но если поискать, все равно найдется, куда расселить беженцев. Только тогда кариандцы в водах Акаланте будут чужаками, принятыми из милости, а из нее крепкой дружбы не сплетишь, как не выйдет хороший кошель-каймур из гнилой веревки. И получится, что дружба с Кариандом ухнет в Бездну, поскольку таких оскорблений не прощают, а дружбы с Суаланой все равно не получится. Не дружат салту с муренами, слишком много в тех яда!

Но на что же рассчитывает Суалана?! Почему в голосе гонца такое странное торжество, словно он привез не брачное предложение, а ультиматум победителя побежденному?

— Если же брат мой Алестар пренебрежет моим предложением родственного союза! — взмыл голос гонца под самый свод Зала, и Алестара словно прошло от макушки до хвоста предчувствием неминуемой беды...

Позади прошла волна — кто-то проплыл — и перед Алестаром появился кувшинчик вожделенной, но такой бесполезной сейчас тинкалы. Внутри и без горячего питья разливалось жгучее нетерпение, даже кончики пальцев зазудели, а хвостовой плавник затрепетал.

— Скорбь моя будет столь велика, что разрушит всякие надежды на истинную и прочную дружбу между нашими народами...

«Он что, на новую войну намекает? — успел поразиться Алестар. — Еще раны от прошлой не залечив?»

— И я стану в горе молить Троиx о справедливом воздаянии тому, кто отверг протянутую ему руку дружбы. Да поразят они нечестивца, отняв у него свою милость и право на Сердце моря!

Гул в зале уже гудел предвестием шторма. Гонец замер, глядя прямо в глаза Алестару, на его губах застыла улыбка, и Алестар вдруг без тени сомнения почувствовал, что суаланец его ненавидит. Вот именно его, не короля Акаланте, а самого Алестара! Ледяной ослепительной ненавистью. Эхо войны, что ли? Но почему такой личный мстительный отзвук? Может, у него кто-то близкий погиб?

Он загнал эту мысль подальше, потому что ненависть какого-то суаланца сейчас ничего не решала. Значит, Сердце?! Так вот откуда тянется щупальце, укравшее жизнь Акаланте?! И Лорасс смеет... Спокойно... Нет, нельзя протянуть невидимую руку, вливая в нее силу едва прирученного осколка, и сжать горло наглеца, посмеявшего... Нельзя! И он тоже это знает! И что это за странное выражение на лице Иратора — советник даже вперед подался, словно пытаясь о чем-то предупредить, но и опасаясь? Ах, ужас? Кажется, в сдержанность своего короля советник несколько не верит. Это он зря — за последнее время Алестар многому научился!

Все-таки его ярость просочилась вовне, поднимая в воде Зала крошечные тугие буруны. И туарра на стенах и потолке, на миг потускнев, загорелась так ярко, что в огромной комнате стало светло почти как на поверхности. И кай-на, не успевшие притихнуть по своей воле, вдруг замерли, потому что Алестар наклонился вперед и бросил, едва слыша сам себя:

— Молчать всем.

А потом добавил, глядя в горящие ответной яростью глаза гонца — да откуда же все-таки такая ненависть? — и бросая каждое слово, как выпад лоура:

— Значит, брат мой Лорасс предлагает мне свою дружбу? И руку своей дочери? И вечный союз... И все это за такую малую цену, как нарушенное слово? Королевское слово Акаланте... А не боится ли брат мой... Лорасс... что утратив честь одним нарушенным словом, я и союз между нами оскверню изменой?

Суаланец смотрел на него без всякого страха. И без удивления — почему-то это было важно. Он ждал гнева Алестара и был готов к нему, глядя на вихрящуюся вокруг воду с ясным достоинством того, кто знает за собой право неприкосновенности. И Алестару пришлось напомнить себе, что это лишь гонец, чужой голос, и нельзя срывать гнев... Но чье-то лицо промелькнуло, когда он отводил взгляд, пытаясь сосредоточиться. Лицо, полное неправильного изумления... Словно этот кто-то совершенно не ожидал увиденного.

— Я передал волю моего повелителя, — уронил гонец, и Алестар заставил себя двинуться

обратно, почти вжаться спиной в сиденье.

Протянув руку, он взял свиток послания, рывком сорвал золотой кругляш печати... Пробежал глазами написанные четкие черные строки, пытаясь успокоиться, выиграть время. Все совпадало до слова, как и положено. Он не сразу заметил, что в свитке есть что-то еще. Недоуменно дернул край тонкого кожного листа и посмотрел на плотно приколотую к нему золотую серьгу. Ажурная рыбка тончайшей работы сверкнула на него бриллиантовым глазом, и рядом вдруг зашипел сквозь стиснутые зубы Эргиан. Тихий безнадежный звук, но Алестар, даже не спрашивая, все понял. Он сам видел на портрете златовласой кариандской девочки эту рыбку, кокетливо подчеркивающую красивое ушко. А если бы и не видел — то догадался бы.

И прежде, чем он сказал что-то действительно непоправимое, в памяти всплыло еще кое-что, совсем недавнее. То, что сказал ему в коридоре Эргиан, благослови боги кариандского маару, лучшее противоядие от суаланских мурен.

Алестар поднял голову от свитка и с удивившим его самого ледяным спокойствием сказал куда-то вперед, то ли суаланцу, то ли всему Совету:

— Наше величество утомилось после сегодняшних трудов по усмирению вулкана. Мы будем думать над письмом брата Лорасса, говорить с нашими советниками и дадим ответ позже. Каи-на Иратель, позаботьтесь о после.

И первым поднялся с места, сжимая в ладони сорванную с листа сережку своей невесты, оказавшейся, — вот ведь неожиданность! — в гостях у добрых соседей-суаланцев.

Чернильная ночная тьма опустилась на Акалантае, словно плотный полог, и мгновенно заволокла все, так что Джаид перестала различать даже лицо Лилайна, лежащего у нее на коленях. Каррас крепко спал, но грудь его вздымалась ровно, а пульс на запястье бился глубоко и сильно. Вода приносила обрывки разговоров, и Джаид напряженно вслушивалась в них, пытаясь уловить, не вернулся ли Алестар. Рядом переговаривались гвардейцы, негромко ругая нехоти погасшую туарру и воду, что с наступлением ночи стала значительно холоднее...

— Ири-на Камриталь, — окликнула Джаид брата Леавары, — как скоро мы сможем вернуться во дворец?

— Не знаю, каи-на, — виновато ответил тот. — Толчки еще возможны, и лучше переждать их в чистой воде. Вы чего-нибудь желаете?

— У меня там Жи остался, — вздохнула Джаид. — Бедняга был закрыт в комнате, и вряд ли его кто-то выпустил. Перепугался, наверное...

— Отправить кого-нибудь из слуг? — предложил Камриталь, но Джаид поспешно откликнулась:

— Нет, не надо! Я бы лучше сплавала сама, если можно.

— Неужели вам совсем не жаль наши головы, которые оторвет его величество? — усмехнулся, судя по голосу, гвардеец. — Не беспокойтесь, каи-на, сейчас найду кого-нибудь пошустрее. Заодно и перекусить вам прихватят.

Джаид почувствовала движение воды от его хвоста и уже открыла рот, чтобы отказаться, но тут в воде раздался долгий мощный гул, и иреназе вокруг радостно загомонили.

— Тревога закончилась, — подтвердил ее надежду Семариль. — Жрецы оповещают, что угроза миновала! Наверное, скоро вернется его величество, благословите его, Трое!

В голосе иреназе звучала столь искренняя и почтительная благодарность, что Джаид снова подумала, как важен Алестар для своего города. И о том, что до сих пор не найдена ни Карриша, ядовитой колючкой притаившаяся где-то поблизости, ни те, кто насылал на Алестара, тогда еще принца, Дыхание Бездны и сирен. Тьма окутывает Акалантае, и не ночная, а порожденная чьей-то ненавистью и безрассудным желанием гибели для всего города. И в этой тьме одинаково слепы и Джаид со всем ее опытом стража, и иреназе, знающие в своих владениях каждый камушек. Но кто сказал, что во тьме нельзя сражаться? Только бы уловить хоть малейший след врага! Там, где бессильны глаза, следует положиться на другие чувства. И на разум...

— Поищу свежую туарру, — сообщил Камриталь и все-таки уплыл, а Джаид погладила волосы

Лилайна, успокаиваясь тяжестью его тела и дыханием.

— Значит, больше толчков не будет? — спросила она, и устроившаяся рядом Санлия отозвалась:

— Если и будут, то совсем слабые. Усмиренный вулкан затихает неохотно, иногда глубинные боги ворочаются во сне еще несколько дней и даже недель. Но если тревогу отменили, значит, жрецы уверены в безопасности. Сегодня ночью мы будем спать в своих постелях, каи-на.

«Еще бы эта постель была сухой, — с недостойным стража унынием подумала Джаад. — Впрочем, что толку мечтать о несбыточном? Если бы Акаланте лежало на суше, а у его жителей были ноги, все было бы совершенно иначе».

— Как вы думаете, — спросила она, — Великой Волны не случилось?

— Не должно бы, — ответил вместо Санлии Семариль. — В открытом море она почти незаметна, но кое-кто из иреназе подплывает близко к берегу, чтобы набрать прибрежных раковин. Будь хоть малейшая возможность, что на побережье обрушится гнев глубинных, жрецы предупредили бы об этом всех, имеющих уши. Наши сигналы разносятся быстро, вода сама передает их каждой каплей и колебаниями волн.

У Джаад немного отлегло от сердца. Простые рыбаки и мореходы не заслуживают подобной беды, да и белокрылые корабли, виденные ею в порту, слишком прекрасны, чтобы погибнуть от слепой беспощадной стихии. Корабли... Неужели скоро один из них унесет ее домой? Путь в Арубун гораздо быстрее по морю!

— Ну вот, можно возвращаться, — бодро сказал подплывший с туаррой в руках Камриталь. — Только давайте еще чуть-чуть подождем, чтобы не попасть в самую давку.

Вокруг в самом деле бурлило радостное оживление, иреназе нетерпеливо шевелили хвостами, то всплывая наверх, то опускаясь, как люди ходили бы туда-сюда. Камриталь кого-то окликнул, и пара иреназе торопливо подплыла к ним, низко поклонившись Джаад. В неяром, но вполне достаточном свете туарры она разглядела коротко стриженные волосы и точно такие же простые туники, как носили все дворцовые слуги.

— Понесете раненого человека, — распорядился Камриталь. — Со всей возможной осторожностью! Странно, почему вокруг ни одного целителя?

Джаад это тоже весьма интересовало. Допустим, лекарь не вспомнил о Лилайне, когда толчок случился, но потом? Он что же, бросил беспомощного подопечного на милость случая? Как-то непохоже на молодого целителя, показавшегося Джаад искренне преданным своему ремеслу.

— Говорят, каи-на, — отозвался один из дворцовых служителей, — за рынком обрушился один из старых кварталов. Те, кто там жил, отказались покидать свои дома. Испугались, что их разграбят, и понадеялись, что толчков больше не будет.

— Так ведь их и не было, — недоуменно сказала Джаад. — Толчок был всего один, разве нет?

Иреназе посмотрели на нее с не меньшим недоумением, причем все: и слуги, и гвардейцы, и даже Санлия. Она-то и спохватилась первой.

— Вы действительно не заметили? — спросила она удивленно. — Как странно! Неужели человеческое тело так нечувствительно под водой? Сильный толчок был всего один, это верно, однако после него прокатилось еще три затухающих. Последний — совсем слабый, вот его-то жрецы измерили и определили, что больше сокращений земной плоти не будет.

— Понятно, — сказала Джаад, в который раз понимая, как люди отличаются от иреназе, что бы там ни говорил Виалас. — Значит, в тех кварталах кто-то пострадал?

— Две-три дюжины жителей, — сказал тот же слуга. — Безумцы, разве можно думать об имуществе, когда Мать Море спорит с глубинными богами? Первый толчок старые дома перенесли, вот они и решили, что обойдется. А следом пошли мелкие колебания... Все целители там, помогают раненым.

— Да будет к ним милостива Мать Море, — вздохнула Санлия. — С повреждениями от упавших камней очень тяжело справиться.

— Пожалуйста, Санлия, — попросила Джаад. — Вы не согласитесь побыть с моим другом эту ночь? Я бы сделала это сама, но ничего не понимаю в ваших лекарствах. Да и ухаживать за

раненым под водой не умею.

— Конечно, каи-на, — просияла суаланка. — Мне это будет в радость! И если позволите, я покажу, как правильно его нести. Господа гвардейцы, мне нужна пара самых длинных лоуров, какие сможете найти, и несколько кусков ткани. Даже туники подойдут.

Наблюдая, как Санлия умело мастерит подобие носилок, Джад убедилась, что суаланка и вправду знает свое дело. Настоящие носилки под водой были бы бесполезны, но она ловко и старательно уложила спящего Лилайна между шестами и спеленала его принесенными туниками, привязав их к лоурам. Ни одна перевязь, насколько могла видеть Джад, не сдавливала раны, но теперь нести Карраса было куда легче. Похоже, Санлия и вправду прошла хорошую школу, помогая своему отцу.

Дождавшись, пока большинство иреназе вернутся во дворец, они тоже отправились в путь, показавшийся Джад гораздо короче. Странно, ведь в этот раз она и ее спутники не торопились! Наверное, это страх тогда замедлил для них течение времени.

— Не беспокойтесь, каи-на, — сказала ей Санлия, когда Лилайна внесли в ту же комнату и уложили на ложе. — Отдыхайте спокойно, я не отплыу от него ни на дюжину гребков. Ухаживать за ранеными я умею, да и опасности никакой нет. Позвольте только сказать целителям, если они появятся, что это ваш приказ.

— Позволю, — решительно сказала Джад и обернулась к одному из слуг. — Принесешь ири-на Санлии горячей тинкалы, ужин и все, что ей может понадобиться.

— Да, каи-на, — почтительно поклонился иреназе, а Санлия кивнула и благодарно улыбнулась.

Джад еще раз посмотрела на безмятежно спящего Лилайна. Может, и стоило остаться рядом с ним, но какой от этого был бы толк? Она нужна Каррасу бодрой, здоровой и, желательно, понимающей, что здесь происходит. И Жи! Она снова совсем забыла о рыбеныше, бессовестная!..

— Ох, ничего себе... — выдохнул через несколько минут Камриталь, открывший для нее дверь спальни. — А ваш любимец времени не терял.

Семариль из-за его спины согласно хмыкнул и вполголоса помянул отродье глубинных.

— Он не виноват! — возмутилась Джад, растерянно глядя на комнату, где было перевернуто и разодрано решительно все.

Разве что с кроватью салру не справился, но сдвинул ее с места и превратил покрывало с подушками в клочья, уныло плавающие по спальне. Опрокинутый столик, рассыпавшиеся по полу тарелки, к счастью, не разбитые, потому что медленно падали в воде... Виновник беспорядка, лихорадочно мечущийся у дальней стены, оглушительно свистнул и, словно выпущенный из катапульты снаряд, метнулся к Джад, уткнувшись мордой ей в живот.

— Ну что ты, малыш, что ты... — виновато сказала Джад, едва переведя дыхание после увесистого удара, и обняла морду салру руками.

«Малыш» длиной уже почти со взрослого салту, только гораздо тоньше, жалобно посвистывал, наверняка рассказывая, как ему было страшно...

— Я пришлю слуг, чтобы убрали, — сказал Камриталь, едва сдерживая смех.

— Не надо, — попросила Джад. — Это слишком долго, а я, признаться, устала. Пусть просто принесут покрывало. Уборка, еда, тинкала — все завтра!

— Как прикажете, каи-на, — поклонился гвардеец.

Она едва дождалась служанку с новой постелью. День уже казался бесконечным, и больше всего Джад хотелось лечь — и проснуться уже утром. Да, еще массаж неплохо бы, но не искать же в едва успокоившемся дворце тех, кто может это сделать?

Она заползла под покрывало, уже привыкнув к мягкой и насквозь мокрой тяжести здешних постелей. Все равно так теплее и уютнее... В клетке успокоенно и мирно посвистывал Жи, убедившийся, что хозяйка никуда на самом деле не делась и вернулась за бедной маленькой беззащитной рыбкой... Зубищи уже с палец... Вот еще забота, как он перенесет ее настоящее исчезновение? Хоть бы привык к Алестару! Интересно, рыжий уже вернулся? Завтра, все завтра...

Что-то тяжелое и плотное окутало ее ноги, не давая ими двинуть. Обхватило плечи и грудь! Джад рывком вскинулась и поняла, что уснула! А разбудило ее... Точнее — разбудил! Вот он, извольте видеть, посапывает рядом и даже не шевельнулся, когда она сбросила тяжелый хвост, обвивший ее колени. Ну не зараза ли?! Что он вообще здесь делает? Запечатление разорвано, у них нет никакой необходимости спать вместе. Ни малейшей! Но их рыжее чешуйчатое величество прильнуло во сне так плотно, что между их с Джад телами лезвие ножа просунуть было бы сложно.

Она решительно высвободилась из объятий, зло думая, что это уж слишком. У него есть собственная спальня! Уж наверняка удобнее этой! И даже в отсутствие невесты хватает наложниц, готовых согреть его величеству ложе. Можно было просто не трогать ее?!

Алестар, лежащий на боку, дернулся — и открыл темные в слабом свете туарры глаза. Ошалело уставился на кипящую возмущением Джад, что едва сдерживала желание высказать много интересного. И вдруг виновато сказал:

— Я снова приплыл к тебе? Прости... Перепутал. Устал с этим вулканом, как гоночный салту, да еще и совет...

— Какой совет? — выдохнула Джад вместо приготовленной раздраженной тирады.

Осознание происходящего окатило ее горячей волной стыда. Он действительно не хотел? Ну да, ведь они же спали вместе последние несколько недель, рыжий за это время ни разу не ночевал в собственной спальне. Он там давно уже не ночевал, по правде говоря! И это как же надо было устать, чтобы из последних сил приплыть сюда, позабыв дорогу в свои покои? «Ну, например, усмирив вулкан, — беспощадно сказала ей совесть. — Ты ведь помнишь, чего ему это стоило в прошлый раз? А он еще про совет какой-то твердит. Малкавис, да неужели его еще хватило на разговоры с советниками? Зачем?!»

— Это не я, — помолчав, отозвался Алестар совершенно бесцветным от усталости голосом. — Это Суалана, заberi их глубинные. Суалана украла Маритэль и прислала ультиматум. Джи, давай я тебе утром расскажу? Язык не шевелится...

— Конечно, ваше величество, — тихо сказала Джад. — Мне тоже вам нужно многое рассказать. Утром. Все — утром.

— Прости, что побеспокоил, — еще через несколько мгновений тишины сказал Алестар, и Джад поняла, что он собирался с силами даже для этих слов. — Я сейчас... уплыву.

— Куда? — безнадежно спросила Джад. — Ну куда вы прямо сейчас поплывете? Спите. Подумаешь, еще один раз. Это ничего не значит, правда. Я бы сама...

Да, она бы могла сама найти себе новую спальню. Вызвать слуг, приказать им... И завтра весь дворец будет гудеть сплетнями, даже те, кто еще не заметил пропажу браслета с ее руки, такого уж точно не пропустят. Алестару и так достаточно забот. Нет, она ведь права: еще одна ночь ничего не значит. А утром... будет видно!

Рыжий уже спал. Вряд ли он услышал даже ее последние слова, и Джад тихо опустилась рядом, стараясь отодвинуться, чтобы между ними осталось побольше места. Это было не так уж легко: Алестар расположился как раз посередине кровати, и пространства у любого ее края оказалось ровно столько, чтобы поместиться вплотную к иреназе. Еще этот его хвост! Разложил на полкровати, павлин подводный...

Поерзав, Джад отвоевала край одеяла и просунула его между собой и Алестаром. Легла, закутавшись в остаток меха. И опять едва не зашипела, как разозленная кобра. Алестар, стоило ей оказаться рядом, придвинулся, не просыпаясь, сгреб ее в объятия и опять закинул хвост ей на ноги, умудрившись просунуть его под одеяло. Да что же это такое!

Вид у его величества при этом мгновенно стал умиротворенный и довольный настолько, что лишь ровное дыхание убедило Джад, что рыжий это не нарочно. Привык, наверное! Ну, если она ему во сне прищемит хвостовой плавник — сам виноват!

Она заставила себя лежать спокойно, понимая, что если опять высвободится — Алестар сразу проснется. Не стоит его мучить. Вон, скулы заострились, а под глазами — темные тени... Ладно, ей не трудно провести рядом еще одну ночь, последнюю. А потом пусть ищет себе другую подушку для объятий. Что он там говорил про Суалану?

Джад честно попыталась осознать новость про Маритэль, но мысли уплывали, тяжелые и

ленивые. Рука Алестара на ее плече не мешала, как и хвост, но Джиад все равно приказала себе проснуться как можно раньше, чтобы осторожно покинуть постель и избежать неизбежной утренней неловкости. Разбудить себя в нужное время — самое простое из того, что умеет храмовый страж. Она никогда не просыпала даже в годы учебы, не говоря уж о службе. Успокоив себя этим, она закрыла глаза и расслабилась, соскальзывая в сон. Завтра... все завтра...

А завтра началось с того, что она проспала!

Глава 6. Чаши весов

Мелкий песок, выгоревший на яростном солнце до белизны, был удобен, как самое роскошное ложе. Джад лежала на боку, расслабленно вытянувшись, не чувствуя ни одного камешка или колючей песчинки, и не могла даже пошевелиться в жаркой истоме, наполнившей ее полностью, до кончиков пальцев на руках и ногах. Да и не желала, нежась в удивительном чувстве безопасности, греющей душу так же, как солнечные лучи — соскучившееся по ним тело. Она не знала, кто обнимает ее со спины, но чутье утверждало, что этим рукам можно доверять.

А может, ей просто отчаянно хотелось поверить? Самый острый клинок нуждается в передышке, чтобы снова быть заточенным, и самому прочному щиту нужно время отдохнуть от ударов... Тот, кто лежал сзади, прижался теснее, и Джад сквозь тягучее сладкое марево сна почувствовала, как ласковые пальцы перебирают ее отросшие волосы и осторожными движениями касаются шеи и плеч.

Она почти уже решила повернуться, но почему-то медлила, вслушиваясь в плеск волн рядом и далекие крики чаек. Ветер, ревниво соперничающий с чужой рукой за право погладить ее волосы, пах морской солью и водорослями, и Джад замерла, ловя мгновение, точно зная, что стоит обернуться — и тихое теплое счастье покоя рассыплется мириадами песчинок, словно крепость из песка, попавшая под прилив.

А потом рука, перебирающая ее волосы, исчезла, и Джад услышала далекий голос...

— Прошу прощения, ваше величество! Если бы я знал, что вы еще отдыхаете, ни за что не осмелился бы потревожить. Право, мне очень жаль. Мой пациент хотел увидеть вашу избрannую, и я решил, что...

— Достаточно, господин лекарь, — прозвучал второй голос, очень знакомый, и Джад окончательно вынырнула из марева сна, еще не в силах говорить, но уже понимая, что происходит нечто неправильное. — Вы были правы, нет никаких причин для беспокойства.

Она рывком села на постели, едва не всплыв, — помешало только тяжелое одеяло — и глянула в сузившиеся и потемневшие глаза Карраса. Алахасец еще пару мгновений не отводил взгляд, потом окинул им Джад и лежащего рядом Алестара и с издевательской любезностью добавил:

— Я тоже прошу прощения. Кажется, мы не вовремя, но это легко исправить. С вашего позволения...

Невис, растерянно замерев за его плечом, недоуменно смотрел то на Карраса, то на Джад, то на Алестара, до сих пор укрытого с ней одним одеялом. Малкавис, какая же глупость! Оправдываться — противно, а главное, совершенно бессмысленно! Ну кто на месте Лилайна поверил бы, что...

— Не позволю, — холодно уронил Алестар, тоже посмотрев Каррасу в глаза, и Джад почти услышала, как лязгнули, встретившись, чуть изогнутая алахасская сабля и прямой лоур. — Ири-на Невис, раз уж наш гость добрался сюда, он сможет пробыть в этой комнате еще некоторое время?

— Да, конечно, ваше величество, — поспешно отозвался старый целитель. — Сегодня ему гораздо лучше! Удивительно крепкое здоровье. Только следует принять пищу...

— Отличная мысль, — согласился Алестар, все так же не отводя взгляда от алахасца. — Думаю, он позавтракает вместе с нами. А у вас, наверное, очень много дел?

— Д-да, ваше величество... Конечно.

Невис поклонился и выплыл из комнаты, у двери обернувшись и глянув на Джад с таким извиняющимся лицом, что сразу стало ясно: никакие любезности с обеих сторон целителя в заблуждение не ввели.

— Лил...

Джад набрала в грудь воды, еще не зная, что скажет и нужно ли говорить вообще. То есть нужно, разумеется, но что тут можно сказать?! Что вчера она не осталась ночевать в комнате Лилайна, чтобы они оба смогли выспаться? Что Алестар оказался в ее постели по чистой случайности? Что ничего не было и быть не могло? Да любые слова прозвучат глупой и

трусливой ложью!

— Не оправдывайся, Джи, — негромко сказал Лилайн, отводя, наконец, взгляд от лица Алестара и снова глядя на нее. — Ты всегда решала сама. Я просто не понимаю... Но это неважно.

— Еще как важно! — отчаянно выдохнула Джиад, рывком дергая сковавшее их с Алестаром мокрое одеяло. — Ничего не было. Лил, я не стала бы тебе врать! Что угодно, только не ложь между нами. Если ты мне не веришь...

«Я не буду оправдываться, — подумала она, глядя в глаза того, кому была стольким обязана. Кого даже любила по-своему. И уж точно не предала бы ни словом, ни делом, ни слабостью плоти. — Не буду, слышишь?!»

— Если ты мне не веришь, — повторила она, чувствуя, что каждое слово дается с болью, а лицо лихорадочно горит, — значит, и говорить не о чем.

Она уронила ладонь на одеяло и стиснула пальцами мягкую ткань. Серебристая чешуя хвоста Алестара мерцала, оттеняя смуглую кожу ее ног — вчера Джиад легла, стянув штаны и оставшись в одной белой рубашке, едва доходящей до середины бедра. Теперь это выглядело... Да уж понятно — как! Одна постель и одно одеяло на двоих, полуобнаженная Джиад и Алестар почти без одежды.

А еще — все эти недели разлуки, когда долг и милосердие позвали ее в Акаланте, а Лилайн остался ждать и попал в плен к Торвальду. Все это сложилось воедино, придавив Джиад чудовищной тяжестью, так что амулет на груди показался бесполезным. Воздуха не хватало. Вот странно — его хватило бы для смертельного боя, но не для нескольких слов, самых важных и нужных сейчас, но никак не находившихся.

— Джи... — тихо сказал Лилайн, едва заметно подаваясь назад и старательно не опуская взгляда ниже ее лица — на шею и грудь в расстегнутом вороте рубашки и на голые ноги.

Всего одно слово, обрывок имени. Но в нем прозвучал уже почти вынесенный приговор, и в краткое мгновение, которое нужно было Лилайну, чтобы закончить, Джиад поняла, что простить сказанное им обоим будет нелегко, если вообще возможно. И нет здесь ни предателя с арбалетом, из-под выстрела которого можно оттолкнуть Лилайна, ни спасительной дороги к морю, которой без Карраса не случилось бы. Лишь дела не лгут, но их голос часто теряется за гневными или ядовитыми словами. А если слова кажутся бессмысленными — это еще хуже, потому что тогда рвется последняя нить, соединяющая души...

— Хватит, — резко и очень холодно уронил Алестар, и Джиад вздрогнула.

Каррас снова глянул на рыжего, еще сильнее сузив глаза, будто целился из арбалета.

— Хватит, я сказал. — Алестар раздраженно плеснул хвостом и, протянув руку, дернул рычаг вызова прислуги, а потом добавил: — Сядьте куда-нибудь. Я все равно собирался с вами сегодня поговорить, так почему бы не сейчас?

— Поговори-ить? — мягко и так тягуче уточнил Лилайн, что у Джиад прокатился холодок по спине.

Слишком хорошо она знала, что такой ласковый тон у алахасца появляется на пару мгновений раньше, чем из ножен вылетает сабля.

— Именно, — подчеркнуто безразличным тоном подтвердил Алестар. — Кстати, когда я, оказавшись на попечении целителей так себя веду и встаю раньше времени, меня обычно называют безмозглым мальком. Каи-на Джиад, как вы сами подтвердили, не обязана вам отчитываться. Но раз уж это все из-за меня, я, так и быть, объяснюсь.

Он снова плеснул хвостом, изогнув его и свесив с постели, так что ее дальний край оказался свободен, и продолжил:

— Вчера у меня был тот еще день. Утром я получил известие, что караван моей невесты, плывущий с ее родины, бесследно пропал. Днем началось извержение вулкана, и мне пришлось его усмирять. Это удовольствие разве что злейшему врагу пожелаешь! А ночью, когда я добрался до дворца, мечтая забраться в щель поглубже и сдохнуть, явился посол наших заклятых возлюбленных соседей, мурена их сожри. И сообщил, что моя будущая супруга у них. И поэтому они предлагают мне новый брачный договор. А заодно такой выгодный союз, что я лучше сам на берег выкинусь. Ну или в тот вулкан залезу, пока он

совсем не уснул.

Он помолчал, глядя на Карраса, а потом с явным отвращением добавил:

— Если вы серьезно думаете, что потом я был способен на большее, чем доплыть до постели, то я могу только гордиться. Но не стану — причин для этого нет.

— А чужая постель, конечно, вам подвернулась по случайности? — насмешливо сказал Лилайн, и Джад перевела дыхание, увидев, что синий лед в глазах алахасца тает, а лицо больше не кажется высеченным из темного камня.

— Нет, конечно, — в тон ему ответил Алестар. — На случайности я в последнее время стараюсь не полагаться. В этой постели меня если и убили бы, то как меня самого, а не как короля Акаланте. Все-таки не столь обидно. А теперь сядьте уже, ради Тройх. Нам действительно нужно поговорить. Если плохо себя чувствуете, это можно отложить, но ненадолго.

Тишину, повисшую в комнате после этих слов, нарушало лишь тревожное посвистывание Жи, по обыкновению рвавшегося из клетки на волю. Салру напоминал, что ему пора прогуляться, да и вообще в клетке ему давно уже тесновато, и Джад твердо пообещала себе разобраться с этим сегодня же. Пусть только нависшая буря либо пройдет мимо, либо уже разразится. И тут дверь отворилась. Каррас, почувствовав колебание воды спиной, вздрогнул, и это лучше любых слов сказало, насколько неуверенно чувствует себя алахасец. Раньше он бы не показал и тени беспокойства, если Джад рядом.

— Ваше величество!

Появившийся в спальне слуга почтительно поклонился, и Алестар, пару мгновений помедлив, распорядился:

— Через полтора часа я жду в малом королевском кабинете каи-на Ираталя, каи-на Герувейна и тир-на Эргиана. Отправьте курьера в Храм Глубинных за амо-на Герласом, его я захочу увидеть через два часа после полуденного колокола. Все остальные дела на сегодня отменить. Пускай хоть глубинные просыпаются! Прямо сейчас подавайте сюда завтрак на троих и побольше тинкалы. Мне — как я люблю, каи-на Джад пьет по-суалански, а наш гость... — Он задумчиво посмотрел на Лилайна и пожал плечами. — Сам выберет, что ему понравится. И передай слугам в моих личных покоях, чтобы подготовили свежую тунику, я приплыву переодеться. Выполняй.

— Да, тир-на, — снова поклонился слуга и метнулся из комнаты.

— Лил, сядь, — виновато попросила Джад, снова наполовину прячась под одеялом и наплевав, как это смотрится.

Алестар, одетый в одну набедренную повязку, окончательно выбрался и устроился рядом, свернув хвост полукольцом. Его туника, покрытая какими-то пятнами, комком плавала возле кровати, слегка шевелясь в проточной воде спальни, словно огромная странная медуза. Рыжие волосы, заплетенные в косу, по обыкновению растрепались, и Алестар запустил в них пальцы, не расплетая, но растрепывая еще сильнее и подчеркнуто не глядя ни на кого.

«А ведь это он, получается, гладил меня по голове, — мелькнула непрошенная мысль. — И где было чутье жрицы, которое не позволяет окончательно погрузиться в сон, пока есть хоть малейший намек на враждебное присутствие? Когда я перестала чувствовать в Алестаре угрозу? Ладно — угрозу, но мне было настолько хорошо и спокойно... Разве что с Лилайном было так безопасно и приятно в наши лучшие времена. Там, в лесной хижине... Но с иреназе? Причем именно с этим?! А чутье не может врать, это дар Малкависа его стражам!»

Лилайн неуклюже подплыл к ложу и опустился на его пустой край, чуть заметно поморщившись. Джад, спохватившись, протянула ему длинную толстую подушку, и Лилайн, раздраженно блеснув снова похолодевшей синевой глаз, ее взял. Подложил под спину и слегка оперся локтем, а потом усмехнулся:

— О чем же вы хотели со мной поговорить, ваше величество?

Тон у него был вполне мирный и даже учтивый, но Джад нутром чувствовала, что гроза стихла ненадолго и, скорее всего, просто собирается с силами.

— Об Аусдранге для начала, — сказал Алестар то, что она совершенно не ожидала от него услышать. — Кто там теперь станет королем? Насколько я понял, этот выродец мурены

потомства не оставил?

— Верно, — кивнул Каррас, тоже глядя на рыжего с удивлением. — О помолвке Торвальда с шевандарской княжной трубили герольды и болтали на всех площадях, но брак он заключить не успел. Даже невеста еще не приехала. О бастардах тоже ничего не слышно... — Он всерьез задумался, а потом чуть пожал плечами. — Думаю, корону поделят самые могущественные лорды. Кто окажется самым зубастым и хитрым, тот и сядет на трон. Говорят, первый Аусдранг сам был удачливым разбойником, оказавшимся в нужном месте в нужное время. А вас, ваше величество, это почему беспокоит? Кто бы ни стал новым королем, в ваших глубинах от этого ни холодно, ни жарко.

— Это как посмотреть, — ровно откликнулся Алестар. — Мне ведь придется подтверждать договор, который заключил мой отец. Джиад, — обернулся он к жрице, — а ты что скажешь? Я видел каи-на, убивших Торвальда. С кем-нибудь из них можно иметь дело?

— Конечно, — улыбнулась Джиад. — Пока вы держите их за горло. Если хоть немного отпустить, я и ломаной монетки не дам за честь и великодушие светлейших лордов. Крумас, тот, что убил Торвальда, еще получше остальных, но Гленарвиль — мурена, как вы говорите, хитрая и опасная. Кстати, получается, что перстень им теперь не нужен? Им короновались Аусдранги, а династия прервана...

— И это тоже как посмотреть, — снова блеснул злой холодной усмешкой Алестар. — Вообще-то, получается, что я сам — последний потомок Эравальда Аусдранга. Не та кровь, которой я горжусь, но от истины никуда не деться. Правда, толку от этого никакого. Я ведь на трон королевства людей не сяду.

— Это точно, вашему величеству наверняка хвост помешает, — невинно подтвердил Лилайн, и Джиад мысленно застонала: снова началось.

Алестар фыркнул и хотел, было, ответить, но тут раздался стук в дверь. Дождавшись позволения, в комнату вплыли двое слуг с подносами, уставленными едой и тинкалой. Мужчины смолкли, а Джиад обрадовалась не только еде, хотя проголодалась давным-давно, сколько робкой надежде, что Лилайн отвлечется на местные приборы и незнакомые блюда. Пока слуги расставляли принесенное на небольшом столике, придвинутом к кровати, она послала алахасцу предупреждающий взгляд, но Каррас только брови вскинул в явно поддельном удивлении, а потом выразительно посмотрел на еду.

— Это съедобно? — с сомнением уточнил он. — Я всей душой верю в гостеприимство вашего величества, но чешуей покрыться не хотелось бы. И плавники мне не пойдут...

— Я же их не отравила, — поспешно сказала Джиад, сводя все к шутке и придвигаясь ближе к столику. — Хотя здесь они быгодились. Тебя научили пить тинкалу? На вкус не турансайское, но силы восстанавливает лучше.

— Научили, — кивнул Лилайн. — Так значит, ваше величество интересуется только следующий король Аусдранга?

— Не только, — бесстрастно сказал Алестар, придирчиво выбирая среди дюжины тарелок и остановившись на той, где лежали его любимые глаза маару. — Я должен вас поблагодарить. Вы сохранили перстень Аусдрангов. А это, как недавно оказалось, реликвия не людей, а иреназе. Украденная у нас реликвия.

— Не стоит благодарности, ваше величество, — промолвил алахасец с такой изысканной любезностью, что она прозвучала хуже грубости. — Я старался не ради иреназе.

Джиад снова глубоко вдохнула, старательно отгоняя раздражение. Лилайн ранен. Боль и слабость всегда приводят с собой дурное настроение, так что алахасца можно понять. Но неужели он не понимает, что сейчас ведет себя глупо? Нет, Карраса никак не назвать дураком. Тогда к чему эти уколы, пробующие выдержку Алестара на прочность, словно броню?

— Притом, я вам весьма обязан за спасение, — добавил Каррас тем же учтивым тоном. — И прошу прощения за хлопоты.

— Не мне. — Алестар, собравший у себя на тарелке несколько горок еды, поднял от нее взгляд и вернул Каррасу отражение его улыбки. — Спасением вы обязаны исключительно просьбе каи-на Джиад. А хлопоты были невелики.

— Прекратите! — услышала Джиад собственный голос. — Я не мяч для игры.

Алестар слева от нее и Лилайн справа — оба разом замерли. Джад видела это боковым зрением, хотя смотрела ровно посередине, в пустую стену за столом. Она поставила взятый сосуд для тинкалы обратно и добавила с удивившей ее саму злостью:

— И быть между вами щитом я тоже не собираюсь. Ваше величество, если у вас больше нет вопросов, не соблаговолите ли отпустить господина Карраса? Мы вполне можем позавтракать в его комнате, чтобы не мешать вам.

— Не соблаговолу, — уронил Алестар, терзая кончик своей косы, превратившийся уже в спутанную мочалку. — Полагаю, это последнее утро, которое я провожу в твоей спальне, так что господин Каррас потерпит еще немного. И ты права, хватит этого...

Он поморщился, и Джад, все-таки скосив глаза, увидела, что на виске Алестара, хорошо заметная под бледной тонкой кожей, бьется синяя жилка — вестник нарастающего гнева. Перекинув косу на спину, Алестар продолжил с размеренной бесстрастностью:

— Угрожая мне, Аусдранг считал, что в его руках истинное Сердце моря. — Он коротко глянул на застывшего Карраса и пояснил: — Тот огромный рубин, помните? Основа королевской власти иреназе, щит и меч нашей воли. Торвальд заполучил копию, но ведь кто-то отдал ему ее. Кто-то сумел убедить этот выкидыш мурены, что Сердце настоящее, иначе Торвальд не стал бы так рисковать. Он верил, что может потребовать чего угодно, и, будь это не подделка, оказался бы прав.

— Я думала об этом, — тихо сказала Джад. — Разве возможно подобное предательство? Мне казалось, все иреназе понимают, что без Сердца моря Акаланте обречено. Предатель не получит никакой выгоды, если королевство падет.

— Значит, он все-таки нашел способ ее получить. — Алестар поднес к губам сосуд, отпил и раздраженно попросил: — Да ешьте вы уже, ради Трех. Разговор не из тех, что слаще тинкалы, но силы надо восстанавливать. Иначе всем достанется от Невиса.

Лилайн искоса глянул на него и потянулся к ближайшему блюду, которым оказались те же злополучные глаза маару. Джад поражено проследила за ним, не веря, что алахасец станет хотя бы пробовать эту гадость, но Каррас зачерпнул ложкой изрядную часть слизистой блестящей массы, отправил в рот и невозмутимо прожевал.

Сама Джад взяла уже полюбившееся курапаро и рулетики из сырой рыбы. Повара иреназе резали ее на длинные широкие ломти, вымачивали в темном кислом соусе, о происхождении которого даже думать не хотелось, а потом заворачивали в получившиеся пластины сочные стебли и листья водорослей, соленую икру и кусочки крабового мяса. Лилайн, глянув на ее тарелку, добавил себе того же самого и подвинул ближе тинкалу.

— Ни Торвальд, ни его люди со мной не откровенничали, — сказал он уже спокойно. — Хотя глаза и уши не завязывали — зачем что-то скрывать от смертника? И пару разговоров я случайно услышал. Только вот имен там не было. «Этот хвостатый» — и больше ничего.

— Но хвостатый все-таки был? — вскинулась Джад, забывая про еду и чувствуя прежний охотничий азарт. — Прошу, Лилайн, вспомни еще что-нибудь! Хоть какую-то мелочь!

Она умоляюще взглянула на Карраса, подавшись вперед, и алахасец ответил странным взглядом, а потом сдержанно уронил:

— Торвальд боялся этой штуки. Кто бы ее ни принес, он сказал королю, что вещь опасна. И лорды косились на нее с подозрением. Один из них спросил Торвальда, когда мы ехали из дворца к морю, что случится, если «хвостатый» соврал и король иреназе не захочет выкупить свою драгоценность? Торвальд велел ему смолкнуть и потемнел лицом. А потом, когда король отошел и лорды остались наедине, его будущий убийца сказал второму, что перстень следует вернуть любой ценой. А вот того, кто его будет носить, можно и поменять. Так что вы отлично попали в цель, ваше величество, — склонил он голову перед Алестаром. — Истинно по-королевски.

Похвалой это совершенно точно не было, и Джад снова напряглась, чувствуя себя отвратительно и не зная, что сказать. Ну вот зачем снова?! Но Алестар не оскорбился. Только изогнул уголки губ в ядовитой улыбке и сообщил:

— Жители земли так давно учат нас коварству и подлости, что странно было бы не усвоить их уроков. Хотя ученикам еще далеко до учителей. Я вернул Торвальду лишь малую часть того, что он сделал. И если его собственные каи-на предали его, испугавшись, может быть, в этом

не только их вина?

— Судя по тому, что я успел услышать, — насмешливо отозвался Каррас, снова неуволимо темнея лицом и хмурясь, — под водой предательства не меньше, чем на суше.

Они с Алестаром снова скрестили взгляды в безмолвном поединке, и Джад поняла, что устала. Триста лет ненависти между людьми и иреназе просто так не из памяти не выкинешь, но эти двое должны понимать больше других!

— Предательство и верность — две чаши весов, — тихо сказала Джад храмовую сутру. — И каждый сам решает, на какую чашу бросить свою жизнь. — Она помолчала в наступившей тишине и добавила, снова не глядя ни на кого и обхватив ладонями еще теплый сосуд с тинкалой. — Я не думаю, что море и суша в этом отличаются. И здесь, и там одинаково льется кровь, звенит золото и звучат клятвы. И здесь, и там для кого-то честь дороже жизни, а чья-то душа гниет изнутри, отравляя мысли и дела. Когда мы предстанем перед богами, они не станут смотреть, хвост у нас был или ноги — они взвешают наше сердце.

В комнате так и висело безмолвие, и Джад смутилась. Она никогда не стыдилась правил, по которым жила, но старые жрецы учили, что глупо навязывать их другим. Внутренняя суть человека рождается из разных материалов и закаляется в разном огне. Потому нельзя требовать от золота или глины той же крепости, что от стали. Но в Лилайне она была уверена, алахасец и сам выкован из отменного оружейного металла. Что касается Алестара, совсем недавно Джад о нем доброго слова не сказала бы, но сейчас... Что-то смутное и странное сменило их прежнюю ненависть, связав Джад с Алестаром крепко, но уже не узами пленника, а, пожалуй, веревкой, которая способна удержать падающего. Может быть, это доверие?

— Ты всегда умеешь найти нужные слова, сердце мое, — улыбнулся Лилайн, глядя на Джад с тем же странным выражением, которое жрица заметила у него сегодня не в первый раз. — И зная тебя, я верю, что это не просто слова.

Он назвал Джад «своим сердцем» так легко и привычно, что Алестар лишь стиснул зубы, переживая приступ мучительной тоскливой зависти. Это было похоже на прилив запечатления, вдруг обернувшегося вместо наслаждения болью... Джад ответила такой же легкой улыбкой, и Алестар почувствовал себя безнадежно лишним. Глупо было надеяться... Эти двое понимают друг друга без слов, и неловкость от постыдной утренней случайности не продлится долго, стоит им остаться наедине.

Скрывая злые волны-буруны, кипящие внутри, Алестар отпил тинкалы и запретил себе даже думать о том, что сказала сейчас Джад. Это была их последняя ночь вместе. Принуждать жрицу к чему-то иному — подло. Если уж суждено расстаться, пусть Джад запомнит, что Алестар готов был усмирить свою гордость ради ее спокойствия. И, значит, придется и дальше терпеть дерзость этого... двуногого!

Однако наемник тоже подумал о чем-то похожем, потому что повернулся к Алестару и, рассеивая напряжение, повисшее в комнате, сказал без прежней язвительности:

— Ваше величество, если бы я знал хоть что-то, способное помочь, то не стал бы таить. За что я действительно вам благодарен, так это за смерть Торвальда. Земля стала чище, когда он перестал ее пачкать. Ваше сокровище принес королю Аусдранга кто-то из ваших же подданных. Желаете поймать эту рыбину, тяните за леску со своей стороны. Ищите того, кто мог договориться с людьми. Не просто хотел, а именно мог. Ему ведь нужно было послать королю весточку, а потом еще не раз встречаться с Торвальдом или его людьми.

— Лил, а с кем из иреназе ты сам имел дело? — задумчиво спросила Джад, съев, наконец, пару рыбных рулетиков. — И как узнавал, что им нужна услуга?

— Да запросто, — хмыкнул Каррас, доедая оставшиеся глаза маару под удивленным взглядом Джад. Жрица так и не привыкла к этому изысканному лакомству, а вот ее гостю оно пришлось по вкусу. — Есть в одном прибрежном поселке рыбак, живущий на отшибе. В море он ходит тоже в одиночку и всегда в одно и то же время, незадолго до полуночи. Сами понимаете, поймать пару золотых куда выгоднее, чем целый невод рыбы. А потом всего-то нужно, что разменять эти монеты в надежном трактире, поболтав с тем, кто угостит его кружкой пива.

— И тройным швангом с козым сыром? — улыбнулась Джад какой-то земной, судя по всему, шутке.

Лилайн кивнул.

— Но я с иреназе уже давно дел не имею, — сказал он откровенно и мгновенно уколол взглядом Алестара. — Тот раз был последний.

И снова молчание заволокло комнату, словно грязная муть, поднявшаяся со дна от неосторожного всплеска. И Алестар, и Джаид, и наемник, у которого лицо разом затвердело, а глаза холодно блеснули, отлично поняли, про какой «тот раз» идет речь.

— А те, которые нас с тобой встречали? — нарушила, наконец, тягостную тишину Джаид, явно стараясь говорить самым обычным тоном. — Ты их знаешь? — И обернулась к Алестару. — Когда ваши жрецы привели меня к морю Зовом, на берегу были люди. Опытные воины, работающие на иреназе.

— Это верно, — подтвердил Лилайн задумчиво. — Старший у них тот еще волчара... Джа, но с чего ты взяла, что между иреназе и Торвальдом именно он весточки носит?

— Ни с чего, — вздохнула Джаид. — Просто нужно ведь с чего-то начинать?

— Кто из иреназе был на берегу? — спросил Алестар, отчаянно ругая себя за то, что до сих пор не додумался до такого нужного вопроса.

— Ваш отец, — тихо и слегка виновато сказала Джаид. — Каи-на Иратель. И кто-то еще, я плохо помню.

— Зато Иратель помнит наверняка! — выдохнул Алестар с облегчением. — Если можно как-то вызвать этого человека, Иратель его добудет. Нам нужны вести сверху. Кто станет новым королем и ищут ли вас? А если этот человек что-нибудь знает о планах Торвальда...

Оставив завтрак недоеденным, Алестар решительно оттолкнулся хвостом от ложа. Быть третьим лишним больше невыносимо! К тому же у него полно дел. Вулкан усмирен, но теперь надо подумать, где селить кариандцев. Если Старший Брат проснулся от сотрясения дна в Бездне, в Карианде уже может начаться бегство из города. Но самое главное сейчас — посольство из Суаланы.

Стоило подумать о полученном вызове, как сознание заливала ледяная слепящая ярость, с которой чудом удалось справиться на Совете, но она не ушла, а только притихла, дожидаясь подходящего момента. Эти мерзавцы темнохвостые посмели угрожать Акаланте и принуждать Алестара к браку! Видят Трое, он никогда не хотел жениться на Маритэль и не хочет сейчас, но договор заключен, а глубинная принцесса не виновата, что стала заложницей чужих игр. Эргиан, должно быть, уже все чешуйки на хвосте пересчитал, а то и плавники сгрыз от нетерпения. Что ж, вот ему и случай проявить свое хваленое хитроумие, потому что сам Алестар отчаянно не представлял, как вернуть Суалане их подлый удар. Хоть лицом к лицу, хоть в спину — все равно! — лишь без новой войны. И, если получится, не погубив золотоволосую девушку с нежной удивленной улыбкой, чей портрет так и лежит в отцовском кабинете.

— Позвольте проводить вас, ваше величество, — торопливо сказала Джаид, тоже поднимаясь.

«Проводить? Зачем? — удивился Алестар, на мгновение растерявшись. — Понятно, почему она зовет его по титулу, словно выстраивая между собой и нежеланной близостью преграду, но оставить своего возлюбленного, чтобы выказать почтение Алестару, который этого почтения вовсе не просит и не ждет, это на Джаид совсем не похоже».

И все-таки он кивнул, бросив последний взгляд на спокойного — ах, какого спокойного! — Карраса, раскинувшегося на постели и делающего вид, что его интересуют только остатки глаз маару и тинкала.

Джаид молча доплыла с ним до двери из спальни, а перед второй дверью, ведущей в коридор, задержалась.

— Мне нужно вам кое-что сказать, ваше величество, — сказала она, отводя взгляд. — Это важно. Вчера я не успела...

— Вчера нам было не до разговоров, — согласился Алестар, жадно глядя на нее, такую близкую — руку протяни! — и при этом безнадежно далекую.

Коснуться бы черных волос, уже отросших и связанных в недлинный хвост на затылке. Снять заколку и долго-долго гладить, запустив пальцы в мягкие пряди... А потом уронить руки на плечи и притянуть гибкое податливое тело к себе, услышав возмущенное фырканье. Но так, чтобы не отстранилась и не оттолкнула! Чтобы сама раскрыла губы, подаваясь навстречу...

Алестар встряхнул головой, отгоняя жаркое наваждение.

— Прости, — сказал сконфуженно. — Что?

— Жрец, который нас поил зельем, — терпеливо повторила Джиад, хмуро глядя мимо него. — Виалас. Он сказал, что ваше величество... Что вы не сможете запечатлеться с Маритэль.

— Что?! — выдохнул Алестар. — Почему?

Перед тем как ответить, Джиад все-таки глянула ему глаза в глаза.

— Потому что ваша кровь больше никогда не примет запечатления с кровью двуногих, — четко и ясно сказала она. — Ни с человеком, ни с иреназе, у которой в роду были люди. Вы можете запечатлеться с кем угодно, если она чистокровная иреназе, понимаете? Но не с Маритэль.

— И не с тобой... — сказал Алестар то, о чем сейчас только и мог думать. — Джиад, ты понимаешь, что это значит? Получается, мы могли бы быть вместе. Без всякого запечатления! Просто... вместе...

— Вы с ума сошли, ваше... — Джиад воззрилась на него с изумлением, злостью и вроде бы даже опаской. — Я вам только что сказала, что натворили ваши жрецы! И даже не предупредили вас! И если Суалана предлагает вам брак, значит, их королю тоже об этом может быть известно! А вы! Все, о чем вы думаете...

— А о чем я еще могу думать, когда ты говоришь такое? — растерянно спросил Алестар. — Что мои жрецы — те еще мерзавцы, я и так знаю. Тиарану я давно собираюсь хвост прижать, вот и появился случай. Но в этом ничего нового нет...

Он запнулся, потому что мысли вдруг закончились. Осталась только одна: запечатления у них с Джиад теперь случиться не может! Если даже они проведут вместе ночь... сколько угодно ночей! Это безопасно!

Алестар сглотнул вдруг вставший в горле ком. Джиад смотрела на него так, словно готова была отшатнуться. Сбежать или ударить. Словно едва-едва появившееся между ними доверие, хрупкое, как тончайшее пластинка перламутра, уже дало трещину и вот-вот разлетится на куски!

— Я понял, — сказал он хрипло. — Про Маритэль. Ты права, я должен был узнать. Спасибо, Джи! Не думай обо мне плохо, это ничего не меняет. Ни между нами, ни между мной и Кариандом. Я вернусь, как только будут новости, хорошо?

— Да, ваше величество, — поклонилась Джиад, неуволимо расслабляясь, и Алестар сам выдохнул, будто удалось отбить лоур, нацеленный в горло. — Удачи вам.

«Удачи мне, — горько подумал Алестар, поспешно плывя по коридору. — А еще ума и терпения! И сил не думать, что все могло бы обернуться не так уж плохо, если позволить себе забыть про честь и благодарность. Но клятая Суалана! Откуда они узнали?! Кажется, пора и вправду открутить кое-кому хвост!»

Дверь за Алестаром закрылась, и Джиад вернулась в спальню. Лилайн лег на кровати удобнее, подложив под спину еще одну подушку, и разглядывал книгу иреназе — стопку костяных пластин, испещренных странными значками. Это была та самая книга, что Джиад получила в подарок на акалантском базаре, но прочитать так и не смогла — иреназе говорили на том же языке, что жители Аусдранга, но вот письма у них были совсем другие.

— Как ты? — спросила она, опускаясь рядом и с тревогой приглядываясь к побледневшему лицу Лилайна. — Я сейчас целителей вызову...

— Не надо, — упрямо сказал Каррас и, уронив книгу на постель, в упор глянул на Джиад. — Хватит с меня пока хвостатых, пусть даже лекарей. Подумаешь, дырка в плече, будто в первый раз.

— А меня лечиться заставлял, — улыbnулась Джиад.

Протянув руку, она бережно коснулась волос Лилайна, отросших и перевязанных каким-то шнурком, погладила темные пряди. Наемник не дернулся, не отодвинулся, но и не подставил голову под ласку, как раньше. Джиад, вздохнув, убрала ладонь.

— Лил... — позвала она тихо. — Прости. Прости меня за все. Но я не лгала тебе. У меня с Алестаром ничего нет.

Имя короля иреназе слетело с губ так легко, что Джад сама удивилась. А ведь она даже в мыслях старалась звать его рыжим или как-нибудь еще, словно исполняя примету не называть нежеланного гостя по имени. А сейчас — будто само вырвалось. Именно в тот момент, когда не надо бы.

— Я знаю, — ровно отозвался Каррас. — Ты это уже сказала.

— А ты поверил. — Джад села удобнее, привычно подняла колени и обняла их, совсем как на лежанке в их лесной хижине. — Лил, наверное, ты единственный, кто мог поверить, увидев такое. Словам, а не глазам...

— Нет, — усмехнулся Каррас. — Я поверил тебе, Джи. Это ты единственная, у кого слова с делом не расходятся. И хватит об этом.

Он откинулся на подушки, поморщившись, и Джад встрепенулась.

— Давай все-таки целителей позову, — просительно сказала она. — Лил, я бы сама тебя перевязала, да ничего в местных снадобьях не смыслю. Толку от меня здесь...

Она придвинулась ближе, заглядывая Каррасу в глаза, но тот снова покачал головой.

— Потом, — уронил он. — Джи, ты веришь, что он тебя отпустит?

Перед тем как ответить, она помедлила. Не потому, что сомневалась в ответе, просто нужные слова снова потерялись, и Джад молча изумилась: когда она начала с осторожностью выбирать выражения, чтобы поговорить с Лилайном? И куда делась ее прежняя вера, что алахасец, что бы она ни сказала, непременно поймет все правильно?

— Короли иреназе не лгут, — сказала она наконец. — Впрямую, во всяком случае. Он обещал. И это значит, что он не станет удерживать меня силой.

Лилайн протянул руку и взял ее ладонь, поднес к своей щеке и потерся об нее. Джад почувствовала привычную колкость отрастающей щетины, пока еще почти не заметной, только сделавшей его лицо немного темнее. Замерев, Джад попыталась поймать взгляд Карраса, но наемник прикрыл глаза и очень мягко сказал:

— Ему и не нужно. Джи, разве ты не видишь, что он с тобой делает? Аусдранг мертв, так ты теперь у этого хвостатого стражем стала? Он у тебя в постели спит. И ладно бы так завалился, по-мужски, но он же тобой прикрылся на случай, если его убивать явятся. Ты на его врагов готова охотиться, как на собственных. Советы ему даешь, тайны слушаешь... Джи, неужели ты ради этого от Торвальда выдралась, как волк из капкана, — со шкурой в клочья? Ты же его ненавидела, я помню, как ты от кошмаров просыпалась, как тебя от одной мысли о море мутило. А сейчас ты меня — меня, Джи! — просишь ему помочь.

Он открыл глаза и посмотрел на Джад, онемевшую от этого спокойного голоса, похожего на лезвие скальпеля, которым целитель вскрывает нарыв. Ее ладонь так и осталась прижатой к щеке Лилайна, и Джад поймала себя на желании убрать руку. А алахасец продолжил:

— Я помню, как ты говорила, что страж без своего долга жить не может. Не знал только, что в тебе это через всю душу проросло и корни пустило. Теперь вижу. Ты себе взамен Аусдранга нового хозяина нашла и сама ошейник надела. А он и рад, где еще такой живой щит отыскать, стенку между собой и смертью? Да если он даже сделает вид, что тебя отпускает, ты ведь сама не уйдешь. Ведь он же без тебя не справится, верно? Тебе опять надо всех спасать, и людей, и хвостатых... Всех, кроме себя.

— Нет... — прошептала Джад, не отрываясь от ледяной глубины глаз Лилайна, даже здесь, в полутемной комнате подводного дворца, казавшихся светлыми. — Я уйду. Лил, я хочу уйти! Просто не могу прямо сейчас.

— Это не твоя война, Джи, — сказал Лилайн с той же беспощадной откровенностью. — Пусть иреназе сами со своими убийствами да изменами разбираются. Жили они без людей триста лет и еще столько же проживут, а если нет — богам виднее. В Аусдранге сейчас творятся демоны знают что. Меня, конечно, ищут, да и тебя тоже, но если выйти на сушу подальше от рыбацких деревень и гаваней, то проскользнем мимо ловцов, как иголка сквозь рыбацкую сеть. До гор подать рукой, там нас никто не найдет, а весной уйдем через перевал, как я и обещал. Джи, я поеду с тобой в твой храм, хочешь? Сколько там надо, чтобы тебя выкупить? У меня в

горах неплохая захоронка, много лет собирал, да еще наследство от Миля. Остальное, чего не хватит, на месте добудем... — Он запнулся, а потом добавил просто, как всегда: — Ты же меня знаешь, Джи. Захочешь потом уйти — слова не скажу. Деньги — дело наживное, лишь бы тебе хорошо было. Только не рви ты себе душу на заплатки для чужих сапог. Все короли одной породы, ни один не стоит того, чтоб за него умирать.

«Ни один не стоит, — повторила про себя Джиад, еще сильнее желая уже не убрать — отдернуть руку, словно простое прикосновение, такое желанное раньше, теперь жгло, как раскаленное железо. — А кто или что стоит смерти?»

Она набрала воды вместо воздуха уже привычным движением, не задумываясь, как это получается, и тоже сказала, чувствуя, как слова даются болью, словно царапая изнутри горло и что-то глубже. Где там у человека душа?

— Лил... Малкависом клянусь, я тебе на всю жизнь благодарна. Нет уж, помолчи, — прижала она ладонь к его рту, почувствовав, как горячие нежные губы поймали ее пальцы. — Ты сказал, теперь послушай меня. Ты прав... по-своему. И все-таки не понимаешь. Ты думаешь, мой долг — это семечко, которое упало сверху, закрепилось корнями и оплело меня. Ну вот как плющ ядовитый... А это не семечко, это корень, из которого я расту. Я сама — этот долг, если перестану быть стражем, я даже не умру, а просто исчезну. Для этого я родилась, так меня растили. Быть стражем — это не рабство, а счастье. Это милость бога моего, отца и покровителя. И если я покину храм, то он меня не покинет, стражем я все равно не перестану быть, даже если ты меня выкупишь. Просто я стану стражем, который может сам выбирать свой долг. Но я ведь сейчас именно это и делаю...

Она уронила вторую руку на колено Лилайну, подавшись к нему всем телом и чувствуя себя так, словно их души вот-вот соприкоснутся. И продолжила, торопясь, боясь не сказать всего, будто вот-вот случится что-то, и если она не успеет...

— Я люблю тебя, Лил. Телом и разумом. Как лучшего друга, как верного спутника и желанного мужчину. Но есть еще сердце. Дурное, глупое... И я не возьму твоих денег, прости. Знаю, что предлагаешь честно! И верю! Лил, еще раз Малкависом клянусь, что верю — никогда не попрекнешь и удерживать не станешь. Но если я уйду из храма, то уйду не к тебе или кому-то другому, а к себе самой, понимаешь? И Алестару я помогаю не потому, что жить не могу без хозяина. Просто так нужно! Нельзя проходить мимо там, где совершается подлость, с ногами она или с хвостом. Если бы я не была здесь нужна, Малкавис не привел бы меня именно сюда и именно сейчас. Ты волен думать, что хочешь. И уплыть, когда только пожелаешь. Но если я брошу тех, кому нужна моя помощь, какой из меня страж?

Она замолчала, отчаянно понимая, что главное так и не прозвучало. Не ложь, но молчание, которое обязательно еще аукнется, потому что судьба не прощает трусости ни в словах, ни в делах, ни в помыслах. Но как, ради Малкависа, сказать Лилайну, что свобода уже обещана ей Алестаром? Что король иреназе заплатит выкуп, который для подводного королевства не так уж тяжел. Уж точно легче, чем для отчаянного алахасца, который вытряхнет все сбережения за много лет, а потом еще отправится добывать остальное. И добудет, если не сложит голову!

Но что тогда делать ей, Джиад? Разве сможет она после этого уйти от Лилайна, если их дороги разойдутся? Такой долг будет висеть над ней всю жизнь и отравит все, что между ними сейчас. Даже если упрек никогда не прозвучит, все равно останется хотя бы тень обязательства. Если бы Джиад любила Лилайна и собиралась прожить с ним всю жизнь, даже тогда она бы сто раз подумала, принимать ли такую жертву, смогут ли они с Каррасом не удушить свою любовь цепями долга и благодеяния. Но она его не любит... И если Алестар заплатит за свою вину, то Лилайну искупать нечего.

А сказать об этом нельзя. Гордый алахасец оскорбится смертельно, и Джиад его понимает! Но ничего сделать не может, потому что вскоре все и так выяснится. Алестар ведь собирается отправить их на землю вдвоем, и ему нет нужды скрывать свое обещание заплатить храму выкуп.

— Верь мне, — попросила она, глядя в лицо, которое столько раз целовала. — Прошу, Лил. Что бы ни случилось. Что бы тебе ни сказали. Просто верь...

— Верю, мой страж, — хрипло сказал Лилайн и потянулся на то маленькое расстояние, что еще их разделяло.

Губы Джиад встретились с его губами, и она впервые в жизни почувствовала, какова на вкус вина. Что ни выбери, Лилайну все равно будет больно. И она не может ни оттолкнуть его, ни прикрыть собой, потому что эта боль у каждого своя.

Они целовались взахлеб, иступленно, как в первый и последний раз, будто перед казнью или расставаясь навсегда. Рука Лилайна легла на ее спину, а Джад обняла Карраса за плечи, прижимаясь к нему и опомнившись лишь, когда наемник чуть слышно зашипел сквозь зубы.

— Прости! — опомнилась она, отстраняясь. — Какая же я дура!

— Мог бы... еще раз убил бы эту погань... — выдохнул Лилайн с искаженным от боли лицом. — Теперь из-за него не поцеловаться.

Он улыбнулся и нежно коснулся лица Джад, провел пальцами по ее губам. Сказал со старательно изображаемой беззаботностью:

— Ничего, еще наласкаемся вдоволь. И все остальное тоже. Как же я по тебе скучал...

Возмущенный свист из клетки Жи прервал его на полуслове, а потом салру забился так, что по комнате прошла волна, и Джад недоуменно глянула туда. Рыбеныш — хотя какой он уже рыбеныш, еще чуть — и под седло! — хлестал хвостом и извивался, уткнувшись мордой в самый дальний угол клетки, заваленный его старыми игрушками.

— Что это он? — растерянно спросила Джад. — Погоди, я гляну.

Высвободившись из объятий неохотно отпустившего ее Лилайна, Джад торопливо подплыла к клетке, где-то в глубине души даже радуясь перерыву в сложном разговоре. Открыла клетку, подняв и закрепив переднюю стенку на петлях. Жи, против ожидания, не кинулся в комнату, как обычно, а когда Джад подплыла ближе, стало ясно, что салру умудрился застрять. Его морда попала точно в какую-то дыру в стене, и Жи возмущенно жалобно повизгивал, пытаясь освободиться.

— Вот ведь...

Джад осмотрела стену и нахмурилась. Сначала ей показалось, что просто пара плиток облицовки отвалилась, но тут Жи дернулся, и она увидела, что раньше это место закрывала заслонка, которую салру сдвинул мордой. Проем за ней уходил куда-то глубоко, оттуда явственно тянуло холодной водой, причем проточной. Часть системы труб? Похоже на то!

Салру наконец высвободился и обиженно кинулся ей в руки. Джад погладила слегка поцарапанную морду, посмотрела на кучу игрушек, увенчанную достославным копытом — и ее осенило!

— Так вот откуда ты все это таскал, паршивец!

По размерам дыра вполне подходила для рыбеныша, каким он был несколько недель назад! Получается, Жи нашел выход в трубу, прикрытый заслонкой, и научился сдвигать ее мордой — времени у него хватало, пока Джад не было в комнате. Но откуда в дворцовых водяных трубах могло взяться копыто?!

Да оттуда же, откуда крабьи панцири и деревяшки. Где-то внизу свалка, куда течением приносит всякий мусор. Сокровищница для малька салру! Странно, что Жи ни разу не попался во время побега, но Джад часто оставляла его одного, а если малька не было в клетке, то думала, что он на прогулке с кем-то из слуг.

— Ну вот, одной тайной меньше, — пробормотала она, почесывая нос успокоившегося салту и вдруг осеклась.

Тайна коровьего копыта — это забавно, конечно, Алестар наверняка оценит. Но последней добычей Жи стал парик Карриши! И вот это уже серьезно... Если мерзавка прячется где-то в дворцовой системе труб, это опасно, как гадюка в постели. Трубы пронизывают весь дворец, по ним легко подобраться куда угодно!

— Лилайн, мне срочно нужно поговорить с королем! — выпалила Джад, чувствуя, как азарт появившегося, наконец, следа, смывает дурное настроение последних дней. — Это важно! Очень!

— Само собой, — бесцветно согласился алахасец, и Джад закусила губу.

— Пожалуйста, Лил! — взмолилась она, чувствуя себя премерзко, но не в силах забыть, что скоро Алестар встретится с Герласом, а уж кому, как не жрецу глубинных, разбираться в тайнах дворцовых труб. — Останься здесь! Я позову целителей, а потом вернусь. Тебе ведь не обязательно возвращаться в ту комнату! Здесь нам обоим хватит места, а я...

— Хватит меня уговаривать, — усмехнулся Лилайн почти прежней насмешливой веселой улыбкой. — Если ты собралась оторвать кому-то хвост, я уж точно не против. Подремлю пока...

— Спасибо! — выдохнула Джад, пронзительно ясно понимая, что вот этим он ей и дорог: верностью, доверием и спокойным мужеством, которое не нуждается в доказательствах своего превосходства.

И все-таки, когда Джад торопливо плыла к кабинету Алестара, ее не покидала тоскливая мысль. Если на одну чашу весов бросить все достоинства Лилайна, перевесит ли она другую, ту, на которой лежит лукавое глупое сердце, которое первый раз в жизни сбросило оковы вечного долга стража и теперь само не знает, чего хочет.

Глава 7. Цена чести

Ажурная золотая рыбка мягко поблескивала на полированной мраморной доске отцовского стола, который Алестар до сих пор даже в мыслях не мог назвать своим. Он тронул серьгу пальцем, и бриллиантовый глаз рыбки словно загорелся ярче. Красивая вещица. И страшная. Не сама по себе, конечно, а то послание, что она несет.

Он оглядел кабинет, собираясь с мыслями, настраиваясь на разговор, как на сложную гонку. Ну что ж, все в сборе? Герувейн с Иратель заняли два кресла напротив королевского стола, а Эргиан — то, что стояло поодаль, словно нарочно отдалил себя от акалантцев. Два ближайших, проверенных временем и долгой службой советника и кариандский принц. Станный выбор, но для этой беседы — единственно возможный.

— Вы все слышали предложение Суаланы, — еще немного помолчав, сказал Алестар. — Предложение, больше похожее на угрозу. Высокомерное. Наглое. И, возможно, удивляетесь, почему я не отверг его сразу?

— Ваше величество мудро решили сначала обдумать случившееся и лишь затем давать ответ, — отозвался Герувейн, а Иратель склонил голову, соглашаясь.

— Мое величество пока не знает, что ответить. Точнее, я знаю, что ответить должен, однако не могу этого сделать. Каи-на Иратель, каи-на Герувейн, тир-на Эргиан, — назвал он всех троих по именам с холодной торжественностью. — Прежде, чем мы продолжим, я требую клятвы, что ни одно сказанное здесь слово не просочится наружу.

— Клянусь Сердцем Моря!

Герувейн склонил голову и прижал ладонь к груди.

— Клянусь Сердцем Моря, — повторил за ним Иратель. — Пусть оно покарает нас, еслислушаемся вашей воли.

И оба советника вслед за Алестаром посмотрели на Эргиана, свернувшегося в кресле так, что хвостового плавника почти не было видно. Руки глубинный принц сплел на груди перед собой и выглядел настолько плохо, что Алестар всерьез испугался, не придется ли звать лекарей. Бледное лицо, круги под глазами, сжавшиеся в узкую линию губы...

— Клянусь Бездной, — тихо и совершенно бесцветно ответил Эргиан.

Иратель нахмурился, собираясь что-то сказать. Наверное, удивился, почему принц Карианда не клянется Сердцем моря, но Алестар кивнул и уронил:

— Этого достаточно.

Пожалуй, он один понял то, что глубинник не мог сказать, но постарался намекнуть на это своей клятвой. Здесь и сейчас в малом Совете будет участвовать не принц чужой страны, чье слово подтверждается Сердцем моря, а лично Эргиан, брат Маритэль.

— Я не объявил этого при всех, — сказал он, глубоко вздохнув. — Потому что сегодня мне нужна помощь тех немногих каи-на, кому я доверяю полностью. И тир-на Эргиана, поскольку это дело касается его так же близко.

Он поднял сережку, показав ее, и сказал:

— Принцесса Маритэль находится в Суалане. Вот ее вещь, присланная в письме с Золотой печатью. Тир-на Эргиан, вы подтверждаете это?

— Подтверждаю, — так же бесцветно отозвался карианец. — Я сам дарил сестре эти серьги. Но чтобы исключить подмену... Посмотрите с другой стороны, ваше величество. Там должна быть буква Э.

Алестар перевернул сережку и на гладком участке хвостика увидел указанный знак.

— Она есть, — уронил он в полной тишине. — Думаю, понять эту часть послания Лорасса нетрудно. Если мы не согласимся, они убьют Маритэль.

— Немыслимо... — выдохнул Герувейн, подаваясь вперед. — Даже для Суаланы! Не могут же они не понимать, что тогда их врагом станет и Карианд!

— Вот и мне очень любопытно, с чего это драгоценные соседи так обнаглели? — дернул уголком рта в невеселой усмешке Алестар. — Но я думаю, они все просчитали. Даже если нам удастся доказать участие Суаланы, то... Тир-на Эргиан, кого ваш почтенный отец обвинит в случившемся?

— Зависит от того, будет ли расторгнут договор, — с каменным лицом ответил глубинник. — Если Акаланте заключит новый брачный союз с Суаланой, мы воспримем это как предательство и преступный сговор. Но если вы официально обвините Суалану в похищении моей сестры и откажете им... тогда...

Он смолк, но Алестар беспощадно уточнил:

— Что сделает Карианд в таком случае?

— Объявит траур по Маритэль, я полагаю, — безжизненным голосом, лишенным всякого выражения, сказал Эргиан. — И предложит вам заключить брак с другой принцессой. У моего отца много дочерей. Смерть одной — совершенно не повод менять планы. И, разумеется, мы обидимся на Суалану. Очень обидимся. Но в данный момент у Карианда другие заботы и нет возможности вести войну.

— Вот так вот, — подытожил Алестар, с жалостью отводя взгляд от окончательно посеревшего лица глубинника. — Либо я нарушаю слово, данное Карианду, возвращаю Маритэль, но женюсь на суаланке, либо... новая война. В которой Карианд нам не поможет, потому что сейчас он сам сражается с Бездной.

— Лорасс обезумел, — хрипло проговорил Иратель. — Они снова проиграют. Цена победы будет велика, но нет никаких сомнений, что мы сможем ее заплатить, а они — нет.

— Я в этом не уверен, — поморщился Алестар. — Мне очень интересно, как суаланцы смогли похитить целый караван, в котором наверняка были опытные воины. Если они способны на подобное... Но сейчас речь не об этом. Я нуждаюсь в совете, как можно спасти принцессу Маритэль. Каи-на Иратель?

Начальник охраны виновато пожал плечами.

— Вы же знаете, ваше величество, — откровенно отозвался он, — в этом я не силен. Если решите начать войну, я вам в любое время дня и ночи отвечу, сколько у нас солдат, как они вооружены, какие нужны припасы и как накрутить суаланским муренам хвост. А брачные дела...

— Понимаю, — кивнул Алестар. — И спрошу иначе. Стоит ли мир с Суаланой цены, которую они запросили? Иратель, когда-то ваши мудрые слова дали мне, умирающему, надежду. Не на спасение, но хотя бы на то, что мой поступок был честным и правильным. Сейчас я прошу вас не о чуде, а о совете. Впустить ли Суалану в Акаланте? Цена отказа — жизнь многих. Цена согласия — моя честь и слово, данное Карианду. Каи-на Герувейн? — глянул он на второго советника, статуей застывшего в кресле. — Карианд уже сказал свое слово устами тир-на Эргиана. Чем ответит Акаланте?

— Слово короля — честь моря, — сказал Герувейн, бледнея так стремительно, что стал похож на глубинника. — Если нарушить его хотя бы однажды, ни боги, ни Карианд, ни ваши подданные никогда этого не забудут. Мне... всем сердцем жаль юную Маритэль, но Суалану пускать в Акаланте нельзя. Вы клялись взять в жены принцессу Карианда. Клятву следует выполнить, как бы ни звали эту принцессу.

— Я вас услышал, — кивнул Алестар, старательно не глядя в ту сторону, откуда донесся еле слышный вздох глубинника. — Иратель?

— Не знаю я, ваше величество! — взмолился тот. — Каи-на Герувейн дело говорит, но не ему вести в бой наших солдат и смотреть, как они погибают. Нет уж, теперь я скажу! — оборвал он вскинувшегося советника, у которого щеки мгновенно вспыхнули. — Я вас, Герувейн, всю жизнь знаю и в трусости уж точно не виню. И если придется, поведу войска против Суаланы за короля Алестара, как водил за короля Кариалла, покойся он с миром. А что потом? Война малой кровью не обойдется. И кто поручится, что враг не ударит в спину? Тех, кто покушался на тир-на Алестара и чуть не убил вашу дочь, так и не нашли. У нас тут в самом дворце мурены плавают, а еще Карианд...

Начальник охраны неприязненно покосился на Эргиана, сидящего с непроницаемым выражением лица, которому Алестар мог только позавидовать. Ему самому сейчас хотелось

заорать, ударить по столу чем-нибудь тяжелым, бессильно выругаться... Как отец умудрялся всегда быть хладнокровным? И мудрым. И честным!

Алестар вспомнил договор, заключенный отцом с Джад, и про себя признал, что у мудрости и честности отца тоже была цена, и немалая.

— Я вас услышал, — кивнул он снова, старательно сохраняя спокойствие. — Тир-на Эргиан?

— Ваши советники совершенно правы, — раздался из дальнего кресла бесстрастный голос. — Причем оба. В сущности, ваше величество, выбор очень прост. Кто вам нужнее в союзниках, Карианд или Суалана? Кого вы предпочтете подпустить к себе ближе? Полагаю, после запечатления принцесса Суаланы будет вам верной и любящей супругой. А ее родичи... Ну что ж, их просто придется держать в узде, как норовистого салту. И, разумеется, если вы предпочтете Карианд, мы не забудем вашей верности и великодушия. Как посол Карианда я обязан советовать вам именно это, вы же понимаете.

— Понимаю, — кивнул Алестар, напоминая себе игрушечного болванчика, который был у него в детстве.

Резная статуэтка изображала иреназе, стоящего на хвосте. Голова была хитроумно приделана к туловищу, и стоило качнуть ее пальцем, иреназе важно кивал. Совершенно бесполезная штука, Алестар через три дня разобрал ее, чтобы понять устройство, а потом выкинул. Вот и он сейчас так же... Слушает, кивает — и все это бессмысленно. Потому что все, что говорят советники, Алестар знает и сам! А решить за него они все равно не могут.

— Каи-на Иратель, посол не просил о личной встрече? — поинтересовался он, чувствуя, что какая-то важная мысль ускользает. Что-то он думал об этом вчера... — Не говорил, что у него есть еще послание?

— Нет, ваше величество, — откликнулся Иратель. — Он просто ждет ответа.

— Ответа, значит, — усмехнулся Алестар все той же скованной, словно чужой усмешкой и вдруг вспомнил яростно ненавидящий взгляд молодого суаланца. — Хорошо. Но прежде, чем мы напишем письмо дорогому брату Лорассу, я хочу поговорить с послом. Не нравится он мне...

Золотая рыбка тревожно блеснула со стола, словно намекая, что как ни тяни, а решение принимать нужно. Как и сказал Эргиан, выхода всего два, и ни один из них не позволяет спасти Маритель. Можно успокоить свою совесть, верно? Убедить себя, что такова жизнь, что он должен думать об Акаланте, хватит уже сделанных глупостей...

Может быть, суаланцы и не причинят девушке вреда! Королевская кровь слишком ценна, чтобы лить ее попусту, скорее всего, Маритель выдадут за кого-то из придворных Лорасса. Она пройдет запечатление и будет по-своему счастлива. Какая ей разница? Она ведь и Алестара в глаза не видела, а король Суаланы наверняка не захочет портить отношения с Кариандом еще сильнее, так что жениха девушке подберут неплохого. Ведь так?

Вода в кабинете вдруг показалась затхлой, а ведь этого быть не могло. Она здесь проточная... Алестар взял со стола золотую рыбку, стиснул в ладони так сильно, что острый краешек хвоста врезался в ладонь. Боль отрезвила, и он перевел дыхание, только сейчас заметив, что задержал его, как на крутом повороте. Наверное, никогда он не перестанет все в своей жизни мерить Ареной. Только теперь приз в гонках не Золотой Жемчуг, а множество жизней, зависящих от него, и соперники уже сделали по паре-тройке кругов, пока он еще седлает салту.

Алестар сглотнул тугой ком в горле. Заставил себя снова вдохнуть и дышать мерно и ровно, отгоняя бессильную слепящую ярость, — ему сейчас нужен ясный разум, никакого дурмана. И почему-то остро пожалел, что не видит фреску с Ираэлью, оказавшуюся у него за спиной. Вечно взлетающая в волнах юная принцесса, преданная и погубленная, но наверняка борющаяся до конца. Иначе и быть не могло, она ведь из Акаланте!

«Меня прижали к скалам, — подумал Алестар с веселой холодной злостью. — И теснят, оставив два пути: броситься на камни или уйти вниз, на дно, отказавшись от гонки. Что надо делать, если пути всего два? Проломить себе третий!»

— Каи-на Герувейн, — сказал он, понимая, что отрежет себе все возможности к спасению —

если только окажется неправ. — Составьте письмо к его величеству Лорассу. Напишите, что я глубочайше ценю его предложение. Что я согласен на брак с его дочерью. Но только при условии, что принцессу Маритэль тоже привезут в Акаланте.

— Ваше величество! — пораженно выдохнул Герувейн. — Вы... вы хорошо подумали?

Алестар бросил на него взгляд, под которым советник мгновенно смолк, и продолжил тем же ровным размеренным тоном:

— Подчеркните в письме, что я желаю получить Маритэль невредимой и не запечатленной ни с кем. А чтобы это не казалось странным, намекните, что принцесса Карианда станет моей наложницей. Может у меня быть такая вот личная придурь?

Он оглядел онемевших советников и с той же шальной веселой злостью подытожил:

— Еще как может. После того, что я творил, Суалана поверит в любую глупость с моей стороны, если та касается постельных дел. Вопрос о кариандских беженцах упомяните, но ничего не обещайте...

Что-то настойчиво билось в сознании, и Алестар подумал о Джад. Наверное, жрица-страж одобрила бы то безумство, которое он собирается устроить. Она знает, что такое долг... И стоило вспомнить Джад, Алестар понял, что он упустил. Что они все упустили, думая только о принцессе.

— Да, и напишите, — добавил он, — что я желаю получить вместе с Маритэль всю ее свиту.

— А-а-а... да, конечно, — растерянно отозвался Герувейн. — Свита! Разумеется! И приданое?

— А вы думаете, нам его отдадут? — усмехнулся Алестар. — Сомневаюсь. Дражайшие соседи обглоданные рыбы кости из рук не выпустят, не то что такой куш. Впрочем, поторгуйтесь, Герувейн. Требуйте приданое, но намекните, что я могу и уступить, если получу принцессу Карианда и ее сопровождающих. Спорим, часть приданого Маритэль вдруг окажется в приданом суаланки?

— И даже спорить не буду, ваше величество, — ошеломленно отозвался Герувейн, а Алестар, подчеркнуто не глядящий в сторону глубинника, услышал шумный резкий выдох. — Но как же...

— Я не договорил, — сказал он. — Герувейн, я слышал ваш совет. Вы правы. Щупальца Суаланы следует обрубить, как только они потянутся к Акаланте. Но я не поплыву туда, куда меня старательно загоняют, словно рыбу — в сеть. Суалана рассчитывает, что запечатление с их принцессой откроет ворота в Акаланте. Этого не будет, потому что я больше не верю в запечатление.

Каждое слово давалось ему с болью, но странным образом с каждым словом становилось и легче, словно эта боль вытекала из Алестара в наполненную напряженным ожиданием комнату. И, наверное, поэтому он сказал то, чего говорить не собирался, но сейчас оно показалось необходимым.

— Я любил Кассию, — сказал он, отстраненно заметив, что впервые это имя не режет по сердцу невыносимостью утраты. — Никакое запечатление ничего не прибавило бы к моим чувствам, а после ее смерти оно не смогло смягчить утрату. Я ненавидел Джад, когда мы оказались запечатлены, а потом полюбил ее. И запечатление, и его разрыв только добавили нам бед. — Он перевел дыхание и продолжил в полной тишине: — Может быть, это я такое равнодушное чудовище, но если принцесса Суаланы окажется верной и достойной супругой, я стану ей таким же мужем. Если же нет... Ну, тогда и решим, что с этим делать.

Он снова задумчиво посмотрел на золотую рыбку. А вот теперь время сказать главное. Третий путь, который вряд ли кто-то смог бы предугадать. Если не знаешь, что делать, делай то, что от тебя не ожидают! Соперник хотя бы растеряется...

— Когда принцесса Маритэль прибудет к моему двору, я предложу ей избрать супруга среди моих подданных. Любого, кто окажется по сердцу. В Акаланте много достойных, из кого можно выбрать... — Герувейн смотрел на него так, словно не верил своим ушам, Иратель вообще застыл воплощенным изумлением. И только Эргиан, на которого Алестар все-таки глянул, был бесстрастен, лишь его серые глаза ярко сверкали серебром на бледном спокойном лице. — А когда она пройдет запечатление, приняв тем самым подданство Акаланте, — добавил Алестар почти безмятежно, — я объявлю ее высочество Маритэль своей сестрой и

приму в семью и ее, и избранного ею мужа. Ее дети станут моими наследниками, если вдруг брак с суаланкой окажется бесплоден. А Карианд, подаривший мне любимую сестру, получит гарантии мира и поддержки.

Еще пару мгновений в комнате было совершенно тихо...

— Невозможно! — вскрикнул Герувейн, привстав в кресле и плеснув хвостом. — Этого нет ни в законах, ни в традициях!

— Нет, значит будет, — хладнокровно сказал Алестар, откидываясь на высокую спинку королевского кресла. — В Акаланте закон — я. И традиция тоже.

Он с мстительным удовлетворением увидел, как невозмутимость на лице Эргиана сменяется изумлением, а затем чем-то, подозрительно похожим на восторг. Ага, глубинника проняло! Наверняка он уже сообразил, что задумал Алестар и, судя по выражению лица, совершенно не против! Ну да, если дети Маритэль, родившись в Акаланте, получают статус принцев или принцесс, пусть и младших, Карианд все равно окажется здесь не менее влиятелен, чем Суалана. Разве что самую малость! А еще Карианд будет очень заинтересован, чтобы другая сторона не получила ни малейшего перевеса. Ну и заодно, чтобы с Алестаром ничего не случилось, потому что тогда на троне останется его супруга, урожденная суаланка.

«На месте Карианда, — с тем же удовлетворением подумал Алестар, — я бы ежедневно молился Трои о здоровье короля Акаланте. И на месте Суаланы, пожалуй, тоже, потому что прибрать Акаланте к рукам так легко уже не удастся. Прикрыться одним соперником от других — что может быть проще? Лишь бы они не сговорились, но нельзя предусмотреть все...»

— При всем... восхищении изобретательностью вашего величества, — осторожно проговорил Эргиан, — зачем такие сложности? Почему бы вам и в самом деле не сделать мою сестру наложницей? Если вы подарите ей ребенка королевской крови, это будет еще надежнее!

Алестар поморщился. Вот теперь разговор подходил вплотную к вещам неприятным, но и тянуть дальше было нельзя.

— Если я не верю в запечатление лично для себя, — сказал он как мог откровенно, зная, что глубинник почувствует малейшую фальшь, — это не значит, что я собираюсь лишиться кого-то другого надежды на счастливый брак. Сегодня утром я узнал, что у нас с ней не может случиться запечатления. Тот признак... по которому тир-на Маритэль была избрана мне в супруги, обернулся против нас. Я могу запечатлеться с кем угодно, но не с нею. Если бы не это обстоятельство, я бы искал любой другой выход, чтобы не нарушить данное Карианду слово. Тир-на Маритэль — моя невеста перед богами и иреназе, и я всеми силами буду защищать и оберегать ее. Но жениться на ней я не могу, а судьба наложницы... Разве это то, чего она достойна? Я клянусь, что, став моей сестрой, она ничего не потеряет в моей заботе и уважении.

— Понимаю, — склонил голову Эргиан, одарив Алестара тяжелым задумчивым взглядом и, кажется, уверившись в его искренности. — И постараюсь убедить своего светлейшего отца и короля в вашей правоте. Хотя предчувствую некоторые... затруднения.

— Ну, если его величество предложит иной выход, который не повредит его дочери и устроит меня, я буду только рад, — утомленно огрызнулся Алестар. — Каи-на Герувейн? Каи-на Иратель?

— Это... — Герувейн откашлялся и продолжил немного увереннее: — Это так необычно, ваше величество, что вполне может оказаться выходом. Хотя брачный союз между нами и Суаланой...

Он покачал головой, а Иратель мрачно добавил:

— Такая свадьба если и лучше войны, то самую малость. Как бы нам, ваше величество, не оказаться между диким салту и голодным маару! Карианд оценит или нет, это еще неизвестно, а самим Суалану позвать...

Начальник охраны снова хмуро глянул на Эргиана, стремительно обретающего привычный вид: глаза кариандца насмешливо и жизнерадостно заблестели, на тонких губах мелькнула улыбка.

— Суалана, любезный каи-на Иратель, — отозвался он, — слишком торопится справить наши

похороны. А между тем, еще не вырос жемчуг для погребальных венков Карианду. Мой народ не забывает ударов в спину. И скольких бы из нас ни отпустила вечно голодная Бездна, Карианд будет жить — и помнить.

— Иратель, — тихо сказал Алестар, заставляя себя сказать то, что начальнику охраны следовало узнать уже давно. — Мы не выдержим войну. Не сейчас. Я не зря требовал от вас клятвы молчания. В договоре с Суаланой ничего особо секретного нет. Ну, кроме моих планов на Маритэль. Тайна, которую вы должны беречь больше жизни, в том, что наше Сердце Моря пропало в день смерти моего отца.

Все! Слово было сказано, и отменить это уже не удастся. До боли в пальцах вцепившись в подлокотники кресла, Алестар видел, как проявляется ужас на лицах Герувейна и Ирателя, в это мгновение ставших на удивление похожими друг на друга. Потом Герувейн, еще не успев справиться с собой, повернулся к Эргиану, указывая на него взглядом и наверняка думая, что Алестар обезумел, если говорит такое при чужаке.

— Тир-на Эргиан давно об этом догадался, — уронил Алестар. — Не вижу смысла скрывать то, что принцу и так известно.

— Благодарю за исключительное доверие, — фыркнул Эргиан, окончательно становясь собой прежним. — Каи-на, умоляю, не надо смотреть так, словно вы уже прикидываете, где прятать мое тело. Да, я обязан осведомлять моего отца и повелителя о том, что происходит в Акаланте, и отвечать на его вопросы. Но на вопросы, которые не заданы, я могу ответы и придержать.

— Но вулканы... — растерянно протянул Иратель. — Как же вы... И вчера, в Зале Совета? — вспомнил он о вихрях, которыми наглядно проявился гнев Алестара.

— С вулканами мне оба раза помог тир-на Эргиан, — честно признался Алестар, чувствуя невероятное облегчение. — Я дважды обязан ему жизнью и, что более важно, безопасностью Акаланте. А вчера — вот!

Он протянул руку, показывая кольцо Аусдрангов, и пояснил:

— Это осколок Сердца, утраченный во времена Ираэли и попавший на землю. Его вернула мне каи-на Джад. Это, конечно, слабая тень того, на что способно Сердце, но достаточно, чтобы скрыть утрату. Пока скрыть. Если начнется война...

Он недоговорил, но Иратель и так отлично представил, какой будет война с Суаланой без Сердца Моря, и содрогнулся.

— Если об этом узнают... — тихо и очень мрачно сказал он.

— Об этом уже знают, — жестко прервал его Алестар. — Суалана прозрачно намекнула, что им известно о пропаже Сердца. А еще им почему-то известно, что я получил возможность запечатления с суаланской принцессой, хотя я сам узнал об этом лишь сегодня и тоже лишь благодаря каи-на Джад. Не многовато ли нитей ведет в Суалану? И это последняя причина, по которой я не могу отказать им напрямую! Сначала нужно понять, кто предатель!

— Если бы ваше Сердце моря оказалось у Суаланы, — задумчиво сказал Эргиан, — они бы не стали просить добром то, что могут взять силой. Без Сердца Акаланте не совсем беззащитно, однако воевать вам и вправду не стоит...

Стук в дверь кабинета прервал его на полуслове, а следом в приоткрытую дверь заглянул гвардеец, дежуривший в коридоре.

— Ваше величество! — доложил он, салютуя приложенной к сердцу ладонью. — Каи-на Джад ожидает в вашей приемной и просит позволения увидеться, как только вам будет угодно. Дело, по ее словам, важное!

Джад не ожидала, что в королевский кабинет ее позовут сразу, ведь Алестар наверняка собрал там советников для непростого и долгого разговора. Она рассчитывала, что ее просьбу просто передадут, а она сможет вернуться в спальню, поговорить с Лилайном и все-таки привести к нему целителей, как бы Каррас ни упирался в своем нежелании принимать помощь от иреназе.

Но незнакомый гвардеец вернулся и распахнул перед Джад дверь, сообщив, что ее ждут.

Немного растерявшись, Джад проплыла в тот самый кабинет, где всего однажды была при жизни Кариалла. После свадьбы Эрувейн, едва не обернувшейся горем, они с Алестаром

рассказывали королю иреназе о случившемся. Сколько же изменилось за это время между ними! А кабинет остался прежним, словно и не сменил хозяина. Те же кипы кожаных и металлических табличек на столе, узкий шкаф, закрывающий нишу, где пряталась Санлия... И та же фреска на стене, разумеется! Взлетающая на гребне волны к ясному небу рыжекудрая принцесса иреназе...

За что она полюбила Эравальда Аусдранга? Был ли он похож на своего праправнука Торвальда чем-то еще, кроме умения предавать доверившихся ему? И случайно ли потомки Ираэль и Эравальда встретились через триста лет, чтобы в этот раз удача и расчет оказались на стороне Алестара? Божественная справедливость иногда запаздывает, но никогда не забывает.

— Прошу прощения, ваше величество, — опомнилась она, отведя взгляд от фрески и поклонившись сначала Алестару, потом — легким кивком — остальным присутствующим. К счастью, их было немного, и все ей знакомы. — Я никоим образом не хотела мешать! Если это возможно, я изложу свое дело позже.

— Вы не помешали, каи-на, — сказал Алестар чужим усталым голосом, так что Джад на мгновение окатило холодом. И тут же исправился, глянув виновато и совсем по-прежнему: — Прости. Я... Что-то случилось?

— Ничего особенного, — ответила Джад, упрямо отогнав ощущение, что она снова вмешивается не в свое дело. — Просто я, кажется, нашла след, ведущий к той суаланке, Карише.

Она едва успела прикусить себе язык, чтобы не назвать Каришу сестрой Санлии, вот уж точно ни к чему напоминать о вине бывшей наложницы, но Алестар понимающе кивнул. Его золотистые брови нахмурились, глаза сверкнули, а Иратель едва не выскочил из кресла, жадно подавшись вперед.

— Кариша? — переспросил он. — Но... где? Как?

— Это все Жи, — вздохнула Джад, запоздало раздумывая, стоит ли говорить о тайнах Акаланте при Эргиане.

Глубинник устроился в кресле поодаль от акалантцев и выглядел утомленным, даже осунувшимся. Наверное, вчера у вулканов ему тоже досталось?

— Можете рассказывать, — кивнул Алестар, поняв ее затруднение. — Подозреваю, господин посол и так знает об этом деле гораздо больше, чем ему положено.

Эргиан ответил ему невинной улыбкой, никак не вяжущейся с острым холодным взглядом светло-серых глаз, а Джад вдруг вспомнила, что должна глубиннику любой вопрос. И как это ее угораздило играть с кариандцем в игры, более опасные, чем риши?

— Если помните, — сказала она, старательно подбирая слова, — мой салру часто таскал в спальню всякую гадость. Раковины, деревяшки, кости...

— Копыто, — подсказал Алестар, и синева его глаз потеплела, словно иреназе сдержал улыбку, но она все-таки осветила его взгляд изнутри.

— И копыто тоже, — кивнула Джад, несмотря на серьезность происходящего тоже едва не улыбнувшись. — Я никак не могла понять, где он их берет, а сегодня оказалось, что в углу его клетки — дыра куда-то в стену. Простите, каи-на, — уточнила она для Ирателя и напряженно глядящего на нее отца Эруви. — Я понимаю, что это звучит глупо, но может оказаться важным. Пока Жи был маленьким, он легко проскальзывал в этот лаз и где-то там, в дворцовых трубах, находил свои игрушки. А однажды он принес оттуда светлый парик, под которым скрывала волосы Кариша.

— Я... помню, — медленно подтвердил Алестар, мгновенно превращаясь в азартно подобравшегося охотника. — Значит... Иратель! — повернулся он к начальнику охраны. — Во дворце есть места, где можно спрятаться надолго? Если она пользовалась трубами, чтобы плавать по ним... Герлас! Вот кто нам нужен! Я посылал за ним, но еще рано.

— С вашего позволения, я потороплю почтенного амо-на, — быстро проговорил начальник охраны, воспрянув духом, как давно блуждающий путник, которому показали дорогу. — Большие подземелья, которые служат складами, нам известны, все они охраняются. А вот маленькие комнатки... Может быть, она еще там?!

Дождавшись кивка Алестара, он рванул к двери, выплыл за нее, и Джад услышала, как

стоящего у двери гвардейца посылают за амо-на Герласом. Срочно! Как можно быстрее! Она в который раз удивилась, что в подводном королевстве стражники выполняют службу и охранников, и посыльных, и, при нужде, обычных слуг. Очень зря, ведь обученных воинов гораздо меньше, чем прислуги, и они не должны отвлекаться на мелкие поручения. Вот когда она была стражем Торвальда...

«Ну, сюда тебя телохранителем никто не звал, — сердито прервала она несвоевременные глупости. — И совета по охране королей иреназе не спрашивали!»

— Ваше появление — истинный дар богов, госпожа жрица, — мягко мурлыкнул из кресла Эргиан. — Могу ли я спросить, как вам стало известно о запечатлении то, о чем не знал даже его величество?

— Можете, — невозмутимо ответила Джад. — Если его величество позволит, я буду рада ответить на любой ваш вопрос.

«Но только один», — не сказала она, но подумала, и глаза Эргиана понимающе блеснули.

— Пожалуй, мне не так уж интересно это знать, — уронил он, и Алестар нахмурился, услышав этот быстрый обмен словесными уколами. — Достаточно, что вы это рассказали. Причем исключительно вовремя. Сегодня вообще день своевременных заявлений. Вот его величество Алестар, например, проявил исключительную изобретательность и предусмотрительность в решении некоторых... брачных вопросов.

Он лукаво покосился в сторону рыжего, который вскинул голову, будто собираясь что-то сказать, но лишь ответил глубиннику сердитым взглядом, а Джад опять почувствовала себя лишней.

— Если позволите, я вернусь к себе и подожду там, — сказала она Алестару, подчеркнуто не глядя в сторону кариандца. — Жи нужно вывести, чтобы осмотреть лаз, к тому же у меня гость.

— Я помню, — так же сдержанно кивнул Алестар. — Но прошу, подожди еще немного. Ты сказала, что этот жрец докладывал только своему начальству?

— Он так сказал, — подтвердила Джад.

— Значит, следы опять ведут в храм Троих... Каи-на Герувейн, — повернулся он к советнику. — Я вас больше не задерживаю, можете начать составлять письмо в Суалану. И назначьте Совет на завтра в полдень.

— Слушаюсь, ваше величество, — поклонился тот. — Когда вам будет угодно поговорить с послом?

— Пожалуй, прямо сейчас, — подумав, сказал Алестар. — Когда приплывет амо-на Герлас, у нас будут более важные дела. Плывите, Герувейн. Обещаю, если тварь, которая чуть не убила Эруви, поймут, вы сразу об этом узнаете.

Советник молча поклонился и выплыл, а Алестар утомленно потер виски пальцами и произнес, обращаясь то ли к оставшимся в кабинете Джад и Эргиану, то ли к самому себе:

— Должен ведь этот ядовитый клубок наконец распутаться?

— Надеюсь на это, — негромко сказал Эргиан и изменил положение тела, уложив хвост удобнее.

Серебристая чешуя и пышный плавник, хоть и не такой роскошный, как у Алестара, блеснули в свете туарры, кариандец свободно откинулся на спинку кресла, а руки, до этого плотно сплетенные на груди, опустил на подлокотники.

— Примите мое восхищение, тир-на, — сказал он, улыбаясь так любезно, что Джад сразу заподозрила подвох. — Вы умудрились проплыть между скалами в прибор. Весьма неожиданно!

— Неожиданно встретить у меня проблески рассудка? — ядовито огрызнулся Алестар и почему-то очень тоскливо и зло посмотрел на стол перед собой.

— Нет, — серьезно и без тени ехидства возразил Эргиан. — Неожиданно, что спасти мою сестру пытаетесь именно вы. Простите, если мои слова показались обидными. В отличие от

большинства моих родичей, я никогда не считал великодушие слабостью или глупостью.

— Спасти? — невольно переспросила Джад, вспомнив, что Алестар сказал утром про караван принцессы Маритэль. — Так вашу сестру все-таки нашли? Она...

— В Суалане, — хмуро закончил Алестар, взяв со стола какую-то безделушку. — И ее жизнь зависит от того, соглашусь ли я жениться на суаланской принцессе. Чтоб моего дражайшего собрата Лорасса крабы сожрали! Эргиан, — продолжил он задумчиво, — а ведь вы как-то говорили, что амо-на Тиаран... — Он неопределенно поводит перед собой раскрытой ладонью и повторил по памяти: — Что Тиаран заигрывает с тронем Карианда, но поглядывает и в сторону Суаланы тоже. Что это означает?

— Ничего неопределенного, к сожалению, — поморщился глубинник. — Точнее, ничего, что можно было бы поставить ему в вину. Перед тем злополучным Советом, где случилось столько разоблачений, амо-на Тиаран весьма настойчиво намекал, что избранная вашего величества действует на вас... неблагоприятно. И что в интересах Карианда было бы избавиться от амо-на Джад, а для этого поддержать обвинение против нее.

— И вы пообещали ему это? — усмехнулась Джад.

— Ну а как иначе я бы попал на Совет? — лукаво улыбнулся в ответ Эргиан. — Сначала я честно предложил помощь его величеству... — Он бросил насмешливый взгляд в сторону Алестара. — А когда получил отказ, то пообещал амо-на Тиарану, что всеми силами буду способствовать восстановлению справедливости. Не моя вина, что он понял меня несколько превратно!

— Я уж точно за это не в обиде, — вернула ему улыбку Джад. — И надеюсь, что с вашей сестрой все будет хорошо.

Эргиан благодарно склонил голову.

— Но почему вы сказали про Суалану? — так же хмуро уточнил Алестар, снова растирая виски, словно у него болела голова.

На его указательном пальце кроваво-красным огнем сиял рубин Аусдрангов, и снова Джад не могла не подумать, как причудливы пути судьбы: перстень, с которого началась эта история, снова связывает ее с иреназе... Нет, Лилайн прав! Нужно как можно быстрее разделаться со всем этим и плыть наверх! Домой! Пока она окончательно не запуталась в местных интригах, пока не потеряла собственную судьбу. Ее место — наверху, в мире людей. А все это... Останется только длинной историей для зимних вечеров, когда старшие стражи рассказывают молодым, где побывали и что видели. В Храме высоко оценят ее знания о жизни иреназе!

Эргиан собрался что-то ответить, но тут в дверь снова постучали, и гвардеец объявил, что прибыл посол Суаланы.

— Наверное, мне следует уплыть? — поспешно уточнила Джад, но Алестар покачал головой.

— Оставайтесь оба, — бросил он. — Я и сам не знаю, что хочу услышать. Просто... что-то странное в этом после. Может быть, вы что-то поймете?

Джад поклонилась и проплыла к одному из освободившихся кресел, освободив центр комнаты. Алестар махнул гвардейцу, и тот исчез, чтобы вскоре появиться с незнакомым иреназе, молодым и не слишком похожим на суаланца, как о них привыкла думать Джад. Разве у суаланцев не смуглая кожа и не черные волосы? У них даже хвосты темные, стоит вспомнить Санлию и Каришу. Посол, одетый в нарядную синюю тунику, был светловолос и светлож, а его глаза оказались теплого орехового цвета. Странно...

— Ваше величество, — склонился он в глубоком поклоне, затем выпрямился, и все существо Джад пронизала тревога.

Ей немедленно захотелось оказаться рядом с Алестаром! Причем перед ним, закрывая его от посла!

Посол Суаланы смотрел с ненавистью, от которой чутье Джад взвыло, словно пес, учуявший дикого зверя. Опасность!

Она смерила суаланца взглядом, привычно ища все, что может послужить оружием. Позолоченный пояс пуст, ни ножа, ни кошелька... Украшений тоже нет, а ворот туники не заколот фибулой, лишь зашнурован тонкой золотой тесьмой... Шпильки? Длинные волосы,

золотисто-светлые, как цветочный мед, убраны в гладкий хвост, никаких шпилек или гребней...

Джиад все-таки немного сдвинулась вперед, порадовавшись, что не стала садиться. Под водой она и так медленнее любого иреназе, а из местных глубоких кресел, рассчитанных на хвосты, просто так не выберешься. Но теперь, если посол кинется к Алестару, она успеет наперерез. Ножа нет. Придется брать голыми руками, но за дверью гвардейцы, лишь бы сам рыжий не начал путаться под ногами...

Она опомнилась, только поняв, что едва не проплыла несколько шагов, отделяющих ее от стола, за которым устроился Алестар. И что сердце бешено колотится в груди, готовясь к драке. И Эргиан смотрит на нее с острым интересом, а Алестар — недоуменно...

Почувствовав, как жар смущения кинулся в щеки, Джиад подалась назад. Малкавис, да ведь она и вправду ведет себя как страж, на чьего подопечного вот-вот нападут!

— Назовите себя, господин посол, — напряженно сказал Алестар, отведя от нее взгляд, и Джиад вздохнула свободнее.

— Риалас, ваше величество, — поклонился суаланец. — Риалас ири-на Суалана.

Он не добавил никакой обычной формулы учтивости, и это тоже показалось странным. Но, может, это подводные обычаи, в которых она до сих пор путается, как рыба в сетях?

«А раньше ты бы сказала: „словно корова в болоте“», — промелькнула мысль.

— Ири-на Суалана? — изогнул брови Алестар. — Вы родились в этом славном городе?

— Нет, ваше величество, — бесстрастно ответил посол, не добавив больше ничего, а на Джиад снова повеяло неприязнью, которую излучал взгляд светло-карих глаз.

Отвечать на невысказанный, но предполагавшийся вопрос он не стал. Риалас... Где-то Джиад уже слышала это имя! Но где и от кого? Она знакома всего с двумя иреназе из этой страны. Санлия и поганка Кариша... Что-то смутное брезжило в сознании, и Джиад почти вспомнила, но тут Алестар раздраженно дернул уголком рта, как он это делал от усталости или в плохом настроении, и спросил напрямик:

— Ири-на Риалас, чем я вам так неприятен?

Коротко и раздосадованно прошипел что-то из своего кресла Эргиан, а Джиад в который раз поразились умению Алестара быть прямым и тяжелым, как северный двуручный меч. Или здесь его стоит сравнить с лоуром?

— Простите, ваше величество?

Суаланец еще сильнее выпрямился, даже не пытаясь выглядеть удивленным. На Алестара он так и смотрел с холодной злостью.

— Риалас, — так же тяжело и хмуро бросил рыжий. — Не юлите, как угорь. Вы посол и потому неприкосновенны. Ответ королю Суаланы я дам завтра после Совета, но это другое и сюда не относится. Я вижу, что вы меня ненавидите, и хочу знать почему.

— Какое это имеет значение, ваше величество? — уточнил суаланец, нервно подергивая хвостом и сплетя перед собой пальцы, словно не доверяя собственным рукам.

Джиад не раз видела такой жест у воинов, которые вдруг оказались безоружны там, где так и хочется схватиться за меч.

— Значит, имеет, — продолжал упорствовать Алестар. — Вы кого-то потеряли на войне? Сами были в плену? Я, конечно, не могу заставить вас отвечать, но если промолчите, я очень удивлюсь такому странному выбору посла. Возможно, вас прислали с некоей целью?

— Никакой цели, кроме как послужить его величеству Лорассу, передав его послание, у меня нет, — еще холоднее процедил посол, и Джиад увидела, как на его светлых щеках загорелись яркие пятна румянца.

И тут она вспомнила, где и от кого слышала это имя!

— Странно, если это так, — сказала она тихо, но оба иреназе разом обернулись в ее сторону. —

Неужели вы даже не хотите увидеться с ней?

— С кем? — удивился Алестар, а посол мгновенно побледнел, как это бывает у иреназе, его лицо стало полупрозрачным, только болезненный румянец так и пылал на щеках.

— С ири-на Санлией, я полагаю, — просто сказала Джиад. — Если не ошибаюсь, наш гость — ее бывший супруг.

Суаланец посмотрел на нее так, словно еще миг — и кинется! Но совладал с собой, лишь крутнул хвостом, оставшись на месте. И тут же снова уставился на Алестара.

— Ах вот как? — недобро протянул тот. — Любопытно... И вы не собирались просить меня о встрече, ири-на? Судьба Санлии вас не интересует?

— Не смейте называть это имя! — прошипел суаланец, глядя на него в упор. — Моя Санлия умерла. Та, которую вы сделали наложницей, всего лишь ее тень! Моя Санлия никогда не стала бы игрушкой похотливого мерзавца! Лучше мне думать, что она мертва...

— Что?! — выдохнул Алестар, тоже на глазах бледнея. — И ты смеешь это говорить?! Ты, который отказался от нее?! Она верила, что ты ее любишь! Санлия ждала тебя!

— Ждала в чужой постели? — выплюнул, словно грязное ругательство, Риалас. — Ублажая нашего врага? Принца тех, кто ее насиловал? Я принял бы ее любой! И никогда бы не напомнил ни словом, ни взглядом... Я любил бы ее даже без запечатления! А она предпочла стать королевской подстилкой!

— Твое счастье, что посол неприкосновенен, — очень тихо и медленно сказал Алестар, но в наступившей тишине это прозвучало с ужасающей отчетливостью. — Иначе я свернул бы тебе шею. Клянусь Тремя и Глубинными, когда я узнал, что с ней случилось, я предложил отцу отпустить Санлию домой. В моем дворце ее никто пальцем не тронул против воли! Отец приставил к ней нашего личного целителя. Она ждала тебя, слышишь? А дождалась только письма, в котором ты отказывался забрать ее, даже увидеться не захотел!

— Ложь! — закричал Риалас.

— Я подтверждаю это, — сказала Джиад. — Госпожа Санлия сама сказала мне, что получила письмо от супруга. Письмо, в котором он сообщал, что сохранил способность к запечатлению и надеется найти другую любовь.

— Ложь... — прохрипел суаланец. — Подлая ложь...

— Разве? — зло поинтересовался Алестар. — Ты ведь родился не в Суалане, иначе не мог бы запечатлеться с Санлией. Ваше запечатление распалось, но ты зовешь себя ири-на Суалана, а на запястье у тебя — брачный браслет. Ну и кто здесь лжет?

Риалас поднял руку и посмотрел на серебряную полосу, плотно обхватившую его запястье, с таким ужасом, словно это была гадюка.

— Ложь, — повторил он безнадежно. — Я получил письмо... Санлия писала, что не вернется. Что она счастлива быть наложницей принца. Что теперь у нее есть все: слуги, драгоценности, наряды. Что наследник и будущий король Акаланте балует ее, исполняет любое желание... Она... Это точно была ее рука! Она сама писала письмо, я узнал почерк!

— Я клянусь, — четко и ясно сказал Алестар, — что ни к чему ее не принуждал. Санлия сама приплыла ко мне, сказав, что больше не нужна своему супругу. Да, у нее и правда все это было, но лишь потому, что я хотел ее порадовать. Ей не было нужды расплачиваться собой.

— Целитель Невис, — поспешно вставила Джиад, пока эти двое все-таки не кинулись друг на друга. — Он должен знать правду! Санлия сказала, что это Невис нашел ее бывшего супруга и передал ей от него письмо! А кто передал его вам, ири-на Риалас?

— Какой-то... целитель из Акаланте, — тусклым голосом, вмиг утратившим краски, — отозвался тот. — То ли Эрвайн, то ли Ирвайн... не помню! Он был среди тех, кто сопровождал наших пленных... Когда король Акаланте их отпустил. Я надеялся... что Санлия тоже среди них. А вместо нее получил письмо. Я показал его Карише, мы вместе ждали Санлию...

— И Кариша пропала, так? — подытожила Джиад, сложив осколки мозаики.

Суаланец молча кивнул, не глядя на нее.

— Ирвайн — это тот ученик Невиса, что лечит твоего друга? — еще мрачнее, хоть это и казалось невозможным, уточнил Алестар. — Кажется, я хочу расспросить их обоих. Невиса и Ирвайна, я имею в виду. И узнать, наконец, правду! Два письма, которые не писали ни Санлия, ни этот...

Он кивнул на Риаласа.

— Два письма, после которых Санлия не вернулась в Суалану, зато на ее поиски приплыла ее сестра и...

Джиад осеклась, но Алестар снова понимающе кивнул.

— Если мне будет позволено кое-что добавить, — слышался вдруг из кресла у стены голос Эргиана, о котором все забыли, — я бы посоветовал немедленно сменить гостя амо-на Джиад целителя. Кстати, со мной из Карианда приплыл отличный лекарь, за верность которого я ручаюсь. А еще я бы посоветовал приставить охрану к ири-на Санлии. И поспешить с поисками этой безумной девочки, ее сестры. Очень, знаете ли, не хочется однажды проснуться в комнате с отравленной водой или Дыханием Бездны.

Глава 8. Клубок змей

В королевском кабинете повисла тяжелая тишина. Риалас непонимающе переводил взгляд с Джад на Алестара и обратно, а вот Эргиана он почему-то упорно избегал, и это тоже показалось Джад странным. Допустим, суаланец сорвался и наговорил лишнего. Да что там лишнего! Он открыто надерзил Алестару! И уж совсем непонятным выглядит, почему король Суаланы назначил послом не опытного царедворца, любезного и искушенного в интригах, а несдержанного... чужака!

А ведь это и вправду очень странно. Риалас не аристократ, он ири-на, как сам недавно представился. Он даже не урожденный суаланец! Подданство этой страны у него по браку — Алестар верно заметил. И если печальная история его любви и короткого супружества с Санлией в Суалане известна, то отправлять его послом к Алестару — это либо преступная глупость, либо что-то очень умное, но наверняка невыгодное для Акаланте.

Понимает ли это Алестар? Вот Эргиан точно уже все просчитал, можно не сомневаться. На мгновение Джад почудилось какое-то странное сходство между принцем Карианда и Риаласом — волосы, глаза и цвет кожи у них были совершенно разные, но неуловимая тонкость черт... Нет, показалось, наверное. Или...

— Ири-на Риалас, — заговорила она, разрушая паутину безмолвия, в которой запутались все присутствующие. — Позволено ли мне будет узнать, откуда вы родом?

— Какая... Какое это имеет значение? — напряженно спросил бывший муж Санлии. — Ныне я подданный его величества Лорасса.

— Которому вряд ли будет приятно узнать, что вы едва не вывели из себя его величество Алестара своей дерзостью, — мягко сказала Джад, истово молясь Малкавису, чтобы вышеупомянутое величество молчало как можно дольше.

Как Алестар хитрит, она хорошо помнила еще по допросу Миалары, но и прямые вопросы у него получаются тоже... слишком уж прямыми.

— Приношу... искренние извинения, — процедил Риалас, кланяясь Алестару, который лишь коротко кивнул. — Но я и в самом деле не понимаю...

— Разве эта тайна? — так же спокойно и ровно уточнила Джад. — Прошу простить мое любопытство, вы и сами видите, что я не иреназе и дела морских обитателей мне не всегда понятны. Вы, разумеется, не из Акаланте... — Риалас подтвердил кивком. — Но вы и не суаланец. Кариандец, возможно?

— Нет! — с едва заметной торопливостью отозвался посол. — Я из Маравеи. Простите, госпожа... не имею чести знать вашего имени. Но если у его величества больше нет ко мне вопросов или повелений...

— Вопросов нет, а вот повеление — есть, — невозмутимо уронил Алестар, чуть шевелясь в кресле и снова поглаживая пальцем что-то на столе. — Я желаю, чтобы вы ответили на вопросы каи-на Джад, если у нее таковые имеются. В противном случае я задумаюсь, действительно ли собрат мой Лорасс желал мира, посылая ко мне столь неучтивого посла.

Любезная улыбка, растянувшая его красивые губы, показалась Джад хищной, как оскал салру, и Риалас, явно тоже оценивший угрозу, покорно склонил голову.

— Вы сказали, что письмо от Санлии вам передал целитель Ирвайн, — немного помолчав, заговорила Джад. — И что оно было написано ее почерком. А было ли в содержании что-то, о чем могли знать только вы двое? Неужели Санлия написала только вам и не написала сестре, которую очень любила? Вам это не показалось странным?

— Станным?

Риалас вскинул голову и улыбнулся так горько, что Джад на миг его даже пожалела.

— Разумеется, это было странно! Я решил, что ей просто стыдно перед Каришей! И видят Трое, постыдиться стоило!

Алестар наклонился вперед, но Джад бросила на него короткий умоляющий взгляд, и рыжий промолчал с таким усилием, что у него лицо закаменело, а Джад так же ровно продолжила:

— А кто заботился о Карише, когда ее отец погиб, а сестра оказалась в плену?

— Я, разумеется, — так же настороженно отозвался посол. — Она совсем юна и нуждалась в помощи... И не была виновна в поступке Санлии!

— Очень великодушно с вашей стороны, — холодно одобрила Джиад, старательно сдержав желание много чего сказать о «поступке Санлии». — Но разве вы не заметили, что девочка пропала? Я могу ошибаться, но юной суаланской девице вряд ли было легко добраться до Акаланте и попасть на службу во дворец. Вы ничего не знали о том, что она задумала? И ничем не помогали ей? Кстати, а письмо, что якобы прислала Санлия, вы ей показали?

— Да, — уронил Риалас, с вызовом посмотрев Джиад в лицо. — Она имела право узнать, что нет нужды оплакивать сестру-предательницу. Я не знал, что она решит сбежать в Акаланте! И ничем ей в этом не помогал! О том, что Кариша здесь, я узнал сегодня от вас! Кстати, где она? Могу я с ней встретиться?

— Мы приложим к этому все усилия, — пообещала Джиад и услышала еле слышное хмыканье Эргиана, оценившего ее ответ. — Хотя мне странно, что вы просите о встрече с ней, а не с Санлией. Даже теперь, когда знаете правду.

— Пока еще не знаю! — парировал суаланец, снова бледнея. — Я... не обвиняю никого во лжи, — торопливо уточнил он, — но письмо Санлии было написано ее рукой — это точно! Вы ведь можете позвать этого целителя? Как его там...

— Отличная мысль, кстати, — согласился Алестар, неприязненно глядя на суаланца, и дернул рычаг вызова слуг, точно такой же, как в спальне у Джиад.

Через пару мгновений дверь открылась, и он велел заглянувшему в кабинет гвардейцу:

— Немедленно послать за целителем Невисом и целителем Ирвайном. И пусть в покои каи-на Джиад пошлют другого лекаря к ее гостю. — Пару мгновений помолчал и поинтересовался: — Амо-на Герлас еще не появился?

— Нет, ваше величество! — отрапортовал стражник. — За ним послали, но амо-на нет в Храме, его ищут.

— Хорошо, — поморщился Алестар, а Джиад снова виновато подумала, что Лилайн остался в комнате один.

Он и так не чувствует себя здесь в безопасности, а она больше занимается делами Акаланте, чем раненым другом и любовником, который стольким ради нее пожертвовал! Неужели Лилайн прав, и она действительно попала в ловушку обманного долга стража? Ведь эти вопросы должен был задать суаланцу сам Алестар или кто-то из его советников.

«Советников, которые, как говорит Эргиан, собственный хвост поймать не могут, — хмуро ответила она сама себе. — Сам кариандец еще как справился бы с допросом, но что-то все-таки непонятное во взглядах, которые бросает на него украдкой посол. Или это я ловлю отражение луны в луже?»

— Скажите, ири-на Риалас, — спросила она, вдруг поняв, где в лабиринте этой истории недостающая стена. — А как отнеслась Кариша к тому, что вы снова женились, да еще так быстро? Насколько я понимаю, прошло не так уж много времени?

Она глянула на Алестара, и тот кивнул, сдержанно уронив:

— Война закончилась два года назад.

— Два года! — подхватила Джиад. — И еще какое-то время вы не знали о судьбе Санлии, верно? Пока искали ее, пока получили письмо — а она ведь тоже не сразу стала наложницей его высочества Алестара. Потом, наверное, залечивали сердечные раны и только тогда познакомились с новой невестой?

— Хороший способ утешиться, — не выдержал все-таки Алестар, ядовито улыбнувшись, и Риалас побледнел уж совсем смертельно, бросив в его сторону яростный взгляд.

— Я не утешался! — прошипел он. — Я оплакивал Санлию, потому что она умерла для меня и своей родины. И оплакиваю до сих пор! Ту, какой она была когда-то! А в жены я взял девушку, потерявшую на этой войне всех родных! Беспомощную, беззащитную и не способную позаботиться о себе. Я поклялся, что стану ей опорой и отдам всю любовь, которую предала

Санлия. Не вам судить меня и мою невесту! Мы стали друг для друга всего лишь зельем от печали по близким!

Его глаза горели такой ненавистью, что Джаад снова захотелось оказаться между ним и Алестаром, а рыжий король иреназе опустил ресницы и нехотя бросил:

— Мои соболезнования. И вам, и ей. Но Санлия ни в чем не виновата.

Стук в дверь прервал эту тягостную сцену, и заглянувший гвардеец, торопливо трепеща хвостом и запыхавшись, доложил:

— Целитель Невис к его величеству!

— Только Невис? — хмуро уточнил Алестар. — А Ирвайн?

Гвардеец виновато покачал головой.

— Ладно, впустите. Джаад, — обратился он к жрице. — Может быть, послать за самой Санлией?

— Давайте сначала выслушаем почтенного Невиса, — подумав, предложила Джаад. — Возможно, тогда ири-на Риалас найдет для бывшей супруги другие слова при встрече.

Суаланец раздраженно поджал губы, явно не соглашаясь, но промолчал, и в кабинет вплыл седовласый целитель, удивленно оглядевший собрание и поклонившийся сначала Алестару, потом всем остальным. Риалас молча вернул поклон, но прикусил губу и отвел взгляд, скрестив руки на груди и взволнованно покачивая хвостом — не слишком вежливо по этикету иреназе, как уже знала Джаад. Она устало подумала, что душе, опаленной войной, должно и нужно сочувствовать, но вот мозги некоторым так и хочется встряхнуть, чтобы встали на место.

— Почтенный Невис, — заговорил Алестар. — Мы позвали вас, чтобы омыть чистой водой одну неприятную и странную тайну. Вы ведь помните, как Санлия ири-на Суалана появилась в нашем дворце?

— Конечно, ваше величество! — поклонился лекарь. — Такая трагичная история... Бедная девочка. Но чем я могу вам послужить?

— Вот этот почтенный господин, — не без яда в голосе кивнул Алестар на суаланца, — ее бывший супруг. Скажите, вы видели его раньше?

— Не имел чести, — спокойно отозвался лекарь и пояснил: — Я помню его письмо, разумеется. И как рыдала бедняжка, получив его. Мне пришлось приводить ее в чувство... Но само письмо я получил не лично от него. Вашему величеству вряд ли это известно, однако последний раз я покидал Акаланте два года назад, когда помогал моим ученикам лечить раненых пленных. Там я и узнал Санлию... А больше я ни с кем из суаланцев с тех пор не встречался.

— Я его тоже не видел, — мрачно подтвердил Риалас, на которого устремились все взгляды. — И никакого письма не писал. Зачем? Что бы это изменило?

— Зачем же вы обманываете, юноша? — укоризненно вздохнул Невис. — Письмо было, причем весьма жестокое. Я не любопытен, но когда моя пациентка, которую я жалел, как собственное дитя, едва не умерла, прочитав его, я не мог остаться в стороне. Вы писали, что она, опороченная и оскверненная, вам больше не нужна. И что вы предпочли бы взять в супруги мурену, чем женщину, продавшуюся принцу Акаланте.

Короткое злое шипение настолько не было похоже на речь разумного существа, что Джаад не сразу поняла — это Алестар.

— Мурену, значит? — выдохнул, едва справившись с собой, рыжий. — Пр-р-родавш-ш-шуюся...

— Ваше величество! — воззвала Джаад к остаткам его самообладания, почти утонувшим в море ярости, плещущейся в синих глазах. — Мы сейчас узнаем правду! Может быть, у Санлии сохранилось это письмо? Впрочем... — Она задумалась и уточнила: — Это ничего не решит, если ири-на Риалас утверждает, что он его не писал.

Она вспомнила разговор с наложницей, с какой застывшей улыбкой и болью во взгляде

Санлия говорила о Риаласе, ни в чем его не обвиняя. И то, в каких выражениях злосчастное письмо было составлено, она тоже скрывает. Наверняка — из гордости.

— От кого вы получили письмо? — задал Алестар самый логичный и напрашивающийся вопрос, успев мгновением раньше Джаад.

— От своего ученика, — так же просто сказал Невис и почему-то опустил глаза, а на его морщинистом лице, усталом и осунувшемся, как вдруг заметила Джаад, появилось странное выражение, похожее на печаль. — От Ирвайна. Он ездил в Сулану во время обмена пленными и оттуда привез это письмо, сказав мне, что разыскал жениха бедняжки Санлии. Как вы могли, юноша!

Он снова посмотрел на Риаласа и покачал головой.

— Ирвайна сейчас найдут и приведут, — зло пообещал Алестар. — И мы докопаемся, откуда течет вся эта грязь! Пока что все указывает на него! Оба письма передал он!

— Мне жаль огорчать ваше величество, — тихо сказал Невис тоном, который Джаад много раз слышала у самых разных людей и прекрасно знала, что он означает. — Если вы искали Ирвайна, я могу сказать, где он сейчас. Но мой ученик не сможет ответить на ваши вопросы. Сегодня вечером совершатся его похороны, да будет к его душе милостива Мать Море. Все мы приходим в этот мир и уходим из него по ее воле...

— Что? — вырвалось у Алестара. — Он умер? Когда? Как?! Да что же это за...

Он осекся, глядя на лекаря, и Невис сдержанно кивнул.

— Глупая случайность... — сказал он с такой искренней болью и сожалением, что сердце Джаад дрогнуло. — Ирвайн был приставлен лечить нашего раненого гостя. Но когда дно дрогнуло и всех жителей вывели из дворца, Ирвайна вместе с другими целителями вызвали в окраинные кварталы. Там обрушились дома, придавив несколько дюжин иреназе... Ирвайн помогал разбирать завалы, лечил раненых... Я тоже там был и никогда не прощу себе, что сердце мне вовремя не подсказало. Мой лучший ученик... Он ударился виском о камень, сорвавшийся с кучи других. Я был совсем рядом! И... ничего не успел сделать...

Он закрыл лицо руками, худые плечи, обтянутые светло-зеленой туникой, затряслись.

Джаад словно раздвоилась. Ей было жаль погибшего молодого целителя! Вспомнилась его приветливая улыбка и как бережно и старательно он перевязывал Лилайна... Вот, значит, куда Ирвайн подевался вчера, когда гвардейцы вытащили из дворца ее и Санлию с беспамятным Каррасом! Верно, еще были разговоры про эти злополучные окраинные кварталы. Глупая смерть. И как жаль! Но... как же эта смерть оказалась кстати! Все улики и подозрения сошлись на Ирвайне, который унес эту тайну с собой туда, откуда не возвращаются. И как теперь узнать истину?!

— Да что же это такое... — снова простонал Алестар. — Невис, я... Я вам сочувствую! Но...

Он безнадежно махнул рукой, и старый лекарь убрал руки от лица, тяжело вздохнув и явно заставляя себя успокоиться.

— Благодарю, ваше величество, — тихо сказал он. — Понимаю, что вы надеялись... Но больше ничем не могу помочь. Каи-на, — повернулся он к Джаад. — Простите, что ваш гость некоторое время остался без наблюдения. Вчера... я не сразу вспомнил, какое поручение дал моему бедному Ирвайну. А утром я сразу поспешил к вашему гостю и...

Он замаялся, вспомнив, должно быть, неловкую сцену, невольной причиной которой стал, приведя Лилайна в спальню Джаад. Она сдержанно кивнула.

— Если я больше не нужен вашему величеству... — попросил Невис, и Алестар хмуро отозвался:

— Да, конечно, можете плыть.

Дождлся, когда Невис, с достоинством поклонившись, выплывет из кабинета, и выдохнул:

— Да это просто проклятье какое-то! Стоит кому-то оказаться ключом к какой-то тайне, как его убивают!

«Обычно у подобных проклятий имеются ловкие руки и безжалостный разум, — холодно и зло

подумала Джад. — Ну и как нам теперь доказать невиновность Санлии? Да и нужно ли ее доказывать? Разбитую вазу можно склеить, с разбитой любовью такое вряд ли выйдет. Если даже Риалас поверит, а Санлия сможет простить его невольное предательство, не будет ли эта тень вины, измены и перенесенной с обеих сторон боли всегда стоять между ними?»

— Я прошу разрешения встретиться с Санлией, — глухо сказал Риалас, будто отвечая на ее мысли. — Мне нужно увидеть ее... спросить... Я больше не знаю, во что верить!

И он снова с отчаянием посмотрел на свой брачный браслет, как узник — на кандалы, а потом добавил:

— И с Каришей — тоже. Если мне будет позволено.

Поклон, который он отвесил Алестару, на этот раз был не просто глубоким, но и почтительным, как молчаливое подтверждение просьбы, и Алестар нехотя уронил:

— Мы не знаем, где Кариша. Она скрывается, ее ищут, но пока безуспешно. Что касается Санлии, то она была замешана в покушении на меня. — Он криво усмехнулся, глядя в изумленно вспыхнувшие глаза суаланца. — Да-да, а истинная виновница — ваша невинная бедняжка Кариша, между прочим! У которой на руках столько крови, что ей всего моря вряд ли хватит их отмыть. Санлия получила помилование благодаря просьбе каи-на Джад, у нее и спрашивай разрешения увидеться. Я бы, честно говоря, его не дал... Хотя, если Сан захочет посмотреть тебе в лицо и кинуть в него грязью, это я пойму.

— Ваше величество... — снова вмешалась Джад. — Сначала я должна поговорить с Санлией и спросить, согласна ли она встретиться с бывшим супругом. Думаю, до завтра это подождет? У нее как раз будет время успокоиться и подумать...

«И у меня — тоже, — растерянно сказала она себе. — Потому что прямо сейчас у меня чувство, что я упускаю что-то очень важное, торчащее прямо под носом...»

— Да будет так, — кивнул Алестар. — Господин посол, — перешел он на холодный любезный тон, — мы вас больше не задерживаем. О решении ири-на Санлии вам сообщат завтра вечером. До этого времени вам запрещено искать с нею встречи и надлежит ожидать в своих покоях, пока я дам ответ его величеству Лорассу на его любезное и щедрое предложение.

Он снова растянул губы в улыбке, больше похожей на оскал, и Джад чутьем поняла, сколько усталого одиночества кроется за этим небрежным высокомерием.

Риалас, молча поклонившись, выплыл. И почти сразу из кресла, где все это время тихонько прикидывался деталью обстановки Эргиан, послышался его задумчивый голос:

— Я, конечно, ни на что не намекаю... И бедных беззащитных сироток после войны в Суалане могло остаться много...

— Да говорите уже прямо! — рявкнул Алестар, и Джад закончила мысль, которая не давала покоя и ей тоже:

— Но имени своей нынешней жены посол так и не назвал. А одну суаланскую сиротку, беззащитную, как целый клубок ядовитых змей, мы точно знаем. Целитель Ирвайн погиб слишком вовремя для простой случайности, и теперь уже не доказать, кто писал подложные письма. Если только не понять, зачем это было сделано. Кому понадобилось лгать Санлии и Риаласу, разлучая их? Могу ошибаться, но Кариша наверняка знала почерк и сестры, и ее жениха, а потом супруга... И если Риалас женился именно на ней...

— Дерьмо глубинных! — кратко и выразительно подытожил Алестар.

— Что-то не сходится. — Эргиан потянулся в кресле, сцепив ладони, вытянув руки перед собой и покрутив хвостом, как сделал бы человек, у которого затекли ноги. — Если Карише понадобился муж ее сестры, зачем бы ей, заполучив эту великую ценность, приплывать в Акаланте? Тогда она должна была знать, что Санлия не предавала мужа и стала наложницей принца, потому что ей попросту некуда было возвращаться. Нет никакого смысла устраивать здесь то, что Кариша устроила. Мстить его высочеству, ныне уже его величеству, сговариваться с недоброй памяти каи-на Руаллем, заставлять сестру травить принца... Ей, получается, было только на руку, что Санлия тихо жила в Акаланте и не собиралась никогда возвращаться в Суалану.

— Но ведь могла, — возразила Джад. — Вот женился бы его величество Алестар на вашей сестре, его наложницы стали бы свободны... Санлия могла изменить решение и вернуться в

родной город. Встретиться с бывшим супругом, узнать правду...

— С супругом, который ее знать не хочет? — поднял брови Эргиан. — Сомневаюсь. Но даже если так, причем тут месть наследнику Акаланте? Глупо мстить за унижение сестры, к которому сама приложила руку. Если только...

— Кто-то третий? — дополнила Джад. — Кто-то, использовавший Ирвайна, чтобы разыграть партию в тосу, где и Санлия с Каришей, и Риалас, и даже Руалль стали всего лишь фишками. Кто-то, убравший Ирвайна, как только Риалас приплыл в Акаланте. Потому что молодой целитель мог бы указать, кто передавал ему письма. Этот кто-то собирался использовать Санлию, но она оказалась слишком умной и порядочной, чтобы возненавидеть принца, и тогда этот... игрок выманил из Суаланы ее сестру, которой внушить ненависть оказалось легче...

— Именно!

Эргиан ухитрился отвесить ей прямо из кресла поклон и глянуть с таким восхищением, что Алестар недовольно вздохнул и буркнул:

— А еще этот посол однажды соврал.

Покрутил на пальце перстень с камнем Аусдранга и хмуро пояснил:

— Сердце моря дает силу распознавать ложь. Риалас видел, что на мне его нет, и, наверное, решил, что одна маленькая ложь ничего не значит. А про это вот колечко он, конечно, не знал. Очень полезная штука, оказывается.

Он обвел взглядом Джад и Эргиана, превратившихся в слух, и со вздохом закончил:

— Он соврал, когда сказал, что родом из Маравеи. Понятия не имею, что там у него за тайна такая с родиной, но вот это точно была ложь.

Алестару казалось, что он угодил в огромный клубок ядовитых мурен, которые медленно ворочаются и свиваются вокруг него отвратительными кольцами, грозя смертью при любом неосторожном движении. Он даже на мгновение закрыл глаза и глубоко вдохнул, пытаясь сбросить наваждение, но вода все равно казалась затхлой и была словно наполнена тусклыми отвратительными тенями.

Он почти не бывал в этом кабинете после смерти отца, мучаясь от непонятной вины и глухой тоски, приливом накрывавшей его каждый раз при виде знакомых с детства письменного прибора или шкафа с табличками и свитками. Как-то даже подумалось, не приказать ли устроить кабинет в другом месте, но тут же Алестар упрямо решил, что это значило бы предать отцовскую память. К тому же здесь удобно и красиво: вид на сад из окна, старинная фреска Ираэли... Вот еще разобраться бы с собственными чувствами, может, тогда он перестанет ощущать себя самозванцем, занявшим чужое место?

— Из Маравеи, значит? — протянул Эргиан. — Как любопытно... Там, конечно, хватает светловолосых, но Маравея далеко. Даже если послать туда гонца для проверки слов нашего неучтивого посла, ответ будет не раньше, чем через пару недель. Да и на каком основании? Если даже он скрыл правду о своей родине, это не преступление. Понять бы только — почему. Он точно не из Акаланте? Это бы все объяснило. Полюбил суаланку, оказался во время войны в городе противника... А теперь обвиняет бывшую жену в предательстве, потому что сам испачкан в нем. Очень многим свойственно осуждать свое отражение.

— Он не акалантец, — вздохнул Алестар, — это точно. Я, конечно, не знаю в лицо каждого своего подданного, но даже после смены города в любом иреназе остается что-то вроде... следа.

Он беспомощно повел перед собой ладонью, пытаясь объяснить, и посмотрел на терпеливо ожидающих Джад и Эргиана.

— Я не знаю, учат ли подобному в Карианде, — сказал он наконец. — Но отец показывал мне, как это распознать. Принадлежность к определенному городу имеет четкий отпечаток, он хорошо чувствуется, и я могу ощутить его в любом жителе Акаланте. Если иреназе меняет город, этот след стирается и заменяется новым, как оттиск печати, которую ставят поверх другой, закрывая ее. Но если присмотреться... Риалас никогда не принадлежал Акаланте. Будь у меня настоящее Сердце Моря, я мог бы увидеть его прежнее подданство, но не сейчас...

Он с сожалением посмотрел на перстень, горящий кроваво-красным рубиновым огоньком, и Эргиан понимающе кивнул.

— Я слышал об этом, — сказал он откровенно. — Однако подобным тонкостям учат лишь возможных наследников, а я к их числу никогда не принадлежал. Мне давали попробовать силу Сердца и научили самым необходимым вещам. Например, направлять Сердце при усмирении вулканов.

— В самом деле? — удивился Алестар. — Но это же гораздо сложнее! Зачем?..

— Вы и в самом деле не понимаете, тир-на? — усмехнулся кариандец. — Управление вулканами забирает огромное количество сил и ведет к раннему старению. Так же как и прочие действия, требующие от короля тратить собственную кровь и энергию. Ваш почтенный отец, мир его памяти, изрядно сократил свою жизнь, ведя войну с Суаланой. Но это вы знаете и без меня, не так ли?

— Разумеется, — хмуро бросил Алестар. — И все равно не понимаю. Погодите... Вы хотите сказать, что...

Он остановился, пораженный простой, но чудовищной догадкой, и Эргиан кивнул.

— Ну да, — сказал он с тем же жутким спокойствием, словно речь шла о самых обычных вещах. — У нас не принято, чтобы правитель расходовал свою драгоценную силу, если можно отправить с этой миссией кого-то из младших сыновей. Не слишком ценных...

— Это подло! — выдохнул Алестар, прежде чем успел сообразить, что его слова оскорбительны.

— Это Карианд, — блеснул глазами Эргиан, утопая в кресле. — Смерть одного вполне допустима ради блага многих. Иначе рядом с Бездной не выжить. Я стоял не в самом конце этой очереди, а двое моих братьев уже умерли, став проводниками и орудием отцовской воли, когда мы пытались остановить гнев Бездны. Еще и поэтому мне было так странно, что вы...

Он улыбнулся, и Алестар закончил, сам удивляясь, что научился понимать этого хитроумного маару гораздо лучше, чем раньше:

— Лезу к вулканам сам? Ну так у меня и выбора особого нет. Я один.

— А если бы был? — мягко поинтересовался Эргиан.

Джиад молчала, тоже смотря на него темными, как Бездна, глазами, и Алестар ответил честно, чувствуя, как что-то дрогнуло внутри:

— Меня учили, что королевская кровь священна, что долг любого подданного — умереть за меня и Акаланте при необходимости. Отец не позволил мне сражаться на войне, сказав, что мои поля битвы — в другом месте. Рассудком я это понимаю, но совесть говорит, что я должен своим подданным не меньше верности, чем они — мне. Король Акаланте — щит своего города от гнева богов, так было всегда и, надеюсь, будет. Я не считаю себя хорошим королем, но стараюсь быть им — уж как могу. И я никого не послал бы исполнять мой долг, насколько бы он ни был тяжел и опасен.

Он замолчал, чувствуя себя мучительно неловко, словно лгал или хвастался, но Джиад смотрела сочувственно и понимающе. И она знала, что все сказанное — правда, потому что была рядом с Алестаром при его первом усмирении вулкана без Сердца моря.

— Понимаю... — тихо уронил Эргиан. — Простите, ваше величество, мне нужно побыть одному и подумать над... некоторыми обстоятельствами. Могу ли я рассчитывать, что вы мне сообщите, как только станет известно что-то новое?

— Даже не сомневайтесь, — мрачно сказал Алестар. — Вы запутались в этой сети от хвоста до макушки вместе с нами, Эргиан. Либо мы найдем этого игрока в тосу раньше, чем он меня убьет, либо ваша сестра останется пленницей Суаланы, а вам придется быть послом при ком-то ином либо вернуться в Карианд.

— И пропустить самое интересное? — фыркнул Эргиан. — Ну уж нет, тир-на, я бы предпочел дочитать эту табличку до конца. С детства любил страшные сказки и запутанные истории. Кстати, а вы какие книги предпочитаете?

— О путешествиях, — злорадно от усталости сказал Алестар. — Бросить бы все и рвануть на поиски края мира, как Исковиаль! Так нет же! Жрецы, послы, собственные каи-на, заговорщики, невесты...

Он покосился на Джаад, и увидел, как по ее губам скользнула быстрая легкая улыбка.

— Игроки в тосу, — подхватил Эргиан, — и гости с земли! Кстати, каи-на, не познакомите ли меня со своим гостем? — спросил он, словно забыв, что минуту назад собирался о чем-то думать в одиночестве. — Думаю, амо-на Герласа вскоре найдут, и мы узнаем, где именно скрывается еще один ключ к разгадке. — Он немного помолчал и добавил: — Хорошо бы хоть на этот раз успеть раньше убийцы.

Алестар потер глаза совершенно человеческим движением и повел плечами, словно сбрасывая с них груз. Джаад поймала себя на том, что невольно снова сравнивает его с Торвальдом. Пришло бы в голову ее прежнему возлюбленному спасать свои земли и народ ценой собственной жизни? Глупо даже спрашивать себя об этом. Где бы Торвальд отлично прижился, так это в Карианде, до поры скрываясь в тени более заметных братьев и выжидая момента ударить в спину. И это наводит на мысль, до какого предела можно верить искренности Эргиана?

Да, кариандский принц уже много раз доказал расположение к Алестару и лично к ней, Джаад, хотя она ничем не могла быть ему полезна в будущем. И, кажется, он искренне любил Маритэль. Но он ведь и сам предупреждал, что у его верности есть границы, определенные волей короля Карианда. Эргиан — меч в чужих руках, тем более опасный, что обладает собственной волей и разумом.

— Я обязательно вас познакомлю, — сказала она как могла вежливо. — Мой гость ранен, однако как только его здоровье позволит...

Эргиан кивнул, а Джаад вспомнила, что он предлагал услуги своего лекаря. Может, принять столь щедрое предложение? С целителями в Акаланте творится что-то неправильное, пожалуй, стоит их держать подальше от Лилайна. Впрочем... Ее вдруг посетила еще одна мысль, неожиданная, но именно этим привлекательная. Любой воин знает, что непредсказуемость — одно из важнейших условий победы.

— Кстати, если ваше величество не против, — обратилась она к Алестару, — я приглашу ири-на Санлию ухаживать за моим гостем. Она умелая и заботливая целительница.

— И ты ей доверяешь? — помолчав, спросил рыжий. — Санлии есть за что тебя благодарить, но я, кажется, уже никому не верю. Руалль, Кари... Ни от кого из них мы с отцом не ждали измены. И теперь я не знаю, кто еще из самых близких готовится вонзить мне в спину нож...

В его словах прозвучало столько горечи, что Джаад не сразу нашлась, что сказать. Да и так ли уж Алестар был неправ, чтобы с ним спорить? Осторожные короли живут гораздо дольше. «Но не всегда счастливее, — так же горько усмехнулась Джаад. — Мы, стражи, знаем, что ничью жизнь нельзя спасти бесконечно, и тот, кого хотят убить так сильно, что не думают о собственной безопасности, рано или поздно падет от ножа или яда, сколько бы телохранителей ни закрывало его собой. А страх и подозрительность отравляют существование страшнее любого зелья. Тот, кто везде видит врагов, никому не сможет стать другом, любимым, великодушным и справедливым правителем...»

— У каждой монеты две стороны, — сказала она. — От ножа несчастного безумного Кари вас прикрыл его брат, жертвуя собой. Если среди сотен и тысяч ваших подданных и найдется несколько предателей, то виноваты ли в этом остальные? За что обижать недоверием тех, кто рад вам служить и беречь вашу жизнь превыше собственной? Да, я верю Санлии. Настолько, что готова доверить ей своего друга и спутника. И надеюсь, что не обманусь в этой вере. Ядовитых змей следует вычищать из своего сада, но не каждая змея — ядовита.

— Ты как всегда права, — вздохнул Алестар. — И мне следовало бы навестить Дару... Сердце не лежит к разговору с ним, так он похож на своего брата-убийцу, но я обязан ему. Ума не приложу, что с ним делать? Вернуть в охрану? А вдруг в нем таится такое же безумие, как в Кари, только до поры скрытое? Отослать от себя? Трусливо и неблагодарно.

— Поговорите с ним, ваше величество, — тихо сказала Джаад. — И пусть вам подскажет сердце, как поступить милосердно и справедливо. Кстати, правильно ли я поняла, что вы собираетесь расследовать некоторые поступки амо-на Тиарана?

— Еще как собираюсь! — холодно бросил Алестар. — Давно пора прищемить этот хитрый хвост по самые жабры. Жрец Троих должен служить богам, а не своему честолюбию, политика не его дело. Тиаран обязан был предупредить меня о последствиях расторжения запечатления! И мне очень интересно, откуда Суалана узнала, что я могу запечатлеться с их принцессой?! Кто их так заботливо просветил, что я искал супругу с человеческой кровью, но это условие

больше не обязательно?!

— Я целиком поддерживаю мнение вашего величества о хвосте почтенного амо-на, — хмыкнул Эргиан. — И ваши намерения относительно этого хвоста — тоже. Но ведь прямых доказательств измены именно амо-на Тиарана у вас нет? Боюсь, в случае необходимости амо-на легко найдет среди своих подчиненных кого-то более виноватого. А вот если мы узнаем, кто рассказал дражайшим соседям о пропаже Сердца моря, то в этой мутной воде хоть что-то прояснится. Если это тот же самый игрок в тосу человеческими жизнями, то это поистине страшный противник. Амо-на Тиаран... не произвел на меня впечатления настолько глубокого ума. Вряд ли игрок, скорее — тоже камушек. И я боюсь, что если мы потянем за эту нить, ее снова обрежут, лишив нас последней возможности ухватить игрока за жабры.

— И что вы предлагаете? — мрачно спросил Алестар. — Ждать и надеяться, что игрок себя выдаст?

— Нет, конечно? — улыбнулся Эргиан, азартно блестя глазами. — Вы, ваше величество, привыкли загонять добычу в сети, а мы предпочитаем ставить ловушки с приманкой, чтобы рыба плыла туда сама. Вам необязательно доказывать виновность Тиарана сразу во всем! Но нужно получить веские основания для расследования. Что мы можем доказать прямо сейчас? От связей с Суаланой почтенный амо-на легко отопрется, ведь ни свидетелей, ни писем у нас нет. Утаить от короля важные сведения о его запечатлении — это серьезно. Только вот ритуал, насколько я понимаю, проводил не сам Тиаран, значит, еще придется доказывать, что он знал о его последствиях. Между словом самого верховного жреца и какого-то исполнителя выбирать даже не придется.

— Я смогу почувствовать его ложь! — холодно бросил Алестар. — И в моем слове сомнений тоже не будет. Если придется, я могу сказать, что использую Сердце моря для выяснения вины Тиарана! Это мое право как короля. Правда, если Тиаран знает, что у меня только копия...

— Если амо-на Тиаран при свидетелях скажет, что ваше Сердце моря ненастоящее, — усмехнулся Эргиан, — ему придется объяснить, откуда это известно. Вряд ли мы дождемся от него подобного подарка. Хм...

Он сплел перед собой тонкие длинные пальцы и посмотрел поверх них куда-то вдаль, между Джиад и Алестаром, с удивительно отрешенным видом. Потом встрепенулся и решительно заявил:

— Мне нужно обещание, что все, кого я назову, будут послушно и точно выполнять мои указания. Любые! Вы, кажется, говорили, что амо-на Герлас вскоре будет здесь? Прекрасно! Нет-нет, ничего ему не говорите! Напротив! Его искренность — гораздо лучший инструмент, чем попытка солгать.

Джиад про себя с этим согласилась. Герлас бывал откровенно груб, но она даже представить не могла, чтобы он оказался способен на актерскую игру, и хорошо помнила, чем для служителя Глубинных едва не обернулись муки совести, когда он молчал об убийстве своего младшего жреца. Но что задумал Эргиан?

Кариандец же расплел пальцы, задумчиво поводил левой рукой в воздухе, а потом ткнул указательным пальцем во что-то невидимое перед собой, словно передвинул камень тосу с одной клетки на другую.

— Сердце моря пропало в день смерти короля Кариалла, да хранит Мать Море его душу, — сказал он, по-прежнему глядя мимо Алестара. — Но к Торвальду Аусдрангу попала фальшивка. И еще одна сейчас изображает оригинал на вашей шее, тир-на. А еще копии имеются?

— Мне всегда было известно только об одной, — отозвался Алестар. — Той, которую я сейчас ношу. Аусдранг, между прочим, был уверен, что у него оригинал.

— Значит, его уверил в этом похититель! — подхватил кариандец. — Который сам искренне считал свою копию — оригиналом. Значит, похитителей было двое. Один взял настоящее Сердце моря, которое до сих пор у него, второй украл копию и отдал ее Торвальду. Когда мы с вами первый раз укрощали вулканы вместе, весь дворец видел, что вам это далось ценой немалой крови. Для вора это стало подтверждением, что вы остались без реликвии, иначе зачем такие жертвы? Потом вы встречаетесь с королем суши и возвращаетесь с раненым человеком, а сам Аусдранг погибает. Если у нашего вора имеются на побережье свои люди, он наверняка уже знает об этом. И сразу после этого вы снова укрощаете вулкан, причем

вернувшись живым и невредимым, а потом, тем же вечером, наглядно показываете свой гнев послу Суаланы и всему Совету. Что из этого следует?

— Что я... вернул себе Сердце? — почти мгновенно сообразил Алестар, и Джад молча согласно кивнула.

— Да! — торжествующе улыбнулся кариандец. — Во всяком случае, выглядит все именно так! Аусдранг мертв, а вы снова правите морем как истинный король. Сейчас наш вор должен вертеться, как выброшенная на песок рыбина, пытаясь добраться до воды! Во-первых, Суалана явно рассчитывает, что Сердца моря у вас нет, и не поблагодарит предателя, который ее обманул. Во-вторых, а вдруг вы примените возможности Сердца моря, чтобы распутать, наконец, этот мурений клубок заговора? Всех подданных, конечно, с Сердцем моря не опросите, выявляя ложь, но Совет и высших жрецов — да запросто! Наверняка вор думает, что вы еще не сделали этого исключительно из-за недостатка времени. Это для него самая страшная угроза. Что ему нужно сделать в таком случае, чтобы спасти свой хвост и выслужиться перед Суаланой?

— Я понял, — кивнул Алестар. — Вы хотите положить Сердце как приманку в ловушку на Тиарана? Это ведь он предатель?

— Никого нельзя считать преступником, пока это не доказано... — рассеянно отозвался Эргиан. — Как бы ни хотелось. Но если в ловушку сунет нос кто-то другой, считайте, что я проиграл вам обратно любое желание. Да-да, каи-на, — улыбнулся он Джаду. — Вы должны мне всего лишь ответ на вопрос, а ставки его величества куда крупнее. Ну так что, еще партию? — повернулся он к Алестару. — Если предатель кто-то, кроме Тиарана, желание с меня.

— А если он? — хмуро поинтересовался Алестар, и Джад подавила желание посоветовать рыжему какие-нибудь другие игры.

Сунуть хвост в пасть дикому салту, например, или выпить отравленного вина, а потом наугад выбрать один пузырек в противоядии среди дюжины бесполезных. И то, и другое сулит гораздо больше шансов на выигрыш, чем спор с кариандцем.

— Тогда после выяснения всех обстоятельств подарите его мне, как вашу бывшую наложницу — госпоже Джад, — беззаботно сказал Эргиан, даже не делая вид, что раздумывает. — Я обязательно найду почтенному амо-на какое-нибудь интересное применение.

— И почему у меня чувство, что я в любом случае проиграю? — еще мрачнее спросил Алестар, а Эргиан, хмыкнув, одним движением хвоста выбрался из кресла и спокойно сообщил:

— Проиграете вы, если откажетесь от моей помощи. Я вполне верю в разум вашего величества, ловушку на предателя вы можете смастерить и сами. Но чтобы прижать одного скользкого маару к скалам, нужен другой, иначе тварь вывернется и скроется, оставив вас в чернильном облаке. Если согласны, пошлите за мной, когда появится амо-на Герлас, и приготовьтесь немного поиграть для ваших подданных. Если же нет — с удовольствием уступлю вам место за этой доской и стану просто зрителем.

— Я пошлю за вами, — кривовато улыбнулся Алестар, и Эргиан, решив, видимо, что все нужное сказано, молча выскользнул из кабинета.

Рыжий медленно уронил голову на сложенные на столе руки и замер. Мгновение Джад колебалась. Ей не следовало этого делать! Есть шаги, после которых отступать гораздо труднее...

Но она все-таки подплыла и, уронив руку на широкое плечо, обтянутое тонкой светлой туникой, негромко сказала:

— Вы справитесь. Это в самом деле тот еще клубок ядовитых гадин, но вы до сих пор живы. И с каждой отрубленной головой будет легче, поверьте. Вы обязательно справитесь, тир-на...

Она запнулась, не зная, что еще обещать и имеет ли она вообще такое право. И как сказать, что такой Алестар, усталый от сомнений и ответственности, израненный предательством и растерянный, но готовый бороться, больше ничем не напоминает холеного надменного принца иреназе, каким она впервые увидела его. Что испытания выковывают душу, как тяжелые удары молота куют клинок. И что он, уже теперь видно, все-таки станет настоящим королем...

Подняв голову, Алестар повернул ее и прижался губами к пальцам Джад. Так же молча,

ничего не прося, и у нее не хватило жестокости убрать руку. Такая мелочь — если ему легче. Все равно они скоро расстанутся...

«И насколько далеко ты готова зайти, чтобы ему стало легче? — спросил подозрительно знакомый голос с горькой издевкой. — Терпеть прикосновения, подставлять собственное плечо? А может, что-то большее? Раз уж решила, что он больше не тот, ненавистный?»

«Настолько, насколько сочту нужным, — отрезала Джад голосу в своем сознании словами, которых наяву себе не позволила бы. — И ты знаешь, я не буду обманывать ни себя, ни тебя — из уважения к нам и тому, что было между нами. Так что не задавай вопрос, ответ на который тебе может не понравиться. Пока еще я сама храню эту связь...»

Теплые губы на ее руке дрогнули и исчезли мигом раньше, чем Джад все-таки собралась убрать ладонь — словно Алестар почувствовал это ее желание. Мимолетное прикосновение, такое незначительное... Но Джад почему-то стало жарко — и страшно. Будто она заглянула в ту Бездну, о которой говорил Эргиан, и остановилась на ее краю, готовясь сделать шаг.

Глава 9. Весы для короля

Сердце стучало так быстро и громко, что Алестар испугался, как бы Джад это не услышала. А губы помнили ее пальцы, тонкие, сильные и такие горячие! Ему показалось, что тепло от ее кожи волной прокатилось по телу, и горькая болезненная тоска притихла, перестала грызть изнутри, страх поражения отступил, и даже дышать стало легче. Если бы еще несколько мгновений близости! Если бы она позволила перевернуть свою узкую и жесткую ладонь, поцеловать холмик у большого пальца, а потом легчайшим касанием губ скользнуть по крепкому, но нежному запястью... Проложить дорожку поцелуев к локтю и выше, утонуть в запахе и вкусе ее кожи и волос...

Он опомнился, до боли стиснув зубы, и глубоко вдохнул, понимая, что нельзя показать даже тень возбуждения. Нельзя оттолкнуть Джад сейчас, когда она потянулась ему навстречу сама, пусть и на краткий миг. Разве мог он раньше представить, что будет ловить любую тень близости, как умирающий от голода — подавание?! И не считать это унижением, потому что гордость молчит, когда темное золото лица и рук Джад совсем рядом — коснуться бы...

— Вы доверяете принцу Эргиану? — помолчав, спросила она, и Алестару послышалась в ее голосе непривычная растерянность, словно жрица хотела сказать что-то совсем другое. — Не слишком ли много нитей сходится к нему самому? Зачем ему амо-на Тиаран?

— Не знаю, — вздохнул Алестар, пытаясь отвлечься от мучительного желания запустить пальцы в ее волосы и гладить их, перебирая темные пряди. — Даже представить не могу. И меня это тоже беспокоит. Но если удастся поймать за жабры хотя бы одного заговорщика... Джад, я будто ловлю солнечный свет каймуrom! Глупое занятие, лучи только глаза слепят и утекают, растворяясь в воде. Никогда не чувствовал себя настолько глупым и беспомощным!

Он помолчал, слушая ее дыхание, доносящееся едва заметным колебанием воды, и тихо сказал:

— Я бы никогда и никому в этом не признался. Но тебе — не стыдно. Я уже натворил столько глупостей, что запутался в них, словно рыба в сети... Отец был правильным королем, умным, расчетливым, готовым на что угодно ради своего народа. Он только с Руаллем ошибся, но это и все. Будь он жив, знал бы, что делать! А я...

— Ваш отец тоже не был безупречен, — негромко, но ясно ответила Джад. — Простите меня, тир-на, но сейчас в вас говорит любовь сына к отцу. Он о многом сожалел, а та сеть, о которой вы сейчас говорите, она ведь раскинулась не вчера, а как раз при нем. Это ваш отец проглядел заговорщиков, убивших его и едва не погубивших вас. Это при нем в Акаланте появились поклонники Глубинных богов, а охрана просмотрела Каришу и многое другое. Не вините себя, ваше величество, ваш отец делал то, что мог, и никто не ожидает от вас большего.

На миг Алестар вспыхнул возмущением — как она может говорить такое?! Но... разве это неправда? Ему сейчас больше всего на свете хотелось спрятаться в отцовских объятиях, как в детстве, но подобного уже никогда не будет. И пора признать, что отец тоже ошибался. И подумать, как не повторить этих ошибок.

— Пожалуйста, зови меня по имени! — выдохнул он тоскливо и тут же поправился: — Хотя бы наедине! Я не хочу быть только королем... Не для тебя!

Он поймал взгляд бездонных темных глаз, пронизательный и серьезный, словно выжидающий, и устыдился. Джад хватается своих забот. Она до сих пор здесь только из-за своего раненого спутника, да еще из-за обещания, которое он дал ей, но до сих пор не выполнил. А пора! Кто знает, чем обернется очередное покушение? Вот убьют его — и кто выкупит Джад у ее храма?! Монеты и слитки лежат в казначействе, ожидая его приказа. Нужно отправить их в Арубу как можно скорее, а еще узнать, наконец, что творится наверху, в Аусдранге. И дожидаться Герласа, чтобы проверить тайные ходы дворца. И узнать, что за ловушку Эргиан придумал для предателя. И... Боги, да есть ли у королей хоть одна свободная минута?! Или это только у него все так запутано и узлом завязано?!

— Стоит ли привыкать? — улыбнулась Джад понимающе и немного грустно. — Нам осталось не так уж долго... Я имею в виду, скоро ведь это все закончится? Так или иначе.

— Так или иначе, — эхом повторил Алестар, не отводя от нее взгляда. — Прости, я тебя задерживаю. Твой... спутник ревнив? Мне очень жаль, что сегодня утром получилось так нехорошо.

Джиад покачала головой и сказала настолько просто, что Алестар задохнулся от боли:

— Нет, он мне доверяет. И знает, что я не стала бы ничего скрывать. То есть почти ничего...

Она помрачнела — словно туча наползла на освещенное солнцем лицо — и попросила:

— Пожалуйста, ваше величество, не говорите ему, что обещали заплатить Храму. Я... сама потом скажу. Лилайн тоже предложил мне это, и я не знаю, как объяснить...

— Он гордец, — кивнул Алестар, чувствуя в горле все ту же горечь отчаяния, но теперь со сладковатым оттенком нежности. — Конечно, я не скажу. Жаль, что мы с ним не встретились иначе. Думаю, он никогда не простит мне твоей боли. Что тут скажешь, я бы тоже не простил. И не подражаться даже...

Он старательно улыбнулся, показывая, что шутит, и по четко очерченным губам Джиад тоже скользнула улыбка.

— Вы позволите мне поговорить с Ирталем? — спросила она. — Я бы хотела узнать про того наемника наверху. Он может оказаться полезным, если придется свидетельствовать против Тиарана. Да и новости неплохо бы...

И снова Алестар удивился, как они сегодня понимают друг друга: мысли плывут рядом, как салту в стаде, и не успеет Джиад договорить, как он уже понимает и готов подхватить. Странное чувство, чем-то похожее на резонанс при запечатлении, но глубже и не такое болезненное. Чувствует ли она то же самое?

Вдруг вспомнилась ночь, когда они выпили эликсир и оказались в мире, созданном их собственными грезами. Мучительная сладость, всепоглощающая страсть и упоение безнадежности... Первый и последний раз они любили друг друга по-настоящему, забыв о ненависти и боли, согреваясь взаимным теплом. Было ли это лишь опьянение от эликсира? И помнит ли Джиад, как это чудесно? Или выбросила из памяти, как и все остальное?

— Да, конечно, — снова сказал он. — Нам очень нужны новости. И есть у меня одна мысль насчет обвинения твоего друга в убийстве... Но это потом...

Слова, которые он говорил, будто плыли поверх мыслей, прикрывая их, а внизу, в глубине сознания, ворочались тяжелые мощные волны. Тоска и вожделение. Вина и раскаяние. И нежность, беспомощная, отчаянная, невыносимая, равной которой Алестар в своей жизни не помнил. Эту нежность, повисшую вокруг них почти осязаемым облаком, он чувствовал во вкусе и запахе воды, в едва заметном румянце на щеках Джиад и, в том, как опускались ее ресницы, когда она все-таки отводила взгляд...

Ничего страстного и даже чувственного в этом не было, только пронзительная искренность, о которой сама жрица даже не думала, но которая проникала в Алестара, пропитывала его насквозь, требуя в ответ столь же полной откровенности. Под таким взглядом не лгут и не лукавят, язык не повернется. И спроси его сейчас Джиад о чем угодно — Алестар сказал бы все, как перед богами.

Он сказал бы, что с каждым мгновением, которое проводит рядом с ней, все сильнее чувствует: ничего не изменилось. Любовь не ушла, даже не затаилась, она засела в нем крепко, словно зазубренный осколок ракушки, глубоко проткнувший плоть и оставшийся в ней. Его просто так, подцепив, не выдернешь, нужно вырезать. А как вырезать то, что проросло в тебе насквозь, оплетя сердце и разум, стало частью тебя, неотъемлемой и необходимой?

Он сказал бы, что отпустит ее, как и обещал, но ждет этого дня, как приговоренный — дня казни. Пожалуй, даже с большим страхом, потому что для казненного все закончится, а ему придется жить дальше — без нее. И не просто жить, а скрывать от всех, как медленно умирает его душа, будто рыба, выброшенная на жаркий песок, задыхаясь и безнадежно дергаясь.

А еще он сказал бы... Впрочем, нет, на самом деле он не сказал бы ничего из того, о чем сейчас подумал. Потому что это глупо и низко — жаловаться Джиад на то, в чем она не виновата, невольно ожидая хотя бы каплю сочувствия в ответ. Он не станет унижать ни ее, ни свою любовь к ней. Все, что можно сделать, это позаботиться о ее будущем, а потом нести бремя королевской власти, как положено властителю Акаланте. Счастливым для этого быть совсем необязательно.

— Я приплыву к тебе вместе с Герласом, — ровно сказал он, справившись с биением сердца. —

Только не хотелось бы тревожить твоего гостя. Если ты не против, я попрошу каи-на Герувейна найти вам другие покои, просторнее. Ты ведь хотела поселить Санлию рядом? Да и Жи нужно больше места. У меня никак не хватает времени, а его пора учить.

— Плохая из меня получилась хозяйка, — виновато вздохнула Джиад. — Когда все успокоится, вы ведь за ним присмотрите?

И снова этот отстраненный вежливый тон, будто она уже далеко или вот-вот исчезнет. Алестару до боли в сердце захотелось качнуться к ней, обвить руками, прижать и не отпускать никогда! Но он лишь молча кивнул, боясь, что голос выдаст чувства, и Джиад, сдержанно поклонившись, неторопливо выплыла из кабинета, двигаясь в своей странной человеческой манере, до сих пор непривычной, но уже куда более ловкой и грациозной, чем поначалу, когда она только попала в море.

Оставшись один, Алестар еще немного посидел в отцовском кресле, с удивлением ощущая, что в кабинете словно стало уютнее. Или это он больше не чувствует себя здесь чужим?

Повернувшись в кресле, Алестар задумчиво взглянул на фреску за спинкой королевского кресла. Почему художник много лет назад выбрал именно этот сюжет? Отчего было не изобразить на фреске основателя города, отдавшего жизнь за Акаланте и счастье своих потомков? Или принца Исковиала, знаменитого путешественника, рассказами которого зачитываются во всех морских пределах? Или любого другого из могучих воителей, мудрых ученых или благочестивых жрецов, которых хватало в роду королей Акаланте. Почему Ираэль, прекрасная, но ставшая символом предательства и вражды с людьми?

Рыжеволосая красавица смотрела на него так, словно хотела что-то сказать, и у Алестара даже виски заломило от напряжения. Вспомнилась старая сказка, которую в детстве ему рассказала Кассия. Мол, если смотреть на портрет Ираэли достаточно долго, она прошепчет что-то очень важное, только успеешь услышать и понять. А вдруг это не совсем выдумка? Но сколько бы он ни вглядывался и ни вслушивался, сказка так и не обернулась былью, синеглазая принцесса, похожая на него, словно родная сестра, не заговорила, и Алестар усмехнулся своей наивности. Как ребенок, в самом деле. Фреске больше ста лет, мало ли кто из предков велел поместить ее здесь. Может, даже сын Ираэли — в память о матери.

И также некстати вдруг всплыло в памяти то ли проклятие, то ли пророчество Руалля, что у самого Алестара детей не будет. Сколько же яда было в сердце бывшего друга отца, пожелавшего гибели всей королевской династии Акаланте. Но это ведь просто слова, верно? Богам виднее, чей род заслуживает продолжения...

Алестар потер действительно заболевшие виски и, повесив на шею копию Сердца моря, от тяжести которой отдыхал все время разговора, покинул кабинет. Дел — не пересчитать, а он на фрески любит! Куда вот, к примеру, подевался Герлас? И заодно — Иратель, отправившийся на поиски жреца Глубинных и тоже словно в Бездну канувший! Где их обоих волны носят?!

Разозлившись на собственную слабость — хорошо хоть про себя страдал, и Джиад об этом ничего не узнает — Алестар остановился у двери кабинета и велел сменившемуся за это время гвардейцу:

— Если появится каи-на Иратель, или амо-на Герлас, или сразу оба, немедленно пошлите за мной... в южную часть дворца. Я буду либо у каи-на Герувейна, либо в казначействе.

Гвардеец поклонился, и Алестар торопливо поплыл прочь от кабинета, чувствуя, как уходит драгоценное время. Почему-то казалось, что его осталось совсем мало! Будто уже собрались темные тяжелые тучи, полные крутящихся вихрей, и рыба ушла в глубину, а медузы — прочь от берега, и птицы тревожно несутся между морем и небом, рыдая о грядущей буре, и вот-вот шторм поднимет сотни водяных валов, мрачно седых и грозных... И всего несколько мгновений разделяют время на «до» и «после», а что делать — совершенно непонятно!

«Если не знаешь, что делать, делай хоть что-нибудь, — упрямо подумал Алестар. — То, что давно собирался, но никак не мог решиться, например! Ты ведь понимаешь, что нельзя и дальше оттягивать расставание с Джиад — это подло! И насчет Дару она права, с ним следует поговорить. А еще ты за все это время не нашел часа заглянуть к Эруви, да что там — хотя бы узнать, как она, передать ей привет и лакомства, как в детстве... Минуты лишней не было? Так надо было найти!»

Герувейн, к счастью, был на месте и занимался порученным ему письмом. Увидев Алестара, советник тревожно вскинулся и попытался показать черновик послания к королю Суаланы, но

Алестар отмахнулся, ничуть не сомневаясь, что опытный в таких делах каи-на сделает все наилучшим образом. Да-да, его величество непременно посмотрит ответ, а как же иначе? Но потом! Как себя чувствует Эруви?

— Хвала Троим, хорошо, тир-на, — отозвался Герувейн. — Лекари уже разрешили ей понемногу плавать, и сегодня они с Даголаром гуляют в дворцовом саду.

Его губы тронула улыбка, и Алестара снова кольнула вина — это из-за него Эрувейн едва не погибла. Пусть истинной виновницей была безумная Кариша, но если бы сам Алестар вел себя осмотрительнее...

— Я рад, — сказал он искренне. — Передайте, что я хотел навестить ее и приплыву позже, когда она отдохнет. Каи-на Герувейн, не считите мое любопытство неуместным, но вы довольны супружеством дочери?

— Вполне, — кивнул пожилой советник и снова улыбнулся: — Видят боги, я сам сомневался, сможет ли этот брак сделать ее счастливой. Но моя Эруви светится изнутри, глядя на мужа, а он бережет ее, как величайшее сокровище. Поистине, счастье пришло в наш дом с этим союзом, и я рад назвать Даголара своим обретенным сыном и наследником. А вас... что-то тревожит, ваше величество? — забеспокоился он.

— Только здоровье Эруви, — поспешил успокоить его Алестар. — Если она счастлива с кариандцем, пусть их счастье длится вечно. Я обязательно навещу их, как только смогу. Кстати, у меня для вас еще одно поручение...

— Не беспокойтесь, ваше величество, — поклонился Герувейн, выслушав его. — Для каи-на Джиад и ее свиты приготовят лучшие покои прямо сейчас. Вы совершенно правы, не стоит ее тревожить, да и охрану там поставить будет легче. Я немедленно этим займусь.

Что ж, одним делом меньше. Отец был прав, истинное умение управлять состоит совсем не в том, чтобы все успевать самому, а в том, чтобы для каждого дела найти подходящих исполнителей. Но есть и то, что другим никак не поручить.

Алестар ответил на приветствие стражника, дежурящего у двери небольшой комнаты, и проплыл внутрь, как никогда понимая, что сейчас от его решения зависит чужая жизнь и судьба.

— Лежи, — велел он, останавливаясь посредине бедно обставленного помещения и хмуро оглядывая его.

Кровать у стены, покрытая одним лишь толстым одеялом, небольшой столик, ширакка в углу. Пара шаров туарры, скудно освещающих фигуру на кровати. Увидев его, Дару попытался приподняться, но скривился и замер. Похоже, ему даже дышать было больно. Алестар молча выругал себя. Конечно, его бывшего охранника лечили. Но вряд ли так же внимательно и бережно, как Эруви, для которой отец нашел самых лучших целителей. Дару сохранили жизнь, но не более того. И это тоже вина Алестара — надо было раньше подумать, как его подданные отнесутся к брату убийцы и предателя, пусть этот брат и попытался искупить вину...

«Слишком многое течет мимо меня, — беспощадно подумал Алестар, подплывая и опускаясь на край постели. — Эруви, Дару, Санлия... Я мечусь в поисках врагов, но невольно упускаю из виду друзей и тех, кто любил меня когда-то и любит до сих пор. А ведь они и есть мое истинное королевство... От каи-на до последнего чистильщика салту и рыболова. Я могу быть королем без Сердца моря, но короля без подданных не бывает. А без друзей и любимых — не нужна и власть. Что мне сказать тому, кто потерял брата, спасая мою жизнь? Что я все равно ему не верю? Что боюсь яда, который — только возможно! — пропитал насквозь и его? Что мой страх сильнее его верности?»

— Ваше величество... — прошипел Дару, не сводя с него лихорадочно блестящих глаз на посеревшем и осунувшемся лице, словно вырубленном из скалистого камня.

— Лежи, говорю! — рывкнул Алестар и взял руку своего бывшего охранника, тоже похудевшую и горячую. — У тебя лихорадка? А где целители?

Дару виновато отвел глаза, хотя уж его вины в этом точно не было. Алестар глубоко вдохнул и выдохнул, переживая приступ гнева. Нет, все-таки его лечат... Наверное. Вон, на столике какие-то коробочки с мазями, а рядом снятые с раны бинты колышутся в воде темными змеями, источая резкий запах, пропитавший воду в комнате... Что, убрать нельзя было?!

— Ладно, с этим я разберусь, — буркнул он то ли для Дару, то ли для себя. — Тебе, наверное, говорить нельзя?

— Мне... все можно... — попытался улыбнуться Дару. — Теперь... все...

Алестар понял не сразу, а сообразив, качнул головой.

— Ну уж нет! — бросил он, отчаянно подыскивая слова и от этого начиная говорить с грубоватой насмешкой. — Хватит с меня покойников, надоело уже. Я тебя не отпускаю, так что придется выжить.

Наклонившись, он положил вторую руку на лоб Дару. Точно, лихорадка. Вот же, дерьмо глубинных... Позади открылась дверь, он понял это по колыханию воды и обернулся, встретившись взглядом с целителем, которого помнил смутно, как и большинство лекарей. Немолодой светловолосый иреназе в простой темной тунике торопливо поклонился, трепеща хвостом, и смущенно покосился на беспорядок у кровати.

— Уберите здесь, — негромко велел Алестар. — И расскажите, каково здоровье раненого. Почему никто не передал мне, что ему не становится лучше?

— Простите, ваше величество, — осмелился возразить лекарь, опустив взгляд и поспешно очищая стол. — Мы вообще не надеялись, что он переживет операцию. Но милость Трои и скромное искусство ваших подданных сделали почти чудо.

— То есть его жизни ничто не угрожает? — с обманчивым спокойствием поинтересовался Алестар, чувствуя ладонью, как тлеет внутри Дару грозный огонь внутреннего жара.

Настоящему целительству его не учили, но Сердце моря приоткрывает завесу над многими тайнами живого тела, не только управления стихиями. Заражение крови Алестар отличить мог. И вылечить — тоже. То есть мог бы, будь у него настоящее Сердце.

Дару под его ладонью затих, прикрыл глаза, и только могучая грудь вздымалась медленно и глубоко. Чего он ждал? Спасения? Или подтверждения смертного приговора.

— Вы же сами видите, ваше величество, — тихо сказал лекарь, не поднимая глаз. — Мы делаем все возможное, но... Лекарства, очищающие кровь, почему-то не действуют. Чудо состоит в том, что он протянул так долго. Если вам нужно что-то спросить... больной в полном сознании и способен ответить. И... я думаю, у него еще несколько дней. Неделя — может быть. Но если вы хотите судить его и наказать... в этом нет необходимости, поверьте.

— Судить? За что? — вскинул брови Алестар, чувствуя, как тело Дару отчетливо вздрогнуло. — За спасение моей жизни? За это следует не наказывать, а награждать. Оставьте нас! — повысил он голос, борясь со смесью вины и гнева, снова накатившей, и отхлынувшей, оставив гадкую беспомощность.

Что можно сделать без Сердца?! А ведь Дару думает, что на груди Алестара сияет истинная реликвия, способная исцелять даже безнадежно раненых и больных. И если Алестар ничего не сделает... Как смотреть в глаза обреченному на смерть, который считает, что обрек его ты?!

— Благодарю... что пришли... — шевельнулись пепельные губы рядом с его ладонью. — Я... и не надеялся... Спрашивайте... Только я не знаю... что сказать.

— Помолчи, — устало сказал Алестар. — Успеем еще поговорить.

— Нет... — снова шевельнулись губы. — Я же знаю... Глупо, что так... Но вы живы... Я сдержал клятву... вашему отцу... Вы живы... Кари... он не был таким. Клянусь... не был. Я не понял... когда... он изменился... Вроде мой брат... и не он... Молчал... Даже со мной... молчал... Мне бы... насторожиться... А я... Простите... Он... убил себя... мне сказали...

— Да, — хрипло подтвердил Алестар, изнемогая от жалости. — Убил. Но тебя никто не винит.

— Хорошо... с чистой душой... легче...

— А вот клешню тебе от дохлого кр-р-раба! — рявкнул Алестар, вдавливая ладонь в горячий твердый лоб раненого. — Умереть решил?! А у меня ты разрешения спросил?

Злость кипела и бурлила в нем, словно буруны прибоя, разом на все! На проклятых заговорщиков, Бездна их поглоти! На Руалля, мерзавца старого! На Кари, с которым случилось неизвестно что, превратившееся мрачноватого, но славного парня в чудовище-

оборотня из жутких детских сказок. На суаланцев и Карианд, на собственных жрецов и советников, на постоянные смерти вокруг, непостижимые и подлые...

— А ну дер-ржись! — прорычал он, стискивая пальцы Дару и направляя кипящий гнев в перстень, вспыхнувший вдруг алым пламенем.

Охранник ахнул, выгнулся, будто ладонь Алестара жгла его, а дверь открылась, и влетевший целитель дернулся было к постели, но попятился и замер под коротким бешеным взглядом Алестара.

Направлять силу через перстень было больно. Больнее, чем управлять вулканом! Там значение имела лишь мощность потока и очень приблизительное направление, мимо жерла вулкана промахнуться при всем желании не выйдет, разве что нарочно повернуться в другую сторону. Здесь же Алестару приходилось сдерживать себя, процеживая силу королевской крови через осколок Сердца и одновременно пользуясь ею точно, как скальпелем, взрезающим больную плоть.

В самых трудных гонках он не был так исступленно сосредоточен, как сейчас, когда нащупывал тончайшие связи в живом теле, дрожащем и выгибающемся под его руками. Малейшая ошибка — и сила сожжет Дару изнутри. Перстень и близко не так точен и умел, как Сердце моря, действовать им — все равно что пытаться попасть острой по крошечной юркой рыбешке в палец толщиной. И... больно-то как...

Он зажмурился, все равно очаги воспаления горели перед внутренним взором. И немногим слабее пылало все остальное тело раненого, потому что зараженная кровь проникла в каждую мельчайшую частичку плоти... Стиснув зубы, Алестар мельком отметил, почему Дару до сих пор жив: целительные зелья, для его внутреннего зрения светившиеся нежно-зеленым, упорно боролись с заразой, но не могли победить, лишь еще сильнее разжигали томительный жар...

Наконец он добрался до последнего очага, прятанного в глубине раны, и залил его таким мощным выплеском силы, что перед глазами на миг вспыхнуло, а виски пронзила дикая боль. Скривившись, Алестар едва сдержал стон, а потом медленно открыл глаза, для которых даже тусклый свет туарры казался слишком ярким. Измученно посмотрел вниз, убрав с лица Дару ладонь. Охранник лежал без сознания, его кожу покрывала тонкая пленка проступившей испарины, а в воде явственно плыл ее горьковато-кислый привкус...

— Ваше величество! — вскрикнул лекарь, с тревогой вглядываясь в него. — Как вы себя чувствуете?

— Он будет жить, — выдавил Алестар и размял онемевшие пальцы, особенно тот, на котором тяжелым грузом висел перстень Аусдрангов. — Я завтра еще приплыву. Если понадобится — повторю. Но вряд ли.

Внутри зрела спокойная уверенность, что с Дару все будет хорошо. Или даже знание. Все-таки кое-что Алестар мог и с осколком Сердца, а это внушало надежду. Еще бы найти настоящее... Не попробовать ли использовать перстень как маяк? Потянуться через него сознанием в поисках истинной реликвии. Отец говорил, что перемещение сознания через Сердце — самое сложное и опасное в работе с ним, но сил у Алестара хватит, а опасность... Оставлять Сердце в руках похитителей куда опаснее.

Дару спал, и сон его был таким глубоким и здоровым, что Алестар устало улыбнулся. Ну хоть кого-то он отнял у смерти, поселившейся в Акаланте! Чем не хорошее предзнаменование? Так что в казначейство, оставив спящего больного и восхищенного целителя, он приплыл в превосходном состоянии духа, которого хватило ровно до того момента, как пожилой хранитель королевской казны развел руками, виновато промолвив:

— Простите, ваше величество, требуемая вами сумма была собрана, но отправить ее прямо сейчас не представляется возможным. По закону, принятому вашим почтенным предком, королем Амереллом, личные расходы королевской семьи, одновременно превышающие тридцать вайдов золота, требуют утверждения на Королевском Совете каи-на. Я нисколько не сомневаюсь, что Совет утвердит любое ваше приказание, но... Сумма, названная вами и переведенная мною в золото, составляет тридцать восемь вайдов, а это уже нарушение закона.

Он опустил взгляд, и Алестар, даже не подозревавший о существовании подобного закона, растерялся. Ограничение расходов?! Но... какой в этом смысл? Нет, теоретически смысл имеется, просто трудно представить короля, не наученного обращаться с деньгами и способного потратить подобную сумму впустую. Однако отец ведь обещал Джиад намного больше!

— Почему бы вам не потребовать разрешение у Совета? — сочувственно подсказал казначей, видя его замешательство. — Сумма немалая, но и его величество Кариалл, и вы в прежние годы были весьма скромны в расходах, у Совета нет никаких причин вам отказать. Просто для порядка...

Действительно, Совет не откажет. Алестар знал это совершенно точно. Но королевская казна и казна короля — это все-таки не одно и то же. Он должен заплатить за Джиад сам, иначе получится, что ему это ничего не стоило.

— Сколько вайдов золота в казне принадлежат лично мне? — спросил он, ожидая ответ с чувством, подозрительно похожим на страх.

Разумеется, в случае нужды он попросит денег у Совета! Но как можно меньше!

— Остатки содержания вашего покойного отца, да хранит Мать Море его душу, составляют пять с половиной вайдов золотом, — без запинки отчитался казначей. — Его величество почти все личные средства тратил на помощь семьям, пострадавшим в войну... Но за несколько последних лет все равно скопилась некая сумма. Вы, тир-на, тратили гораздо меньше, и... полагаю, лично у вас имеется еще около пятнадцати вайдов. Точно смогу сказать примерно через час, если вам угодно подождать. Но разница будет не больше вайда.

— Значит, нужно еще восемнадцать? — уточнил Алестар.

— Да, ваше величество, — поклонился седовласый хранитель. — И если вам угодно выделить на это собственные средства, оставшуюся сумму вы можете взять из казны, никому в ней не отчитываясь. В конце концов, это просто формальность. Я не припомню случая, чтобы Совет отказал желанию короля.

— Пусть формальность, — согласился Алестар. — Но для меня это имеет значение.

Действительно, он никогда не задумывался, что не все деньги Акаланте принадлежат ему! Знал, разумеется, что на содержание королевской семьи выделяется определенная сумма в год, но точно так же знал, что это просто традиция. И тратил на самом деле не так уж много, разве что на подарки Кассии и Эруви, на снаряжение для салту и всякие приятные мелочи. Ах да, еще наложницы!

Но отец, получается, и вовсе почти все свое содержание отдавал обратно подданным, помогая тем, кто пострадал от войны... Как же мало Алестар задумывался и об этом! Ему казалось, что в Акаланте мир щедр ко всем так же, как к нему самому!

Он со стыдом подумал, что нужно будет узнать, какие семьи содержал отец, и продолжить его дело. И есть ведь бедняки с окраин, где вчера было сотрясение дна!.. О них тоже следует подумать, если никто этим не озаботился... А если сейчас он отдаст все свои деньги выкупом за Джиад и еще возьмет из казны...

Алестар закусил губу, чувствуя, как снова разболелась голова. Виски заломило, как при направлении силы через перстень. Насколько же просто совершить один-единственный поступок, пусть и требующий предельного напряжения сил, чем ежедневно думать о десятках и сотнях дел, пожирающих внимание, а главное, решать, кому и чему отдать предпочтение. Силы, деньги, время — все это не бесконечно! И постоянно нужно выбирать, взвешивая на невидимых весах ценность и важность каждого решения... Сейчас у него пока еще есть фора в этой гонке: подданные Акаланте любят своего короля и доверяют ему. Но тем страшнее не оправдать их доверия, а он уже совершил столько ошибок!

— Я вернусь, — уронил он казначею. — А вы пока подготовьте мне полную смету расходов за... последние три года. Сколько и на что мы тратим, сколько и откуда поступает в казну. Я видел у отца такие таблицы, но краткие. А мне нужно как можно подробнее!

— Слушаюсь, тир-на, — еще раз поклонился ему казначей, и, выплывая, Алестар чувствовал спиной его внимательный взгляд.

Когда она вернулась в комнату, Лилайн спал, раскинувшись на постели огромной морской звездой: руки и ноги широко разведены в стороны, лицо почти спокойно, только между бровями залегла упрямая хмурая складка.

Джиад осторожно подплыла к кровати и залюбовалась алахасцем. Точеные черты, резкие и гордые, завитки темных волос на лбу, в воде кажущиеся обманчиво мягкими, стройное мускулистое тело воина и охотника. Руки и губы Джиад помнили каждую его линию, все

укромные местечки... Лилайну нравятся поцелуи в шею выше ключицы, там, где начинается плечо. А еще у него чувствительные соски и мочки ушей, так что стоит их легонько прикусить...

Она сглотнула и невольно облизала губы, словно в воде они могли пересохнуть. Морская соль все-таки чувствовалась, но как-то странно, не доставляя неудобства, и Джаад привычно приписала это воздействию амулета, который уже и не замечала, таким незаметным и удобным он был. Просто аквамариновая капля на мягкой кожаной ленточке. Точно такая сейчас блестит на смуглой коже Лилайна, лукаво посверкивая в узкой полоске темных волос, четко разделившей его грудь от горла до паха. Джаад едва сдержалась, чтобы не наклониться ближе, не провести ладонью по этой дорожке для поцелуев, как шутила она в их лесном убежище.

И тут же в памяти вспышкой молнии мелькнуло другое тело, тоже гладкое и мускулистое, но мраморно-белое и полностью лишенное волос...

Она снова попыталась сглотнуть вставший в горле ком, беспомощно чувствуя, что во рту все-таки пересохло. Зар-раза... Даже думать об этом постыдно! Особенно сейчас, рядом с Лилайном.

Опустившись на постель, Джаад осторожно погладила самые кончики отросших волос алахасца, подумав, что надо бы их расчесать. Обычно Лилайн обрезал волосы коротко, выше плеч, и перехватывал каким-нибудь шнурком. Где-то были ленты...

Она все-таки удержала себя от желания запустить ему пальцы в волосы, перебирая и глядя их. Еще не хватало разбудить! И взгляд постаралась сделать не пристальным, а мягким, зная, что наемник, словно дикий зверь, умеет чувствовать направленное на него внимание... Лилайн спал, и Джаад про себя взмолилась Малкавису, прося, чтобы ее судьба в очередной раз повернула в нужную сторону. Разве не расплатилась она по всем счетам? Разве не победила свои страхи, согласившись вернуться в море и спасти Алестара? Больше они друг другу ничего не должны!

Так откуда эта глухая тянущая тоска, стоит представить, что вскоре она навсегда покинет Акаланте? Ведь ей же хочется вверх! К солнцу и небу, к земной еде, жару очага и сухой одежде. К зною, ветру и снегу... Там и тепло, и холод совсем другие, там ее родина. Здесь она навсегда останется чужачкой, редкой диковиной из мира двуногих. Да и с чего ей оставаться?!

Память, подлая предательница, подсовывала картины, звуки, ощущения... Упруго бьющую в лицо воду, когда плывешь, пригнувшись к спине салту. Мягкое мерцание жемчуга и золота в украшениях иреназе, и как плотно обхватывал ее запястье тяжелый обручальный браслет матери Алестара. И какой Джаад увидела себя в зеркале, когда Леавара накрасила ее, вытащив наружу то, в чем Джаад боялась признаться даже самой себе: желание быть красивой для кого-то, ловить восхищенные и жаждущие взгляды, быть любимой...

Но разве это возможно только здесь? Лилайн любит ее! Без лишних красивых слов и показного хвастовства, зато верно и надежно. Ведь любит же? Пусть между ними и пролегла трещина, но все еще можно исправить, простить и забыть!

А память насмешливо бросала все новые и новые обрывки, будто ветер — сорванную с деревьев листву. Джаад почему-то вспомнила вкус крови в воде, когда она отбивалась от сирен, и слабый стон Алестара за спиной. Упрямый рыжий пытался ей помочь — вот уж истинное наказание для охраны. И блеск золотой монеты, брошенной к подножию жертвенника Всеядного Жи, кем бы ни было это забытое божество. И фреску в королевском кабинете, на которой у принцессы Ираэли была такая ликующая улыбка и безнадежно печальный взгляд, словно они принадлежали двум совсем разным девушкам.

И уж совсем нечестно было обжигать ее стыдом, заставляя вспомнить ту их единственную ночь, когда эликсир жрецов разорвал запечатление. Да, Джаад ни о чем не жалела! И меньше всего о том, что эта ночь навсегда врезалась в память, как шрамы от ран — в тело. Она посмотрела на сеть тонких белесых нитей, покрывающих ее руки — память о сиренах — и невесело усмехнулась. А еще ведь есть круглый шрам на груди — след от лоура. И полоска через плечо — от него же. Наверное, они когда-нибудь заживут и сгладятся. А может — и нет. В любом случае, память души вернее, чем память тела. Она простила Алестара, но забыть?

Так почему же ей тоскливо?

Глубины моря прекрасны, ужасающи и величественны, но о них Джаад не тосковала бы ни минуты! Мало ли столь же удивительных мест наверху? А вот люди... То есть иреназе, конечно, но какая разница, что там у них ниже пояса, ноги или хвост? Ей будет не хватать

простодушного верного Ираталья и отважной вспыльчивой Эруви, мрачной отчаянной верности Дару и мудрой стойкости Санлии. А еще, разумеется, лукавых насмешек Эргиана и его несравненного мастерства игры в интриги и тосу. И Леавары, умеющей видеть на лицах гораздо больше, чем просто скрытую до поры красоту. И Герласа с его сварливой откровенностью. И Камриталя с Семарилем, из которых она могла бы сделать не жрецов Малкависа, конечно, однако очень неплохих телохранителей... И Жи!

Стражам не положено иметь ручных зверьков, это отвлекает от работы. Разве что лошадь или собаку для охраны, но это не любимцы, а инструмент, такой же, как оружие или доспех. Впервые у нее появился собственный зверь... Которым она, кстати, безобразно мало занимается! Вот и сейчас Жи нет в комнате, наверное, его опять увели погулять слуги.

Но когда Акаланте успело так сильно и глубоко проникнуть в нее? Ведь за несколько лет жизни при дворе Торвальда она не подружилась там ни с кем! Следила за придворными и слугами, как полагается хорошему стражу, но видела в них только то, кем они были для ее охраняемого. И волновали ее лишь те, кто мог стать угрозой.

Старые жрецы говорили, что стражу нельзя смотреть на мир только через прицел своего долга. Это ослепляет, и рано или поздно ты перестаешь видеть в людях — людей. Только фигурки, способные помешать, помочь или повредить... Но они не говорили, что это плохо само по себе. Вредно для службы, не более. И в этом тоже таилась, оказывается, ловушка, потому что или ты видишь людей как они есть, живыми и не зависящими от твоего мнения о них, либо ты их на самом деле не видишь.

В Акаланте Джиад впервые разглядела мир вокруг себя. Лишившись долга стража, она будто сбросила доспех, прикрывающий ее, но и лишаящий всего, что составляет обычную человеческую жизнь. Осталась беззащитной и безоружной перед самой собой, той частью собственной души, которую с детства ее учили тщательно сдерживать и прятать поглубже.

И что ей теперь делать с этой волей, пьянящей и зовущей к чему-то совсем иному, непохожему ни на что, известное и понятное раньше?

В Храм она больше не вернется. Если обещание Алестара вдруг окажется нарушенным, если Лилайн не поможет с выкупом... Даже тогда она не сможет больше быть Стражем. Щит Малкависа должен быть безупречен, он по доброй воле отбрасывает все, что не касается его нанимателя, а Джиад... ее безупречность дала трещину, и, да простит Малкавис, она счастлива этому!

Осталось только понять, чего же она все-таки хочет. «Свободы, — привычно подсказал внутренний голос. — Собственной судьбы. Права и возможности жить так, как хочется».

«И что я стану с этой свободой делать? — очень холодно и ясно спросила себя Джиад в ответ. — Как распоряжусь выторгованной у Храма судьбой? Для чего буду жить?»

Внутренний голос молчал, и Джиад все-таки тронула гладкое горячее плечо Лилайна кончиками пальцев, с сожалением понимая, что если не разбудит она, то все равно скоро появятся другие. Ответов на мучительно терзающие душу вопросы у нее по-прежнему не было, но она знала, что найти их придется, иначе ее побег из прежней жизни окажется дорогой в пустоту.

Лилайн открыл глаза сразу, словно и не спал. Он всегда просыпался как дикий хищный зверь — мгновенно, даже если потом нежился в постели. Вгляделся в ее лицо с пытливой тревогой и тихо спросил:

— Что случилось?

— Ничего, — вздохнула Джиад и добавила: — Вообще-то, здесь постоянно что-то случается, но не прямо сейчас. Мне обещали новую комнату. В этой обнаружился лаз в одно интересное, но наверняка нехорошее место...

Она указала взглядом на стену с дырой, и Лилайн понимающе кивнул.

— Твою зверюгу забрали, — сказал он с безмятежной усмешкой, которой мог обмануться только тот, кто не знал Карраса так же хорошо, как Джиад. — Приплыл мальчишка и просил передать, что погуляет с ним. Забавная тварюшка. Зубы в мой палец, а норы как у щенка.

— Он и есть еще щенок, — отозвалась Джиад, рассеянно окидывая взглядом комнату. — Видел зверей, на которых ездят иреназе? Он такой же будет, правда, другой породы. Вроде дикой

лошади среди обьежженных. Или волка среди собак. Лил, как ты себя чувствуешь?

— Как в деревенском кабаке на Солнцестояние, — продолжал усмехаться Каррас. — Знаю, что драка вот-вот начнется, а двери уже снаружи подперли. Ну да это не беда, лишь бы огня никто не кинул. Другую комнату, говоришь? А там хоть можно будет вдвоем остаться?

— Ты ранен, — улыбаясь, напомнила Джад. — Так что вдвоем не выйдет. Теперь у тебя будет личный целитель, и чтобы слушался — а я прослежу! Если что...

Она наклонилась, поймала губами ухо Карраса и прикусила. Лилайн зашипел, якобы от боли, но подозрительно довольнo.

— Ты меня накажешь, да? — хмыкнул он, обнял ее здоровой рукой и шепнул: — Мой Страж... Я соскучился.

— Обязательно накажу, — очень серьезно пообещала Джад, старательно сдерживая улыбку. — Но ты не переживай, целительница у тебя будет очень красивая. Гораздо лучше меня. Ты ее не обижай, хорошо? Она славная девушка, и ей в жизни пришлось несладко.

— Лучше тебя не бывает, мой суровый заботливый страж, — мурлыкнул Лилайн, подаваясь к ней всем телом. — Не нужны мне никакие целительницы. Поцелуй покрепче — и все пройдет...

— И плечo зарастет! — подхватила Джад, беспомощно и сладко чувствуя, как внизу живота разгорается знакомый пожар. — Ладно, как скажешь. Нас отсюда никто не гонит, подождем, пока вылечишься поцелуями.

Замеров, Лилайн глянул ей в глаза, а потом медленно опустился на подушки, криво усмехнувшись. Спohватившись, Джад яростно обругала себя душой, но было поздно, игривое настроение Карраса сменилось мрачностью.

— Прости, — попросила она виновато. — Я глупость сказала. Знаю, что хочешь наверх! Я тоже...

— Ну что ты, сердце мое, — улыбнулся Лилайн уже не мрачно, а со странной грустью. — Когда я на шулки обижался? Это ты меня с кем-то путаешь. И когда это ты боялась мне лишнее слово сказать?

— Прости... — глухо повторила Джад, утыкаясь лицом в его плечо и желая сейчас только одного: чтобы тоска, грызущая изнутри, хоть на время смолкла, отпустила, и все снова стало легко и понятно как раньше.

Лилайн погладил ее по волосам, не дразня, как обычно, а ласково, бережно. Шепнул:

— Я всегда рядом, Джи. И даже раненый на что-нибудь сгожусь. Все хорошо, сердце мое.

— Все хорошо, — согласилась она, отгоняя жуткое бессилие, нахлынувшее вдруг предчувствием близкой беды.

А потом едва успела отпрянуть, потому что в дверь постучали, и миленькая служанка почтительно осведомилась, угодно ли кай-на поглядеть новые покои? И позволит ли кай-на собрать ее вещи? И не хочет ли кай-на со своим гостем проследовать за нею, потому что в новых покоях уже ждет обед? А зверя кай-на сейчас приведут прямо туда, для него уже подготовлена особая комната. И для личной прислуги кай-на — тоже. И для целителей, которые будут следить за здоровьем кай-на и ее гостя. И для охраны...

— Погоди! — растерянно прервала Джи болтливую девицу. — Сколько же там комнат?

— Ой, три или четыре, — захлопала накрашенными глазами служанка и стрельнула любопытным взглядом в Лилайна. — Кай-на Герувейн распорядился устроить вас как можно удобнее. Да что мы, сами не понимаем? Избранной его величества жить всего в одной комнате — разве так можно?

— Избранной? — тихо и очень спокойно уточнил Лилайн.

— А... ну...

Девица бросила испуганный взгляд на руку Джад, напрасно пытаясь увидеть там браслет, снова посмотрела на Карраса и затараторила, разве что уши не прижав, как нашкодившая

собачонка:

— Простите, каи-на, сама не знаю, что говорю! Извольте комнаты поглядеть! А тинкалы я свежей принесла, мне на кухне сказали, что вы сладкую любите, как в Суалане варят. Там еще эта вас ждет... его величества наложница бывшая. Сказала, ей поговорить с вами надо. Как бы не стянула чего! Там, правда, нет пока ничего такого, вещи-то ваши еще здесь, но все равно. Она и тинкалы сварить хотела, да я не дала, еще чего...

— Тихо! — резко сказала Джад, и девица смолкла, хлопая огромными и теперь уже точно видно, что глупыми глазищами. — Быстро плыви в те комнаты, извинись перед госпожой Санлией и предложи ей угощаться, пока нас нет. И если я узнаю, что ты ее чем-то обидела, у меня в покоях ты больше не появишься никогда, ясно тебе? И пришли кого-нибудь собрать вещи и показать дорогу. Все понятно?

— Д-да, каи-на... — пролепетала служанка и выскочила из спальни — только хвост мелькнул.

— Избранная... — тихим эхом повторил Лилайн и тоже пристально посмотрел на ее руку. — Слышал я, что у иреназе означает это словечко.

— Браслета нет, как видишь, — тускло от внезапной усталости отозвалась Джад и тоже глянула на запястье, которое до сих пор ощущалось странно голым. — Но я и вправду была избранной Алестара. Когда мы оказались связаны, нужно было как-то объяснить это остальным... Его отец объявил меня избранной наследника, хотя все знали, что у него есть невеста. Теперь запечатление разорвано.

— Давно? — бесстрастно поинтересовался Лилайн.

— Третий день, — так же ровно ответила Джад. — Это случилось в ночь перед встречей с Торвальдом. И пока кто-нибудь еще не поспешил поделиться подробностями, я скажу сама. Запечатление можно разорвать, только снова проведя друг с другом ночь. Не просто так, а сначала выпив эликсир, приготовленный жрецами. Он обращает запечатление вспять. И да, я это сделала. Другого способа не было. Я легла с Алестаром — первый и единственный раз за все это время. Теперь мы оба свободны. Он пытается спасти свою невесту, украденную соседним королем, а я... Я ни в чем не буду оправдываться, Лилайн. Ни в чем, слышишь?

Она лишь чуть повысила голос, хотя отчаянно хотела сорваться на крик, и замерла, прикрыв глаза. Тяжелое, томительно долгое мгновение Каррас молчал, и Джад стиснула зубы, точно зная, что ничего не скажет первой. Только не сейчас.

— Джи... — прошептал он наконец. — Бедная моя... Да чтоб они все передохли, твари хвостатые. Очень плохо было? После всего — и снова...

Джад покачала головой, с горькой насмешкой думая, что Лилайн просто не поймет, если она честно все расскажет. Как объяснить, что с нею сделал эликсир, вернувший не то прошлое, которое было, а то, которое могло случиться, если бы они с Алестаром встретились иначе, не как враги, а как возлюбленные.

— Ничего плохого, — сказала она честно. — Эликсир убирает и боль, и плохую память. И Алестар... очень старался загладить вину. Не надо так про иреназе, Лил. Они такие же, как люди, очень разные. Здесь очень многие заботились обо мне. Спасали, рискуя собой, просто помогали. Я больше ни на кого не держу зла. И на Алестара — тоже. Мне трудно тебе все рассказать, но неужели ты думаешь, что я бы простила его легко и равнодушно.

— Не думаю, — хрипло сказал Лилайн и отвел взгляд. — Потому и не понимаю. Ты — и простила. Как? Ну как такое может быть?! Мне на него смотреть тошно. Хочется горло ему перерезать, а надо жить здесь. Еще и благодарным быть... за спасение и все остальное. Но я же тебя знаю, Джи! У тебя сердце — клинок, сломать, может, и выйдет, но уж согнуть — точно нет. Ну так чего я не понимаю, а?!

Джад взяла его здоровую руку, прижала ладонью к своей щеке, замерла, слыша, как стучит сердце. Неправильно стучит, слишком гулко и неровно. Надо прочитать сутры, успокоиться, вернуться в должное стражу безмятежное состояние... Сутры читать не хотелось. И она точно знала, что с детства затверженные слова не помогут. Мудрость Храма беспредельна и абсолютна, в ней есть ответы на все вопросы. И о мести, и о справедливости, и о прощении. Но как она ни пыталась вспомнить нужную сутру, память молчала.

«Время выученных уроков прошло, дитя мое, — шепнул вдруг в сознании знакомый голос. — Есть дороги, что нужно прокладывать самому. И не все можно взвесить на весах

справедливости. Не бойся. То, что воистину твое, всегда останется твоим».

— Я тебе расскажу, — пообещала она, поцеловав жесткую смуглую ладонь Лилайна и невольно снова увидев шрамы на своем запястье и выше, до самого локтя. — Все, что смогу. И буду надеяться, что ты поймешь. Очень буду надеяться, Лил... Потому что ни о чем не жалею.

Глава 10. Ловушка на предателя

Пара служанок-иреназе торопливо и ловко плавали по комнате, собирая вещи Джиад, и разговор пришлось отложить. Костяные и металлические таблички-книги, которые читала не она, а Алестар, какие-то безделушки и туники, принесенные до этого... В воде, где тело не потеет и не пачкается, она вполне могла бы обойтись без этих нарядов, хотя, стоило признать, именно здесь они были удобнее облегающих штанов и плотной рубашки. Не говоря о сапогах, от которых Джиад уже давно избавилась. А ведь если выздоровление Лилайна затянется, придется и ему найти подходящую одежду.

Джиад опустилась на кровать рядом с Каррасом и ободряюще ему улыбнулась. Но на душе было тяжело: как Лилайн примет ее рассказ? Поверит ли? Сможет ли понять, что она лишь следовала своему долгу и пути стража?

А служанки все собирали вещи! Каймур, в котором она когда-то носила маленького Жи... Шкатулки, флаконы и гребни, жемчужное ожерелье и пояса... Что-то появилось после памятного похода на рынок, что-то вообще принадлежало Алестару, расположившемуся здесь, как у себя дома. Вот эти плотные ленты, расшитые жемчугом — точно не ее! Ей их и вплести-то некуда. Лилайн, лениво наблюдающий за сборами, ленты тоже наверняка заметил, глаза у него многозначительно блеснули из-под ресниц, но промолчал, и Джиад была за это искренне благодарна. Хотя толку, все равно им предстоит нелегкая беседа, и такая мелочь, как оставленные здесь Алестаром безделушки, вряд ли что-то сильно изменит. С другой стороны... вдруг это станет последним перышком, упавшим на чашу часов и качнувшим ее?

Наконец все вещи оказались в паре больших мешков из плотной мягкой ткани. Джиад было интересно, как их понесут, все-таки иреназе плавают скорее лежа, но ничего особенного она не увидела. Хвостатые девицы завязали мешки, а потом просто утащили их за длинные завязки волоком — в воде это оказалось совсем несложно.

Не прошло и четверти часа, как одна из иреназе вернулась и с поклоном пригласила следовать за ней.

— Плыть сможешь? — тихо спросила Джиад у Карраса, и наемник кивнул.

Оттолкнулся от кровати, слегка поморщившись, попытался идти, но тут же неуклюже перевернулся и поплыл, загребая здоровой рукой. Джиад пристроилась рядом, готовясь помочь, но поймала предостерегающий хмурый взгляд алахасца и только вздохнула про себя. Быть беспомощным и больным Лилайн, как любой сильный мужчина, просто ненавидел и совершенно не умел принимать помощь. Сам-то ее на руках носил, кормил с ложки и даже мыл, когда она свалилась в горячке Зова. Вот что за гордая дурость?

Новые покои, к счастью, оказались недалеко. В просторной спальне Каррас с трудом доплыл до огромного ложа и опустил на него, подложив подушку под плечи. Служанка, которая их проводжала, принялась расставлять на столике у кровати сосуды с тинкалой и тарелки с едой, принесенные из смежной комнаты. Вторая в это время сноровисто разложила по местам вещи Джиад и, поклонившись, исчезла.

— Если кай-на что-то понадобится, мы всегда поблизости, — почтительно сказала первая девица-иреназе, накрыв стол и указывая на рычаг вызова у кровати. — За дверью будет охрана, таков приказ кай-на Герувейна, им вы тоже можете приказывать в любой момент.

— А где госпожа Санлия? — спросила Джиад, отмечая, что охрана, пожалуй, не лишняя сейчас предосторожность.

— Уплыла в свою комнату, — снова поклонилась служанка. — Просила передать, что не хочет мешать, пока вы устраиваетесь, но ждет вызова, когда вам будет угодно.

— Хорошо, — кивнула Джиад. — Оставьте нас, я позову.

Повернувшись к столу, она задумчиво оглядела обед, прекрасно понимая, что есть не станет, однако оттягивать разговор уже нельзя. А вот Лилайну нужно восстанавливать силы.

— Кай-на? — уточнил Лилайн все тем же отвратительно безразличным тоном. — Так это все-таки титул или что?

— Обращение к леди или лорду иреназе, — отозвалась Джиад. — Прежний король пожаловал меня титулом за спасение наследника. Это... тоже часть истории. Лил, ты бы поел, пока я рассказываю.

— Конечно, — спокойно согласился Каррас и потянулся к злополучным глазам маару, что горкой лежали на одном из блюд.

Ну хоть кто-то оценил изысканные яства подводной кухни! Джад взяла ближайший кувшинчик с тинкалой, сжала его в ладонях, чувствуя приятное тепло — главную, пожалуй, роскошь подводной жизни. И глубоко вдохнула, успокаивая разум, как перед боем.

— Кое-что ты уже знаешь, — негромко она. — Но очень мало. И все это — тайна, причем не только моя. Так что когда мы уплывем наверх, дела иреназе пусть останутся самым иреназе.

Каррас молча кивнул, и Джад начала...

Про бой на скале и брошенный в море перстень Лилайну давно было известно, как и то, что за этим последовало. Но теперь она вспоминала и другое. Дыхание Бездны, от которого ей пришлось отбиваться, а Алестару потом — дышать за них обоих. Нападение сирен. Гарнату, которой поили рыжего... Лилайн нахмурился, услышав об этом, но перебивать Джад не стал. А она рассказывала, как Алестар обманом отправил ее на землю, зная, что умрет сам. И как почти умер, она ведь успела тогда в последний момент. Говорила о Кассии, смерть которой Алестар до сих не смог простить ни себе, ни ее невольному убийце. И о смерти короля Кариалла, убитого тем, кого он считал лучшим другом. И об обвинении, брошенном Джад, от которого Алестар и Эргин ее спасли. И о ядовитой паутине предательства, что оплела весь дворец. О Каррише и свадьбе Эрувейн. Об усмирении вулканов кровью и силой. О жрецах и придворных, о Суалане и Карианде...

Горло у нее вскоре охрипло, Джад уже очень давно не говорила так подолгу. Но продолжала рассказывать, пытаясь объяснить, почему Алестар перестал быть для нее ненавистным врагом и что, достойное уважения, она увидела в нем. Лилайн слушал молча, ловя и наверняка запоминая каждое слово, и лицо его неуловимо мрачнело. А когда Джад, устав, замолчала, будто собирая силы для последнего боя, тихо сказал:

— И ты в этом гадюшнике в самой середине клубка, так? Джи, зачем тебе это? Если из-за меня, то мы здесь минуты лишней не останемся. Он же обещал тебя отпустить? Вот и пусть свое слово сдержит.

— Я еще не все сказала, — так же тихо и ровно сказала Джад. — И не знаю, что ты мне ответишь, когда услышишь. Помнишь, ты предложил выкупить меня у Храма?

Каждое слово, которое она беспощадно роняла в тишину между ними, будто обдирало горло изнутри, Джад даже удивилась, что вода еще не окрасилась кровью. Никогда еще она так не стыдилась... Впрочем, нет! Это был не стыд. Но вина за ту боль, что она невольно причиняла сейчас Лилайну. Она же знала, насколько горд алахасец!

Лилайн слушал, не глядя на нее, только вертел в руках подобие заостренной трехрогой вилочки, которой следовало брать пищу с блюд иреназе, и металлический прут в его руках гнулся, словно кожаный ремешок. Джад договорила, и в комнате стало совсем тихо. Мучительно тихо...

— Не молчи! — не выдержала, наконец, она. — Скажи хоть что-нибудь!

— А стоит? — тяжело уронил наемник, поднимая голову и глядя на Джад в упор. — Ты ведь уже сама все решила. Как всегда. Джи, ты и правда хочешь знать, что я думаю?

— Да.

Она выпрямилась, готовясь принять удар, но все еще не веря, что он будет.

— Я так понял, времени у тебя осталось не слишком много, — размеренно заговорил Каррас. — Женские годы вообще быстрые, а с этими вашими храмовыми порядками, будь они неладны... И если ты в самом деле хочешь мужа и детей, надо поторапливаться, так?

Она кивнула.

— И этот рыжий ублюдок пообещал тебе полную свободу от храма, верно? Да еще так, что ты, вроде, и перед ним в долгу не останешься. Ну что, все по справедливости. Сколько раз ты его хвост и дурную голову спасала?

— Я тебе не для того все это рассказывала, — напряженно уронила Джад.

— Ясное дело, — кивнул алахасец. — Он, значит, тебя отпустит, пошлет денег в храм и... все?

Вернешься на сушу, и больше никогда не увидитесь?

— Да.

Тинкала остыла, перестав греть, но Джад упрямо сжимала ее в ладонях. Вилочка, которой Лилайн так и не потянулся к еде, упала из его пальцев на стол, скрученная винтом.

— А мое место где? — так же тяжело и спокойно спросил Каррас. — Почему ты от меня не принимаешь то же самое? Думаешь, не смогу собрать этот клятый выкуп?

— Сможешь, — с трудом выдавила Джи. — Только такие деньги быстро не найти. Это или душу надо так запачкать, что вовек не отмоешься, или голову сложить. А даже если не то и не другое... Как я тебе потом буду в глаза смотреть? погоди! Я сказала, что верю — никогда не упрекнешь! И повторяю это... Но мне самой каково? Думаешь, я смогу просто взять их и не быть обязанной? Лил, ты ведь меня этим на всю жизнь привяжешь... Сам того не желая! И как я буду жить, если ты, добывая эти деньги, погибнешь? Только не надо про удачу и умение... Я сама воин, я знаю, что их не всегда хватает. А если ты полюбишь другую? И не говори, что этого быть не может! Все бывает... Сейчас ты свободен, в любое время можешь купить дом, найти честную службу или хозяйство завести. Жениться, воспитывать детей... А у меня ведь может их и не быть. Даже не так... Вряд ли они будут, понимаешь? Только при очень большой удаче. И я на эту удачу полагаться не хочу. Не стоит она всей твоей жизни, Лил... Ни на каких весах и близко не потянет!

— Все сказала? — холодно спросил Каррас, дождался ее кивка и прошипел:

— Вот так, значит, да? Снова сама все решила, и за себя, и за меня? Верит она мне! Разорить не хочет! За голову мою боится! А то вдруг я к другой уйду, так надо же меня отправить целым, невредимым и с полной мощью! На хозяйство и домик! Джи, ты...

Он замолчал, словно задохнулся, беззвучно выругался, яростно шевеля губами, и выдохнул:

— Я, знаешь ли, мужчина! И сам как-нибудь разберусь, что мне с собственной головой делать. И с деньгами заодно. О своей гордости ты подумала, а каково будет мне знать и помнить, кто тебе свободу подарил? Просто так, словно монетку за лепешку бросил! Я ради этого выкупа наизнанку вывернусь! И если голову сложу, как ты боишься, то и в последний миг об этом не пожалею. Но если ты хочешь уйти со мной вместе, если хочешь стать моей женщиной, моей женой, то вытаскивать тебя из этой кабалы — мое дело. Мое, слышишь, а не всяких... чешуйчатых. Будут у нас дети или нет — это богам виднее. Но если ты от меня ничего взять не хочешь, то зачем я тебе вообще нужен?! Спину в драке прикрыть да постель на привале согреть? Это само собой, но такое не на всю жизнь. Ты ведь и сама это понимаешь? Как эту жизнь провести — тебе решать. И с кем ее провести — тоже. Но если ты согласна разделить ее со мной, придется признать, что я тоже имею право кое-что решить.

Он помолчал и заговорил еще тяжелее и весомее:

— Джи, я тебе всегда и во всем верил. Тебе понадобилось в море, я ответил: «Как скажешь», — и привез тебя к нему. Ты сказала, что уйдешь в глубину спасать этого... и я тоже согласился. Ждал тебя, как и обещал... И сейчас верю во всем. Но теперь ты решила, что примешь свою свободу от него, а не от меня. Нет, даже не так. Это он так захотел, а ты согласилась. Ну так этого не будет, сердце мое. Я готов быть с тобой, но не при тебе, понимаешь? И соглашаться, от кого и что примет моя женщина, буду сам. Если, конечно, это моя женщина. А вот это уже выбирать тебе.

— Лил... — беспомощно прошептала Джад, не зная, что ответить.

Что вообще можно сказать, когда тебе к ногам бросают жизнь, даже ничего не требуя взамен? Только согласись принять, только признай, что нуждаешься в этом. Что больше не хочешь быть одна, что готова из щита и клинка, которым чувства не положены, стать просто женщиной и почувствовать рядом крепкое и надежное мужское плечо, готовое прикрыть от любой беды.

Она знала, что Лилайн искренен от первого до последнего слова. Чувствовала это и чутьем стража, и просто сердцем. И если судьба будет к ним милостива, он найдет деньги, чтобы ее выкупить. Очень большие деньги! Но Лилайн отдаст их, не задумываясь и не жалея, что мог бы на такой куш всю жизнь прожить безбедно и еще детям наследство оставить. Он — отдаст. И примет ее такую, какая она есть, с ее резким прямым характером, невозможным для замужней женщины, чья главная добродетель — мягкая покорность мужу.

Лилайну она хороша и такой. И никогда между ними не встанет память о других мужчинах в жизни Джад. Ни Торвальд, ни Алестар не окажутся тенью, которая затмит доверие Карраса к ней. Так чего же она ждет? Согласиться — так легко! Мало ли чего требует разум и глупая гордость...

— Я не знаю, что сказать, — прошептала она стынувшими, как на холоде, губами. — Не знаю...

Горькое отчаяние накатывало тяжелыми волнами, и уронить пару простых слов казалось совершенно невозможным.

— Тогда ничего не говори, — тихо отозвался Лилайн, не сводя с нее лихорадочно блестящих глаз. — Я не прошу ответа прямо сейчас. Подумай, Джа. Хорошо подумай, чтобы уж точно не ошибиться. Или ты уплываешь отсюда со мной, и я обо всем позабочусь, или... Другом я тебе быть никогда не перестану, видят боги. Пока тебе самой это нужно. Но и делить тебя ни с кем не буду. Ни сердцем, ни телом, ни долгом за твою свободу. Решай...

Он потянулся к ней, и плотная вода сначала не позволила Джад рвануться навстречу, а потом словно толкнула их друг к другу. Губы Лилайна накрыли ее рот, горячие, требовательные, сумасшедшие нежные и точно знающие, что ей нужно. И Джад ответила, отчаянно прячась в этом поцелуе от необходимости решать прямо сейчас, отодвигая последний шаг, за которым уже не будет пути назад.

Лилайн обнял ее за плечи здоровой рукой, а вторую уронил на бедро Джад и погладил через тонкую тунику, заставив Джад коротко простонать ему в рот. Это было так же ярко и горячо, как всегда... И уже почти забылось, что где-то рядом слуги и охрана, и вот-вот появится Алестар, который сейчас должен придумывать с кариандцем ловушку на предателя... И... Алестар!

Теплая, упоительно сладкая волна схлынула так же мгновенно, как накатила до этого. Джад замерла в объятиях Лилайна, не понимая, что изменилось, но чувствуя, что поцелуй перестал быть желанным. Ей по-прежнему было хорошо и уютно рядом с Каррасом, но... не более. Да что же это за наваждение такое?! Не может ведь причиной быть...

— Прошу прощения, — услышала она холодный, как морские глубины, голос от двери. — Кажется, теперь не вовремя я. Наверное, это день такой. Джад, я могу рассчитывать на твою помощь? Или мне стоит...

Объятия Лилайна стали теснее, и Джад поняла, что Каррас не отпускает ее нарочно. Напротив, он медленно провел рукой по ее спине, дразня то ли ее, то ли застывшего у двери иреназе. Синие глаза блеснули вызывающе и зло, ловя взгляд Джад, и в ответ в ней вспыхнуло возмущение. Она прекрасно понимала, что сейчас делает Лилайн, показывая Алестару их близость. И не собиралась опять быть призом в поединке этих двоих.

Почувствовав ее гнев, Лилайн отпустил Джад ровно за миг до того, как она освободилась бы из его объятий сама. Отстранился, опираясь на здоровую руку, и покосился в сторону Алестара, с ядовитой мягкой любезностью сказав:

— Ничего страшного. Беда всех дворцов. Они такие просторные и безлюдные, что остаться один на один ну никак не получается.

— Лил... — выдохнула Джад, уже злясь всерьез, и поднялась с постели, оттолкнувшись от нее одним нервным резким движением.

— Я буду ждать, — негромко ответил ей Каррас уже совсем другим тоном, и Джад поняла, что это сказано не только про ее возвращение.

Увиденное резануло такой болью, что у Алестара перехватило дыхание. А они даже не заметили, упоенно целуясь, и смоляные волосы Джад, растрепавшись, упали на точеную спину, которую по-хозяйски крепко обхватила мужская рука.

Алестар с трудом заставил себя вдохнуть... Понял, что хвост сам собой подергивается из стороны в сторону, словно перед дракой. Еще большим усилием успокоился, точнее, просто застыл, не шевелясь. Другие иреназе уже давно заметили бы его по упругим колебаниям воды от хвостового плавника, но люди менее чувствительны.

Он заговорил — и даже с расстояния в несколько взмахов хвоста заметил, как напряглась спина Джад, когда жрица поняла, что они в комнате больше не одни. А если бы Алестар не появился?! Они бы сейчас...

Одна мысль об этом подняла в сознании такую черную злость, что он поспешно запретил себе даже думать... Но не получалось! Проклятый наемник, маару его сожри, словно нарочно медлил, не выпуская Джиад из объятий, а когда Алестар увидел его колкий внимательный взгляд, то убедился в этом окончательно. Разумеется, это было нарочно!

А вот жрица ни о чем подобном даже не думала. Она отпрянула от Лилайна, прошипев его сокращенное имя, и, кажется, была недовольна. Только это удержало Алестара от какой-нибудь непоправимой глупости. Просто потому, что в их отношениях с Джиад все глупости — непоправимые!

Память медленно возвращалась к тому, что он сейчас должен делать. И где. И с кем. Для наемника места в этом плане не было, да он и не пытался влезть, с удивительным спокойствием посмотрев им вслед. Алестар же с бессильной злостью подумал, что теперь, когда эти двое станут жить вместе... И ведь не сделаешь ничего! А он еще думал попробовать залечить Лилайну плечо с помощью перстня. Пока не сообразил, что тогда у Джиад пропадет последняя причина задержаться здесь еще хоть на немного. Да, подло! Но каждый день рядом с ней — сладко-горькое счастье...

— Ты довольна своими покоями? — спросил он, выплывая в очередной коридор, ведущий к бывшей комнате Джиад.

— Они прекрасны, ваше величество, благодарю, — со сдержанной учтивостью отозвалась жрица, и только темные пятна на ее скулах выдавали смущение.

Или это не стыд, а возбуждение от прерванного поцелуя? Проклятье...

Она немного помолчала и осторожно поинтересовалась:

— Правильно ли я понимаю, что план его высочества Эргиана уже начал осуществляться?

— Правильно, — кивнул Алестар. — Прости, но больше я тебе ничего не могу сказать. — Глянул на нее, едва уловимо затвердевшую лицом, и взмолился: — Не обижайся! Дело не в доверии! Просто не могу! Так надо.

— Не оправдывайтесь, ваше величество. — Уголки самых красивых и гордых губ на свете тронула быстрая улыбка. — Так надо — это вполне достаточная причина. Но зачем тогда вам я?

— Дыра в твоей комнате, — виновато пояснил Алестар и, не останавливаясь, потер виски — голова после исцеления Дару все еще побаливала. — Герлас никак не хочет верить, что Дыхание Бездны просочилось именно через нее. Говорит, это невозможно. Дыханием Бездны очень трудно управлять, для этого нужно огромное искусство и мощный источник силы, связанный с глубинными богами. И расстояние мешает, а ход в стене там очень длинный. Я почти ничего не помню о той ночи, вот и...

— Я поняла, тир-на, — отозвалась Джиад, и сколько бы Алестар ни вслушивался, но не уловил в ясном вежливом голосе даже тени обиды. — Конечно, я постараюсь вспомнить все, что смогу. А Каришу не нашли?

— Пока нет, — хмуро сказал Алестар и толкнул дверь комнаты, к которой они как раз подплыли. — Там такой лабиринт под дворцом... Я предложил запустить твоего Жи, а по его следу — кого-нибудь из жрецов Герласа. Но мне сказали, что салру увел гулять кто-то из слуг.

— Мне тоже, — подтвердила Джиад. — Пора бы им вернуться, кстати. Надеюсь, этот паршивец ничего не натворил?

Алестар усмехнулся. Мальчишки из дворцовой прислуги едва не дерутся за право поиграть с рыбенышем во время прогулки. Когда еще выпадет подобный случай увильнуть от надоевшей работы да еще повеселиться? И вряд ли интриги заговорщиков хоть как-то касаются салру, так что вред ему здесь причинить некому.

— Наверное, просто заигрались где-то в саду, — успокоил он жрицу и придержал дверь.

Джиад уже вполне освоилась под водой и двигалась почти так же грациозно и плавно, как на суше, но все-таки без хвоста ей приходилось куда сложнее, чем иреназе. С тяжелой дверью, например. В ее новых покоях дверь гораздо лучше... И опять кольнуло тихое гадкое напоминание: «Какая разница? Еще несколько дней. Ну, неделя...»

Герлас и один из его жрецов, возившихся у разломанной стены, даже не обернулись, когда

Алестар и Джад подплыли ближе. Без вещей комната смотрелась голо и неприятно, только на кровати осталось нижнее покрывало, но и его сдернули к одному краю неприятно выглядящей кучей. Какие-то обрывки водорослей, кусочки сломанных ракушек и панцирей, песок и обломки плитки, которой была облицована стена вокруг лаза... Вместе с уютом из покинутого жилища словно ушла душа, но Алестару, как ни странно, стало почему-то легче. Теперь ему здесь больше ничто не напоминало о Кассии. Даже тень ее не могла неуловимым отблеском мелькнуть в тусклом свете туарры, заливающим спальню.

Среди остатков мусора нарядный, как всегда, Тиаран смотрелся странно до нелепости. Светлая туника амо-на ярким пятном выделялась на фоне стены и темных одеяний глубинников. Увидев Джад, Тиаран учтиво ей поклонился, и жрица ответила поклоном, настороженно блеснув глазами, как показалось Алестару, но храня спокойствие. Алестар про себя вздохнул. Когда это все закончится, ему придется извиняться перед Джадом. И неизвестно, простит ли она его за обман? Но Эргиян прав, лукавить и лгать Джад не умеет, как и Герлас. Хотя бы в самом начале все должно быть по-настоящему, иначе Тиаран заподозрит неладное.

— Доброго дня, госпожа избранная, — промурлыкал высший жрец, и Джад в ответ сдержанно отозвалась, показывая запястье без браслета:

— Уже нет, как видите. Этот титул ожидает свою настоящую владелицу, амо-на. О чем вам прекрасно известно.

«Еще бы это было неизвестно жрецу храма Троих, чей эликсир уничтожил запечатление», — с тихой злостью подумал Алестар.

— О, простите, госпожа, — улыбнулся Тиаран. — Я не хотел вас обидеть — и только. Надеюсь, ваша судьба, вернувшись на свои истинные пути, окажется счастливой.

Джад молча поклонилась, и Алестар не поставил бы ломаной ракушки на то, что она собирается что-то прощать или забывать почтенному амо-на, однако Тиаран предпочел сделать вид, что его извинения приняты.

Герлас и его подручный вдруг отпрянули от лаза, и из темной дыры показалась голова и плечи совсем юного жреца глубинных, отправленного вниз незадолго до того, как Алестар уплыл к Джаду.

— Ничего, — расстроенно доложил он, выбираясь из провала. — Этот ход выводит к огромной мусорке, там колодец, куда несколько труб сходится. И течением приносит всякое. Кости, обрывки сетей, черепки... На карте этот колодец помечен. А дальше — большой лабиринт, который уходит в дикую скалу. Искать там кого-то — все равно что с медузы шкуру снимать...

— Мы попробуем еще раз, — мрачно и очень упрямо сказал Герлас, соизволив, наконец, повернуться к остальным. — И будем искать снова и снова, пока не найдем эту дрянь. Прятаться она может хоть до бесконечности, а вот с едой там сложнее. Главные тоннели перекроем, у выходов поставим ловушки...

Его глаза горели ненавистью и до сих пор не прошедшей болью потери. Прощать Карише смерть своего жреца старший служитель глубинных богов не собирался. Вот на это Алестар поставил бы что угодно. Герлас из собственной чешуи вылезет, но обшарит все проходы под дворцом. И если Кариша еще там...

— Я, конечно, не силен в ритуалах глубинных богов, как почтенный амо-на Герлас, — подал голос Тиаран, — но если эти таинственные негодяи и вправду покушались на вашу жизнь, ваше величество, кто мешал им применить Дыхание Бездны еще раз? Вы ведь уже давно ночуете в этой спальне. То есть ночевали... — тонко улыбнулся он, метнув быстрый взгляд на Джада. — А они ограничились всего одной попыткой? Может быть, это вовсе и не было Дыхание Бездны?

— Какая разница? — сварливо спросил Герлас. — Я тоже в это не верю! Кто сказал, что это было оно? Невис? Ну так он целитель! Тоже мне, знаток глубинной магии! Но суаланскую дрянь нужно найти в любом случае!

— С этим никто не спорит! — подхватил Тиаран. — И все-таки... Насколько я понимаю, Дыхание Бездны — ритуал, требующий обращения к глубинным и принесения им жертвы. Разве могла его совершить обычная девица, не посвященная в храмовые тайны? Уверен, для этого нужен был кто-то, обладающий силой... и готовый ее применить. Даже не просто готовый, а страстно желающий. И находящийся поблизости, раз уж амо-на Герлас уверен, что

издалека Дыхание не направить...

По его губам снова скользнула улыбка, и Алестар истово взмолился, чтобы любые боги дали ему талант хоть раз в жизни убедительно соврать. Это как на охоте! Забрасываешь удочку с приманкой к норе маару и ждешь, пока покажется стремительное хищное щупальце. А там уж кто кого!

— Если вы говорите о госпоже Джад, — холодно сказал он, стараясь не встретиться с жрицей взглядом, — то будьте любезны вспомнить, как совсем недавно приносили ей извинения. Правда, за другие подозрения, но все-таки! Я верю амо-на Джад, как самой себе! Она не могла причинить мне зло.

— Даже в то время, когда ваши отношения еще не были столь доверительными? — вкрадчиво улыбнулся Тиаран. — Конечно, я понимаю вас, ваше величество. Вы молоды и горячи, а наша гостя весьма привлекательна. В ослеплении страсти вы могли не заметить, что все странности и беды в Акаланте начались сравнительно недавно. И таинственным образом совпали с появлением прекрасной земной жрицы...

Ох, не стоило ему этого говорить! Потому что Алестар как раз прекрасно помнил, с чего все началось — со смерти Кассии. И слова жреца наотмашь хлестнули по едва зажившей ране.

На миг он даже забыл, что именно этого они с Эргрианом и добивались, выманивая Тиарана возможностью нового обвинения Джад. Стоило жрецу узнать, что в спальне Джад обнаружился потайной ход, как он примчался, едва не теряя чешую с хвоста, и сам предложил помощь в расследовании, несмотря на недовольное фырканье Герласа.

— Доказательства? — процедил Алестар и поморщился, поднимая руки к вискам.

Хватило короткого приказа осколку в перстне, чтобы фальшивое сердце моря, висящее на его груди, вспыхнуло ярко и тревожно, так что отблеск упал на лицо Тиарана, на миг исказив черты амо-на и превратив их во что-то очень неприятное.

— Ваше величество? — обеспокоенно воскликнул Герлас. — Вы хорошо себя чувствуете?

Джад просто молча подалась навстречу, с тревогой вглядываясь Алестару в лицо.

— Вполне... — морщась, отозвался он. — Просто... устал. Перед тем как приплыть сюда, я вылечил Дару. Он пока спит, но когда проснется, расскажет что-нибудь интересное, я уверен. А если решит промолчать, я сумею его убедить...

— Ваше величество, — сердито повторил Герлас. — Нельзя так перенапрягаться! Вы дважды умирляли вулкан за очень короткое время. Неужели исцеление не могло подождать? Ваша кровь сильна, однако Сердце требует осторожности!

— Мой почтенный брат прав, — подтвердил Тиаран, тоже рассматривая Алестара с неподдельным волнением. — Как бы ни были важны дела, ваше здоровье слишком драгоценно для Акаланте!

— Я сказал — пустяки! — раздраженно и упрямо бросил Алестар. — Вы сомневаетесь в моей силе? Я не использовал Сердце и на четверть его мощи! Отцу приходилось быть осторожным, но я пока молод и крепок. Думаю, кстати, мне давно пора применить Сердце, чтобы поискать с его помощью мурен, затаившихся во дворце. Я... могу... То есть не всех... Но мои каи-на должны пройти проверку Сердцем! И я... в самом скором времени...

— Ваше величество! — ахнул Тиаран, бросаясь к нему.

Алестар закатил глаза и нелепо покачнулся, обмякнув, как медуза, и медленно опускаясь на пол...

С Алестаром творилось что-то неладное, Джад поняла это еще в коридоре. Казалось, он мучился, желая рассказать ей, какую ловушку придумал Эргриан, но почему-то скрывая это. Мраморно-белая кожа иреназе побледнела еще сильнее, а под глазами явно залегли тени, но двигался он так же, как обычно, и Джад не очень обеспокоилась. А стоило, наверное!

Но она отвлеклась на Тиарана, сначала довольно глупо уколовшего ее разрывом запечатления, а потом начавшего впрямую обвинять в том, чего Джад сделать точно не могла! Как бы она, жрица Малкависа, применила Дыхание Бездны, о котором ровно ничего не знала ни тогда, ни сейчас? Тиарана очевидная нелепость обвинения не смущала, хотя даже Герлас при этих словах воззрился на верховного жреца Трой с недоверчивым удивлением. И

Джиад в очередной раз не смогла понять, что она сделала Тиарану? Должны же для такой настойчивой неприязни и подозрительности быть хоть какие-то основания?!

А потом Алестар понес откровенную ерунду, пригрозив использовать Сердце моря, чтобы найти предателя, и Джиад почти поймала ускользающую мысль, но... рыжий упал в обморок!

Он уже терял при ней сознание, и в воде это смотрелось немного не так, как на суше... Джиад не успела понять, чем прошлые разы отличались от этого, Сердце моря на груди Алестара — фальшивка! — запульсировало тревожным алым светом.

— Ради Трех, ваше величество! — вскрикнул Тиаран, бросаясь к Алестару, неловко изогнувшемуся в воде. — Целителей, скорее!

Молодые иреназе в темных одеждах глубинного храма кинулись прочь из комнаты, а Герлас тоже попытался подхватить короля, но Алестар, не приходя в себя, забился в судорогах, и его мощный хвост легко отшвырнул обоих жрецов, мешая приблизиться.

— Ваше величество! Ваше величество! — надрывался Тиаран, пока Герлас не рывкнул на него: — Да замолчите вы! Помогите снять с него Сердце! Оно пьет жизнь короля...

Джиад, замерев и с бессильным ужасом понимая, что ничем не может помочь, закусил губу... Алестар извивался, его тело, руки и серебристый хвост мелькали, мешая разглядеть лицо, а жрецы бестолково суетились вокруг, пытаясь то ли удержать Алестара, то ли сорвать с него цепочку. Тиаран ухватился за нее, но тут же с невольным вскриком отдернул руку и с ужасом глянул на ладонь. А в памяти Джиад вспыхнуло, как она однажды взяла Сердце в руки еще при жизни Кариалла.

— Позвольте мне! — окликнула она жрецов, пытающихся удержать Алестара за плечи. — Я могу его снять, оно меня не трогает!

— Вы? — изумленно обернулся к ней Герлас. — Сердце признает вас?

— Признавало раньше, — подтвердила Джиад, не понимая, что за игру затеял рыжий, но уже почти не сомневаясь, что все это и есть план Эргиана.

Потому что если Алестару на самом деле плохо... Холодная тревога пронзила ее, заставив торопливо подплыть к рыжему, бессильно замершему в руках жрецов, запрокинув голову. Руки он сложил на груди, будто прикрывая Сердце, и Джиад заметила, что перстень Аусдрангов светится, так что его сияние заметно из-под пальцев другой руки, прикрывающей кольцо.

— Так давайте! — крикнул Герлас, с неподдельным ужасом и смятением взирая на Алестара, но не делая попыток даже взяться за Сердце. — Никому из нас оно не позволит себя взять. Скорее, каждое мгновение убивает короля!

И добавил с отчаянием, которого Джиад в сварливом и мрачном жреце никогда бы не заподозрила:

— Ему нельзя было так напрягаться... Даже его величество Кариалл с его опытом не использовал Сердце столь часто. А проверить всех подозреваемых... Он с ума сошел!

Джиад, невольно затаив дыхание, протянула руку. Наверное, следовало взять цепочку, как это пытался сделать Тиаран, однако вместо этого она мягко, но решительно разняла послушно подавшиеся пальцы Алестара и подхватила пылающий внутренним огнем камень.

«Может быть, Алестар ошибся, и это не подделка? — мелькнула мысль. — Впрочем, какая сейчас разница? Если ему плохо... Я бы голыми руками сняла с него разъяренную гадюку, не то что это...»

Сердце моря легло в ее ладонь тяжелым и холодным, несмотря на сияние, грузом. Второй свободной рукой Джиад осторожно сняла с шеи Алестара цепочку и сомкнула пальцы вокруг медленно тускнеющего Сердца.

— Боги... — выдохнул Герлас, глядя на нее почти с тем же ужасом, как смотрел на Алестара. — Вы смогли! Оно вас признало!

— Госпожа Джиад полна неожиданностей, — странным тоном отозвался Тиаран, поддерживая плечи рыжего. — Но что нам делать теперь?

— Джи... — шевельнулись губы Алестара, лежащего с закрытыми глазами, и Джиад склонилась к нему, чтобы лучше расслышать. — Сохрани... Оставь у себя... Герлас, Тиаран! Такова... моя воля... слышите? Джиад сохранит Сердце... пока я... не приду в себя...

— Как скажете, ваше величество, — торопливо согласился Тиаран и с раздражением глянул в сторону раскрытой двери. — Да где же целители?! Ему нужна помощь...

— Я... в порядке... — упрямо прошелестел Алестар, не открывая глаз. — Как только очнусь... Проверю всех во дворце. Хватит с меня... предателей. Сначала — Совет и жрецов. Потом... каждого... Хотя весь Акаланте...

— Помолчите, тир-на! — зарычал на него Герлас, хватая запястье рыжего и нащупывая пульс. — Берегите силы!

И тут в дверь ворвались долгожданные целители.

Джиад, которую мгновенно оттеснили в сторону, беспомощно смотрела, как Алестара уносят, и все сильнее сжимала твердый холодный камень в ладони, пока не почувствовала, как пальцы сводит судорогой. Сердце стучало так часто, словно она несколько часов бежала с утяжеляющими браслетами на руках и ногах.

«Если это план Эргиана, — подумала она, изо всех сил отгоняя страх. — Ох и скажу я потом его высочеству и его величеству, что обо всем этом думаю! Но... если кариандец ни при чем... Малкавис всемогущий, пусть это лучше будет его план! Лишь бы с Алестаром ничего серьезного...»

Мысли путались и метались, как стая рыбок, в которую врезался Жи. Джиад заставила себя проговорить успокаивающую сутру, дыша, как положено, и тут поймала внимательный взгляд Тиарана. Почти сразу жрец отвернулся к мрачному Герласу, но осталось премемерзкое ощущение, словно кто-то тронул Джиад за лицо липкой рукой. И тут комната опустела, и оба жреца одновременно устали на нее.

— Что вы теперь собираетесь делать, госпожа Джиад? — поинтересовался Тиаран, глядя на камень в ее руке. — Его величество велел вам хранить реликвию, мы с амо-на Герласом готовы это засвидетельствовать. Но ведь использовать ее вы не можете?

— А разве мне нужно это делать? — вежливо удивилась Джиад. — Я надеюсь, его величество вскоре будет здоров и освободит меня от подобной ответственности. Но пока я готова исполнять его повеление.

Она встряхнула запутавшуюся цепочку и накинула ее себе на шею. Камень лег в начало ложбинки на груди так удобно, словно всегда там был, и теперь на груди Джиад ровно мерцали два кристалла: нежно-голубой амулет морского дыхания и кроваво-красный, однако успокоившийся огромный рубин.

— Тогда к вам необходимо приставить охрану! — заявил Герлас, и Джиад кивнула.

— Каи-на Герувейн уже об этом позаботился, — сказала она. — Думаю, по дороге в мои новые покои на меня никто не нападет, а там я окружена слугами и стражниками. Впрочем, разве мне что-то угрожает? Кто из иреназе осмелится причинить вред Сердцу моря или похитить его?

— Она права, — буркнул Герлас. — Для этого нужно быть безумцем. А если такой и найдется, Сердце прекрасно защитит себя само. И что бы я ни думал о решении его величества проверить всех придворных с помощью Сердца, в настойчивости ему не откажешь. Я первый попрошу разрешения пройти эту проверку — мне скрывать нечего!

— Разумеется... — рассеянно подтвердил Тиаран. — Мы все — верные слуги его величества. Госпожа Джиад, вы позволите все-таки проводить вас? Мне так будет намного спокойнее.

— Сочту за честь, — поклонилась Джиад.

Она по-прежнему не представляла, что происходит, но рассудила, что должна действовать как обычно. Раз ее ни о чем не предупредили, значит, это было нужно, как и сказал Алестар.

По дороге и Тиаран, и Герлас молчали, самой Джиад тоже не хотелось говорить. Тревога за Алестара грызла ее изнутри, все время возвращая мысли к единственному вопросу, все ли с ним хорошо. Если бы он только подал ей хоть какой-то знак!

— Я надеюсь, амо-на, — не выдержала она уже у двери своих новых комнат, — что меня известят о здоровье его величества.

— Само собой, — буркнул Герлас, а Тиаран кивнул.

Гвардеец, в самом деле дежурящий у ее покоев, воззрился на Джиад с восторженным трепетом и поклонился с небывалой доселе почтительностью. Она только вздохнула про себя: не успела освободиться от браслета избранной, как получила новое бремя и причину для заботы.

Оба жреца, как и охранник, остались за дверью. Джиад проплыла в комнату и со стыдом поняла, что рада видеть спящего Лилайна. Сейчас ей ни с кем не хотелось разговаривать. Только устроиться на постели, закрыть глаза и посидеть в полной тишине... Ну и еще хорошо бы почесать нос Жи, который будет как всегда подставлять морду под ее руку, смешно морщиться и бодать ее в бок. Здоровенный уже вырос... И где он, в конце концов?

Она посмотрела на стол, где еще осталось достаточно еды. Лилайн все-таки поел, вон, глаза маару с тарелки исчезли совсем, да и по остальным блюдам видно. Проверила сосуды с тинкалой и нашла один полный. Остывшая тинкала была не очень вкусной, но Джиад выпила ее, чтобы восстановить силы, потому что кусок в горло не лез, даже ее любимое курапаро. Время тянулось мучительно и тоскливо. Почему ей до сих пор ничего не сказали об Алестаре? Знают ли вообще жрецы, что она ждет новостей? Тиаран терпеть ее не может, он вряд ли позаботился об этом, но Герлас в последнее время смягчился, хоть и делает вид, что все по-прежнему.

Лилайн тихо спал, накрывшись одеялом, черные волосы разлетелись, окружая голову наемника темным облачком, колыхаясь в воде. Джиад вгляделась в его спокойное лицо, гадая, так ли она выглядит, когда спит? У иреназе плавники шевелятся во сне, хотя вот Алестар упорно пытается закинуть ей хвост на ноги... Но больше этого не будет.

«Пусть он будет счастлив, — попросила она неизвестно кого. — Прошу, хватит этой боли. Я не знаю, выполню ли желание Лилайна, но в благодарность за то, что Алестар это предложил, я желаю ему долгой счастливой жизни. И новой любви...»

Она поставила на столик пустой сосуд из-под тинкалы, который вертела в пальцах, и посмотрела на потускневшую туарру, льющую свет со стены. Шар следовало подкормить, но этим обычно занимались слуги, а вызывать их Джиад не хотела. Обязательно ведь разбудят Лилайна.

Чтобы хоть немного отвлечься, она скрестила ноги в привычной позе для сосредоточения и принялась читать сутры, начиная с самой первой, высеченной над входом в Храм. «Мир, в котором ты живешь, это дом, выстроенный богами и другими людьми. В этом мире ты гость, но путь, которым ты по нему пройдешь, принадлежит только тебе. Будь учтивым, добрым и честным, как положено гостю в чужом доме. Но принеси в этот мир заботу о нем, как положено достойному и любящему хозяину. И когда пути гостя и хозяина сольются, ты узнаешь истину и узришь цель».

Сутры следовали одна за другой, и постепенно Джиад успокоилась. Тревога за Алестара так и не отступила, но больше не мешала ясно мыслить и сдерживать неразумные порывы. Например, немедленно отправиться к целителям, чтобы узнать о здоровье короля.

«Если никто не появится, пока я прочту девяносто девятую сутру, — очень рассудительно пообещала себе Джиад, — отправлю с этим поручением прислугу. А когда Лилайн проснется, нужно немедленно позвать Санлию. Не знаю, почему Невис до сих пор прислал целителя, но теперь он наверняка занят Алестаром, забыв о других пациентах...»

Она приоткрыла глаза, чтобы посмотреть на Карраса, и увидела, что дверь открывается. Успела ощутить глухое раздражение бесцеремонностью иреназе, постоянно забывающих, что в чужие покои не стоит входить без разрешения или, хотя бы, не предупредив хозяев стуком. И несколько не удивилась, увидев, кто именно явился незванным гостем. Только сердце, успокоенное чтением сутр, застучало глубже и быстрее, как перед боем.

— Каи-на Джиад!

Тиаран поклонился ей не очень глубоко, но почтительно, и сразу выпрямился. Вид у него был чрезвычайно озабоченный. На миг Джиад испугалась, что жрец принес дурные вести, но с чего бы именно он? Скорее приплыл бы Иратель или Герувейн...

— Я слушаю вас, амо-на, — ровно отозвалась Джад и глянула на Лилайна.

Грудь Карраса поднималась и опускалась очень медленно — наемник спал глубоко.

— Его величество очнулся и требует вас к себе, — торопливо сказал жрец.

Сердце, кажется, пропустило один удар, а потом зачастило облегченно и радостно. Все хорошо! Ловушка это или нет, но с Алестаром все в порядке!

— Да, конечно, — кивнула Джад, поднимаясь на ноги.

Снова оглянулась на Лилайна и попросила:

— Одну минуту, если позволите. Мне нужно послать кого-нибудь за лекарем для моего друга. Не хочу, чтобы он оставался один.

— Мы плывем как раз к целителям, госпожа Джад, — напомнил ей Тиаран с едва уловимой тенью напряженности в голосе, которую чуткий слух Джад поймал фальшивой нотой. — Оттуда гораздо проще кого-нибудь прислать.

— Не сомневаюсь, — учтиво согласилась она, не трогаясь с места, потому что вдруг поняла, что именно кажется таким странным. — И готова следовать за вами, амо-на, только прошу прощения за глупый вопрос. Неужели во дворце исчезла вся прислуга, что за мной приплыл, чтобы проводить, сам верховный жрец? Слишком незначительная забота для вашего высокого положения, амо-на.

— Я же не мог отказать его величеству в простой любезности, — как-то очень бледно улыбнулся Тиаран. — Прошу, поспешим. Время не ждет! Его величество очень нуждается в вас и Сердце моря.

— Не могу с этим не согласиться! — раздалось от двери, и Джад увидела, как лицо Тиарана бледнеет, словно его на глазах покидает жизнь.

— Тир-на... — растерянно выдавил он, поворачиваясь туда.

— Мое величество действительно нуждается и в каи-на Джад, и в Сердце, которое она хранит, — ледяным, как северные торосы, голосом сообщил Алестар, всплывая в комнату. — Но вы, Тиаран, уверены, что сейчас говорили именно обо мне? Сдается, вы служите какому-то другому королю, потому что я вам такого поручения не давал.

И почти лениво добавил, посторонившись и пропуская двух гвардейцев, в которых Джад узнала Камриталя и Семариля:

— Взять!

Глава 11. Верность подданных и учтивость послов

Две серебряные молнии рванулись к нелепо всплеснувшему руками Тиарану, а Алестар виновато посмотрел на Джад, которую пронизала нелепая, но от этого не менее горькая обида. Ну вот почему было не сказать ей заранее? Она бы смогла притвориться! Она не Герлас, у которого все на лице написано, Стражей учат не выдавать себя ни словом, ни взглядом! Нет же, не поверил...

Губы короля иреназе беззвучно шевельнулись, и Джад прочла по ним короткое: «Прости». А потом что-то еще, но этого она уже понять не смогла, а рыжий поспешно отвел взгляд, потому что в комнате вдруг стало тесно. Камриталь с Семарилем заломили руки не сопротивляющемуся Тиарану, который повис на гвардейцах и всем видом изображал испуганное недоумение. Алестар посторонился, и в спальню торопливо вплыли Иратель, Герувейн и еще-то из каи-на, которых Джад запомнила по совету. За ними появились Герлас — мрачнее тучи! — отец Миалары и последним тихой серебряной тенью проскользнул по стене Эргиан.

Джад молча отплыла к постели и опустилась на нее рядом с Лилайном. Дыхание наемника на миг сменило ритм, и Джад, успокоившись, уронила руку на его запястье, легонько сжав. Притворяется, значит? Ну и правильно. Ей и Каррасу сейчас лучше побыть в стороне, они в этом змеином клубке и в самом деле чужие. «Иреназе сказали бы, что в муреньем, — с горькой насмешкой поправил ее внутренний голос. — И это правда, так чего обижаться? Ты сама решила, что уплывешь, оставив интриги подводного королевства его обитателям, так с чего им доверять тебе свои тайны? Будет справедливо и понятно, если сейчас Тиарана просто уведут. И только если Алестар проявит любезность в память твоих прошлых заслуг, он позволит тебе узнать исход дела».

— Ваше величество, я не понимаю, чем вызвал ваш гнев! — Тиаран поднял голову и обвел быстрым взглядом всех присутствующих. — Просто не понимаю...

— В самом деле? — вскинул Алестар золотистые брови на уже несколько не бледном лице. — Ну так я вам подскажу. Вы пытались завладеть Сердцем моря. И есть очень веские основания полагать, что не первый раз.

— Что?!

Возмущению в голосе Тиарана не было предела!

— Ваше величество! Как вы можете! Я ваш верный подданный! И могу объяснить любое свое действие. Но если меня обвиняют в столь тяжком преступлении, я прошу собрать Совет! Только он может осудить не просто каи-на, но и Верховного жреца Троих!

— Всенепременно! — рыкнул Алестар, подаваясь вперед и яростно сверкая глазами. — Решили поучить меня законам Акаланте?! Совет в полном составе собирается для рассмотрения представленных доказательств и суда. Но если доказательства признают безупречными половина каи-на Совета, достаточно королевского слова, чтобы отправить предателя на съедение крабам. И у нас тут, обратите внимание, Тиаран, как раз больше половины Совета! Семеро из тринадцати! Включая второго верховного жреца королевства!

— Протестую! — взвизгнул Тиаран. — Среди них кариандец и двуногая! Они не имеют права судить меня! Они вообще...

— Этому кариандцу вы отдали право судить мою избранную, Тиаран...

Рычание Алестара приобрело опасную вкрадчивость, и Джад вдруг увидела в нем льва, готовящегося прыгнуть.

— А та, кого вы зовете двуногой, получила титул каи-на за спасение наследника королевства. Хотите оспорить решение моего отца?! Ну, так я вам предоставляю эту возможность! Еще одно слово без позволения — и отправитесь лично к нему на беседу! Забыли, кто здесь кор-р-роль?! — раскатилось по комнате.

Вода вмиг загустела, как уже было накануне в Зале Совета, а между застывшими в ней иреназе замелькали алые искры.

«Что он делает? Ему же нельзя! — со страхом подумала Джад. — Хотя если в моей бывшей спальне было притворство... Но неужели это всего лишь с помощью перстня?»

Алестар немного помолчал, не отводя от Тиарана взгляда бешеных глаз, будто налившихся штормовой тьмой, а потом бросил:

— Вы пытались обманом забрать Сердце моря у каи-на Акаланте, моей доверенной советницы, получившей его на хранение лично от меня и при свидетелях. Амо-на Герлас это подтвердит, как и жрецы его храма. Что можете на это сказать?

— Я... я пытался спасти королевство! — выкрикнул Тиаран дрожащим голосом. — Признаю свою вину в обмане, но не в измене! Я... сохранил бы Сердце Моря для вас, ваше величество! Эта двуногая опутала вас куда большим обманом! С ее появлением в Акаланте начались беды и интриги! И вы своими руками отдали ей величайшую реликвию королевства! А если бы она отдала ее своим собратьям на сушу?

— Как это уже пытались сделать вы? — тихо спросил Алестар, но его слова упали в тишину комнаты куда тяжелее, чем крик Верховного жреца. — В день смерти моего отца вы похитили Сердце моря с его груди, из которой еще текла кровь. И даже не удивились, почему оно позволило себя взять. Или удивились? Впрочем, это неважно. Вы договорились с королем Аусдранга, что отдадите ему Сердце моря. На что рассчитывали? На пост наместника, я полагаю. Торвальд не собирался править под водой сам, он хотел только абсолютной власти. И вы в качестве куклы на троне его вполне устраивали. Но я вернул себе Сердце и пригрозил, что проверю с его помощью всех своих советников и, разумеется, жрецов. Тут-то вы и испугались! У меня забрать Сердце никак не вышло бы, разве что снова снять с трупа, но тут удача! Глупый юнец переутомился, усмирив вулканы, и Сердце попало в другие руки. Те, из которых вы могли его заполнить. Так?

— Нет!

Тиаран выпрямился, сохраняя видимость оскорбленного достоинства, и Джад невольно оценила его выдержку.

— Мне ничего не известно о похищении Сердца! — заявил он. — Если вы, ваше величество, скрыли его пропажу, это, должно быть, тоже влияние вашей двуногой... советницы! Если Сердце оказалось у короля Торвальда Аусдранга, то кто мог украсть реликвию, как не его бывшая любовница, которую вы пригрили? Это она, ядовитая мурена, спустилась в Акаланте, чтобы сеять раздор между вами и вашими верными подданными! Это она украла Сердце и отдала его своему повелителю! Когда на вас напустили Дыхание Бездны, кто был с вами рядом, тир-на? Когда на вас напали сирены...

— Ее чуть не убили, добираясь до меня! — прервал его Алестар. — Тут уж вы заврались. Если бы не Джад, сирены убили бы меня! А навел их, я полагаю, Кари, да ответит его душа перед Матерью Море за свое предательство. А вашу вину не так уж тяжело доказать, амо-на. Человек, который передавал ваши послания Торвальду, найден и вскоре даст показания! В Храме Троиx прямо сейчас проводят обыск. И вы в самом деле рассчитывали, что сможете незаметно вывести Джад из дворца? Вам ведь для этого понадобились два оседланных салту с припасами как раз на дорогу для Суаланы?

Вывести ее? Разве Тиарану не было нужно только Сердце Моря? Джад в недоумении встретила взглядом с Алестаром, и рыжий кивнул.

— Да, тебя он тоже собирался украсть. Вот тогда у Лорасса в руках оказалось бы не просто преимущество...

Алестар запнулся и отвел взгляд, но вряд ли в комнате остался хоть кто-нибудь, не понявший несказанное. «Если бы Суалана пригрозила королю Акаланте моей жизнью... Что бы он сделал? Неужели отдал трон? Не верю. Алестар знает свой долг, — подумала Джад, словно плывя в тяжелом сонном мареве. — Но этот ужас, мелькнувший в его глазах, ни с чем не спутать. Так не боятся просто за... советницу. Пусть и ту, которой обязан жизнью. Как? Ведь запечатление же разорвано! Не может ведь он до сих пор...»

Ее словно плеснули в лицо горячим, так оно запылало. Джад попыталась опять поймать взгляд Алестара, но иреназе упорно его прятал. Только от нее, разумеется. На жреца он смотрел тяжело и холодно, и ничего от прежнего взбалмошного и легкомысленного принца в глазах нынешнего короля иреназе не было.

— Докажите! — бросил Тиаран. — Все это пока лишь слова.

— Докажу, — очень спокойно ответил Алестар. — Но даю вам последнюю возможность сохранить жизнь. Если вы прямо сейчас и при свидетелях во всем чистосердечно признаетесь.

А если нет, я распотрошу ваш разум, как рыбину, и вы все расскажете уже потому, что не сможете скрыть. Амо-на Герлас проследит и подтвердит для Совета, что я сделал это по необходимости.

— Вы... убьете меня? Или лишите рассудка, пытаясь доказать то, в чем я не виноват?

Тиаран на глазах бледнел, но все еще цеплялся за свою невиновность, и Джад увидела в глазах каи-на, приплывших с Алестаром, сомнение. Отец Миалары смотрел на саму Джад, особо не стараясь скрывать неприязнь, но это бы ничего. И он, и незнакомый Джад советник, и даже Герувейн, растерянно переводивший взгляд с Алестара на жреца и обратно, верили Тиарану. Или просто не могли поверить в его предательство.

Да, Алестар мог вскрыть разум Тиарана. Наверное, мог бы, если только не блефовал в отчаянной попытке заставить жреца признаться. Но у этого признания все равно был бы ничем не смываемый привкус насилия. Все равно что добиться признания под пыткой. С обычным преступником иреназе поверили бы королю, разумеется. Но сейчас, когда речь так явно идет о том, кто заслуживает доверия больше, почтенный жрец или сомнительная двуногая...

Джад захотелось зажмуриться. Они с Алестаром и Эргианом просчитали все верно, Джад готова была поклясться в этом именем Малкависа, но что толку? Король должен быть безупречен! Любое сомнение в нем подрывает веру в силу королевского слова, и Алестар уже шагнул на эту грань, когда признался, что скрывал похищение Сердца. Вот и в глазах Эргиана, молча жмущегося к стенке, явное беспокойство.

— Ваше величество! — сказала она, всем телом чувствуя, как взгляды устремляются в ее сторону. — Если амо-на Тиаран снова обвиняет меня в преступлении, пора уже решить этот спор раз и навсегда. Я уже однажды предлагала раскрыть свой разум и готова сделать это снова. Прямо сейчас. Полагаю, амо-на Герлас не откажет мне в этом? Да, я помню, что это риск... — Она запнулась, услышав снова изменившееся дыхание Лилайна совсем рядом, и взмолилась, чтобы алахасец не проявил именно сейчас, что все слышит. И не кинулся уговаривать ее отказаться от этого решения! — Я помню, — повторила она. — Но готова довериться вашему умению управлять Сердцем моря...

— Нечестно! — выкрикнул Тиаран. — Король никогда...

— Или искусству амо-на Герласа, — ровно закончила Джад, пока один из гвардейцев легонько придавил Тиарану горло и тут же отпустил.

Амо-на закашлялся. Алестар глянул на него и поинтересовался:

— Вы забыли, что я вам обещал, Тиаран? Насчет встречи с моим отцом. Или полагаете, мое слово ничего не стоит? Что вы себе позволяете в моем присутствии?! И как смеете сомневаться, что я, король Акаланте, буду честен и справедлив при отправлении правосудия?!

Среди каи-на поднялся ропот, похожий пока на тихий шелест, но Джад с удовлетворением услышала, как чаша весов склонилась на ее сторону: незнакомый ей советник недоуменно спросил у отца Миалары, зачем Тиаран так упирается? Ведь Сердце Моря в руках истинного короля безупречно определяет виновного.

Тиаран побледнел, и его взгляд беспомощно заметался, но даже те, кто ему недавно сочувствовал, теперь смотрели с подозрением.

— Вы обвиняетесь в государственной измене, амо-на Тиаран, — холодно и ясно сказал Алестар, в упор глядя на жреца. — Когда вам было приказано разорвать мое запечатление с каи-на Джад, вы приказали своему младшему жрецу сварить нужный эликсир, что он сделал старательно и умело. Однако вы ничего не сказали мне о последствиях разрыва этого запечатления. Вы не поставили меня в известность, что этот разрыв делает невозможным мой брак с принцессой Маритэль. Я, ваш король, ничего об этом не знал! Зато узнал король Суаланы, решив принудить меня к нарушению слова, данного Карианду, и к другому браку. И тот же король в своем письме очень явно намекнул, что знает о пропаже Сердца Моря. В этом он, к счастью, ошибся, Сердце Моря в Акаланте! — Он обвел взглядом затаивших дыхание иреназе и Джад и продолжил: — У меня нет прямых улик, зато достаточно косвенных! Ваши жрецы дадут показания, что вовремя предупредили вас о действии эликсира. Вы же не думаете, что почтенный амо-на Корасиль прикроет ваш хвост ценой собственной жизни? Торвальд мертв, но свидетелей ваших встреч найти нетрудно. Два оседланных салту и Сердце моря, что вы сейчас попытались выманить у Джад — уже само по себе достаточное доказательство. И вы еще отпираетесь? Верный подданный! Благочестивый жрец! Лжете в

лицо мне и богам?! — гроыхнул его голос.

Алестар поднял руку, указывая на Тиарана, и рубин в перстне Аусдрангов огненно вспыхнул на его пальце, сияя куда ярче и сильнее, чем светилось на груди Джиад фальшивое Сердце Моря. Она даже подумала, не покажется ли это подозрительным остальным иреназе, но тут в ее сознание ворвался настойчивый беззвучный шепот Тиарана:

— Скажи всем, что это ты... Скажи им... Это ведь ты украла Сердце моря... Для своего короля и повелителя. Скажи... скажи... скажи... Украла однажды и хотела украсть снова...

Шепот лез в уши, мешал думать, и мысли Джиад стремительно начала заволакивать плотная темная пелена. Она попыталась что-то сказать, но язык не слушался, словно во сне, когда открываешь рот и не можешь выдать из него ни слова. Только сейчас она даже рот открыть не могла. Точнее — могла. Но с ужасом понимала, что из него вылетит лишь то, что настойчиво подсказывает голос, насилующий ее волю.

«Малкавис, помоги!» — отчаянно взмолилась она, почти не веря, что будет услышана.

Есть ли дело богу до жрицы, собирающейся покинуть храм?

Ей показалось, что где-то на грани сознания промелькнула далекая картинка: хмуро и недовольно сдвинутые брови, поднятая то ли в угрозе, то ли в благословении рука... Но шепот заполнил уже все вокруг, Джиад с трудом различала лица иреназе и чей-то голос, что-то говорящий... Только бы не ее собственный!

Сил бороться больше не было. Она раскрыла рот, безнадежно пытаясь выдать призыв на помощь, но на язык само лезло подлое фальшивое признание. Да, это она украла Сердце Моря и хотела сегодня украсть его снова. Первый раз — по приказу Торвальда, второй — из мести за его смерть. Полная глупость! Но попробуй потом отмыться.

Длинная серебряная вспышка прочертила комнату, и пелена, что заволокла разум Джиад, рассеялась в одно мгновение. Она услышала длинный вопль, а потом крики. Встряхнула головой, окончательно сбрасывая оцепенение.

Жи, влетевший в спальню, всем весом повис на хвосте Тиарана, запустив ему зубы туда, где у человека было бы бедро. А зубы там были то ли в три ряда, то ли в четыре, Джиад уже давно за этим не следила. Из-под острых треугольных резцов текла кровь, жрец орал, а Семариль, отпустив его руки, безуспешно пытался отцепить салру. Джиад испугалась, что гвардеец схватится за висящий у него на поясе нож, и позвала:

— Жи! Жи, ко мне! Отпусти его! Не смей!

И сама торопливо подплыла к Тиарану, ухватив салру за хвост, словно кусачую собаку. Что будет, если звереныш обернется и вцепится в руку ей самой, Джиад не хотела даже думать. А потом к ней пришло осознание, от чего ее только что спас Жи!

— Он хотел меня заколдовать! — выпалила она, разжав пасть внезапно успокоившегося салру. — Амо-на Тиаран меня зачаровывал! Прямо здесь, на глазах у всех! Еще миг — и я бы призналась в том, чего не делала!

Может быть, это стоило сказать как-то иначе. Держа в руках тяжеленное тело слабо трепыхающегося салру, которое тянуло ее к полу, Джиад была уверена, что ей не поверят. Разве что Алестар. Но отступать было поздно.

— Уже второй раз, — тише добавила она. — Первый был в саду... Когда Жи... укусил меня...

— Жреческие дела, да? — прошипел первым все сообразивший Алестар, вспомнив ее отговорку, и Джиад увидела, как его глаза окончательно заволокло туман бешенства. — Так вам, амо-на, ради этого боги дали силу?

Он улыбнулся Тиарану, затихшему в руках жрецов, жуткой неестественной улыбкой и пообещал тягуче и почти ласково:

— Беру в свидетели Мать Море, сейчас вы расскажете чистую правду. Властью короля, дарованной мне богами...

— Нет! — истошно закричал Тиаран, справедливо увидевший во взгляде Алестара свой приговор. — Я скажу! Пощадите, тир-на! Я не хотел! Меня заставили! Он заставил!

Кровь хлестала у него из бедра, и следовало ее перевязать. Если Жи задел артерию, Тиаран может и до суда не дожить. Впрочем, будет ли суд? У Алестара было такое лицо, словно он убьет жреца здесь и сейчас своими руками, причем с огромным наслаждением. А ведь рыжий держался, пока речь шла об измене. Но когда понял, что Тиаран пытался сделать с Джад, взбесился, как ударенный плетью конь.

— Кто — он?! Что заставил?! — рявкнул Алестар.

— Украсть Сердце! — взвизгнул Тиаран, глядя на него со слепым, не рассуждающим ужасом. — Я хотел... хотел... ради Троих, ваше величество, вы же сами уже все знаете! Пощадите... Я думал, что договорюсь с Суаланой! Он сказал, что династия Акаланте выродилась, что Акаланте скоро падет под натиском остальных городов! Я хотел как лучше! Написал письмо Лорассу, и он обещал мне в жены свою дочь, если я отдам ему Сердце. На время! Только в залог того, что я... стану королем и женюсь на его дочери. А потом Лорасс вернул бы мне Сердце, нельзя править без него. Своему зятю — вернул бы! Все равно потом на трон взошли бы его внуки... А он приказал, чтобы я отдал Сердце Аусдрангу! Сказал, что династии моря все равно падут перед гневом глубинных, и мир изменится! Сказал, что я должен отдать Сердце двуногому! А когда тот захочет научиться им управлять, его надо заманить в Море. Обмануть, или призвать Зовом, или просто выкрасть! У меня же есть на земле наемники, это можно устроить...

Тиаран всхлипнул, уже не пытаясь выглядеть невиновным, скорее — вызвать жалость. Хотя Джад сильно сомневалась, что кто-то из присутствующих способен его пожалеть.

— Я испугался! — почти прорыдал он. — Я знал, что он уже сделал! Вы не понимаете, у него везде щупальца! Его нельзя слушаться! Он всего-то несколько раз поговорил с Кари, и тот потерял свою душу. А та девчонка, дура, соблазнила жреца и украла у глубинников чашу. Я так не хотел! Я отдал Сердце королю людей, просто... побоялся не подчиниться. А оно вернулось! Вы убили Аусдранга и вернули Сердце себе! Я думал, он будет злиться, а он только посмеялся и сказал, что ничего уже не остановить. Что так даже лучше! Из мальков Ираэли остался только один, легче целиться! И разрешил делать дальше, что захочу. Я и подумал... что могу... по прежним договоренностям с Суаланой. Умоляю, тир-на, пощадите! Если бы я знал, что вы истинный король! Что у вас хватит сил сдерживать вулканы, карать и миловать... Пощадите! Клянусь, я буду верен! Больше никогда! Никогда!

— Кто тебе приказывал? — едва сдерживая гнев, спросил Алестар, и Джад содрогнулась, представив, какие шторма бушуют в нем сейчас. — Кто?!

— Я не могу! — зарыдал уже в голос Тиаран. — Он убьет меня! Убьет как Кари — всего одним словом! Скажет что-то — и я сам себе перережу горло! Или жабры вырву! Я хочу жить, ваше величество! Пощадите! Я никого не убивал, просто... просто... Ай! Рыба запрещает мне говорить!

Он вдруг вывернулся из рук Камриталья, но не попытался ни на кого броситься, только с неподдельным ужасом воззрился на Жи, мирно свернувшегося у ног Джад, и показал на него пальцем, прокричав:

— Ее салру! Он велит, чтобы я молчал! Говорит, что не время! Трое, помогите! Я не хочу... не хочу лишаться разума! Салру не говорят! Не говорят! Отстань! Отстань от меня! Уйди из моей головы! Я не хотел! Двуногая мне просто мешала! Я думал, что смогу управлять ею, а через нее — королем. Уйди-и-и-и...

Взвыв, он забился в судорогах, пытаясь вжаться в стену и закрывая лицо руками.

— С ума сошел! — веско уронил Иратель. — Вот она, немилость богов!

— Неудивительно, — буркнул Герлас. — Всегда знал, что он скользкий тип, но чтоб настолько! Позор жреческого сословия. Ваше величество, — обернулся он к Алестару. — Я, конечно, могу покопаться в его рассудке, да вы и сами на это способны. Только нужно ли? Я увидел и услышал достаточно и готов на Совете все это подтвердить.

— Я тоже услышал достаточно! — поспешно откликнулся каи-на Герувейн, и другие каи-на повторили за ним.

— Он точно не притворяется? — с холодной ненавистью спросил Алестар, глядя на корчащегося у стены жреца, пытающегося заткнуть уши и ноздри одновременно.

Глаза Тиаран плотно зажмурил, и было похоже, что он старается укрыться то ли от внешнего

мира, то ли от голосов в своей голове. Ну, хвала Малкавису, никто хотя бы не заподозрил Джад в его безумии. Или Жи, что было бы одно и то же.

— Не похоже, — оглядев Тиарана, задумчиво заключил Герувейн. — Хотя целители скажут точно. Но кто этот таинственный «он»?

— Да я бы уже хвост отдал, чтобы это узнать, — с отвращением и безнадежностью сказал Алестар. — Выдергиваем из клубка по одной мурене, а они там будто множатся! Ладно, все свободны! И заберите... это, — кивнул он на жреца.

Иреназе потянулись из спальни, причем Эргиан выплыл молча, так и не сказав ни слова, только на прощание бросил на Алестара очень странный взгляд, а Джад почему-то снова вспомнила посла Риаласа. Ах да, нужно еще поговорить с Санлией. Вот сейчас она останется одна... то есть с Лилайном, который уже не дает себе труда притвориться спящим и с любопытством разглядывает и Алестара, и Жи, и скулящего Тиарана, которого гвардейцы просто подняли на руки и поволокли из комнаты вон.

Как только они остались втроем, Алестар глубоко вздохнул и, измученно посмотрев на Джад, выдохнул:

— Прости.

— Ничего, — ровно отозвалась она. — Я понимаю. Пожалуй, я действительно не смогла бы притвориться. То есть я имею в виду, он бы почувствовал ловушку, раз умеет творить подобные вещи с рассудком. Вы знали?

— Что он тебя пытался зачаровать? Нет, конечно! — возмутился Алестар. — Ты же сама мне не рассказала! «Жреческие дела-а-а», — скопировал он ее слова похоже, но очень обиженно, на мгновение став совсем прежним. — А сегодня... Я не знал, честно! Думал, он просто выманит у тебя Сердце. И все время был рядом... А если бы он вывел тебя из комнаты, вы проплыли бы совсем немного! Там везде были посты...

— Я понимаю, — снова уронила Джад, бесстрастно отмечая, что в последнее время говорит это слово как никогда часто.

Похоже, ей приходится очень много понимать.

— Джад! — взмолился Алестар, словно не замечая недобро щурящегося Лилайна. — Ну прости, пожалуйста! Тебе ничто не грозило! Я бы своими руками удавил и эту мразь, и Эргиана за его план, если бы...

— И это, конечно, очень помогло бы Джад от ножа в бок, — ласково, прямо-таки медовым голосом подсказал с постели Лилайн.

Алестар резко обернулся к нему, сверкнул глазами, а алахасец продолжил, морщась и садясь на постели:

— Вы отдали ей побрякушку, за которой охотятся все короли суши и моря. Выставили приманкой, как козу, привязанную к колышку, и сели в засаду. А если бы этот урод хвостатый решил, что снять цапку проще с трупа? Или выжег ей мозги, чтобы стала послушной и пошла с ним по своей воле? Кого там нужно удавить за такой план? Окажите любезность, познакомьте меня с ним. А еще лучше — сами спросите у него, во что он оценил жизнь Джад! Хотя дайте подумать... Если бы с ней сегодня что-то случилось, вы бы неплохо сэкономили на обещанном выкупе.

— Лил... замолчи... — прошептала Джад, у которой перехватило горло от стыда и злости.

— Нет уж, пусть говорит, — так же недобро усмехнулся Алестар. — А ты, значит, у нас безупречен? Про выкуп ты уже знаешь? Вот и хорошо. Посмей только упрекнуть Джад в чем-нибудь! Она отказалась от награды, которую предлагал мой отец! А та была гораздо больше... Я же только хочу ее освободить. И могу это сделать! И ничего не прошу взамен, Морем клянусь! Можешь сказать о себе то же самое?

— Сказать — что? — Лицо алахасца заострилось, глаза потемнели, впрочем, как и у Алестара. Эти двое смотрели друг на друга, как два готовых кинуться зверя, и Джад замерла, боясь шевельнуться и отчаянно думая, хватит ли простого окрика? — Думаешь, я у нее чего-то попрошу? Для тебя эти деньги — пустяк. А я готов отдать ей все. И отдам. Но хватит уже лезть в ее жизнь. Мало горя ты ей причинил? Я сам могу позаботиться о своей женщине.

— Можешь? — вскинул брови Алестар, на глазах белея до полупрозрачности. — И как, интересно? Сколько девушек надо украсть и продать, чтобы столько заработать? Помнишь, как она сюда попала? Уверен, что ей нужны деньги, полученные за такое? И учти, что иреназе тебе больше не заплатят. Я, конечно, тот еще мерзавец и хвостатый урод, но нанимал тебя не я...

— Хватит! — услышала Джаид свой голос, подозрительно и странно ломкий. — Хватит, я сказала! Прекратите меня... делить! Я не кусок мяса! Не приз, не награда, не... вещь! Я сама могу решить, как и чем рисковать! И от кого принять помощь, я тоже разберусь! Чего вы оба добиваетесь? Чтобы я не взяла эти деньги вообще ни от кого? Что ж, так и будет! Хотите, чтобы я завтра же, а лучше — сегодня, уплыла на сушу? Отлично! Наверное, так и поступим! Неважно, что там нас ждут, верно, Лилайн? И что ты, раненый, далеко не уйдешь, а я не уйду без тебя, так что люди Торвальда возьмут нас обоих и будут счастливы. — Она глянула на алахасца, и Каррас, без того замолчавший, еще плотнее сомкнул побелевшие губы и опустил глаза. — А вам, ваше величество! — Второй взгляд достался Алестару, невольно попятившемуся движением хвоста. — Я премного благодарна за предложение выкупа. И за помощь в спасении Лилайна — тоже! И... много за что, в общем. И я прекрасно понимаю, почему вы не сочли нужным сказать мне, что именно придумали с его высочеством Эргианом. И одобряю, кстати! Стоило побыть приманкой, чтобы поймать эту тварь. Но, может, хватит уже о прошлом?!

Ее голос яростно зазвенел, и Джаид поняла, что впервые в жизни кричит на кого-то. В Храме сдержанность и хладнокровие были частью культа. Потом... Страж — это тень своего нанимателя, тень может говорить только при необходимости или если ее спросят. И уж конечно, Страж всегда должен быть учтив и спокоен. Бесстрашие — часть его служения. Она не помнила, чтобы когда-нибудь на кого-нибудь кричала...

— Я не хочу постоянно вспоминать, что меня предавали! — выдохнула она в мраморно-белое лицо Алестара с темно-синими омутами глаз. — Я не хочу помнить, что была товаром. И знать себе цену я тоже не хочу! Ни в деньгах, ни в ваших драках! Я рисковала жизнью не за награду! Даже не за свою свободу! А просто потому, что считала это правильным! И сделаю это снова, если захочу! Меня не нужно беречь, как драгоценность! Я Страж, я щит и клинок, и если бы ваш почтенный жрец попытался причинить мне вред, я уж как-нибудь отбилась бы!

На миг стыдом пронзило воспоминание, как Тиаран дважды едва не зачаровал ее, но Джаид затолкала его в кладовые памяти поглубже. Неимоверно сладко было злиться и выплескивать эту злость и обиду! На Лилайна, который, оскорбившись, творил невероятную дурость, но гораздо слаще — на Алестара! Короля, чтоб его крабы за хвост, и владыку подводного мира, с чего-то решившего, будто она способна обидеться на то, что ею рискнули! Для нужного дела, между прочим! Ради которого она и сама бы с радостью!

Джаид опомнилась, лишь поняв, что выпалила это вслух. Несдержанная самодовольная дура, позор Храма! И... плевать!

— Прошу прощения, ваше величество! — выдохнула она наконец. — Мне нужно успокоиться и побыть одной. Могу я надеяться, что в мое отсутствие никто из вас не сделает ничего... неоправданного?

Алестар молча кивнул, и Джаид склонилась в низком и издевательском, как она сама прекрасно понимала, поклоне. А потом выплыла из комнаты резкими, дергаными от слепящей ярости движениями. И даже не оглянулась. Хватит! Должно же у них достать ума не поубивать друг друга? А со всем остальным она разберется, когда в висках перестанут колотить молоточки кипящей крови, а сердце — грызть глупая и несправедливая обида. На обоих! Но... больше, почему-то, на Алестара.

Как же ему было стыдно. Стыд поднялся изнутри раскаленной волной, бросился в лицо, так что оно загорелось, и Алестар невольно передернулся всем телом в беспомощной попытке сбросить хоть часть невидимого груза, тяжело легшего на плечи. Дрожь прошла до самого хвоста, даже плавник затрепетал, но легче от этого не стало.

Джаид уплыла, а он остался вдвоем с человеком, которому тоже было не по себе. Лилайн, снова бессильно упав на подушку, скривился от боли и отвел глаза. Алестару не было жаль наемника, но он точно знал, что в случившемся они виноваты оба. А если учесть разницу между королем и обычным искателем удачи, то его, Алестара, вина гораздо сильнее! Король должен владеть собой и знать, когда можно переплавить ярость в слова, а когда не следует выпускать ее наружу, словно вулканическую лаву, способную погубить все живое.

Как ему вообще хватило безумия так обидеть жрицу? Ведь старался вести себя безупречно,

рассчитывал каждое обещание и действие, терпел ненависть Лилайна ради мира между ними всеми. И вот... Сможет ли она его простить?

Еще сильнее, чем виной, обожгло страхом, стоило подумать, что Джад исполнит свою угрозу и действительно уплывет. Прямо сегодня! Лишь немного успокаивало, что раненого она не бросит, обязательно вернется за ним, а значит, будет возможность поговорить, удержать... Но как? Не силой же. Но если Джад не захочет слушать? Если она покинет Акаланте, не взяв ничего, и там наверху наткнется на подданных Аусдранга? Проклятье... Какой же ты безмозглый кусок медузы, Алестар! А еще король, называется...

— Что бы ты обо мне ни думал, — сказал он, не глядя в лицо наемнику, — я прошу, поговори с Джадом. Пусть останется здесь, пока я все улажу с наследниками Торвальда. Людям нужно подтвердить договор, который он заключил, у них полная гавань кораблей, чьи капитаны боятся выйти в море. Я потребую безопасности для вас с Джадом и снятия всех обвинений.

— Очень... великодушно, — процедил наемник, тоже упорно глядя куда-то в потолок. — Полагаю, мне следует принести извинения?

— Хвост себе узлом завяжи, — огрызнулся Алестар. — То есть ноги. Обойдусь без извинений, иначе мне тоже придется... А так никто никому ничего не должен.

— Еще и мудро. Договорились. Я попрошу Джи повременить.

Яда в голосе Лилайна хватило бы на стаю мурен, однако прозвучало это так тоскливо, что Алестар внимательнее вгляделся в смуглое лицо. Сейчас, кстати, весьма бледное. Непрошено вспомнились слова Ирвайна о том, что перенес наемник в плену Торвальда. И еще колючки выпускает!

Алестара наизнанку выворачивало, так не хотелось разговаривать с тем, кого выбрала Джад! Ни говорить, ни видеть, ни дышать с ним одной водой... А хотелось вместо этого пообещать земным кай-на что угодно, хоть глубинного бога под седло, лишь бы Джад была на земле в безопасности. Ну и этот ее... она ведь не согласится иначе.

— Можешь ненавидеть меня сколько угодно, — сказал Алестар, беспощадно придавив свою гордость пониманием, что нужно договориться — ради жрицы! — Но если бы с Джадом что-то случилось, я... Я бы умер вместе с ней. Не весь. Король бы выжил и остался править Акаланте, а я сам — нет. Пока Тиаран плыл сюда и разговаривал с Джадом, я чуть с ума не сошел. Но не было другого выхода. У меня каждый день убивают подданных! А я ничего не могу сделать. Только отрублю одно щупальце, у этого маару вырастают новые. Может, Тиаран просветлеет рассудком и заговорит, тогда хоть что-то выяснится...

— Зачем вы мне все это объясняете, ваше величество? — тихо и напряженно прервал его Лилайн. — Меня ваши дела точно не касаются.

— Затем, — в тон ему отозвался Алестар. — Как только я подпишу новый договор с людьми, ты в тот же день уплывешь из Акаланте. Вместе с Джадом. Здесь для нее слишком опасно. Да, знаю, что ты обо мне думаешь. Но я больше не могу подвергать ее риску. Что касается выкупа... — Он осекся и хмуро уронил: — Об этом потом поговорим. А сейчас давай-ка я гляну, что у тебя с плечом. И попробую вылечить. Пока есть силы.

Сил было не так уж много. После исцеления Дару у него долго болела голова, а во всем теле чувствовалась отвратительная слабость, которая прошла совсем недавно. Однако Алестар хорошо помнил, каково ему было после спасения Эруви. Да, там еще яд и приворотное зелье добавились, но все-таки! Он был почти уверен, что каждое исцеление дается все легче. Просто потому что учишься, да и связь с камнем постепенно усиливается. Если Сердце Моря не найдется в ближайшее время, нужно научиться пользоваться перстнем как можно лучше! А боль и слабость... Ну, когда отец его тренировал чувствовать вулканы, было намного сложнее. Алестара тогда рвало, носом шла кровь, а жабры горели, будто он в отравленной воде плавал. Ничего, прошло. Пройдет и сейчас.

Он встретил совершенно изумленный взгляд наемника и едва не улыбнулся. Такого тот явно не ожидал.

— С чего вдруг такая милость?

Глаза Лилайна сузились, а голос зазвучал с опасной мягкостью.

— Да ни с чего, — с равнодушной усталой откровенностью сказал Алестар. — На тебя самого

мне хвостом махнуть. А Джад нужен кто-то, кто может прикрыть ей спину. Пока вы здесь, я окружу ее охраной, но... Один из моих охранников, самых давних и доверенных, оказался среди заговорщиков и пытался меня убить. Я больше никому не верю полностью, понимаешь? Если что-то случится, лучше, чтобы ты мог держать оружие. Или хотя бы не был обузой для Джад, ни здесь, ни наверху. Вот и все. Нечего на меня так смотреть! — сорвался он.

Наемник, разглядывающий его так, словно увидел в первый раз, медленно кивнул, садясь на постели и начиная осторожно разматывать перевязанное плечо.

...Это и в самом деле оказалось не так уж сложно. Больно, да, Алестар искусал себе губы, пытаясь не застонать, пока удерживал поток силы, пропущенный через осколок Сердца. Зато камень слушался все лучше, и рваная рана в смуглом мускулистом плече наемника под пальцами Алестара затянулась, как затягивается жидкая грязь над брошенным в нее камнем. Шрам должен был остаться надолго, но Алестар тщательно проследил, чтобы мельчайшие жилы и связки вокруг раны восстановились полностью, потом проверил кровь человека на заразу — урок, полученный с лечением Дару, он запомнил отлично — и лишь тогда убрал с тела Лилайна руки и встряхнул кистями, сбрасывая напряжение. В висках стучали маленькие молоточки, смертельно хотелось есть, и он потянулся к оставшейся на столике тинкале. Нашел полный сосуд, жадно выпил, наслаждаясь каждым глотком уже остывшей и загустевшей жидкости.

Покосился на наемника.

Тот осторожно шевелил предплечьем и вид имел не просто удивленный — ошалелый! Потом, будто спохватившись, глянул на Алестара, открыл рот и тут же, не сказав ни слова, закрыл его. Несколько мгновений Алестар молча наслаждался борьбой чувств на лице Лилайна, потом хмыкнул и предупредил:

— Благодарностей тоже не надо. Вот без этого я точно обойдусь.

Лилайн, угрюмо посмотрев на него, кивнул.

Вот и все, говорить было больше не о чем. Про злосчастный выкуп разве что, но это точно не сейчас.

Алестар оттолкнулся от постели, над которой плавал, пока лечил человека, и потер пальцами ноющие виски. Вот если бы работа с разумом давалась так же легко, как с материей! Хотя неживой, вроде вулканов и волн, хоть с живой... Но он сильно лукавил, когда угрожал Тиарану взломать его рассудок. С настоящим Сердцем — рискнул бы, пожалуй, но осколок для столь тонкой работы никак не годился. В лучшем случае Тиаран помешался бы, успев что-то рассказать, но скорее просто сразу обезумел бы. Глубинные с ним, только это означало снова оборвать единственный след. «А еще хорошо бы заставить его свидетельствовать против суаланского короля, — напомнил себе Алестар. — Вдруг удастся отвертеться от брака с суаланкой без войны?»

Внутреннее чувство подсказывало, что уже глубокий вечер, и Алестар с беспокойством подумал, где же Джад. Когда пользуешься Сердцем Моря, время утекает незаметно, исцеление Лилайна не стало исключением. Сейчас Алестару невыносимо хотелось еще тинкалы, еды и спать! Хорошо бы еще размять все тело... Он с тоской подумал о том, как проснулся в постели Джад совсем недавно, и разозлился на себя за слабость. Некогда страдать! Нужно узнать, что с Тиараном! И выяснить, действительно ли тот обезумел.

Жи, наделавший столько суматохи, по детской привычке забился под кровать, и Алестар спустился немного ниже к полу, шевельнул хвостом в опасной близости от ложа, выманивая рыбеныша. Хотя какой он рыбеныш, размером скоро догонит взрослого салту. Длинной уже почти сравнялся, только худой пока, самцы матереют после первого года жизни, наращивая плотные тугие мускулы.

Лилайн снова посмотрел на Алестара, теперь недоуменно.

— Проверяю кое-что, — буркнул Алестар и опять шевельнул хвостом.

Не выдержав, Жи выскользнул из-под кровати, азартно пытаясь поймать соблазнительный хвост. Алестар ловко перехватил его обеими руками за выемки под челюстью и заглянул в маленькие рыбы глазки, сначала в один, потом, повернув морду, в другой. Жи упирался и обиженно молотил хвостом. Глупости, разумеется! Ну как рыба может говорить?! В глазах Жи не было ни проблеска разума. Обычный салру, просто очень смысленный для своей породы, а сейчас еще и раздосадованный тем, что попался на уловку, вон как морщит нос и тянется всей

мордой, пытаюсь прикусить держащие его пальцы.

— Молчит? — не выдержал и все-таки съязвил Лилайн.

Алестар не посчитал нужным отвечать, отпустив салру.

Лучше он сейчас оставит этих зубастых наедине друг с другом и поплывет искать Джаид. Если жрица уже хоть немного пережила обиду, она должна была вспомнить свое обещание устроить Риаласу встречу с Санлией. Чем не повод для разговора? И хотя бы попытки извиниться...

Словно Трое услышали его мысли, дверь открылась, и в спальню вплыли две девушки, очень похожие цветом волос и кожи, как впервые понял Алестар, и в то же время невероятно разные.

Джаид, все еще хмурая, но уже не похожая на занесенный для удара лоур, с четкими и резкими движениями, одетая в полотняную тунику и штаны, невыносимо красивая и желанная... И Санлия, сменившая невзрачную одежду, в которой была на Совете, на любимый зеленый шелк, мягко струящийся вдоль ее тела, с тщательно заплетенной и перевитой жемчужной нитью косой, искусно покрашенная и... совершенно не вызывающая даже тени прежней жажды обладания. Алестар закусил губу, думая, что же сказать, но Джаид успела первой.

— Прошу прощения, — ровно проговорила она. — Я не надеялась застать вас здесь, ваше величество, но это очень хорошо. Ири-на Санлия просила, чтобы ее встреча с бывшим супругом непременно прошла в вашем присутствии. Она не хочет, чтобы возникла даже тень подозрения, будто сказанное ею может как-то навредить Акаланте или вам лично. Я в свою очередь считаю эту просьбу разумной и присоединяюсь к ней.

Санлия молча поклонилась и выпрямилась безупречно изящным текучим движением. Посмотрела Алестару в лицо и с должной учтивостью отвела взгляд, но не опустила, а глянула в сторону напряженно замершего на кровати Лилайна.

— Я тоже молю о прощении, — прозвучал ее нежный серебристый голос. — Не хотелось побеспокоить почтенного гостя, нуждающегося в отдыхе, но каи-на Джаид сказала, что здесь может пригодиться мое скромное искусство целительницы.

Джаид сказала чистую правду, она в самом деле не рассчитывала застать Алестара здесь. О чем иреназе мог разговаривать с Лилайном без нее?

Она в растерянности переводила взгляд с одного на другого, пытаясь понять хоть что-нибудь, но и Лилайн, и Алестар выглядели совершенно спокойными. Что ж, хотя бы смертоубийства не произошло. И, может быть, Каррас потом все расскажет?

Горькая злая обида, толкнувшая ее прочь из комнаты, притихла, теперь Джаид чувствовала даже подобие вины за то, что сорвалась. И за то, что оставила этих задир одних, не сообразив, чем такое может закончиться. И за то... Впрочем, она так устала чувствовать себя виноватой, что решила отложить обдумывание на потом. Скорее бы закончился этот долгий день, не принеся новых ссор и разочарований.

А Лилайн смотрел на Санлию, и в этом долгом взгляде Джаид почудилась странная неуверенность, будто алахасец пытался что-то вспомнить.

— Кажется, я вас где-то видел, госпожа... — сказал он и перевел на Джаид взгляд, в котором явно светился вопрос.

— Санлия перевязывала тебя, — подсказала Джаид. — В ту ночь, когда случилось землетрясение и нас всех вывели из дворца. Ты был совсем сонным, даже перепутал ее со мной.

— Непростительно с моей стороны, — улыбнулся Лилайн и снова посмотрел на Санлию, сказав очень почтительно:

— Примите мою искреннюю благодарность, госпожа целительница. Я бы с радостью отдался в ваши прекрасные и умелые руки, но в этом, кажется, больше нет нужды. Ваш король сотворил что-то такое...

Он неловко поморщился и улыбнулся снова, а потом пожал плечами так легко, что сразу стало понятно — рана больше не беспокоит.

«Алестар? — изумилась Джаид. — Вылечил?! Соперника?!»

Внутри почему-то стало горячо и сладко, словно она оказалась под невидимым солнцем, вмиг прогревшим ее своими лучами. Джаид посмотрела на Алестара, уже привычно отмечая снова вернувшуюся на лицо короля иреназе бледность. И как она могла спутать его вид во время притворства с тем, что было после настоящего исцеления?

— Что? — буркнул рыжий под скрестившимся на нем взглядами. — Я не знаю, что у нас во дворце творится с целителями, но пока все не прояснится, лучше держаться от них подальше. Сан, тебя это не касается, — поспешно добавил он. — И будет неплохо, если ты все-таки посмотришь ему плечо. На всякий случай. Но давайте сначала закончим с Риаласом. Это не то удовольствие, которое хочется растягивать. Прости, Сан... — вздохнул он.

— Если дело личное, может, мне стоит пока прогуляться? — негромко поинтересовался Лилайн. — Залежался я что-то.

Джаид смущенно обозвала себя дурой. Она действительно просила Санлию осмотреть Лилайна и перевязать при необходимости, но совсем не подумала, что после этого алахасца придется выпроваживать. Собственно, она рассчитывала, что Санлия осмотрит Карраса, а потом вместе с Джаид вернется к себе в комнату, куда пригласят Алестара и суаланца. Вот что теперь делать? Как же неловко...

— Вам не стоит пока вставать, — мягко, но решительно сказала Санлия, покачав головой. — Я бы не хотела беспокоить кого-то своими личными делами, но в разговоре, который произойдет, нет ничего секретного. Я бы предпочла побыстрее покончить с этим.

— Тогда я пошлю за этим... — Алестар явно проглотил что-то очень нелестное и потянулся к рычагу вызова слуг. — А ты пока можешь заняться вот им.

Он указал взглядом на Карраса, и Санлия кивнула. Опустившись на постель рядом с Лилайном, она дождалась, пока алахасец стянул рубашку и вгляделась в то место, где была рана. Джаид тоже подплыла ближе, пытаясь поймать взгляд Лилайна, но это почему-то не получалось. Неужели оскорбился? Собственная обида глухо и неприятно ворохнулась в глубине души. Отогнав ее, Джаид нащупала пальцы здоровой руки Лилайна и пожала их, почувствовав пожатие в ответ. Глянула на обнаженное плечо, над которым колдовала Санлия, осторожными умелыми движениями прощупывая мышцы.

Алестар совершил очередное чудо, раны больше не было, на ее месте бугрился свежий розовый шрам, похожий то ли на чернильную кляксу, расплывшуюся по коже, то ли на раскинувшего щупальца маару. И снова теплая благодарность затопила Джаид изнутри.

— Здесь не больно? — спросила Санлия, нажимая на теле Лилайна точки, хорошо известные и самой Джаид.

Алахасец покачал головой и наконец-то посмотрел Джаид в лицо. Взгляд у него был совершенно непроницаемый.

— Все хорошо, — негромко сказала суаланка. — Искусство тир-на Алестара поистине превосходно. Я только посоветовала бы разминать мышцы хотя бы неделю, чтобы восстановить правильный кровоток. Если каи-на Джаид пожелает, я с радостью помогла бы в этом.

— Да, конечно, — откликнулась Джаид, сама не понимая, почему соглашается.

Размять плечо — с этим она с легкостью справилась бы и сама, всех Стражей учат основам массажа. Но Санлии хочется почувствовать себя нужной, и в этом Джаид ее прекрасно понимала. А Лилайну будет полезно понять, что не все иреназе одинаковы.

Каррас как раз успел снова натянуть рубашку, как в дверь постучали, и вплыл хмурый Риалас, недоуменно оглядевший собравшихся. Пожалуй, Джаид понимала его удивление. Суаланец наверняка рассчитывал остаться с Санлией наедине.

— Ваше величество, — церемонно поклонился он Алестару, и рыжий кивнул в ответ, умудрившись даже в такое короткое движение вложить холодную неприязнь. — Я не думал, что мой разговор с... ири-на Санлией касается стольких лиц.

Он не назвал ее бывшей супругой! Сказал вежливо, как о едва знакомой, и Джаид с нарастающим гневом увидела, как закаменело тонкое, словно вычеканенное из темного золота лицо Санлии.

— В прошлый раз вам это ничуть не мешало, — с ядовитой учтивостью отозвался Алестар. — Ири-на Санлия сама попросила о нашем присутствии. Так что разговор состоится на ее условиях либо не состоится вообще.

Джиад глубоко вдохнула и выдохнула, отгоняя вредную сейчас злость. Она должна сохранять хладнокровие ради Санлии, которая нуждается в поддержке. Да и вообще стоит усмирить чувства, что-то они в последнее время разошлись. Она Страж, а не томная девица с дурным нравом.

Поэтому она оглядела комнату как Страж, отметив, что между суаланцем и Санлией словно пролегла невидимая граница. С одной стороны гордо выпрямился Риалас, едва шевеля хвостом, чтобы держаться в воде, с другой — оказались Джиад и Лилайн, сидящие на кровати, замершая возле нее Санлия и, немного поодаль, Алестар. Во взгляде рыжего читалось тоскливое желание сделать с посланцем что-нибудь очень неприличное для короля, но как же Джиад его понимала. У самой кулаки чесались, хотя Стражу это тем более непозволительно. Лилайн смотрел на происходящее молча, и Джиад пожалела, что не рассказала ему историю Санлии раньше. Но ведь это была не ее тайна.

— Как скажете, — бросил Риалас и немного подался вперед. — Санлия...

Бывшая наложница тоже чуть-чуть проплыла, оказавшись немного ближе к нему, но потом остановилась и посмотрела в лицо Риаласу с ясной спокойной прямоотой.

— Они говорят, — продолжил суаланец, вглядываясь в нее, — что ты не писала мне никакого письма. Что не отказывалась от нашего брака. Что осталась в Акаланте, потому что не могла вернуться в Суалану. Сан... Они говорят, что это я в письме отказался от тебя! Ты... в самом деле так думаешь?

— Да, — негромко уронила Санлия, но в наступившей тишине это прозвучало со смертельной ясностью. — Каи-на Джиад рассказала мне. Я действительно получила от тебя письмо. Ты писал, что не можешь любить женщину, оскверненную насилием. И что найдешь себе другую супругу, чистую...

— Ложь! — выкрикнул Риалас, и Джиад стало его даже жаль. — Сан! Я бы никогда не сказал тебе этого! Я написал, что готов принять тебя любой! Что бы ни случилось! Я... любил... люблю тебя...

— У тебя на запястье чужой браслет, — еще тише сказала Санлия, и нарядный зеленый шелк заколыхался вокруг ее тела, по которому прошла дрожь. — Чей он, Ри? Я ее знаю?

— Это... неважно, — хрипло сказал суаланец, еще ближе подаваясь вперед. — Я люблю тебя, Санлия! Я не знаю, чья подлая ложь пыталась нас разлучить, но все еще можно исправить! Ты уплывешь со мной, вернешься домой...

Алестар, на которого мельком глянула Джиад, не сводил с посла глаз, губы рыжего были плотно и презрительно сжаты.

— С тобой? — переспросила Санлия, и непонятная улыбка скользнула по ее четко очерченным краской губам. — И кем же именно я вернусь? Ты запечатлен, Ри. И я знаю узор на этом браслете. Кем я буду в твоём доме? В вашем доме, Риалас...

— Какая разница? — беспомощно сказал суаланец. — Я люблю тебя, Сан. Я думал, что ты умерла для меня! Но она... мы оба любим тебя. И будем любить! Я поторопился, глупец! Думал... смогу тебя забыть. А ей нужна была моя помощь, она осталась одна... Санлия, прости! Прости меня... нас... Все будет хорошо!

— Не будет, Ри, — покачала головой Санлия, и из ее искусно уложенной причёски не выпала ни одна прядь. — Я очень изменилась. Раньше я бы тебе поверила. Я и сейчас верю, что письма были подложными. Но почему ты не приплыл сюда, чтобы спросить меня сам? Почему не захотел заглянуть мне в глаза и в сердце? Бывшие враги дали мне приют, и даже когда я отплатила им злом, проявили милосердие. Ты ведь уже знаешь, что сделала Кариша? Я просила ее оставить в покое и меня, и Акаланте. Ради нашей сестринской любви... Но она использовала меня, добиваясь своих целей. Не первое предательство, оказывается. Она ведь мне так и не сказала.

— Чего ты хочешь? — глухо спросил Риалас, отчаянно вглядываясь в прекрасное печальное лицо своей бывшей избранной. — Как мне вымолить прощение? И если уж начистоту, почему ты сама не вернулась в Суалану? Если ты здесь была не пленницей, то как ты могла? Сан... Я

бы понял, если бы ты сбежала. Куда угодно! Но ты приняла участь наложницы. И не похоже, чтобы очень сильно страдала от этого!

— Риалас... — тихо и очень зловеще сказал Алестар, и суаланец вздрогнул от этого голоса. — Осторожно. Мое терпение не бесконечно. А твоя голова для короля Лорасса не дороже договора с Акаланте.

— А я должна была страдать? — иронично изогнула Санлия безупречные брови. — Ты хотел бы увидеть меня искупающей... что именно? Ты прекрасно знаешь, что со мной сделали! Так чего ты хотел? Чтобы я отказала королю Акаланте и осталась в чужой стране бесправной нищенкой? В Сулану мне возвращения больше не было, ты сам об этом написал. Или не ты, но я поверила. И что мне было делать, чтобы ты счел меня достойной своего прощения?

Она лишь немного повысила голос, но Джад показалось, что вода в комнате стремительно разогревается от напряжения, повисшего между этими двумя.

— Я ждала, — добавила Санлия с невыразимой горечью. — Столько, сколько могла вытерпеть. И мне это позволили, так что не смей ни в чем обвинять его величество Алестара. Он оказался великодушнее, чем тот, кто клялся беречь меня всю жизнь. Так что кем я должна вернуться в твой дом, Риалас? Если не законной супругой? Ты ведь не король Карианда, у тебя не может быть множества жен!

— Не может, — почти с наслаждением выплюнул суаланец, побелев лицом. — Но тебе ведь не впервые быть наложницей! Не сравнивай меня с ним, Санлия! Он взял тебя игрушкой, а я...

— Какая щедрость! — рассмеялась вдруг Санлия, запрокинув голову. — Наложницей, да? Благодарю, любовь моя. Но ты так ничего и не понял. Если бы ты приплыл за мной раньше, я бы приняла даже это. Я бы сказала себе, что ты прав, что вы заслужили счастье, а моя судьба — любить вас и служить вам. Но ты опоздал, Ри. На целую жизнь. Я простила бы ошибку, но не смогу забыть предательство.

В спальне снова повисла тишина. Джад напряженно ждала, чем же она разрешится, потому что напряжение стало почти невыносимым. Алестар скрестил на груди руки, и в его глазах бушевал ледяной шторм. Каррас сузил глаза, и Джад отрешенно подумала, что ему определенно стоило услышать все это. А еще — что она с удовольствием вмазала бы Риаласу по красивому бледному лицу, разбив его в кровь. Очень странное ощущение для Стража! Будто прочная каменная оболочка, под которой кипели ее чувства все это время, истончилась и раскололась, выпуская их наружу.

— Понятно, — процедил Риалас, глядя на нее. — Что ж, как скажешь. Подаришь мне поцелуй на прощанье? В память о былом. Обещаю, больше я тебя не потревожу.

Джад дернулась было предупредить. Ей очень не понравилось то, что виднелось в глазах Риаласа. Но посол был безоружен. Ни явного оружия, ни тайного, уж в этом она своему чутью доверяла. И Санлия, мгновение поколебавшись, с застывшим лицом подплыла к нему.

Это был странный поцелуй. Соприкоснулись губы, но тела словно разделило что-то, и они не прильнули друг к другу. Риалас запустил пальцы в волосы Санлии, прижимая ее голову, растрепал тщательно уложенную прическу. Отстранился, посмотрел прямо в глаза бывшей возлюбленной и сказал, четко и холодно чеканя слова:

— Продажная дрянь. И я еще страдал по тебе...

Чутье Джад взвыло мгновением раньше, чем она увидела блеснувшую в пальцах суаланца длинную острую шпильку, вытасченную из волос Санлии. Риалас еще только замахивался, а Джад прыгнула вперед и дернула Санлию за плечи, оттащив на себя. Извернувшись, прикрывая беззащитную девушку собой и готовясь встретить Риаласа ударом ног. Суаланец и вправду качнулся следом с искаженным лицом, но на пути у него возник Лилайн, одним хищным движением оттолкнувшийся от кровати.

Перехватив локоть Риаласа, наемник взял его на излом, заставив суаланца болезненно вскрикнуть, а второй рукой врезал по челюсти коротким прямым ударом. И еще раз! А потом, отпустив, добавил ногой в живот, так что Риалас отлетел назад, как и сам Лилайн, ощерившийся, будто взбешенный волк.

— Не смей! — шквальным ударом раскатилось по комнате, и Алестар протянул вперед руку с перстнем, указывая на Риаласа. — Только шевельнись!

— Я в своем праве! — крикнул суаланец, вызываясь глядя на него. — Она моя жена! Запечатление распалось, но я не разрывал брака с ней по закону. Это она мне изменила, став чужой наложницей! Она суаланка, и это дело Суаланы, а не короля Акаланте!

— Я тебя сейчас по стене размажу, — очень убедительно пообещал Алестар. — А потом попрошу у Лорасса еще одного посла, потому что прежний оказался безумным уродом. Санлия, с тобой все хорошо?

— Д-да... — отозвалась бывшая наложница, по телу которой пробежала крупная дрожь, и Джад молча обняла девушку. — Простите, ваше величество. Это... моя вина...

— Хотя ты глупостей не говори, — поморщился Алестар. — Ну-у-у? — с опасной ласковостью протянул он, в упор глядя на бледного и растрепанного Риаласа.

— Я не нарушил долга и традиций! — заявил тот, кривясь от боли. — Она суаланка! Я не причинил вреда никому из жителей Акаланте! А как поступить с неверной женой — это мое дело! Между прочим, этот двуногий ударил посла! Это он совершил преступление, караемое смертью! И мой повелитель Лорасс узнает, как здесь оскорбили его посланника!

Джад онемела от такой наглости. Лилайн, напротив, хотел что-то сказать, но его перебил Алестар, так же сладко и опасно протянув:

— Преступление? Ну что вы, ири-на... Это было бы преступлением, ударь вас акалантец. Как вы сами заметили, традиции определяют лишь взаимный долг посла и принимающего его народа. К моему огромному удовольствию, господин Лилайн не мой подданный. Он представляет при моем дворе Аусдранг. Тоже посол своего рода... — И мстительно добавил, глядя на Риаласа, хватящего ртом воду. — А в драки послов мне вмешиваться не положено. Разве что со стороны полюбоваться.

— То есть я могу ему еще раз двинуть? — с явной радостью поинтересовался Лилайн.

Джад мысленно застонала. Ну само собой! На драку Каррасу никогда не надо было дважды намекать! Нет, ну кто бы подумал! Так эти двое, того и гляди, еще подружатся.

— Хорошо бы, — с искренним сожалением сказал Алестар. — Но лучше не стоит. Мне его завтра назад отправлять. А до этого ири-на Риалас посидит под замком. Ради его собственной безопасности. Ну и чтобы никто случайно в эту кучу протухшей икры не вляпался, — одарил он суаланца выразительным взглядом.

— Все в порядке, — тихо сказала Джад, обнимая Санлию за плечи, пока мигом появившиеся гвардейцы уводили бледного Риаласа. — Все закончилось. Отпусти это... Он больше не твоя жизнь.

— Я знаю, — слабо улыбнулась Санлия, мягко отстраняясь и собирая рассыпавшиеся волосы. — Вы второй раз меня спасаете, каи-на. Ваше величество, — умоляюще обратилась она к Алестару. — У каи-на Джад и господина Лилайна ведь не будет неприятностей?

— Кто здесь пока что король? — фыркнул Алестар. — Сан, так ты узнала его браслет? И знаешь, на ком он женат? — Он помолчал и осторожно поинтересовался у суаланки, зябко обхватившей себя за плечи. — Я... правильно понял? Это ведь она?

— Да, — тихо, но отчетливо отозвалась Санлия. — Это наш родовой браслет. Второй, который остался дома, когда я уплыла. Риалас взял в жены Каришу.

Глава 12. Кокон и крылья

— Отродье мурены, — с отвращением сказал Алестар, и Джад с ним молча согласилась. А рыжий подумал и добавил: — Оба. Успокойся, Сан, все, что он говорил, не имеет значения. Запечатления у вас больше нет, а брачный союз можно расторгнуть. Правда, с верховным жрецом у нас теперь кое-какие сложности, зато его преемник мне точно не откажет.

Он невесело улыбнулся, а Санлиа покачала головой и вздохнула.

— Благодарю, тир-на, — сказала она. — Вы как всегда великодушны. Риалас вправе потребовать моего возвращения по закону, но если вы поможете расторгнуть наш брак, я предпочла бы свободу.

Она слабо улыбнулась, продолжив:

— Я понимаю, почему Кариша вышла за него. Когда отец погиб, а я пропала, она осталась одна, без денег и помощи. Суалана — бедное королевство, юной красивой девушке, не знающей никакого ремесла, прожить нелегко, и если она не устроит судьбу замужеством, придется стать наложницей или служанкой. Риалас красив и умеет быть очаровательным, он всегда был добр к моей сестре. И если король сделал его послом, значит, заслуги Риаласа во время войны были высоко оценены. У него нет ни братьев, ни сестер, а его приемный отец довольно состоятелен. Это хорошая партия, а в положении Кариши — просто великолепная. И... я могу понять, почему он на ней женился. Кариша хороша собой и прекрасно воспитана, она могла бы украсить любой дом. И даже если Риалас не видел в ней меня, все равно он утешался мыслью, что спасает мою сестру. Но я не могу понять... за что они оба так поступили со мной, — тихо закончила она, опуская взгляд.

Джад снова положила руку суаланке на плечо, Алестар нахмурился, и тут голос подал Лилайн.

— Простите, что лезу не в свое дело, госпожа, — сказал он мрачно. — Но это у вас и не выйдет. Честному человеку не понять подлеца, как доброму не понять злодея. Головой, может, и получится, а сердцем — нет. Забудьте вы о них, и пусть боги, которых вы чтите, рассудят каждого по справедливости.

— Прекрасно сказано, господин Лилайн, — вздохнув, с легкой улыбкой кивнула Санлиа. — И примите мою благодарность. Я не смела рассчитывать на заботу и благородство, которые увидела от вас всех. Тир-на Алестар, каи-на Джад...

Она глубоко поклонилась, и Джад ответила поклоном, а рыжий хмуро сказал:

— Не знаю, чем это наглое отродье мурены заслужило милость своего короля, но в Акаланте чешуйка с его хвоста больше не упадет. Расторгнуть брак можно и без него, так что завтра же после Совета пусть убирается к Лорассу.

Прозвучало это так, словно Алестар пожелал послу отправиться к демонам или на детородный орган, чему Джад несколько не удивилась. А рыжий, утомленно потерев виски, попросил:

— Джад, проводи меня, пожалуйста. Хочу сказать пару слов.

И покосился на Лилайна, ответившего коротким взглядом, но промолчавшего.

— Да, ваше величество, — отозвалась Джад и в свою очередь попросила Санлиу: — Дождитесь меня, пожалуйста.

Суаланка снова почтительно поклонилась, и Джад вслед за Алестаром выплыла из спальни.

Свернув за поворот, иреназе остановился в глухом участке коридора, лишенном дверей и освещенном лишь одним шаром туарры. В ее мягком сиянии лицо Алестара казалось моложе и не таким уставшим, но Джад хорошо помнила, что у короля день тоже выдался не из легких. Она замерла, ожидая, и Алестар повернулся к ней, зависнув примерно посередине между полом и потолком.

— Джи...

Раньше он не называл ее так, Джад сама запретила, это было привилегией Лилайна, но сейчас промолчала, не желая даже тени ссоры.

— Прости меня, — тихо сказал Алестар, и Джадд поспешно откликнулась:

— Не стоит, ваше величество! Мне не за что злиться, я и сама была слишком дерзка и...

— Джи! — в голосе Алестара прозвучало отчаяние, и Джадд замолчала, не договорив.

Они были так близко, что могли бы коснуться друг друга рукой, и медленное, едва заметное течение в коридоре упруго обнимало их, так что если бы Джадд не шевелила ногами, ее снесло бы к Алестару, который легко держался на месте.

— Я очень перед тобой виноват, — сказал он торопливо. — Тем, что рисковал твоей жизнью, и тем, что напомнил тебе прошлое. Но я понимаю, о чем ты говорила там, в спальне. И принимаю твое право распоряжаться собой. Джадд, я клянусь, дело не в том, что я считаю тебя слабой! Просто ты слишком дорога мне! Сердце моря можно заменить собственной кровью и силами, но тебя... тебя не заменить ничем!

Он так жарко и вместе с тем безнадежно выдохнул это, что Джадд растерялась, не зная, что сказать. Извинения она ждала и готова была их принять, но в словах Алестара горела страсть, которой там быть уже не могло! Они же разорвали запечатление! Да, она до сих пор нужна королю иреназе, но как советник и Страж, а не как...

«Возлюбленная, — беспощадно подсказал внутренний голос. — Не обманывай себя. Так не смотрят на телохранителя и помощника. Так не смотрят на щит и меч. Ты уже слышала в его голосе такую сладкую муку, когда Алестар говорил о Кассии, но ту любовь он похоронил вместе с погибшей девушкой. А то, что слышишь и чувствуешь сейчас, уже не оправдать никаким запечатлением. Слепая дура! Он же... Но как? Почему? И что теперь с этим делать?!»

— Мне жаль, — сказала она с глубокой безнадежностью. — Тир-на, мне так жаль... Вы не заслужили этого снова...

— Чего? Разбитого сердца? — мучительно откровенно усмехнулся Алестар. — Ты все поняла, правда? Ну да, я глупец, который опять сунулся все в ту же ловушку. Ты никогда меня не полюбишь, верно? И это к лучшему, потому что я не смогу последовать за тобой, а ты — остаться здесь. Ненадолго — может быть, но не навсегда. Поэтому даже хорошо, что все так безнадежно. Хотя бы ты будешь свободна.

— Тир-на... — чужим срывающимся голосом сказала Джадд, понимая, что нужно уплыть.

Вот прямо сейчас, пока Алестар не наделал глупостей! Или пока она не позволила ему их наделать. Не из жалости, просто... Просто слишком сильно до сих пор кипит кровь, слишком горячи воспоминания о том, что было совсем недавно. Она уже позволила одному принцу, а затем королю влюбить себя в призрак счастья. Отдала и сердце, и тело, и свою судьбу в его власть. И больше не хотела повторения! Любовь — это больно! Это совсем не то, что у них с Лилайном, тихая спокойная нежность, поддержка и забота. Это раскаленная лава, бегущая по жилам, сладкий дурман, беспомощность и невыносимая, беспощадная жажда отдать себя и взять взамен то, что нужнее жизни. Нет-нет, она больше не хочет! И уж точно не с ним! Глупости это все! Просто кровь не успокоилась...

— Одна ночь, — тихо сказал Алестар. — Все, что у нас было, да и та под зельем. Ночь, которую я буду вспоминать всю жизнь. Моя личная мера счастья и беды. Иногда я жалею, что ты такое воплощение чести, Джадд! Будь ты подобна всем тем, кто легко бросался ко мне в постель, как сладко было бы нам с тобой. Ни тебя, ни меня не держали бы все эти глупости вроде совести, долга и любви... Я бы засыпал тебя драгоценностями, окружил слугами и придворными, берег, словно Сердце моря и корону, вместе взятые. Это же так просто! Быть вместе, если между нами не может больше встать ничего! Ни запечатление, ни мой будущий брак, ни обязанности короля! Я не верю, что с другой женщиной, будь она со мной запечатлена хоть сотню раз, будет лучше. Так что могло бы нам помешать, а?!

— То, что это буду не я, — еле слышно сказала Джадд, но Алестар быстро и резко кивнул, эхом отозвавшись:

— Это будешь не ты. Да и не я, если уж на то пошло. Кто-то другой в наших масках. Они украдут то, что могло бы случиться у нас, но уже никогда не сбудется. Фальшивая любовь, как блики на воде, красивые, но пустые. Прости, Джи... Я... опять сорвался.

Он вдруг оказался еще ближе, словно вода толкнула их друг к другу. А может, это сама Джадд перестала удерживаться на месте, позволив себе мгновение слабости. Она точно знала, что

пожалееет об этом. Но потом! А сейчас ей перестало хватать воздуха, словно амулет, висящий на груди, рассыпался в пыль, и единственным шансом на спасение остался глоток чужого дыхания.

Джиад сама потянулась к нему, первой, зная и смиренно принимая, что ей не будет за это прощения. Страшась, что не успеет, будто Алестар вот-вот исчезнет навсегда. Краешком сознания пытаюсь понять, как это получилось, что она, ненавидящая его раньше, отказавшаяся от него потом, целует мягкие прохладные губы, закрыв глаза и чувствуя, что во всем мире остались только они с Алестаром и их поцелуй. Неважно, что вокруг бездонная и бесконечная толща воды, неважно, что совсем рядом, за несколькими стенами, мужчина, которому Джиад не клялась в верности, но безмолвно ее обещала. И что она вовсе не собиралась никогда целоваться с Алестаром! И что это так мучительно сладко, нежно, горячо и обреченно! И его руки на ее теле, не сжимающие, не принуждающие, а бережные и надежные. И сердце стучит, словно копыта скакуна, уносящего от самой лютой беды. Или, наоборот, несущего к счастью...

Джиад опомнилась, когда ей в самом деле перестало хватать воздуха. Отстранилась, и Алестар неохотно отпустил ее, продолжая держать ладони на ее плечах. И в этом подобии объятия Джиад вдруг почувствовала себя не сильным стойким воином, а величайшей, но невообразимо хрупкой драгоценностью. Она — Страж! Рядом с этим юнцом, лишь недавно получившим право называться мужчиной, и вовсе не за постельные подвиги, а за взятую на себя ношу правителя, она замерла, ожидая, что он сделает, и смертельно страшась этого. Умом понимая, что нужно отпрянуть, сказать, что это ничего не значит, и бежать, бежать... Лучше всего — сразу на землю! Но хотя бы подальше...

— Я люблю тебя, — сказал Алестар, снова склоняясь к ней так, что еще немного — и поцеловал бы, но не коснувшись губ. — Люблю больше жизни, и этого ничто не изменит. У меня нет права на твою любовь, я ничего от тебя не требую и не прошу. Просто хочу, чтобы ты это знала, когда уплывешь искать свою судьбу. Мое сердце — это ты.

Он помолчал, а потом продолжил с пугающим спокойствием:

— Не беспокойся, это больше не повторится. Ты... ведь побудешь здесь еще немного? Я кое-что придумал насчет Аусдранга, но мне нужно несколько дней. Джиад, я не приказываю, я прошу — не торопись. Позволь мне позаботиться о твоей... о вашей безопасности. Это ведь не оскорбительно, принять помощь от... друга? Я понимаю, что ты меня сейчас просто пожалела.

Она должна была сказать, что это не так! Что она сама хотела этого поцелуя, что должна была разобраться, понять, почувствовать... Но так ведь ничего и не поняла, только запуталась еще сильнее!

Поэтому Джиад молча кивнула, не доверяя своему голосу, а потом все-таки сказала неуверенно и почти просительно:

— Я останусь, пока это необходимо.

Кому из них двоих необходимо, ему или ей, она не смогла уточнить, да в этом и не было нужды. Алестар тоже молча поклонился ей, как равной, и, мощно двинув плавником, уплыл. Пока он не скрылся за поворотом, Джиад смотрела вслед, то ли надеясь, что иреназе обернется, то ли боясь этого. И только потом поднесла ладони к горящим щекам, прошептав:

— Какая же я дрянь... Зачем я с ним так? И с ним, и с Лилайном...

Она почти с испугом обернулась и поглядела в сторону спальни. Дождалась, пока сердце успокоится, а с лица сойдет румянец. Не хватало еще, чтобы Лил что-то понял! И лишь затем торопливо поплыла обратно, впервые в жизни не смея просить Малкависа о должном самообладании. И не зная, кого только что предала этим поцелуем: Алестара, Лилайна или саму себя.

Алестар доплыл до своих покоев, едва не свернув по привычке в сторону бывшей спальни Джиад. Усмехнулся горько и зло. Не на жрицу, конечно, злясь, а самого себя, на миг поверившего, что волна может разбить скалы. С прибоем такое случается, он и в самом деле подтачивает берег, о который бьется веками, но сердце Джиад крепче любого камня. И дело не в том, что сам Алестар устал ждать и надеяться, а в том, что он не мог требовать от Джиад любви, зная, что она не хочет остаться в море. Человеку — человеческое! А море — удел иреназе. Здесь для нее ничего родного, привычного, любимого. И тоска в черных глазах, которую Алестар все чаще ловил, будто мгновенный блик солнца на гладком камне, говорит об этом безмолвно, однако честнее любых жалоб. Да, она позволила себя поцеловать. Но это было

так неожиданно, странно и безумно, что он почти не поверил в случившееся. И только губы еще горели, подтверждая: не сон. Явь, но та, которая уже не повторится, не стоит и мечтать...

Возле дверей его спальни плавали, не считая охранника, целых трое иреназе. Иратель, которого Алестар ждал, казначей, о котором он забыл, и, внезапно, Реголар, начальник охраны Эргиана.

— Давайте сюда и можете быть свободны, — устало сказал Алестар, забрав у казначея стопку мелко исписанных табличек.

Ведомости расходов и доходов, чтоб их. Но сам велел принести, да и заняться этим следовало давно. Казначей поклонился и уплыл быстро, как потревоженный маару, явно опасаясь, что королю взбредет в голову потребовать еще что-нибудь. А время, между прочим, перевалило за полночь.

Алестар посмотрел на кариандца.

— Мой повелитель Эргиан просит ваше величество о встрече, — склонился тот, прижав руку к сердцу. — Он велел передать, что дело срочное и некоторые новости лучше узнать раньше, чем слишком поздно.

— Отправляйся за ним, — кивнул Алестар. — Скажи, я жду.

Открыл дверь, пропуская Ирателя, а гвардейцу, дежурящему у двери, приказал:

— Меня ни для кого больше нет. Кроме тир-на Эргиана и... каи-на Джаад, если вдруг...

Осекся, понимая, что это глупость — надеяться на такое, и проплыл в спальню. Иратель замер у стола, и Алестар, подплыв туда же, сгрузил высокую стопку тяжелых табличек из кости, металла и дерева. Дернул рычаг и велел заспанному слуге, появившемуся на пороге:

— Тинкалы, горячей и побольше. И поесть чего-нибудь.

В желудке немедленно противно засосало, а в глазах даже слегка потемнело, словно тело только сейчас вспомнило о голоде.

— Рассказывайте, Иратель, — попросил Алестар, отплывая к кровати. — Какие новости?

— К сожалению, почти никаких, тир-на, — доложил начальник охраны. — Амо-на Герлас и его жрецы продолжают искать Каришу. Амо-на поставил ловушки в некоторых проходах под дворцом и просил передать вам, что будет искать мерзавку, пока море не высохнет. В кабинете Тиарана в храме Троих никаких улик не обнаружено. Ни писем, ни дневников... Но учитывая обстоятельства, этого трудно было ожидать.

— Тиаран не дурак, — согласился Алестар и тут же поправился: — То есть дурак, конечно, но не настолько. Хотя мечтать о короне — это насколько же нужно быть безмозглым?! Моя бы воля... Ладно, дальше? Что его жрецы?

— Клянутся, что ничего не слышали о планах амо-на. Впрочем, некий амо-на Корасиль передает вам уверения в глубочайшей верности и клянется, что раскопает о своем бывшем начальнике все, что можно. Исключительно из верноподданных чувств.

Иратель поморщился, и Алестар вспомнил скользкого хитрюгу, поневоле выдавшего ему когда-то замысел отца. Что ж, даже гады иногда бывают полезны, ведь трусость Корасиля спасла Джаад.

— В будущее верховные жрецы метит? — усмехнулся он. — Вообще-то, амо-на Корасиль на этой должности мне нравится ничуть не больше, чем амо-на Тиаран. С другой стороны, если он будет послушен и полезен... Похоже, отец очень много позволял храму Троих, даже слишком. Пора научить некоторых любителей чужих тронов ходить под седлом. Передайте амо-на Корасилю, что я очень недоволен его храмом. Просто в бешенстве! Но могу смягчиться, если жрецы храма поведут себя правильно. А как именно — я им вскоре передам.

— Слушаюсь, ваше величество, — серьезно ответил Иратель, но глаза его весело блеснули. И тут же советник снова стал серьезным: — К тир-на Эргиану сегодня прибыл гонец из Карианда. Но с какой вестью, узнать не удалось. Тир-на заперся наедине с начальником своей охраны и велел никого не пускать. Только недавно ири-на Реголар его оставил и приплыл прямо сюда.

— Чтобы просить меня о встрече, — кивнул Алестар. — Хорошо, может быть, сам Эргиан мне новости и расскажет.

— И последнее, ваше величество. Удалось найти того человека, который помогал амо-на Тиарану держать связь на суше. То есть не его самого, а рыбака, который должен передавать ему вести. Я взял на себя смелость вызвать этого наемника на разговор и велел установить непрерывное дежурство, чтобы сразу узнать, когда он появится.

— Отлично, Ираталь, — сказал Алестар с искренней благодарностью. — Вы прекрасно поработали! А что с Тиараном? К нему вызвали целителей?

— Ири-на Невис куда-то пропал, — виновато отозвался советник. — Наверное, уплыл в город, его помощники говорят, что почтенный лекарь очень тяжело перенес смерть Ирвайна. Сильно осунулся и чувствовал себя плохо... В городе у него есть дом, наверное, ири-на решил отдохнуть вдали от шумного дворца. А Тиаран пока совершенно невменяем. Твердит, что рыба запрещает ему говорить, и просит корону.

Ираталь развел руками, и Алестар, несмотря на мерзкое чувство, фыркнул:

— Вот ведь! Некоторым даже потеря рассудка не мешает желать власти! Кстати, посла Суаланы заперли? Вам ведь уже доложили, что сделал этот мерзавец?

— Да, тир-на, — поклонился Ираталь. — И осмелюсь сказать, за такое поведение в вашем присутствии он достоин серьезной кары. Вы действительно намереваетесь его просто отпустить?

— Боюсь, у меня при дворе недостаточно чужих послов, чтобы почаще бить ему морду, — вздохнул Алестар. — А без этого какой смысл его здесь держать? Ну разве что Эргиана попросить. У него тоже рука тяжелая. Герувейн уже написал письмо?

— Да, ваше величество. Но у него заминка. Герувейн просил осведомиться, которую из принцесс Суаланы вы желаете видеть своей супругой.

Алестар замер, по-дурацки хлопая глазами, и Ираталь посмотрел на него не без сочувствия.

А в самом-то деле! У Лорасса три дочери и сын-наследник. Но Алестар никогда не видел даже их портреты! Дружба между Суаланой и Акаланте разрушилась давным-давно, и отец никогда не рассматривал суаланских принцесс как пару для Алестара. Сам Алестар как-то из любопытства поинтересовался, хороши ли они собой, но его заверили, что нет, и он даже проверить не стал. У него была Кассия...

— Понятия не имею, — признался он. — Как же их... Саваллия, Креона и Дэлора, так? Ираталь, а вы о них что-нибудь знаете?

— Не больше обычных сплетен, тир-на, — виновато пожал плечами начальник охраны. — Говорят, что принцесса Саваллия обладает очень сильным характером, она жестока со слугами и лично казнит преступников. Ее боятся при дворе, и я не слышал, чтобы кто-то стремился стать ее возлюбленным или наложником.

— Отпадает, — решительно сказал Алестар. — Креона?

В дверь почтительно постучали, и тот же слуга внес огромный поднос с тинкалой и несколькими блюдами. Поставил на стол рядом с табличками и, поймав нетерпеливый жест Алестара, торопливо уплыл.

— Мила, — признал Ираталь. — Достаточно красива. Немного напоминает ири-на Санлию, если бы ваша бывшая наложница все дни проводила за сладкой тинкалой и лакомствами. Вот у нее возлюбленных достаточно. Я бы даже сказал, более чем...

Ираталь замялся, и Алестар поняв недоговоренное, буркнул:

— Благодарю, не нужно. Интересно, Лорасс шутил, когда говорил о целомудрии своих дочерей, или издевался? Глубинные с ними, с прежними возлюбленными, но супруга короля должна думать не только о еде! А Дэлора?

— О ней известно меньше всех, ваше величество. Принцесса Дэлора тиха, учтива, и встретить ее можно чаще всего в библиотеке. Рядом со своими сестрами она незаметна, как рыба-хамелеон. Похоже, ни шумные развлечения, ни любовные радости ее не интересуют.

— Вот и хорошо, — с облегчением сказал Алестар, жадно отпивая тинкалу. — Иратель, передайте Герувейну, что я прошу руки принцессы Дэлоры. Причем в самом скором времени! Если их посол поторопится, то будет в Суалане через два дня. Это не далекий Карианд. А я готов лично накрутить ему хвост для скорости! Принцесса, конечно, так быстро плыть не может, но... — Алестар подумал, подцепил рыбный рулет, прожевал и продолжил: — Пусть мой будущий родич отправит и невесту, и будущую наложницу сюда как можно скорее. С достаточной охраной, но налегке. А приданое и свита подождут. То есть я готов их подождать, пока буду знакомиться с избранницей.

Он поморщился и признался:

— Я бы и суаланку подождал еще лет сорок с удовольствием, если бы не Маритэль. Опасаюсь какой-нибудь гадости.

— Слушаюсь, ваше величество, — поклонился Иратель. — Сейчас же передам все Герувейну. Разрешите?

— Разрешаю, — вздохнул Алестар. — О, а вот и Эргиан... Хотите тинкалы? — обратился он к показавшемуся в дверях кариандцу.

— Не откажусь, ваше величество, — бледно улынулся принц и бросил быстрый взгляд на Ирателя. — Доброй ночи, каи-на.

Начальник охраны, правильно поняв пожелание, еще раз поклонился Алестару и выплыл, а кариандец взял с подноса тинкалу и обхватил сосуд двумя ладонями, словно грея их.

— Разум амо-на Тиарана так и не просветлел? — спросил он как-то рассеянно, глядя мимо Алестара в стену с картой Акаланте.

— Да нет, все только хуже, — усмехнулся Алестар и пересказал, как ведет себя безумный жрец.

— Ну подумаешь, рыба с ним заговорила! — сказал Эргиан, выслушав. — Что теперь, с ума сходить из-за этого? Не умеют некоторые ценить своего счастья! Вот если бы со мной рыбы разговаривали, я бы только порадовался. От них наверняка можно узнать много интересного.

Алестар подозрительно взгляделся в кариандца, сообразил, что тот шутит, и успокоился. Впрочем, шутка выходила какая-то невеселая, да и Эргиан осунулся и побледнел, а его обычные искры в глазах потухли.

— Тир-на, — осторожно начал он. — Я помню, что обещал отдать вам этого мерзавца, и от слова не отказываюсь. Но зачем он вам? Теперь-то можете сказать? Толку от него, сумасшедшего?

— Да, пустое, — махнул рукой Эргиан. — Хотел побеседовать с почтенным амо-на о том, что здесь происходит. Исключительно ради своего любопытства и в ваших интересах. Кстати, насчет безумия вы не совсем правы. Безумца тоже можно разговорить, если знать — как. С вашего позволения, завтра я этим и займусь...

— Эргиан, — вкрадчиво сказал Алестар и увидел, как вздрогнул кариандец. — Вы ко мне в такое время приплыли за разрешением поговорить с безумным жрецом? Я даже не буду делать вид, что не знаю о гонце из Карианда. Потому что хочу спать! И лучше вам... ну, вы поняли!

— Вполне, ваше величество, — улыбнулся кариандец той же бледной неприятной улыбкой, которую Алестару захотелось немедленно стереть с его губ.

Пусть язвит и издевается, пусть сыплет колючками, как игольчатый скат, лишь бы не смотрел так, словно ждет удара, но не собирается от него защищаться.

— Даже не знаю, с какой новости начать, — поморщился, между тем, Эргиан. — Впрочем... Вы ведь уже поняли, что Старший Брат пробудился от сотрясения дна, пришедшего со стороны Карианда?

Алестар молча кивнул и тоже стиснул в ладонях тинкалу, которую так и не донес до рта.

— Карианд рушится, — бесцветно сказал Эргиан. — Этот толчок был всего одним из нескольких, случившихся ранее. Просто там основная волна пошла в другую сторону, в дальние глубины океана... К счастью для этой части моря. Когда гонец отправился ко мне,

западная часть Карианда уже обрушилась в Бездну. Жертвы... Их было не очень много, большинство жителей успели спастись. Но трещины разламывают город все дальше. Мы... не ожидали такого скорого конца. Жрецы утверждают, что разрушение удастся остановить, но ценой будет полная потеря старого города. Новый Карианд... я не знаю, как скоро он появится.

— Ближе к делу, Эргиан, — тихо попросил Алестар. — Я сочувствую вашему горю. И ужасаюсь потерям. Но чем я могу помочь?

— Убежищем, — просто сказал кариандец и поднял на него глаза, полные мольбы. — Ваш отец обещал его определенному количеству семей и через несколько дюжин лет. Мы просим обещанное как можно скорее. И умоляем дать больше, чем вы обещали. Маравея вроде бы примет часть беженцев, но этого мало. На западе Карианда были наши рыбные фермы и поля водорослей, еще немного — и в городе начнется голод. Мы умоляем, тир-на...

Он склонил голову, и Алестар невольно посмотрел в сторону высокой стопки табличек. Расходы, доходы... Отец давно готовился помочь Карианду, но такого он не ожидал. Алестару же придется теперь принять на себя этот шторм.

«Это как война, — подумал он с холодной злой ясностью. — Только не с другим городом, а с равнодушной и беспощадной стихией. Ты ведь обижался, что не попал на войну, правда? Вот, она пришла к тебе с другим лицом. Усмехается и ждет, что ты сделаешь...»

— Завтра я соберу Совет, — сказал он почему-то охрипшим голосом. — Скажу им, что Акаланте принимает беженцев немедленно. Как же не вовремя выгорели равнины у Трех братьев... Суалана...

— Суалана не поможет, — прервал его Эргиан, не поднимая взгляда. — Я... не должен был этого говорить, но... Мы вели с ними переговоры. Они готовы принять беженцев. Молодых здоровых юношей и девушек. В наложницы, слуги, рабочую силу. Бесправную и покорную рабочую силу. С правом запечатления любого, кого пожелают. Без права покинуть город или отказаться работать на хозяина, который их выбрал.

— Твари... — выдохнул Алестар. — Отродье глубинных, какие же они... Надеюсь, вы отказались?!

— Да, — кивнул Эргиан. — Но если горожане начнет умирать от голода, как можно будет осудить тех, кто захочет спастись? Или хотя бы спасти своих детей. У живого есть надежда на свободу, мертвому свобода не поможет. Карианд никогда не простит Суалане этой братской помощи, но сначала Карианду нужно выжить. Мы готовы работать в вашем городе не покладая рук, тир-на! Слугами, рыболовами, сборщиками водорослей и мусора — кем угодно! Наш народ многое умеет, и с родичами, что протянут нам руку, мы от души поделимся знаниями. Мы не попросим много, только то, что вы сами нам дадите, лишь бы выжить. Но никаких запечатлений силой и рабства не потерпим...

— Об этом и речи быть не может, — мрачно сказал Алестар. — Эргиан, ну что вы... Словно меня не знаете. Я только не могу пока сказать, сколько ваших мы примем. Больше, чем рассчитывал отец, это я обещаю. Кое-какие припасы у нас есть...

Он все-таки допил тинкалу и с тоской глянул на клятые таблички, уже понимая, что придется просидеть за ними всю ночь или хотя бы изрядную ее часть, чтобы завтра на Совете быть во всеоружии.

— Сейчас поем и вызову казначея, — пообещал он Эргиану. — Выживем как-нибудь! Плохо, что холода близко. Но Суалана пусть сама себе хвост отгрызет. Я скорее сам их завоюю и заставлю потесниться, чем позволю такую мерзость.

Его передернуло от непреодолимого отвращения. Эргиан кивнул, и светло-серые глаза кариандца неувловимо потеплели, а в уголках губ появилась улыбка.

— Благодарю, ваше величество, — сказал он. — Мы, конечно, те еще маару, но даже маару не кусают руку, их кормящую. Но это еще не все.

— Выкладывайте, — велел Алестар, подтягивая ближе блюдо с кусками рыбы, вымоченной в чернилах тех самых обитателей Бездны, с которыми Эргиан так насмешливо себя сравнил.

— Мой отец и повелитель покинул этот мир, отправившись к предкам, — сказал кариандец, и Алестар едва не подавился.

— Что?!

Он с изумлением воззрился на Эргиана, совершенно спокойного, даже подчеркнуто безмятежного.

— Не судите других по себе, тир-на, — понимающе улыбнулся тот. — Увы, не во всех семьях такая близость, как была у вас. Для меня он всегда был повелителем гораздо больше, чем отцом, и это лучшее, что я могу о нем сказать. Впрочем, пусть Мать Море будет справедлива к его душе и милосердна, насколько это сочетается со справедливостью. Сейчас важнее, что корону Карианда принял мой брат Эмарайн, и он велел мне возвращаться домой. Дела королевства вдруг настоятельно потребовали моего присутствия.

Улыбка кариандца перетекла в жесткую холодную усмешку, и откашлявшийся Алестар поинтересовался:

— А это, случайно, не тот ваш брат, что устроил ту прогулку в Бездну и вам, и вашему сопернику?

Эргиан кивнул и с подчеркнутым равнодушием отправил в рот кусочек крабового мяса.

— И сколько вы проживете в Карианде? — продолжал допытываться Алестар. — Вам до него доплыть хотя бы позволят?

— Конечно, — блеснул глазами принц. — Эмарайн — прекрасный правитель! Бережливый... Братьев и сестер у него осталось не так уж много, а Сердце моря требует силу постоянно. Особенно теперь.

— А хвост ему от дохлой селедки! — раздраженно от усталости сообщил Алестар. — Пусть своими силами обходится, я же как-то умудряюсь! Или сосет силы из кого-нибудь другого. Может, его тогда быстренько пришибут... В любом случае, вы мне нужны здесь. Можете считать это одним из условий договора. Напишите своему Эмарайну, что я вас взял в рабство, как Суалана. Заставляю работать и всячески угнетаю!

— Замуж хоть не выдадите? — еще серьезнее, чем раньше, спросил Эргиан, и глаза у него к удовольствию Алестара заблестели совсем по-прежнему. — Не то чтобы я в принципе был против вашего подданства...

— Отличная мысль, кстати, — злорадно сказал Алестар и тут же подумал, что это и правда так. — Если вы женитесь на акалантке, как Даголар, вашему Эмарайну придется жевать тот самый хвост, что я пообещал. Эргиан, вам же вряд ли кто-то откажет! Выбирайте, на то вы и принц!

— Благодарю за предложение, тир-на, — без улыбки сказал кариандец. — Если не останется другого выхода, я им непременно воспользуюсь. Хотя хотелось бы найти девушку, которая выйдет за меня, а не за мой титул. Мне казалось, именно вы должны это понимать. Впрочем, я в самом деле вам благодарен...

Он улыбнулся уже мягко и чуточку виновато, оттолкнулся хвостом и всплыл.

— Простите за беспокойную ночь, тир-на, — сказал он, понимающе посмотрев на Алестара. — Кстати, я тут понял, что меня зацепило в словах вашего драгоценного амо-на Тиарана. Помните, что он обронил о таинственном злодее? Тот сказал вашему охраннику всего несколько слов — и несчастный перерезал себе горло. Я бы на вашем месте узнал, кто посещал заключенного.

— Я... и так знаю, — выдавил Алестар, вспышкой осознав это и холодея от ужаса. — С ним успел повидаться всего один... целитель Невис! Он перевязал Кари и сказал ему несколько слов — так мне доложили. А когда уплыл, Кари... он не резал себе горло — нечем было. Он вырвал жабры. Проклятье! Не может быть! Эргиан, этого быть не может! Он... он же все время был рядом со мной! Зачем ему?!

— Отличный вопрос, ваше величество, — сказал Эргиан. — Почему бы не задать его почтенному целителю?

— Он пропал! Уплыл в город и не вернулся! — выкрикнул Алестар, дергая ручку вызова слуг. — Эргиан, если вы правы...

— Тогда мы еще на один взмах плавником ближе к разгадке, — кивнул кариандец. — И мне тоже страшно от того, что может таиться в ее конце.

Вернувшись в комнату, Джаад почти спокойно ответила на вопросительный взгляд Лилайна.

— Его величество посчитал нужным извиниться за то, что подверг меня опасности.

И ведь не солгала, извинения тоже были. Хотя Лилайн, разумеется, понял, что одними извинениями дело вряд ли ограничилось, слишком долго она была наедине с Алестаром. Но Джаад не собиралась ни объясняться, ни, тем более оправдываться. Вместо этого она повернулась к Санлии.

— Простите, что задержала вас, — сказала она суаланке, играющей с Жи.

Салру, видно, решил, что одного покусанного мерзавца с него пока достаточно, и все время разговора, а потом и драки с Риаласом прятался под кроватью. На редкость умное поведение для зверушки, в чьей храбрости и готовности защищать хозяев Джаад несколько не сомневалась. В тот момент еще и его вмешательство было явно лишним... Джаад слегка нахмурилась, глядя на рыбеныша, уморительно ловящего кусочки рыбы, что ему бросала Санлия. Выглядело это, словно огромный волкодав, хватающий пастью печенье, Жи крутился, вертел хвостом и чуть ли не светился радостью. «Засиделся в комнате, бедняга, — укорила себя Джаад. — Но что же имел в виду Тиаран? Какое странное безумие? Почему именно Жи в больном воображении жреца заговорил? Впрочем, кто поймет сумасшедшего?»

— Ничего, — улыбнулась Санлия. — У вас удивительно умный и забавный зверь, салту в его возрасте нужно дрессировать уколами лоура и намордником, а этот — посмотрите только. Был бы он меньше, многие захотели бы завести такого у себя дома. Господин Лилайн, пока вас не было, рассказывал мне о земных животных, которые называются собаки и кошки. Они так умны и расположены к людям, что живут в ваших домах, позволяют себя гладить и играть с собой. Еще и пользу приносят!

— Очень большую, — подтвердила Джаад, с растерянностью услышав в голосе Санлии за восторгом тщательно скрываемую грусть. — А в море не заводят животных для удовольствия? Я и правда ничего такого не видела...

— Рыбы слишком глупы, — вздохнула Санлия. — Маару, напротив, умные, но не любят иреназе. Хотя в Карианде их держат для охраны дома или покоев. Они умеют отличать хозяина от остальных. У нас в Суалане для этого же разводят мурен, но я их терпеть не могу. А ваши звери покрыты шерстью! Гладить кого-то мягкого и пушистого — особое удовольствие, наверное... Впрочем, время уже позднее, кай-на, — подняла она голову, посмотрев на Джаад. — Мне бы не хотелось доставлять вам беспокойство.

— Извините и вы меня, — виновато сказала Джаад. — Но мне очень нужно узнать у вас кое-что. Я... простите, что возвращаюсь к тому, что для вас болезненно. Санлия, вы сказали, что у Риаласа — приемный отец. Он ведь не суаланец, верно? Иначе не смог бы запечатлеться с...

— Ни со мной, ни с Каришей, — кивнула Санлия. — Ничего, говорите. Я не такая уж нежная, какой могу показаться. — На ее губах, до сих пор умело подкрашенных, мелькнула улыбка. — Да, наши семьи давно знакомы. Мой отец лечил одного из кай-на Суаланы. У его жены не было детей. К сожалению, помочь им так и не удалось, и тогда они усыновили ребенка, привезенного в Суалану из другого города. Обычно так не делается, мы слишком ценим своих детей, чтобы отдавать их. Даже если родители умерли и других родственников не осталось, в родном городе будет множество желающих принять малыша. Дитя — милость богов и продолжение родителей, пусть и приемных.

— Но Риаласа отдали? — уточнила Джаад. — Потому что его захотел усыновить богатый и знатный иреназе?

— Да. А еще потому что кай-на Мориан дружил с его отцом. Правда, я не знаю, что случилось с настоящей семьей Риаласа, — пожала плечами Санлия. — У нас об этом не говорили. Отец всегда берег тайны пациентов, а Риалас молчал, и я щадила его чувства. Знаю только, что он из Карианда.

— Разве не из Маравеи? — вскинулась Джаад, почувствовав след. — Он говорил, что маравеец!

— Нет, кай-на, — улыбнулась Санлия. — Ну что вы... В этом я совершенно уверена. Видите ли, в Карианде совсем другая вода, другие рыбы и растения. Его жители могут без вреда для себя употреблять некоторые виды пищи, смертельно опасные для любого иреназе, рожденного вдали от Бездны. Они не просто привыкают к этим ядам с младенчества, это заложено в самом их теле и наследуется из поколения в поколение. Поэтому в Карианде так опасно жить тем, кто не связан с его жителями узами родства. Если бы кай-на Эрвейн, выйдя замуж за

кариандца, отправилась к нему на родину, ей бы ничто не угрожало, потому что она приняла бы устойчивость к ядам вместе с силой города от своего супруга. Но остальным... Когда Риалас был ребенком, отец часто брал меня к ним домой поиграть. И однажды мы добрались до коробки с лекарствами. Риалас наелся очень редкого ядовитого зелья. Отец перепугался, доза была смертельная, но кай-на Морриан сказал, что впервые благодарит богов за происхождение приемного сына. Ни маравеец, ни акалантец не смогли бы это пережить. Он просил никому не говорить, а Риалас потом всегда утверждал, что ведет свой род из Маравеи. Когда я стала старше, то поняла, что родители Риаласа погибли в каких-то придворных интригах, в Карианде это дело обычное. Но кто они, мне неизвестно.

— Значит, кариандец... — тихо повторила Джаид. — Как интересно... Благодарю вас, ири-на Санлия! И последний вопрос!

— Сколько угодно, — склонила Санлия голову, и сияние туарры блеснуло на черном шелке ее волос.

Пока Джаид разговаривала с Алестаром, суаланка заплела волосы, рассыпавшиеся от рук Риаласа, в длинную косу, тугую, гладкую и тяжелую. С этой прической она выглядела гораздо моложе и нежнее, словно юная горянка, смуглая от солнца Алахасии. Так могла выглядеть сестра Лилайна, если бы не хвост...

— Он сказал, что вы его жена. Как это может быть, если он запечатлен с другой? Разве запечатление и брак — это не одно и то же?

Вопрос был опасный, Джаид запоздало подумала об этом, бросив взгляд на Лилайна, увлеченно продолжившего кормить Жи вместо Санлии. Слишком уж увлеченно. Джаид вздохнула про себя, предчувствуя очередной нелегкий разговор, когда они с Каррасом останутся наедине.

— Не совсем, — покачала головой суаланка и тоже быстро стрельнула глазами на алахасца, а потом, как-то очень понимающе, на Джаид. — Запечатление связывает тела и души, после него двое становятся избранными друг для друга, и без риска для жизни их невозможно разлучить в первое время, пока связь не совсем устойчива. Это быстро проходит, связь укрепляется. Но после этого брак необходимо подтвердить в Храме, чтобы его признал король и остальные жители города. Иначе могут быть сложности, если у кого-то есть не только законная жена, но и наложницы. Например, его величество Кариалл, отец тир-на Алестара, очень рано овдовел и больше не смог ни с кем запечатлеться. Но если бы он пожелал, то мог бы вступить в другой брак без запечатления. И его супруга стала бы королевой Акаланте. Может быть, она даже родила бы ему детей... Такие случаи описаны в истории. Запечатление не лишает возможности делить ложе с кем-то другим, а у королей Карианда, например, даже обязательно брать множество наложниц и иметь от них как можно больше потомства.

— И я даже знаю почему, — пробормотала Джаид. — Чтобы хоть кто-то выжил... Значит, брак Риаласа и Кариши недействителен?

Санлия снова пожала плечами.

— Наш с ним случай уникален, — просто сказала она. — И даже не тем, что запечатление разорвано, а тем, что он смог запечатлеться снова. Если, конечно, это правда. Я уже не знаю, чему верить, когда дело касается Риаласа. Но если говорить о браке по закону, то да, я до сих пор его законная жена. Я бы никогда не предъявила никаких прав ни на него, ни на положенную мне долю имущества. И если бы я вернулась в Суалану, то согласилась бы на расторжение брака в храме.

— А если нет? — очень мягко спросила Джаид. — Если бы вы оба решили сохранить этот союз? Что было бы с Каришей?

Еще одна улыбка, на этот раз холодная и острая, как лезвие целительского скальпеля, показалась на губах Санлии и тут же исчезла.

— Тогда, полагаю, жрецы предложили бы ей стать наложницей Риаласа. Мне — положение и привилегии законной жены, власть над домом и детьми. Ей — сладость запечатления и возможность быть с возлюбленным. Учитывая, что мы сестры, очень логичный выход. Я понимаю, о чем вы, кай-на Джаид. И знаете... Я больше не уверена, кому принадлежала та иголка с формеей, оказавшаяся в моих украшениях.

— Я попрошу его величество Алестара выделить охрану и вам, — тихо сказала Джаид, мучительно стыдясь за чужую подлость.

— Буду очень благодарна, — отозвалась Санлия и, оттолкнувшись от края ложа, поклонилась. — Каи-на Джад, если вас не затруднит, не могли бы вы завтра навестить меня? Это совершенно не срочное дело, оно не касается ни меня, ни вас, но кое-кому нужна ваша помощь и покровительство.

Она улыбнулась гораздо мягче и ласковее, будто вспомнила что-то хорошее, и Джад кивнула.

— Конечно, я вас навещу.

Еще раз поклонившись — теперь уже Лилайну, суаланка изящно проплыла по комнате, переливаясь шелковым одеянием и серебром чешуи, как огромный изумруд в серебряной оправе, и выскользнула за дверь.

— Гадючий ворох — эти морские глубины, — сообщил Лилайн, скармливая Жи последний кусок рыбы. — Хотя на суше бывает не лучше. Сколько твоя зверюга может съесть?

— Много, — сообщила Джад. — Коты и собаки точно лопают меньше. Зато на них и не поездишь.

— Это да, — согласился Каррас. — Кстати, раз уж мы здесь застряли, устройшь мне прогулку на одной из этих рыбин? А то обидно побывать на дне морском и не покататься на морской лошадке.

— Устрою, — настороженно согласилась Джад. — Если ты больше не хочешь уплыть прямо завтра...

— А ты согласишься?

Лилайн упорно прятал взгляд, принявшись теперь чесать Жи и быстро сообразив, что означает подставленный нос. Салру, которому давно не перепало столько ласки, блаженствовал, смешно морща морду и виляя хвостом. Джад глянула на клетку, уже установленную возле дальней стены комнаты, но загонять туда рыбеныша пожалела. Разве что попозже, когда они с Лилайном лягут спать. Не хотелось бы проснуться в одной постели с Жи или увидеть утром съеденную одежду.

— Я же обещала, — промолвила она, опускаясь на край постели рядом с салру.

Жи, приветственно боднув ее мордой в бок, вдруг отплыл от кровати и по собственной воле отправился в клетку, принявшись копаться там в куче игрушек. Все-таки удивительно умное создание. Даже слишком, пожалуй. Не мог ведь он понять, что Джад нужно поговорить с Лилайном?

— Я помню, — отозвался алахасец, закинув руки за голову, и Джад потянулась к нему, устраиваясь ближе. — И даже сказала, что хочешь этого. Или я ошибаюсь? Неважно. Ты обещала, этого достаточно, чтобы поверить. А чего ты сама хочешь, сердце мое?

Привычное обращение вдруг неприятно кольнуло, словно Джад взвесила на руке фальшивую монету. Нет, Лилайну она по-прежнему безгранично доверяла, только вот сомневалась, что сама имеет право на его доверие. И на его сердце, если уж говорить откровенно.

— Я хочу, чтобы это закончилось, — честно сказала она, глядя на чеканный смуглый профиль Карраса, знакомый каждой линией, любимый... — Чтобы виновные в стольких смертях были найдены, а иреназе вздохнули свободно. Чтобы люди побережья так и не узнали, скольких опасностей избежали из-за того, что происходит под водой. Чтобы вулканы спали, усмиренные волей королей моря, а земля и морское дно не сотрясались. Чтобы подлость и жадность были наказаны. Я хочу когда-нибудь потом спокойно вспоминать об этом, зная, что сделала все возможное. Лилайн, уплыть сейчас — все равно что бросить поле боя. Это у тебя здесь никого, о чьей смерти ты пожалеешь, а я...

— А ты впустила в свою душу весь этот город, — подытожил Лилайн. — И теперь тебе проще умереть самой, чем вырезать его оттуда и выбросить, отправившись своей дорогой.

— Нет, — сказала Джад тихо. — Это и есть моя дорога. Другой у меня никогда не будет. И если ты все еще хочешь забрать меня с собой, подумай об этом. Лил, нам было очень хорошо вместе! Подожди! — не позволила она ему возразить. — Я сказала «было», не потому, что это закончилось. Но мы жили в маленькой хижине среди леса, ловили рыбу, охотились, валялись у очага и любили друг друга. Нам не из-за чего было ссориться, и я помню все, что ты для меня сделал. Но время сладкого сна в объятиях друг друга прошло. И либо мы сейчас узнаем друг друга по-настоящему и полюбим то, что узнали, либо... Я не хочу бросать Акаланте сейчас, —

закончила она твердо. — И прошу тебя понять это. Ты можешь уплыть, как только захочешь. Когда этот змеинный клубок лишится голов и передохнет, я обязательно тебя найду...

— То есть ты их бросить не можешь, но предлагаешь мне бросить тебя? — холодно поинтересовался Каррас, и Джад поняла, что он действительно задет. — А после мы встретимся и проживем, как ни в чем не бывало?

— Лил... — беспомощно повторила Джад, закрывая глаза и не зная, как объяснить.

Каррас пошевелился, и Джад почувствовала осторожный поцелуй на своих губах.

— Ну уж нет, сердце мое, — сказал алахасец, притягивая ее к себе. — Пусть я мало что понимаю в том, что здесь творится, но никуда не уплыть без тебя. Что бы ты ни решила. И между прочим, этот твой хвостатый мерзавец сам попросил меня остаться. То есть не меня, конечно, — усмехнулся он, судя по голосу. — Он хочет, чтобы ты немного переждала, пока он поговорит с лордами Аусдранга. И не против, чтобы я тоже задержался. Очень великодушно с его стороны, мне аж поблагодарить захотелось. Но я вытерпел.

— Лилайн... — вздохнула Джад и почувствовала шутливый поцелуй в кончик носа.

— Прости, — попросил Каррас. — Я лишнего наговорил. Не подумал, что тебе от нашей свары больше всех. Я тогда вообще думал не очень-то...

Джад еще немного придвинулась к нему, положила голову на плечо. У стены в клетке возился Жи, оттуда доносился мерный хруст очередного панциря краба. Или это сдалось наконец острым крепким зубам салру легендарное копыто... В комнате стало теплее, а может, это Джад успокоилась и согрелась, чувствуя, как обнимает их с Лилайном плотная тугая толща воды. И впервые за долгое время ей было спокойно, потому что рядом лежал человек, которому она верила и ни за что не хотела бы причинить боль.

— Забудь, — попросила она. — Все прошло.

Лилайн помолчал, потом заговорил снова, и Джад уже по первым словам поняла, что его что-то мучает всерьез:

— Ты веришь, что люди могут настолько измениться? Чтобы вот совсем, будто... из мерзкой гусеницы — в бабочку. Глянешь — и никогда не посчитаешь их даже родней.

Его рука осторожно перебирала волосы Джад, иногда спускаясь ниже и лаская шею и плечи. Джад вздохнула, расслабляясь и принакая к теплему уютному телу Лилайна, и ответила не сразу.

— Раньше не верила, — задумчиво сказала она. — Нас учили, что характер человека подобен металлу, сваренному из разных частей. Первая часть — то, что заложено в нем от предков. У многих поколений зайцев не может родиться левенок. И хотя зайцы иногда бывают храбрыми, уши у них все равно длинные, понимаешь? — Лилайн что-то согласно промычал, и Джад продолжила: — Вторая часть — от воспитания. Семья, друзья и враги, просто люди, которых он видит вокруг себя. Каждая встреча или разговор что-то прибавит в горнило его души. Опять же, иногда у добрых и благонравных родителей, хорошо воспитывающих чадо, вырастает нечисть в человеческом обличье, но не так уж часто, верно? Обычно финиковая гроздь от пальмы далеко не падает.

— А у нас так про яблоки говорят, — усмехнулся Лилайн. — Да, все верно. А потом?

— А потом ребенок вырастает, — вздохнула Джад. — И с каждым днем измениться ему все труднее. Дерево легко сформировать, пока это гибкий ствол, потом придется резать и гнуть по-живому. Но бывает и такое. У нас в Храме хранятся истории о разбойниках, которые каялись и становились защитниками добра и справедливости. О богачах, что раздавали имущество бедным и уходили в странствующие проповедники. О воинах, становившихся послушниками храмов и всю жизнь искупавших пролитую кровь. Есть и другие, о людях добродетельных, но оступившихся и ушедших по тропе порока, потому что не справились с бедами этого мира. Но знаешь...

Она помолчала, все сильнее расслабляясь под бережными ласками, совсем как раньше, в лесной хижине.

— Я думаю, — сказала она наконец, — измениться может любой человек. Просто это очень больно, как и дереву, когда его ветви обрезают и стягивают. Так больно, что решаются на это немногие из людей, а выдерживают еще меньше. Ты вот говоришь о бабочках... Знаешь ведь,

как они получаются? Когда гусеница сплетает себе кокон, она не знает, сможет ли преодолеть все, что ее ждет. Представь! Она лежит там в полной темноте, неподвижная, беспомощная перед любой опасностью, такая маленькая и хрупкая. Кто угодно может раздавить или нечаянным движением выбросить на солнце. А ей уже не уползти и еще не улететь. Поэтому она терпит и каждое мгновение долгих дней все силы отдает на то, чтобы измениться. Мало переплавить свое тело, вырастив крылья, нужно еще изменить душу, чтобы эти крылья не оказались бесполезны. Тем, кто с ними родился, легче, но даже они учатся летать, а если ты всю жизнь только смотрел в небо? Меняться страшно, Лил. Больно и тяжело. Может, поэтому бабочки такие легкие и радостные? После такого испытания вся их жизнь, пусть короткая, кажется им чистым счастьем. Они знают, что ничего, страшнее безмолвия кокона, с ними уже не случится.

— Не думал об этом... — после молчания уронил Каррас и крепче прижал к себе Джад, обняв за плечи. — Но люди, да и иреназе, все-таки не бабочки.

— Да, нам сложнее, — согласилась Джад. — У гусеницы всего два пути, либо она обретет крылья, либо умрет. А у человека сотни дорог, и он может пойти по любой, не зная, куда она приведет. Убить врага или пощадить? А может, оказать ему благодеяние? Поверить оступившемуся другу или решить, что предательство непростительно? Отойти с чужой дороги или преградить ее? А может, решить, что это твоя дорога, и попытаться обогнать того, кто по ней идет. Мы каждый день творим свою судьбу сотнями, тысячами слов и поступков. И лишь немногие обретают крылья...

В этот раз молчание было гораздо дольше. Потом Лилайн потянулся и коснулся губами ее щеки. Джад немного повернулась, подставляя ему губы, и приняла неумовимо нежный поцелуй, совершенно не похожий на прежние, полные страсти и жажды.

— Мы ведь не о бабочках заговорили, — шепнул ей Лилайн, отрываясь от губ и всматриваясь в лицо. — Ты веришь ему? Алестару...

— Да, — выдохнула Джад короткое слово с привкусом обреченности, такое простое, но упавшее подобно удару милосердия в подставленную грудь. — Я верю. Не словам, Лил. Его боли. И поступкам. Дороге, которую он выбрал и по которой идет изо всех сил. Ты сегодня увидел несколько шагов, а сколько их уже было и сколько будет впереди. Я видела, как он менялся. Не в темноте кокона, а под ударами судьбы, кровью и трудом своей души. И я верю ему.

— Ясно, — уронил Лилайн, и Джад опять уткнулась в его плечо, пряча лицо.

Ей было смертельно стыдно за поцелуй, случившийся в темноте коридора, хотя она в самом деле никогда не обещала Лилайну верности. Просто между ними и не могло быть ничего другого. Но вот случилось. Наверное, ей стало бы легче, признайся она Лилайну и попроси прощения, но Джад совершенно точно понимала, что тогда сложнее станет ему. И позорно промолчала. Только когда руки наемника уже иначе двинулись по телу, дразня, намекая и обещая, попросила, изнемогая от вины:

— Поздно уже, Лил... Я вымоталась, как мельничная лошадь у жернова. Да и у тебя плечо... Давай потом? Завтра...

— Хорошо, — очень ровно сказал Каррас. — Завтра так завтра.

«Словно отсрочку прошу, — подумала Джад горько. — От чего-то нужного, но неприятного. Да что со мной?!»

«Мало понимать, что растить крылья — это больно, — шепнул вдруг в ее сознании чей-то голос, незнакомый, но удивительно что-то напоминающий. Что-то, для голоса вовсе невозможное, наводящее на мысли о хвостах, плавниках и зубах. — Нужно еще сделать шаг в небо, когда крылья отросли».

Глава 13. Песок сквозь пальцы

— Я сплю? — спросила Джаад, паря в бело-золотом облаке, ничуть не похожем на воду. И сама себе ответила: — Какой красивый сон...

Вокруг плавали огромные тени, то ли рыбы, то ли птицы, то ли огромные цветы. Сливались, перетекали друг в друга, рождая новые фигуры причудливых очертаний, таяли и снова возникали, так что у Джаад закружилась голова, как ни странно это было для сна.

— Ну наконец-то! — послышался вдруг звонкий возмущенный голос. — Я уже думал, никогда до тебя не достучусь. Надо же быть такой упрямой, только засыпаешь — и тут же ныряешь в собственные сны! А я тут бегай вокруг! То есть летай. То есть... хм,неважно, в общем.

— Кто ты? — спросила Джаад, вглядываясь в облако немного плотнее других, откуда шел голос.

— Я — это я, — детским голосом, но как-то очень взросло отозвался невидимка. — Но чтобы ты не таранилась на эту субстанцию с таким подозрением, приму более понятный вид. Что там у тебя в памяти подходящего? Ага...

Облако еще сильнее сгустилось, потемнев, приобрело черты человеческой фигуры, впрочем, слишком маленькой для взрослого. Перед Джаад повис в золотистом мареве совершенно голый смуглый мальчишка лет семи-восьми, с рыбьим хвостом, как у иреназе, и двумя крыльями за спиной. Одно крыло было оперенным, словно у орла, а второе — округлым и разноцветным, как у бабочки. Лицо последовательно менялось, и Джаад показалось, что она видит в мелькающих чертах некоторых соучеников, маленького воришку, встреченного на арубском базаре, еще кого-то знакомого. Наконец его волосы яростно порыжели, загорелую кожу усыпали конопушки, нос весело задрался, а глаза налились пронзительной синевой. Перед ней был рыжий конюшонок...

— Вот, теперь годится, — сказала существо, широко улыбаясь во всю детскую рожицу. — Правда ведь, я прекрасен?

— Без всякого сомнения, — подтвердила Джаад, пытаясь собраться с мыслями. — Но я все-таки не понимаю, кто ты?

— А ты догадайся! — фыркнул «конюшонок». — Ты ведь жрица, должна разбираться в богах.

— Я жрица Малкависа, — возразила Джаад. — Но ты не он.

— Еще чего! — снова фыркнул «конюшонок», теперь с явным возмущением. — Терпеть не могу всю эту братию воинских богов! Твой еще из приличных, он все-таки больше хранитель и защитник. А остальные — у-у-у-у... Нет, малышка, я не Малкавис. Но на некоторые вопросы я ответить не могу. Не положено! Придется тебе самой пошевелить мозгами.

Он хихикнул, а потом посерьезнел и сказал:

— Времени совсем мало, оно уходит, как песок сквозь пальцы. Нужно поторапливаться, а вы еще ничего не поняли.

— Так помоги нам! — взмолилась Джаад. — Кто бы ты ни был! Прошу!

— Еще помочь? — возмутился «конюшонок». — Я постоянно за тобой присматриваю! Со всех ног сбился! То есть лап. То есть...

Он оглядел свой чешуйчатый хвост, а потом опять сердито посмотрел на Джаад.

— Это я сделал так, что вы с этим рыжим недоразумением впервые в жизни сказали друг другу несколько спокойных осмысленных слов! Это я подбрасывал вам улики и наводил на след! А кто тебя от Тиарана спас? Два раза, между прочим! И ты еще...

Он осекся, словно сказал лишнего, и запыхтел в точности как обиженный мальчишка, угрюмо глядя на Джаад, а ее озарило. Этого не могло быть! Но здесь, в таинственном молочно-золотом сумраке, невозможным и так было все, поэтому Джаад выпалила, чувствуя себя дурой:

— Жи? Ты — Всеядное Жи? Но...

— Догадалась... — вздохнул «конюшонок». — Оно самое. И нет, я не твой салру, хотя он милашка. Я в нем просто гостил.

— Но что ты тогда такое? Это ты говорил с Тиараном, когда он обезумел?! Получается, я тоже схожу с ума?

— Ну, ты себя-то с этим тупицей не путай, — снова по-взрослому усмехнулся «мальчишка». — Тиаран — фальшивый жрец. Он принял жреческие обеты, но никогда не верил в богов настоящего. Думал, что мы все — выдумки, созданные хитрецами вроде него, чтобы обманывать легковверных простаков. Слышала, наверное, что каждому дается по вере его? В Тиаране не было ни капли веры, и, когда с ним заговорило божество, неудивительно, что у него в голове все перемешалось. Кто же ему виноват? А ты совсем другая. Общего у вас на самом деле только одно: когда-то вы оба меня позвали, высказав искреннее желание и принеся жертву. Тиаран в это, кстати, не верил, но желал от всей души, а я не могу такое не услышать. Ну, он и получил, что хотел.

— А что он хотел? — все еще растерянно спросила Джад, пытаюсь осознать, что вот это юное на вид, но наверняка очень могущественное божество и есть Всеядное Жи, к скале-алтарю которого она когда-то бросила монету рыжего конюшонка.

Не потому ли, кстати, Жи и явилось в его облике?

— Соображаешь, — подмигнул ей «рыжик», и Джад слегка закусила губу, понимая, что Жи читает ее мысли.

А еще он наверняка многое видел, будучи в обличье салту! Много такого, что она вовсе не собиралась никому не показывать.

— Ой, да ладно тебе! — звонко расхохотался Жи. — Даже не буду врать, что я отворачивался. Мой огонь питается не деревом или священным маслом. Точнее, не только ими. Жи — это жизнь, маленькая жрица! Жизнь Всепобеждающая и Всеядная, Всемогущая и Всепроникающая! Я божество жизни, малышка. И то, что вы делали с хвостатым, это прямое и истинное поклонение мне! Но поверь, я столько мириадов раз видел это за бесчисленные эпохи, протекшие с начала мира, что удивить меня у вас бы никак не получилось!

— Ты — жизнь? — повторила Джад, пытаюсь это осознать. — Просто жизнь?

Вот теперь у нее всерьез закружилась голова, словно Джад заглянула в бездонную и бесконечную Бездну, вдруг пронизав ее всю взглядом. Божество жизни, бесконечного потока рождающихся, живущих и умирающих существ. Любящих и пожирающих друг друга, размножающихся в небе, на земле, в земле и под водой...

— Не пытайся это осознать, — сочувственно посоветовал ей Жи. — Хотя бы не все сразу. Да и не нужно тебе. В жрицы я тебя не зову, служителей у меня нет. Точнее, все, кто появился на этот свет, служат мне. Но нам сейчас не до божественных откровений. Дело делать нужно!

Он еще сильнее развернул крылья, пошевелил ими, словно собираясь взлететь, и тут же они поменяли свою форму. То крыло, где были перья, перетекло в огромное стрекозиное, а крыло бабочки потемнело, хищно заострилось, покрылось черной кожей с перепонками и стало точным подобием крыла летучей мыши.

— Так вот, как я уже говорил, вы ничего не понимаете, — сказал Жи нравоучительно, словно пожилой жрец в храмовой школе. — Тычетесь, как слепые щенки... Скажи Эргиану, что он ищет не там. Пусть спросит у Ираэли.

— Она же... — Джад снова закусила губу, едва не ляпнув, что легендарная принцесса, вообще-то, давно умерла.

Ну, мало ли, вдруг Всеядное Жи за бесчисленной сменой поколений этого не заметило?

— Нахалка ты, — добродушно рассмеялось божество щербатым мальчишеским ртом. — Не заметило я, ага. Как же! Да я тогда злое было, как... как не знаю кто! Столько труда пропало! Такой замысел... И не проси, не расскажу. Не положено. Некоторые вещи вы, смертные, должны понимать сами. А я могу только подсказать. Строго говоря, то, что мы вот так с тобой болтаем, это тоже против правил. Но в этой истории уже столько богов отметилось, что пусть только попробуют меня в чем-то упрекнуть...

— Сказать Эргиану, чтобы спросил у Ираэли, — повторила Джад, чтобы не забыть.

Мысли и вопросы толпились на языке. Почему Жи выбрало ее и Тиарана, чтобы заговорить? Почему пришло во сне, а не наяву, как к жрецу Трои? Что происходит в Акаланте и кто еще из богов к этому причастен? И что им с Алестаром делать? Может ли Жи указать на заговорщиков...

— Могу, но не стану, — покачал головой «рыжик». — У всего есть цена, и поверь, маленькая жрица, мою тебе лучше не платить. Ты хотела знать, что пожелал Тиаран? Смотри!

Он повел рукой, и пространство перед Джад заволокло золотым туманом, почти сразу дымка рассеялась, и она увидела комнату под водой, где на скромно застеленной кровати сидел бывший верховный жрец. В его руках мелькали какие-то длинные мягкие ленты, и, приглядевшись, Джад увидела, что Тиаран плетет из водорослей что-то вроде венка. Прервавшись, он оглядел сделанное и торжественно водрузил себе на голову, а потом содрал и принялся рвать на клочки, искажив лицо в беззвучном то ли крике, то ли плаче.

— Его монета до сих пор лежит у моего алтаря, — вздохнуло Жи. — Много лет назад юный честолюбивый жрец, только пришедший в Храм, пожелал власти — и корону. Одно у него было, второе стало его проклятием до конца жизни. Во всем, что попадет в его руки, Тиаран будет видеть корону, всех окружающих — считать своими подданными. Но корона его не обрадует, а от подданных он будет ждать лишь предательства. Я исполняю любые желания, Джад. Рано или поздно, так или иначе. Очень важное уточнение для тех, кто хочет все и сразу.

Он смотрел предостерегающе, и Джад кивнула, с трудом отогнав пронизавший ее холод и отведя взгляд от волшебного окна, тут же затянувшегося.

— Я поняла, — сказала она и низко поклонилась. — И благодарю за оказанную помощь. Позволь только спросить, а как же мой салру? Это из-за твоего... благословения он такой смшеленый?

— Ну как тебе сказать, — ехидно заулыбалось вечно юное божество. — Можешь быть уверена, копыто грыз он, а не я. И за хвост твоего рыжего ловил тоже он. Когда вы с Алестаром так непочтительно называли зверюшку, то дали мне... лазейку. Судьба никогда не делает ничего просто так, и я в тот миг понял, что ее колесо повернулось, и события, случившиеся века назад, наконец получают продолжение и будут завершены. Я смотрел глазами твоего зверя, жил в его теле, радовался... сам себе, в общем. Хотя моя частица есть в каждом живом существе, не всегда удается побыть кем-то определенным. Но ты не беспокойся, я покинул салру, и он остался самим собой. Очень умным и славным созданием даже без моего присутствия. А главное, подсматривать за тобой в постели он точно не будет.

Он снова усмехнулся, глядя на сконфуженную Джад, и принялся таять в бело-золотой дымке.

— Так что же нам делать? — торопливо крикнула Джад.

— Что хотите и считаете нужным, — донеслось из облака. — Это самое правильное, что можно сделать в любом случае. Ах да, Жи просил передать, что ему нужно еще копыто! И не одно! Он тоже слышал, что у коровы четыре ноги, но так и не смог найти на той мусорке еще три. Безобразие...

Джад вынырнула из волшебного марева, не сразу поняв, где находится. Рядом разметался по постели Лилайн, и это было в точности как раньше в лесной хижине. Но вода мягко и плотно обнимала тело, а свет голодной туарры на стене едва рассеивал мрак в комнате. Джад посмотрела на часы, вчера принесенные по ее просьбе. Два больших стеклянных купола с песком, запаянные и вполне пригодные для жизни под водой. Странно было видеть, как песчинки сыплются в своем крошечном мире, отмеряя мгновения, складывающиеся в жизнь.

Она перевернула их вчера вечером, и, судя по делениям на стекле, было уже вполне время вставать. Накинув тунику и причесавшись, Джад сплавала в уборную, а потом заглянула в соседнюю комнатку, где обнаружила крепко спящую служанку.

— Ой, уже утро?! — вскинулась та, моргая и с недоумением глядя на Джад. — А зачем же вы встали, каи-на? Я вам завтрак сейчас подам!

— Не надо, — сказала Джад, понимая глядя на молоденькую иреназе. — Мой гость еще спит, завтрак подашь ему, когда проснется. И скажи, что я вернусь вместе с госпожой Санлией, а если буду занята, она приплывет одна размять ему плечо.

— Слушаюсь, каи-на, — благодарно улыбнулась девчонка, сообразив, что можно еще

подремать.

Оставив ее досыпать, Джад тихонько выплыла в коридор и задумалась. С одной стороны, нужно как можно быстрее передать Эргиану сказанное Всеядным Жи. С другой — вдруг принц еще спит? А она вчера обещала заглянуть к Санлии. Там, кстати, и позавтракать можно, вкуснее суаланки тинкалу во дворце никто не варит.

Решившись, она проплыла до комнаты Санлии и постучала в дверь. Через несколько мгновений та открылась, и Санлия, причесанная и нарядная, с радостной улыбкой поклонилась Джад, приложив руку к груди.

— Я не слишком рано? — уточнила Джад.

— О, я давно проснулась, — успокоила ее суаланка. — Прошу вас, каи-на!

В комнате Джад с удовлетворением увидела, что ее распоряжение исполнено. Здесь появились вещи из прежних покоев Санлии, а ширакка в углу исчезла, ее место заняло изящное подобие туалетного столика со множеством шкатулок и баночек.

— Благодарю за вашу заботу, — снова улыбнулась Санлия, поймав ее взгляд. — Как видите, мне все вернули. Вы уже завтракали?

— Еще нет, — покачала головой Джад. — И очень надеюсь на вашу тинкалу.

Словно осветившиеся изнутри глаза Санлии стали ей и ответом, и наградой.

— Присядьте, — попросила суаланка и вызвала прислугу, велев: — Завтрак для каи-на Джад и меня. Тинкалу я сварю сама.

Поставив наполненный сосуд на плитку, она подплыла к столику и, взяв что-то, подала эту вещь Джад.

— Вот, — сказала просто. — Леавара просила вас передать это тир-на Эргиану, но не называя ее имени.

Джад с изумлением взглянула на отшлифованную каменную дощечку размером в четыре ладони.

Тонкие линии, высеченные чем-то, неуловимо складывались в узнаваемые черты Эргиана. Лукавая улыбка, прячущаяся в уголках губ, чуть приподнятые с легким удивлением брови... Тонкое, умное и очень красивое лицо. Ничуть не приукрашенное! Лишенное броского совершенства Алестара или миловидности других молодых иреназе, и все-таки... С юношей, изображенным на портрете, хотелось пить горячее вино или тинкалу, проводя вечера в дружеских разговорах. Ему хотелось доверять и улыбаться в ответ. Он был прекрасен той внутренней скрытой красотой, которую трудно разглядеть, но, раз увидев, уже не забудешь. Как и в Джад когда-то, Леавара увидела в Эргиане то, что было скрыто почти от всех, кроме, может быть, его ближайших друзей. Вот уж поистине зоркость не глаз, а души. Но что там ниже?

Джад вгляделась в переплетения линий и едва не ахнула. Плечи у Эргиана имелись, но вместо рук они заканчивались парой щупалец, и еще несколькими продолжалось туловище. «Принц-маару!» — вспыхнуло у нее в сознании. Мягкие изящные изгибы вовсе не выглядели отвратительно. Они... завораживали. Притом каждое щупальце что-то делало!

В левом верхнем, например, виднелся камешек для тосу, а еще два держали доску с уже расставленными камнями. Верхним правым принц готовился вот-вот поднести ко рту тинкалу. Еще одно что-то записывало пером-резцом на табличке, а пару особенно длинных щупалец Эргиан закинул за голову, и они придавали ему лениво-расслабленный вид. Станный рисунок. Невероятно забавный. И, пожалуй, ничуть не оскорбительный. Даже напротив! Но оценит ли кариандец такую шутку?

— Вы удивлены? — с улыбкой спросила Санлия. — Маару — герб Карианда. Не зря кариандцев так называют. Это не очень вежливое прозвище, но... они сами не против. Гордятся, что маару считается самым хитроумным из созданий моря.

— А какой герб у Акаланте? — спросила Джад.

— Салту, разумеется, — усмехнулась Санлия. — Если вы слышите о хитроумных маару и упрямых салту, сразу понятно, кто есть кто.

— Упрямых? О да, — согласилась Джиад. — Кое-кому очень подходит. А Суалана?

— Нас зовут муренами, — ровно отозвалась бывшая наложница. — Если вежливо, то живучими, а те, кто не любит, подлыми.

— Извините.

Джиад сконфуженно глянула на Санлию, но та покачала головой.

— Ничего страшного. Маравейцы, вот, ленивые ракушки. И тоже не обижаются. Но... такие вещи лучше знать и помнить. Вы отдадите рисунок?

— Да, разумеется! Но почему она сама не хочет?

— Леавара боится, что принц не поймет ее замысел, — слегка улыбнулась суаланка. — Они встречались в доме Эрувейн, тир-на Эргиан охотно проводит там время. Ну, вы знаете, муж Эруви — его друг и брат его начальника охраны. Но Леаваре показалось, что принц считает ее... пустой, как раковина без жемчужины. Неинтересной девицей, способной разговаривать лишь о нарядах и драгоценностях. А Леавара, бедняжка, просто боится в его присутствии сказать что-то не то. Она никогда не отличалась излишней стеснительностью, но оказалось, что вся ее храбрость была для тех юношей, к которым она равнодушна. Понимаете?

— Так часто бывает, — согласилась Джиад. — Но если принц не узнает, от кого подарок, то какой толк? И... я не отказываюсь, но почему не попросить Эрувейн?

— Тогда тир-на сразу догадается, — укоризненно глянула на нее Санлия. — У каи-на Эрувейн не так уж много подруг. Да и сдерживать чувства она не сумеет, сразу начнет выпытывать. А вы сможете... посмотреть. Знаете, очень важно, кто как видит мир. Если тир-на Эргиан оскорбится на эту шутку, Леаваре точно не стоит по нему страдать.

— Я ему передам, — пообещала Джиад.

Санлия признательно склонила голову и поспешила снять горячую тинкалу, поставив ее перед Джиад.

Через полчаса Джиад, сытая и напившаяся тинкалы, выплыла из комнаты Санлии, унося в кожаной поясной сумочке, которую ей подарила суаланка, портрет принца Эргиана. Оставалось только вручить его самому принцу. А еще как-то объяснить, что с ней тоже заговорила рыба и велела кое-что передать. Джиад едва сдержала смех, представив, как это прозвучит. И что Всеядное Жи имело в виду?! «Спросить у Ираэли»... Кстати, стоит ли вообще разговаривать с Эргианом раньше, чем с самим Алестаром?

Она нерешительно замерла посреди коридора, и тут сама судьба сделала за нее выбор, потому что из комнаты впереди стремительно вылетел Алестар, за которым спешили другие иреназе.

— Да хоть весь город по камушку перетряхните! — рычал рыжий на виновато опустивших головы подданных. — Что значит — пропал? Сначала Кариша, теперь Невис... Где-то же они оба прячутся? Герлас клянется, что не под дворцом, он со своими жрецами там уже все проверил!

— Они могли покинуть город, тир-на, — подал голос Иратель, и Алестар разъяренным львом обернулся к нему.

— Могли или покинули?! Я должен знать это точно! Иратель, ко мне через пять дней избранная приплывет! А я до сих пор...

Он увидел Джиад и замолчал резко, словно горло перехватило. Иратель и Герувейн, попятившись назад, торопливо пробормотав обещания приложить все силы. «Ну, разумеется. К прибытию невесты, теперь уже суаланской, стоит подготовиться, — отстраненно подумала Джиад, задыхаясь от странной боли, совершенно непонятной. — Переловить убийц и заговорщиков... Для приличного короля это все равно, что приказать сделать уборку. Смешно. Наверное...»

— Доброго утра, ваше величество, — поклонилась она.

Выпрямилась и поймала взгляд смертельно бледного Алестара. «Да, после их вчерашнего поцелуя и, главное, всех слов до него, неудобно получилось. Не вовремя. Ничего, так даже правильно, — продолжала беспощадно думать Джиад. — Хватит нам себя обманывать. Но я ведь и не...»

— Невис пропал, — выдохнул Алестар и пояснил: — Эргиан вчера сообразил, что Невис во всем этом замешан...

Он говорил что-то нужное о смерти Кари и о том, как именно кариандец догадался, а Джад смотрела на шевелящиеся губы и с ледяным ужасом понимала, что хочет снова их поцеловать. Просто хочет. А потом уткнуться подбородком в плечо, обтянутое светлой туникой, замерев, прикинув губами к шее, и чувствовать, как бьется под ними тонкая сильная жилка...

— Джи?

В устремленном на ее взгляде появилось беспокойство, и Джад встрепелась.

— Я поняла, ваше величество, — сказала она, старательно осознав смысл того, что все-таки расслышала. — Целитель Невис. Но зачем?

— Если бы я знал, — беспомощно пожал плечами Алестар, и у Джад от этого простого движения снова пересохло во рту.

Да что же это за проклятье такое? Мелькнула подлая мысль, что она ведь снова пила тинкалу у Санлии, но... Во всем остальном разум ее был спокоен, в голове не мутилось, мысли слушались. Она просто почему-то заметила, насколько красив Алестар. Не так, как она вспоминала это, рассматривая портрет Эргиана, спокойно, как давно известное, а горячо и томно. Вот именно такой, растрепанный и злой, с бессильной злостью во взгляде, виноватый... Это еще из-за чего? Неужели из-за слов про избранную? Глупости какие. Джад ведь все понимает. Она сама вот-вот уплывет наверх. Скорее бы, что ли. Лучше всего — еще до прибытия суаланки!

— Я вам должна кое-что рассказать, ваше величество, — сказала она, с трудом отводя взгляд от шеи Алестара, того места, где как раз билась та самая жилка.

С нескольких шагов, да еще в воде, она была совершенно не заметна, но Джад могла бы с закрытыми глазами подплыть и найти ее пальцами, а лучше — губами... Так, хватит!

Она глубоко вдохнула и выдохнула и упрямо заставила себя опять встретить обеспокоенный взгляд Алестара.

— Это глупо звучит, я понимаю, — проговорила она смущенно. — Но у меня был сон. Точнее — видение...

Алестар поверил ей сразу. Глазам, голосу, словам... Поймал себя на мысли, что просто не может представить, как Джад ему лжет. Скорее море умрет, перестав катить волны. И к Эргиану они поплыли вместе. Алестар постарался поглубже затолкать мерзкое чувство, охватившее его, когда Джад услышала о прибытии суаланки — и он увидел ее взгляд. Медуза он безмозглая! Не мог язык придержать... И не объяснишь теперь, что имел в виду совсем не то. Он просто устал уже подозревать всех и каждого, устал ждать новых смертей и предательств, а чужая принцесса — это еще одно звено в цепи, невидимо сковавшей его.

Эргиан их не ждал. Кариандец еще изволил нежиться в постели, но Реголар, встретив Алестара с Джад у двери, безропотно провел их в спальню, попросив только минуту, чтобы предупредить принца. Тот и в самом деле успел только тунику накинуть, даже прямые светлые волосы, не заплетенные и не уложенные, так и лежали на плечах. Под одной рукой принца стояла доска с незаконченной партией в тосу и лежала табличка с какими-то записями, другой он держал тинкалу, и Алестар увидел, как Джад бросила на все это очень странный взгляд и чему-то улыбнулась, поспешно спрятав эту улыбку. Интересно — чему?!

— Расскажите ему, каи-на, — мрачно и сдержанно сказал Алестар, не понимая причин такого веселья.

Подумаешь, застали посла полуодетым... Вроде бы за Джад никакого интереса к Эргиану раньше не замечалось. Так что же она то и дело смотрит то на него, то на доску? Словно ищет что-то или сравнивает.

Джад послушно повторила рассказ, и Алестар едко поинтересовался:

— Не кажется ли вам, тир-на, что ваши игры в тосу слегка затянулись? Очень хочется узнать, что же вы такого ищете у меня во дворце?

— Израэль... Израэль... — пробормотал Эргиан, словно его не услышав, и вдруг хлопнул себя по лбу, заявив: — Какой же я глупец! Израэль! Самый простой способ что-то скрыть — положить

это на видное место! Тир-на, сколько лет фреске в вашем кабинете?

— Понятия не имею, — честно признался Алестар. — А что?

— Плыдем туда немедленно! — заявил Эргиан, выбираясь из вороха одеял и ничуть не смущаясь, что распоряжается королем Акаланте в его же собственном дворце. — Я действительно все время искал не там! Брал книги в вашей библиотеке, даже хотел Тиарана расспросить... А разгадка была под самым носом!

— Никуда не поплыву, пока не объясните, — зло процедил Алестар. — Интересно будет посмотреть, как вы попадете в королевский кабинет без моего разрешения?

— Для вас, между прочим, стараюсь, — с неожиданной обидой отозвался Эргиан и развел руками, опускаясь обратно в постель. — Хорошо, как прикажете. Помните, что заявил Руалль перед смертью? «Я лишил Акаланте наследника, собственного внука. И других уже не будет — а ты и не узнаешь почему. Это тебе мой последний подарок на память о Кассии. Ты сдохнешь, не оставив потомства, и ваша проклятая кровь перестанет отравлять море. Будьте вы прокляты оба, мальки Ираэли. Сожрите друг друга!»

— Отличная у вас память, — недобро улыбнулся Алестар. — И что дальше? Ну, проклял... Он меня ненавидел, вот и постарался ударить побольнее.

— Слишком обдуманно для проклятья, — серьезно возразил Эргиан. — Вы не бесплодны, иначе его дочь не понесла бы от вас. Простите, что напоминаю. Так почему Руалль не просто проклял вас, а так уверенно заявил, что у вас не будет наследников?

— Почему? — повторил Алестар, отвлекаясь от мыслей о Джад, разглядывающей кариандца.

— Давайте подумаем, — предложил Эргиан, свернув хвост полукольцом. — Мальки Ираэли — это явно вы с королем Торвальдом, прямые потомки принцессы Ираэль и Эравальда Аусдранга. Последние, между прочим. Торвальда вы убрали, и потомства он не оставил. Разве что от наложниц... Каи-на Джад, мне, право, неловко, но... вы что-нибудь знаете об этом?

— Разумеется, знаю, — спокойно ответила жрица. — Я все-таки была его стражем, знать это — моя обязанность. У Торвальда не было детей. Ни законных, ни бастардов, как это называется на суше.

— Значит, эта линия прервалась, — кивнул Эргиан. — И проклятье Руалля частично исполнилось, потому что Торвальда убили вы. К счастью, оставшись в живых. Но Руалль был уверен, что вас убьют. Ну, или вы умрете как-то иначе. Главное — не оставив потомства. Но вот любопытно, а чем так важно, чтобы потомства не было? Зачем кому-то прерывать ваш род полностью? Для Акаланте это ничем хорошим не кончится, конечно, но... рано или поздно опустевший трон захватит кто-то еще. И самое любопытное, почему Руалль назвал вас и Торвальда потомками Ираэли? Что ему вообще было за дело до погибшей принцессы? Ладно, дела моря, но чем его Торвальд волновал? Я пока не могу докопаться до дна этой истории, но уверен, что искать его следует во временах Ираэли. Как вообще частица Сердца Моря попала к Аусдрангам?

— Вы хотите сказать, — медленно начал Алестар, — что это Ираэль?

— Я хочу сказать, — прервал его Эргиан, — что нужно хорошенько поворошить прошлое, чтобы понять, что происходит сейчас. Руалль явно был связан с заговорщиками. Он пытался спасти Кари. Якобы из-за того, что тот тоже был влюблен в его дочь, но мне это в это не верится. Мало ли кто на нее заглядывался! Обычному охраннику Руалль дочь никогда бы не отдал. Но все это связано между собой, как запутанная волнами сеть.

— Тир-на Эргиан прав, — задумчиво сказала Джад. — Всеядное Жи тоже говорило о прошлом. Но что может скрываться за фреской? Конечно, если речь шла именно о ней?

— Ну, давайте узнаем, — еще мрачнее сказал Алестар.

В кабинете он первым осмотрел фреску, с которой загадочно улыбалась Ираэль, и пожал плечами.

— Если здесь и есть тайник, мне о нем ничего не рассказывали. А ломать стену — жалко. Если бы знать точно...

— Зачем же ломать? — рассеянно отозвался Эргиан, взяв со стола тяжелую статуэтку, бронзовый корабль на массивной подставке. — Попробуем сначала так...

И принялся осторожно стучать по фреске от верхнего угла все дальше.

— Что он делает? — спросил Алестар, видя, что Джиад понимающе и одобрительно кивнула.

— Ищет пустоты, — отозвалась жрица. — Глухая стена отзывается иначе. Я сама должна была подумать об этом!

— Есть! — торжествующе вскрикнул Эргиан, ударив по стене в том месте, где за плечом Ираэли виднелся край солнца. — Дайте что-нибудь острое!

Алестар молча подал ему с того же стола нож. Кариандец осторожно раскрошил и срезал часть фрески, стараясь не повредить изображение Ираэли. Еще пару раз ударил по кирпичу, который был внизу... И кирпич, не соединенный с другими, легко провалился в какую-то пустоту. Прежде чем Алестар успел его остановить, Эргиан сунул туда руку и достал пару тонких медных табличек. Отнес драгоценную добычу на стол и склонился над ней, подолом собственной туники стирая налет. Алестар подплыл с другой стороны, едва сдерживаясь, чтобы не выхватить таблички. Что-то из времен Ираэли! Тайна, скрытая веками и показавшаяся на поверхность.

— Читайте вы, — глянув на него, неохотно уступил Эргиан. — Это ведь ваши предки.

Благоговейно приняв тяжелые медные листы, Алестар взгляделся в слегка позеленевшую поверхность, на которой все еще четко виднелись буквы.

«Я, Мирисс из рода Торуна, каи-на Акаланте и ближний советник короля Адолара, по приказу его величества переносу на эти таблички историю принцессы Ираэль согласно свидетельству ее отца и всех, кто может что-то сказать об этом деле, — начал он. — В год Золотого салту от основания Акаланте тридцать второй принцесса Ираэль бежала из Акаланте, поддавшись преступному чувству к королю двуногих, Эравальду из рода Аусдрангов...»

Мерные и словно литые слова падали в тишину комнаты. Давно умерший каи-на просто и ясно рассказывал, как однажды после шторма принцесса Ираэль со свитой встретила обломок корабля, на котором ветер и волны носили умирающего от жажды человека. Ираэль велела своей охране помочь несчастному добраться до берега, и тот, благодаря за спасение, назвался королем Аусдранга и обещал иреназе богатые дары. Ираэль дары отвергла, но согласилась через луну встретиться со спасенным, чтобы принять от него что-нибудь на память. Вскоре встреча повторилась, потом еще раз. А когда король, беспокоясь об увлечении дочери, велел ей прекратить это, Ираэль, послушавшись для виду, тайно ускользнула из дворца.

«Вскоре после этого мой король и повелитель обнаружил, — читал Алестар, — что Сердце моря, с незапамятных времен хранившее Акаланте, повреждено. От него был отколот крупный кусок, и сделать это могла только пропавшая принцесса. Мой король приказал мне скрывать это от всех, а для Сердца была в великой тайне заказана новая оправа, скрывающая разлом.

В тоске и печали мой повелитель Адолар посылал вести на сушу, умоляя Ираэль вернуться, потому что она была единственной его наследницей и любимой дочерью. Но принцесса молчала, и каждый час ее промедления по капле точил силы моего короля. Наконец, настал день чернее Бездны, и мы узнали от подкупленных нами двуногих, что принцесса Ираэль предана тем, кого считала своим возлюбленным супругом. Что ее обвинили в измене и заточили в огромной деревянной бочке до рождения ребенка, чтобы по нему узнать, кто его отец...»

Голос Алестара сорвался в хрипоту, но он упрямо продолжил, читая, как король Адолар собирал силы, чтобы освободить дочь. Нужно было не просто обрушить на Адорвейн волну, но затопить все побережье надолго, чтобы иреназе могли доплыть до дворца и спасти принцессу. Искалеченное Сердце моря не могло сделать этого безопасно для короля, и Адолар поил его собственной кровью, пока, наконец, Великая Волна не обрушилась на Аусдранг. Неся смерть и разрушение, она прокатилась до самой столицы, и море обезумело, где-то выйдя из берегов, а где-то далеко отступив и обнажив дно. Гибли косяки рыбы и салту, умирали поля водорослей, и народ Акаланте терпел бедствие немногим меньше, чем люди. Сам Адолар во главе своей гвардии добрался до дворца, но не нашел даже тела умершей дочери, как и ее убийцы. Только маленький мальчик с рыбьим хвостом плескался в бочке, брошенный убегающими из дворца людьми.

«И тогда мой король и повелитель забрал ребенка и вернулся с ним в море, которое отступило назад в свои пределы. Пораженный скорбью, он проклял двуногий род и повелел никому из народа Акаланте не иметь с ними никаких дел, не торговать, не встречаться и не спасать их в беде. Дитя Ираэли же он велел назвать Клениасом и признал наследником. Но жизненные

силы моего короля и повелителя были подорваны столь великим напряжением, и через два года он скончался, повелев нам, своим каи-на, воспитывать принца Клениаса и соблюдать запрет, наложенный на встречи с людьми. Мне же он приказал изложить эту историю для потомков и спрятать ее за фреской, сделанной по приказу короля в знак памяти и скорби. Знайте, читающие, что немилость богов тяжела, но иногда еще тяжелее быть их избранником. Мать Море и Мать Земля пролили слезы над своими чадами и поссорились из-за них, и с тех пор у двуногих и иреназе разные пути, только Отец Небо, вечный и дарующий спокойствие, равно светит всем. Да пребудет вечное проклятие с предательским родом Аусдрангов, пока кровь их не искупит вину той ценой, что и боги, и смертные признают достаточной».

— Вот так вот... — уронил Алестар, опуская таблички на стол после долгого молчания. — Про второго ребенка Ираэли ни слова, но оно и понятно. А осколок Сердца моря Ираэль, видимо, принесла Эравальду в приданое. Будь он проклят.

— Судя по всему, давно проклят, как и весь его род, — заметил Эргиан. — Печальная история. Но ответа на все вопросы она, увы, не дает. Что ж, ваше величество, полагаю, так или иначе, все скоро разрешится. Если уж сами боги вмешались в это дело.

— Рано или поздно, так или иначе, — эхом откликнулась Джиад и вдруг встрепенулась. — Ваше высочество! У меня к вам еще одно дело. Личное!

— Я весь внимание, госпожа жрица, — улыбнулся Эргиан, и Алестар опять почувствовал злость на кариандца, так любезно улыбающегося Джиад.

А она вытащила из поясной сумочки еще одну табличку и протянула принцу. Тот взгляделся... и изумленно выдохнул:

— Мать Море и Великая Бездна! Это...

— Это подарок, — невозмутимо подтвердила Джиад. — И меня попросили не раскрывать имя той, кто его сделал. Просто передать вам.

— Подарок? Мне? — словно зачарованный, повторил Эргиан, и Алестар поразился: на щеках и скулах неизменно спокойного кариандца проступил румянец. Не отрываясь от дара, он тихо сказал: — Госпожа Джиад, это жестоко. Неужели вы так со мной поступите? Я хочу хотя бы поблагодарить...

— Я передам, — так же невозмутимо согласилась Джиад, но глаза у нее весело заблестели.

Обуреваемый любопытством, Алестар подплыл ближе и бесцеремонно заглянул Эргиану через плечо. И тут ему стало жарко и стыдно от собственной глупости, он мгновенно понял, почему Джиад смотрела на кариандца так внимательно. Она и в самом деле сравнивала! Рисунок на табличке почти полностью повторял положение, в котором они утром застали Эргиана!

— Маару?! — проговорил он, едва сдерживая смех. — Эргиан, да она увидела вас настоящим!

— Именно, — спокойно согласился кариандец удивительно мягким голосом. — Она заглянула мне в душу и увидела в ней самое лучшее. Того меня, каким я всегда хотел бы быть... Каи-на, умоляю, передайте той, кто это нарисовал, что я прошу о встрече с ней. Кем бы она ни была!

— Даже если это... престарелая служанка с облезлым хвостом? — невинно поинтересовался Алестар, отплывая, и тут же устыдился — шутка вышла глупая — но Эргиан поднял на него ничуть не обиженный взгляд, словно сияющий изнутри.

— Неважно, — уронил он. — У красоты и мудрости возраста нет. Я в любом случае хочу ее поблагодарить. Госпожа Джиад, тир-на Алестар, — поклонился он. — Могу я вас оставить?

Жрица молча кивнула, Алестар глянул на портрет, который Эргиан бережно сжимал в руках, потом — на таблички, оставшиеся на столе.

— Красота иногда убивает, — сказал он хмуро. — Помните и об этом. Через пару часов будет Совет, но в этот раз я вас туда не зову.

— Разумеется, — снова изящно склонил голову кариандец. — Очень мудрое решение. Учитывая, что вам будут советовать некоторые каи-на, мне и вправду лучше этого не слышать.

И он выплыл из кабинета, а Алестар остался наедине с Джиад, чувствуя мучительную неловкость.

— Насколько я понимаю, Совет касается вашего брака? — сказала она, смотря на фреску с Израэлью мимо Алестара. — Надеюсь, каи-на поймут ваши доводы должным образом.

— Им придется, — тяжело и мрачно сказал Алестар. — Хотят они того или нет, но я король! И бремя решений лежит на мне. Там дело не только в браке. Джи, мне нужно поговорить с тобой и Лилайном.

— Слушаюсь, ваше величество, — сказала она тем же отвратительно бесстрастным тоном, словно служанка.

Алестар поморщился.

— Джи, — сказал он умоляюще, с замиранием сердца снова не услышав запрета звать ее так. — Прошу, не лишай меня хотя бы своей дружбы. Если я тебя обидел, прости! Только не будь такой...

— Какой? — тихо уточнила она.

— Чужой... — выдохнул Алестар и качнулся к ней, но тут же остановился, натолкнувшись на предостерегающий взгляд, словно на стену.

— Вы хотели разговора? — бледно улыбнулась она краешками губ. — Нам стоит поторопиться. У вас ведь очень много дел.

— Что?! — от всей души поразился Каррас и глянул на него так, словно подозревал в безумии. — Меня — в послы? Да вы, ваше величество...

— Нет, с ума я не сошел, — отозвался Алестар, сам удивляясь собственному терпению. — А что вам не нравится? Вы же наемник? Ну вот, я вас нанимаю. Работа долгая, трудная и скользкая. Плата будет соответствующей. Назовите цену сами.

— Да какой из меня посол? Я таким в жизни не занимался!

Лилайн запустил пальцы обеих рук в шевелюру и окончательно растрепал волосы. Впрочем, они просто разлетелись вокруг его головы темным облачком. Алестар молча посмотрел на Джиад.

— Лил, — осторожно сказала она. — А почему бы не попробовать? Это хорошая работа. Честная. Нужная и людям, и иреназе. Ну что ты, не сможешь закупать мясо и репу? И отправлять их в море? Если сюда и вправду плывут сотни беженцев, их нужно кормить. Рыба быстро кончится. Аусдранг будет только рад продать свои излишки. И уж тебя-то купцы не надурят.

— И ты за него, — хмуро сказал Каррас. — Джи, я всю жизнь старался держаться подальше от высокородных. Купить несколько возов мяса — дело нехитрое, с этим кто угодно справится. Почему я?

— Потому что мне нужен тот, кому можно доверять, — спокойно сказал Алестар.

— А мне, значит, можно? — зло усмехнулся Каррас. — Деньги, знаете, людей портят. Не боитесь, что я их возьму и свалю подальше? Или просто на каждый ваш золотой буду накидывать по два для себя?

— У меня через луну здесь окажется полно пришельцев, — устало сказал Алестар, глядя на него. — Потерявших дом и близких. Голодных, испуганных, лишившихся всего и не знающих, как жить дальше. И еще свои подданные, которым тоже нелегко. Лилайн, посмотрите мне в глаза и скажите, что будете наживаться на их беде. Что вам это золото поперек горла не встанет...

— Идите вы, ваше величество, — буркнул Каррас. — Нечего меня на жалость брать. Я у голодного кусок никогда изо рта не вырывал. Но это другое. Как мне в Аусдранге появиться, если моя рожка там на каждом столбе намалевана с подробными приметами? Я там, конечно, и вполонину не такой лихой и красивый, как на самом деле, но все равно ж поймают. И хорошо, если просто вздернут. За убийство короля полагается такое, что мертвым позавидуешь.

— Это я беру на себя, — решительно сказал Алестар. — Будет полное признание лордов Аусдранга, что вы с Джиад ни при чем. Посол неприкосновенен, я дам вам верительную грамоту и содержание — все как положено. И если в Аусдранге вас хоть пальцем кто-то тронет, их корабли еще сотню лет из гавани не выйдут. Сам не доживу — завещаю

наследникам. Слово короля.

— Ну-ну... — протянул Каррас, посмотрев на него. — Ладно, а Джаид. С ней как быть?

— Как она сама пожелает, — ровно сказал Алестар. — Лилайн, подумайте, неужели ее свобода не стоит нашей общей гордости?

— Славно сказано, — горько усмехнулся Каррас. — Жи...

Он посмотрел на жирицу, ответившую ему прямым взглядом, взял ее ладонь и прижался к ней щекой так привычно и вместе с тем тоскливо, что Алестару словно лоур в сердце вогнали. Так мог бы смотреть на Джаид он сам, но с чего наемнику?

— Все мы хороши, — тихо сказал Лилайн. — Гордецы и забияки. Жи, не смотри так... Я и правда не хочу сдохнуть раньше, чем вытащу тебя, а в нашем деле всякое бывает. Обещай, что возьмешь мою с Милем захоронку. Там прилично, одного золота несколько сотен монет, а еще побрякушки. Деньги чистые, мы старый клад откопали. Может, и было на них крови, но не с наших рук. Возьми, — попросил наемник. — А остальное пусть вот он докладывает. Но мне будет легче знать, что я тоже тебе помог, чем смог.

Джаид молча кивнула, не отнимая у него руку, и Лилайн, сжав тонкие пальцы, отпустил ее ладонь сам. Посмотрел на Алестара тяжело и пронзительно, и так же тяжело сказал:

— Договорились. Если в Аусдранге меня не тронут, поработаю на ваше хвостатое величество. Послом так послом. Ну, а если наши танцы не сладятся, так и разбежаться недолго.

— Договорились, — с невероятным облегчением выдохнул Алестар и тут же подумал, что рано радуется, впереди еще Совет.

День, начавшийся так рано, показался ему бесконечным. Впрочем, как и многие дни до этого. При жизни отца Алестар занимался делами, конечно, но ему в голову не приходило, что от пробуждения до короткого ночного сна их можно запихнуть столько!

Он едва выдержал Совет, чтобы не наорать на каи-на, умолявших его не заключать договор с Суаланой, не жениться на их принцессе и не принимать в Акаланте столько беженцев. И наорал бы, окажись это полезно, однако выглядеть перед советниками, знавшими его с детства, несдержанным мальчишкой, больше не хотелось. Отец почти никогда не повышал голос, тем страшнее были редкие вспышки его гнева. Алестар вспоминал — и продолжал учиться даже сейчас. Наконец, все бумаги были подписаны, и Риаласа с письмом для короля Суаланы под охраной отправили на границу. Казначей получил дюжину срочных распоряжений, а самых крикливых советников Алестар мстительно назначил готовить окраины города для размещения беженцев.

Потом он еще успел повидать Эруви, но времени хватило только выпить с ней тинкалы и загадочно пожать плечами на вопрос Даголара, почему его высочество Эргиан сегодня имеет такой вид, словно нашел под подушкой кучу жемчуга. И навестить Дару, который пришел в себя... Маравеец не смог рассказать о Кари ничего нового, а на вопрос о Невисе недоуменно ответил, что целитель с его братом встречался не чаще, чем с кем-то другим. Обычно, когда дежурил у постели самого Алестара. И этот след увел в никуда...

И, наконец, уже поздним вечером торопливо приплывший Иратель сообщил, что человеческий наемник Райгар выражает почтение и заверяет в готовности служить его величеству, чем только можно.

— Прекрасно, — сказал уже почти заснувший над очередной кипой табличек из казначейства Алестар. — Пусть Герувейн с каи-на Лорассом напишут письмо земным высокородным. Я жду их на том же месте, что и в прошлый раз, послезавтра в полдень. Следует обсудить вопросы наследства Торва-а-альда, — зевнул он и поймал сочувственный взгляд Ирателя.

— Слушаюсь, тир-на, — поклонился советник и не удержался: — Не загоняли бы вы себя как салту на Арене, ваше величество. Всех дел не переделать.

— Под черно-белыми венками отдохну, — огрызнулся Алестар и добавил виновато: — Но хотелось бы туда попозже, конечно. Плывите, Иратель, времени совсем нет. Письмо должно попасть в Аусдранг как можно скорее, лучше бы прямо сегодня ночью.

Оставшись один, он упрямо подгрел очередную табличку, на этот раз касавшуюся денег, выделяемых на содержание Храмов. Ой, крику будет... Особенно у жрецов Тройх, потому что срезать содержание на Храм глубинных никак нельзя, его служители незаменимы в уходе за

горячими источниками и трубами, согревающими дворец и весь город. А вот зачем храму Троиx такие суммы? Ах, они в прошлом году заново инкрустировали жемчугом и перламутром главный алтарь? И заказали мозаику в покои амо-на Тиарана? Вот пусть теперь несколько лет на эту мозаику и любуются, так обычная рыба вместо дорогих яств им покажется гораздо вкуснее!

Судьба любит ходить по кругу, Джад это давно знала, но сейчас опять оценила в полной мере. Снова сияло солнце, озаряя лениво перекатывающиеся волны, что медленно качали огромный плот. Снова рядом был Алестар и его охрана, а на плоту виднелись фигуры лордов, которых Джад легко узнала издали. Крумас и канцлер Гленарвиль, как она и ожидала. Капитана, правда, не было, и, конечно, в этот раз их не ждал Торвальд. Зато Лилайн был с нею и задумчиво хмурился, наверняка снова размышляя о том разговоре. Джад его еще как понимала!

Трудно менять судьбу, словно лошадь — на полном скаку. Но в то же время и рассудком, и душой она знала, что Алестар прав. Лилу уже не двадцать, век наемника короток, и стоит подумать о надежной пристани и верном деле, которого не придется стыдиться ни перед людьми, ни перед собой. А тем, что предлагал король иреназе, можно еще и гордиться.

— Ну, благослови нас Мать Море, — буркнул Алестар и первым всплыл на Сером, а за ним последовали Джад и Лилайн, дождавшийся, наконец, обещанной ему прогулки на салту.

Зверя, правда, алахасцу пришлось подобрать самого послушного и смирного, но Алестар предусмотрительно сказал об этом только Джад, а Каррас, к счастью, в салту ничего не понимал.

Они втроем подплыли к плоту и отпустили зверей, которых тут же увели Камриталь с Семарилем. Волны вокруг прокатывались небольшие и гораздо теплее, чем она ожидала. То ли осень на побережье выдалась очень милостивой, то ли это опять были магические штуки Алестара, ведь в горах давно лежал снег, да и в прибрежной части Аусдранга ливня облетела.

— Приветствую ваше величество и желаю всяческих благ, — сказал канцлер Гленарвиль и низко поклонился.

Крумас последовал его примеру, а выпрямившись, остро глянул на Джад и держащегося рядом с ней Лилайна.

— Благодарю за пожелания, — спокойно ответил Алестар, скрестив руки на груди поверх плотной синей туники и золотой цепи, на которой висело фальшивое Сердце моря.

Джад перехватила взгляды обоих лордов, брошенные на перстень Аусдрангов, украшающий руку иреназе, и про себя усмехнулась.

— Ваше величество, — почтительно сказала она вслух. — Позвольте представить вам лорда Крумаса и лорда Гленарвиля, самых мудрых и могущественных людей Аусдранга.

— Словам про могущество поверю, а в мудрости почтенных каи-на я совершенно убежден, — холодно улыбнулся Алестар, явно намекая на прошлую встречу. — Не будем плести сеть из гнилых веревок. Вам, конечно, известно, что мой отец заключил договор, который я намереваюсь подтвердить. Хотя Торвальд повел себя недостойно ни короля, ни просто честного разумного существа, я держу обещания, данные отцом. Но мне нужно знать, кто станет преемником вашего короля и подпишет новый договор между людьми и иреназе.

— Это мудрое и великодушное намерение, ваше величество, — отозвался Гленарвиль. — Мы рады, что наши морские братья не затаили зла за... необдуманное поведение прежнего короля...

Алестар поморщился, и канцлер, мгновенно уловив его недовольство, поспешно перешел к делу:

— Поскольку прямых наследников не осталось, династия Аусдрангов считается прерванной. Совет знатнейших людей королевства решил обратиться к старинному обычаю выбора короля и положиться на волю богов.

— У вас короля выбирают?! — изумился Алестар. — А как же... Ах да, ваши короли правят иначе...

Он коснулся Сердца Моря очень расчетливым жестом, и Джад заметила, что оба лорда вздрогнули. Прекрасно! Стоит почаще напоминать им о власти повелителей моря, чтобы не

возникло соблазна обмануть. Но неужели и правда выборы?! Почему? Не договорились, кто взойдет на трон, и решили не устраивать кровопролитную свару? Или, напротив, договорились и теперь старинным обычаем прикроют свои интриги?

— То есть будущего короля вы мне пока назвать не сможете, — подытожил Алестар. — Значит, с договором следует подождать?

— Если ваше величество не против, — все с той же едва уловимой поспешностью сказал Гленарвиль, — мы с лордом Крумасом уполномочены Советом лордов заключать и подтверждать любые договоры от имени королевства Аусдранг. Кто бы ни взошел вскоре на престол, он их подтвердит.

— Вы можете за это ручаться? — уточнил Алестар, надменно изогнув золотые брови, будто выписанные кистью на мраморе лица.

— Мы клянемся, что обеспечим это, — веско уронил Крумас, впервые заговорив, и Алестар, внимательно посмотрев на него, кивнул в ответ.

— Хорошо, — просто сказал он. — Пока что я подтверждаю своим словом позволение аусдрангским кораблям невозбранно плавать по морю, а рыбакам — ловить рыбу не дальше, чем в дне пути от берега, как и было условлено. Когда ваш король будет избран, мы подпишем договор, однако у меня есть кое-какие уточнения.

— Да, ваше величество? — мгновенно вскинулся Гленарвиль, как охотничий пес, на которого сухопарый и длиннолицый лорд весьма смахивал.

— Мой народ готов не просто позволить вам плавать в наших водах, но и торговать с нами.

— Торговать?

Глаза Гленарвиля загорелись, канцлер почувал прибыль, и Джад впервые позволила себе вздохнуть с облегчением, потому что все это время была напряжена, как струна. Алестар отлично справлялся. Он закинул приманку, а самое неприятное побережье на момент, когда наживка уже будет проглочена.

— И что же интересует ваше величество?

— Кое-какие изделия, — небрежно проговорил Алестар. — Зеркала, например, выделанная кожа, некоторые ткани. Точный список подготовят мои каи-на, лорды-советники по-вашему. А еще мы готовы покупать земную еду. Сырое и копченое мясо, овощи и фрукты. То, что можно употреблять под водой. Многие мои подданные будут рады разнообразить свой стол.

— Это и в самом деле очень хорошо, ваше величество, — кивнул Гленарвиль. — А взамен?

— Рыбья кость и изделия из нее, жемчуг, морские диковины. Может быть, и золото с серебром, смотря по торговле, — улыбнулся Алестар. — Наши глубины богаты, но мы не станем отдавать сокровища за бесценки. И поэтому мое главное условие — вот!

Он указал взглядом на Джад и Лилайна, коротко поклонившихся.

— Вы снимете все обвинения против госпожи Джад и господина Карраса, — сказал он, не спрашивая, а утверждая. — В убийстве короля и в чем бы то ни было. Их имена должны быть полностью чисты от любых подозрений и любой вины, доказанной или нет.

— Ваше величество, это невозможно! — почти взмолился лор-канцлер. — Госпожа Джад — еще ладно... Но этот наемник! Все королевство думает, что это он убил короля. Мы... мы же не могли поступить иначе, вы понимаете?

У него хватило совести, а может, просто ума, принять смущенный вид, и Каррас рядом с Джад отчетливо и очень насмешливо фыркнул, а Алестар издевательски отозвался:

— Конечно, понимаю! Не могли же вы признаться в том, что нарушили свои клятвы подданных. Понимаю, но посочувствовать не могу. Господин Каррас нужен лично мне живым и свободным от всяческих обвинений. Придумайте что-нибудь, на то вы мудрые и могущественные. И учтите, что это не мой каприз. Господин Каррас и госпожа Джад отныне считаются моими послами в земли Аусдранга и к вашему двору. У вас ведь тоже принято с уважением относиться к послам? Кроме того, именно господин Каррас будет моим советником по торговым делам на суше.

— Посол и советник... — с таким лицом, словно у него вдруг заболели зубы, проговорил Гленарвиль, глядя на Лилайна. — А вашему величеству известно, что человек, которому вы оказываете такое доверие, давно разыскивается в Аусдранге как браконьер и контрабандист? И даже без убийства короля его деяний хватит не на одну казнь.

— Известно, — кивнул Алестар. — Но казнить его несколько раз вы все равно не сможете. А если с господином Каррасом что-нибудь случится — все равно что, я разбираться не стану — я пересмотрю условия договора, вспомнив и нашу украденную реликвию, и имена настоящих убийц короля, и то, что вовсе не обязан соблюдать договор, заключенный моим отцом и Торвальдом между собой, потому что оба они мертвы.

Его голос звучал так холодно и резко, что даже Джад захотелось передернуться, словно сбрасывая с себя прокатившуюся по спине ледяную крошку. Обоим лордам, судя по их лицу, хотелось примерно того же.

— У меня хорошая память, — проговорил Алестар, так и не повышая голос, но студеной ветер с моря вдруг порывом ударил в людей на плоту, и полы их камзолов затрепетали, а тщательно уложенные волосы разом превратились в воронье гнездо.

Джад этот шквал затронул едва заметным дуновением, но стоявшим на плоту под ударами ветра она не сочувствовала.

— Я, как и море, помню все, — продолжил иреназе. — И вашу дружбу вам еще предстоит подтвердить. Повторяю в последний раз, госпожа Джад и господин Лилайн Каррас неприкосновенны. Мне все равно, кого обвинят в смерти Торвальда. Хоть на меня самого свалите, я бы с удовольствием это сделал. Но если хоть волос упадет с головы этих двоих...

Шквал ударил снова, и оба лорда склонили головы, убирая с лица спутавшиеся пряди.

— Мы... поняли, ваше величество, — сдавленно отозвался Гленарвиль.

Алестар кивнул, и ветер стих так же внезапно, как налетел.

— Тогда мои советники передадут вам документы и предложения о торговле, — спокойно сказал он. — А господин Каррас вскоре прибудет в Адорвейн, и я уверен, его встретят там со всем почтением, положенным моему послу.

— Да, ваше величество, — вздохнул Гленарвиль.

Посчитав разговор законченным, Алестар нырнул, и почти сразу в волнах замелькали спины салту, отпущенных охраной.

Джад ловко поймала своего зверя, Лилайн немного замешкался, а потом она увидела, что наемник разглядывает плывущий к берегу плот.

— Забавно, — сказал он наконец, держась за седло салту. — Несколько недель назад меня обвиняли в убийстве одного короля, хотя я бы с радостью пришиб их обоих. А теперь это обвинение с меня снимут, но я, выходит, на службе у другого короля, которого ненавижу. Что-то моя судьба похожа на взбесившуюся лошадь, летит неведомо куда.

— Я так не думаю, — сказала Джад. — Она летит, это верно, но поводья в твоих руках, как и всегда. Если не захочешь, Алестар тебя силой держать в послах не станет. Конечно, найти для такого дела умного и честного человека нелегко. Но жизнь твоя, тебе и решать.

— Это верно, — усмехнулся Каррас. — Ну что, возвращаемся? Хм... Господин Лилайн Каррас, давно меня так не именovali. Забавно... — повторил он и пожал плечами, будто сбрасывая с них тяжелый груз. — Что ж, послом я еще не был. Но, сдается мне, это как раз что-то среднее между браконьером и контрабандистом, надо охотиться в чужих угодьях, чтоб хозяин не заметил, а потом втридорога продавать все добытое ему же. Ничего особенного.

Глава 14. Между маару и муренами

— Простите, что лезу не в свое дело, дорогой будущий родич, — очень равнодушно сказал Эргиан, переставляя камешек, — но знает ли ка-на Джиад, что всего через пару часов вы покинете дворец?

Он уже второй день учил Алестара играть в тосу, по обыкновению ехидно утверждая, что это отличный способ не сойти с ума им обоим. Ему, Эргиану, потому что должным образом занятый ум к безумию не способен. А у его величества... и без того очень необычный способ мышления! Алестар поймал насмешку, как брошенную острогу, но не разозлился, как раньше, а сдержанно напомнил, что прибор возвращается, и принцу еще предстоит тренировки на Арене. Ядовитая кариандская зараза немедленно заулыбалась и сообщила, что уровень мастерства его величества неуклонно растет, и потому фору в камнях Эргиан ему больше давать не станет. Вот так и беседовали. Станным образом это действительно помогало снять чудовищное напряжение, давившее на Алестара. Но не сегодня. Потому что глубинник был безупречно и очень опасно прав.

— Еще нет, — сумрачно добавил Алестар, видя, что и эту партию проиграет. — Эргиан, а вы уже нашли свою таинственную художницу? — перевел он разговор.

— Еще нет, — с улыбкой повторил кариандец. — Но каи-на Джиад принесла мне второй рисунок.

Он достал из шкатулки, стоящей на столике, медный лист, и Алестар вгляделся в переплетение линий, начерченных резцом неизвестной девушки. В том, что это девушка, он не сомневался, кто еще станет подобным образом флиртовать с принцем, не связанным узами брака? Пожалуй, учитывая характер Эргиана, обожающего загадки, незнакомка выбрала отличную тактику, чтобы взять приз в этой гонке. А рисунок был хорош! Ровная долина, на которой в кажущемся беспорядке лежали огромные камни. Над ними плавали рыбы и медузы, из-под пары камней тянули щупальца крупные маару, а дно между камнями покрывали водоросли...

Несколько мгновений Алестар недоумевал, что ему кажется в рисунке таким знакомым и, одновременно, странным, а потом восхищенно ахнул, сообразив. Округлые каменные глыбы были не обычными скалами, а камнями тосу, и вся равнина — невероятных размеров доской для игры. Силуэт салту над одним из валунов ясно показывал величину... Кто мог играть на этой доске? Разве что боги! Но, судя по заросшему дну и обломкам корабля, виднеющимся вдалеке, партия была давно заброшена, и от рисунка веяло печалью.

— Она удивительно талантлива, — сказал Эргиан, бережно принимая лист обратно. — И знает, что я люблю тосу и древние легенды!

— Про вашу страсть к тосу всему дворцу известно, — фыркнул Алестар, гадая, кто эта художница и почему она не скажет Эргиану о своих чувствах прямо.

Хотя почему, это как раз понятно. К моменту их встречи принц будет уже изрядно заинтересован!

Он с тоской оглядел настоящую доску, лежащую между ними, и решительно оттолкнулся хвостом. Хватит уже трусости, а иначе это не назовешь. Если Джиад узнает обо всем от кого-нибудь другого, она ему не простит. И обидится... Меньше всего он хотел оскорбить ее недоверием сейчас, когда разлука так близка.

— Встретимся у загонов для салту, — буркнул он Эргиану, невозмутимо собирающему камушки, и кариандец изящно склонил голову.

Доплыв до покоев Джиад, Алестар спросил у дежурящего в коридоре гвардейца:

— Каи-на Джиад со своим гостем вдвоем?

— Нет, ваше величество, у них ири-на Санлия и каи-на Леавара, — доложил тот. — Приплыли час назад, заказали еды, а тинкалу Санлия принесла с собой.

— Ясно, — усмехнулся Алестар, стуча в дверь, хотя ему было совсем не весело.

Объясняться с Джиад при всех не хотелось, а звать ее для разговора наедине... Конечно, всегда можно попросить остальных прогуляться, Санлия и Леавара поймут, а вот Лилайн — вряд ли. Лилайн Каррас, будущий посол Акаланте на суше! Как же ты мешаешь! Ведь

понимаешь все, но именно поэтому не покидаешь Джад ни на минуту. А времени осталось так мало!

Он поздоровался с веселым обществом, расположившимся на огромной кровати вокруг подноса с тинкалой. Леавара гребнем расчесывала Джад волосы, уже изрядно отросшие, и, судя по коротким цветным лентам в другой руке, собиралась их заплести. Лилайн что-то рассказывал — его насмешливый мягкий голос Алестар услышал от двери, как и смех Санлии. Надо же! Он уже и не помнил, как суаланка смеется! При нем она и улыбалась-то нечасто. Леавара вторила подруге.

А Джад, кажется, было все равно, что ее возлюбленному дарят улыбки первые красавицы двора. Она обернулась к двери, встретив взгляд Алестара, и будто просияла изнутри, но тут же потухла, плотно сжала губы, и сердце Алестара болезненно кольнуло. Его здесь не ждали. И следовало, пожалуй, вспомнить о гордости, сообщить, что он отлучится по делам, и уплыть. Что толку бесконечно вымаливать невозможную любовь? Все равно, что ловить отражение луны, которое качается на волнах.

— Доброго утра, ваше величество! — звонко ответила за всех Леавара. — Присоединяйтесь к нам, прошу! Мы решили отметить день рождения каи-на Джад!

— У нее... день рождения? — глупо переспросил Алестар, чувствуя себя редкостным болваном.

Он же не знал! Но это никак его не оправдывает, потому что можно было спросить! За все это время он ни разу не решился ей что-то подарить, и вот такой случай! А ему уплывать в полдень, и непонятно, как сказать об этом Джи, какой уж тут праздник и подарки...

— Понятия не имею, тир-на, — улыбнулась Джад, и чернильная Бездна ее глаз потеплела, когда жрица с усмешкой глянула на Леавару. — Я подкидыш и дня своего рождения не знаю. Но мне сказали, он в самом конце осени. Каи-на Леавара придумала отметить его сегодня. Простите, что мы вас не пригласили, это случилось как-то очень быстро.

— Ничего, — старательно улыбнулся Алестар, краем глаза невольно отмечая, сколько пустых кувшинчиков из-под тинкалы стоит на столе.

Да его раз двадцать можно было позвать за это время!

— К тому же не хотелось отрывать вас от дел, — добавила Джад, и по едва заметному блеску ее глаз и такому же старательно спокойному голосу, как у него самого, Алестар понял — она уже знает.

Неважно, кто сказал. Он опоздал. Ничего нового. И можно уже ни на что не надеяться.

— Но раз уж я приплыл на праздник с пустыми руками, — старательно улыбнулся он, — позвольте увести у вас каи-на Джад ненадолго. Обещаю, она скоро вернется, вы и тинкалу допить не успеете. А если успеете, пошлите на кухню за новой.

Он посмотрел на Джад, и она с неуловимо изменившимся лицом поднялась над кроватью и последовала за ним. К счастью, плыть было близко. Сейчас Алестар сам не знал, радоваться ли этому.

Кивнув двум охранникам, вытянувшимся при их появлении, Алестар толкнул массивную дверь, привычно пропуская Джад вперед. В темной тунике и штанах, но босиком, с распущенными волосами, которые так и не успела заплести, жрица выглядела изысканно стройной, и не скажешь, что опытный умелый воин. Сладкой болью пронзило воспоминание, как она была хороша на Арене в день смерти отца Алиэра, нарядная, накрашенная и в рубиновом браслете на запястье. Его браслете...

— Это склад оружия? — с удивлением спросила Джад, оказавшись внутри длинной комнаты, уходящей вдаль. — Иреназе или человеческого?

— И того, и другого, — ответил Алестар, подплывая к туарре и заставляя ее светиться сильнее.

Остальные шары немедленно откликнулись, и хранилище озарил яркий голубоватый свет. Ираталь держал оружие в безупречном порядке, как и все, что было связано с воинским делом. В каменных стойках торчали остроги и трезубцы, насаженные на деревянные древки разной длины. Море постепенно съедало дерево, даже несмотря на пропитку смолой, но каждый год из казны выделялись деньги на покупку нового оружия в Маравее, где купцы заказывали его людям с островов. «Хочешь мира — будь всегда готов к войне», — сказал

однажды отец, когда Алестар спросил его о причине таких трат.

Джиад плыла между стойками, с интересом рассматривая их. Взглядом спросив разрешения, достала одну острогу, прикинула ее на вес, взмахнула... Но что-то жрице не понравилось, и она вернула древко с костяным навершием на место, взяла другое. А потом глянула на ряд длинных полок у стены.

Мечи, ножи, остатки луков... Соленая вода убивала их беспощадно, и на памяти Алестара оружейную уже приходилось очищать, выбрасывая то, что пришло в негодность. Но море постоянно приносило новую дань с погибших кораблей.

— Это все не стоит твоего внимания, — негромко подсказал он жрице. — А вот здесь кое-что получше. Я не знаю, почему эту сталь не берет ржавчина, но корабль утонул много лет назад, еще во времена моего прадеда, а она как новая. Если тебе не понравится, я подарю тебе что-нибудь другое. Что угодно, только захоти! Но ты все-таки посмотри. Они красивые.

Джиад подплыла к указанной полке, склонилась над ней, и Алестар услышал сдвоенное восхищенное аханье. Несколько минут она, как замороженная, разглядывала оружие, а незаметно подплывший Алестар любовался ее чеканным золотым профилем, обрамленным мягкой волной черных волос.

— Это же... каршамская сталь! — проговорила она изумленно. — Я никогда не видела разом столько оружия каршамской выделки! Неудивительно, что море ее не берет! Секрет каршамских оружейников давно утерян, и на земле за мечи и кинжалы, что еще остались, платят огромные деньги! Это... слишком дорогой подарок, ваше величество.

— Джи... — улыбнулся ей Алестар. — Любой из этих мечей должен гордиться, если ты его возьмешь.

Джиад бережно сняла с полки меч с длинным, слегка изогнутым лезвием. Повела им перед собой и грустно вздохнула:

— Под водой таким не пофехтуешь.

— Мы предпочитаем остроги и лоуры, — кивнул Алестар. — И все-таки возьми хоть что-нибудь прямо сейчас. А когда будешь уплывать, можешь забрать отсюда хоть все. Если они и правда дорогие, на земле ты найдешь им применение.

— Вы не понимаете, ваше величество, — отозвалась жрица, положив меч обратно и взяв парные кинжалы с узким длинным лезвием и серебряной рукоятью, украшенной рубинами. — Они не просто дорогие. Вы хотели торговать с государствами суши? Любой из этих мечей — достойный подарок земному королю. А за такую пару кинжалов можно купить огромные стада скота и забить его на мясо для ваших подданных. Только не продавайте их все сразу, иначе они упадут в цене. Здесь ведь... не одна дюжина?

— Там дальше еще лежат, — отозвался Алестар. — Но я понял. Видишь, как удачно, что я их тебе показал? Мы слишком долго не общались с людьми и не знаем цену многим земным вещам.

— Лилайн будет хорошим послом, ваше величество, — проговорила Джиад, быстро глянув на него и снова отведя взгляд. — И я вам очень благодарна. За нас обоих. Если я возьму вот эти... можно?

— Хоть все, я же говорю, — усмехнулся Алестар. — Я бы предложил тебе выбрать и для него, но... лучше пусть он сам. Я передам страже, что вы можете в любое время приплыть в оружейную и взять все, что пожелаете. Надеюсь, он не откажется?

— Надеюсь, что нет, — слабо улыбнулась жрица. — Был у него когда-то каршамский кинжал... впрочем, неважно. Вы очень щедры, тир-на.

— Джи, ты так сильно на меня злишься? — тихо спросил Алестар, пытаясь поймать ее взгляд, но жрица упорно отводила его. — Ты ведь уже знаешь, правда? Прости, я должен был сам тебе сказать намного раньше.

— Знаю о чем? — с холодной бесстрастностью уточнила Джиад. — Что сегодня днем вы уплываете встречать вашу избранную? Разумеется, весь дворец об этом гудит. Вы совершенно правы, тир-на, лучше исключить всякие подлые случайности и перехватить караван пораньше. И я прекрасно понимаю, что мое присутствие здесь отныне... неуместно.

— Джи!

Алестар рванулся к ней, уронил руки на плечи, обтянутые темным шелком, заглянул в глаза и торопливо заговорил:

— Я не хочу на ней жениться! Ты же знаешь! И тем более это не значит, что ты должна уплыть! Для меня ты всегда будешь гораздо важнее!

— Напрасно, ваше величество, — как-то очень бледно и вымученно улыбнулась Джиад.

Она осторожно опустила вниз кинжалы, которые так и держала, и оказалась в плену рук Алестара, не делая даже попытки вырваться. Опомнившись, он сам превратил сильную хватку в нежное бережное прикосновение, мучительно сознавая, что не посмеет сейчас просить еще об одном поцелуе, чтобы Джиад не решила... Ничего не решила, в общем.

— Вам следует подумать о том, как не оскорбить будущую супругу, мать ваших детей и соправительницу, — бесстрастно продолжила Джиад. — И лучше бы мне даже нечаянно не встать между вами.

— Нет никаких «нас», — вздохнул Алестар. — Я всеми силами постараюсь избежать этого брака. Джи, я ничего тебе не сказал, потому что... просто не знал — как.

— Словами, — с едва уловимой злостью процедила жрица, наконец-то посмотрев на него. — Обычно я их неплохо понимаю. И предпочла бы действительно узнать о вашем отъезде от вас, а не от... прислуги. Знаете, ваше величество, такие вещи не скрывают ни от друзей, ни от советников, раз уж вам угодно так меня звать. Вы же за два дня не нашли времени... хотя бы слугу ко мне сами прислать.

Она вздохнула, высвобождаясь из подобия объятий, и теперь уже Алестар бессильно опустил руки.

— Не обижайся, — глухо попросил он. — Я хотел бы провести с тобой всю жизнь, но у меня даже нескольких дней нету. Мне... больно тебя видеть, Джиад. А не видеть — еще больнее. И я... Прости. Пожалуйста.

— Пустое, — так же тихо отозвалась Джиад, старательно глядя в сторону. — Я желаю вам удачи. Всей душой желаю. И счастья. И давайте не будем рвать друг другу душу. Вам, наверное, пора, а меня... тоже ждут. Благодарю за подарок, тир-на.

Она торопливо поплыла к выходу, и Алестару показалось, что он только что упустил что-то очень важное. Что-то в том, что она сказала, будто обмолвка, вылетевшая случайно, о которой Джиад сама теперь жалеет.

— Я вернусь! — окликнул он ее. — И мы договорим! И... с днем рождения тебя!

Жрица не ответила, выскользнув за дверь.

Они покинули Акаланте в полдень, как и рассчитывали. До границы с Суаланой было часов пять езды, если не гнать салту слишком сильно, а никакой необходимости Алестар в этом не видел. В своих владениях Лорасс не позволит ни одной чешуйке упасть с принцесс, а вот когда караван пересечет границу, возможны любые неожиданности, как это случилось с Маритэль.

Давать этим неожиданностям второй шанс Алестар не собирался. И три дюжины гвардейцев, вооруженных острогами, должны были это обеспечить. Вел отряд Иратель, отлично знавший в этих местах каждый камень после войны с Суаланой. Акаланте никогда не держало большую армию, в случае нападения король просто призывал большинство взрослых мужчин, владеющих оружием, и отказать повелителю никто не мог. Но после заключения мира их снова распускали по домам, и сейчас в Акаланте охраняли дворец и поддерживали порядок на улицах всего полторы сотни гвардейцев, дежурящих посменно. Три дюжины обученных воинов на салту, которые в случае необходимости будут драться наравне с хозяевами, это серьезная сила.

Ирателью помогала неразлучная парочка, Семариль и Камриталь, чрезвычайно гордые оказанным доверием, а вот Эргиан оставил своего начальника охраны дома, как и всех сопровождающих, приплывших с ним из Карианда. На удивление Алестара он лишь неопределенно пожал плечами и безмятежно заявил, что полностью полагается на выучку доблестных воинов Акаланте. Иратель негромко усомнился, стоило ли вообще брать с собой кариандского посла, встречая избранную из Суаланы, но это Алестар обдумал давным-давно. Эргиан знает Маритэль в лицо! У Суаланы не получится оставить глубинную принцессу себе,

объяснив это ошибкой.

— А еще я всегда мечтал увидеть эти места, — добавил Эргиан. — И желательно не в момент извержения вулкана, а в более... спокойное время. Жаль, что Три брата столь неласково отнеслись к планам расселить здесь ваших новых подданных, тир-на.

Долина, над которой они плыли, действительно выглядела жалко. Опаленная кипящей лавой и рвущимися наружу горячими источниками, отравленная дыханием глубинных богов, она еще не начала залечивать раны, и под плывущими салту простиралось черно-серое бугристое поле.

— Мать Море исцелит свои владения, — твердо сказал Алестар. — Я уже видел такое раньше. Несколько лет, и жизнь будет здесь бурлить сильнее, чем раньше.

За беседой они доплыли до каменной гряды, по которой пролежала граница. Поводом для войны с Суаланой была как раз она. Соседи собирались сдвинуть рубеж в сторону Акаланте, прихватив и вулканы, и плодородные долины, но отец Алестара отбросил их, а границу сдвинул так, что Три брата оказались в пределах Акаланте всеми своими склонами.

На гряде их и застала вечерняя тьма. Год катился к зиме, и солнце садилось все раньше. Джиад говорила, что в горах, где она пыталась укрыться от Торвальда, уже давно холода и лежит снег. Но над морем он не выпадал почти никогда, а что такое лед, Алестар знал только из книг Исковиала да однажды видел его, когда отец заморозил на лету огромную волну. Теплые течения и донные источники грели воду Акаланте, и часть этого жара доставалась прибрежному Аусдрангу.

— Заночуем здесь, ваше величество, — сказал Иратель, оглядывая ровный участок дна с мелким песком. — Сегодня они уже не приплывут.

Алестар молча кивнул и принялся ждать, пока гвардейцы устроят лагерь. Салту следовало привязать к вбитым между камней костылям, а дно расчистить, чтобы не проснуться в объятиях маару или с дюжиной крабов на хвосте. Ночевать предстояло в полной темноте, на свет прихваченной с собой туарры приплыло бы неисчислимое множество морских обитателей, и не все они были безобидными. Так что туарра — это на самый крайний случай.

Пожевав взятого в дорогу мяса маару, он устроился спать, не желая ни с кем разговаривать. Душу будто крабы щипали, странная тревога не отпускала, и Алестар всерьез опасался, что ночью на них нападут. Но обошлось. Утренние лучи светила достигли дна, расцветив его привычными мягкими красками, и почти сразу дозорные, выставленные Ирательем, закричали с гряды, что видят караван. Похоже, суаланцы ночевали где-то невдалеке и пустились в путь еще до рассвета.

Алестар ждал их, стараясь унять дрожь. Скоро он увидит ту, с которой придется провести всю жизнь, если боги не позволят иного. Какой она окажется, принцесса Дэлора, тихоня и любительница чтения? Можно ли будет с нею договориться, или запечатление снова окажется сладкой, но мерзкой отравой, связавшей двух ненавидящих друг друга существ?

Караван стремительно приближался, вот он перевалил через гряду, и тут же дозорные закричали снова, теперь тревожно, а потом один из них кинулся вниз, к отряду.

— Чужаки! — крикнул он, еще не успев доплыть. — Не меньше пяти-шести дюжин! Все на салту и с оружием!

— Ну, вот и неожиданности, — процедил Алестар, с бессильной злостью понимая, что сам пока ничего не может сделать. — Иратель, командуйте.

Бывший военачальник отдал честь, мгновенно подобравшись, и зычно распорядился:

— Всем на салту! Первая дюжина — круг над королем! Вторая дюжина — держать плавник со стороны каравана! Третья — плавник со стороны гряды! Остроги наизготовку! Это наши воды, а вы — гвардия Акаланте и славного короля Алестара! Кто опустит хвост, лично чешую обдеру и на солнце вывешу!

— Очень впечатляюще, — сообщил удивительно спокойный Эргиан, возникая рядом с Алестаром. — Всегда верил, что в бою от вашего доблестного кай-на гораздо больше проку, чем в интригах.

— Как вы думаете, кто это? — обернулся к нему Алестар.

— Я не думаю, — тихо ответил кариандец и уронил еще тише, еле слышно: — Я, к сожалению,

знаю.

Алестар не успел спросить хитроумную глубинную заразу еще раз. Из-за гряды уже ровным строем плыли незнакомые всадники в доспехах и с трезубцами, обогнув застывших на своем месте дозорных Акаланте. И так же размеренно, будто в торжественном танце, где у каждой фигуры свое время и место, с другой стороны подплывал караван суаланцев. Крупные звери с черноволосыми седоками окружили пару салту поменьше. На них Алестар разглядел двух девушек, одна из которых издалека сияла золотом волос, ярко выделяясь среди остальных.

— Это Маритэль, — бесстрастно уронил Эргиан.

— А где ее свита? — растерянно спросил Алестар и услышал, как Эргиан сдавленно помянул отродье глубинных.

— Уже в Карианде, я полагаю, — справившись с собой, с тем же жутковатым спокойствием ответил глубинник. — Хотя очень хотел бы ошибаться.

— Да хватит воду мутить! — не выдержал Алестар, глядя, как оба отряда выстраиваются полукругом, словно обхватывая акалантцев. — Эргиан! Кто это?

От суаланцев, оказавшихся слева, отделился салту с рослым седовласым седоком, богато одетым и сверкающим золотым убором своего зверя. Серый под Алестаром немедленно заволновался и напряг спину — соперник под седлом суаланца ему не нравился. За седовласым последовали салту принцесс, не подплывая слишком близко, но все-таки оказавшись между своим отрядом и воинами Акаланте.

Справа тоже перед строем выплыл один из чужаков. С той же скоростью, что и суаланец, подплыл ближе, и Алестар хорошо разглядел светло-русые, почти белесые длинные волосы, заплетенные в сложную косу, бледное лицо со знакомо тонкими чертами и почти бесцветные глаза. Родич Эргиана, а никем иным он быть просто не мог, носил богато украшенный доспех из чеканных медных пластин, соединенных кожаными ремнями. Такие же доспехи, только попроще, были на его свите.

И поймав слово «свита», само выплывшее из глубин сознания, Алестар обо всем догадался несколькими мгновениями раньше, чем Эргиан, словно нехотя разжимая губы, холодно представил их друг другу:

— Его величество Алестар, король Акаланте и повелитель этих вод. Его величество Эмарайн, король Карианда.

А подплывший суаланец почтительно, но с достоинством склонил седую голову и сообщил:

— Рад приветствовать великих повелителей моря. Я каи-на Сораль, советник его величества Лорасса и сопровождающий его дочери, принцессы Дэлоры, и нашей гостьи Маритэль, принцессы Карианда.

— Гости? Теперь это так называется? — уточнил Алестар и скорее почувствовал, чем услышал предупреждающее шипение Эргиана. — Впрочем, об этом потом. Я рад приветствовать вас в своих водах, дорогой брат, — обратился он к Эмарайну, слегка подчеркнув голосом слово «своих». — Но если бы вы сообразовали предупредить о прибытии, я приготовил бы вам более достойный прием.

— Нисколько в этом не сомневаюсь, дорогой брат, — отозвался Эмарайн голосом, удивительно похожим на голос Эргиана, Алестар чуть не вздрогнул от неожиданности. — И прошу извинить меня за неучтивость. В следующий раз я непременно попрошу о чести быть вашим гостем, но сегодня мое дело срочное и не терпит отлагательств. Я бы хотел забрать и сопроводить в Карианд принцессу Дэлору, обещанную мне ее отцом, братом нашим Лорассом. А со стороны Суаланы очень любезно привезти вам мою дорогую сестрицу Маритэль, как я вижу.

По его губам скользнула тонкая улыбка, тоже точь-в-точь повторяющая обычные улыбки Эргиана, застывшего рядом с Алестаром. Суаланец выпрямился в седле так, словно проглотил лоур, и сдавленно ответил, глядя в пространство между Алестаром и Эмарайном:

— Прошу прощения, тир-на. Мне ничего неизвестно об этих договоренностях. И обеих принцесс я сопровождаю в Акаланте. По данному мне приказу тир-на Дэлора должна стать супругой его величества Алестара.

«Врет, — с безупречной ледяной точностью понял Алестар. — Все ему известно. И это

означает, что... Кровь Глубинных!»

— Как неосторожно со стороны моего дорогого собрата Лорасса, — словно с сочувствием покачал головой Эмарайн. — Обещать руку и сердце одной принцессы сразу двум соседям. Возможно, он просто что-то перепутал? Тир-на! — обратил он взгляд светлых, немигающих, как у глубоководной рыбыны, глаз к Алестару. — Положение пренеприятное. Но согласитесь, если бы у меня не было оснований претендовать на принцессу, как бы я узнал, где и когда появиться?

— Мне бы тоже хотелось это узнать, — послушно откликнулся Алестар, понимая, чего от него ждут.

Считают глупцом? Это хорошо. Это хоть какая-то фора на первом круге!

В суаланском караване охранников больше, чем у него. Четыре дюжины примерно. У Карианда — шесть дюжин. Но чью сторону примет Суалана?

Он чувствовал рядом Ираталя, начальник охраны напрягся, словно матерый салту, в табун которого заплыли наглые молодые чужаки. От Эргиана веяло холодным спокойствием пополам с тоской — тоже ледяной. Эмарайна прочитать было невозможно — на его груди поверх доспеха висело Сердце моря, самое настоящее, судя по источаемой им силе. Суаланец? Растерянность, тщательно скрываемый страх, непонимание... Кажется, он и вправду подобного не ожидал. И две тонкие струйки целой смеси чувств от замерших неподалеку девушек.

Алестар посмотрел в их сторону, жадно ловя первое впечатление. Маритель, стройная, но приятно округлая в груди и бедрах, угадываемых под нарядной голубой туникой, смотрела на него огромными золотисто-карими глазами, сияющими, как два драгоценных камня. И разве что не подпрыгивала на салту, обращая круглое милое личико то к Алестару, то к Эргиану.

Суаланка рядом с ней казалась моложе, едва вышедшей из возраста детской чешуи. Ей было лет шестнадцать-семнадцать, как помнил Алестар, но казалась она почти ребенком. Тоненькая и плоскогрудая, с проступающими в вырезе красной туники худыми ключицами и остроносый смуглым личиком, она была не то чтобы некрасива... Но рядом с Маритель совершенно терялась. Толстая черная коса и умные острые глаза, тоже черные, как у Джиад, скрашивали ее внешность, но Алестар про себя вздохнул: ей бы еще хоть два-три годика подрасти. На песок, несмотря на брачный возраст, укладывать стыдно.

— Вообще-то, — сказал он, изо всех сил изображая дурака, — руку принцессы Дэлоры обещали мне.

«А Эргиан сказал бы, что мне можно не особо напрягаться, изображая глупца, — отстраненно мелькнуло в сознании. — И улыбнулся бы. Как же они похожи. Эмарайн, значит. Король и убийца, велевший брату вернуться домой на верную смерть. Ну-ну...»

— Полагаю, тир-на, — почти ласково сказал ему король Карианда, позволив себе только тень снисходительной улыбки, — нам лучше вернуться к прежним договоренностям. Вы ведь просили в супруги мою прекрасную сестру. И вряд ли захотите обидеть меня разрывом договора теперь, когда все встало на свои места. Мне — Дэлору, а Маритель — вам, — терпеливо объяснил он Алестару, как ребенку или слабоумному. — Что касается дорогого нашего собрата Лорасса, с ним я все улажу.

Все глаза были устремлены на него, Алестар глубоко вдохнул воздуха... и замер, как перед решающим рывком.

Это было роскошное предложение. Изумительное! Он избавляется от суаланки, причем даже с Лорассом объясняться не придется! Маритель отправится в Акаланте, а там видно будет. Разом разрубается сложный узел! Так почему чутье кричит не соглашаться?! Потому что он верит Эмарайну не больше, чем Лорассу? Оказавшись между маару и муреной, не жди пощады от обоих!

— Решайте же, тир-на, — мягко и участливо поторопил его Эмарайн под непроницаемым взглядом суаланского кай-на, отчаянным — Маритель и остро боязливым — Дэлоры. — Королевское слово — честь Моря. Скажите его, и мы все останемся друзьями и братьями.

Не было ни одной причины отказать! Даже если бы он захотел, а Алестар хотел этого всем сердцем и каждой чешуйкой, сам не понимая почему. Это же так правильно! Он давал слово жениться на Маритель! И не хотел жениться на Дэлоре!

— Я... — начал он, еще не зная, как закончит фразу, потому что сердце и разум отчаянно тянули в разные стороны.

— Тир-на Алестар отказывается, — прозвучал холодный, как Бездна, голос, и все глаза устремились на Эргиана. — Мы требуем исполнения договора с Суаланой и руки принцессы Дэлоры. Тир-на Маритэль тоже отправляется в Акаланте соответственно договору, о котором я писал, ваше величество.

— Мы? — ласково протянул Эмарайн. — Дорогой брат, вы, случайно, не забыли, чьим подданным являетесь?

— Нет, дорогой брат и повелитель, — церемонно поклонился ему Эргиан и обратился к Алестару: — Тир-на, однажды вы дали слово исполнить любое мое желание.

— Да, — настороженно уронил Алестар. — И что?

— Я прошу руки вашей подданной и, соответственно, подданства Акаланте. Руки и запечатления, когда вернемся, а подданства — прямо сейчас.

— Чьей руки?! Эргиан, вы... вы...

Алестар онемел, искренне не зная, что сказать, а кариандец неуловимо поморщился на столь явный промах.

— Той девушки, — любезно уточнил он. — С рисунками. Кем бы она ни была. Вы дали слово, тир-на.

— Я не буду принуждать неизвестно кого к браку с вами, — огрызнулся Алестар, подозревая, что Эргиан сошел с ума. И никакие занятия тосу ему не помогли. — Делайте предложение, как положено, и если она согласится...

— Мой дорогой брат не сделает вашей подданной никакого предложения, — мягким, как шелковая ткань, голосом сказал Эмарайн, глядя на бледного Эргиана почти с сочувствием. — Я отзываю его домой. К вашему двору вскоре прибудет другой посол, тир-на. А сейчас давайте вернемся к более важным вопросам.

Эргиан, отчаянно глядя на Алестара, беззвучно шевельнул губами и медленно, как во сне, потянулся рукой к горлу. Эмарайн, бросив на него раздосадованный взгляд, нахмурился... И тут у Алестара наконец просветлело в голове! Сердце-фальшивка молчало, но он вложил всю волю, всю злость на происходящее в один удар — и невидимый алый клинок, рожденный перстнем Аусдрангов, разрубил такие же невидимые нити, тянущиеся от Эргиана к его брату-королю.

В глазах младшего глубинника мелькнуло облегчение, и он хрипло выпалил прорезавшимся голосом:

— У меня приказ вас убить. Не от отца. От... него, — мотнул он головой в сторону брата.

— Что?! — выдохнул Алестар, не зная, чему удивляться больше, такой новости или выбору, сделанному кариандцем.

— Эргиан... — покачал головой Эмарайн. — Ты так и не усвоил урока. Мой бедный братец... А знаете, тир-на, — доверительно обратился он к Алестару, — я бы на вашем месте не слишком доверял словам этого лукавца. Он ведь отлично знал, кто похитил Маритэль. И, главное, почему. Правда, Эргиан? Ты ведь умница, ты не мог пропустить следы. — Желтые камни, — снова сообщил он Алестару. — Братец вам о них не сказал? Отличная штука это зелье! Один сосуд, разбитый в середине каравана, и все просто уснули. Мой дорогой собрат Лорасс вовремя собрал тела и... дальше вы все знаете. Маритэль в Суалане, ее свиту, кстати, любезно вернули мне, зачем Лорассу лишние рты? А Эргиан все знал.

«И не только про Маритэль, — понял Алестар. — Появления Эмарайна он тоже ждал. Потому и не взял с собой никого из кариандских воинов! Случись драка, они подчинялись бы не ему, а своему законному королю! Но... он меня предупредил. Уже не первый раз он меня спас, теперь точно выбрав, чью сторону принять».

— Я только подозревал! — огрызнулся бледный до полупрозрачности младший глубинник, бросив на Алестара отчаянный взгляд. — И до последнего не мог поверить, что ты пошел на такое! Королевское слово, Эмарайн! Ты обещал отдать ему Маритэль!

— Так я и отдаю, — улыбнулся Эмарайн, и воины за его спиной зашевелились, неувовимо переходя от спокойствия к напряженной безмолвной угрозе. — И очень настоятельно советую взять. А с тобой, братец, мы потом поговорим.

— Это вряд ли, — спокойно сказал Алестар, старательно не пуская на волю бушующую в нем ярость. — Тир-на Эргиан попросил моего подданства. Он его получит.

— Не успеет, — с улыбкой возразил Эмарайн. — В таком случае мое право и долг — покарать предателя прямо здесь.

И он медленно, напоказ потянулся к Сердцу.

— Вы в моих водах... — прошипел Алестар, глядя в бесцветные рыбы глаза. И как ему могло казаться, что они похожи на глаза Эргиана? Ничего общего! Ну, почти... Молчание о пропавшем караване он хитроумному глубиннику еще припомнит. Потом. Как своему советнику и подданному. — Вы все в моих водах, тир-на. Забыли, чья кровь течет во мне?! Посмейте призвать свою силу — и я призову свою! Матерью Море клянусь, никто из вас не успеет уплыть, если Три брата снова пробудятся по моему приказу!

Он не глянул в сторону мрачных силуэтов вулканов, возвышающихся за его спиной совсем близко, но в этом и не было нужды. Туда посмотрели все остальные. И на лице суаланца — о, вот кто знал характер Трех братьев! — проступил ужас.

— Умоляю, тир-на... — почти прошептал он неизвестно кому, а может, сразу обоим.

Эмарайн нахмурился снова, и его рука медленно опустилась.

— Значит, Лорасс пообещал свою дочь нам обоим? — размеренно сказал Алестар. — Но вы приказали своему брату убить меня до запечатления с принцессой, верно? Род Акаланте прервется, бедная невеста рыдает, и тут появляется спаситель из Карианда! Так чего же вы испортили такой прекрасный план, тир-на? Зачем решили перехватить невесту первым?

— Не поверил старой мурене Лорассу, — с безмятежной улыбкой признался Эмарайн. — С него бы случилось все переиграть, захавав Акаланте себе одному. И кстати, вы сами виноваты, Алестар, нельзя быть таким живучим. У вас там такое творилось, а вы... Да-да, конечно, я приглядывал за дорогим братцем и за вами заодно. Он, кстати, описывал вас гораздо глупее, зря я в это поверил и тянул так долго. Салту успел отрастить зубки.

— Зачем, Эмарайн? — спросил Алестар, подозревая, в общем-то, ответ. — Что я вам сделал?

— Вы? — удивился кариандец. — Ровным счетом ничего! Мне нужно Акаланте для моих подданных, только и всего. Согласитесь, гораздо удобнее самому надеть корону, чем зависеть от ваших милостей. И, боюсь, отступить уже не имеет смысла. Отсюда уплывет лишь один из нас. Ему и корона, и принцесса, и договор с Суаланой. И много-много подданных.

Он почти виновато улыбнулся, и Алестар улыбнулся в ответ, все-таки спуская ярость с привязи, как рвущегося на свободу необученного салту Эмарайн плыл к цели прямо, словно уже видел ее перед собой. И явно не собирался оставлять в живых никого из акалантцев. Интересно, на кого он потом свалил бы их смерть? На суаланцев, наверное. Или на сирен. Или... да неважно! Эргиан и Маритэль, похоже, тоже обречены.

— Три Брата, не забыли? — напомнил он. — Спустите на меня своих маару — и я спущу на вас ярость вулканов. Они просыпались недавно, хватит одного толчка. А еще я позабочусь, чтобы хоть кто-то из моего отряда добрался до Акаланте и все рассказал. Город не примет вас, Эмарайн. Нет веры королю, нарушившему слово. Но... насчет «одного» — это мне нравится. Над королями нет закона, кроме богов. Перед их ликом я обвиняю вас и требую суда Матери Море.

— Поединок? — с той же опасной мягкостью уточнил Эмарайн. — Здесь и сейчас? Хм...

— Тир-на, я готов стать вашим бойцом, — быстро проговорил Эргиан, не сводя взгляда с брата. — Обычай допускает замену! А суд богов отменяет законы силы и крови о защите короля!

— Любой из нас готов! — возмутился кто-то позади, кажется, Камриталь, и гвардейца поддержали его нестройным гулом.

— Нет уж, — хмуро сказал Алестар. — Это мой поединок. За мою корону и мои воды. Эмарайн, так вы согласны?

— Вполне, — изящно кивнул кариандец. — Свидетелей достаточно. Взять королевство на острие лоура — это даже забавно. Только оружие?

— Только оружие, — кивнул Алестар.

Сняв цепочку с Сердцем моря, он нашел взглядом большой камень неподалеку и, подплыв, положил фальшивку на него. Следом то же самое проделал Эмарайн.

— Доспехи, тир-на! — громко сказал Иратель, и воины Акаланте одобрительно зашептались. — Это суд богов. Иначе, клянусь, каждый из нас будет свидетелем, что поединок нечестный.

Кариандец поморщился и остро глянул на Ирателя, будто запоминая его, но доспехи снял, оставшись в нарядной синей тунике, шитой золотом. Одним отточенным движением, выдающим хорошего бойца, выскользнул из седла и ненадолго замешкался, повернувшись ко всем спиной и отстегивая лоур. «Странно, что не острогу, — мелькнула мысль у Алестара. — Но это хорошо...» Эргиян, едва разжимая губы, шепнул:

— Он всегда травит оружие. Может, все-таки я?

Алестар молча чуть мотнул головой. Слез с Серого, прихватив собственный лоур, и жестом велел отвести салту подальше.

Яд, значит. Вот почему Эмарайн так спокоен! В глазах суаланского каи-на, молча наблюдающего за ними, снисходительное презрение, понятно, в чью сторону. Акалантцы с Ирательем во главе едва дышат, а в кариых глазах Маритэль — страх...

Если яд, нельзя пропустить ни одного удара. Даже царапины. Мелькнула мысль, что можно потребовать осмотра оружия и заставить Эмарайна уколоть себя острием. Но кариандец, конечно, не согласится. А ведь с вулканами Алестар нагло врал — он не сможет их разбудить одним лишь перстнем. Да и не стал бы. Слишком опасно, просто губительно. Значит, здесь начнется резня... «Мать Море! — взмолился Алестар. — Ты же видишь правду! Ты знаешь, я только хочу сохранить свое и защитить тех, кто мне дорог! Помоги!»

Но море молчало. Не отзывалась вода, не касалась Алестара таинственная сила, хранящая каждого истинного короля. И он понял, что рассчитывать придется лишь на себя.

— К бою, дорогой собрат, — улыбнулся Эмарайн тонкими губами, и Алестар вдруг понял, на что тот рассчитывает.

Любая странность в смерти проигравшего будет расценена как воля богов! Это же их суд! И что здесь можно сделать?!

— К бою, — отозвался Алестар, поднимая лоур.

Он никогда не был особенно хорошим фехтовальщиком, хотя учился, разумеется, как и положено принцу, будущему королю, владеть оружием. Но про себя всегда знал, что настоящие поединки ему не грозят. Никто не поднимет руку на наследника, кровь Акаланте. Короли иреназе сражаются войсками и силой своих Сердец моря.

Но он был гонщиком на Арене, лучшим из лучших. А это значит, что лоур каждый раз оказывался в гонке продолжением его руки. И, отражая первый удар, легкий, словно скользящий, Алестар не глядел ни на свой лоур, ни на смертельно опасное острие лоура Эмарайна. Гонщик смотрит вперед. Зверем Алестара стал его гнев. Ареной — маленькая площадка между скалами. И взгляд Эмарайна наконец-то дрогнул, когда Алестар обрушился на него, работая лоуром не как оружием, а как правилом для салту. Быстро, точно, резко. Отражать атаки кариандца в этом стиле было невероятно сложно, Алестар этого и не делал. Он уворачивался сам, пользуясь всеми возможностями тренированного тела, гибкого, сильного, способного держать равновесие на крутых поворотах и в любом положении.

О да, Эмарайн был отличным бойцом! Он нападал яростно, как атакующая мурена, изо всех сил пытаясь задеть Алестара, хотя бы уколоть или поцарапать. Но он никогда не загонял стадо диких салту, на бешеной скорости пролетая между скалами, рассчитывая расстояние между собой и смертью до толщины ладони. Он был фехтовальщиком, а не охотником и гонщиком. И фехтовальщик пока проигрывал силе, скорости и злости.

Но долго так продолжаться не могло. Ничьи силы не бесконечны. И достаточно одного промаха! Лоур Эмарайна мелькал все ближе, кариандец приспособился к стилю Алестара и спрятался в оборону, выматывая его и изредка пытаясь ужалить острием. В бесцветных глазах, которые Алестар уже ненавидел, все чаще мелькало торжество. Удар! И острие почти задело

локоть Алестара. Эмарайн улыбнулся, но не торжествующе, а даже с каким-то пониманием. Он не злился! Он убивал, как убивают диких салту ради мяса и шкуры. И Алестар начинал чувствовать себя загнанным зверем.

«Я не могу проиграть, — подумал он с тоскливой безнадежностью. — Просто не имею права. Он возьмет Акаланте и отдаст его своим подданным. Я принял бы их как друзей и родичей, но они захватят нас как добычу. И Джад... Я хочу еще увидеть ее! Мне нельзя умирать! Пусть победа и будет постыдно горькой...»

Кариандец снова мягко скользнул к нему в красивой атаке. Совершенной. И почти преуспел. Его лоур должен был наискосок задеть предплечье Алестара. Может быть, рассечь кожу. Или уколоть. Алестар почти увидел внутренним зрением, как острие вспарывает плоть, выпуская кровь. Совсем небольшая рана по меркам обычных поединков. Достаточная сейчас.

И в последний миг он потянулся к лоуру Эмарайна силой Сердца через осколок в перстне. Это ведь кариандец перед поединком снял настоящую реликвию, Алестар положил на скалу фальшивку. А перстень... перстень так и остался у него на пальце.

«Я оскорбил суд богов», — отстраненно, словно не о себе подумал Алестар, отводя острие чужого лоура в сторону.

А потом одним четким ударом вогнал в тело противника свой лоур.

Успел увидеть удивление в медленно гаснущих светлых глазах, почувствовать, как дрожат руки от тяжести длинного стального прута, которым он так размахивал. И понял, что все кончилось. Он выиграл свой первый и единственный поединок. Проиграл честь. И спас Акаланте.

Над Эмарайном расплывалось мутно-багровое облачко — кровь сочилась из глубокой раны в груди. Лоур вошел точно в сердце. Настоящее, а не Сердце моря, что жадно поблескивало на большом камне рядом. Алестара слегка замутило, он вдруг понял, что кариандское Сердце Моря сейчас впитывает кровь своего короля, уже мертвую, но еще несущую в себе силу. Фальшивая реликвия рядом блестела ровно и спокойно, разительно отличаясь от настоящего Сердца.

И так же спокойно и бесстрастно текли мысли самого Алестара, словно оглушенного происходящим. Он ждал гнева, ярости, торжества — ну хоть чего-нибудь! Первый враг, убитый лично им! И... ничего. Как после тяжелой гонки, измотавшей и тело, и разум, вот уже в руках победная тяжесть приза, а радоваться ей не хочется.

Еще раз глянув на тело, он поднял голову и обвел взглядом безмолвных зрителей. Осколок в перстне услужливо донес до него отсвет их чувств. Кариандцы сбились в небольшую плотную стаю, оттуда веяло ужасом, злостью, разочарованием, едва уловимой надеждой... А не все, оказывается, любили Эмарайна... Седовласый суаланский советник, рядом с которым замерли Дэлора и Маритэль, взирал на происходящее невозмутимо и бесстрастно, и даже его чувства были словно защищены панцирем, как у краба. Очень полезное умение, хорошо бы так же научиться.

Он собирал крупницы понимания происходящего, как камушки для игры в тосу, потому что поединок на самом деле не закончился смертью Эмарайна. Всего лишь очередной этап Гонки, а впереди их еще много.

Эргиан держался немного поодаль от акалантцев, и его чувства были слишком тонки и неуловимы на фоне ликования подданных Алестара. Иратель сверкал глазами, не считая нужным скрывать улыбку, гвардейцы глядели восторженно. Ну как же, их король победил!

А Алестар наконец понял, что испытывает, паря в этом смешении радости, ненависти, надежд и опасений. Холодную спокойную брезгливость к самому себе. Никогда он не сможет гордиться этой победой, взятой подлость. Но сделанного не изменишь, а если бы можно было, он поступил бы точно так же. Там, вдали, Акаланте, которое не заслужило такого короля как Эмарайн. Кариандца следовало остановить. Уничтожить, как ядовитую гадину, пытающуюся заползти в жилище. А что теперь так мерзко и противно... Ну, никто и не обещал ему радости от победы.

— Тир-на Эргиан! — позвал Алестар, не тратя силы на этикет, и указал подплывшему кариандцу на два рубина, ожидающие хозяев. — Я так понимаю, вам решать, что с этим делать. Кто наследует королю? Вы?

— Упаси меня Трое и Бездна, — серьезно откликнулся глубинник без своего обычного ехидства. — Никогда не стремился надеть корону. К тому же я теперь в Карианде государственный преступник. Смерть Эмарайна никоим образом не отменяет всего, что он обвинил меня в предательстве и был по сути прав.

Эргиан выразительно глянул в сторону безмолвствующих кариандцев и закончил:

— Полагаю, тир-на, я достаточно ясно обозначил свой выбор. Если, конечно, ваши собственные планы в отношении меня не изменились. Я прошу вашего подданства через брак.

Перед ответом Алестар промедлил несколько мгновений. Еще недавно он без раздумий сказал бы Эргиану, что с радостью исполнит его просьбу. Такого умного, осторожного и рассудительного советника — поискать! К тому же кариандец ему нравился легким характером, остроумием, готовностью дать совет или деликатно промолчать, когда нужно. Лучшего друга Алестар бы себе не пожелал. Но теперь он обязан был думать как король. И дело совсем не в мнимом предательстве глубинника. Тот и вправду сделал выбор, спасая Алестара и отрезая себе путь на родину. Просто Алестар как никогда ясно понимал теперь, что еще один представитель королевской крови рядом с тронном всегда будет угрозой. Или, напротив, надежной и верной поддержкой. И никто в целом мире, даже сам Эргиан, не сможет сказать, чем обернется это решение.

А еще Алестар понимал, что Эргиан ни за что не попросит еще раз, если ему сейчас отказать. Неважно, чем для глубинника обернется эта гордость, он просто улыбнется, как обычно, краешками губ, и покинет Акаланте.

— Эргиан, а вы сами-то не передумали? — сказал он достаточно тихо, чтобы их никто больше не услышал. — Я могу изобрести другой способ не выдать вас в Карианд. Жениться неизвестно на ком, только потому, что она хорошо рисует?

— Нет, — спокойно сказал глубинник. — Потому что она умна, деликатна, умеет видеть забавное и красивое, не издеваясь над этим, и знает обо мне больше, чем многие пары после десяти лет супружества. Вполне подходящее начало, я считаю. Что до внешности... Если она некрасива, я постараюсь увидеть в ней то же, что и она во мне. А если уж не получится... Тогда посмотрим.

Алестар кивнул, и на миг его пронзила острая зависть к Эргиану и этой неизвестной девушке, у которых все начнется, как и положено. Интерес, взгляды, улыбки... Разговоры и прикосновения, то и другое сначала осторожное, потом все более откровенное. И потом, наверное, они будут счастливы. «Как же я устал убеждать себя, что для меня это невозможно, — подумал он. — Если бы Джиад была иреназе... Если бы можно было повернуть время вспять и изменить один-единственный день! Да что там день — час! Что ж, тогда она просто уплыла бы наверх с тем самым перстнем. И продолжала любить своего принца-подлеца, который все равно предал бы ее так или иначе. И умерла душой, потому что такие, как Джиад, не умеют служить предателям...»

Кариандец между тем подплыл к камню и взял Сердце моря, оставленное Эмарайном. Поднес его к губам, и осколок в причудливой золотой оправе засветился в его руках ярким пульсирующим светом. Взглядом найдя среди отряда Эмарайна рослого иреназе в богатых доспехах, Эргиан обратился к нему с ровной спокойной властью:

— Каи-на Олеар, будьте свидетелем, что я принял Сердце моря после смерти брата моего Эмарайна. Возьмите его тело и отправляйтесь обратно в Карианд. Расскажите, что здесь произошло, и подтвердите, что великодушный король Акаланте не отказывается от своего намерения помочь и готов принять беженцев от гнева Бездны. Я останусь хранителем Сердца, пока моя семья не изберет нового короля Карианда. Пусть он приплывет в Акаланте, и я верну ему реликвию с должным почтением.

Он накиннул длинную золотую цепочку на шею, и Сердце вспыхнуло на простой серой тунике еще ярче, озарив лицо Эргиана, сделав его строгим и изысканно четким.

— Слушаюсь, тир-на, — поклонился Олеар и, чуть помедлив, спросил: — Вы уверены, что не вернетесь? Многие поддержали бы вас.

— Потому и не вернусь, — равнодушно ответил Эргиан. — Не хочу, чтобы меня вынесла к трону волна братоубийственной резни. Те, кто останется в Карианде, имеют право на короля, который будет принадлежать только им, а мне хватит дела и здесь, когда прибудут переселенцы.

Олеар поклонился еще раз, гораздо ниже, и взглянул на принца, как показалось Алестару, с искренним сожалением. А потом махнул рукой, бросив пару слов, и двое воинов-глубинников, выплыв вперед, подняли тело Эмарайна с песка.

Как его заворачивают в туники и укладывают на салту, Алестар смотреть уже не стал. Он тоже забрал Сердце моря и подплыл к настороженно глядящим суаланцам. Память услужливо подсказала имя советника.

— Каи-на Сораль, — сказал Алестар, кожей чувствуя, с каким вниманием все вокруг ловят каждое его слово. — Вы видели все случившееся и понимаете, что я сейчас думаю о собрате моем Лорассе.

Суаланец молча кивнул.

— Я допускаю, что похищение принцессы Маритэль было задумано тир-на Эмарайном, — не повышая голоса, продолжил Алестар. — И могу понять, что собрат мой Лорасс просто воспользовался случаем, который сам погнался к нему добычу в сети. Но он пообещал руку принцессы Дэлоры сразу нам двоим.

— Нет, ваше величество, — бесстрастно ответил советник. — Если вы помните, вам была обещана рука любой из наших принцесс. Вы сами выбрали Дэлору, и это трагическая случайность, что ваш выбор совпал с намерением тир-на Эмарайна. Напротив, Суалана предпочла вас в качестве жениха, раз уж мы отправили ее высочество к вам, исполнив при этом все ваши требования.

— Ах вот как! — зло восхитился Алестар. — Ну вы и... мурены... Что ж, пусть будет так. Ваша миссия исполнена, принцесса Дэлора доплыла до своего избранного. Дальше они с тир-на Маритэль в вашем сопровождении не нуждаются.

— Это против всех правил и приличий, тир-на, — начал советник и осекся, встретившись взглядом с Алестаром.

— Не говорите мне о правилах и приличиях, — прошипел Алестар, в упор глядя на него и выпуская в голос лишь часть ледяной ярости, которая кипела внутри.

Щитом он, в отличие от суаланца, прикрываться не стал, намеренно позволив советнику увидеть свой гнев.

— Несколько дней назад амо-на Тиаран признался в заговоре против меня. Ему вы тоже пообещали руку принцессы. Интересно, это была уже другая принцесса или у тир-на Дэлоры рук больше, чем щупалец у маару?

— Должно быть, амо-на сошел с ума, — ответил суаланец холодно, однако его взгляд дрогнул.

— Безусловно, — усмехнулся Алестар чужими от ярости губами. — Безусловно, он обезумел, если собирался украсть Сердце Моря у законного короля. Но собрат мой Лорасс вполне в своем уме. Королей не судит никто, кроме богов. Но Суалана забыла, кто расколол на части первое Сердце и из чьей крови оно было рождено. Передайте Лорассу, что ему стоит хорошо подумать, чем искупить свою вину и заслужить мою дружбу. А если он не боится гнева Матери Море, то пусть представит, что случится, если теперь Акаланте хлынет в его воды, подкрепленное помощью Карианда!

— Это... угроза? — выдавил суаланец.

— Это предупреждение! — рыкнул Алестар. — Обе принцессы уплывут со мной, если Суалана все еще заинтересована в союзе с Акаланте. Теперь — на моих условиях. Если же вы не верите моему слову, то о каком союзе может идти речь, брачном или любом другом?

Алестар знал внутренним чутьем, что позади него акалантские гвардейцы ошетинились лоурами и острогами, готовясь к бою, но и суаланцы хмурились, поглаживая рукоять своего оружия. И в момент, когда вода должна была вскипеть от напряжения, вдруг раздался спокойный голос Эргиана:

— На вашем месте, каи-на, я бы смирился с неизбежным. Вы не похожи на глупца и самоубийцу, а вашим воинам не выстоять, их втрое меньше.

— С чего это? — скупой усмехнулся советник. — Нас больше.

— Да неужели? — восхитился Эргиан и небрежно кивнул в сторону ожидающих чего-то

глубинников. — Вы вот их видите? А видите здесь другого представителя королевского дома Карианда, кроме меня? Или вы серьезно решили, что я не вмешуюсь? И что ваша кучка мурен устоит против двух Повелителей Моря?!

Он тронул Сердце, и оно радостно вспыхнуло, а суаланец мгновенно побледнел и уставился на него с возмущением.

— Вы не просто отказали нам в помощи, каи-на, — вкрадчиво, но удивительно четко сказал Эргиан, и вода разнесла его слова далеко. — Вы предложили нам стать вашими слугами и рабами. Эмарайна здесь нет, но остались его воины. И поверьте, они очень вас не любят. Не говоря уж о том, что никто из них не ослушается моего слова. Вы все еще не хотите уступить королю Алестару?

Несколько мгновений тишины показались тяжелыми и вязкими, как напоенный водой песок, способный затянуть неосторожного иреназе, оказавшегося в ловушке между скалами. Потом суаланец медленно склонил голову, отрывисто бросил приказ, и суаланцы отступили, оставив двух свободных салту, на которых до этого ехали принцессы.

Обе девушки, до этого молча слушавшие спор, смотрели на Алестара во все глаза. Маритэль, словно выточенная из разных сортов янтаря, золотоволосая, кареглазая и с нежным розовым румянцем цвета рассветного неба, сияла едва сдерживаемой радостью и переводила взгляд с него на Эргиана и обратно. Дэлора, смуглая, черноволосая и черноглазая, рядом с ней казалась воплощением ночи, и взгляд ее был холоден, а губы плотно сжаты. Впрочем, сопротивляться девушка вроде бы не собиралась.

— Не думайте обо мне плохо, ваше высочество, — сказал ей Алестар. — В моем дворце с вами будут обращаться как должно.

— Вы приглашали меня в Акаланте невестой, а привезете заложницей? — ледяным тоном поинтересовалась суаланка, и Алестар оценил характер этой девочки.

— Хотите откровенности? — усмехнулся он. — Извольте. Я намеревался жениться на принцессе Маритэль, ее посватал для меня покойный отец. А ваш отец вместе с Эмарайном устроил ее похищение. И пока я и ее брат не знали, жива ли она, мне прислали письмо, в котором пригрозили ее жизнью и новой войной с Суаланой. Но и этого вашему отцу показалось мало. Он пытался устроить заговор и посадить на трон Акаланте своего ставленника. И тут же сговорился с Эмарайном, обещав ему помощь. Столько сетей было им заброшено, что хотя бы в одну я непременно должен был попасться. А теперь скажите мне, тир-на Дэлора... Я слышал, что вы умны и образованны, так рассудите сами, хотите ли вы за меня замуж? Брак, что начался со взаимной ненависти, лживых интриг и крови — каким он будет? Не знаю, говорили ли вам, но я уже прошел через запечатление и его разрыв. И поверьте, оно не делает горькое сладким, а острое — мягким. Вы действительно хотите этого? Стать женой короля, который всю жизнь будет помнить, что его принудили на вас жениться? Вечным живым свидетельством моего унижения и злости на вашу семью?

— Я... понимаю, — тихо отозвалась Дэлора. — Значит, вы хотите жениться на Маритэль? Или сделать ее наложницей? Если второе, то это... подло. Она достойна большего! Я понимаю, почему вам не нужна я, но с ней вы уже заключили договор!

Щеки Дэлоры потемнели, глаза сердито заблестели, и она вдруг показалась Алестару хорошенькой, а осознав сказанное суаланкой, он поразился. Дэлора просит за Маритэль? Отказывается от брака в ее пользу?

— Ваше высочество! — обеспокоенно вмешался суаланский советник. — Ваше великодушие неуместно. Договор...

— Помолчите, — любезно посоветовал Эргиан, снова тронув Сердце, и советник смолк, будто захлебнувшись словами и в бессильной злости пытаясь шевелить губами, с которых не слетало ни звука.

— Вы... хотите, чтобы я женился на Маритэль? — осторожно спросил Алестар, совсем иначе глядя на хрупкую черноволосую девушку. — Почему?

— Потому что она... хорошая, — отозвалась Дэлора, косясь на советника. — Когда она попала к нам, ей было очень страшно и одиноко. И... мы подружились. Я понимаю, что вы теперь на мне не женитесь, никому не нужна мурена в постели. Но я обещала Маритэль, что она будет мне как сестра, если я стану королевой Акаланте, а она — простой наложницей. Так пусть она станет королевой вместо меня! А я... — Она пожала плечами, очень стараясь выглядеть гордо

и независимо. — Полагаю, вы с моим отцом о чем-нибудь договоритесь. — И добавила с горечью: — Все равно я не смогу сама решать собственную судьбу.

— А вы бы хотели? — спросил Алестар, ловя ее взгляд своим. — Если бы вы могли выбирать сами, Дэлора? Я понимаю, что вы меня совсем не знаете, но вы и Эмарайна не знали. Для вашего отца вы всегда будете разменной монетой, даже если вернетесь домой. Но чего хотите вы?

— Я... — Она завороченно взглянула Алестару в глаза. — Я отвечу. Только скажите сначала вы, это правда, что вы были влюблены в двуногую? И она до сих пор живет у вас? Тиаран писал... Ой, да перестаньте вы! — отмахнулась она от онемевшего кай-на, всеми силами пытающегося привлечь ее внимание. — Он сам сказал, что уже знает о Тиаране! И я не собираюсь покрывать предателя! — И снова повернулась к Алестару. — Тиаран писал, что вы обезумели от любви к ней, что сделали ее кай-на и своей избранной, и что даже после разрыва не отпустили ее от себя. Это... правда?

— Не знаю насчет безумия, — снова усмехнулся Алестар. — Но да, это правда. Я люблю ее. Но мы не сможем быть вместе, потому что она не хочет оставаться в море. Я ответил на ваш вопрос.

— А я... Я вообще не хочу замуж, — сказала она просто, и лишь голос на миг дрогнул. — То есть я понимаю, что должна... И вышла бы! Когда-нибудь потом... Но только за того, кто не будет запрещать мне читать. Отец сказал, что и в Акаланте, и в Карианде прекрасная библиотека! Так что какая мне разница, кто из королей победит и возьмет меня в жены. А я не хочу... так. Только меня же никто не спросит! Но пусть хотя бы книг не лишают, — закончила она и отвела взгляд.

— Дэлора... Тир-на Дэлора! — поправился Алестар. — Я даю вам свое королевское слово, что в Акаланте вас не принудят выходить замуж. Ни за меня, ни за кого другого. Если вы согласитесь поехать со мной, моя библиотека к вашим услугам! А с вашим отцом я... договорюсь.

— Если позволите, ваше величество, — подозрительно сладким тоном добавил Эргиан, выразительно глядя на суаланского кай-на, — договариваться с ним буду я. Как ваш подданный и советник я намерен пересмотреть все эти дивные соглашения, которые вы должны были подписать.

— Отличная мысль, — кивнул Алестар. — Эргиан, отпустите вы его уже! Пусть уби... уплывают домой.

Кариандец взмахнул рукой, и советник откашлялся, выплевывая воду и с ненавистью глядя на них обоих, а потом перевел взгляд на Дэлору.

— Ваш отец обо всем узнает, тир-на, — бессильно пригрозил он, закусил губу и кинулся к своему отряду.

Через несколько минут суаланцы уплыли, скрывшись за грядой. Иратель бдительно проследил за этим, и только тогда кариандские воины, поклонившись Эргиану, тоже уплыли, унося с собой тело столь недолго правившего короля Эмарайна.

— Эргиан, вы же говорили, что почти не умеете управлять Сердцем, — устало сказал Алестар. — А это...

— Я и не умею, — беззаботно улыбнулся кариандец. — Маленькие трюки не в счет. Если ты — младший принц, просто необходимо иметь кое-что подобное в запасе.

Пока Иратель и гвардейцы проверяли упряжь салту принцесс, Дэлора отплыла немного в сторону, а Маригэль, наконец поверив, что плен закончился, кинулась в объятия прижавшего ее к себе Эргиана.

— Все хорошо, моя золотая рыбка, — ласково сказал глубинник, погладив ее по пышным волосам, и поднял взгляд на Алестара: — Вы не рады победе, тир-на?

— Я не умею радоваться фальшивым победам, — бросил Алестар. — Вы же все поняли!

И указал взглядом на перстень.

— Главное, что это понял только я, — серьезно ответил Эргиан поверх макушки сестры. — Мне жаль ваше самолюбие, тир-на, но вашу жизнь и Акаланте я жалею больше. Не говоря уже о

моей сестре, кариандских беженцах и этой забавной маленькой мурене Дэлоре. Сегодня вы спасли это все. И я благодарю богов, что у вас хватило...

— Подлости? — едва слышно подсказал Алестар.

— Ума, — поправил его глубинник. — И храбрости не испортить все дурным благородством. С подлецами честно не играют. Эмарайн вас не пощадил бы. И значение имеет на самом деле только одно: вы — живы, а он — нет.

— Возвращаемся, — глубоко вздохнув, сказал Алестар. — Вы правы, Эргиан, но я подумаю об этом по дороге. И лучше нам поторопиться, у меня что-то на сердце неспокойно.

— Чутью следует верить, — согласился глубинник. — Не знаю, как Дэлора, а Маритэль — отличная наездница, она нас не задержит.

— Возьму суаланку на Серого, — хмуро сказал Алестар. — Он второго седока и не заметит... Да что же это...

«Скорее! Скорее! — кричало и молило чувство опасности. — Ты нужен там, в Акаланте! Беда! Настоящая беда!»

Они мчались так быстро, что по мощным телам салту перекатывались волны, и приходилось ложиться на седло. Принцесса Дэлора вцепилась в пояс Алестара и приникла к нему, не жалуясь и не выказывая ни страха, ни недовольства. Хотя три часа непрерывной гонки нелегко было выдержать даже опытным ездокам. Дважды они останавливались, чтобы дать зверям передышку, и Алестар чувствовал вину перед девушками, но Маритэль ясно улыбалась ему, а Дэлора искоса смотрела, словно что-то решая про себя. Но поговорить с принцессами времени не было совсем. Оно уже не уходило песком сквозь пальцы, как обронила Джад, а мчалось наперегонки с Алестаром ревущей Великой Волной.

Вот показались туманные очертания Акаланте. Вот уже замелькали на дне под салту окраинные кварталы. Тревога не отпускала. И в городе, как видел Алестар, творилось что-то неладное!

На рынке было пусто: торговцы исчезли, на прилавках остались лежать товары. По пути к дворцу им не встретился ни один иреназе! Даже салту пропали... И рыбы. Они то метались, сбиваясь в неправильные косяки, то кидались врассыпную от невидимой опасности. А вокруг дворца, когда Алестар его увидел, вода была исчерчена серебристыми телами салту со странными силуэтами всадников. И жуткий гул, от которого разом заболело все тело, наполнял пространство. Этот гул Алестар слышал всего раз в жизни, но забыть уже не смог бы никогда.

— Ужас Моря! — закричал он, останавливая Серого и взмахом лоура приказывая это остальным. — В городе сирены! Иратель, Эргиан, сюда! Нужно решить, что делать!

Сердце оледенил не рассуждающий страх, который Алестар с трудом попытался отогнать. Во дворце, который атакуют хищные твари, полно беспомощных иреназе, не способных сражаться. Кроме гвардейцев, там старики, дети, просто те, кто остроги в руках не держал. Против Ужаса Моря им точно не выстоять. И там... Джад!

Глава 15. Кинжалы и остроги

Когда Джад вернулась, неожиданный праздник все еще продолжался. Санлия рассказывала Лилайну и Леаваре суаланскую легенду о несчастных влюбленных, жемчуге и крабовых панцирях. Не особенно прислушиваясь, Джад опустила на постель рядом с Лилайном, положив на колени подаренные кинжалы, потянулась за оставшимся кувшинчиком тинкалы...

— Ой, какие красивые! — ахнула Леавара. — Это подарок его величества? На земле умеют делать столько прекрасных вещей! Как жаль, что ваши ткани и краски под водой так быстро портятся! Санлия, помнишь, ты говорила, что хотела бы жить на суше?

— Это верно, — улыбнулась бывшая наложница и с мягкой грустью добавила: — Мне часто снится, что я обретаю то крылья, то ноги и смотрю, что происходит у людей. На земле столько интересного!

— А люди думают то же самое об иреназе, — усмехнулся Лилайн и бросил на кинжалы очень равнодушный взгляд, безразлично поинтересовавшись: — Каршамская сталь? Отличный выбор.

— Хочешь глянуть поближе? — спросила Джад.

— Оружие должно одни руки знать, ты же помнишь, — сверкнул глазами Лилайн, а Санлия, очаровательно улынувшись, сказала:

— Прошу простить нас с Леаварой, но мы должны вас оставить. Я обещала ее брату мазь от ушибов, он часто ранится на тренировках.

— Но Камриталь же уплыл с его величеством! — возмутилась Леавара и тут же, покраснев, заторопилась: — Санлия права, мы должны отнести мазь как можно скорее, пока я не забыла! А братец ее заберет, когда вернется. Каи-на Джад, ири-на Лилайн, пусть ваша вода будет чистой и теплой, а дни — долгими. Я так рада, что мы познакомились!

— Я тоже, — кивнула Джад, глядя, как иреназе с вежливой быстротой собираются, чтобы оставить их наедине. — И очень вам благодарна. Это был мой первый день рождения. То есть праздник по его поводу.

— В следующий раз мы принесем вам свой подарок, — пообещала Леавара уже от двери. — Только не оружие, а что-нибудь для вашей красоты. И я научу вас... Ай, Санлия, я уже плыву! Не трогай мою косу!

И она со смехом выскользнула за дверь, а суаланка, невозмутимо поклонившись на прощание, выплыла вслед за подругой.

— Славные девочки, — помолчав, сказал Лилайн. — Хоть и очень разные. Я так понял, что они обе делили постель с королем? Ну, когда он еще был принцем.

— Санлия — да, — сдержанно сказала Джад, мучая в пальцах тинкалу, но так и не отпив. — Леавара в его наложницах только числилась. Ее отец — один из каи-на, лордов-советников. Когда Санлию осудили за покушение на короля, только Леавара не перестала с ней общаться. Да еще Эрувейн...

— Друзья познаются в беде, — согласился Лилайн, снова глянув на кинжалы. — Прости, я тебе ничего не могу подарить.

— Лил, — вздохнула Джад.

Поставив тинкалу на стол и переложив туда же подарок Алестара, она села ближе, положила руку на плечо Карраса и, посмотрев ему прямо в лицо, сказала:

— Ты думаешь, моя жизнь, которую ты спас, дешевле этой пары ножей? И все, что ты для меня сделал, тоже? Или что я не помню цену, которую ты заплатил за то, что связался со мной? Или что я забыла твое обещание помочь с выкупом? Ох, Лилайн... Когда мы стали считаться такими вещами? Ты и без того подарил мне столько! Кстати, — улыбнулась она, пытаясь смягчить невольную неловкость, возникшую под серьезным взглядом прищуренных светло-синих глаз алахасца. — Я ведь помню, как ты лишился своего собственного «каршамца». Стоило оно того?

— Стоило, — усмехнулся Лилайн уже иначе, мягко и ласково. — Еще как стоило, Джи... Ну

прости, опять я дурю. У тебя и правда праздник, а я... Забудь.

Он погладил ее по волосам, и Джад снова вздохнула, замерев под лаской, но чувствуя, как томительное напряжение, которое все эти дни закручивалось, подобно тугой пружине, все равно не отпускает. Что-то жгло и мучило ее изнутри, не давая расслабиться и успокоиться, что-то болезненное и неправильное, как воспалившаяся ссадина, которую постоянно задеваешь, как бы ни берегся.

— А знаешь, — сказала она, не открывая глаз и изо всех сил надеясь, что Лилайн поймет все правильно и не станет ревновать или обижаться. — Там этого каршамского оружия... Несколько сотен мечей и кинжалов. Алестар хотел отдать его нам. Он просто не знал ему цены, пока я не объяснила. Иреназе хранят их только потому, что «каршамцы» в морской воде не ржавеют. И красивые.

— Ты не взяла, — сказал Лилайн, не спрашивая, а сообщая.

Все-таки он слишком хорошо ее знал.

— Не взяла, — с оттенком сожаления вздохнула Джад. — Может, пару мечей подберу, когда будем уходить.

Она не стала спрашивать, что случилось с ее храмовым оружием, оставшимся у Карраса. Алахасец отлично знал, как она им дорожила, и если бы мог — рассказал бы и так. Значит, клинки пропали безвозвратно. Как и ее прошлая жизнь.

— У охраны оружейной комнаты приказ пустить нас туда в любое время, — осторожно, словно ступая по скользкой лестнице, сказала она. — И мы можем выбрать, что захотим. Алестар сказал, что это подарок нам обоим, не только мне.

— Щедро, — спокойно отозвался Каррас. — Пожалуй, не буду отказываться. Хорошей сабле всяко лучше гулять под ясным небом на чьем-то поясе, чем спать в королевском сундуке. Сотни, говоришь? Вот, значит, где отыскалось сокровище последнего каршамского шаха. А веселая братия до сих пор голову ломает и торгует картами, где оно якобы лежит.

Он осторожно привлек ее к себе и запустил пальцы в волосы, перебирая отросшие густые пряди, уже достигшие лопаток. Потом спустился ниже и погладил плечи. Только тогда Джад с удивлением поняла, насколько они закаменели. Позор для храмового стража так обращаться с собственным телом, первым оружием и инструментом жреца.

— Что тебя так дергает, сердце мое? — тихо спросил Каррас, тоже это заметив. — Ты ведь знала, что он уплывет за этой своей непрошеной невестой. Или обиделась, что раньше не сказал?

— Обиделась? — Джад попыталась улыбнуться такому нелепому предположению, но губы не слушались. — Нет, конечно. Он не обязан мне отчитываться. Он король. А я даже не его страж.

— Обиделась, — уронил Лилайн, разминая ее плечи.

Джад захотелось отстраниться. Ответить резко и зло, что жрецам Малкависа обижаться не положено, это вообще глупое чувство, недостойное правильно воспитанного ума и характера. Что такое обида? «Если тебе что-то мешает исполнять свой долг, измени это, — гласит сутра. — Не можешь изменить — уходи или терпи. Обида — жалоба сердца, а не рассудка. Но Страж должен слушать свой разум, а не чувства. Если ничто не мешает исполнению долга, остальное не имеет значения».

Обидеться на Алестара Джад просто не могла! Не должна была... Но за последнее время она уже так далеко ушла от пути стража!

— Это не обида, — уронила она упрямо. — Он должен был предупредить меня как своего советника. Просто сказать, что вскоре уедет. Его отец просил меня найти заговорщиков, и я думала...

Джад поняла, что не может внятно и спокойно объяснить то, что чувствует и знает. И это еще сильнее злило, усиливая глухое раздражение, накопившееся за те два дня, что Алестар ее избегал.

— Он не должен был молчать, — наконец выдавила она. — Убийцы и предатели до сих пор не пойманы. Кариша и Невис пропали, вокруг суаланского посла какие-то тайны, даже боги

подкидывают новые загадки, а он... Он прятался от меня эти клятые два дня! Хотя сам же давно подтвердил мой титул каи-на и просил помощи! Так зачем связывать мне руки молчанием? Почему о том, что король готовится уплыть, я узнаю от прислуги? Так не поступают ни с гостями, ни с советниками. С друзьями — тем более. Мне нет никакого дела до суаланской невесты, но если то, что здесь творится, меня больше не касается, можно было просто сказать об этом. Я бы не лезла не в свое дело, — добавила Джаид с горечью, удивившей ее саму.

— Что ж, в одном ты можешь быть уверена, — негромко уронил Лилайн, все-таки размяв болезненную твердость ее плеч так, что Джаид задышала свободнее. — Никакая невеста никогда не станет для него тем же, чем была ты. Никто не станет. Как и для меня. Есть женщины, что проникают в кровь, как отравы. А ты — лекарство, после которого чувствуешь себя чище и сильнее. Точильный камень, снимающий ржавчину с души... — Он помолчал и добавил: — Два дня — это не так уж много. Иногда хватает мгновения, чтобы решить разом — и на всю жизнь. А иногда и целой жизни мало. Может, эти два дня нужны были не только ему?

— Не знаю, — вздохнула Джаид. — И... давай не будем об этом больше. Пусть все идет своим чередом.

— Ну-ну, — отозвался Лилайн. — Лишь бы не ушло совсем не в ту сторону. Слушай, а не пора твоего зверя вывести прогуляться?

Жи, словно услышав, что речь о нем, забил хвостом по прутьям клетки, где просидел все утро, искренне возмущаясь, что застолье обошлось без него. И Джаид, обрадовавшись смене разговора, торопливо кивнула. Выпустив салру, с каждым днем прибавляющего в размере и весе, она скормила ему оставшуюся от гостей еду и почесала нос, а потом вопросительно посмотрела на Лилайна.

— Может, вместе? Я тебе дворец покажу. А на обратном пути заглянем в оружейную за твоей саблей.

— Ну уж нет, — с хищным сожалением протянул алахасец. — Без хозяина дворца я туда ни ногой. Иначе ведь не удержусь, нагребу целую охапку. Не из жадности, а просто это ведь «каршамцы». Как из них выбрать, если двух одинаковых не бывает и каждый хорош до невозможности? А при хвостатом точно лишнего не возьму. Давай лучше и вправду дворец поглядим. Буду потом рассказывать, как гулял в подводном королевстве, куда людей триста лет не пускали. Хальгунд обзавидуется!

— Чтобы Хальгунд позавидовал, — насмешливо улыбнулась Джаид, чувствуя, что грызущая сердце тоска отступает, — тебе не про дворец рассказывать надо, а про подводных девиц. Как он, кстати? Вы ведь вместе оставались.

— Хальгунд вовремя деру дал, — отозвался Лилайн, играя с Жи кусочком рыбы. Салру страшно щелкал зубами, каждый раз промахиваясь совсем немного, но Джаид видела, что это нарочно, иначе острые треугольные зубы в несколько рядов давно распорили бы руку алахасца. — Стражники Торвальда его взять не успели. Если совсем далеко не убрался, найду и его, и остальных из отряда. Ну что, поплыли?

«Почему он сказал „найду“, а не „найдем“, мелькнуло у Джаид в мыслях. — Слово вернется на сушу один... Хватит. Не хочу думать еще и об этом. Оговорился — бывает».

И она поторопилась вывести Жи из комнаты.

Потом они с Лилайном, молчаливо договорившись не вспоминать Алестара, гуляли до самого вечера. Сначала салру долго гонялся за рыбками во внутреннем дворике, совсем как молодой веселый пес — за птичками или бабочками. Рыбок он с удовольствием лопал, а наигравшись, вытащил из кустов очередной крабовый панцирь величиной с тарелку и принялся грызть.

— Надо будет ему копыто прислать, — пробормотала Джаид. — А лучше — целую коровью тушу. Интересно, надолго ее хватит?

Наполовину изгрызенный трофей Жи утащил прямо в пасти, куда панцирь поместился целиком, а у салру стал загадочный и очень довольный вид. Он так и плыл рядом с Джаид, бдительно глядя по сторонам, пока она показывала Лилайну дворец иреназе. Встреченные слуги и придворные кланялись им, с любопытством провожая взглядами, гвардейцы отдавали честь, и Джаид поймала себя на мысли, что уже знает многих обитателей дворца по именам и роду занятий. К загонам для салту они свернули в последнюю очередь, и Джаид отогнала неприятные воспоминания подальше, но не удержалась — внимательно осмотрела дно,

усеянное светлой галькой.

— Я здесь когда-то ключ потеряла, — рассеянно объяснила она Лилайну. — Давно уже, вряд ли найдется.

— Этот?

Алахасец опустился вниз, что-то цапнув из камней, вернулся к Джад и протянул руку, разжав ладонь. На ней блестел, ничуть не потеряв вида, серебряный ключ длиной примерно в палец. Тот самый ключ от спальни Торвальда, слетевший с порванной цепочки, когда Джад встретила опоенного гарнатой Алестара.

— Да... — выдохнула Джад и взяла его с ладони Лилайна осторожно и крепко, как ядовитое насекомое — чтобы не укусило.

Холодное серебро жгло ей пальцы. Надо же, как прошлое напомнило о себе.

— Боюсь, в той спальне, что он открывал, меня уже не ждут, — усмехнулась она наконец. — И вернуть некому. Разве что будущему королю Аусдранга. Извини, Лил, зря ты за ним тянулся.

«Прошлое — прошлому, — подумала она про себя. — И пусть память о том, кто мне его дал, останется здесь, в тех самых камнях морского дна, куда этот ключ меня привел. Любая дорога начинается с первого шага, и я его сделала, когда переступила порог спальни Торвальда, став ему не просто стражем. Я вправе пожалеть о многом, но не о том, куда пришла по ней».

Размахнувшись, она кинула ключ обратно. Вода не дала ему улететь далеко, как это было бы на земле, но ажурный кусочек серебра упал и сразу затерялся в светлых и пестрых камушках, покрывающих дно. Жи, решив, что с ним играют, бросился следом, начал рыть гальку длинным крепким носом, то собирая в кучу, то разгребая обратно, и вскоре даже острый глаз алахасца ни за что нашел бы злополучный ключ, глубоко закопанный салру.

— Ну и правильно, — невозмутимо заметил Каррас. — Новый король себе новый ключ закажет. А что здесь еще интересного есть?

— Арена, — пожала плечами Джад. — Рынок. Улицы и храмы... Но давай завтра их поглядим? В город можно и самим сплавать, а на Арене гонки уже закончились, там посмотреть пока нечего.

— Завтра так завтра, — согласился Лилайн.

В спальне Жи, спрятавшись в клетку, немедленно захрустел панцирем, который умудрился за все это время не потерять. Джад засветила туарру, покормила ее, уже привычно обращаясь со светящимися шарами. С удивлением глянула на часы — песок полностью высыпался, указывая на поздний вечер. Есть не хотелось, выпитая днем тинкала до сих пор поддерживала силы. Лилайн тоже лениво отказался перекусить...

Расчесав волосы, Джад связала их оставленной Леаварой лентой, чтобы не путались, и стянула надоевшие штаны, оставшись в одной лишь длинной рубашке-тунике. Подумав, сняла и ее, чтобы совсем отдохнуть от одежды. Кого ей стесняться, не Лилайна же? Который, кстати, рассматривал ее с привычным теплым восхищением, словно лаская взглядом.

— Ты ложишься? — спросила Джад, вдруг вспомнив, что сама обещала ему вчера.

И отказываться нет никаких причин. Они же вместе, верно? Снова вместе после долгой разлуки и стольких испытаний. Как она и хотела.

— Я тебя сам раздеть думал, — разочарованно протянул Каррас. — А ты уже...

— Ну, прости, — улыбнулась Джад. — Давай тогда я тебя?

Подплыв к наемнику, она опустилась рядом, потянулась к его рубашке, но Каррас перехватил ее руку и принялся нежно целовать пальцы. Его губы были горячими и умелыми, Джад прикрыла глаза, чувствуя, как внутри разливается знакомое тепло, как щека алахасца с едва заметной колючей щетиной трется о ее ладонь, а потом язык игриво касается запястья сначала кончиком, потом все смелее начинает выводить на чувствительной коже узоры и, наконец, как Лилайн прикусывает чувствительное место у основания большого пальца...

— Ну, вот и снять кое-что нашлось, — тихо сказал он, другой рукой потянув ленту и освободив волосы Джад. — Никогда не видел тебя с такими длинными. Красиво. Может, оттрастишь еще

больше?

— В дороге ухаживать сложно, — виновато сказала она, однако тут же поправилась, решив, что это такая мелочь, можно и потерпеть, если любовнику нравится. — Хотя если расчесывать будешь...

— Договорились, — шепнул он, почти касаясь ее уха губами, а потом и в самом деле прихватил мочку. — Утром, вечером и днем еще пару раз. Джи... Золотая моя...

Он потянул ее на постель, укладывая поверх себя, и Джиад медленно, как во сне, прикинула губами к знакомому изгибу губ, ожидая, когда же вспыхнет сладким огнем и разольется по телу возбуждение, когда все станет как раньше: в целом мире только они вдвоем, и от этого невозможно сладко, томно и горячо...

Немного повернувшись, она стянула с Лилайна рубашку, провела по смуглой груди ладонями. Почему-то очень хотелось опять закрыть глаза. Глупо, ей же всегда нравилось глядеть на Карраса. Тогда у озера и потом, каждый раз, когда они ложились в постель. Долгими ночами рано наступившей в горах осени она жалела, что приходится заниматься любовью в темноте, скрывая дыхание и стоны, либо ждать, пока все разбредутся по делам, а потом торопиться, словно боящиеся разоблачения прелюбодеи. И все равно каждый поцелуй Лилайна и любое его касание опаляли жаждавшее ласки тело, и Джиад принимала их с благодарностью и страстью.

А сейчас ей хотелось приглушить слишком яркий свет туарры, оставшись в темноте. Или все-таки закрыть глаза.

Нет, это все глупости. Хотя веки и в самом деле можно опустить, но лишь затем, чтобы подставить лицо нежным, осторожным и очень терпеливым поцелуям. Лилайн будто знал, что с ней происходит, потому что его ладони скользили по обнаженному телу Джиад почти невесомо, уверенно касаясь самых чувствительных мест, но не задерживаясь там, а дразня и тут же оказываясь где-то еще. Он знал ее, как музыкант знает свой инструмент, и пользовался этим, старательно пробуждая память сердца и тела Джиад.

И она, изнемогая от глухой неправильной вины за то, что лишь принимает эту заботу, положила ему руки на плечи, глядя в ответ... Но все это было не то! Не так и... не с тем?

Испугавшись этой внезапной мысли, ожегшей ее, как удар плети, Джиад замерла, и Лилайн сразу откликнулся на это, тоже остановив ласки, обняв ее и спросив негромким терпеливым голосом:

— Что не так, сердце?

— Все... хорошо, — отозвалась Джиад, отчаянно и зло давя желание вскочить, одеться и...

Она не знала, что сделает дальше, как объяснит... И какая новая трещина после этого ляжет в их с Лилайном отношениях. Но продолжать не могла. Не могла отдаться знакомому, умелому, заботливому любовнику, который всегда был так бережен с ней. И от этого было стыдно, горько и больно, словно в ней поселилось какое-то новое существо, бабочка, разрывающая кокон прежней души Джиад, выбираясь на волю.

— Все хорошо, — повторила она, борясь с желанием закусить губу до крови, чтобы боль помогла прийти в себя. — Лил, я...

— Джи... — протянул наемник, приподнимаясь на локте и глядя ей в лицо очень странным взглядом. — Ну зачем ты так? Разве я когда-то заставлял? Просто скажи, что не хочешь. Я же не слепой.

— Это ничего не значит, — пробормотала она, отворачиваясь. — Лил, забудь. Я... я люблю тебя! Ты лучший. И я...

Горло перехватило, и Джиад почувствовала, как ее бьет крупная дрожь. Собственная нагота показалась неправильной, позорной, словно она была в постели не с другом и давним возлюбленным, а с незнакомцем.

— Я тоже люблю тебя, Джи, — сказал Каррас и обнял ее, прижав крепко, но совершенно иначе, чем парой минут раньше. — Все в порядке, сердце мое. Забудь.

Свободной рукой он накинул на них обоих покрывало, и Джиад странным образом стало легче. Словно, не видя себя, она получила передышку, возможность очнуться от странного

наваждения, кричавшего, что рядом с ней должен быть кто-то другой. А если не он — то никто!

— Так лучше? — снова тихо спросил Каррас. — Ну и все. Сейчас успокоишься и будем спать. Ох, Джи, ну что ты с собой делаешь?

— Ничего, — прошептала Джиад, все еще сотрясаясь от дрожи, будто в лихорадке. — Лил, я, правда, не понимаю...

— Неужели? — усмехнулся, судя по голосу, Каррас. — Хотя да, ты — можешь. А я вот понял уже давно. Надеюсь, что ошибаюсь. Думал, заберу тебя побыстрее — и обойдется, переболеешь. А все-таки от себя не убежать.

— Что ты понял? — зло прошипела Джиад, отодвигаясь от него. — Что и когда?!

— Когда ты на нас наорала, — с тем же невыносимым ровным сочувствием в голосе сказал Лилайн. — Точнее — на него. Мне-то краешком досталось, для порядка, а вот ему... Джи, сердце мое, на того, кто тебе безразличен, так не злятся. Ни тогда, ни сегодня. Может, хватит себя обманывать? Или ты... Джи, ты хоть раз любила до этого уroda Торвальда? Ты вообще знаешь, как оно бывает?

— Нет, — прошептала Джиад, не понимая, на какой вопрос отвечает. — Лил, все не так... Я не люблю его...

«Ложь», — подсказало что-то внутри нее очень ясно и холодно. Не посторонний голос божества или тщательно вложенной в Джиад храмовой мудрости, говорящей заученным языком сутр. Нет, это было то самое, что росло в ней, расправляло крылья, с болью и ликованием просясь, наконец, на волю. Это был ревуший голос потока, прорвавшего плотину, выстроенную из традиций стража и долга.

Много лет с самого раннего детства Джиад знала, что должна всегда держать лицо непроницаемым, а спину — прямой. Что любить ей позволено лишь до тех пор, пока это не мешает исполнению жреческого договора. Да и ненавидеть — тоже. Что за благодеяние, позволившее беспомощному подкидышу выжить, вырасти и обучиться воинскому искусству, за подобие семьи и ясную цель в жизни она с самого начала заплатит свободой, не позволяя себе испытывать чувства и не умея их испытывать.

Лилайн прав, откуда ей было знать, какой бывает любовь? Она любила Торвальда, но иначе. Светло, обреченно и самоотверженно, зная, что придет время — и ее возлюбленный принц отдаст руку и сердце другой, она же, храмовый страж, его щит и меч, может лишь надеяться остаться с ним рядом, хранить и беречь его. Да еще, может быть, на краденые осколки счастья, если Торвальд пожелает оставить ее любовницей. И она заранее смирялась с этим, убедив себя, что такова ее судьба. Судьба стража, чей долг превыше всего.

Но Лилайн и Алестар, каждый по-своему, изменили ее, заставили посмотреть иначе и на мир, и на себя, вытащили ее душу из плотного кокона самоотречения, который еще немного — и вместо надежного убежища стал бы могилой ее сердца. Лилайн помог ей поверить, что она желанна, достойна уважения и любви. Алестар стал ее бедой и проклятием, но его любовь оказалась тем лезвием, что окончательно вспорол этот тщательно сплетенный душой Джиад кокон, ранив ее больно, но не смертельно — и освободив.

И теперь плотина рухнула окончательно, так что Джиад захлебывалась в потоке никогда не испытываемых ею чувств и ощущений. Лилайн прав, откуда ей знать, как любить, выбирать и ревновать, если никогда не приходилось делать этого, да еще и одновременно! Как же слепа она была, убеждая себя, что обижается на Алестара лишь как на короля. Упорно пряталась в новую раковину долга и холодности, прикрываясь расследованием, желанием найти заговорщиков и помочь иреназе — да чем угодно, лишь бы скрыть от себя самой, что действительно чувствует.

О нет, это было настоящим! И долг, и сочувствие к обителям моря, и дружба с ними... Но с Алестаром все оказалось иначе. И теперь, больше не в силах себе лгать, отбросив остатки иллюзии, окончательно разрушенной словами Лилайна, она не знала, что делать, только понимала, что ее мир окончательно изменился, как и она сама, и уже никогда не станет таким, как раньше. Джиад по-прежнему доверяла Лилайну и любила его, но как верного друга и надежного соратника. Делить с ним постель она не могла, даже зная, что между ней и Алестаром не будет ничего. Все равно, что предать себя и оскорбить Лилайна с Алестаром — обоих разом. Глупо, больно и безнадежно... Ловушка, из которой Джиад не видела выхода.

— Прости... — выдавила она, чувствуя, как Лилайн бережно гладит ее по волосам. — Прости меня...

— Чш-ш-ш... — услышала она тихий ровный голос алахасца. — Ну что ты, сердце мое... Я ведь давно сказал, что никогда не стану тебя держать. Насильно мил не будешь, верно?

— Лил... У нас ведь... все было хорошо, — давась горьким комом в горле, проговорила Джаид.

— Да, — уронил Каррас. — Было. — А потом добавил, осторожно, словно размачивал присохший к ране бинт, вместо того чтобы оторвать его рывком: — Джи, решай сама. Уплывешь со мной — буду тебе просто другом. Как раньше, помнишь? Ничего не потребую, ни о чем не напомню. А вздумаеть остаться — тоже твое дело. Хвостатый только счастлив будет. Но ты сама неужели хочешь этого? Снова стать сторожевым псом? И запасной постелью, когда законная жена прискучит?

— Нет, — мертво прошептала Джаид. — Не останусь. Не смогу.

И поняла, что это правда. Она готова была понять, что Торвальду придется жениться. Готова была мириться с положением любовницы. Ревновать Лилайна ей вообще в голову никогда не приходило! Но стоило подумать, чтобы остаться при Алестаре... кем? Одной из наложниц, если уж говорить правду. Привилегированной, пользующейся доверием, с титулом и положением — Алестар точно не лишит ее этого — но всего лишь наложницей... И все внутри так яростно противилось, что Джаид готова была уплыть из дворца иреназе, как зверь, пойманный в капкан, уползает, перегрызя собственную лапу.

Она не хотела видеть Алестара с кем-то другим. Да, по-прежнему желала ему счастья, причем искренне! Но ее новое сердце, яростно и одновременно болезненно нежное, словно покрывавшие его раны только-только затянулись тонкой чувствительной кожей, не соглашалось жертвовать собой, своей гордостью и честью ради чужого удобства.

Алестар же... Он никогда не выберет ее. Джаид сама все сделала для этого, упорно отказываясь от малейшей попытки сближения, не позволяя даже тени надежды. Она сделала свой выбор давным-давно и теперь должна была принять его последствия. И хотя бы в этом остаться стражем, для которого долг превыше чувств. Она ничего не скажет Алестару — нечего рвать ему душу. Рыжему и так нелегко. А она... справится как-нибудь. Оказывается, обретать крылья — это очень больно.

Лилайн все так же ласково гладил ее по голове, обнимая, прижимая к себе, и не было в этом ничего от жажды плоти, так что Джаид приникла к нему, ощущая, как медленно уходит мерзкая дрожь, тело расслабляется, а душу охватывает благодарное спокойствие с тонким горьким привкусом печали.

— Джи... Джаид...

Она вынырнула из теплого сонного забытья мгновенно, как и подобает стражу, полностью проснувшаяся, готовая бежать, сражаться, защищать — все сразу! Расслабилась, сообразив, что ее всего лишь зовет Лилайн. И тут же насторожилась снова, потому что голос алахасца был подозрительно настойчив и мешался с каким-то странным пронзительным звуком.

Откинув покрывало, Джаид приподнялась над постелью и поняла, что это верещит в клетке Жи, кидаясь на прутья и пытаясь проломиться сквозь них.

— Что это с ним? — спросила Джаид растерянно. — Заболел, что ли?

— Может, вчерашним крабом объелся? — предположил Каррас. — Лошади или собаке я бы хоть пузо пощупал, а что с рыбой делать? Да и зубищи там...

Джаид торопливо оделась, негромко помянув медленное течение, которое за ночь отнесло ее одежду к самым дверям, и вещи прилипли к небольшим отверстиям в полу, куда уходила вода. Дернула за рычаг вызова прислуги, но никто не появился. Жи сменил верещанье на странное громкое повизгивание и шарахнулся при ее приближении, но тут же выплыл из клетки и ткнулся носом в руки Джаид. А в дверь послышался громкий торопливый стук и чей-то голос позвал:

— Каи-на! Каи-на, откройте!

Лилайн с очень спокойным, прямо-таки безмятежным лицом уже застегивал пояс. Джаид молча взяла со стола один из парных «каршамцев», оставив второй ему, и, держа длинный кинжал в руке, подплыла к двери. Голос показался ей знакомым, это был один из гвардейцев,

сменяющихся на посту возле ее покоев. Хотя это, разумеется, мало что значило.

Осторожно открыв дверь, она глянула на бледного, но старающегося сохранять хладнокровие молодого иреназе.

— Каи-на Джад! — выпалил тот с облегчением. — На дворец напали! Я должен вас проводить в безопасное место. Вас и вашего гостя!

— И где это безопасное место? — поинтересовалась Джад, чувствуя, как сзади подплыл Лилайн. — А главное, кто напал?

— Вы разве не слышите? — проговорил гвардеец, на глазах бледнея. — Стены дрожат... Они плывут. Вокруг уже полно этих тварей... Но если успеем, я вас спрячу. А потом вернется король. Может быть, кто-то выживет... Быстрее, каи-на, прошу! Я должен вас спрятать.

— Успокойся! — резко приказала Джад. — Кто плывет?

Жи взвизгнул, оттолкнув Лилайна, и выплыл из комнаты, закрутился посреди коридора, подняв морду и словно прислушиваясь к тяжелому гулу, действительно раздающемуся со всех сторон. И тогда Джад тоже поняла, что такое знакомое чудится ей в этих звуках.

— Сирены? — уточнила она, и гвардеец молча кивнул, трясаясь всем телом. — Ужас Моря? Откуда они в городе?

— Боги гnevаются на Акаланте, — прошептал иреназе почти белыми губами на полупрозрачном лице. — Наступили последние дни мира. Говорят, сирены возвестят о возвращении глубинных богов...

Еще немного — и он упал бы в обморок, то ли от страха, то ли от жуткого воздействия, которое сирены напускали на иреназе, но Джад сгребла воротник его форменной туники, притянула к себе и рывкнула в самое лицо:

— Отставить глубинных богов и последние дни мира! Ты гвардеец Акаланте или хвост от дохлой селедки?! Кто командует войсками? Каи-на Иратель?

— Ир-раталь уплыл с его величеством, — доложил гвардеец, немного приходя в себя и тут же заливаясь краской стыда. — Второй после него — каи-на Торун!

— Отлично! — кивнула Джад. — Сейчас проводишь нас до оружейной, а потом вместе отправимся к нему. Смелее, друг мой! Сирены — твари опасные, но больше страхом перед ними, чем по-настоящему. Главное, держи крепче оружие.

Она кивнула на небольшую острогу с металлическим наконечником, с которой гвардеец стоял на посту. Если придется драться в узких дворцовых коридорах, очень удачное оружие. Лилайн, похоже, пришел к тому же выводу, потому что поторопил Джад:

— Не знаю, что за дрянь там воет, как сотня голодных волков, но лучше бы нам и правда побыстрее найти что-то острое. А воет, кстати, на редкость мерзко, аж уши болят.

Жи подтвердил это горестным визгом. Пару мгновений Джад раздумывала, не закрыть ли салру в комнате, но Жи вдруг перестал метаться и стремительно поплыл как раз в нужном им направлении. Джад, Лилайн и все еще бледный, но уже пришедший в себя гвардеец последовали за ним.

Стоило выплыть из тихого ответвления коридора, как обнаружилось, что во дворце настоящая паника. Слуги метались, рыдая про те самые последние дни и пришествие глубинных. Охрана, из последних сил сохраняя самообладание, пыталась их успокоить. Кто-то тащил с собой детей или какое-то барахло, а Джад молча удивлялась. Когда дворцу угрожало землетрясение, эти же самые иреназе покидали его спокойно и сохраняя достоинство. Может быть, все дело в жуткой музыке сирен? Или в том, что они — опасность почти незнакомая, да еще овеванная страшными легендами?

Пара молодых придворных, увидев Джад, бросилась к ней с вопросами, а услышав, что каи-на плывет в оружейную, напросились с ней.

— Лучше умереть в бою, — сказал один из них отчаянно, — чем стать закуской для сирен еще живьем. Если для Акаланте настали последние дни, не дадим тварям легкой победы.

— Вот это правильно! — одобрил Каррас. — Если тебя глотают, встань поперек пасти. Или в

горле. Да мало ли узких мест, где можно застрять, а потом прорезать себе путь наружу?

Иреназе бледно улыбнулись, а Джад, не обманываясь усмешкой Карраса, поймала его серьезный напряженный взгляд и подумала, что алахасец давно живет по этому завету. Храни их всех Малкавис, очень уж обидно будет и в самом деле не дожидаться помощи.

В оружейной, возле которой дежурили перепуганные и радостно встретившие хоть какое-то начальство охранники, Джад быстро, но внимательно выбрала себе две крепкие остроги, чтобы бить сразу с обеих рук. Лилайн последовал ее совету, лишь тоскливо глянув на полки с каршамским оружием.

— Если меня загрызут, — сказал он хмуро, — можете похоронить здесь, но обещай, что выберешь самого красивого «каршамца» и положишь со мной. Всю жизнь о каршамской сабле сны видел.

Глянул на Джад и вдруг мечтательно улыбнулся:

— А если не загрызут — ух, и нагребу я там в обе руки... Уж тогда точно не постесняюсь!

Здесь, под толщей камня, в самом сердце дворца, зов сирен ослаб, и Джад подумала, что стоило бы тех, кто не сможет драться, спрятать в дальних переходах и коридорах. Но об этом иреназе наверняка и сами догадаются. А вот тем, кто решит защищать дворец, нужно помочь.

— Откройте двери, — велела она охранникам. — И пусть все, кто сюда доберется, берут любое оружие. Скажете, я разрешила.

— Да, каи-на, — поклонились оба иреназе, а один из них добавил:

— Позвольте, я с вами! У открытой двери двоим караулить не нужно.

Джад кивнула.

Они плыли по коридорам, то узким и извилистым, то прямым и широким. Лилайн заткнул одолженный кинжал за пояс, как и она сама, трое иреназе сбились вместе, а впереди так и рыскал Жи, иногда поднимая морду и прислушиваясь к явно приближающемуся зову. От мерзких заунывных звуков болела голова, во рту чувствовался привкус крови, а перед глазами мелькали цветные пятна. Джад пока держалась, как и Лилайн, а вот иреназе приходилось плохо. Несколько раз они видели лежащие на полу тела жителей дворца, но, стиснув зубы, проплывали мимо, потому что все равно не могли ничем помочь. Пока сирены пели свой гимн смерти, слабые были обречены замирать и цепенеть при его звуках.

Зато в следующем коридоре, куда свернул маленький отряд из двух человек и четырех иреназе, они повстречали дюжину вооруженных и на удивление спокойных кариандцев, которыми предводительствовал Реголар, начальник охраны Эргиана.

— Доброго дня, каи-на, — невозмутимо поздоровался он. — Вам не стоит плыть дальше, там очень опасно. Ужас Бездны обрушился на Акаланте.

— Я уже встречалась с сиренами, — сдержанно отозвалась Джад, подавив желание потереть тонкие светлые шрамы на руке. — Реголар, мне кажется или вы переносите их вопли гораздо лучше?

— Я же кариандец, — блеснул тот улыбкой. — Это в Акаланте сирены — страшные диковинки, а у нас они часто нападают на окраины города. Мы не то чтобы привыкли... Скорее, научились держать себя в руках. И чаши очень помогают.

— Чаши?

Один из кариандских воинов показал ей странный предмет, который крепился на его предплечье кожаным ремнем — идеальную половинку каменного шара, выточенную изнутри в форме чаши. В другой руке у глубинника было подобие каменного пестика, которым он провел по краю чаши, раздался странный мягкий звук — и давление голоса сирен ослабело. Их по-прежнему было слышно, однако страх почти прошел, стало легче дышать.

— Вот это полезная магия, — с уважением сказал Лилайн, потирая уши.

— Это не магия, — снова улыбнулся Реголар. — Просто один звук сражается с другим. Решайте, вы поплывете с нами или вернетесь к себе? Мы собираемся преградить тварям дорогу в галерею, там самый простой путь во дворец.

— Я с вами, — решительно сказала Джад, и ее спутники-иреназе поспешно закивали, а Лилайн деловито поинтересовался:

— Если эти сирены у вас обычная напасть, почему их здесь так боятся?

— Не совсем обычная, — поморщился Реголар, махнув рукой своим воинам, чтобы отправлялись вперед, а сам плывя рядом с Джад и Лилайном. — Твари они жуткие. Хитрые и жестокие, нападают исподтишка, а в случае отпора быстро ускользают в Бездну. Они там живут в дальних областях, куда мы не заплываем. И это не звери, у них есть свой язык, они разумны и ненавидят иреназе. Но я никогда не видел, чтобы сирены сбивались в такие стаи. Их там несколько сотен! Верхом на салру и с этими их отвратительными визгливыми свистками.

Он передернулся, а Джад вспомнила свисток, с помощью которого удалось приручить Жи. Явно эти звуки, столь страшные людям и иреназе, для салру не так уж плохи. Вот еще забота, не подпадет ли Жи под действие приказов сирен? Пока что подросший рыбеныш так и плыл рядом с отрядом, но если он обратится против своих...

— Почему они напали на Акаланте? — спросила она вслух. — Может, их выгнало наружу сотрясение Бездны?

Кто-то из акалантцев пробормотал снова про последние дни и гнев глубинных.

— Глупости, — отрезал Реголар. — Мать Море уже однажды защитила своих детей, не бросит и в этот раз. Допустим, сирены могли бежать из Бездны, когда там начали рушиться скалы. Но глубинные спят крепко и не проснутся до самого края времени, когда мир рухнет.

— А вдруг он рухнет именно сейчас? — спросил один из гвардейцев. — Почему вы думаете, что это не так?

— Потому что он не может обрушиться, пока я не выиграл Золотой Жемчуг, — очень серьезно сообщил Реголар, однако насмешливо блеснул глазами. — А до этого еще семь лет — самое меньшее. Жаль, что его величество Алестар бросил гонки. Какой честью и удовольствием было бы соперничать с ним.

За разговором они выплыли на галерею, и Джад через ближайшее узкое окно увидела картину одновременно прекрасную и жуткую. Вода вокруг дворца была словно исчерчена короткими серебряными молниями. Сирены верхом на салру метались вокруг стен, выискивая уязвимые места. К счастью, окон во дворце было не так уж много, насколько помнила Джад. Во внутренних помещениях их не делали совсем. Еще бы, мало кому захочется, чтобы к нему в спальню свободно заплывали рыбы и медузы, совали носы салту и забрасывало течением водоросли.

Немногочисленные окна выходили во внутренний дворик, окруженный стенами дворца со всех сторон. Через него ни лишняя живность, ни сирены проникнуть внутрь не могли, потому что примерно на середине между основанием и крышей дворца всю поверхность дворика накрывала тонкая, но очень прочная сеть, сплетенная из подобия проволоки. Солнечным лучам и мелким рыбешкам она не мешала, а вот сирены с ней пока справиться не могли. Им остались только несколько окон нижних этажей и галерея, опоясывающая дворец, к которой хищные твари уже присматривались, все чаще проплывая мимо.

— Внизу акалантцы их отобьют, — очень спокойно отозвался Реголар, жестами распределяя своих воинов по местам. — Похоже, город их не интересует. Простые дома гораздо легче захватить вместе с обитателями, но смотрите, они туда не плывут. Им нужен дворец. Или что-то в нем.

— Им нужен король, — похолодев от этого осознания, сказала Джад. — Когда мы встретились с сиренами на равнине у Трех Братьев, они охотились за тир-на Алестаром. Нужно предупредить короля!

Реголар глянул на нее и кивнул.

— Тэрувин! — окликнул он одного из своих. — Плыви вниз и найди того, кто командует защитниками дворца. Скажи, что мы будем держать галерею, сколько сможем. Пусть думают о нижних этажах. Скажи, пусть поют, стучат в гонги и во все, что может звучать. Потом возвращайся сюда.

И снова повернулся к Джад.

— Из дворца мы вряд ли сможем выбраться, — честно сказал он. — У меня здесь всего дюжина воинов, и мы крепки, пока держимся вместе. Снаружи сирены никому не позволят проплыть через весь город, чтобы встретить его величество и моего принца. Думаю, они увидят опасность издали. Трудно не увидеть... — сказал он тише, глядя на окно, где сирены начали сбиваться в мелкие стаи примерно по семь-десять особей. — Сейчас они полезут в окна. Каина, я не сомневаюсь в вашей храбрости, но, может, вам все-таки спуститься вниз? Не обязательно прятаться, там тоже будет еще тот кровавый шторм. Просто здесь...

Он недоговорил, как-то виновато улыбнувшись, и Джад поняла без слов: кариандец не слишком рассчитывает, что помощь придет вовремя. Нижние этажи безопаснее, там можно в любой момент скрыться в подземном лабиринте дворца. Но если оставить галерею без защиты, сирены хлынут через нее — и тогда спастись не удастся никому.

— Я останусь, — спокойно сказала она и повернулась к Лилайну. — Это не твоя драка, ты же знаешь...

— Обидеться что ли, — ухмыльнулся Каррас. — Эх, с кем я только не дрался, а с морскими хвостатыми верхом на других хвостатых биться еще не приходилось. Не в обиду вам, капитан, — кивнул он Реголару, и тот улыбнулся в ответ. — Сколько здесь выходов, один?

— Два, — отозвался кариандец. — Придется разделиться. Я так понимаю, вы решили драться здесь? Вместе?

Джад молча кивнула, борясь с приступом тошноты — сирены снова завели свой жуткий вой. Иреназе-акалантцы, прибывшие с ней, со стонами согнулись, зажимая уши руками, но один из кариандцев поднял руку с чашей, начал водить по ней пестиком, извлекая странную, но благотворную музыку, и боль с неестественным ужасом отступила.

— Помоги нам Мать Море, — пожал плечами кариандец. — И прими наши души Бездна, если не справимся.

Перехватив поперек длинную острогу с наконечниками на обоих концах, он проплыл немного вперед, вслед за ним потянулись четверо оставшихся с этой стороны кариандца и двое акалантских гвардейцев.

— Держитесь позади, — сказала Джад юным придворным, вцепившимся в свои остроги побелевшими пальцами. — Не мешайте друг другу и нам. И не позволяйте страху убить вас раньше, чем придет настоящая смерть.

— Умеешь ты подбодрить, — хмыкнул Каррас. — Я так понял, эти милые зверюшки доставят нам хлопот не меньше, чем их хозяева?

— Если не больше, — подтвердила Джад и все-таки потерла вдруг занывшую руку. — А где Жи?

Она огляделась, но не смогла увидеть салру, а потом стало не до него, потому что в ближайшее окно вдруг сунулась хищная морда сирены, и Реголар, не прерывая спокойного наставления своим воинам, быстро ткнул туда концом остроги. Морда исказилась болью и исчезла, ей на смену появились еще две, и один из кариандцев, тот, что водил пестом по чаше, стал это делать быстрее, стараясь перекрыть гулом режущий уши и леденящий кровь вой сирен.

А потом начался бой, такой же мерзкий, тупой и кровавый, как все бои, виденные Джад. Ничего общего с благородным искусством поединка, которым совершенствуются тело и дух. Смерть скалилась из каждого окна множеством зубов, смотрела бешеными глазами сирен и их зверей, лезла напролом, а внизу остались беспомощные обитатели дворца. И Джад возблагодарила неведомых изобретателей кариандских чаш, потому что без них защитники не продержались бы и минуты.

Глубинники работали слаженно, как единый многорукий демон с огромным туловищем. Реголар деловито крутил двойной острогой, остальные прикрывали его по бокам, а основанием этого клина, разбивающего волны сирен, стали Джад с Лилайном и акалантцы.

Вот особенно остро ударил очередной всплеск зова, и один из кариандцев с искаженным лицом опустился на пол — из его живота торчала зазубренная острога. Тут же к нему кинулись три твари и перервали горло. Багровая муть уже давно стелилась по воде, мешая видеть, и Джад досадливо потерла предплечьем глаза, но эту плену было не смахнуть.

— Раненых держите внутри строя! — рявкнул Реголар. — И отводите назад. Плотнее строй, мурену вам под одеяло! Потом плакать будем, если доживем.

Маленький отряд закупорил проход вниз, будто пробка — узкое горлышко бутылки. Сирены накатывались волнами, но неизменно разбивались, хотя кариандцы потеряли уже двоих. Третьего, раненого в грудь, вовремя оттолкнули в сторону уходящего вниз коридора. «Если повезет — может и выжить, — мельком глянула в его сторону Джад. — Если дождется помощи, если целители смогут что-то сделать... Малкавис, помоги нам! Ибо мы сражаемся в правом бою, и цена победы — не только наши жизни».

Рядом Лилайн спокойно и сосредоточенно резал сирен, не забывая прикрывать ей бок, и Джад отвечала ему тем же. А твари все прибывали и прибывали, словно не уменьшаясь в числе, вода в коридоре уже стала красной от крови — еще немного, и в ней ничего не разглядишь.

— Отступаем, — скомандовал Реголар. — До первого спуска вниз, там опять закрепимся.

Он поднял руку с привязанной к ней чашей и несколько раз в особом ритме постучал по ней второй рукой в металлическом щитке. С другой стороны коридора раздался ответный слабый стук. Реголар еще раз отбил дробь, выслушал ответ и бросил, мгновенно потемнев лицом:

— Уходим. Вторая шестерка остается здесь.

— Ири-на... — пораженно выдохнул кто-то из оставшихся кариандцев.

— Их там двое! — зло обернулся к нему начальник охраны. — И ты сам слышал, они ранены. Уплыть не успеют. Мать Море ждет нас всех. Их — сегодня. Уходим.

Пятясь под натиском сирен, отряд, прихватив раненого, начал спускаться из галереи. Сирены, почуяв слабость, обрушились плотной волной, среди которой мелькали и салру. Не слишком много, потому что в тесноте галереи крупным зверям трудно развернуться, но каждый был смертельно опасен.

— И выпить после боя нечего будет, — пробурчал Каррас. — Все у них тут славно, только вина нет. А то прямо жить остался бы.

Он воткнул в горло выскочившей на него твари каршамский кинжал, вытащил его, и только тогда Джад увидела, что алахасец где-то потерял одну острогу, а из предплечья левой руки у него течет кровь. Вот немного позади вскрикнул один из акалантцев. Джад бросила Лилайну:

— Прикрой!

Повернулась к парнишке. Его друг держал раненого на руках, с ужасом пытаясь зажать перебитую артерию на предплечье, судя по хлеставшей крови.

Джад сорвала пояс, захлестнула на руке раненого над местом разрыва, затянув туго, как смогла, и велела второму:

— К целителям его! Вниз! Быстро!

Отстраненно успела подумать, что так спасется если не один, то хотя бы второй, а им потеря еще одного не самого сильного бойца уже ничем не повредит.

И тут ей показалось, что вся Бездна разверзлась и разом обрушилась на горсточку оставшихся в живых защитников. Сирены выли, щелкали зубами, рвались, пытаясь дотянуться и вцепиться лапами или пастью, били острогами — и все это в узком коридоре, которым окончился выход из галереи. За стенами дворца слышался какой-то странный гул, словно сталкивающийся с их зовом и глушащий его.

— Ага! — крикнул Реголар. — Ваши жрецы очнулись! Вспомнили, на чьей крови стоят храмы глубинных!

Кто-то из сирен вдруг заверещал жутко и дико, но сразу смолк. И еще один. И еще... Их масса распалась, дав защитникам если не передышку, то хотя бы место для боя, и Джад увидела, как в гуще сирен крутится бешеный серебряный вихрь, состоящий, кажется, из одних только зубов.

— Жи! — крикнула она, не сдержавшись. — Рви их! Давай, малыш!

И тут же услышала со стороны галереи знакомый голос:

— Джад? Эй, все ко мне, сюда! Бейте тварей!

— Две коровы, — пробормотал Каррас, отбрасывая острогой ошалевшего от ужаса сирена, решившего проломиться сквозь их строй, спасаясь от Жи. — Одну — за эту мясорубку, вторую — за помощь. Это же он их привел, представляешь?

Рядом с Джад мелькнуло серебристое тело салру. Чужое, мощное и страшное... Ее окатило холодным безнадежным ужасом, когда оскаленная пасть оказалась совсем рядом, но тут же раздался новый возмущенный вопль Жи, и верховой зверь сирен извернулся, оставив Джад и пытаясь ухватить рыбеныша, терзающего его хвост. Жи при этом умудрялся что-то верещать прямо сквозь зубы, и Джад с изумлением увидела, что еще один взрослый салру кинулся на первого, а Жи, отскочив от сцепившихся зверей, тут же бросился рвать их седоков.

— Три коровы! — выдохнул Каррас. — Клянусь! Жи, ты как?

И тут из-за водоворота сирен и дерущихся салру ударила волна чистого алого света, пронизавшая весь коридор и заставившая иреназе и Джад с Лилайном зажмуриться, а тварей — отозваться воплем разочарования.

Первым распался огромный клубок салру, их словно раскидало, оторвав друг от друга, а мгновением позже звери стремительно кинулись наутек, едва проскочив между хлынувших в окна галереи иреназе. Их не преследовали, но появившиеся воины, среди которых Джад заметила Ираталья и неразлучную пару Камриталя с Семарилем, дерущихся спина к спине, яростно резали и кололи бессильно щерящихся сирен. Кровь снова залила воду и здесь, но Алестар, чье рыжее пламя волос было видно даже сквозь эту круговерть, поднял руку, и муть осела. Держащийся неподалеку от него Эргиан тронул осколок живого пламени, висящий на его груди.

«Сердце моря? — удивилась Джад. — Еще одно? На кариандце?! Но почему, откуда?»

— Осторожно, Эр! — крикнул Реголар и кинулся к принцу.

Нет, не к нему. К мертвому вроде бы сирену, с оскаленной пастью метнувшегося из груди тел. Его острога с безукоризненной точностью летела в сердце Эргиана. И долетела бы, Джад видела это совершенно ясно, уже не успевая ничего сделать, но Реголар в таком же безупречном броске прирожденного гонщика оттолкнул своего принца, невольно оказавшись на его месте, и острое с хрустом пронзило его.

— Рег! — отчаянно звонким криком-стоном отозвался Эргиан.

Извернулся, подхватывая его на руки, кто-то оттащил сирена, которого мгновенно добились, но было уже поздно. Джад видела смерть много раз, и сейчас она медленно покидала коридор, забрав на прощание последнюю добычу.

— Рег... — всхлипнул Эргиан. — Алестар, прошу!

Рыжий вытянул руку с перстнем Аусдрангов, уже не скрывая, что пользуется им, а не Сердцем Моря. Эргиан зато поднял свое, и две вспышки алого, уже не смертоносные, а животворные, слились в одну над телом Реголара... и погасли.

Светлые глаза кариандца удивленно смотрели сквозь камень коридора, нависший над ними всеми, куда-то вдаль, видя там то, что еще недоступно живым. Обломок остроги, пробивший его сердце, казался бессмысленной нелепостью.

У Джад перехватило горло. Реголар был не первым, погибшим сегодня, вряд ли последним и далеко не единственным. Она еще не знала, о чьей смерти получит страшную весть. Санлия, Леавара, Эрвейн с мужем, знакомые советники, воины, слуги и жрецы. Тот мальчишка, которого его друг мог не дотащить до целителей. Охранник, оставшийся на посту у оружейной и второй, поплывший с ними. Те, кто спасал дворец внизу или оказался в незащищенном городе... Да просто все известные и неизвестные Джад иреназе! Сколько их сегодня погибло и погибнет еще?!

Но смерть Реголара ударила по ней отзвуком чужой боли. Искаженным от безмолвного горя лицом Эргиана, бессильным сочувствием в глазах Алестара и уцелевших кариандцев...

— Они отбили дворец, — услышала она собственный хриплый голос. — Встали здесь и не пустили сирен через галерею. Двенадцать воинов из Карианда, их начальник охраны, четыре

акалантца...

— И вы двое, — уронил Алестар, оглядев их с Лилайном и нескольких потрепанных израненных иреназе. — Я запомню. Иратель, что в городе?

В руку Джад ткнулся нос Жи, густо измазанный в крови, которую не смывала даже вода вокруг. Салру был покрыт ею весь, морда исцарапана, на боках несколько глубоких порезов, но будь он человеком, сиял бы довольством, а так только хвост хлестал Джад по ногам, да нос морщился, требуя ласки. Она молча почесала рыбеныша, спасшего их.

— Жрецы на улицах, тир-на! — откликнулся подплывший Иратель. — Они бьют в храмовые гонги, и зов сирен слабеет. Мы гоним их! И во дворце, и в городе!

— Убить тварей, — холодно уронил Алестар. — Всех.

— Ваше величество! Ваше величество!

В конце коридора показалось еще несколько иреназе, и стало еще теснее. Герувейн, сразу будто постаревший, заглядывал в лицо Алестару, словно не веря, что король жив, и все норовил хотя бы коснуться его руки. Торун, отец Камриталя и Леавары, обнимал сына. Санлия безмолвной смуглой тенью скользнула к Джад с Лилайном, оглядела их и быстро перевязала плечо Лилайна вытасненным из поясной сумочки бинтом.

— Съешьте это, — велела она алахасцу, протянув ладонь с темной пилюлей, и тот послушно сунул лекарство в рот. — Каи-на, вы ведь не ранены?

— Царапины, — покачала головой Джад, не отводя глаз от Леавары, выскользнувшей из-за спины отца, торопливо обнявшей брата, а потом одним плавным движением оказавшейся возле Эргиана.

Кариандец так и держал убитого на руках, расстелив светлый хвост по полу, и его тщательно огибали все, не зная, что сказать. Алестар и Иратель отдавали какие-то распоряжения, раненых уводили неведомо откуда появившиеся целители... Впрочем, понятно откуда, снизу. Значит, там тоже отбили штурм, и сейчас дворец пытается прийти в себя.

— Тир-на... — тронула его за плечо Леавара. — Прошу вас. Вам нужно выпить тинкалы и перевязать руку. У вас кровь... Прошу...

— Да, конечно, — кивнул Эргиан, не двигаясь. — Сейчас. Я только хочу... запомнить его. Мне больше ничего не останется, понимаете? Я боюсь, что когда-нибудь забуду его лицо...

— Вы его не забудете, — сказала Леавара очень тихо, но Джад показалось, что ее услышали все поблизости, на миг замерев. — Никогда не забудете. И мы все — тоже. А я нарисую его для вас. Хотите? Не такого, а... настоящего. Я помню, какой он.

— Я тоже помню, — тихо проговорила Джад. «Мир не может обрушиться, пока я не выиграл Золотой Жемчуг». Он так сказал, когда мы готовились к бою. И жалел, что тир-на Алестар бросил гонки. Очень хотел с ним встретиться на Арене... Эргиан, я разделяю с вами боль. Да примет его душу Мать Море.

— Благодарю, — бесцветно отозвался принц. — Он был прав, мир не обрушился. И теперь, наверное, устоит. Без него и без всех остальных. Мир всегда так поступает. Вы... его нарисуете? — поднял он лицо к Леаваре, словно только сейчас осознав ее слова. — Значит, это... вы?

— Да, — еле слышно сказала она.

— Повезло мне, — устало сказал Эргиан. — Я потом с вами поговорю, хорошо? Простите. И благодарю.

Он очень быстро прильнул щекой к ладони Леавары, лежащей на его плече, а потом бережно опустил тело Реголара на руки подплывших кариандцев и поднялся над полом.

— Тир-на!

Торопливо вплывший в коридор гвардеец вытянулся перед Алестаром и заговорил:

— Ваше величество, сирены отступают. Они созывают своих. Мы их преследуем, но они разделились! Большая часть плывет к ущелью на границе с Кариандом. Отправить туда

войско?

— Нет, — глухо сказал Алестар. — Не сейчас. Нельзя оставить город без защиты. А меньшая часть?

— Они плывут через город в сторону Арены! — доложил гвардеец. — И там... Ваше величество, среди них видели целителя Невиса.

Глава 16. Если Спящие проснутся

— Сколько их? — быстро спросил Алестар, сузив глаза.

— В той стае было дюжины три тварей, — отрапортовал гвардеец.

— Иратель? — обернулся рыжий к начальнику охраны.

— У нас только салту устали, — отозвался тот. — Воины еще могут сражаться. Тех, кто защищал дворец, брать с собой нельзя, они ранены и вымотаны. Может, еще десятка два наберу, не больше. Для погони пяти десятков мало, тир-на, там может быть ловушка.

— Может, — мрачно согласился рыжий. — Но эту гадину надо поймать. Я не знаю, как он сговорился с сиренами, но пока Невис жив, Акаланте в опасности. Ускользнет сейчас — ищи его потом. Собирайте воинов.

— Я с вами, — уронил Эргиан. — Если там засада, попробую почувствовать ее издалека.

Алестар нахмурился так, что брови почти сошлись над переносицей. И снова у Джад горько и тоскливо дрогнуло сердце. Уставшим и сосредоточенным, взвалившим на себя множество забот, но никогда не жалующимся, она видела его все чаще. Юный самовлюбленный принц вырос в мужчину и короля, которого не стыдно любить и уважать. Только вот ей этого теперь показать нельзя...

— Принцессы в безопасности? — спросил он, и тот же гвардеец отозвался:

— Да, тир-на. Их отвезли в храм Глубинных богов, как вы приказали.

— Хорошо, — кивнул Алестар и перевел взгляд на Джад, сказав так, словно в коридоре, кроме них двоих, больше никого не было: — Джи, ты присмотришь за теми, кто здесь останется? Каи-на Торун ранен, а Иратель поплывет со мной...

Он запнулся, и Джад покачала головой, не принимая безыскусную хитрость. Алестар стремительно осваивал науку управлять окружающими не только приказами, но и просьбами, которые они сами выполняли бы с радостью. Только вот с ней он хитрить по-прежнему так и не научился.

— Я не целитель, ваше величество, — сказала она. — Не слишком хорошо знаю дворец и могу сделать для ваших подданных гораздо меньше, чем любой из каи-на или лекарей. Прошу, возьмите меня с собой. На салту я от ваших воинов не отстану.

— Джи... — поморщился Алестар, а потом безнадежно и грустно улыбнулся: — Не стоило и пытаться, да? Хорошо, как скажешь. Но Лилайн за нами точно не успеет. Я думал, ты предпочтешь остаться с ним.

Джад глянула на мрачного алахасца, чистящего острогу. Наемник встретил ее взгляд и отвел глаза, явно понимая, что Алестар прав, и не сомневаясь, кого она выберет. А у нее снова сердце рвалось на части. Бросить Лилайна во дворце означало тяжело и несправедливо его обидеть. Но отпустить Алестара одного, когда король сунется в пасть сиренам...

— Я могу взять ири-на Карраса на своего салту, — раздался от стены нежный серебряный голос Санлии, о которой все забыли. — Тир-на, после боя вашим воинам не помешает помощь лекаря. А я без доспехов и оружия вешу немного, сильный свежий зверь увезет нас обоих, если ири-на Каррас позволит мне править.

— Ты хочешь в погоню? — недоверчиво поинтересовался Алестар. — Сан, там опасно. Я могу взять другого целителя, а ты и здесь пригодишься.

— Там моя сестра, — просто и спокойно ответила суаланка. — Я уверена, что если вы найдете Невиса, Кариша окажется где-то рядом. А если вы мне не доверяете, прикажите воинам за мной присматривать. Я... все понимаю.

— Хорошо, — бросил Алестар. — Какая уже разница, плывем с нами. Только быстрее!

Он обвел всех отчаянным взглядом, старательно не задерживаясь на Джад, словно не хотел ее видеть. Потом снял с шеи цепочку с фальшивым Сердцем Моря и сунул ее Герувейну, велел:

— Это копия, спрячьте подальше.

Эргиан подхватил двойную острогу Реголара таким привычным и отточенным движением, что сразу стало понятно, такое оружие хорошо ему знакомо. Может быть, даже именно это, с отполированным долгим употреблением деревянным древком, лоснящимся от бесчисленных прикосновений ладоней и двумя хищными острыми жалами... Всегда невозмутимый принц совершенно закаменел лицом, как бывает с теми, кто отодвигает горе подальше, чтобы оно не туманило рассудок, мешая мести.

Сердце Моря на груди кариандца светилось ровным насыщенным светом, и теперь Джад видела, что по форме оно совершенно иное, чем реликвия Акаланте. Она вспомнила легенду, что изначальное Сердце было создано из крови первого короля иреназе, отдавшего жизнь ради победы над глубинными, и постаралась отогнать дурное предчувствие. Что-то слишком много осколков Сердца в водах Акаланте.

Пока она размышляла, Иратель, словно сбросивший десяток лет, собирал отряд, распоряжаясь быстро и четко. Для Джад нашли салту и надели на него седло, в котором она ездила на королевскую охоту. Санлии подвели мощного матерого зверя, на которого Каррас взглянул с уважением.

— Еще ни одна лошадь за всю мою жизнь меня не сбросила, — сообщил он салту, одной рукой почесав ему нос, а второй — показав кулак, пока суаланка спокойно и быстро крепила на спине зверя упряжь. — И плавать, что у тебя плавники вместо копыт, будешь кусаться — взгрею. Джи, а где твой зубастик?

Джад пожала плечами, Жи снова куда-то подевался. Иногда ей казалось, что салру — обычный смысленный зверь, а сон, в котором ее навестило Всеядное божество Жизни, был всего лишь сном. Она пыталась обратиться к нему, но внутренний голос молчал, не отзываясь, и Джад не знала, верить ли самой себе. Да еще эти странные слова Жи о богах...

Иратель скомандовал, и отряд в полсотни иреназе, собравшийся в воде напротив галереи, построился клином, в острие которого оказались Алестар с Эргианом. Салту Джад и Санлии гвардейцы окружили со всех сторон, так явно оберегая, что жрица только вздохнула про себя: можно не сомневаться, чей это приказ. Хорошо хотя бы, что Санлия с Каррасом не отстанут.

Они выплыли в пустой испуганный город, словно замерший в ожидании. Даже рыбы попрятались от Ужаса Моря, и лишь в нескольких местах она увидела, как гвардейцы Алестара вместе со жрецами, одетыми в темные туники глубинников, уничтожают последних сирен, оставших от стаи. Почему Реголар сказал, что храмы глубинных жрецов стоят на крови? На чьей? И откуда глубинники знают, как бороться с сиренами? Впрочем, если сирены часто нападают на Карианд, жрецы разных городов могли и поделиться полезными знаниями, как устройством для дыхания, например.

— Камриталь, — спросила Джад оказавшегося рядом гвардейца. — Что случилось на границе? Откуда у принца Эргиана Сердце Моря?

Про принцесса она, разумеется, спрашивать не стала, хотя сердце снова кольнула игла непонятного чувства, похожего на злость.

— О, каи-на! — восторженно выдохнул тот. — Вы не представляете! Эти подлые мурены...

Джад закусила губу, низко наклонившись к спине салту и слушая, как Алестар переиграл коварных продажных суаланцев, спас Эргиана и убил в честном поединке за руку принцессы Дэлоры кариандского короля.

— Никогда не думал, что его величество не только на Арене так хорош с лоуром! — завистливо закончил Камриталь. — И маару глубинного он... хм... — Он глянул на плывущего впереди Эргиана и неловко продолжил: — Кариандцы, конечно, не все одинаковы, и пусть Мать Море примет тех, кто сегодня бился с сиренами, вечная им слава, живым и мертвым. Но король этот... А главное, обеих принцесс его величество забрал в Акаланте. Мы их в храм Глубинных отвезли, когда увидели, что творится, не тащить же было в бой.

— Разумеется, — кивнула Джад, еще ниже наклоняясь к салту.

— Вы бы видели, какая Маритэль — красотка, — мечтательно проговорил бравый гвардеец, снова опасливо покосившись в сторону Эргиана. — словно ее из солнечных лучей сплели! А суаланка — глянуть не на что. И девочка еще совсем. Его величество как увидел, кого ему подсунули, так сразу пообещал, что избранной делать ее не станет. Пусть живет у нас во

дворце, чтоб ее отец в следующий раз думал, стоит ли устраивать Акаланте пакости. А она, верите, каи-на, только обрадовалась! Попросила его величество, чтобы он запечатлел Маритэль, а ей самой только книги милы...

— Очень мудро со стороны короля, — бесстрастно согласилась Джиад, искренне жалея, что затеяла разговор.

Вот зачем ей было знать, что принцесса Суаланы слишком юна и так некрасива, что Алестар предпочел оставить ее в качестве заложницы? Что Маритэль, напротив, хороша собой. И что Алестар героически спас одну и великодушно обещал другой почетный плен, так что теперь может запечатлеть любую из принцесс иреназе, ожидающих его в храме... Зачем ей это?!

«Хватит думать о глупостях, — зло и холодно одернула она себя. — Вокруг творится неведомая жуть, заговорщики наконец показали истинное лицо и, может быть, все вот-вот закончится! Он победил в поединке с опытным соперником, судя по восторгам Камриталя, и остался жив. Тебе этого мало? Ну, тогда просто подумай, что впереди еще один бой, и никакие боги не обещали тебе, что Алестар выберется из него живым. Как и ты. И еще подумай, что можешь сделать для его спасения, если не окончательно превратилась из стража в ревнивую тряпку!»

«Теперь ты знаешь, как называется это чувство, верно? — насмешливо прозвенел в ее сознании знакомый мальчишеский голос, и Джиад едва не выпустила повод салту от изумления. — Что, сложно учиться тому, чего никогда от себя не ожидала?»

«Что происходит? — подумала Джиад, помня, что Всеядное Жи с легкостью читает ее мысли. — Что Невису нужно от Акаланте? Он много раз мог убить Алестара! Вместо этого сначала спасал его от ран и болезней, потом велел сиренам похитить его, тогда еще принца, и все нити заговора тоже ведут к нему? Это ведь он заставил Кари убить самого себя? И целителя Ирвайна убил тоже он? И...»

«И много кого еще, — бесцеремонно прервал ее Жи. — Не о том думаешь, маленькая жрица. Разгадка Невиса от тебя не уйдет. Как сказал бы твой рыжий и хвостатый, Гонка вышла на последний круг».

Салту стремительно неслись над городом. Вот внизу пара сирен прижала иреназе, из последних сил отбивающегося острой. Иратель крикнул, и трое крайних гвардейцев, не нарушая строя, метнулись вниз, а потом через несколько минут догнали отряд, и острия их лоуров были темными от крови. «Теперь Иратель в своей стихии, — подумала Джиад. — Хотя я бы посоветовала хоть несколько сирен взять живьем. Пригодятся, чтобы побольше узнать о противнике».

Вскоре чаша Арены выросла впереди огромным краем. Однако Невис и его стая либо уплыли за это время далеко вперед, либо прятались в окрестностях исполинского кратера. Джиад содрогнулась, опять представив, что случится, если когда-нибудь пробудится этот вулкан, сейчас дарящий Акаланте тепло и уют, но способный стать его гибелью. Сирены поклоняются глубинным богам, а ведь по легендам именно они спят в неизмеримой толще дна под Ареной, усмиренные первым королем иреназе и Матерью Море... Сирены... Невис... Гибель мира, ожидаемая с их приходом...

Джиад закусила губу, чувствуя, как огромная мрачная тень коснулась ее сознания, заливая мысли ужасом. Зачем сиренам и Невису Алестар? Руаль, тоже связанный с безумными сектантами, назвал его последним в роду Ираэли. Теперь, после гибели Торвальда, так и есть, но Ираэль — прямой потомок первого короля иреназе по старшей линии. Все остальные повелители моря — лишь боковые ветви...

«А ты начинаешь понимать, — одобрительно сообщил ей призрачный голос Жи. — Умная маленькая жрица».

— Я должна его предупредить, — сказала Джиад, от отчаяния не понимая, что говорит вслух, и тут же спохватившись.

«О, в этом уже нет нужды...» — пробормотало Всеядное Жи, и в этот момент Алестар крикнул, останавливая отряд.

Джиад тронула салту лоуром, хорошо обученный зверь плавно замедлился, рядом закачались в воде остальные. Лилайн, терпеливо сносящий роль седока за спиной Санлии, разглядывал Арену с восторгом, не смущаясь, что они гонятся за опасным врагом, а суаланка тихо рассказывала ему историю этого места. Гвардейцы тревожно озирались по сторонам. Отряд рассыпался, и Алестар махнул рукой, подзывая Джиад. Подплыв, она увидела, что рыжий

бледен, и его глаза на осунувшемся лице сверкают нехорошим лихорадочным блеском. Рядом остались Иратель и Эргиан, остальным он велел отплыть подальше.

— У Невиса Сердце Моря, — сказал Алестар тихо и с отчаянной решимостью. — Я чувствую, как из него льется сила. Вы понимаете, что это означает? Он... он будит Арену!

— Не Арену, — тихо возразила Джад, мечтая ошибиться, но понимая, что страшные пророчества иреназе становятся явью прямо сейчас. — Невис поклоняется Спящим до конца мира. Тем, кто заточен под Ареной и Акаланте. Он хочет разбудить глубинных богов.

— Мать Море и Бездна... — первым прошептал Эргиан, едва шевеля губами. — Если глубинные выберутся на поверхность, наш мир исчезнет в их ярости. Даже безумец не решится на это!

— Смотри насколько он безумен, — мгновенно охрипшим голосом возразил Алестар. — Невиса надо остановить. До глубинных он, может, и не докричится, но если Арена проснется, Акаланте погибнет. Мы даже жителей не успеем увести! Я должен его перехватить!

— Нет! — отчаянно сказала Джад, и все взгляды устремились на нее. — Он этого и добивается. Ему нужен последний из рода Акаланте, чтобы его кровью открыть проход, который запечатал первый король! Алестар... вам... тебе нельзя туда!

— Звучит вполне разумно, — бесстрастно подтвердил Эргиан. — Амо-на Джад наверняка права. А я-то думал, почему он не убил вас раньше? Все равно кое-чего не могу понять... Ладно, это потом. Алестар, вы можете почувствовать Сердце? Где оно?

— В кратере Арены, — глухо отозвался рыжий, как всегда еще сильнее бледнее от волнения, только на щеках горели яркие пятна румянца. — Ритуал уже запущен, я чувствую, Сердце бьется. Но как? Невис не королевской крови! Он даже не жрец! Это... невозможно!

— Тир-на, — вмешался до этого молчащий Иратель. — Если все это правда, вам туда нельзя. Что, если вас... ранят? И ваша кровь завершит это безумие?

— То есть убьют, — спокойно поправил его Алестар. — Наверняка он на это и рассчитывает. Но никто, кроме меня, не сможет приказывать Сердцу. А если Невис продолжит, мы и так обречены.

— Я могу, — тихо уронил Эргиан. — Приказывать — нет, но взять чужое Сердце Моря у меня сил хватит. Я заберу его у Невиса и верну вам. Только... — Он тронул кариандскую реликвию, тревожно пульсирующую на его груди, и добавил: — Это придется оставить здесь. Если у меня не получится, не стоит отдавать врагу еще один ключ к Бездне вместе с моей кровью.

— Сердце могу взять и я, — напомнила Джад и поймала такой всплеск ужаса в глазах Алестара, что осознала: об этом он помнил с самого начала. — Мне оно точно не повредит, уже проверено.

— Нет! — отчаянно возразил Алестар сразу им обоим. — Если Невис как-то подчинил Сердце, он вам даже приблизиться не позволит. А я смогу вернуть власть над Сердцем даже издалека.

— Уверены? — так же бесстрастно и тяжело посмотрел на него Эргиан.

— Не знаю, — тихо ответил Алестар и отвел взгляд. — Но выбора нет. Никто из вас не справится. Мне всего лишь нельзя там погибнуть. Но... раньше ведь получалось, — старательно усмехнулся он.

— Тир-на! — окликнул его напряженным голосом Иратель. — Смотрите!

Над краем Арены показались те же серебряные штрихи, которые Джад видела из окон галереи и успела возненавидеть. Стая сирен, охраняющая Невиса, стремительно приближалась. И было их гораздо больше, чем три дюжины.

— Ну, вот и конец спору, — бросил Алестар. — Прорываемся к Арене все вместе. Если разделимся, нас перебьют поодиночке. А так попробуем успеть. Эргиан, вы сможете усмирить Ужас Моря, как во дворце?

— Да, — уронил кариандец.

Он перехватил удобнее лоур и полоснул его острием по ладони, а потом зажал в ней, окровавленной, ярко засиявшую реликвию Карианда. Прикрыл глаза, и волна ужаса, что

приближалась вместе с сиренами, сразу ослабла.

— Собраться вокруг его величества! — громко приказал Иратель.

Джиад снова поймала взгляд Алестара, долгий и пронзительно нежный, словно рыжий пытался запомнить ее лицо, и сердце тревожно защемило. Что она могла сделать сейчас, когда игры богов уже начались, и жизни смертных превратились в камушки на их доске? Умереть, чтобы Алестар выжил? Если придется выбирать между его жизнью и своей, Джиад не колебалась бы ни минуты. Не потому, что она страж, охраняющий того, кто купил ее клинок. А потому, что впервые в жизни была свободна в этом выборе. И прикрыла бы Алестара собой не из чувства долга...

Она не успела додумать. Алестар горько усмехнулся и тихо сказал, отворачиваясь и поднимая лоур над мощной спиной Серого:

— Лучшая гонка в моей жизни, а поцеловать на удачу некого. — И добавил уже громко, для всех: — Держимся вместе! Мать Море с нами!

— За короля и Акаланте! — крикнул Эргиан, и гвардейцы ответили единодушным ревом, а потом несколько десятков салту разом прыгнули с места, сбившись в плотную стаю, что врезалась в рассеянное облако сирен, как горячий нож в масло.

Почти сразу твари облепили их со всех сторон, пытаясь отогнать крайних салту или поразить седоков длинными острогами. Иреназе изрядно устали в долгой дороге и сражении, но умело и отчаянно огрызались, понимая, что позволить разбить отряд означает смерть.

Вот уже край Арены вырос впереди и внизу, как по мрачному волшебству, закрывая большую часть пространства. Вот вскрикнул один гвардеец, падая с салту и пытаясь выдернуть острогу из груди. Вот молча полетел вниз второй, третий... Сирены дрались так отчаянно, словно Джиад ошиблась, и никакой ловушки для Алестара внизу не было, а тварям, напротив, приказали не пустить его туда. «Или им нужен только он один, чтобы остальные не помешали ритуалу», — подумала она.

Рыжая грива Алестара, заплетенная в косу, но растрепавшаяся, мелькала впереди, как и мощная спина, едва прикрытая кожаным доспехом. Рядом с Серым плыл светлый салту Эргиана, принц Карианда низко пригнулся к его спине, почти лег на зверя и вцепился в седло. Гвардейцы окружили их со всех сторон, оберегая, как и Джиад, и Санлию с Лилайном, которым приходилось хуже всех. Но суланка умело правила зверем, а наемник делал единственное, что мог, не мешал ей.

Джиад все сильнее чувствовала напряжение, волнами идущее навстречу. Вода словно превратилась в плотный кисель, к счастью, мешающий не только им, но и сиренам. Томительно медленно проплыл внизу край Арены, раскинулся чудовищно огромной чашей амфитеатр... Сирены словно обезумели, и Джиад, стиснув зубы, лишь мельком провожала взглядом каждое падающее вниз безжизненное тело иреназе, ожидая, когда наступит ее черед. От отряда осталась половина...

Но дно Арены уже было хорошо видно. Огромный овал и ровно посередине, словно в фокусе чудовищной линзы, несколько крошечных фигурок. Джиад показалось, что в одной она узнала Невиса, но с такого расстояния легко было ошибиться. Рядом с ним еще двое, иреназе или сирены — не разглядеть. А вот сверху плавало еще полтора-два десятка тварей, и Джиад ожидала, что этот последний барьер будет защищать безумного целителя, но серебряные фигурки салру с седоками, издали такие красивые и фальшиво безобидные, вдруг поднялись над поверхностью Арены и понеслись к отряду Алестара.

Остальные сирены, почуяв подмогу, принялись атаковать еще яростнее, и тут Арена словно вздрогнула, а вода разом стала горячей. Алестар что-то крикнул, но Джиад не расслышала, рядом вопили сирены, и даже без Ужаса Моря их вой резал уши. Лишь успела увидеть, как сирены, собравшись в клин, врезаются в отряд иреназе, и Алестара отбрасывает от остальных. Эргиан что-то закричал в ответ, поднимая над головой руку с Сердцем Моря, из его кулака заструился алый свет, и сирены заматались, пытаясь укрыться от него, но между Алестаром и остальным отрядом их было уже слишком много.

Оглянувшись, рыжий даже не попытался развернуть салту. Преследуемый сиренами, он направил зверя по крутой дуге через половину Арены туда, где вокруг Невиса закручивалась тугая воронка.

— Вниз! — крикнул Иратель, пытаясь собрать остатки рассеянного отряда, но сирен все еще

было больше.

Они бестолково метались вокруг, страшась силы Сердца Моря, однако плыть все равно не давали, и Джад, как и остальным, осталось лишь беспомощно следить за Алестаром. Огромный мощный салту, вымотанный долгой дорогой, лишь слегка отдохнувший у дворца и снова помчавшийся в погоню, никак не мог сравниться в скорости с резвыми салтру, чьи узкие хищные силуэты преследовали его.

Но на спине Серого был лучший гонщик Акаланте, летящий не за призом, а за жизнью своей страны.

Алестар то взмывал выше, то падал вниз, то закладывал немыслимые повороты, раз за разом ускользая от бросающихся наперерез сирен, прикинув к салту, став с ним единым целым. Долгие годы тренировок, смертельно опасные охоты, победы и проигрыши — все это слилось сейчас в безупречное, единственное в своем роде мастерство. «На Арене принцев нет», — вспомнила Джад. Но Алестар был королем Арены не по крови, а по праву лучшего, и весь свой опыт, умение, чутье и отчаянную смелость вложил в невозможный рывок, словно не зверь из плоти, а воля, отточенная, как лоур, несла его вперед.

Затаив дыхание, Джад следила за ним, отчаянно молясь Малкавису, Матери Море, Жи и всем, кто мог услышать ее молитвы, чтобы Алестару повезло. Поцелуй на удачу? Она кляла себя, что не успела сделать этого. Подумаешь, все увидели бы. Да какая теперь разница! «Все, что угодно, лишь бы ты выжил, — твердила Джад, едва замечая, что натиск сирен на остатки отряда слабеет, что иреназе собираются вместе, что справа от нее держится Эргиан, так и льющий в воду силу Сердца вместе с кровью, а слева — Лилайн и Санлия... — Пожалуйста, победи еще один раз! Я сделаю все, что ты захочешь! И никогда ни о чем не пожалею...»

— Боги, какой мастер! — выдохнул Эргиан с восхищением и еще чем-то, похожим на сожаление. — Вот кто родился с лоуром в руке. Не зря Реголар мечтал...

Он осекся и тут же повернулся к Джад, болезненно кривясь от боли. Перехватил цепочку другой рукой, выпустил Сердце Моря, и Джад увидела, что правая ладонь кариандца покрыта крупными волдырями.

— Помогите, — попросил он. — Нужно порезать вторую, а я нож не удержу. Быстрее!

Джад вынула каршамский кинжал и торопливо провела острейшим лезвием по еще здоровой ладони Эргиана. Кариандец тут же перехватил ею кристалл, снова окунув его в кровь.

— Каи-на! — окликнул он Джад, вернувшуюся взглядом к Алестару. Рыжий почти достиг дна Арены. — Вы мне должны вопрос, помните?

— Сейчас? — процедила она, не в силах удивиться или возмутиться. — Это не подождет?

— Что угодно может подождать, — сказал Эргиан таким голосом, что Джад замерла, слушая его, но видя только Алестара. — А потом однажды становится поздно.

Еще четыре-пять сирен на пути у рыжего. И не догнать, не прикрыть спину, не броситься между ним и опасностью, как Реголар!

— Да... — сказала она хрипло, не поворачиваясь к принцу Карианда. — Хорошо, спрашивайте.

— Вы можете не отвечать на этот вопрос мне, Джад, — сказал Эргиан, впервые, кажется, назвав ее просто по имени, без всякого титула. — Но скажите правду самой себе, прошу. Если он погибнет, неужели вы не пожалеете о том, что так его и не поцеловали?

— Замолчите, — прошептала Джад, едва шевеля губами, а кариандец безжалостно продолжал, и алая кровь струилась в воду через его пальцы, сведенные на огромном рубине:

— Мы всегда думаем, что будет еще один день, когда мы исправим все ошибки, скажем все нужные слова и станем жить счастливо. И поэтому откладываем то, о чем мечтали, боимся своих желаний и закрываем глаза, не видя главного. А потом очередной день оказывается последним, и некого больше прощать и любить, нечем дорожить и не к кому возвращаться. Если такой день сегодня, о чем вы будете жалеть всю жизнь? Скажите это себе!

Невис был впереди, совсем близко, и больше ничто не имело значения. Алестар запретил себе думать, что отряд остался у края Арены, отбиваясь от сирен, и вряд ли сможет приплыть на помощь. Что вода все горячее, а дно заволочла странная мутная пелена, скрывая песок. Что вокруг мечутся сирены, сквозь стаю которых он пробился, как сквозь обычных соперников по

Гонкам, только тогда не приходилось думать о чужих острогах и лоурах, а доспехи были только для красоты.

Он увел уже смертельно уставшего Серого немного в сторону от последней стайки тварей и тут же бросил вниз в крутой рывок, резкий, как укол лоуром. Верный салту вытянулся под седлом, отдавая последние силы, и Алестар почувствовал, как словно пробил тугую преграду — это Серый проломил границу воронки вокруг Невиса.

И снова мир дрогнул. Сирены и его отряд остались там, снаружи, а здесь Алестар оказался посреди небольшой сферы пространства, безмятежной, как самое сердце урагана, так называемый глаз бури. Пугающее неестественное спокойствие исходило от лежащего на песке Арены камня, в котором Алестар узнал священную скалу Всеядного Жи, и собравшихся вокруг этого подобия алтаря Невиса, Кариши и... Риаласа!

«И чего я тебя все-таки не прибил? — остро пожалел Алестар, глядя на надменное лицо молодого суаланца, излучающего торжество. — Надо было. Но... кого же ты мне напоминаешь, а? Прямо перед глазами что-то стоит...»

— Ну, вот все и в сборе, — спокойно, словно не происходит ничего особенного, сообщил Невис, когда Алестар остановил салту. — Мои поздравления, ваше величество. Вы в самом деле лучший гонщик моря. Были. Глупый повод для гордости, но детям нужны игрушки, верно? Кстати, бросьте лоур. Он вам больше не понадобится.

Алестар сжал рукоять еще крепче и тут же почувствовал, что она обжигает руку. Пришлось разжать ладонь и уронить лоур на дно, где он сразу скрылся в песчаной мути.

Невис смотрел безмятежно и доброжелательно, совсем как раньше, когда уговаривал маленького Алестара съесть лекарство или побыть в постели пару дней, чтобы залечить ободранный хвост. Кариша, напротив, глядела с мрачной ненавистью, ее губы были плотно сжаты, глаза горели, как у сирены, и Алестар мельком удивился, что суаланка могла хоть на миг показаться ему симпатичной. И Риалас после Санлии польстился вот на это? Все равно, что променять жемчужину на кусок деревяшки.

— А вы сами, Невис, не заигрались? — холодно бросил Алестар, отмечая, что Сердце моря, пульсирующее яростной, едва сдерживаемой силой, лежит на алтаре, но просто схватить его не получится, потому что по обе стороны скалы застыли Риалас и Кариша. — Неужели вы действительно хотите разбудить глубинных?

— О, вы догадались, — немного рассеянно отозвался Невис, доставая из целительской сумочки на поясе узкий, длинный и очень острый нож. Алестар видел, как такими вскрывают нарывы или срезают пострадавшую чешую. — Сами или снова двуногая подсказала? Впрочем, у вас теперь умный советник. Очень способный юноша этот принц Эргиан, я прямо горжусь своей кровью. Риалас, дитя мое, не ревнуй! — улыбнулся он, бросив взгляд на суаланца. — Он никогда не сможет тебя заменить.

— Дитя? — поднял брови Алестар, отчаянно соображая, как еще потянуть время.

Сердце моря, к которому он изо всех сил пытался пробиться мысленным усилием, не отзывалось, будто оказавшись за прозрачной, но крепкой стеной. Ах, если бы коснуться его! Лучше всего — кровью. Но чутье подсказывало, что сделать это ему просто не дадут, отшвырнут ударом силы.

— Так Риалас — ваш сын? Но... — Алестар запнулся. Он никогда не умел соображать так же быстро, как Эргиан или Джиад, ни в чем, кроме гонок. Однако сложить воедино уже известное мог. — Так вы оба из Карианда?! Я-то думаю, что мне так знакомо это наглое посольское рыло! Еще одно щупальце Эмарайна?!

— Ну нет, — растянул губы в жутковатой улыбке Невис, мгновенно сбросив личину доброго старого целителя.

«Впрочем, ничего странного, маару быстро меняют цвет», — усмехнулся Алестар.

— Эмарайн с его глупыми интригами — дурной малек. Он понятия не имеет об истинной власти! Когда мне доложили, что он наконец избавился от моего подлого братца, который сам же его породил... О, как я смеялся. Есть в этом некая забавная справедливость, когда братоубийцу убивает его же сын.

— Ничего не понимаю, — честно признался Алестар. — Вы... брат короля Карианда?

Младший? И он пытался вас убить?

— Старший! — звенящим от ярости голосом крикнул Риалас. — Это мой отец должен был надеть корону Карианда! А я, его единственный сын, стать наследником и следующим королем! Не жить в чужом доме из милости, не прислуживать этой развратной, тупой и мерзкой семейке, правящей Суаланой, а быть равным им! И выше!

— Помолчи, Риалас, — мягко попросил Невис и снова повернулся к Алестару. — Да, понимание никогда не было вашей сильной стороной, тир-на... Но мой милый Ри прав. Это я законный король Карианда. Впрочем, уже не важно. Скоро подобные мелочи перестанут иметь значение. Короли и слуги одинаково исчезнут в очистительном огне, сотрутся границы между городами моря и суши, и мир погибнет, чтобы родиться заново...

Он улыбался, вертя в руках нож. Как же его... «Скальпель!» — вспомнил Алестар, словно это было важно. И заторопился, изо всех сил прикидываясь дураком. Если сработало с одним кариандским маару, почему бы с другим не попробовать? Иратель, Эргиан, да где же вы?!

— Невис, вы, наверное, не знаете, но Эмарайн мертв. И если вы законный король Карианда...

— Уже нет, — продолжал улыбаться Невис, будто улыбка приклеилась к его лицу независимо от слов. — Я принял власть большую, чем королевская. Бездна говорила со мной устами своих детей и поведала мне свою мудрость, бездонную, ледяную и темную, как она сама.

«Три длины лоура до этой твари, — холодно просчитывал Алестар. — Пять — до камня. И на половину лоура больше до Кариши и Риаласа. Но я не смогу остановить сразу троих, кто-то из них успеет схватить камень...»

— Так поведайте ее мне, — попросил он. — Вдруг я тоже пойму?! Невис, я... очень постараюсь, правда! Может, я просто не знаю того, что знаете вы?

— Не получится, тир-на, — ласково сказал бывший целитель, глядя на него почти с сочувствием. — Даже если бы я поверил в вашу искренность. Нельзя понять умом откровение, что было мне даровано. Когда мой дорогой братец позвал меня на охоту, как это принято у нас в семье, я знал, что из Бездны вернется только один принц. И был уверен, что это окажусь я. Нож между лопаток заставил меня... усомниться...

Он взглянул на скальпель, который держал, с удивлением, словно сам до этого не замечал его, и продолжил:

— Ничего нового, право. Я не держу зла на брата, ему тоже не хотелось умирать. Но следовало добить меня, а не бросать на поживу тварям Бездны. Я же поплыл... В ледяной темноте, без туарры и оружия... Можно было выдернуть тот нож из спины, но я ведь уже изучал медицину и знал, что тогда умру. Прекрасный выбор, умереть сразу или немного позже, верно? Однако лучше иметь хоть такой.

— Всегда лучше иметь выбор, — послушно согласился Алестар, и Невис благосклонно кивнул. — Так вы смогли выбраться?

— Нет, — равнодушно сказал бывший целитель. — Я прежний остался в Бездне. Иногда мне кажется, что я все еще ползу сквозь ледяную густую тьму и рыдаю от ужаса, боясь умереть именно там и навечно остаться безумной бестелесной тенью... Может быть, так и случилось. Тот я, что проплыл Бездну насквозь и добрался до поселения сирен, уже не был кариандским принцем Неваланом, который спустился по склонам Карианда. Неудивительно, что сирены приняли меня за знамение, посланное им глубинными богами. Голос Бездны, что я слышал много дней, звучал в моих ушах. Я и сейчас его слышу, тир-на, — доверительно понизил он голос, и Алестар содрогнулся от ужаса. — Знаете, как это было? Я полз и плыл, вслепую находил на камнях тонкий слой глубинного мха и мелкую живность, чтобы съесть их, ударялся лицом и телом об эти же камни... Несколько раз меня ловили маару, и я рвал зубами их тугую соленую плоть, глотая кровь и постигая закон Бездны: сожри или будешь сожранным, возьми чужую жизнь или отдай свою. И все это время Бездна говорила со мной. Она пела, шептала и рассказывала... И когда сирены нашли меня, ослепшего от вечной тьмы, но обретшего новое зрение, то не посмели убить. Я говорил с ними на языке Бездны, и они отвечали. Они дали мне новое имя. И впервые слились воедино душа и разум иреназе и сирены, и больше не было охотника и жертвы, ибо в Бездне все равны...

— Достаточно, отец! — громко и ясно прервал его Риалас. — Хватит этих безумных рассказов о

Бездне! Ты обещал, что мы вернем себе свое! Что мы будем повелителями моря по праву крови и силы!

— А мне интересно! — возразил Алестар, бросив быстрый взгляд вверх. За смутной границей воронки что-то изменилось. Тени сирен мелькали как-то иначе, испуганно, что ли, и в некоторых силуэтах он узнавал не салру, а салту... — Риалас, ты все это знаешь, дай и мне послушать! Если собираешься надеть корону, советую не ссориться так сразу с остальными собратьями по трону.

— Собратья? — надменно фыркнул тот. — Жалкие выродившиеся твари. Слабые, недостойные жизни. В новом мире будет лишь один народ иреназе, могучий и единый в верности своему королю! Сирены проредят остальных, а оставшиеся поймут, в чем их спасение, и принесут мне клятву на верность!

— А я думал, что я здесь единственный дурак, — задумчиво сообщил ему Алестар, и Невис ответил неожиданно понимающим смешком. — Слушай, Ри, ты и в самом деле думаешь, что глубинные боги оставят кого-то в живых? Если ты хочешь власти, то что делаешь здесь? Над вулканом, который вот-вот проснется и сварит всех твоих подданных, не разбирая, кому они верны?

— Не смей меня так звать! — взвизгнул Риалас.

— Как именно? — удивился Алестар. — Ри? А что такого? А, я понял! Так тебя звала Санлия, которую ты предал, да? Променял на эту зубастенькую муренку... Кстати, а Кариша тебе не рассказывала, как пыталась под меня забраться? О, погоди! Так ты и правда решил, что нужен ей сам по себе? — Он ухмыльнулся как мог мерзко и грязно, старательно воскрешая в памяти интонации, которые вливала в его голос гарната. — Ри, для такого отца ты слишком глуп и жалок. Твоя драгоценная Кариша просто завидовала старшей сестре, умной, красивой, талантливой целительнице. А главное, это ведь на Санлию клюнул сначала сын кай-на, а потом и вовсе наследный принц Акаланте. Сначала она из зависти отбила тебя, устроив эту гадость с письмами и нечаянно отправив Санлию ко мне в наложницы. А потом сама явилась в Акаланте и попробовала заменить сестру уже в моей постели...

— Замолчи, ты, гряз-з-сь... — прошептала Кариша, источая взглядом лютую ненависть, и Алестар самодовольно улыбнулся.

— А ты неплохо целовалась, — бросил он суаланке, прекрасно зная, что в потоке силы, разливаемой Сердцем Моря, и Невис, и Кариша, и Риалас прекрасно чувствуют любую ложь. — Только слишком сладко. Приторно... До Санлии тебе, как мурене до моего Серого. — Он похлопал салту по боку и подчеркнуто медленно выскользнул из седла, опираясь на него рукой. — Вот ее я бы сделал королевой, пожалуй. — Помолчал и бросил равнодушно, уже вступая на скользкую кромку лжи, но рассчитывая, что Кариша, ослепленная ненавистью, этого не заметит: — Может, еще и сделаю. А что, отличный выбор. Санлия умна, красива, умеет себя вести... На Маритэль я теперь жениться не могу, на Дэлоре не хочу. Санлия даже после того, что с ней случилось, осталась чиста и достойна уважения. Не то что вы оба, фальшивый принц и его фальшивая избранная...

Он все гадал, кто же кинется на него первым. На Невиса и надеяться не стоит, а вот Риалас и Кариша никак не могли вытерпеть этот поток словесной грязи. Ну же!

— Хватит, — уронил Невис, не оборачиваясь, и Алестар испытал острое тоскливое разочарование.

Суаланка и мурений посол, яростно сверкавшие глазами и уже подавшиеся ему навстречу, отпрянули, приходя в себя.

— Хорошая попытка, — так же понимающе кивнул ему Невис. — Но не выйдет. Моего наследника воспитывали правильно. Я не зря выкрал его из Карианда и привез в Суалану старому другу, единственному, кто знал, что я выжил. Своей кровью не разбрасываются. Кровь — единственная ценность в мире, верно? Лучшее приношение богам...

— Ах вот оно что, — проговорил Алестар, поглаживая бок Серого, как Невис — свой скальпель. — Кстати, Невис, раз уж вы все равно меня убивать собрались... Почему Руалль был так уверен, что я последний в роду и им останусь? Ваши игры? Зачем вообще было так тянуть со всем этим? Вы столько лет служили моей семье. Хорошо ведь служили! Спасали меня, лечили отца...

— И вашу мать — тоже. — Благостная улыбка старого целителя вдруг показалась Алестару

уродливой, как оскал самой мерзкой твари в мире. — Никогда не думали, тир-на, почему она умерла так рано? И почему вашему отцу больше не хотелось взять в постель ни одну наложницу? Печаль по ушедшей супруге — очень достойная причина, чтобы объяснить мужское бессилие и самому себе, и остальным.

— Тварь... — почти беззвучно прошептал Алестар, невероятным усилием не давая себе утонуть в багрово-алом тумане ярости.

Что там гарната? Теперь он знал, что такое настоящая ненависть. Но если бы не память о зелье, что подливала ему Кариша, не справился бы, пожалуй. Гарната научила его принимать гнев, не отдавая ему разум целиком. Удерживать последний удар, что никак нельзя нанести.

А Невис усмехнулся торжествующе, упиваясь его бессилием.

— С ребенком от Кассии получилась промашка, — спокойно сообщил он. — Я растил вас многие годы, как... призового салту, если вам так понятно. Последнего из рода Акаланте, великую жертву богам. И тут почти появляется еще один. Но все обернулось только к лучшему. Руалль собственными руками пресек и свой род, и ваш, а я пообещал ему, что других детей у вас не будет. Не успеете завести.

— Да зачем вам это? — крикнул Алестар. — Что вам сделала моя семья? Ну и мстили бы своему брату! Невис, да за столько лет вы могли вернуть себе трон, воспитать собственного сына, родить еще десяток! Может, кто-то из них даже умным вырос бы! Вон, у вашего брата вполне получилось. Акаланте ни в чем перед вами не виновато! А вы хотите уничтожить все море! Нас, Карианд, Суалану, Маравею, дальние пределы... И даже сушу!

— Весь мир... — тихо сказал Невис, и безумие, тлеющее в глубине его глаз, выплеснулось наружу, исказив лицо. — Весь этот прогнивший, мерзкий, отвратительный мир. Мир, где братья режут братьев, а сыновья — отцов и наоборот. Где сильный пожирает слабого, где любовь продают, унижают и разбивают на осколки. Мир, где правят голод, болезни, насилие... Посмотрите на него, Алестар. Думаете, Бездна там, в глубине дна? Она в разуме и сердце каждого из нас. Это Бездна велела моему брату оставить меня умирать. С вашим новым другом и советником было точно так же, верно? Бездна намазала упряжь салту руками Руалля, убив его дочь. Бездна шептала вам, когда вы насильовали двуногую, чтобы забыть собственную боль... Она повсюду. Там, где сестра пишет подложные письма своей сестре и ее избранному, чтобы разлучить их. Там, где солдаты убивают старого целителя и насильуют его дочь. Где избалованные развращенные принцы считают, что им все дозволено. Где жрец ворует храмовые тайны или жаждет чужую корону. Где охранник предает своего короля... Впрочем, Кари пришлось долго ломать, понемногу впуская тьму в его разум. Но даже у него нашлось уязвимое место. Он и правда любил Кассию, на которую даже глянуть не смел, а она, конечно, предпочла принца... Вам кажется, что мир хорош, Алестар? Он был добрым к вам, наследнику короля, который имел все, что захочет! Расскажите о доброте мира сирене, что живет в Бездне. Там из дюжины детенышей выживают один-два, которые сжирают остальных. А потом выплывают наверх, охотиться на тех, кто живет в теплой светлой воде, где полно еды.

— Мир — это не только Бездна, — упрямо проговорил Алестар, чувствуя, что безумные глаза Невиса источают силу Сердца, но изо всех сил сопротивляясь ей. — Это настоящая верность и любовь, это честь и долг. Я умолял Джаид о прощении. И я больше никогда не совершу ничего подобного. Кари предал меня, но Дару едва не отдал за меня свою жизнь. Руалль убил моего отца, а Эргиан в отравленной воде надел на меня свою маску. Кариандцы умирали, защищая Акаланте от сирен! А мы примем их как братьев, и если придется, разделим последний кусок рыбы. Не судите по себе, Невис! Это вас отравила Бездна! А вы травите этим ядом всех вокруг! Почему вы растили ненависть в Руалле и Кари? Почему ни разу не сказали моему отцу, чтобы он надрал сыну хвост и перестал баловать самовлюбленного гаденыша, которым я стал?! Бездна виновата, что Риалас предал Санлию, а потом хотел убить? Как бы не так! Я ни один свой поступок, которого стыжусь, не свалю на Бездну! Они все мои! Но и те, которыми я горжусь, тоже!

Он вытянул руку к Сердцу моря, вложив в единый порыв и боль, и гнев, и надежду. Второй рукой хлопнул по боку салту, и Серый, все это время ожидающий приказа, рванулся к Риаласу. Невис был прекрасным целителем и умелым убийцей. Но явно не знал, что обученные для гонок салту слушаются не только лоура, но прикосновений хозяина.

Риалас, вскрикнув, отлетел от мощного толчка салту, который ударил его, как соперника по Арене. Кариша на миг растерялась, и Алестару хватило этого, чтобы броситься к поваленной скале. И куда смотрит этот Жи, когда всякие безумцы оскверняют его алтарь?! Мог бы и

помочь!

Алестар почти дотянулся кончиками пальцев до Сердца Моря, и тут перед ним возник Невис, оскалившись и пытаясь ударить его скальпелем то ли по глазам, то ли по горлу. Одной рукой он схватил Алестара за плечо, во второй блестела смертельно опасная полоска стали. Костлявое старое тело Невиса было неожиданно сильным, и он повалил Алестара на алтарь. Риалас пока еще отбивался от Серого, но салту не обучен убивать противника, как звери сирен, он скоро отпустит мерзавца, и со всеми тремя Алестару не сладить.

«Помощь не придет, — понял он совершенно ясно, глядя в безумные, какие-то белесые, почти прозрачные глаза Невиса. — Они просто не пробьются сюда, в эту раковину, сплетенную из потоков силы. А потом уже неважно, убьют ли их сирены или пробудившаяся Арена... Этому мерзавцу не жаль собственного сына, которого он использовал! Остальных он тем более не пожалеет».

— Хватит упираться, глупыш-ш-ш... — прошипел Невис. — Отдайся Бездне добровольно. Стань ее жертвой и прими холодную сладость вечной тьмы... Ты же чувствуешь, Сердце больше не слышит тебя! Глубинные боги ворочаются на своем страшном ложе, их сны беспокойны, а мысли устремлены вверх-х-х... Отдай-с-с-ся им... Прими-и-и-и-и...

На мгновение Алестар понял, как именно Невису удалось овладеть разумом Руалля и Кари. Голос, будто несущийся со всех сторон, обещал покой, радость, благодать... Сердце Моря отвергло последнего короля Акаланте — ну и пусть! Бездна никого не предает и принимает всех...

«Джиад... — подумал он, сопротивляясь изо всех сил. — Там наверху Джиад, Иратель, Эргиан... Там мои подданные, целый город!»

Он все-таки высвободил одну руку, однако Невис полоснул по кожаному креплению доспеха, и грудной щиток отлетел в сторону. Миг — и грудь Алестара полоснуло глубоким порезом. Сначала показалось не больно, а потом рану будто обожгло, и Алестар зашипел сквозь зубы.

— Кровь последнего откроет путь! — торжествующе закричал Невис. — Примите ее, Древние, Могучие, Владыки Безумия, Убийцы Жизни! Пожрите потомка того, кто заточил вас в глубинах! Раскройте Бездну и поглотите мир!

Арена вздрогнула тяжело и жутко, теперь Алестар это чувствовал всем телом. Перстень на его руке раскалился, золотой ободок жег кожу, а осколок Сердца горел, светясь так же ярко, как пылающее рядом Сердце. И он, в отличие от целой реликвии, Алестару подчинялся.

— Чтоб ты сдох! — выдохнул Алестар, выворачивая руку так, что сустав хрустнул, и направляя алый луч в лицо Невису.

Он никогда никого не убивал силой Сердца. Исцелял, успокаивал вулканы, поднимал ветер и волны. Знал, как прочитать чужой разум. Но не убивал. А вот сейчас пытался изо всех сил.

— Не выйдет, — оскалился Невис. — Я не твой подданный, глупец. Во мне больше нет крови Карианда или Акаланте. Мой владыка — Бездна! Тот, кого она приняла, очищен от власти земных королей. Я вестник Спящих! Голос Бездны! Ключ к смерти ми... ра...

Из его распыленного рта плеснуло ало-черной кровью. Глаза потухли, и Невис тяжело навалился на Алестара. Не понимая и еще не веря, Алестар его спихнул, едва двигая рукой от боли, и увидел, что из груди Невиса торчит кончик лоура, а над Алестаром, так и лежащим на камне, висит растрепанная Кариша с вытаращенными глазами.

— Ты с ума сошла! — закричал Риалас, подплывая к ним и с ужасом глядя на обоих. — Что ты наделала, тварь! Он привел бы нас на трон! Я стал бы королем, а ты — моей королевой! Ты... ты погубила нас!

— Я? — закричала ему в ответ Кариша, не обращая внимания, что Алестар пытается встать, а Арена гудит, и низкий тяжелый звук, от которого дрожат кости, отдается по всему телу. — Это он хотел убить нас всех. Риалас, ты глупец! Он обещал, что я буду женой короля, а какие королевства в мире, который сожрут глубинные? Я не хочу в Бездну! Я хочу жить и править! И чтобы ты любил меня, а не ее, слышишь? Убей этого! Убей его и стань королем Акаланте! Ты королевской крови, Сердце тебе подчинится! Прекрати это все! Ты что, не видишь, мы сейчас умрем, если Арена проснется!

— Все равно умрете, — прохрипел Алестар и ухмыльнулся, глядя на пару ненавидящих лиц,

обернувшихся к нему. — Его не учили усмирять вулканы. Что, думаете, быть королем — это сплошное счастье? Мы платим за это своей кровью. Ранней старостью. Смертью. Я же говорил, что тебе достался фальшивый... принц...

Едва не теряя сознание, он дотянулся до Сердца. Взыл от боли, словно схватил не кристалл, а иглобрюха, разом запустившего ему в ладонь сотню ядовитых иголок. Сердце не признавало его. Отторгало, как чужую кровь или преступника.

— Сделай что-нибудь! — кричала Кариша, с ужасом глядя на него, Риалас беззвучно шевелил губами, и Алестар досадливо поморщился — мешают же.

Можно подумать, он будет больше стараться ради них, чем для своего города.

Перед глазами потемнело, по руке, в которой он держал Сердце, пополз жуткий холод, пугающий гораздо сильнее, чем ожоги. Алестар словно наяву увидел, как Арена под его хвостом разверзается огромным кратером. Как из его глубины поднимается невыносимо яркий, слепящий столп лавы, в котором мгновенно сгорают и он, и Кариша с Невисом, и все живое, что есть в Арене. Как этот столп взмывает выше, и вода, соприкасаясь с ним, кипит и испаряется, как жуткое облако пара рвется сквозь море во все стороны, убивая... убивая... убивая...

Счет шел даже не на минуты, на мгновения. Невису все-таки удалось сделать задуманное, а его кровь, смешавшись с кровью Алестара, все завершила. Сердце Моря обезумело, не зная, кому подчиняться, и Алестар не мог призвать его силу, чтобы успокоить просыпающийся вулкан. А усмирить его с помощью перстня и своей крови не получалось все из-за того же Сердца, сбивающего тонкий поток, идущий от осколка.

«Вулкан не пробудится за несколько минут, — холодно подумал Алестар, рассчитывая то, что происходит вокруг и внизу, как путь между десятками соперников. — Но еще немного, и изменения станут необратимы. Арена постепенно обрушится — ну и глубинные с нею. Но Акаланте! И Джад с остальными совсем рядом».

Краешком глаза он увидел, как Риалас и Кариша с искаженными страхом лицами бьются в преграду между силовой раковиной и остальным миром. Как в испуге мечется Серый, пытаясь зарыться в песок, обжигаясь и обиженно визжа, словно малек. Салту было жалко, а вот пару мерзавцев — нет. У Алестара даже возникла мысль, что можно прирезать Риаласа и использовать его кровь, но толку? Сердцем управлять все равно не получится, а процесс от выброса силы может пойти быстрее.

Он сел на алтаре, залитом его и Невиса кровью, и вдруг ясно вспомнил, как кидал к этой скале монетку, загадывая желание. Очень ему хотелось быть первым гонщиком Акаланте... «А другое загадать уже нельзя, да? — усмехнулся Алестар, глядя вверх, в туманную пелену преграды. — Ну и ладно. А то ведь я никогда не умел ограничиваться в желаниях чем-то одним. Сейчас начал бы просить спасения для всех, счастья для Джи, а Риаласу и Карише — что-нибудь достойное... Глупо. Сколько сегодня погибло тех, кто был ничем не хуже меня! С чего я взял, что смогу спастись? Потому что я король? Ну, так это дает мне одну-единственную привилегию — погибнуть с гораздо большей пользой, чем кто-то другой. И этого более чем достаточно, если честно. Ты проиграл, Невис. Мир не рухнет, потому что Реголар, отличный друг, верный воин и просто хороший иреназе, так и не выиграл Золотой Жемчуг. Но он определенно обогнал меня в этой гонке и указал нужный путь. Иногда кому-то приходится умереть, чтобы жили остальные... Так что хвост тебе от дохлой селедки, а не глубинных на блюде».

Он сильнее сжал в ладони Сердце Моря, сосредоточенно рассчитывая, что надо успеть сделать. А потом соединил руки, вложив перстень Аусдрангов камнем точно в то место, где на огромном рубине Сердца был скол. Камень для перстня, конечно, ограничили, и они не совпали идеально, но этого хватило. Перстень, подчиняющийся ему полностью, вошел в Сердце, как ключ в замок, и открыл вход своему хозяину.

Алестару показалось, что сквозь него прошла молния, ударившая с неба в воду. Ослепительная вспышка залила сознание, он сам стал Сердцем Моря, погружившись в него так полно, как никогда раньше. Слился с ним, отдаваясь, как должен был, по мысли Невиса, отдаться Бездне... А потом тронул покоренный камень, словно салту, устремляясь вниз, в глубину Арены, щедро тратя силу, утекающую вместе с кровью прямо через Сердце Моря.

Это было как полет на салту, только не сквозь воду, а через чистый огонь, не обжигающий, а ласково принимающий его. Теперь Алестар ясно видел, что сделал его предок, усмиряя Арену, и повторил это, словно исполинский вулкан был спящим зверем, которого грубо разбудили.

Чуть вздохнув, Арена снова успокоилась и погрузилась в сон, а ниже, в глубинах, с трудом вообразимых сознанием, колыхнулась черная пелена, скрывающая тех, о ком Алестар боялся даже думать, чтобы не потревожить их обретенной ненадолго опасной силой. Колыхнулась и снова замерла на долгие века, если повезет.

Ему еще хватило силы и крови, чтобы вынырнуть обратно наверх. Не потому, что это что-нибудь решало, а просто, чтобы снять силовую защиту. И еще — пугнуть сирен, с истошным воем мечущихся по Арене. И успеть увидеть глаза склонившейся над ним Джиад, почему-то испуганные, глядящие на него так, будто у него не получилось и мир все-таки вот-вот рухнет.

Алестар улыбнулся, хотел сказать, что ничего страшного, что он справился и, между прочим, честно заслужил поцелуй за выигранную гонку, но тут небо обрушилось сверху, дно, напротив, ударило в спину, и все смешалось в окружившей его воде. Стало на миг темно, а потом из тьмы родился ослепительный свет...

Глава 17. Игры богов

— Нет, — простонала Джиад, держа на руках безжизненно обмякшее тело. — Ты не можешь так, так нельзя!

Они с боем прошли сквозь сирен, отбиваясь острогами, лоурами и магической силой Эргиана. Достигли жемчужно-серой сферы, окружающей Невиса, и уперлись в нее, а потом глубинник, поминая Троиш, Спящих и еще каких-то древних богов в непристойных сочетаниях, что-то сделал, и преграда не рухнула, но стала прозрачной для слуха и зрения. Те, кто был внутри, их не видели, это быстро стало ясно, а вот Джиад с Лилайном и иреназе едва не прилипли к проклятой магической стене, слушая каждое слово и следя, что там происходит.

Они не успели совсем немного. Эргиан посерел от потери крови и кусал губы, пытаясь снять защиту, но она рухнула по мановению руки Алестара. И Джиад кинулась к нему, опередив даже иреназе, но успела только подхватить, не дав коснуться проклятого камня.

Где-то рядом гвардейцы ловили и вязали Риаласа и рыдающую Каришу. Санлия, не глядя на сестру, пыталась остановить Алестару кровь и то же самое делал Эргиан, выкладываясь полностью, пока сам едва не ткнулся лицом в камень Всеядного Жи. И все это заняло то ли несколько минут, то ли бесконечность, а потом мир снова вздрогнул — и свет залил его, будто вокруг было не море, помутневшее от песка и крови, а бескрайнее чистое небо.

Алестар напрягся в руках Джиад, глубоко вздохнул, и она с тревожной надеждой взгляделась в его лицо. Дождалась, пока рыжий откроет затуманенные и почему-то виноватые глаза... И лишь потом взглянула на то, что происходит вокруг.

А посмотреть стоило. Тихо ругнулся Лилайн, обнимая за плечи бледную Санлию, гвардейцы и Иратель шептали молитвы, а Эргиан, привалившись к Алестару с другой стороны, молча гладил тонкими побелевшими пальцами Сердце моря...

Исполинская чаша Арены словно разгладилась и наполнилась светом. С одной ее стороны неподалеку от середины воздвигся трон, будто сплетенный из вздыбленных волн, если представить волны в три человеческих роста, вырезанные из драгоценных камней всех оттенков синего, голубого, зеленого и жемчужно-серого. С другой стороны на таком же расстоянии от камня, где собрался маленький отряд, вырос второй трон, такого же торжественного вида, но с коричнево-рыжим сиденьем и зеленой спинкой в виде кроны огромного дерева.

И на обоих тронах восседали удивительно похожие друг на друга женщины, отличающиеся лишь цветом волос, кожи и глаз.

— Мать Море... — прошептал кто-то из иреназе, глядя на величественную пышнотелую красавицу, светлокожую, с белыми, как морская пена, кудрями и синими глазами.

— И Мать Земля, — отрешенно отозвался второй.

Джиад молча согласилась, потому что вторая женщина была темноволоса, смугла и зеленоглаза.

Обе богини молчали, словно ожидая чего-то, от камня их было прекрасно видно, но сами они не глядели ни друг на друга, ни на людей и иреназе.

И тут скала, с которой Алестара уже сняли, дрогнула, и над ней показалась фигура обнаженного рыжего мальчишки. Глянув на поспешно отпрянувших иреназе и людей, Всеядное Жи пнуло свой алтарь и брезгливо заявило звонким голосом, что разнесся по Арене:

— На несколько веков отвернуться нельзя. Обязательно повалят, испачкают и либо сломают, либо потеряют. Чтоб на место поставили, ясно? И монетки верните!

Спрыгнув и пройдя по песку Арены легкой походкой, словно не замечая сопротивления воды, Жи остановилось между тронами, снова повернулось к своему камню и провозгласило:

— Триста лет я терпело это безобразие! Хватит уже! Кровь была пролита, круг замкнулся, колесо времени повернулось. Время забыть старые обиды Земли и Моря. Внимайте, смертные!

Оно немного помолчало в полной тишине. Джиад показалось, что все затаили дыхание, а лица

богинь были столь неподвижны и бесстрастны, что никто не мог бы сказать, слышат ли они.

— Триста лет назад, — начало Жи звонким, но холодно серьезным голосом, никак не вяжущимся с мальчишеским обликом, — Мать Море и Мать Земля заключили спор, чьи дети умеют любить сильнее. Любовь — это сила, что порождает жизнь, и потому меня призвали этот спор судить. Никто не стал слушать мои предупреждения, что любовь нельзя измерить, взвесить и учесть. Проигравшая сестра должна была признать победительницу сильнейшей и уступить ей на триста лет благосклонность Отца Небо. За триста лет на суше или в воде от этого союза родились бы новые формы растений и животных, а разумные создания получили бы преимущество... Фигурками для игры были выбраны двое смертных, равных по силе духа и с горячим сердцем, способным к истинной любви. Ираэль, дочь Моря, и Эравальд, сын Земли. Тот из них, кто любил сильнее, должен был покинуть родную стихию, оставить дом, родных, свой народ, за который они отвечали, и уйти к любимому существу, принеся великую жертву. Эти двое встретились, полюбили друг друга, как было предназначено, и сделали выбор. Ираэль оставила ради Эравальда все, чем дорожила, и сбежала к нему, принеся в приданое осколок Сердца Моря, украденный, чтобы сделать возлюбленного великим королем. Эравальд же поклялся, что никогда не забудет ее жертвы и станет вечно любить дочь моря и ценить ее дар.

Помолчав, Жи вздохнуло и пожало плечами, искоса глянуло на застывших на троне богинь и продолжило:

— Мать Море должна была выиграть. Ведь это ее дитя доказало свою любовь большей жертвой. Но вмешались люди, дети Матери Земли. Они обвинили Ираэль в измене, и Эравальд, поверив им, разгневался на возлюбленную и лишил свободы. Рожденного от нее ребенка, имеющего человеческое обличье, он забрал и решил воспитывать как своего наследника, а хвостатого малыша оставил при матери. Иреназе разгневались, узнав об этом, и Великая Волна обрушилась на Аусдранг. Ираэль к тому времени погибла от горя, иреназе забрали свою кровь, не зная о втором ребенке, да и что бы они стали делать с ним, не способным жить в море? А великие сестры-богини поссорились из-за жестокости и лукавства смертных, ибо каждая говорила, что виновата вторая. Мать Земля — в поступке своих детей, погубивших Ираэль, а Мать Море — в том, что иреназе отомстили во много крат страшнее. И на триста лет между Землей и Морем воцарился раздор, никто не наслаждался плодами победы, а я... Я, между прочим, тоже не получило того, что мне обещали, — с неожиданной обидой заявило Жи. — Потому что от союза Ираэли и Эравальда должны были родиться... Впрочем, неважно. Главное, что не родились!

Оно поковыряло босой ногой песок Арены, с интересом проследило за взметнувшимся мутным облачком и почесало нос. А потом сказало с удивительной простотой:

— И вот кончились триста лет, вместо времени благоденствия ставшие временем раздора. Должна была состояться новая игра, это решили еще в начале первой, но из-за того, как все закончилось, линии сместились, кто-то не родился, кто-то не вовремя погиб или просто не встретился. На трон всходили не те, кто должен был, а предназначенные для этого прозябали в неизвестности. Предатели требовали верности, бессердечные — любви, ничтожные — власти, а безумцы крутили колесо событий. И когда пришел миг выбора, у Скалы Завета тоже повстречались не те, кому выпала эта судьба. С иреназе, потомком Ираэли, еще хоть как-то сложилось, но в воду за перстнем Аусдрангов прыгнула не принцесса из рода Эравальда, что должна была искупить вину своего предка и доказать, что люди тоже умеют любить. Вместо нее там оказалась жрица воинского бога из далекого южного храма. Ну и пошло-поплыло-полетело...

Оно опять поковыряло песок ногой, и тут прозвучал холодный злой голос Алестара, приподнявшегося из рук Джаид:

— Значит, все это время в нас играли? Делали ставки, как на Гонках, смотрели, кто придет первым, хлестали бедами вместо лоура? Ну и как? Интересно, кто же выиграл?!

— Ты дерзок, дитя, — разомкнулись губы на бесстрастном лице Матери Море, и гулкий низкий голос прокатился по Арене. — Игра, о которой ты говоришь с таким гневом, должна была восстановить справедливость.

— Чью справедливость? — так же зло поинтересовался Алестар. — Или это мы с Джаид предали и убили Ираэль? Я даже Торвальда не могу в этом обвинить! Он получил по заслугам, но за свои прегрешения, а не за то, что сотворил его предок! Вы устроили все это... С перстнем, с Сердцем Моря, с нами... Ради чего?! Чтобы выяснить, кому триста лет считаться сильнейшей? Это не вернет ни Ираэль, ни тех, кто погиб из-за нее! Я считал богов мудрыми! Я

чтил Мать Море и уважал Мать Землю, думая, что они справедливы и милостивы к своим детям. А был не ребенком, но игрушкой?!

— Алестар... — тихо сказала Джад, опасаясь гнева богов, однако рыжий, бросив на нее взгляд, продолжил еще яростнее:

— Почему вы присвоили себе право решать за нас? Потому что вы боги и нас создали? Тогда зачем дали свободу воли? Играли бы в беспомощных кукол, как дети! А если мы наделены волей, разумом и душой, если можем жить, как сами захотим, тогда почему мы все еще камни на вашей доске для игр?!

Он замер и замолчал в тишине, еще более оглушительной, чем прежде, и с горькой безнадежностью закончил:

— Я любил и чтил вас, прародителей, давших нам жизнь. Но не могу молчать и не спрашивать, за что вы так с нами поступаете?

Джад показалось, что прошла маленькая, сжатая в несколько вдохов вечность, а потом Мать Море снова заговорила, и голос ее был величественным, как волны, рушащиеся с высоты на камни, однако гораздо мягче:

— Разве ты жалеешь о том, что произошло? Рука богов бывает тяжела, но чем плоха твоя участь? Ты волен избрать любую дорогу, какую пожелаешь. Если выберешь рассудком, твоей избранной станет любая из принцесс иреназе. Если же твое сердце тянется к рожденной на земле — спроси ее. Недавно она клялась всем богам и самой себе, что если ты выживешь, она исполнит любое твое желание.

Джад подняла голову, чувствуя, что все взгляды обращены на нее. Мать Море и Мать Земля смотрели благожелательно, в их глазах, вечных, нечеловеческих, Джад почудилась тень сочувствия. Жи... глядело бесстрастно и будто выжидающе. Иреназе и Лилайн тоже смотрели. Но тот единственный, чей взгляд она сейчас хотела бы увидеть, сидел на песке рядом с ней и отвечал ровно и спокойно, роняя каждое слово, как милосердный удар, добивающий смертельно раненого:

— Ничего вы, боги, не понимаете в любви. Я не хочу судить ни Ираэль, ни Эравальда. Но я не позволю Джад остаться в море, потому что здесь она не будет счастлива. Всей моей любви не хватит, чтобы заменить ей солнце, воздух, небо над головой, огонь и земную еду, людей... да все, к чему она привыкла! А если я потребую, чтобы она бросила свою жизнь ради меня, какая же это будет любовь? Я хочу, чтобы она была счастлива! Счастлива, понимаете?! И свободна...

— Что же ты тогда сам не уйдешь за ней? — разомкнула губы Мать Земля, и голос ее был как шум леса на ветру. — Или боишься бросить море? Земля велика и незнакома, но ты можешь обрести там и дом, и любовь. Если я дарю тебе ноги вместо хвоста, ты последуешь туда, куда позовет сердце?

Джад затаила дыхание, не зная, что хочет услышать. И когда прозвучал ответ Алестара, ей стало безнадежно легко и сладко, потому что именно этого она ждала и на это надеялась.

— Я не Ираэль, — спокойно уронил рыжий. — Да, я люблю Джад. Люблю, как никого больше любить не смогу. Но я король, и у меня есть долг перед народом. Я не могу оставить их, как стадо салту! Это у зверей сразу найдется другой вожак, а разумным существам нужны верность и забота, честность и справедливость. Я не брошу их. Пусть я не лучший король, которого они заслуживают, но что смогу, я сделаю.

— И предашь любовь? — прошелестела прибоем Мать Море. — Ради власти?

— Нет! Не предам, а откажусь от нее ради долга! — прозвенел столкнувшимися клинками голос Алестара. — Да, я выберу себе жену, чтобы продолжить род. И буду уважать и чтить ее. И буду благодарен, если она поймет, почему я никогда не смогу ее полюбить. Свобода для Джад и долг для меня — таков мой выбор. Это не предательство. Это то, что убьет меня изнутри, но меня, а не ее, понимаете?! Можно быть королем и с разбитым сердцем. Но тот, кто любит, никогда не отнимет у любимого свободу.

— Ты сказал, и мы услышали, — тяжело и холодно, как зимние волны, пророкотала Мать Море. — Сестра, твое право спросить.

— И я спрошу, — отозвалась Мать Земля грохотом катящихся с горы камней. — Джад, дитя мое. Ты, посвященная иному богу, все-таки плоть от плоти моей. Скажи свое слово. Ты

слышишь, тебя любят. Тебя отпускают на волю и не требуют остаться. Но вместо тебя выбирают власть и долг, словно твоя любовь не стоит всего этого.

— Она и не стоит, — сказала Джад, не повышая голос, но каким-то чудом он тоже прозвучал по всей Арене. — Госпожа, если вы хотели услышать иной ответ, вам бы следовало выбрать для игры кого-то другого. Я всю жизнь жила по велению долга, как же мне его не чтить? Если бы его величес... если бы Алестар ответил вам иначе, я не полюбила бы его сильнее. Но уважала бы меньше.

— Полюбила? — то ли вскрикнул, то ли выдохнул рядом рыжий, и Джад кивнула, по-прежнему не глядя на него.

— Полюбила и люблю, — сказала она с обреченным смирением. — Нельзя врать перед лицом смерти, а перед лицом целой жизни — еще глупее. Люблю за верность долгу, за честность, за отвагу... За все, что увидела и поняла. Люблю... И за то, что не требуешь остаться — тоже. Еще сильнее! Ничего драгоценнее свободы ты мне подарить не мог. И знаешь... Я люблю землю. Там привычный и родной мне мир. Но этот мир я люблю не больше, чем тебя. И если только я тебе нужна, если ты... хочешь этого... Скажи — и я останусь. У меня нет королевства, за которое я отвечаю. Я могу быть твоим стражем. Или... кем захочешь... Я ведь не смогу дать тебе запечатления, ты знаешь. Запечатлеть ты сможешь только иреназе.

«Что же я опять наделала, — безнадежно подумала Джад. — Вот и вся гордость с ревностью... Ненадолго хватило. И свобода, оказывается, совсем не так нужна, если некому подарить верность. Вот сейчас он скажет, что я ошиблась... Или хуже того — примет, но только как стража и наложницу... А я не смогу перестать его любить. Уже не смогу».

Попытавшись сглотнуть вставший в горле ком, Джад вспомнила ту веревку над пропастью, которой молодых жрецов испытывали в храме. И ей еще казалось страшно?! Да она сейчас пошла бы по той веревке, намазав ее маслом и с закрытыми глазами, лишь бы не ждать ответа в тягучей жуткой тишине.

— Джи... — прошептал Алестар, поворачиваясь к ней и заглядывая в глаза. — Любишь, правда? Не жалость? Не долг? Точно?

— Точно, — чуть улыбнулась она, ожидая решения рыжего, как приговора — или как его отмены.

— И станешь моей избранной? Моей женой и королевой?!

— Стану, — отозвалась Джад. — Кем угодно. Только... ты хорошо подумал? Тебе и правда нужна такая жена? Не принцесса, а бывший страж, не иреназе, а человек? И без запечатления?

— Мне нужна ты, — выдохнул Алестар. — Рядом. Всегда. И больше — никто. Никакое запечатление мне без тебя не нужно! А с тобой не нужно тем более!

Он потянулся и взял ее за руку, крепко, но бережно сжав пальцы. А потом попросил куда-то в пространство:

— Может, хватит игр? Вот она, та, кого я люблю. И она выбрала меня. Не сушу, не море, а меня! Я не верил в это, я до сих пор поверить не могу, но если это правда... Отпустите нас, пожалуйста. Мы не ваши куклы. Мы живые, и нам больно, когда в нас играют. Мы любим, как можем, и живем, как можем. И я хочу всю жизнь провести с Джад и сделать это как-нибудь так, чтобы она никогда не пожалела о своем выборе.

— И я тоже прошу об этом, — кивнула Джад, сплетая пальцы с пальцами Алестара. — Если мы ваши игрушки, отпустите нас на свободу, мы ее заслужили. А если мы дети богов, то разве мы не повзрослели?

Мать Море и Мать Земля молча смотрели на них. И на бесстрастных лицах медленно проступило то, что Джад, если бы видела это у людей, назвала бы стыдом или виной.

— Что, стыдно, да? — сварливо сказал Жи, подтверждая ее тайные богохульные мысли. — Если смертные дают богам урок великодушия, эти смертные и вправду заслуживают, чего просят. Решили поиграть? Ну, вот вам игра! Сможете определить, кто из них больше любит? И кому больше? Тому, кто отпускает свою любовь на свободу, или той, кто дарит эту свободу вместе с любовью? Они и правда повзрослели, а вы не заметили! Не увидели, что ваши дети равны вам в мудрости, а в милосердии превосходят, пожалуй. Так отдайте им их выигрыш! — закончил он

сердито.

— Пусть будет так, — тихой летней волной прошелестела Мать Море и склонила голову, а затем выпрямилась и спросила Джиад: — Не пожалеешь ли ты о выборе, дитя? Правда ли хочешь остаться в моих владениях? Навсегда?

Джиад закрыла глаза. Солнце, тепло, ветер... Все то, о чем говорил Алестар, о чем она сама тосковала так долго. Чего это будет стоить без него? Без тепла его тела, без его взглядов, прикосновений, без его нежности и верности... Без целой жизни любви, которую он ей обещал, ничего не требуя взамен и отказавшись даже от запечатления.

— Да, госпожа, — сказала она. — Я не знаю, буду ли тосковать о суше. Может, и буду иногда. Но я постараюсь полюбить море. Мне кажется, я уже люблю его, иначе не полюбила бы Алестара...

— Честный и достойный ответ, — улыбнулась Мать Море, и эта улыбка вдруг согрела Джиад, как ласковая теплая вода, обнявшая усталое тело. — Но ты ведь не хочешь стать иреназе? Подумай хорошо. Хвост вместо ног здесь удобнее, жабы не лишат тебя возможности дышать воздухом...

— Я бы все-таки оставила ноги, — виновато улыбнулась Джиад, пробежавшим по спине холодком осознав, что вопрос богини задан всерьез. — Не потому что собираюсь убежать на сушу. Просто я рождена человеком и не хочу прикидываться тем, кем не являюсь. Только... Алестар? — Она с тревогой глянула ему в лицо. — Если ты хочешь, чтобы я изменилась...

— Мне ты и с ногами нравишься, — легко и ясно улыбнулся рыжий. — Я ведь говорил, они красивые. И с ногами ты сможешь навещать сушу! Я всегда буду тебя ждать обратно и никогда этого не запрещу, клянусь!

— Ну что ж, пусть будет по-вашему, — согласилась Мать Море и посмотрела на Землю с тенью растерянности. — Сестра, я прошу тебя об услуге. В моей власти дать этому созданию мой дар, но ты должна разрешить это.

— Наконец-то вспомнила! — отозвалась богиня суши с явным ехидством, которое не скрывал даже нечеловеческий голос. — Ты знаешь закон, сестрица! Если забираешь кого-то в свои владения по-настоящему, вместе с его судьбой и судьбой его потомков, дай мне замену. Любое из разумных созданий моря должно захотеть уйти на сушу! Я могу подождать, пусть поищут, но лишаться своей доли не собираюсь. Ты сама меня этому научила, не отпустив Ираэль без замены! А были бы у нее ноги, как я предлагала, многое могло бы повернуться иначе.

— Вспомнила... — совсем по-человечески проворчала Мать Море.

И тут рядом с Джиад раздался нежный голос Санлии:

— Великая госпожа и мать наша! Правильно ли я поняла, что вы ищете замену кай-на Джиад? Что кто-то должен уйти на сушу, чтобы море приняло ее как родную?

— Это так, — склонила голову богиня, с любопытством глядя на суаланку.

Джиад рывком обернулась к ней, как и Алестар, и увидела, что на смуглых щеках целительницы горит румянец, а глаза лихорадочно блестят.

— Я согласна! — заявила Санлия. — Если я стану настоящим человеком и смогу ходить по суше, как обычные люди, я готова заменить кай-на Джиад.

— Санлия! — ахнула Джиад. — Если это ради меня... не надо!

— Нет, кай-на, — улыбнувшись, покачала головой Санлия. — Видит Мать Море, я всей душой благодарна вам за великодушие и заботу! Если бы мне пришлось отдать за вас жизнь, я бы и это сделала. Но суша — это моя давняя мечта! Я столько грезилась о ней! Да, я знаю, что там бывает опасно, как и в море! Но если не исполнять мечты, зачем тогда жить? Да и в море мне все равно больше нет места... В Суалане меня никто не ждет. В Акаланте жители добры и милосердны, но я всегда буду чувствовать клеймо предательницы и за себя, и за Каришу с Риаласом. Я думала уплыть в Маравею, но суша... Огромный новый мир! Я ни о чем не пожалею, клянусь, даже если просто смогу пройти по нему хоть немного!

— Там и правда опасно, Санлия, — тихо сказала Джиад. — Я постараюсь позаботиться о вас, но вряд ли многое смогу.

— Зато смогу я, — буркнул Лилайн и глянул на Джаид просительно и чуть виновато. — Кому-то ведь нужно будет присмотреть за бедной девочкой? Она там ничего не знает, еще влипнет во что-нибудь. А мне в посольских делах пригодилась бы помощь хоть в первое время. Кто лучше знает, что нужно иреназе, чем сами иреназе? Если, конечно, госпожа Санлия не против? — спохватился он, глянув на целительницу.

Та с улыбкой покачала головой, и Джаид с трудом удержалась от облегченного насмешливого фырканья. Боги! Лилайн ничуть не меняется! Стоило ему увидеть красивую и беспомощную девушку, которой нужна защита... Но Санлию наемнику в самом деле можно доверять, Каррас точно ее не обидит. Разве что соблазнит. Хотя кто еще кого. Суаланка только на вид нежный цветочек, в ее уме и силе воли Джаид никогда не сомневалась.

— Меняемся? — провозгласила богиня моря, и ее земная сестра решительно кивнула.

Обе простерли руки к Джаид и Санлии, и божественная сила оторвала их от дна, приподняв над ним. Джаид пришлось выпустить руку Алестара, голова у нее закружилась... И голос Матери Море мягко шепнул ей в самое ухо:

— Что ж, раз от хвоста ты отказалась, прими мой дар таким, как пожелала. Я дарю тебе море, что плещется в крови каждого из моих детей. Его соль и горечь, его силу, ярость и нежность. Ты не станешь иреназе по виду, но вода отныне примет тебя, а ты ее. Больше тебе не нужны амулеты, чтобы дышать в моих владениях, но и на суше ты сможешь это делать почти как раньше. Я заберу у Санлии любовь к морю и тоску по нему, от которой умерла Ираэль. Больше не сможет она чувствовать шторм в дуновении ветра и мельчайшие движения воды. Никогда больше морская пища не станет ей милее земной, а теплая вода приятнее тепла огня. Все это достанется тебе, Джаид. А у тебя я возьму радость ветра и тягу к пламени, твою любовь ко всем прелестям суши и умение ими пользоваться. Честный обмен, верно? Если Санлия пожелает вернуться в море, хвост у нее не вырастет, но она сможет жить здесь, как жила ты раньше. Если тебя поманит земля, ты уйдешь, но всегда будешь тосковать по морю. Такова милость богов, ибо все имеет цену.

Джаид посмотрела на суаланку и по ее взгляду поняла, что та слышит то же самое. Только ей, наверное, шептала Мать Земля.

— Джи... — тревожно сказал Алестар. — Может, не стоит? Я не знаю, что для тебя лучше, но если ты не хочешь...

Джаид бросила ему ободряющий взгляд и кивнула Матери Море.

В тот же момент ей показалось, что огромная волна подняла ее высоко-высоко и понесла куда-то! Но если раньше Джаид испугалась бы захлебнуться или разбиться, теперь ее наполнил неведомый ранее восторг. Море качало ее, шептало и пело сотней голосов, и Джаид различала их все. Она и представить не могла, что иреназе чувствуют столько оттенков морских струй! По мельчайшим, еле уловимым признакам Джаид знала теперь, какие рыбы проплывают мимо и какие водоросли растут поблизости. Она различала запахи! Не такие, как на земле, и совершенно иначе, но не могла назвать их чем-то другим. Вода благоухала кровью, зеленью, рыбами и другими иреназе. Джаид ощущала чистый и безумно приятный аромат сильного здорового тела от Алестара, как раньше на земле чувствовала запах Лилайна. Получается... и сама она пахла для рыжего чем-то?!

А звуки... Они мешались с колебаниями воды, сливаясь во что-то совершенно необычное, но теперь было ясно, как иреназе узнают о приближении друг друга. Вода, оказывается, колеблется сотнями разных способов! И ее вкус тоже такой разный! На Арене он сейчас был тревожно неприятный, но Джаид вдруг почувствовала, что голодна. День был бесконечно длинным и тяжелым, полным сражений, страха, душевной и физической боли... И она хотела есть! Развалиться на постели в теплой струе, которая ласково и нежно разгладит усталое тело, набрать тарелку рыбы, водорослей и... Морская еда, которую Джаид помнила, вспыхивала в памяти столькими вкусами, запахами и ощущениями, что рот мгновенно наполнился слюной!

— Боги... — услышала она восторженный шепот Санлии. — Неужели земля так прекрасна?

Суаланка счастливо рассмеялась, и Джаид увидела ее. Туника, ранее скрывавшая тело Санлии до начала чешуи, теперь едва прикрывала стройные обнаженные бедра. А ниже хвост превратился в ноги, и Мать Земля не поскупилась: бывшая иреназе стала сказочно красива и этой частью тела.

— А это еще что? — услышала Джаид недовольный голос Матери Море и вдруг почувствовала жжение под кожей бедра, где пряталась храмовая капсула, хранящая от зачатия. — Глупая

мерзкая выдумка! Препятствовать продолжению рода? Кто вправе решать это за женщину?

Жжение на миг стало болезненным, потом исчезло, и Джад, даже не спрашивая, поняла, что об этой части договора с храмом больше можно не беспокоиться. Договор! Она совсем забыла! Алестар и Лилайн, конечно, заплатят выкуп, но она не хотела уходить из храма молча, как беглая рабыня. И тут рядом возникло еще чье-то явное и очень знакомое присутствие. Джад замерла, а потом сложила перед собой ладони в молитвенном жесте и склонила голову. Почувствовав когда-то присутствие Малкависа, она больше не могла его ни с чем спутать:

— Забудь о деньгах, дитя мое, — сказал ей теплый и родной голос. — Я не столь властен над судьбами и плотью, как великие боги жизни. Но неужели ты думала, что я брошу свою жрицу? Твой путь к свободе был долг и труден. И я счастлив, что ты прошла его с честью. За века мой храм забыл простую истину, что лежала в его основании. Мы служим добру и справедливости. А это редко приносит деньги... Не беспокойся, дитя, я сам напомню старшим жрецам об этом и сообщу о твоей судьбе. Храм отпустит тебя, гордясь, что ты была его частью. Отныне ты не моя жрица, но стражем быть не перестанешь, пока в твоей груди бьется сердце, полное доблести и верности. А уж где оно бьется, на суше или в море, какая разница? Ты сама сказала когда-то, что твой бог с тобой, где бы ты ни была. Поэтому я не прощаюсь. Я отпускаю тебя, но не как невольницу, получившую свободу, а как ребенка, повзрослевшего и покинувшего родительский дом. Долгого и славного тебе нового пути...

Голос исчез, и Джад почувствовала, как у нее защипало глаза. Но в море слез все равно не видно, и она, не стыдясь, потерла глаза рукой.

— Джи...

Алестар обнял ее за плечи осторожно, словно опасался, что Джад отпрянет или одернет его. И было так странно понимать, что можно больше не скрывать ничего! Даже желания принять эти объятия и прижаться в ответ.

— Ну что ж, вот и закончилась история раздора между Морем и Землей! — весело и звонко сказало Всеядное Жи. — А обо мне как всегда никто не подумал! Ладно, я само себе обеспечу обещанный подарок! Но осталось еще одно маленькое незавершенное дело. Не люблю, когда обижают тех, кто меня призвал. И подлецов с лицемерами не люблю. А уж тех, кто мне алтарь портит...

Рыжеволосый мальчик шагнул к Джад с Алестаром, но посмотрел мимо них туда, где на песке рядом с телом Невиса лежали связанные Риалас и Кариша. Побледнев, они не шевелились, умоляюще глядя то на Алестара, то на Всеядное Жи, вряд ли понимая, кто это...

— Вы никогда не приносили мне жертву и ни о чем не просили, — задумчиво сказало божество жизни. — И можно было бы оставить вас на правосудие тех, кого вы убивали и предавали. Но зачем портить им праздник? Ведь придется осуждать вас на смерть или изгнание... А вы всего лишь действовали в соответствии с вашей природой, верно?

— Милосердия, господин! — выдохнул Риалас, первым что-то сообразив.

— Милосердия... — проскулила Кариша.

— Милосердия? — удивилось Жи, высоко подняв рыжие брови на веснушчатом мальчишеском лице, и Джад вдруг стало страшно. — Это не ко мне! Вы часто видели милосердную жизнь? Я там, где сильные поедают слабых, где болезни, наводнения и вулканы губят без разбора, где те, кто совершил промах, обречены. А иногда обречены и те, кто промахов не совершал. Жизнь не милосердна! Она жестока, несправедлива и коварна! Но иногда... иногда я тоже хочу поиграть. Опять же, редко смертные балуют меня таким представлением, как сегодня. Сыграю и я с вами.

Оно хлопнуло в ладоши, и ремни, спутывающие этих двоих, бесследно исчезли.

— Господин... — тихо начала было Санлия, но Жи холодно ее прервало:

— Нет. Не проси о милосердии. Эти двое никого не пощадили. Я простило бы их, убивай они ради спасения и выживания. Это мой закон, и это правильно. А они оскорбили меня, погубив столько моих созданий ради такой мерзости, как власть и зависть! Эй, вы двое! — окликнуло оно Риаласа и Каришу. — Вся ваша жизнь была фальшивкой. Но если в вашем сердце найдется хоть немного любви, я вас пощажу. Вы же избранные и запечатленные! Вы не можете не любить друг друга, верно? И причинить друг другу вред вы тоже не можете. Но ваше запечатление... — Жи повело в воде рукой, словно что-то сдергивая с Риаласа и Кариши, и с

торжеством заявило: — Больше не работает! Забавно, да?

— Т-т-ты... — заикаясь, проговорила Кариша, с ненавистью глядя на Риаласа. — Ты всегда любил ее, а не меня! Почему? Чем я хуже?! Эту тихоню все любили! За сладкие улыбки, за услужливость, за красоту ее проклятую... Почему все ей?!

— Потому что она лучше, — процедил Риалас, будто не замечая никого вокруг и глядя на Каришу с отражением ее ненависти в глазах. — Умнее, красивее, нежнее, чем ты! Я думал ее заменить тобой, а ты ее бледная тень, отражение в луже! Ты все испортила! Ты убила моего отца, и теперь я не стану королем!

— И не стал бы! — завизжала Кариша, протягивая к нему руки со скрюченными пальцами. — Какой из тебя король? Это я делала все для нашего будущего! Лгала, убивала, травила, воровала эту проклятую чашу, напускала на принца Дыхание Бездны, чтобы король остался без наследника, и ты мог взять его трон. А ты только принимал это! И слушал своего безумного отца! Ты слабый, слабый, слабый...

Они кричали и верещали, выплескивая оскорбления. Иреназе вокруг потрясенно молчали, только Санлия уткнулась в плечо Лилайну, всхлипывая, и Джад ее бы точно не осудила. А двое бывших возлюбленных на глазах превращались во что-то жуткое. Руки и ноги Риаласа вытянулись, раздвоились и растроились, став щупальцами. Глаза на плоском лице выпучились, голова увеличилась — и вот уже по песку пополз огромный спрут-маару. А навстречу ему прынула такая же огромная плоская мурена, которой стала Кариша.

— Гадость какая, — тихо пробормотал Алестар, а Лилайн обнял Санлию, закрыв ее лицо рукавом.

Странный короткий треск от маару, слабое шипение мурены... И бывшие иреназе вцепились друг в друга в жуткой молчаливой схватке. Маару давил и рвал мурену щупальцами, та полосовала его ядовитыми зубами. И оба, сплетясь в отвратительном подобии объятий, еще какое-то время содрогались, а потом затихли. Еще минуту на песке рядом с телом Невиса валялись отравленный маару и удушенная мурена, а потом и они медленно растаяли без следа.

— Жизнь долго терпит, но никогда не прощает, — тихо, но торжественно сказала Всеядное Жи, и Джад увидела, что Мать Море и Мать Земля безмолвно и незаметно исчезли, а Арена вернулась к обычному виду. — Помните об этом. Не в моих силах вернуть погибших, таков, увы, вечный круговорот между мной и другим Всеядным, с которым рано или поздно познакомится каждый из вас. Но все, кто еще живы, не умрут от ран, это мой дар вам и им. Жизнь продолжается. Что бы ни случилось, как бы ни было больно и страшно, не забывайте об этом. И однажды я вам обязательно улыбнусь.

Оно и в самом деле улыбнулось озорной мальчишеской ухмылкой, а потом Джад моргнула, будто что-то попало в глаз, и оказалось, что Всеядного Жи уже нет рядом.

Алестар крепче обнял Джад за плечи и устало сказал:

— Ну вот, боги оставили нас в покое. Очень великодушно с их стороны. Дальше мы уже сами разберемся...

Глава 18. Звездный вечер

Первые дни после нападения сирен Акаланте зализывало раны. Погибло несколько десятков иреназе, и жертв было бы гораздо больше, если бы не Иратель с Эргианом. Кариандец оплакивал погибшего друга, и Джад видела холодную, как зимнее море, тоску в его светло-серых глазах, которая лишь на время уходила, когда он помогал Алестару или разговаривал с Даголаром, тоже скорбящим по брату. Джад почти не знала погибшего Реголара, но достаточно уже знала самого Эргиана, чтобы понимать, как дороги бывшему принцу Карианда его немногочисленные друзья.

Реголара и остальных погибших во время нападения похоронили на кладбище Акаланте всех вместе немного в стороне от королевского склепа. Джад с Алестаром первыми положили на длинную могильную плиту венки из водорослей, перевитые черно-белыми лентами и жемчужными нитями. Эргиан не проронил ни слова, и Даголар с Эрувейн увели его с собой. А вечером Джад и Алестар почти вломились в комнату кариандца. Эргиан лежал на кровати в полутьме, один-единственный шар гуарры слабо озарял его бледное лицо, темную траурную тунику и блестящую светлую чешую хвоста, бессильно раскинувшегося по постели.

— Я не жду гостей, — уронил он, и Алестар поморщился.

Проплыл к постели кариандца, опустился на ее край и мрачно сообщил:

— А мы и не гости. Мы теперь твои родственники, знаешь ли. А от родни так просто не избавишься.

— Очень тонкое и своевременное заявление, ваше величество, — по привычке съязвил Эргиан и посмотрел в сторону Джад, которая тут же последовала примеру рыжего короля иреназе и села рядом с ним. — Госпожа Джад, мои извинения. Мне сейчас немного трудно быть вежливым.

И замолчал, плотно стиснув губы, слишком бледные на заострившемся посеревшем лице.

Джад кивнула. А потом заговорила, не подбирая слова, а позволив им свободно литься:

— Нас было три дюжины воспитанников примерно одного возраста. Гнездо, так это называется в Храме. Мы жили вместе в одном большом доме, наши циновки для сна лежали рядом, а еду нам раздавали в одинаковых мисках. Все, что у нас было, считалось собственностью Храма, да и сами мы себе не принадлежали. Зато мы точно знали, что у каждого из нас — сотни братьев и сестер, и эти, которые рядом, самые близкие. Наставники — почти божество. Кроме брата или сестры, никто не обнимет тебя ночью, если приснился дурной сон, и не перевяжет раны, если днем ты расшибся на тренировке. Я не помню, кто из них ушел к Малкавису первым. Стражей учат жестоко. Может, он сорвался с веревки, натянутой над высотой, или неудачно схватил ядовитую змею. Может, это был один из нас или падение виском о камень... Я была слишком маленькой и не помню ни первую смерть, ни вторую, ни еще несколько последующих. Только пустые циновки, на которые больше никто не ложился. Их оставляли напоминанием, что Страж должен быть осторожен. Они годами лежали в комнате для сна, выгорая на свету и становясь блеклыми и ломкими...

Она немного помолчала и продолжила в полной тишине — оба иреназе даже дыхание, кажется, затаили:

— Потом, когда стала старше, я часто думала, почему они, а не я? Никто не безупречен, это я могла сорваться с веревки или захлебнуться в яме с водой, не успев выбраться по гладкой стене. Это меня мог убить кто-то из моих же братьев или сестер, не рассчитав удар. Или я могла не вернуться из первого же боя... Аруба стоит на границе с Великой Пустыней, и молодые Стражи должны год отслужить в городской охране, а там часто нападают кочевники. Это для того, чтобы Страж не уезжал к нанимателю, не испробовав настоящего боя и вкуса крови... Там я получила первую дюжину насечек на рукояти меча, а мои сестра и брат — стрелу в горло и сердце. И еще две циновки в нашей комнате опустели.

— Сколько же... — прошелестел Эргиан, а Алестар нащупал ладонь Джад и крепко сжал ее.

— Из трех дюжин осталось чуть больше одной, — сказала она ровно. — Это довольно много, потому что Гнездо собирают раз в два-три года. У нас было сильное Гнездо, удачное. Иногда не остается вообще никого. Щит Малкависа должен быть безупречен. Самое страшное — это не умереть. Память о тебе уходит легко и быстро, как твоя душа улетает к Малкавису, чтобы потом когда-нибудь вернуться в мир. Твоя циновка останется слепым пятном, напоминающим

о тебе, и твое имя растворяется в душах братьев и сестер. Самое страшное — проявить трусость в бою. Оставить брата-Стража без прикрытия или нанимателя без защиты. Страж, нарушивший клятву, обречен. Я как-то говорила, что жрецов Малкависа ценят за то, что они умирают раньше, чем их честь. Но иногда еще во время учебы будущий жрец или жрица проявляют слабость. И их наставникам приходится очистить Храм от предателя и труса, как тело — от гнояного нарыва. Эти ученики просто исчезают. Их циновку убирают из общего дома, их имя запрещено произносить, и их душа уйдет не к Малкавису, а в иные места, чтобы потом влиться в общий круговорот, но больше никогда ей не стать снова нашим братом или сестрой. Вот страшнее этого храмовые Стражи не знают ничего.

Она снова помолчала, чувствуя тепло руки Алестара, рыжий держал ее запястье и тихонько гладил его большим пальцем.

— Ваш друг Реголар умер с честью, — закончила она тихо. — Будь он Стражем, его мечи принесли бы в Храм, а имя написали на стене Памяти. О нем рассказывали бы ученикам, чтобы будущие Стражи знали, как следует жить и умирать. Но он иреназе. И после него останется город, который он помогал спасать, и те, кто обязан ему жизнью. Вы ведь никогда не забудете его, Эргиан, — впервые назвала она кариандца без титула, как и положено звать родича. — И мы не забудем тоже. Многие в том бою потеряли близких, родных и любимых. Смерть всегда идет рядом с жизнью рука об руку. Но Реголар умер, чтобы вы, его друг, остались живы. Цените его дар.

И снова тишина окутала комнату так же мягко и вязко, как темнота. В полумраке лишь светились белизной лица обоих иреназе, да едва заметно колыхались шелковые туники, похожие на диковинные цветы.

— Когда-то мне сказали, — тихо отозвался Эргиан, — что город становится для пришельца родным не в миг запечатления, а когда ты, гость, отдашь ему самое дорогое. Город становится родным, когда его воды и дно принимают могилу того, кого ты любил. Эту связь поистине не разорвать. Алестар, вы сказали, что я теперь ваш родственник. Джиад, я... оценил ваш рассказ. И свою долю крови я внес Акаланте сполна. Другой родины у меня больше нет, как и других родных. Вот так вот...

Он болезненно и тоскливо усмехнулся, а потом будто сбросил с себя гнетущий груз и посмотрел на Алестара и Джиад выжидающе. Рыжий кивнул и спокойно, словно это самое обычное дело, поинтересовался:

— Вы с Леаварой уже решили, когда поплывете в Храм?

— Я еще даже предложения ей не сделал, — вздохнул Эргиан. — Она невероятная. Когда тебя понимают те, кто знает с детства, как Маритэль или Рег с Даголаром, это... само собой. Но чтобы почти незнакомка...

— Вот и не тяни, — серьезно посоветовал Алестар. — Поплывем в Храм вместе. Джи, ты ведь не против? Или хочешь только свою собственную свадьбу? — спохватился он виновато, а Эргиан фыркнул, глядя на замешательство рыжего.

— Я... не против, конечно, — растерянно выдохнула Джиад, вдруг осознав, что это все — всерьез.

И Алестар говорит об их свадьбе, как о деле решенном! И Эргиан смотрит понимающе, а потом уводит разговор к тому, как лучше сделать предложение Леаваре, чтобы не затягивать, но дать время дворцовой прислуге подготовиться к двойной свадьбе в королевской семье.

Свадьбе! Нет, это все-таки не укладывалось в голове! Когда они вернулись в Акаланте, покинув Арену, на Алестара свалилось столько дел, что первую неделю он не знал, за что хвататься. Похороны убитых и забота о раненых, восстановление дворца, охрана границ от сирен, которые уплыли, но все еще были опасны... Джиад старалась быть рядом, следила, чтобы он успевал есть и спать и не загонял себя, тратя последние силы. Это была обычная и хорошо знакомая служба Стража при короле, которую она выполняла с гордостью. Но друг на друга времени у них не оставалось. Только поздней ночью, когда Алестар засыпал, полумертвый от усталости, она могла сидеть рядом и гладить его рыжую голову, молча удивляясь, какой длинный и невозможный путь от ненависти к любви они оба проделали.

А потом, когда стало полегче, Джиад очень осторожно попросила дать ей побыть одной и подумать. Алестар согласился, как и на все ее просьбы... И время до назначенного дня сначала замерло, а потом полетело, словно взбесившийся салту.

Прошло две недели с того страшного дня на Арене, а Джад все не могла поверить, что это происходит именно с ней. Встреча с богами, конец долгого дурного сна, в который превратился заговор против Акаланте, предложение Алестара... Король иреназе хочет видеть ее своей женой! Это было странно, непонятно и неестественно! И при одной мысли, что придется принять корону морского народа, Джад с ужасом думала, что будет не на своем месте. Она не королева! И какая жена получится из нее, привыкшей повиноваться старшим жрецам или нанимателю, но не одному-единственному мужчине? Но потом она вспоминала, что замуж ее позвал не просто король, а рыжий хвостатый упрямец, который отлично знает, что Джад никогда не увидит в нем господина и повелителя, и с радостью принимает это. О, как же все сложно!

Повиснув в воде у окна галереи, выходящего во внутренний двор, Джад еще немного полюбовалась, как Жи, лишившийся божественного двойника, с чистой незамутненной радостью мечется по саду, играя с Камриталем и Семарилем. Господа гвардейцы явились утром и повергли Джад в изумление, с изысканной любезностью выпросив у нее салру на время и клятвенно пообещав, что тот будет сыт, весел и благополучен. Что ж, обещание они явно держали!

Прямо сейчас двое иреназе в нарядных ярких туниках забавлялись игрой. Первый пытался пронести от одного края площадки до другого большой мягкий мяч, нетяжелый и явно надутый изнутри, второй упорно его отнимал. Жи метался вокруг них, добавляя в игру остроты и суматохи. Вот Семариль ловким движением выбил мяч из рук друга-соперника, и салру мгновенно поддел его носом, уводя еще дальше. Иреназе рванулись за ним, пытаясь ухватить добычу, но Жи гнал игрушку к зарослям, а на скамье, поставленной у длинной стороны площадки, звонко и заливисто смеялась золотоволосая девушка с нежным светлым личиком. Вторая, смуглая и черноглазая, с неизменными табличками в руках, улыбалась сдержанно, но искренне, и Джад с усмешкой подумала, что красавцы-гвардейцы, похоже, своего не упустят.

Конечно, Алестар позаботится, чтобы у его названных сестер был хороший выбор. Вчера, например, Маритэль и Дэлора были почетными гостями на празднике, устроенном Эруви, и все молодые каи-на Акаланте вились вокруг них, стараясь произвести впечатление. Но даже там Камриталь с неразлучным приятелем оказались впереди всех, и было видно, что brave хвостатые вояки старательно ищут путь к сердцу таких же хвостатых принцесс, как это и бывает во все времена и во всех уголках мира. Вот и хорошо! Акаланте заслужило много счастья! И чем больше будет любящих пар, тем быстрее подводное королевство наполнится радостным смехом взрослых и детей, сиянием глаз и улыбками...

Камриталь, отвоевавший мяч обратно, с триумфом вернулся на площадку, обогнал спешащего за ним Семариля, виртуозно ускользнул от Жи и опустил мяч в большое кольцо, закрепленное на краю площадки, обозначая победу. Салру тут же подхватил освободившуюся игрушку, а Камриталь подплыл к девушкам и поклонился, приложив ладонь к сердцу.

Маритэль, все еще продолжая смеяться, протянула ему свою ручку, тонкую, белоснежную и унизанную разноцветными перламутровыми браслетами почти до локтя. Гвардеец почтительно склонился над ней и поцеловал пальчики, а появившийся за его спиной Семариль сокрушенно развел руками, всем видом изображая столь искреннюю скорбь, что Джад ни на мгновение ему не поверила.

Суаланка, видимо, тоже, но, посмотрев на расстроенного Семариля, что-то ему сказала. Мгновенно воспрянувший духом иреназе кинулся к длинным водорослям, свисающим с каменных арок, что окружали площадку, сорвал несколько ярких цветов и гордо преподнес их суаланской принцессе, милостиво одарившей его той же наградой, что и Маритэль — Камриталья.

Джад, улыбаясь, покачала головой и отплыла от окна. Безумная идея Алестара признать обеих принцесс своими сестрами сработала лучше, чем можно было предположить. Правда, король Суаланы все-таки прислал гневное письмо, в котором пытался обвинить несостоявшегося зятя в нарушении слова. Алестар, прочитав его, несколько минут от души ругался, и Джад, спальня которой снова превратилась днем в подобие королевского кабинета, пополнила свои знания подводных крепких выражений. А потом рыжий внезапно и подозрительно успокоился, вызвал Эргиана и попросил «дражайшего родича» взять на себя сочинение ответа, предоставив ему полную свободу и само письмо Лорасса. Бывший кариандец не подвел...

Две страницы безупречно учтивых, но злых и язвительных колкостей, которые он сопроводил точным и ясным перечислением суаланских грехов перед короной Акаланте, Алестар с

наслаждением прочитал Джадд вслух, потом долго и неприлично ржал — иначе это трудно было назвать! — а потом велел переписать письмо Эргана для своей личной библиотеки. «Прочитаю, когда будет грустно», — как он это объяснил.

Вскоре курьер из Суаланы вернулся с посланием, изучив которое Алестар расплылся в удовлетворенной улыбке и заявил, что ее высочество Дэлора остается в Акаланте на равных правах с ее высочеством Маритэль. А если это кому-то не нравится, пусть жуют собственный хвост!

И все это нисколько не прояснило для Джадд, какой теперь станет ее собственная жизнь.

Да, она приняла решение остаться. Море приняло ее, с каждым днем открывая все новые красоты и чудеса. Ей было легко и приятно дышать водой, а тоска по суше поблекла и развеялась, превратившись в неясное воспоминание. И Алестар был так нежен и предупредителен, так бросался исполнять любое ее желание, что Джадд гнала от себя мысли о том, что совершает ошибку. Да ей и думать оказалось некогда...

Подготовка к свадьбе, к счастью, была делом прислуги, от Джадд почти ничего не требовалось. Разве что примерить несколько десятков туник, выбрать украшения, сказать, какие блюда она хочет видеть на столе и как сварить свадебную тинкалу... А еще подписать приглашения на свадьбу, которые непременно нужно разослать в дома каи-на и особенно отличившимся подданным. И осмотреть гирлянды, которые сплели для свадебного зала. И одобрить список подарков, которые собираются преподнести будущие счастливые подданные. И примерить корону!

На короне Джадд не выдержала и трусливо сбежала в комнату Санлии, прекрасно понимая, что придется разговаривать с Лилайном. Не выгонять же его! Можно позвать Санлию к себе, но в спальне прочно обосновался отряд швей, ювелиров и поваров, а прятаться у Алестара... Ему и так сейчас несладко: начали прибывать кариандские беженцы, их пришлось устраивать, заботиться о пропитании и лекарствах, и Алестар с Эрганом снова целые дни проводили за делами, в один голос сообщив, что на собственную свадьбу они, конечно, явятся, но все остальное пусть как-нибудь устроится само собой.

— Так и сказали? — хмыкнув, уточнив Лилайн, развалившийся на постели в комнате Санлии.

Занимаясь делами Алестара, она не успела понять, когда эти двое замечательно поладили, просто однажды оказалось, что Каррас ночует в комнате суаланки. И что Джадд совершенно не больно от этого, напротив, чуть тревожно за них, но легко и радостно.

— Да, — хмуро отозвалась Джадд, краем глаза наблюдая, как довольно щурится алахасец, пока Санлия расчесывает ему волосы. — У них дела. Очень важные.

— Понятно, — кивнул алахасец и потерся щекой о ладонь Санлии. — А что тут под водой еще пьют, кроме тинкалы?

— На турансайское рассчитывать не стоит, — вздохнула Джадд, садясь на край постели. — Но какое-то вино должно быть... Может, спросить у слуг?

— Разумеется, спросить, — мягко сказала Санлия, откладывая гребень и перевязывая отросшие волосы Лилайна короткой парчовой лентой. — А лучше — приказать. Каи-на, вам пора считать дворцовых слуг и вашими слугами тоже. Поверьте, им только в радость вам услужить! А если кто-то думает иначе, всегда найдутся другие на его место.

— Я плохо умею приказывать, — призналась Джадд. — Если это не касается моих дел Стража. Но... я больше не Страж! И никогда им не буду. У Алестара собственная охрана, а быть королевой... Даже в детстве я никогда об этом не мечтала. Я не знаю, что делать! Я... даже не знаю, чего хочу на самом деле.

Замолчав, она отвела взгляд и опустила его, чувствуя себя отвратительно слабой и беспомощной. Ведь сама хотела этого! Выбрала любовь Алестара, прекрасно зная, что к ней прилагается корона — не как дар или награда, а как новый долг.

— Здесь я тебе плохой советчик, Джи, — уронил Лилайн. — Самому бы разобраться, как теперь жизнь устраивать. Вот скажи, ты веришь, что из меня — из меня! — получится посол? Да еще не какого-то земного государя, а морского? Я же в подводных делах разбираюсь, как корова в жемчуге!

— Ты справишься, Лил, — улыбнулась Джадд, и на мгновение ей стало немного легче.

Не только она страшится неизвестного будущего, что вот-вот станет настоящим.

— Санлия тебе поможет, — добавила Джиад, и суаланка кивнула, а потом с явным удовольствием посмотрела на подол своей длинной туники, облегающей стройные ноги до коленей.

— Перемены — это не всегда плохо, — сказала она очень просто. — Лилайн, счастье мое, почему бы тебе не сплавать на кухню? Я точно знаю, что там есть вино, его держат в запечатанных бутылках и добавляют в некоторые блюда. Но мы не знаем ваш человеческий вкус! Вино ведь отличается чем-то, как и тинкала?

— Ужас! — фыркнул Лилайн и довольно ловко оттолкнулся от постели. — Отличается ли вино?! Ясно, нужно самому глянуть на ваши запасы. А потом есть у меня еще одно дело, так что выпивку я вам пришлю, а вот начинайте без меня. Вернусь как смогу!

Он выплыл из комнаты, и Джиад снова растерянно посмотрела на Санлию.

— Прости, — сказала она тихо. — Я не дала вам побыть вдвоем...

— У нас еще вся жизнь будет на это, — озорно улыбнулась суаланка. — А сейчас, кажется, пора устроить... У вас бывает праздник невесты накануне свадьбы? Когда ее подруги собираются поболтать?

— Конечно. Только я...

Джиад опять запнулась. Как объяснить, что она ничего не знает об этом? У Стражей нет подруг и друзей, только служба. И рядом могут оказаться лишь другие Стражи, так что какие свадьбы? Свадьба — чужая, разумеется, это просто еще одна причина для тревоги. Слишком легко в скоплении народа подпустить близко убийцу... Она вспомнила свадьбу Эрувейн и тихо вздохнула, стараясь, чтобы вышло незаметно.

— Я не знаю правил для этого, — призналась она. — Ни земных, ни ваших. Санлия, ну какая из меня вообще невеста?!

Слова вырвались так отчаянно, что Джиад испугалась, но бывшая наложница кивнула понимающе, и скользнув ближе к Джиад, обняла ее рукой за плечи.

— Самая лучшая, — сказала совершенно искренне. — Самая любимая и желанная для того, кто столько вас добивался. Джиад, неужели вы думаете, что сердце Алестара непостоянно? Или... вы сомневаетесь, что любите его?

— Я не знаю, — шепотом сказала Джиад, сплетая пальцы перед собой в жесте для молитвенной сутры. — Раньше моя жизнь была трудной. Иногда — жестокой. Но всегда понятной! Путь и долг Стража для меня привычны, как рукоять меча в ладони. А сейчас... мои руки пусты, а разум в смятении.

— Иногда разум должен уступить сердцу.

Санлия взяла с кровати гребень, потянулась и, распустив собранные в хвост волосы Джиад, принялась очень осторожно и ласково перебирать их, проводя гребнем от корней до самых кончиков. Джиад закрыла глаза, подчиняясь и успокаиваясь...

— У нас это называют Жемчужной ночью, — негромко сказала Санлия. — Обычно ее устраивают перед самой свадьбой, когда невесте страшнее всего. Никаких мужчин, только близкие подруги и родственницы. Хотите, позовем Леавару? Она скоро станет вам почти сестрой. Или Маритэль... А лучше — обеих!

— Тогда уж и Дэлору нужно звать, — слабо улыбнулась Джиад. — До свадьбы еще четыре дня. То есть уже три.

— Ну и что? — изящно пожала плечами Санлия. — Есть нужно, когда приходит голод, спать — когда тело утомилось, а страх прогонять в любое время, как он пришел. Сейчас Лилайн пришлет нам вина и чего-нибудь вкусного, мы поговорим... Хотя их высочества Маритэль и Дэлору я бы приглашать не советовала. Они славные девушки, каждая по-своему, но показывать им свою слабость, даже временную, пока не стоит. Пока вы еще не сроднились по-настоящему... Одна будет всегда искать у вас поддержки и должна видеть в своей королеве могучую защитницу, а вторая...

— Может решить, что она сильнее меня, — кивнула Джиад. — Я понимаю. Маритэль из тех,

кому нужна ласковая рука, а Дэлоре необходима крепкая.

— Она научится вас уважать. — По губам Санлии скользнула улыбка. — Рожденные в Суалане ценят силу так же, как в Карианде восхищаются умом и хитрость. Но вы тоже справитесь, каи-на. И с тем, и с другим.

— Я была бы рада и вас назвать сестрой, Санлия, — вырвалось у Джаид, и бывшая наложница, глянув на нее, благодарно блеснула глазами.

— Это честь для меня, — отозвалась она. — И я всегда буду помнить ваше великодушие. Ну так что, зовем Леавару? И, может быть, Эрувейн?

— Да, — выдохнула Джаид, все еще сомневаясь, не совершает ли глупость, но чувствуя себя, словно на веревке, натянутой над пропастью, где путь назад надежно отрезан.

Хочешь или нет, иди вперед, иначе все впустую. И стоило принять хотя бы такое простое решение, как стало легче, словно она поймала протянутую руку друга.

Она посмотрела на Санлию, и суаланка, дернув рычаг вызова слуг, ответила ей понимающим взглядом.

«Интересно, что у Лилайна за дела? — подумала Джаид, пока Санлия, решительно взявшая на себя все хлопоты, устраивала внезапный маленький праздник. — Алестар вчера обронил, что каи-на Аусдранга уже ждут посольство иреназе. Значит, все готово, и Каррас может отправляться в любую минуту. Получается, они с Санлией ждут моей свадьбы? Давно следовало поговорить с ней... Но Лилайн чем здесь занимается?!»

Одна из вернувшихся служанок принялась расставлять на столике закуски, вторая торжественно поклонилась и протянула Джаид глиняную бутыл, плотно запечатанную пробкой.

— И как мы будем это пить? — недоуменно поинтересовалась Джаид, действительно не представляя, что делать с такой посудой под водой.

Санлия повертела бутыл в руках и тоже пожала изящными плечиками.

— Заберете с собой, — решительно сказала она. — Выпьете как-нибудь потом, поднявшись на поверхность. А пока я сварю тинкалу по особому рецепту! И если вам понравится, оставлю его Леаваре. О, а вот и они!

Мгновение — и комната наполнилась колыханием ярких туник, сиянием чешуи и роскошных хвостовых плавников, улыбками и веселым щебетом юных иреназе. Пока Эруви обнималась с Санлией, Леавара всплеснула руками, заявив, что милая избранница его величества похудела и побледнела от забот! Но ничего, на свадьбе этого совершенно не будет заметно. Каи-на ведь помнит о своем обещании?

— Обещание? — переспросила Джаид, и тут ей в щеки бросилась краска. — Ах да, конечно...

Неудивительно, что она забыла! Если бы тогда ей кто-нибудь сказал, что наступит день, когда горькая насмешка над самой собой обернется истиной! Джаид пообещала, что на свою свадьбу с Алестаром не позволит себя накрасить никому, кроме Леавары... И теперь, похоже, пришло время выполнить это обещание. Но...

— Вот! — с триумфом провозгласила Леавара и победно посмотрела на остальных. — Ставлю свою косу, что каи-на Джаид будет самой прекрасной избранной, которую видел королевский дворец! Ах, если бы вам волосы немного длиннее...

Она потянулась к недлинной толстой косе, которую Джаид заплела Санлия, и с сожалением вздохнула.

— Не станем мы с тобой спорить, — со смехом заверила Эруви. — Сойдемся на том, что обе невесты будут дивно хороши. Как день и ночь! Правда ведь?

Она лукаво глянула, и Джаид неловко улыбнулась, чувствуя, словно ее одарили неожиданно, а главное, незаслуженно щедро. Одарили теплом, любовью и дружеским расположением... И остается только обещать себе, что примешь их достойно и постарайшься ответить тем же.

— Мне о многом нужно спросить у вас, каи-на, — серьезно ответила Санлия, ставя на каменную плитку, куда выходила труба с горячей водой, большой сосуд с тинкалой. — Земные

мужчины такие загадочные! А их тело сильно отличается от нашего. Не ногами, я имею в виду...

Она слегка покраснела, а Эрувейн и Леавара, успевшие развалиться на кровати животом вниз, подняли хвосты и слегка пошевелили ими, как дети болтают в воздухе ногами.

— Д-да... конечно, — отозвалась Джад, пытаясь понять, о чем именно ее спрашивают. — Мы дышим не жабрами, например.

— Я не о жабрах, — невозмутимо поправила ее Санлия, и только изумруды ее глаз озорно сверкнули. — Правда, что у людей мужской клинок никогда не прячется в ножны? Даже когда мужчина полностью... удовлетворен?

Эрувейн ахнула, а Джад окончательно покраснела. Ничего особенного в этом вопросе не было! Да и она не юная девственница благородного воспитания... Но вот — смутилась под жадными взглядами трех пар глаз.

— Правда, — кивнула она, улыбнувшись. — У нас ведь нет хвостов. Так что женские органы скрыты лишь ногами, а мужские... вообще ничем.

— Как неудобно... — с сочувствием протянула Эрувейн. — Плавать же мешает! То есть ходить. Или... нет?

— Зато можно оценить размер, — задумалась Леавара. — Хотя я правда не понимаю! Видела я ири-на Лилайна, и у него ничего не... топорщится, в общем! А ведь мужчина на диво ладный, да и Санлия грустной не выглядит. Кстати! А как же тогда узнать, что мужчина уже доволен?! Если у него ничего не прячется!

— Так! — едва сдерживая смех, сказала Джад, прижимая ладони к пылающим щекам. — Погодите! Все совсем иначе! Хорошо, я сейчас расскажу!

Санлия, по-прежнему улыбаясь, варила тинкалу, и Джад вдруг поняла, что грызущая сердце тоска если не ушла совсем, то отступила далеко. Вот так и выглядит иногда жизнь обычных женщин?! Разве могла она раньше вести такие смешные и прятные, как суаланская тинкала, разговоры? Да и с кем? Но пусть ей поможет Малкавис, придется ведь сейчас объяснять юным любопытным хвостатым девицам, почему человеческим мужчинам ничто не мешает ходить или плавать! «Обычно не мешает, — ехидно подсказал ей внутренний голос. — А то ведь всякое бывает. И размер сходу далеко не всегда определишь. И вообще... Санлия наверняка все это уже знает, но с такой темой для разговора точно не заскучаешь!»

Она вдруг подумала, что и сама не отказалась бы узнать пару ответов на вопросы, задавать которые Алестару... неловко. В храме Малкависа к удовольствиям плоти относились так же просто, как к утолению жажды или голода, из-за чего многие считали Стражей развратными. Но разврат — это недостойное поведение! Насилие или использование чужой беспомощности. Обман, принуждение, злоупотребление доверием или причинение боли... То, что происходит между искренне желающими друг друга людьми, развратом быть не может. А есть ли что-то запретное у иреназе? И вообще, если запечатление происходит у них раньше свадьбы, то как же первая брачная ночь? И девственность, которая так важна там, наверху? И...

Санлия сняла с плиты сосуд с тинкалой и принялась колдовать над ней, прямо через пленку узкой полый иглой с поршнем на конце добавляя какие-то специи и жидкость, а потом вернула сосуд на место. Эрувейн с Леаварой проводили тинкалу жадным взглядом, одновременно вздохнув, и Джад поняла, что вечер будет долгий. И, похоже, веселый. Уж точно веселее, чем она его представляла, собираясь опять мучиться мыслями, а потом лечь спать в одиночку.

— И вот представьте себе! — рассказывала слегка захмелевшая Эруви, размахивая рукой перед собой. — Мы с Орлисом быстренько проскользнули между этих камней — и только хвосты мелькнули. А Алестар застрял!

— Как застрял? — изумилась Джад.

— Плечами! — расхохоталась Эрувейн. — Вода его толкнула вперед, а дальше оказалось узко, и он, бедный, ни туда ни сюда. Так плотно застрял, что пришлось нам возвращаться и тянуть его за хвост! Ох... вы только ему не говорите, что я вам это рассказала! Какая у него была физиономия!

Джад рассмеялась. Пожалуй, увидеть выражение лица рыжего, когда его тянут за хвост, будто нашкодившего кота из-под кровати, она бы и сама не отказалась! Дивное зрелище,

должно быть.

— Не скажу, — серьезно пообещала она, и тут в дверь постучали.

— Кого там принесло? — изумилась Леавара, тоже раскрасневшаяся и растрепанная после того, как они с Эрувейн показывали «Танец морского ежа».

Насколько поняла Джаид, в этом танце полагалось изображать не самого ежа, а что бывает, если ты на него сел или наступил. Про себя она решила, что никогда не станет такое танцевать, потому что с хвостом подобные движения выглядят хоть немного приличнее, чем с ногами.

Дверь открылась, и в нее заглянул смущенный Камриталь, сообщив:

— Каи-на Джаид, вы позволите вам кое-что сказать? Это очень важно!

— Да что там может быть важного?! — запротестовали в один голос Эрувейн с Леаварой. — Никаких дел в Жемчужный вечер! Мужчинам сегодня вообще сюда нос совать не положено! А то за него хвост поплатится!

— Я ненадолго, — с извиняющейся улыбкой сказала Джаид, оттолкнувшись от кровати, и подплыла к двери, чувствуя расслабленную ленцу в движениях.

Тинкала, которую сварила Санлия для Жемчужного вечера, и вправду была особенной! Не такой сладкой, как обычно, но пряной и пьянящей, как хорошее вино.

Камриталь отплыл в коридор, не преминув перед этим окинуть оставшихся девушек восхищенным взглядом, и Джаид с непростительной доверчивостью последовала за ним... чтобы тут же оказаться в мужских объятиях.

Тело отозвалось раньше разума, и она дернулась, в последний миг удержавшись от удара.

— Это я! — торопливо отозвался понявший свою ошибку Алестар.

И прижал ее крепче, зарывшись лицом в волосы.

Джаид замерла, не зная, что сказать. Связвить насчет важных дел, которые наконец-то закончились? Глупо и некрасиво, потому что Алестар в самом деле был занят. Уж что такое королевский долг, она понимает! Сказать, что у нее Жемчужный вечер, и хочется его продолжить? А хочется ли? Да, в комнате весело, и Джаид нежилась в этом потоке ласки и дружбы, но все-таки ей чего-то не хватало. А вот теперь, когда сильные руки Алестара так правильно обнимают ее...

— Твоим подругам придется обойтись без тебя, — шепнул рыжий ей на ухо. — Потому что прямо сейчас я собираюсь похитить свою избранную, как положено тирану и завоевателю!

И он решительно потащил Джаид по коридору, не выпуская из объятий и ухитряясь плыть исключительно толчками мощного хвоста. Она же сначала не сопротивлялась от растерянности, потом — приняв игру.

— И куда именно вы меня собрались похищать, ваше тираническое величество? — поинтересовалась Джаид, вдруг поняв, что они покинули дворец через одно из бесчисленных окон и явно плывут наверх, в чернильное ночное море, уже довольно холодное.

— Куда надо! — решительно отозвался Алестар и виновато добавил: — Вот увидишь, там будет удобно и тепло.

— Как скажете, — согласилась Джаид, с трудом удерживаясь от смеха, очень уж забавно это должно было выглядеть со стороны.

А она сама, кажется, перебрала с коварной тинкалой Санлии. Иначе почему радость бежит по венам, делая кровь горячей и туманя рассудок? А руки так удобно закинуть на шею Алестара, прижавшись к нему еще теснее и с мстительным удовольствием услышав короткий страдальческий выдох. Вот так вот похищать избранных, ваше величество!

Ноги, между прочим, явно мешали плыть, и Джаид обвила ими бедра иреназе, скрестив щиколотки позади, где мощная спина Алестара переходила в хвост.

Потом, подумав, потянулась еще немного, нашла в пределах досягаемости ухо коварного

похитителя и повела себя совсем не как стыдливая невеста, вдумчиво прикусив его краешек, а потом сразу пройдясь языком.

— Джи! — взмолился Алестар. — Пощади! Я же... Ах...

— Да, ваше величество? — усмехнулась Джиад. — Вы не отвлекайтесь, похищайте меня старательно, раз уж взялись. Я в ужасе и предвкушении, как и положено.

И продолжила доказывать это, упоенно проделывая с ухом рыжего все новые изощренные манипуляции.

Следующие несколько минут Алестар сдавленно умолял, ругался, обещал страшные кары и подвывал, то ли от смеха, то ли от возмущения. Но упорно дотащил Джиад до освещенного туаррой каменного столба, где их ждал привязанный салту. Причем один! Разумеется, ее ведь увозят силой, а не по желанию...

Внутри все сильнее разгоралось тепло возбуждения. Не от мысли о похищении, конечно, а от знания, что в седле морского зверя придется сидеть вдвоем, тесно прижавшись друг к другу. Что-то в этом было дикое и сладкое, выпущенное на волю хмельной тинкалой, непристойными разговорами и близостью Алестара, который держал ее крепко, но осторожно и время от времени то зарывался лицом в волосы, то целовал щеку, до которой только и мог дотянуться губами. И каждый такой поцелуй вспыхивал на коже искрой от разгорающегося пламени.

Джиад вдруг расхотелось играть. Но лишь потому, что сильно и глубоко пожелалось большего. Прямо здесь и сейчас! Она закусила губу, когда Алестар помог ей сесть в седло позади себя, уже не изображая похищение, и обняла его обеими руками, прижавшись лицом к широкой напряженной спине. Слишком напряженной для простой поездки на салту.

Серый, а это, конечно, был он, прынул с места как всегда стремительно, и вода попыталась толкнуть их Джиад назад, но она лишь сильнее наклонилась вперед и прижалась к иреназе. Они мчались сквозь холодную густую тьму, в которой Джиад не могла разглядеть ничего и не понимала, как Алестар находит направление. Или Серый просто плывет, куда пожелает? Нет, ведь было сказано про тепло... Куда ее могут привести в ночном море, все дальше удаляясь от Акаланте?

Страха не было, только полное и безмерное доверие. Да еще любопытство и удивление: неужели это тоже часть брачных ритуалов иреназе.

По изменившемуся давлению воды Джиад поняла, что они приближаются к поверхности. Здесь всем телом ощущались тугие волны, и Алестар остановился. Обернулся к Джиад, предупредив:

— Сейчас всплывем. Там холоднее, потерпи чуть-чуть.

Она кивнула, невольно радуясь, что хотя бы о смене дыхания можно больше не беспокоиться. Мать Море навсегда лишила ее необходимости пользоваться амулетами, даровав часть умений иреназе.

Серый подобрался, толкнулся наверх длинным косым прыжком, и Джиад оказалась наполовину в воде, а наполовину — в воздухе. Ледяном ночном воздухе, немедленно облившем ее тело. Тонкая шелковая туника, притом мокрая, грела не больше, чем паутина, даже наоборот. Джиад подумала над тем, чтобы снять ее, но Серый быстро проплыл полоску каких-то бурунов, и на фоне темного неба перед Джиад вдруг выросло что-то еще темнее, но испещренное бледными пятнами. Невысокое, меньше человеческого роста, хотя дальше оно росло и уходило ввысь.

Луна вовремя показалась из-за тучи, и Джиад разглядела почти плоскую скалу посреди моря. Точнее, часть небольшого каменного хребта, вынырнувшего из воды. Волны здесь должны были быть сильными, но почему-то прибоя почти не оказалось. Почему-то? Джиад чутьем поняла, что здесь не обошлось без королевской магии иреназе.

— Сегодня особенная ночь.

Алестар соскользнул с Серого и помог Джиад выбраться из седла.

— Посмотри на небо, — попросил он.

Джиад послушно глянула, но ничего интересного не увидела. Небо как небо. Разве что звезды очень яркие и переливаются сильнее обычного. Наверное, будет ясная погода...

— У нас это время называют Звездная неделя, — пояснил иреназе. — Семь ночей подряд звезды падают вниз, на землю и в море. Говорят, что там, где их огонь гаснет в морских водах, море становится плодородным, а в сердцах зарождается любовь. В эти ночи не принято подниматься наверх одному, только с парой. С избранной, супругой, просто возлюбленной — неважно. Я... всего раз проводил Звездные ночи, — тихо добавил он. — С Кассией. Как и положено, загадал желание, но не сбылось. Так что сегодня ничего загадывать не буду, просто хотел показать тебе это.

Он потянул Джад за руку, и она так же послушно проплыла за ним к подножью скалы, где обнаружились плоские каменные ступени. Вряд ли это была работа чьих-то рук, просто солнце и ветер исчертили и выщербил скалу. А вот немного дальше...

— Там сухое одеяло, — сказал Алестар, словно это было самым обычным делом — одеяло посреди моря! — А еще ветки и какая-то штука для добычи огня.

— А ты? — вырвалось у Джад.

— Я буду рядом, — улыбнулся иреназе. — Здесь, в воде. Очень близко! Пожалуйста, Джи, просто посмотри!

В его голосе слышалось предвкушение и радость, и Джад нащупала ногами начало ступеней, поднялась по ним, борясь с желанием оглянуться на Алестара, и оказалась на крошечной площадке, где только-только можно было сесть. Ну и развести костерок из охапки сухих веток и водорослей, которые кто-то заботливо сложил у края скалы и даже полил маслом, судя по запаху. А еще в глубокой каменной выемке лежало сухое одеяло, защищенное от брызг. И стояла бутылка, точно такая же, как Лилайн прислал им с кухни.

Джад по привычке закусила изнутри губу, начиная понимать. Ни одному иреназе на эту вершину не забраться. И одеяло с топливом для костра под водой не найдешь. Неотложные дела, значит? Вот заговорщики!

Она все-таки оглянулась на Алестара. Светлое тело иреназе белело в нескольких шагах, он лежал в воде у подножия скалы. Недалеко, но все-таки рукой не дотянешься, да и разговаривать...

Джад решительно сняла мокрую туну и растерлась одеялом. А потом, стараясь не обращать внимания на холод, подхватила ветки в охапку и снова спустилась вниз, бросив их на последнюю ступеньку у воды.

— Здесь тоже можно развести костер, — пояснила в ответ на удивленно блеснувший в лунном свете взгляд Алестара.

Вернулась наверх, забрала одеяло, бутылку и трут с огнивом, которые нашлись там, где раньше лежали ветки. Спустилась...

Искры от огнива рассыпались крошечными золотыми мошками, и сухой трут жадно вспыхнул, а следом занялись и ветки. Костерок запылал радостно и самозабвенно, Джад села рядом и закуталась в одеяло. От моря было холоднее, чем наверху, зато скала защищала от ветра. А еще Алестар теперь был рядом. Джад зубами вытащила пробку, отхлебнула показавшееся сладким и густым после тинкалы вино и тихонько рассмеялась.

— Что, плохое? — настороженно вскинулся иреназе.

— Наоборот, — покачала она головой. — Интересно, если кое-кого забросить на луну, он и там найдет бутылочку турансайского? Откуда вообще под водой вино?

— Другие королевства иреназе иногда торгуют с людьми, — отозвался Алестар, не сводя с нее глаз. — А еще бывают затонувшие корабли. Не верь, если услышишь, что это мы их топим. Раньше... всякое бывало, но не сейчас. Еще мой дед запретил. Но корабли иногда тонут сами, и это наша законная добыча. Джи, какая же ты красивая...

Джад, как раз опять отпившая от бутылки, поперхнулась. Откашлялась, недоуменно глянула на Алестара, и тут небо прямо перед ними прочертила падающая звезда. Она показалась огромной, гораздо больше обычных звезд, и оставляла светящийся след. Джад затаила дыхание. Поверье о желании, которое нужно загадать, она знала, но никогда не успевала. Да и что ей просить теперь?

Отпив еще глоток, она протянула бутылку Алестару, и тот молча принял ее, тоже приложившись к горлышку. От костра повеяло согревшимся воздухом, и Джад,

завернувшейся в одеяло с ногами, стало тепло, только еще влажные волосы шевелил прохладный ветерок.

А вокруг бушевало звездное безумие. Одна, другая, третья... А вот и несколько сразу сорвались, чертя по небу яркие штрихи. Какое тут желание! Дух захватывает...

— Это... каждый год? — неверяще спросила Джад, и Алестар кивнул, возвращая ей полегчавшую бутылку.

Но почему она никогда этого не видела раньше? Хотя... когда ей было увидеть? Ее дни и ночи были заполнены Торвальдом. Его безопасностью, мыслями о нем... Торвальд никогда не пошел бы смотреть на звездное небо, от которого никакой пользы, а Джад всегда была при нем: телом, разумом и сердцем. Она и не знала о подобном чуде.

Еще один глоток старого турансайского горячим мягким бархатом скользнул внутрь, и Джад окончательно согрелась. Ей даже стало жарко! То ли от мыслей, что будет дальше, то ли от взгляда Алестара. Иреназе смотрел не на звезды, а на нее! И под этим взглядом Джад снова почувствовала сладкую истому и желание утонуть в ней целиком.

Сколько прошло времени, она не знала. Звезды все падали, а она глянула на быстро прогоревший костер, будто отмеривший ей срок. И даже жалости не почувствовала.

Поднявшись, скинула одеяло, упавшее на каменные ступени к самой воде, и шагнула в море, показавшееся теплым.

— Джи?

Голос Алестара был удивленным, но обаяния — такими же крепкими и надежными, как всегда.

Он потянул ее за собой туда, где вода была спокойной и неглубокой, а дно оказалось чистым песком. Джад встала, а потом легко оттолкнулась ступнями и повисла в воде, опираясь на Алестара.

— Джад... — прошептал-простонал он, покрывая ее лицо и плечи поцелуями. — Прости меня...

— За что?

— За то, что дурак! — выдохнул рыжий, запуская пальцы в ее волосы и глядя спину. — Я совсем зарылся в эти дела, а они никогда не заканчиваются! И я готовил тебе Звездную ночь заранее, честное слово! Перед самой свадьбой. А сегодня приплыл Лилайн и сказал, что я дурак. Что сюрприз — это хорошо, но только если ты не успеешь решить, что я тебя бросил, и обидеться. Тебе сейчас и так нелегко, а меня не было рядом... Джи, я люблю тебя! Клянусь Морем, Землей и Небом! Прости...

Он перебирал ее волосы и целовал, шепча жарко и отчаянно:

— Я не могу без тебя, слышишь? Я прятался за королевскими заботами, потому что никак не мог поверить. Я боялся, вдруг ты передумаешь в последний момент?! Глупо, я знаю... Мне надо было быть с тобой... Хотя бы днем! А я старался устать сильнее, чтобы не думать о тебе ночами. О том, что ты в соседних комнатах, такая недоступная, такая невозможно желанная... Я теряю слова, когда вижу тебя, сердце мое. Не странно ли? Когда ты меня ненавидела, мне хватало слов, чтобы рассказать, как я тебя люблю, и я не боялся их говорить. Какая разница, думал я, это ведь все равно безнадежно. А теперь, когда ты сама сказала, что любишь, когда согласилась... Я все испортил. Или еще нет?

— Алестар! — взмолилась Джад. — О чем ты? Я ведь обещала, что останусь. Я поклялась... приняла свою судьбу...

— Только судьбу?! Джи... Джад, прошу, посмотри на меня! — его голос дрогнул. — Посмотри и скажи честно, что остаешься не из-за клятвы! Я отпущу тебя, как только пожелаешь! Ничего еще не поздно изменить, слышишь? Я не хочу, не могу... Я не должен лишать тебя свободы! Если это всего лишь клятва...

«Он тоже боится, — с убийственной точностью и ясностью осознала Джад. — Не меньше, чем я! Только другого!»

— Я люблю тебя, — прошептала она и подняла руки, положив их на гладкие округлые плечи, горячие, несмотря на прохладу воды вокруг. — Я осталась, потому что люблю тебя, никакой

долг и никакая клятва не смогли бы меня принудить к этому. Просто... мне иногда страшно. Мы такие разные, Алестар! Как мы сможем ужиться вместе? Как я смогу быть королевой твоего народа, если совсем не умею править? Я бы с радостью была твоим Стражем! И я готова быть твоей... просто твоей, понимаешь? Но что, если я не справлюсь с тем, что ты хочешь мне подарить? И не смогу сделать тебя счастливым...

— Ты уже сделала, — глухо проговорил он, зарываясь в ее волосы лицом. — Я уже счастлив, как ты не понимаешь? А остальное... Благословение богов на этого твоего Лилайна, он вовремя сказал мне пару нужных слов. Не слишком ласковых, зато понятных. Стыдно-то как... Джи, ты выйдешь за меня? Со всеми моими глупостями, с моим характером, с дурной гордостью и всем остальным, чего у меня больше, чем чешуи на хвосте! Выйдешь?

— Я ведь уже согласилась, — улыбаясь, напомнила Джиад, запрокидывая голову и глядя в шальные синие глаза, что сейчас казались почти такими же темными, как ее собственными. — Если соглашусь еще раз, это ничего не изменит. Мое слово — это не честь всего моря, как у тебя, но это моя жизнь. И я отдала и то, и другое.

— Я совсем тебя заморозил, — вздохнул Алестар, прижимая ее теснее. — Все получилось неправильно... Думал, устрою настоящее свидание, а потом... Джиад, сколько бы ни было впереди у меня Звездных ночей, я все их хочу провести с тобой. И желание у меня будет только одно на всю жизнь: чтобы ты была счастлива. А если я опять начну делать глупости, просто скажи мне, что я дурак, ладно?

— Как скажете, ваше ве...

Алестар прервал ее поцелуем. Краешком глаза Джиад еще успела увидеть, как небо вокруг покрывается сияющими росчерками звездных шлейфов. И как плещутся темные волны с серебристыми гребнями пены, уходя в необозримую даль.

— У нас так и не было брачного танца, — прошептал Алестар, проводя руками по ее телу, лаская каждый его изгиб нежно и бережно. — Бои, гонки, интриги, сошествие богов... А я хочу танцевать с тобой в воде при свете луны и звезд, а потом нырнуть вниз и уложить тебя на песок. Самый мягкий, какой только найдется в море... И чтобы во всем мире остались только мы с тобой, и звезды пели нам с высоты... Как дожидаться этой свадьбы, любовь моя? Как прожить эти три дня и ночи, Бездна их поберей?

— Не знаю, — откровенно ответила Джиад, прильнув к нему. — А точно надо ждать? Я... так и не успела спросить!

Она поймала непонимающий взгляд Алестара и с виноватой улыбкой пояснила:

— Я не успела спросить у Санлии и остальных, можно ли заниматься этим до свадьбы? Если запечатления больше нет, и я не избранная...

— Ты всегда моя избранная! — выдохнул Алестар. — Каждый миг и всю жизнь! Свадьба — это для всех остальных. А между собой пару соединяет только море. Джиад, ты... позволишь? Здесь и сейчас?!

— Разве это не Звездная ночь? — тихо откликнулась она, отдаваясь горячему сладкому безумию, текущему по жилам вместо крови. — Время исполнения желаний. И я знаю, чего хочу. Исполни мое желание.

— Какое? — хрипло спросил Алестар, медленно увлекая ее за собой на глубину. — Чего ты хочешь, любовь моя?

— Тебя, — улыбнулась Джиад. — Пусть песок будет потом. Сейчас я хочу тебя, море вокруг и все эти звезды.

— Все это твое, — отозвался иреназе, заглядывая ей в глаза и придерживая за плечи. — И я, и море, и каждая из этих звезд. Посмотри на них...

Он потянул ее, укладывая на себя, лег на спину, и Джиад широко раскинула руки, вдруг почувствовав, что вода теплая. Волны качали их вместе, как единое целое, обнаженных ног Джиад иногда касался прохладный шелковистый плавник Алестара, и звезды... Они действительно смотрели на нее, а потом небо делил надвое новый серебряный штрих, но Джиад не загадывала желаний, потому что прямо сейчас ей нечего было больше желать, а глупой жадности судьба и боги не любят.

Руки Алестара скользнули по ее телу, снова дразня и лаская. Джиад вытянулась,

напряженная, как струна, прижалась спиной к его груди. Закрыла глаза, и звезды остались где-то вдалеке, а вокруг была только темнота и прикосновения сильных нежных ладоней.

— Ты сама как звезда, — прошептал ей Алестар на ухо, и волны вторили его голосу. — Самая прекрасная в мире, упавшая в море и согревшая его своим светом. Джад... Мое Сердце Моря... Доверься мне, позволь показать, как оно прекрасно.

Он выскользнул из-под нее и тут же обнял за талию, а Джад положила руки ему на плечи. Волна приподняла их и снова опустила, а потом тяжелой огромной лапой сбила, перевернула и понесла с собой, но не мягко и ласково, словно играя. Алестар плыл рядом с ней, а потом оказался внизу и погладил ее ноги. И снова ускользнул, чтобы поймать в объятия, когда волна, явно игравшая на его стороне, кинула Джад в кольцо его рук.

Принимая правила игры, она попыталась ускользнуть, и это почти получилось, но каждый раз, когда Джад казалось, будто она свободна, Алестар оказывался рядом. И она сдавалась на милость победителя со сладкой истомой позволяя целовать себя, гладить плечи, руки и ноги, спину и бедра. Рыжий дразнил горячим ртом ее грудь и тут же отпускал, чтобы поймать губами пальцы на ногах Джад. И когда вдруг оказался между ее раздвинутых бедер, Джад лишь ахнула, не успев его остановить, да и не желая этого.

Небо и вода менялись местами, звезды остались далеко, и Джад, извиваясь от удовольствия, танцевала в глубине древний, как сама жизнь, танец наслаждения. Упругий горячий язык Алестара нежил ее плоть, дразнил и мучил, и Джад сама будто стала волной, поднявшейся к самым звездам и рассыпавшейся на тысячи ослепительно ярких брызг.

Не переставая ласкать и нежить, Алестар увлекал ее все дальше, пока под ними обоими не оказался песок — единственное, что оказалось неизменным в мире ночного моря. И Джад потянулась к рыжему, обнимая его, принимая в себя, как море принимает грозу. Страх и стыд остались где-то невозможно далеко, и больше не нужен был никакой эликсир, чтобы довериться морю и его рыжему синеглазому воплощению, наконец поймавшему Джад, покорившему и обратившему эту победу в ослепительное счастье, разделенное на двоих и от этого еще более огромное.

Глава 19. Скорбь не вечна

Три последних дня до свадьбы пролетели так стремительно, что Джиад опомнилась только последним утром, вдруг осознав — долгий бег от себя самой закончился. Теперь она чувствовала себя готовой надеть брачный браслет Алестара и принести клятвы перед алтарем любимых богов. Перебирая принесенные украшения, она задумчиво покосилась в сторону Жи, последние дни доживающего в отгороженной части комнаты, потому что в обычной клетке он уже не помещался.

Молодого салру ждал особый загон на рыбном дворе, и Алестар уверял, что Жи там будет удобно и интересно. Салту того же возраста уже учились плавать под седлом, но для умного и гордого зверя обычные приемы с намордником и лоуром не годились. Алестар собирался сам заняться его тренировкой и предвкушал это с таким азартом, что Джиад несколько не беспокоилась за судьбу их общего любимца.

— Ты собираешься в следующем году вернуться на Гонки? — спросила она накануне, когда Алестар приплыл к ней в спальню и завалился на постель, наконец-то пользуясь правами избранного.

Жи немедленно покинул загончик и подплыл к иреназе, жадно тыкаясь ему носом в ладонь в поисках лакомства.

— Не вижу смысла, — равнодушно отозвался Алестар, скармливая ему какие-то кусочки, принесенные с собой и по виду напоминающие деревяшки.

Салру хрустел ими, как печеньем, и заискивающе заглядывал в глаза. От Всеядного Жи в нем ничего не осталось, так что Джиад теперь точно знала, что прозорливость и веселый нрав со шкодливостью — свойства характера самого зверя, а не его божественного покровителя. Ну, или один из них научился у другого. Знать бы еще, кто у кого.

— После той погони Арена кажется совсем иной, — помолчав, пояснил Алестар. — Как детская игрушка. Когда-то мне казалось, что я жить без нее не смогу, а сейчас... неинтересно. На охоту иногда буду плавать, да и то посмотрим.

Он положил голову на колени опустившейся рядом Джиад и блаженно зажмурился, а она, расплетая тугую рыжую косу и осторожно расчесывая длинный поток волос, струящихся по ее рукам, подумала, что Алестар очень изменился. Стал спокойнее и увереннее в себе, даже заматерел, как молодой, но уже набравший силу волк — вожак своей стаи. Иногда он по-прежнему вспыхивал, негодуя на чью-то глупость или алчность. Случалось, ему не хватало хладнокровия. Но все чаще на смену раздражительности приходила тяжелая мощь короля, уверенного в своей правоте и готового добиваться того, что он считает правильным.

Да, за эти месяцы он повзрослел рассудком и душой, и этот новый Алестар с каждым днем нравился ей все больше.

— Думаю, главный свой приз ты честно и отважно выиграл, — сказала она, проводя гребнем по льющемуся сквозь ее пальцы огненному золоту. — Акаланте дорожке Золотого Жемчуга, и ту победу в гонках со смертью никто и никогда не превзойдет.

— И не надо, — согласился Алестар, а потом очень несчастным голосом сказал: — Говорят, что делить постель в ночь перед свадьбой — плохая примета. Даже если до этого избранные спали вместе, нужно хоть немного соскучиться друг по другу. Не понимаю, зачем? Я и так по тебе скучаю, уже целый день прошел!

— Ужасно, — серьезно согласилась Джиад, пряча усмешку. — Вытерпеть день, ночь, а потом еще завтра полдня... Даже больше, вряд ли мы доберемся до постели сразу после церемонии. Ваши подданные хотят праздника, ваше величество!

И она лукаво потянула его за кончик рыжей пряди на виске.

— Наши подданные! — возразил Алестар, ловя ее руку губами. — Привыкай. Джиад, королева и соправительница Акаланте! М-м-м-м, а мне нравится. Лучше этого звучит только: «Джиад, моя избранная и жена»!

Он перевернулся, плеснув хвостом, и с восхищением посмотрел на нее снизу вверх, заглядывая в лицо. Джиад осторожно провела кончиками пальцев по его лицу, обрисовывая очертания губ, скулы, упрямый подбородок с ямочкой, золотые брови... Ожившая сказка, волшебный повелитель морского народа... ее возлюбленный и почти супруг. Неужели так все-

таки бывает?

— Я научусь, — пообещала она вдруг охрипшим голосом. — Но приметы и правда лучше соблюдать. Всего одна ночь...

— Еще одна ночь, — вздохнул Алестар. — А мне кажется, что все ночи в своей жизни, которые я провел без тебя, были прожиты зря. И дни — тоже. Жду не дождусь, когда ты переоденешь браслет с правой руки на левую!

Он мечтательно прикрыл глаза, и длинные золотистые ресницы бросили светлую тень на щеки. Джад с улыбкой поглядела на тяжелый обручальный браслет с рубинами, который вернулся на ее правую руку, показывая всем, что его носит избранная, которая готовится к свадьбе. Ей уже сказали, что перед алтарем следует вернуть браслет жениху, и он, подтверждая согласие на брак, наденет ей обручальное украшение на левую руку, ближе к сердцу, где браслет и останется на всю жизнь.

— А на правой руке он лучше смотрится, — с легким сожалением сказала она. — И удар хорошо утяжеляет.

Алестар фыркнул. Потеря щекой о ее ладонь и сообщил:

— У тебя и с левой руки удар хорош, я знаю. А если хочешь, я тебе парный закажу — на правую.

Он замер, прижавшись лицом, и ее снова накрыла сладкая тягучая волна нежности и желания. Сейчас бы погладить широкую красивую спину, на которой шелк туники не скрывает мускулы, провести ладонью до самой границы между кожей и чешуей. А там чувствительное место, и если его приласкать кончиками пальцев, ее рыжее счастье начнет быстро и неровно дышать, а потом тихо застонет...

— Завтра, — сказала она вслух теперь уже своим мыслям. — А потом целую жизнь.

И подумала, что ночь обещает быть долгой, потому что ожидание разделить на двоих гораздо труднее, если знаешь, что хочешь одного и того же...

Так и получилось. Они провели эту ночь вместе, разговаривая и прикасаясь, но бережно и целомудренно, словно заново знакомясь душами прежде, чем тела окончательно станут принадлежать друг другу.

А утром Алестар уплыл, Джад осталась одна и поняла, что старые страхи сменились новыми, она совершенно не знает, что делать со всем, что притащили услужливые хвостатые девицы.

Золотые цепочки, серьги, ожерелья и браслеты роскошной грудой лежали в огромной шкатулке. Рядом стояла еще одна, и ведь это была только часть сокровищницы Акаланте. Заглядывая в глаза, служанки заверили, что принесли самое лучшее, но если каи-на хочет, вот ключ, пусть сама осмотрит остальное. Там еще много...

Джид знала, что ей следует обязательно выбрать украшения, и чем больше, тем лучше, именно этого от нее ждут. Супруга короля должна блистать на собственной свадьбе. Но чеканное золото, рубины, изумруды и алмазы, разноцветными огнями переливаясь перед ней, пугали своей торжественностью.

Вдруг показалось, что ожерелье, которое она примерила, тяжело и неудобно лежит на груди, от него душно, и вообще оно натирает кожу, как ошейник. И к тунике, которую вчера принесли, алой и украшенной тонким золотым шитьем, оно не подойдет, слишком массивное. А еще она никак не может объяснить, какую именно прическу она хочет, потому что всю жизнь либо коротко стриглась, либо собирала едва отросшие волосы в хвост.

Словно в ответ на ее мысли, в дверь постучали.

— Видишь, Эруви! — раздался звонкий голосок Леавары, и светловолосая каи-на решительно вплыла в комнату. — Я так и знала! Она еще даже не одета!

— Это недолго, — возразила Джад, устыдившись своей растерянности. — Я сейчас.

— А причесаться? А покраситься? — всплеснула руками Эруви и, подплыв, ткнула пальцем в шкатулку с драгоценностями. — Вот что это такое? Никому ничего нельзя доверять! Эти дурехи короткохвостые что принесли? Украшения для избранной короля или упряжь для салту?! Хотя... Леавара, посмотри, вот это годится. И это...

— А что не так с этими украшениями? — осторожно поинтересовалась Джаад.

— Они вам не подходят, — уверенно заявила Леавара. — Эти слишком тяжелые и грубые, а жемчуг вообще потеряется... Нет, нет и еще раз нет! Вы обещали мне довериться, Джаад! Помните?

— С радостью, — улыбнулась Джаад, чувствуя, как лихорадочная тревога опозориться бесследно исчезает. — Но как же вы сами?

Она оглядела Леавару, заметив, что волосы у той заплетены в сложную изысканную косу, украшенную жемчужными цветами, но туника простенькая, и нет никаких украшений, только на правой руке избранной Эргиана браслет из сплетенных воедино золотых и серебряных нитей, очень изящный и прекрасно ей подходящий.

— А у меня все готово, — невозмутимо сообщила Леавара. — Только переодеться осталось. И крашусь я быстрее, чем ваша прислуга тинкалу с кухни приносит. Поэтому сейчас будем заниматься вами. Снимайте все!

Джаад молча стянула рубашку и штаны. Нагрудную и набедренную повязку она под водой давно не носила, но иреназе, кажется, что-то под тунику иногда надевали...

— Ой, вам это точно не нужно! — отмахнулась Леавара в ответ на ее вопрос. — Я такой высокой и крепкой груди никогда не видела! Вам ее не поддерживать надо, а подчеркивать!

Она оглядела обнаженную Джаад с искренним восхищением и жадностью художника, которому дали чистый холст и краски, а потом сняла с крючка в стене подготовленную с вечера тунику и встряхнула ее в руках, расправляя.

— Надевайте!

Ало-золотой тяжелый шелк заструился в ее руках, Джаад неловко от волнения поймала подол и немедленно в нем запуталась. Ей казалось, что туника короткая, а это почти платье!

— Вы ее что, даже не мерили? — простонала Леавара. — Мать Море, первый раз вижу такую избранную! Давайте помогу! Эруви, придержи!

Джаад проскользнула в колыхание складок, и шелк обнял ее грудь и плечи, прильнув к ним плотно, но не сковывая движений. Обрисовал грудь и талию, бесстыдно подчеркнул бедра. Странно, ведь замшевые штаны облегли ее тело так же тесно, не скрывая очертаний, но почему именно в шелковой тунике Джаад показалась себе почти обнаженной? Пожалуй... Даже совсем без одежды она не смотрелась бы так откровенно.

В огромном зеркале, слегка помутневшем от времени и морской воды, но все еще неплохо отражающем, Джаад видела стройную девушку, не похожую на стража Малкависа решительно ничем. Однажды она уже преобразилась так в день гонок на Арене, но тогда была хотя бы в штанах. А сейчас туника облегла ее ноги до коленей, и обнаженные лодыжки с босыми ступнями выглядели так непривычно!

— Золото и рубины, — сказала Леавара, подбирая ее волосы и несколькими быстрыми взмахами гребня расчесывая их. — Только не на руки! Сегодня ваши руки для обручального браслета! Все остальное на них лишнее.

Ее слова отозвались где-то внутри сладким предвкушением, а ловкие нежные пальцы иреназе тем временем укладывали волосы Джаад в мягкие локоны. На висках Леавара заколола их длинными шпильками, приподняв, и лицо оказалось открыто, как и шея, но сзади отросшие пряди падали на спину густой волной, и Леавара с Эрувейн в четыре руки быстро усыпали их золотыми и рубиновыми бусинами, что крепились прямо на волосы.

Серьги, тоже из рубинов, оправленных в золото, но не массивные, а изящные, в виде цветков с изогнутыми лепестками... Ожерелье Леавара, подумав, отложила в сторону. Зато застегнула на талии Джаад пояс из плоских золотых звеньев и достала из шкатулки тонкую цепочку, в которой Джаад сначала заподозрила браслет, но, сообразив, покраснела и запротестовала:

— Не надо! Это уже слишком! У нас такое только храмовые танцовщицы носят...

— И наверняка их за это обожают, — лукаво улыбнулась Леавара. — Каи-на, сегодня все будут любоваться вашими ногами! Так покажите, что гордитесь ими, а не стыдитесь своей красоты.

И она застегнула витую цепочку, усыпанную мелкими рубиновыми подвесками, на щиколотке

Джиад, удовлетворенно заключив:

— А вот теперь — все. Осталось только лицо!

От служанок, с любопытством наблюдающих за каи-на, послышались восторженные ахи, охи, и Джиад обреченно махнула рукой, разрешая девицам посмотреть. В конце концов, пусть учатся. Вдруг ей придется краситься часто, не просить же каждый раз Леавару. А сама она вряд ли освоит эту премудрость, потому что пробовала как-то, еще в Арубе. Оказалось, что одинаково накрасить оба глаза сложнее, чем попасть ножом в муху с десяти шагов.

Осторожными движениями плотной кисти Леавара покрыла ее лицо тонким слоем какой-то мази, растерла, уже другой кисточкой принялась колдовать над глазами, тронула краской губы и скулы... А потом, пренебрежительно фыркнув на зеркало, подала Джиад свое собственное, небольшое, но чистое.

Затаив дыхание, Джиад смотрела на себя, не слыша, как восхищаются вокруг служанки. О да, Леавара снова сотворила чудо. И на этот раз Джиад желала его всем сердцем! Сегодня она хотела быть настолько красивой, чтобы Алестару в голову не пришло пожалеть о своем выборе. Он уже видел ее разгневанной и несчастной, усталой и злой, мягкой, уверенной, сосредоточенной... Какой угодно, только не желающей ему понравиться. Девушка в зеркале смотрела на мир огромными черными глазами, подведенными смоляной и золотой краской, ее губы манили спелой нежностью, она знала, что прекрасна, и дарила эту красоту щедро и смело, потому что это был день ее торжества. И Джиад на миг закрыла глаза, а потом открыла их и приняла то, что увидела, с радостью и гордостью.

Положив зеркало, она порывисто обняла Леавару, и та счастливо улыбнулась, а Эруви заторопила их обеих:

— Скорее! Нужно успеть, пока не прозвучит колокол!

— Ай, без нас не начнут! — звонко рассмеялась Леавара. — Правда, их там двое, могли бы жениться друг на друге! Я Эргиану даже предложила, когда они с его величеством до утра засиделись над денежными табличками.

— И что принц? — с любопытством спросила Джиад, невольно улыбнувшись.

— Та-а-а-кие испуганные глаза сделал! — протянула Леавара, и обе иреназе расхохотались, даже служанки захихикали, а Леавара, изнемогая от смеха, продолжила: — Сказал, что его величество ему, конечно, дорог... Но хватит и того, что им днем приходится видеть друг друга чаще, чем своих избранных. А если они еще и поженятся... Тогда Эргиан точно не перенесет столько счастья!

— Очень на него похоже, — рассмеялась Джиад, и почувствовала, как напряжение уходит, словно вымытое из души этим смехом.

Алестар любит ее, в этом нет никаких сомнений. И рядом друзья, первые в ее жизни, настоящие и верные.

Правда, Санлия с Лилайном уплывут на землю сразу после свадьбы, лорд Гленарвиль уже прислал письмо с гарантиями полной безопасности наемника. По злой шутке судьбы невольное предсказание Джиад капитану аусдрангской королевской гвардии сбылось. Она, помнится, советовала гвардейцу не ждать благодарности от тех, кому он столь рьяно служит. Именно так и вышло, его обвинили в смерти Торвальда и казнили, чтобы избавиться от свидетеля, а заодно очистить имя Лилайна. И Джиад, узнав, поймала себя на том, что не сочувствует капитану. Слишком хорошо она помнила, каким увидела Лилайна после пыточных подвалов Аусдранга. А ведь капитан как раз там стражей и заведовал. Понятно, что приказывал палачам Торвальд, но его интересовало лишь то, что Лилайн должен был рассказать, а вот едой и водой несчастных узников обделяли жадные и ленивые гвардейцы с позволения капитана...

Что ж, главное, что посольские грамоты Карраса написаны и подкреплены печатями иреназе, и через надежных людей Лилайн уже купил в Адорвейне дом, причем не на свое имя, а для Санлии, чтобы она чувствовала там себя хозяйкой. И бывшая наложница нетерпеливо ожидала расставания с морем, задержавшись только ради свадебного торжества.

Не переставая весело болтать, Леавара переделалась в тунику, принесенную служанками из ее покоев. Светловолосая и синеглазая иреназе выбрала наряд из многослойного шелка лазурных и бирюзовых тонов. Разумеется, к нему полагались украшения из оправленных в

золото сапфиров, а нежное личико Леавары даже без краски сияло свежестью, но она все равно искусно подвела глаза синим.

— Я так жду запечатления! — доверчиво призналась она и тут же смутилась, виновато взглянув на Джаад. — Ой, простите... Я не хотела...

— Ничего, — улыбнулась Джаад. — Люди все равно его не чувствуют, поэтому я ничего не потеряла. Жаль, что Алестару не повезло.

— Я думаю, если бы он мог выбирать, он бы все равно отказался, — тихо сказала Леавара, глядя Джаад в глаза. — Если кого-то любишь, то честнее делить все на двоих. И запечатление, и... его отсутствие.

— Если кого-то любишь, то желаешь ему лучшей доли, чем себе, — вздохнула Джаад. — Он, может, и отказался бы, а я вот жалею, что лишила его такой радости. Но это его собственный выбор, и я за него благодарна.

— Вы будете ему очень хорошей супругой, — улыбнулась Эрувейн, подплывая и беря Джаад за руку. — Акаланте давно не видело счастья в королевской семье, и мы все рады принять вас как свою королеву. Ну, разве что Миалара... Но ходят слухи, что она собирается замуж. Вы не представляете, куда! В Суалану!

— Жаль мне ее... — задумчиво проговорила Леавара.

— Миалару? — поразились Эрувейн, растерянно взглянув на подругу. — С чего это?

— Не Миалару, а Суалану, — очень серьезно поправила Леавара. — Хотя знаешь, ты права! С чего это я должна жалеть Суалану?! Они друг другу идеально подходят!

И девушки снова рассмеялись.

Раздался удар колокола, тяжелый, разносящийся далеко по воде, проникая даже через каменные стены дворца, и Леавара с Эрувейн посерьезнели.

— Вот теперь и в самом деле пора, — вздохнула Леавара. — Джаад, я так рада, что мы делим этот день и праздник. Его величество зовет Эргиана и Маритэль родственниками. Мне это сначала казалось очень странным, они ведь никак не связаны кровью, а потом я подумала, что это мудро и правильно. Я люблю своего брата Камриталя, но настоящую семью не выбираешь, ее тебе дарят боги. Зато можно выбрать самой, кого считать родным по духу. Я всегда мечтала о сестре... Вы ведь не против? Мы с Эруви сочли бы это честью...

— Я тоже считаю это честью, — сказала Джаад и посмотрела в лицо обеим девушкам. — И рада буду назвать родными и вас, и тир-на Эргиана. И, наверное, Дэлору с Маритэль, когда узнаю их лучше. Здесь мой новый дом, и я счастлива, что он принимает меня всем сердцем.

Эруви, смущенно улыбаясь, потянулась ее обнять, но Леавара тут же вскрикнула, что прическа! И туника! И если у Джаад размажется краска на глазах, то она, Леавара, Эруви за хвост оттаскает! И обе девушки, подхватив Джаад под руки, почти понесли ее сначала к дверям, а затем по длинным дворцовым коридорам, где встречные, улыбаясь, низко кланялись и давали им дорогу, прижимаясь к стенам.

— И ничего там нет страшного, — уговаривала Леавара вслух то ли себя, то ли Джаад. — Подумаешь, свадьба! Ну, родственники... Гвардия, конечно в полном составе, Камриталь их пригласил. Хотя мог бы и не приглашать, все равно весь Акаланте и так приплывет... И еще из других городов гостей будет... немного, наверное. Сотни две, не больше! Кариандцы, конечно, кто успел приплыть. Эти точно как один явятся, еще бы они свадьбу своего принца пропустили. Но Эргиан обещал, что его родичей не будет, значит, обойдется без убийств. Суаланский посол, новый... Ой, лишь бы его кариандцы не увидели, а то без убийства может и не обойтись. Из Маравей кто-то... Только бы не забыть, какую руку Эргиану протягивать! Сначала правую, чтобы он браслет снял, потом — левую, чтобы опять надел. Только бы не забыть...

— Успокойся, Леавара, — утешала ее Эруви снова подозрительно серьезным тоном. — У тебя всего-то две руки! Разберешься как-нибудь, с хвостом не перепутаешь. Лишь бы твой Эргиан в щупальцах не запутался, не зря же ты ему их рисовала. Вдруг вылезут?

Леавара сердито зашипела, а потом очень добрым голосом напомнила, что Эруви еще не раз приплывет к ней краситься. И если вдруг случайно уплывет зеленой в красивую золотистую полоску, то сама виновата будет... И вообще, уж кто бы про щупальца язвил, самой Эрувейн

после запечатления с Даголаром давно известно, есть ли они у кариандцев и где именно.

— А что делать с лентой? — вспомнила вдруг Джад.

Как раз на свадьбе Эрувейн Алестар что-то говорил об этом, но она была так зла на него, что не запомнила.

— Лентой жрец должен связать руки избранных! — торопливо объяснила Леавара. — На левых будет браслет, а на правых — лента. Ее потом снимают, и избранная отдает ее, кому сама захочет.

— Я вам отдать собиралась, — вздохнула Эрувейн. — Жаль, что так получилось. Леавара, ты уже выбрала?

— Маритэль, конечно! — уверенно сказала юная иреназе. — А вы, каи-на?

— Не знаю, — отозвалась Джад, понимая, что они уже почти доплыли и впереди огромный зал, самый большой, что она видела во дворце. — Наверное, Дэлоре?

— Она не хочет! — в один голос сказали Леавара с Эрувейн. — Сказала, что сначала прочтает все книги в королевской библиотеке Акаланте, и о любви ей думать некогда. И ленту просила ей не отдавать!

— Тогда и не знаю даже, — улыбнулась Джад.

Она глубоко вдохнула, успокаиваясь, и проплыла в распахнутые настежь огромные двери, за которыми на нее обрушился яркий свет множества шаров туарры, безумие красок в нарядах и драгоценностях иреназе и шум голосов... который почти мгновенно сменился тишиной.

Сотни морских жителей торопливо освобождали ей путь, образуя в воде коридор, по которому Джад с Леаварой плыли к высокому алтарю у дальней стены зала. Чьи-то лица были ей прекрасно знакомы, чьи-то — очень смутно, а многие и вовсе неизвестны. К обычным светлым и рыжим волосам акалантцев добавились темные, каштановые и совершенно белые — это, наверное, были гости из Карианда и Маравеи. Мелькали и явные уроженцы Суаланы, смуглые, черноволосые и с хвостами глубокого синего цвета.

И все они смотрели на Джад с любопытством, восторгом, скрытой или явной неприязнью... Впрочем, последних было совсем немного. Взгляды, шепотки... Леавара плыла рядом, держась грациозно, как истинная аристократка, но ее светлое лицо заливал густой румянец, а ресницы дрожали...

А алтарь все приближался, словно не Джад с Леаварой подплывали к нему, а большой, слегка обтесанный камень двигался им навстречу. Джад невольно вспомнила скалу Всеядного Жи, но это, конечно, была не она. Перед алтарем замерли двое нарядных иреназе, рыжий и светловолосый, которые медленно повернулись к ним, и Джад сразу встретила отчаянный взгляд ярко-синих глаз Алестара.

Король иреназе смотрел на нее так, будто Джад должна была объявить ему смертельный приговор или помилование. Неужели он еще в чем-то сомневается? Она ведь приплыла. Сюда, к нему. Не отрывая своего взгляда, подплыла совсем близко, и вокруг зашумели, а Джад растерянно подумала, что совсем не знает свадебных обычаев иреназе. Про браслет и ленту ей рассказали, но ведь это не сразу? Прямо сейчас ей что делать? Благие боги, какое счастье, что рядом Леавара!

Поглядывая на юную каи-на краешком глаза, Джад повторяла за ней все движения. Она подала Алестару руку и заняла место слева от него, немного успокоившись от пожатия крепких пальцев. Поклонилась жрецу в яркой тунике Троих, вззирающему на них с умилением и торжественной радостью на плутоватой физиономии. Кажется, у Тиарана появился достойный преемник. Но, возможно, судьба предшественника этого амо-на чему-то научит?

В голову лезли какие-то глупости, Джад снова попыталась сосредоточиться. Искоса взглянула на серьезное бледное лицо Алестара, словно высеченное из мрамора. Известно, было ли это частью ритуала, но роскошная солнечно-рыжая грива его была распущена и огненной волной ниспадала на спину до пояса, оттеняя синюю тунiku. Только на висках Алестар заплел волосы в пару тонких косичек, чтобы не мешали. Украшений на нем не было, кроме золотого браслета с рубинами на правой руке, парного к браслету Джад. И еще Сердце Моря, теперь уже истинное, горело на его груди празднично алым сиянием.

Слева от Джаид замер Эргиан, тоже держа Леавару за руку. Его туника излюбленного светло-серого цвета была расшита жемчугом, как и при первой их встрече на Арене, волосы распущены. Но что-то в кариандском принце изменилось.

Улучив момент, когда жрец повернулся к алтарю, Джаид не удержалась и рассмотрела Эргиана, как раз поглядевшего в ее сторону. Тонкое лицо принца, казавшееся ей прежде некрасивым и бесцветным, словно налилось изнутри серебряным светом, ресницы и брови стали немного темнее, губы — неуловимо ярче и четко очерченными.

Это был все тот же Эргиан, и все-таки иной, словно неведомый художник прорисовал его черты тонкой деликатной кистью, невесомо их подчеркнув, и вдруг оказалось, что кариандец изумительно хорош собой. Что лицо у него не только умное, но и чеканно изысканное, как старая серебряная гравюра великого мастера. Леавара? Она же его накрасила! И вышло это не смешно или противно, как обычно смотрится краска на земных мужчинах, а так, словно кто-то стер паутину и пыль, за которыми Эргиан прятался, и показал остальным то, что избранная кариандца сама давно разглядела в нем глазами своей любви.

«Пожалуй, хорошо, что Алестар, вопреки обыкновению молодых иреназе, терпеть не может ни драгоценностей, ни красок для лица, — подумала Джаид, переводя взгляд на него. — Ему, такому яркому, ничего этого не нужно. Но я обязательно попрошу Леавару нарисовать его портрет. Потому что ничего более красивого даже представить не могу».

Жрец повернулся к ним, и Джаид замерла, погрузившись в происходящее и наконец поверив, что все это происходит с ней. Звучали древние слова обращения к Матери Море, и Джаид знала, что никогда не забудет величественный и прекрасный лик обеих богинь. У иреназе брак лишь подтверждает запечатление, но для них с Алиэром он станет окончательным шагом друг к другу.

— Алестар, дитя Кариалла и Немеллы, берешь ли ты, чья рука в твоей руке, в супруги перед ликом богов и морского народа? Клянешься ли беречь и хранить ее во время штиля и во время шторма? Станет ли она жемчугом твоего сердца, избранной и запечатленной... — Жрец сбился, но невозмутимо закончил: — Ибо то, что связала Мать Море, смертным не разорвать во веки веков.

— Клянусь! — торопливо ответил Алестар и сильнее сжал ладонь Джаид, словно боялся ее потерять.

— Джаид, дитя... Арубы! — ловко вывернулся жрец. — Берешь ли ты того, чья рука...

— Клянусь! — уронила Джаид, выслушав все до конца.

И почувствовала, как пальцы Алестара тянут браслет с ее предплечья.

Когда привычная тяжесть исчезла, она вдруг почувствовала себя хуже, чем голой! Одинокой... Протянула другую руку, стараясь, чтоб это не вышло слишком торопливо, и Алестар поспешно надел ей браслет снова. Обручальная драгоценность села плотно и мягко, словно была там всегда, и Алестар протянул ей свою руку.

Дождавшись, пока они обменяются браслетами, жрец взял с алтаря длинную широкую ленту, расшитую золотом, и плотно, но не туго обвязал их свободные запястья, для чего Алестару пришлось повернуться к Джаид лицом.

— То, что сочетала Мать Море, не разлучить смертным! — провозгласил жрец, и огромный зал, полный иреназе, закричал в едином ликующем порыве.

А рыжий потянулся к ней, обняв за плечи, и Джаид запоздало поняла, почему избранных связывают именно лицом один к другому. Так удобнее целоваться!

Жрец уже читал священные клятвы для Эргиана и Леавары, те отвечали, а Джаид закрыла глаза, чувствуя, что прохладными губами, упругими, нежными и настойчивыми, ее целует само море. Это море смотрело на нее из глубокой синевы глаз Алестара, струилось в его волосах поймавшей закатный луч волной, серебрилось блеском его чешуи. Море ласкало ее и держало крепко, обещая никогда не отпустить. И Джаид раскрыла ему губы, как раньше раскрыла сердце, уже не замечая, как вокруг снова ликуют свидетели двойной свадьбы.

— Моя... — прошептал Алестар, отрываясь от ее губ и глядя пьяными глазами. — Избранная. Любимая. Сердце мое.

— Твоя, — тихо отозвалась Джиад, зная, что он услышит. — Как и ты мой.

Потом чьи-то ловкие руки опустили ей на голову ажурный золотой обруч, на котором вместо зубцов были волны, и такая же корона впервые на ее памяти украсила голову Алестара. И со всех сторон хлынули желающие поздравить.

И их с Алестаром, и Эргиана с Леаварой обнимали, словно в этот день стерлись все различия между королевской кровью и простыми подданными. Герувейн и Даголар с Эруви, сияющий Ираталь, советники и придворные, простые слуги... Церемонно поклонившийся суаланский посол и с искренним почтением благодарящие Алестара кариандцы... Дару, которому Джиад успела только руку пожать и пообещать, что обязательно поговорит с ним потом. Бывшие наложницы, жрецы, базарный торговец, который когда-то пожелал им с Алестаром многочисленного потомства... Словно все море поздравляло своего возлюбленного короля и его избранную.

Джиад искала глазами Санлию с Каррасом и, наконец, нашла их. Улыбаясь, позвала взглядом, и наемник подплыл вместе с суаланкой, которая теперь выглядела совсем как человек. Леавара уже избавилась от своей повязки, где-то в той стороне восторженно благодарила ее Маритэль, и Джиад решительно стянула ленту, освобождая их с Алестаром запястья, и протянула ее Санлии.

— Я желаю счастья, — сказала она. — От всего сердца! Запечатление не так уж важно, мы обе знаем это теперь. Оно не приносит любовь туда, где ее нет. Поэтому я желаю любви, а остальное она приведет с собой.

— Благодарю!

Прекрасное лицо Санлии озарилось изнутри, и она бережно повязала ленту на свою руку.

— Мы с Лилайном решили уплыть завтра утром, — сказала она. — Сейчас будет свадебный пир, а потом у вас найдутся... более важные дела. Так что примите наши поздравления сейчас, и пусть прощанье будет недолгим и полным ожидания новой встречи.

Она протянула Джиад длинную жемчужную нить и добавила:

— Пусть ваши годы будут светлыми, как этот жемчуг, и такими же многочисленными.

Лилайн, коротко поклонился Алестару, спокойно держащемуся рядом, и обнял Джиад, а потом, отпустив, усмехнулся:

— Даже не знаю, что тебе подарить. Не каршамскую саблю же...

— Турансайского пришли, — серьезно попросила Джиад. — И осторожнее там.

— Договорились, — кивнул алахасец. — Пока я жив, турансайское у ваших морских величеств не переведется.

Он обменялся долгим взглядом с Алестаром, потом оба разом церемонно склонили головы, отдавая друг другу должное, и Лилайн с Санлией снова затерялись в толпе.

— А нам обязательно быть на пиру? — тихо спросила Джиад, готовясь терпеть ради королевских обязанностей, но смутно надеясь, и Алестар не обманул ее ожиданий.

— Лично мне поздравлений уже достаточно, — фыркнул он. — Если хоть половина сбудется, счастья у нас будет больше, чем песка на морском дне. Сбежим?

— Сбежим, — улыбнулась Джиад.

Совсем по-настоящему сбежать не получилось, до покоев их проводили с должной торжественностью. Внесли следом кучу подарков, которые положили прямо на пол к тем, которые принесли раньше. И спальня Джиад стала напоминать не то разбойничий притон с горами награбленного добра, не то базарный склад, не то королевскую сокровищницу.

— Вот бы Жи обрадовался, — устало пошутил Алестар, снимая корону и взлохмачивая рыжие волосы. — Где он, кстати? Очень не хочется, чтобы оказался под одеялом в самый важный момент.

— Наверное, слуги увели. Сюда же начали приносить подарки, он бы непременно что-то погрыз.

Джиад с сочувствием посмотрела на Алестара. Супруга. Мужа. Возлюбленного. Столько слов, непривычных и отныне совершенно необходимых. Правда, про себя она все равно будет звать его рыжим. Слишком привыкла. Ну и ладно. Если она для Алестара — сердце, то он — ее собственное солнце на дне моря. Горячее и золотое, несмотря на чешую. А сейчас еще и уставшее.

— Хочешь, я тебе плечи разомну? — тоже сняв свою корону, сказала Джиад, чтобы хоть немного выплеснуть наружу теплую нежность, переполнявшую ее. — И спину...

— Хочу, — согласился Алестар. — Очень! Только не сегодня. Я не для того пропустил свадебный пир, чтобы просто валяться в твоей постели и ничего не делать.

— Очень грозно звучит, — подразнила его Джиад. — Ну что ж, ваше рыжее величество, тогда делайте, что собирались, а валяться пока буду я.

Она напоказ растянулась на ложе — единственном свободном от подарков месте, которое осталось в спальне. И тут же ойкнула от неожиданности — что-то чувствительно укололо в спину.

— Джи? Что случилось?!

Алестар одним взмахом хвоста оказался рядом раньше, чем она успела сказать, что ничего страшного. Просто что-то колющее в постели. Непонятно только, откуда.

Сдвинувшись, Джиад старательно пошарила в мягких складках одеяла и извлекла огромный панцирь краба. Как раз любимого размера Жи — с тарелку. Потом — побелевшую от воды деревяшку... Обрывок водоросли...

— Кажется... кажется, тебе принесли подарок, — еле проговорил Алестар сквозь смех. — Много подарков! А в самом деле, Жи поглядел, что сюда тащат всякое и решил, что с него тоже причитается поздравление! Ты рада?

— Очень! — с чувством сообщила Джиад, выдирая из постели еще один крабовый панцирь, крепкий, колючий.

К выбору подарков салру отнесся очень старательно. Наверняка, это самые лучшие панцири, которые только можно здесь добыть. А вот кусок старого каймура уже изрядно подгнил. Впрочем... Не тот ли это каймур, который для Жи сплел когда-то Алестар.

— Похоже, это тебе подарки, а не мне, — заметила Джиад, показывая рыжему его собственное изделие. — Видишь, он его хранил!

— Я тронут!

Фыркнув, Алестар сгреб подаренные сокровища и спихнул их на пол. Джиад вдогонку кинула грязную раковину, невзрачную и шершавую, но большую, в две с лишним ладони.

— Погоди-ка...

Алестар неожиданно раковиной заинтересовался. Покрутил ее в пальцах и хмыкнул:

— Жемчужница. Только слишком ровная, в таких жемчуга не бывает. Жалко. Да и негде ему тут взяться, он растет на суаланских отмелях... Выкинь.

— Даже не посмотрим? — неожиданно для себя расстроилась Джиад. — Вдруг есть хоть маленькая?

— Ты жемчуга хочешь? — поразился Алестар, даже хвостом плеснув от удивления. — Только скажи! В сокровищнице он отборный, крупный, любого цвета!

— Это в сокровищнице, — тихо отозвалась Джиад, отводя взгляд и роняя раковину в кучу остальных «подарков» Жи. — Я никогда не видела раковину с жемчугом внутри. Только слышала... А если бы найти самой, хоть маленькую!

— Ну-ка...

Алестар поднял жемчужницу, примерился к накрепко закрытым створкам. Глянул на Джиад и предупредил:

— Ты только не расстраивайся, ладно? В таких раковинах и правда жемчуга не бывает, но я раскрою, конечно. А потом найдем тебе настоящую жемчужницу! Если не в Суалане, так в Маравею сплаваем в гости...

Не переставая говорить, он наметанным взглядом отыскал в грудке подарков богато украшенный стальной лоур, выудил его и несколькими небрежными движениями вскрыл створки раковины. Джиад, которой уже стало стыдно за свой каприз, любопытно заглянула внутрь. Обломки перламутра, отлетевшего от створок, слизистая плотная масса... Пожалуй, зря только погубили жемчужницу. Ну и что, если в ней нет жемчуга. Самому моллюску он и не нужен... И вообще, чем они занимаются в свадебную ночь? Сидят на кровати среди крабовых панцирей с деревяшками и ломают ракушку?! Джиад едва не рассмеялась, но сдержалась. Еще не хватало, чтобы Алестар обиделся.

— Ничего себе, — вдруг растерянно произнес рыжий, что-то достав из неприятного вида серо-розовой массы. — Джи! Ты только посмотри!

Он протянул ей ладонь, глядя восхищенно, заворуженно и благоговейно, но, почему-то, на Джиад. А ведь должен был смотреть на огромную, идеально ровную жемчужину чудесного золотого цвета, словно вылитую из расплавленного металла.

— Так не бывает, — сказал Алестар почти жалобно. — Это... это все равно, что в Арене копнуть песок и достать ее...

— Или выиграть, — улыбнулась Джиад, полюбовавшись жемчужиной, а потом поймав изумленный взгляд Алестара. — Ты ведь хотел Золотой Жемчуг? Чем тебе не он? Знаешь, Всеядное Жи, конечно, пообещало, что оставило нашего салру, но... кажется, оно любит пошутить. И это то ли выигрыш, то ли подарок на свадьбу.

Она придвинулась ближе, укладывая ему голову на плечо и с безупречной убежденностью понимая, что ночей любви у них будет еще много, но вот сейчас ее место — в объятиях Алестара и не иначе.

— Знаешь, — сказала Джиад негромко, — я никогда не заглядывала в будущее слишком далеко. Страж должен проводить каждый день как последний. Те, у кого есть надежда, начинают дорожить собственной жизнью, а жрецам Малкависа подобное непозволительно. А вот сейчас я хочу жить долго-долго! И счастливо. Потому что время скорби закончилось, нельзя вечно тосковать о прошлом.

— Ты права, — тихо согласился Алестар, обнимая ее. — Сегодня я разговаривал с Эргианом... Он помнит, но не скорбит. Помнит все хорошее, что было между ним и его другом, но не позволяет боли утраты встать между ними. Джиад, можно мне тебя попросить? Я хочу завтра навестить поля последнего покоя, где лежат... мои родители... и Кассия. Ты поплывешь со мной?

— Куда угодно, — сказала Джиад, легко и нежно касаясь губами его плеча через широкий ворот туники. — Я буду везде, где нужна тебе. Для того я и осталась, чтобы делить с тобой и радость, и печаль.

— Время скорби закончилось, — повторил Алестар и потянулся к ее лицу губами. — Шторм прошел, и вот-вот выглянет солнце.

Он осторожно вытащил шпильки, все еще удерживающие волосы на ее висках, а она помогла ему стянуть тунику. Они раздевали друг друга бережно, как в первый раз. И целовались, и касались друг друга, как истинно драгоценного сокровища, заглядывая в глаза, слушая дыхание, мягко колеблющее воду между ними, узнавая другого заново, отдавая и принимая любовь, как величайший дар.

Ни Сердце Моря, ни Золотой Жемчуг, ни клад каршамского шаха не могли сравниться с этим даром, потому что он становился во много крат огромнее, если был разделен на двоих. Таково великое свойство любви, она растет в твоём сердце, когда щедро отдаешь ее кому-то другому, а если забираешь, алчно копя и ни с кем не делишься, она утекает, как вода сквозь пальцы.

У Джиад и Алестара была впереди ночь, полная любви, а потом еще и целая жизнь, и каждую каплю ее они собирались разделить и тем самым преумножить.

Глава 20. Да здравствует король!

День, назначенный для избрания нового короля Аусдранга, был столь солнечным и радостно ясным, словно сами боги очистили небо от малейшей тени. Наверное, тоже не хотели пропустить зрелище!

Джиад вынырнула из поднявшей ее волны и уже привычно отфыркалась. Тело, которому больше не нужен был кулон морского дыхания, легко перенесло смену воды на воздух, но привычка требовала выплюнуть воду и вообще дать себе почувствовать, чем дышишь именно сейчас. Прохладный ветерок высушил капли воды на щеках, пошевелил упавшую на лицо тонкую прядку. Джиад отбросила волосы назад и оглянулась в поисках плота.

Рядом почти без брызг вынырнул Алестар, море выпустило его легко и ласково, словно зная, что иреназе покидает глубину совсем ненадолго и вскоре вернется обратно. Ревнивая стихия! Но отныне благосклонная к Джиад, словно любящая мать...

Опираясь рукой о спину Серого, Алестар тоже оглядел волны и заметил качающийся на волнах плот, с которого уже махал Каррас. Вдохнул, бросил на Джиад взгляд искоса, но ничего не сказал, и она, оценив, повернулась в упругой толще воды, прильнула к теплой груди возлюбленного. Подняла голову и улыбнулась, чувствуя, как Алестар одной рукой придерживает ее за плечи, а второй гладит мокрые лохматые волосы.

— Я вернусь вечером, обещаю, — сказала она то, что уже говорила не раз. — Ну что ты...

— Прости, — вздохнул Алестар. — Я понимаю. Но если бы я мог отправиться с тобой! Или хотя бы дать тебе надежную охрану.

— Еще надежней? — вскинула Джиад брови, чувствуя непреодолимую потребность слегка поддразнить его. — Мало того, что Каррас поклялся с меня глаз не спускать и окружить своими людьми? Мало, что лорды Аусдранга поручились за мою безопасность? И мало, что древнее божество обещало за мной присмотреть? Ну и конечно, я же сама по себе такая беззащитная!

— Джи... — Алестар взгляделся в ее лицо и снова укоризненно вздохнул: — Как ты не понимаешь? Конечно, ты лучший воин из всех, кого я знаю. И Каррасу я доверяю. А земные каи-на в узел завяжутся, лишь бы не лишиться дружбы со мной. Но даже если Трое Благих явятся и осенят тебя своей защитой, я все равно буду беспокоиться. Просто потому, что ты — там, а я — здесь. Потому что я люблю тебя...

Он улыбнулся, и Джиад почувствовала себя виноватой. Может быть, и вправду не стоило настаивать? Подумаешь, выборы нового короля! Кто бы это ни оказался, во дворец Акаланте вскоре пришлют свежие новости вместе с подарками от преемника Торвальда. Нет никакой необходимости выбираться на сушу.

На сушу... Она сама удивилась, как легко и равнодушно подумала об этом, словно не было бесконечных дней и ночей, наполненных тоской по земной тверди, по воздуху и теплу огня, привычной еде и сухой одежде. Все это ощущалось чем-то приятным, но далеким от необходимости. Как изысканные яства, которые можно попробовать при случае, но простые любимые блюда ничуть не хуже.

Мать Море оказалась права, как и следовало ожидать. Джиад больше не чувствовала себя чужой в ее владениях. Вода приносила ей краски и запахи, вкусы и прикосновения, непривычные, но понятные и потрясающе интересные. Волны качали ласково, уверяя, что в их надежных терпеливых объятиях она в безопасности, а глубина манила ощущением родного дома, которое ни с чем не спутать, узнав его хоть раз.

— Прости...

Она уткнулась губами в твердое влажное плечо Алестара, не торопясь покидать кольцо сильных заботливых рук, почти с удовольствием растягивая прощание. И про себя подумала, что если он скажет еще слово против — будет легко и просто отменить эту поездку.

— Я никогда не стану держать тебя силой, — тихо ответил Алестар, словно прочитав ее мысли. — Но всегда буду ждать твоего возвращения. Море в твоей крови позовет тебя обратно, любовь моя. Не как пленницу, а как свое дитя. Плыви, Джиад. Насладись этим днем, и пусть он принесет тебе только радость.

— Я вернусь... — беспомощно повторила Джиад, чувствуя и смущение, и благодарность, и

невероятную нежность за его доверие и уважение к ее свободе. — К тебе и к морю!

Мягко высвободившись, она торопливо поплыла к плоту, легко рассекая волны, которые будто сами подталкивали ее в нужном направлении. Неужели она когда-нибудь привыкнет и станет принимать это как должное? Как иреназе, которые с этим родились?

Добравшись до плота, она ухватилась за край, подтянулась и выбралась на гладкие, нагретые солнцем доски. Обернувшись, помахала качающемуся в волнах медно-золотому пятну. Алестар махнул ей в ответ, а потом рыжина его волос пропала, вместо нее мелькнул роскошный блик серебряного хвоста — и волны опустели.

Четыре матроса, сидящие на другом краю плота, с восторгом уставились на ее грудь, облепленную тонкой шелковой туникой, и отвернулись, только когда Каррас на них рыкнул. Джад немного помедлила, дождавшись, когда алахасец тоже отведет взгляд. Не из стыдливости — что там он у нее не видел? Просто нехорошо дразнить того, кто перестал быть любовником, но остался другом.

— Держи полотенце! — протянул ей Лилайн целое покрывало, которое Джад набросила на плечи, не торопясь вытираться.

Ее одежда, заботливо приготовленная Каррасом, лежала на матросском сундучке в паре шагов, но Джад с удивлением поняла, что натягивать чистые, сухие и теплые вещи ей не хочется. То есть надо бы, конечно, день ясный, но прохладный, однако теперь она понимала иреназе, которые всегда обходились одной туникой с поясом, да и то больше ради красоты и сословных различий. Тело, привыкшее к свободе, не хотело в плен даже самой лучшей ткани и замши. И вообще холод не доставлял ей таких неудобств, как раньше — еще одно приятное преимущество любви моря.

Быстро стянув мокрую тунику, неприятно липнущую к коже, она бросила ее на плот и подумала, что переодеваться больше не станет. Когда придет время возвращаться под воду, так и уплывет в земной одежде, а снимет ее уже дома. Дома...

Все-таки она вытерла волосы, которые уже почти достигали пояса. Расчесала их гребнем, позволив сохнуть дальше, и не торопясь натянула принесенные Лилайном вещи: полотняную рубашку с подштанниками, любимые замшевые штаны и куртку, пояс и сапоги. А потом протянула руку и, не веря своим глазам, взяла то, что лежало под вещами, прикрытое еще одним полотенцем. Ее клинки! Правый — длиннее, левый — немного короче. Парные клинки стража Малкависа, голубоватая узорчатая сталь, спрятанная в потертых кожаных ножнах, костяные рукояти с насечками...

— Лилайн... — прошептала она почти беззвучно одними губами. — Ты нашел их...

— Ну как я мог не найти часть твоей души? — усмехнулся наемник чуть грустной, но светлой улыбкой. — Ты же помнишь, оружие как жена — одни руки знать должно. Вытри волосы получше, а то ветер!

— Не замерзну, — отмахнулась Джад, прижимая к груди тяжелые мечи.

Рукояти так и просились в ладонь!

Она не удержалась, щелкнула застегками и одним плавным движением стряхнула ножны, освободив светлую сияющую сталь, прижалась губами сначала к правому клинку, потом к его младшему брату... И опомнилась лишь, когда в глазах предательски защипало, а губы свело то ли холодом, то ли внезапной немотой. Убрала клинок от лица, вдохнула соленый морской ветер и облизала губы, чувствуя на них почти такую же соль. Ничего, это не стыдно. Оружие — и вправду часть души воина.

— Спасибо...

Она подняла взгляд на Лилайна, и наемник кивнул.

— Жаль, если под водой заржавеют, — сказал он спокойно. — Или ты их в свой храм отправишь?

— Не знаю...

Джад растерянно пожала плечами и присела на опустевший сундучок, пока моряки принялись сноровисто грести веслами, отводя плот обратно к берегу.

А в самом деле, что теперь делать с мечами? Сталь, выкованная лучшими арубскими мастерами, вряд ли быстро поддастся действию воды, особенно, если хорошо смазывать. Но рано или поздно море ее победит. Это ведь не «каршамцы», вроде сабли и кинжала, что теперь красуются на поясе Каараса. И видеть, как чистый доблестный металл превратится в ржавую труху, будет невыносимо.

Да и зачем ей мечи в Акаланте? Для боя под водой они непригодны, даже если предположить, что ей когда-нибудь снова придется сражаться. Не зря иреназе бьются лоурами и трезубцами, острогами, недлинными ножами, только не мечами. Глупо обречь верное оружие на бесславную смерть, зная, что больше им не воспользуешься.

Наверное, Лилайн прав? Клинки следует отправить в храм Арубы, и пусть они упокоятся в залах Памяти, как оружие тех стражей, что пали, исполняя долг. Она ведь и в самом деле все равно что умерла для храма.

Плот мягко ткнулся в песчаное дно, и Лилайн первым прыгнул на берег, помахав небольшому отряду, ожидающему в тени высокой скалы. Полдюжины человек, оседланные лошади... Джад шагнула следом, с замиранием сердца пытаясь понять, что она чувствует, впервые за долгое время ступив на твердую землю. Радость? Ощущение правильности? Она так долго мечтала об этом!

Все тот же морской ветер будто обнял ее за плечи, принесся запах соли, водорослей и еще далекого, но приближающегося шторма. Джад новым чутьем знала совершенно точно, что шторм идет с востока, там грозовые тучи изрядно пролились над морем, но все еще тянут тяжелое влажное брюхо сюда, к скалистым берегам, и косяки рыбы уходят в глубину.

Чем дальше она уходила от кромки воды, тем слабее становились эти ощущения, ветер не стихал, но терял оттенки, становясь теплее, но суше и словно бы пресным. Джад даже поморщилась, когда поняла, что высохшие волосы неприятно жестки и пушисты. Снова достав из кармана предусмотрительно убранный гребень, она быстро пригладила их и связала узлом, как обычную веревку. Не слишком красиво, зато рассыпаться не будут. А ведь Алестар предлагал заплести ей косу! Нет, заупрямилась почему-то, забыв, что на земле волосы слушаются совершенно иначе. Она перекинула волосы назад, убрала гребень в карман, поправила мечи, привычно занявшие место на поясе, и лишь затем подошла к воинам Лилайна.

— Мои люди, — сказал Каррас не без гордости. — Ну, Хальгунд ты помнишь, а остальные новички.

Верзила Хальгунд, последний из прежнего отряда Карраса, расплылся в улыбке, и Джад улыбнулась в ответ.

— Примите мое почтение, госпожа жрица, — пробасил Хальгунд. — Не думал, что еще свидимся, а вон оно как боги пошутили! Нашего Лилайна луну назад за убийство короля разыскивали, а теперь ну-ка, целый господин посол, важная птица! Да и вы, говорят...

Он осекся, но тут же ухмыльнулся, виновато и лукаво глянув на Джад.

— Люди всегда что-нибудь говорят, — пожала она плечами. — Доброго дня, Хальгунд. И вам доброго дня, господа!

Наемники, а это явно были не королевские солдаты, слишком уж разношерстная и хищная компания, ответили кивками, легкими поклонами и любопытными взглядами, впрочем, не выходящими за границы приличия. Почти тут же они отвернулись, вполголоса беседуя о своем, и Джад про себя усмехнулась. Надо же, вот теперь она сама попала в охраняемые особы. А опытные стражи смотрят не на того, кого берегут, а по сторонам... Впрочем, один из воинов, светловолосый и широкоплечий, не сводил с нее глаз, и она взглядом указала на него Каррасу, вопросительно подняв бровь.

— Ага, с ним вы тоже виделись, — не без удовольствия подтвердил алахасец. — Райгар нас встречал той ночью на берегу. А теперь ко мне пошел в новый отряд.

Вот кто это, значит? Предводитель наемников, служивший иреназе, когда Лилайн привез Джад к морю. Тот, кто передавал письма Торвальду от Тиарана и обратно.

Райгар блеснул глазами, разглядывая Джад, потом учтиво приложил ладонь к груди.

— Рада знакомству, господин Райгар, — кивнула Джад. — Его величество Алестар просил при

случае передать, что помнит ваши услуги. Лилайн, — повернулась она к Каррасу, — мы сейчас в город? Что это вообще за ритуал такой с выбором короля? Лорд Крумас прислал письмо, но я не очень поняла, что там должно произойти.

— Нет, не в город, — покачал головой Каррас, и Хальгунд подвел им пару уже оседланных лошадей. — На Старый холм за восточной стеной Адорвейна. Ты что же, и вправду ничего не знаешь?

Он дождался, пока Джад оказалась в седле рослой гнедой кобылы с хитрым взглядом, и тоже вскочил на коня. Когда отряд выезжал с песчаной полосы берега на дорогу, Джад наметанным глазом стража отметила, что Хальгунд и Райгар держатся к Лилайну ближе всего, прикрывая его сбоку и со спины. Похоже, Каррас доверял светловолосому наемнику, и Джад была рада, что алахасец снова обзаводится верными людьми.

— Так что там с ритуалом? — спросила она, подставляя лицо потеплевшему вдали от моря ветерку.

Кобыла шла ровной рысью, и Джад поймала себя на мысли, что ей не хватает лоура. Глупо, конечно, она ведь отлично правит поводьями и коленями, но вот никак не отделаться от мысли, что и положение тела не то, и зверь под седлом неправильный. Впрочем, нет, даже не так. Сидеть в седле было приятно, она всегда любила ездить верхом, и лошади ей нравились. Но сейчас она чувствовала себя в точности, как в первые поездки на салту, когда уже научилась им править, но лошадь все равно была роднее и привычнее. Только теперь салту и кони будто поменялись местами в ее сознании. «Таковы игры Матери Море, — шепнул ей на ухо уже знакомый голос. — Она очень старается сдержать обещание, но не всегда понимает, как думают и чувствуют люди... Вот и меняет одно на другое. Как тебе теперь на суше?»

Жи! Она уже думала, что больше не услышит беззвучный для всех, кроме нее, лукавый голос. Даже захотелось обернуться, словно веселое божество было у нее за спиной, но Джад сдержалась.

«Странно, — подумала она, зная, что Жи читает ее мысли. — Так же непривычно, как раньше было под водой. Но я не жалею. И будь у меня возможность повернуть время вспять, я бы снова выбрала то же самое».

В это раз Жи промолчал, только снова ласковый ветерок пошевелил волосы Джад, словно озорная рука то ли потрепала, то ли погладила ее по голове. А еще показалось, что потеплел золотой ободок перстня Аусдрангов, единственное украшение, не считая брачного браслета, которое она сегодня надела, да и то лишь для того, чтобы потом передать его новому королю в знак дружбы морского народа.

— Сегодня на Старом холме соберется чуть ли не полкоролевства, — усмехаясь, начал Каррас. — Герольды неделю трубили по городам и селениям, что всякий, кто чист душой, здоров телом, совершенен добродетелями и верит в милость богов, может попытаться счастья. Ну, положим, чистоту души так просто не проверить! Вот Хальгунд, например, у нас всей душой верит, что эта самая душа у него чище родниковой воды. Верно, Халь?

— А почему бы и нет? — ухмыльнулся верзила под смешки воинов. — У сокола глаз острый, сразу разглядит, небось, что чист и того... совершенен! Вот стану королем, у-у-у... все девки мои будут!

— У сокола? — переспросила Джад, невольно тоже улыбаясь при мысли о Хальгунде, непонятной шуткой богов надевшем корону.

Корона в ее воображении сидела на верзиле набекрень и не слишком плотно, однако Хальгунду это не мешало. Удобно устроившись на троне, одной рукой он держал здоровенный кубок с вином, а второй прижимал сидящую у него на коленях девицу... А вокруг трона выстроилась еще пара дюжин красавиц, ожидающих своей очереди услужить новому королю.

Содрогнувшись, Джад не без труда отогнала видение и даже вздохнула свободнее.

— Сокол — гербовая птица Аусдрангов, священная, — пояснил Каррас. — Говорят, что первого Аусдранга, того самого, что был разбойником, короновал сокол. Его, видишь ли, казнить собирались принародно за всякие шалости на большой дороге да по деревням, а прежний король, который его приговорил и наблюдал за казнью, вдруг захрипел и помер прямо там, на помосте...

— Говорят, что тот Аусдранг сам был благородной крови, — заметил подъехавший ближе

Райгар. — И в разбойники подался не просто так, а потому что король отнял у него замок, титул и все имущество. Так что он не просто тянул и грабил, что под руку подвернется, а мстил королю. Ну и бедным раздавал добычу, как в сказках.

— Да наверняка часть раздавал, — рассудительно согласился Каррас. — Если хочешь долго гулять по лесам, и чтоб тебя крестьяне не выдали, а прятали при случае да всяким добром снабжали, скупиться и обижать простой люд нельзя. Иначе будет как с Росомахой, чтоб ему и на том свете невесело пришлось. В общем, король, не помню, как его звали, приказал долго жить! Не успела стража опомниться, а палач — довершить дело, как с неба слетел сокол, подцепил королевскую корону когтями и опустил ее на голову Аусдрангу. Тут-то и стало ясно, что это воля богов!

— Странно, что корону стянул сокол, — снова заметил Райгар. — Вот если бы ворон, это куда понятнее, они от блестящих вещей без ума.

— Ворон бы корону не поднял! — азартно возразил Лилайн. — Она же тяжелая. А сокол... сокол мог!

Джиад вспомнила корону Аусдрангов, ажурный обруч, украшенный драгоценными камнями, и про себя согласилась, что ворон вряд ли унес бы такую тяжесть.

— И как будут выбирать короля сегодня? — поинтересовалась она, пытаясь представить старинную легенду на новый лад. — Сокол, конечно, может уронить корону на чью-то голову, но сначала ему нужно ее подхватить!

— Я так думаю, — усмехнулся Каррас, — на волю богов наша знать не очень-то надеется. И отдавать корону первому встречному им точно не с руки. Научить сокола сесть на нужное плечо — дело не такое уж хитрое, беда в том, что никак им не определиться, чье это плечо должно быть. У недоброй памяти Торвальда наследников по закону не осталось, а доблестные лорды в очереди на трон толпятся, как наемники в кабацких дверях, когда вина осталась последняя баклажка, а через час в поход. Им бы кого-нибудь совсем со стороны, чтобы никому не обидно было, да где же такого найти? Хотя и вправду нашего Хальгунда бери!

— Нет уж, — заявил верзила. — Я тут подумал, не пойду в короли! Дел много, а свободы никакой! Еще и лорды завидовать станут, того и гляди, что-нибудь острое в спину воткнут. Не-не-не, пусть и не уговаривают! Ежели эта птичка ко мне подлетит, сразу шею сверну!

Под смех наемников он изобразил, как именно будет отбиваться от сокола, и Джиад невольно улыбнулась. А потом подумала, что можно только посочувствовать тем, кто не верит в собственных богов и собирается обмануть народ от их имени. И пожалуй Аусдранг, потому что игры с судьбой и справедливостью редко хорошо заканчиваются, история Ираэль и Эравальда тому яркий и страшный пример.

— Лилайн, а как дела у Санлии? — спросила она негромко, пока Хальгунд отвлек все внимание на себя, принявшись рассказывать очередную историю о своих мужских победах.

— Сама у нее спросишь, — улыбнулся Каррас. — Она ждет нас на холме, хотела с тобой повидаться.

В этот раз улыбка у него вышла не грустной, а светлой и теплой, резкие черты смягчились, и лицо словно осветилось изнутри. Когда-то он так улыбался Джиад... «Хорошо, что ему снова есть, кому улыбаться», — подумала она.

Вдалеке показались городские стены Адорвейна, и Каррас свернул на дорогу, огибающую город с восточной стороны. Здесь было непривычно тесно: ехали повозки, люди шли поодиночке и компаниями, то и дело кто-то проезжал на лошади, торопясь к Старому холму, но отряду вооруженных всадников путь уступали беспрекословно.

— Сколько же народу там соберется? — негромко спросила Джиад. — И все надеются на милость богов?

— Да нет, — равнодушно бросил Каррас. — Кто-то, конечно, наслушался старых сказок и облизывается на корону — так дураков не сеют, не жнут, они сами плодятся. А люди просто идут посмотреть. Всем охота нового короля увидеть и потом у себя в деревне рассказывать. Это же сколько кружек в трактире поднесут!

Он опять улыбнулся, став совершенно прежним, словно не было ни расставания с Джиад, ни всего того, что легло между ними, навсегда определив каждому собственную судьбу. Поднял

руку, приветствуя кого-то знакомого, и Джад увидела на правом запястье Лилайна узкий золотой браслет, плотно прилегающий к телу и полускрытый рукавом. Такой же, как у нее, только без рубинов и легче, ажурный. Брачный браслет иреназе. Вот, значит, как. И не сказал! Она бы хоть подарок прихватила!

Когда они добрались до места, солнце уже высоко стояло над огромным холмом, великаном среди множества других, помельче. Джад едва удержалась от изумленного возгласа — холм был полон людей. Стражники, оцепившие его, не пропускали повозки и лошадей, так что большинство прибывших проезжали дальше, но и так на Старом холме яблоку было некуда упасть.

— Не толпитесь, не напирайте! — покрикивал незнакомый Джад лейтенант королевской стражи, командующий оцеплением.

Его парадный мундир уже успел измяться, на лбу выступил пот, и лейтенант вытирал его рукавом, устало и зло глядя на толпу, ломящуюся к подножью холма. Каррасу он отдал честь, а на Джад воззрился с жадным любопытством, но тут же опомнился и закричал:

— Дорогу его светлости послу иреназе! Дорогу его спутникам!

Хвала небесам, Джад здесь если и знали, то как бывшую телохранительницу Торвальда. Рассказывать о браке с Алестаром она запретила и Лилайну, и лорду Крумасу, который сейчас отвечал за договоры с морским народом. Не хватало еще, чтоб на нее смотрели как на королеву иреназе! Она даже свой брачный браслет постаралась прикрыть рукавом куртки, в точности как Лилайн. Впрочем, Райгар явно что-то заподозрил, очень уж пристально глядел именно туда. Но что бы ни думал светловолосый наемник, мысли он держал при себе. Джад не обманывалась, высшая знать Аусдранга давно обо всем знает. Но лорды будут держать язык за зубами, если не хотят прогнать Алестара.

Стражники заставили толпу расступиться, и отряд Лилайна, сомкнувшийся вокруг Джад, проехал к вершине холма. На таких важных гостей правило о лошадях, похоже, не распространялось. Да и люди здесь были иными, не крестьяне и ремесленники, как внизу, а дворяне и состоятельные купцы, судя по одежде. Все как везде, вот вам и воля богов... Если ты богат и знатен, боги окажутся к тебе ближе и прислушаются охотнее, так рассуждали во всех известных Джад землях, кроме Аруб.

«Ну-ну...» — эхом послышался смешок Жи, и Джад встрепенулась, но лукавое божество снова исчезло из ее мыслей, хотя осталось четкое ощущение, будто оно что-то задумало.

Они поднялись наверх, и Джад вслед за Лилайном и его людьми спешила. К ним тут же подбежали слуги, приняв поводья, а навстречу, сойдя с небольшого помоста, устроенного на самой вершине, поспешил сам лорд Крумас. Джад лишь склонила голову, помня, что этому человеку хорошо известно ее нынешнее положение, а лорд почтительно поклонился, так что золотая цепь с гербовым медальоном на его груди зазвенела.

— Ваше величество... — начал он, но осекся, когда Джад поморщилась.

— Я же просила, ваша светлость, — негромко сказала она. — Достаточно, что знаете вы и те, кого это касается.

— Простите, миледи, — исправился Крумас, но тут же добавил: — Мы счастливы принимать вас и благодарим за честь.

— Ваше приглашение — честь для меня, — церемонно отозвалась она. — Кому мне передать перстень?

— А-а-а... — Лорд кинул неуверенный взгляд на ее руку, где рубиновой каплей горел коронационный перстень Аусдрангов, и пожал плечами: — Его величеству, вероятно. Ну, когда он... кто бы он ни был...

— Понятно, — кивнула Джад. — Тогда, с вашего позволения, я подожду окончания церемонии, а пока поговорю с господином Каррасом.

— Конечно! — с облегчением выдохнул Крумас и исчез в толпе придворных, окруживших помост.

— Ну и неразбериха у них тут, — ехидно сказал Лилайн. — Будто не короля выбирают, а сельского старосту. Джи, я и не спросил, как у тебя дела? Ты... — Он запнулся, а потом все-таки выговорил, неловко, но очень искренне: — Счастлива?

— Счастлива? — повторила Джаид и задумалась, как ответить.

Счастье ли то, что вошло в ее жизнь с любовью к Алестару? Просыпаться рядом с ним утром и засыпать вечером — тоже рядом. Быть его помощницей, стражем, опорой и, иногда, голосом хладнокровия. Класть голову на его плечо, утомившись за день, и тут же чувствовать себя отдохнувшей, потому что ласковые руки касаются тела, пробуждая желание. Это счастье?

Можно ли назвать счастьем бескрайнюю воду вокруг, где солнечный свет — редкий гость, и его лучи достигают подводного королевства, слабея по пути и превращаясь в свою бледную тень? Где жемчуг и перламутр дешевле стекла, где ездят на салту, а не на лошадях, а пресная вода — роскошь... Новый мир, который ей еще предстоит постигать, как ребенку, впервые открывающему для себя то, что всем вокруг кажется привычным и естественным...

Можно ли сказать, что сам Алестар — ее счастье? Горячий, взбалмошный, но временами рассудительный и задумчивый... Страстный, нежный, искренний в каждом порыве, каждой мысли и каждом слове... Изменившийся с их первой встречи настолько, что от прежнего Алестара остался только стержень, твердый и прямой, будто лоур. Его внутренняя суть, с которой исчезло все лишнее и грязное, будто песок, унесенный отливом. Тот Алестар, которым она могла теперь по праву гордиться, заслуживший уважение подданных и любовь всех, кто его знает по-настоящему.

И та жизнь, которая ее ждет, каждый день ее, каждый час и каждое мгновение — будут ли они счастьем всегда? Рано или поздно беда вспомнит к ней дорогу, она всегда караулит следы счастья, чтобы прийти вслед за ним. Но никакой шторм не вечен, а счастье — это то, что люди творят себе сами, неважно, хвосты у них или ноги...

— Я не знаю, — сказала она наконец. — Не знаю, это ли зовут счастьем, оно ведь у всех разное. Но знаю точно, что иной судьбы не хочу. Да, наверное, я счастлива.

— Хорошо, — ровно и просто отозвался Лилайн, и их взгляды встретились, но не как встречаются клинки, рассыпая искры, а как заботливо и уверенно касаются друг друга руки любящих людей.

— Госпожа Джаид! — окликнул ее Райгар. — Здесь какой-то малец говорит, что он вас знает. Просится поговорить.

Джаид порывисто обернулась, уже догадываясь, кого увидит, и всем сердцем желая, чтобы догадка оправдалась.

— Друг мой! — воскликнула она. — Райгар, пропустите его!

Под удивленными взглядами Лилайна и его людей рыжий конюшонок, настоящий, а не личина Всеядного Жи, торопливо прошагал от наспех устроенной на вершине холма коновязи, где было привязано несколько десятков лошадей, подойдя к Джаид.

— Госпожа страж! — улыбнулся он солнечно и поклонился ей, а потом, выпрямившись, глянул восхищенно и задорно. — Вы вернулись! А вы правда у самих иреназе в гостях были?

— Правда, — тоже улыбнулась Джаид. — Только не совсем в гостях. Я теперь там живу. Но очень рада тебя видеть. У тебя все хорошо?

Конюшонок с достоинством кивнул и махнул рукой:

— Да что я, пропаду, что ли? Вот, за конями господ придворных приглядываю... А как же вы в море? Там, небось, коней-то нету... На чем ездите?

— Там есть морские звери, — серьезно сказала Джаид. — Огромные и сильные. Салту называются. Иреназе обьезжают их, как лошадей, надевают упряжь и ездят на них. Салту совсем как лошади, тоже очень умные.

— Ух... — завороченно выдохнул парнишка, взлохматив растрепанные рыжие волосы рукой. — Вот бы посмотреть... А им там, в море, конюх не нужен? Я бы научился! Я с любым зверьем поладить могу, меня даже злые собаки слушаются! И соколы охотничьи, и любая живая тварь!

— Я подумаю, — так же серьезно пообещала Джаид. — Конюхов там хватает, но, может быть, я смогу пригласить тебя в гости. Я ведь у тебя в долгу.

— Скажете тоже, — гордо ответил конюшонок, выпрямившись, но по-прежнему улыбаясь. —

Вовсе вы мне ничего не должны, госпожа страж, даже и не думайте. А вот если и правда когда-нибудь морских коней покажете...

— Обязательно, — пообещала Джаид.

В памяти вспыхнула та ночь, когда ее едва не поймали люди Торвальда. Наивную любящую дуру, сунувшуюся в ловушку, чтобы узнать правду. Мальчишка-конюшонок оказался благороднее, чем природный король, и его доброта спасла ей больше, чем жизнь, сохранив веру в людей. И этот его золотой... Джаид бросила монету к подножью камня, посвященного Всеядному Жи, и все еще надеялась, что странное божество всего живого услышало ее просьбу за судьбу этого паренька. А она ведь до сих пор не знает его имени, стыдно-то как!

Но кое-что для конюшонка она может сделать даже сейчас! Пусть ей самой вскоре возвращаться в Акаланте, но во дворце останется тот, кому можно доверить присмотреть за парнишкой.

— Лилайн! — окликнула она Карраса и указала на мальчика взглядом. — Познакомься, этому достойному юноше я обязана жизнью.

Брови алахасца недоуменно изогнулись, а потом он вспомнил ее рассказ и с подчеркнутой учтивостью поклонился.

— Лилайн Каррас к вашим услугам. Друзья госпожи Джаид — и мои друзья тоже.

— Скажете тоже... — неловко повторил парнишка, и его веснушчатые щеки заалели от смущения. — Я Эйдан. Эйдан, сын Хальвера и Соны.

Рыжая шевелюра его горела на солнце, переливаясь от начищенной меди к яркому золоту, синие глаза смотрели ясно и гордо, и вся фигура паренька вдруг показалась Джаид окруженной сияющим ореолом, но это просто лучи солнца в зените облили ее расплавленным светом.

— Эйдан, сын Хальвера и Соны, — повторил Каррас. — Я запомню. В моем доме вы всегда желанный гость, господин Эйдан.

— Как и в моем, — сказала Джаид и, протянув руку, уронила ее парнишке на плечо.

Рубин Аусдрангов вспыхнул в солнечных лучах, но Джаид показалось, что улыбка мальчика — ярче и светлее.

«Потому что нет золота чище, чем золото человеческого сердца, — шепнул ей голос Жи. — Посмотри на небо».

Джаид глянула вверх и увидела в бесконечной синеве, раскинувшейся над землей, далекую черную точку. Точка плавала над холмами, то отдаляясь, то приближаясь. Большая птица? Но какая? Судя по полету — хищник.

Джаид закусила губу, еще не понимая, что задумал Жи, но уже сообразив, что стоит ждать любых внезапных игр с судьбой.

Взревели трубы — и она вздрогнула от неожиданности.

— Пойду-ка я к лошадам, — озабоченно сказал Эйдан. — А то как бы они не испугались. Начнут с привязи рваться, друг друга поранят, потом и вовсе не успокоишь. Будьте здоровы, госпожа страж и вы, господин Каррас!

И торопливо ушел, сверкая на солнце рыжей вихрастой макушкой.

— Серьезный парень, — одобрительно сказал Лилайн. — Далеко пойдет.

— Присмотри за ним, — попросила Джаид. — Я думала отвезти его в храм, но теперь не получится. И он сам может не захотеть уехать из родных мест. Хоть и сирота, но родные могилы, как у нас говорят, держат человека за сердце. Лил, а где Санлия?

— Да здесь где-то, — нахмурился Каррас, оглядываясь. — Я с ней пару человек охраны оставил. Ее, конечно, никто не тронет, но...

— Свита добавляет уважения, — кивнула Джаид и поморщилась.

Звонкоголосый герольд, встав посередине помоста, кричал о трагической гибели его величества Торвальда, славного и мудрого. О древних традициях могущественного рода Аусдрангов, о чем-то еще... Много красивой лжи, прикрывающей простую и не всегда приглядную правду, словно роскошная одежда, натянутая на уродливое тело.

Человеческое море на холмах колыхалось, жадно слушая. Притихли разносчики еды и воды, до этого громко предлагавшие свой товар, замолчали болтуны... Люди понимали, что сейчас на их глазах происходит что-то невероятное — не просто страна обретает нового короля взамен погибшего, но творится легенда, подобная тем, которые передают от стариков к детям уже долгие века. Легенда о короле, избранном самими богами...

«Или ты просто слишком любишь красивые сказки, — одернула себя Джад. — Ведь Каррас же сказал, что сокол наверняка научен, на чье плечо сесть. Сейчас тренированная птица опустится на руку кого-то из лордов, и для обычных людей не изменится ровным счетом ничего».

Лилайн махнул кому-то рукой, потом, тихо ругнувшись, исчез в толпе, а его место заняли Райгар с Хальгундом. Оба наемника, высоченные и плечистые, встали по обеим сторонам от Джад, бдительно прикрывая ее от любой возможной опасности. Она снова усмехнулась про себя, дивясь причудливым путям судьбы, и уронила:

— Шаг в сторону, господа.

— Что, миледи? — спросил Райгар, титулуя ее на аусдрангский манер.

— Шаг в сторону, говорю, — повторила Джад. — Я понимаю, что у вас приказ меня охранять, но если хотите делать это на совесть, не закрывайте мне самой обзор. Смее надеяться, что если кто-то захочет меня убить, я увижу его раньше вас. Просто по привычке.

Кажется, они переглянулись над ее головой, во всяком случае, Джад уловила легкую заминку. А потом слаженно выполнили приказ, легко оттеснив каких-то подобранных слишком близко зевак. Джад удовлетворенно кивнула, мельком подумав, что люди у Карраса и вправду хороши. Никаких глупых обид — это правильно. Впрочем, Хальгунд ее давно знает, а Райгар, наверное, наслышан.

Герольд закончил разъяснение, что сейчас произойдет, и вместо него на бочку посадили седовласого человека в нарядном охотничьем костюме. Ему подали сокола, спутанного и в клубочке. «Как они собираются цеплять к нему корону?» — задумалась Джад и тут же получила ответ. Один из лордов Королевского Совета торжественно надел соколу на лапку кожаную ленточку, к другому концу которой был привязан тонкий золотой обруч. Не парадная корона Аусдрангов, та еще тяжесть, а что-то, нарочно придуманное для этой церемонии.

— Еще бы венок сплели, как для Цветочной королевы, — тихонько заметил Райгар, вспомнив народный обычай праздновать весеннее равноденствие, и Хальгунд насмешливо фыркнул.

Сокол, освобожденный от клубочка, недовольно захлопал крыльями, пытаясь освободиться от обузы, и Джад вздохнула — происходящее все сильнее напоминало представление в ярмарочном балагане, где мечи — деревянные, короны — жестяные, а герои и короли такие же фальшивые.

Снова взревели трубы. Сокол, подброшенный сильной рукой, взмыл в небо и начал набирать высоту, корона нелепо болталась у него под лапами... Он взлетел уже довольно высоко, и толпа встревоженно загудела, а Джад не без злорадства подумала: что станет делать аусдрангская знать, если птица, испуганная таким скоплением народа, просто улетит подальше и потеряется?

Она огляделась вокруг и с некоторым удивлением обнаружила в паре шагов справа лорда Крумаса, уныло смотрящего на парящего сокола.

— Ваша светлость, — окликнула его Джад. — А все-таки, чье избрание следует ожидать? Вы-то, наверное, знаете? Уж не вас ли прочтат в избранные богов?

— Вот пусть боги и спасут меня от подобной судьбы, — мрачно ответил второй по могуществу лорд королевства. — Не поверите, ваше... миледи, но я и сам не знаю. — Он покосился на окружающих, ближе придвинулся к Джад и негромко сказал: — На Совете лучших лиц королевства было решено представить соколу троих. Все они — знатные юноши безупречной репутации и многих достоинств. И скажу прямо, мой сын в этом не участвует. Я старый человек, миледи, и верю в волю богов. Иначе не сделал бы там... на плоту... то, что сделал.

Его... ну вы понимаете, о ком я... — Джад молча кивнула. — Его следовало остановить, — еще тише продолжил Крумас. — Вам неизвестно, а ведь он... лелеял планы завоевательных походов по всем соседним землям. И, самое страшное, у него могло получиться. Если бы добавилась магия и золото иреназе... Я и богам на загробном суде не постыжусь ответить, что сделал это ради Аусдранга, а не ради собственной безопасности или власти. Но это вот... — Он брезгливо поморщился и кивнул в небо. — Это насмешка над божественной волей!

Сокол принялся снижаться, кружа над толпой, выглядывая в толпе тех троих, к которым его приучали садиться на руку. Сокольник поспешно ушел с помоста, видимо, чтобы птица не перепутала по старой памяти. Джад увидела, как в толпе произошло шевеление, и на холме образовались три пустых пятна, а в середине каждого замер молодой, богато одетый дворянин, готовясь подставить руку...

Крумас сплюнул, совсем как рассерженный солдат, а не придворный, и тут в небе появилась вторая точка. Стремительно вырастая в размерах, она превратилась еще в одного сокола, который налетел на первого. Толпа ахнула! Две птицы, кувыркаясь в небе, дрались над Лысым холмом, и Джад затаила дыхание.

— Боги... — прошептал рядом Крумас. — Неужто...

С победным клекотом прилетевший сокол ударил ручную птицу, и та, неуклюже заваливаясь на одно крыло, почти упала в середину помоста и больше не взлетела. А победитель, так же яростно вскрикнув, сделал круг над толпой и вдруг камнем упал вниз, пролетел почти над самыми головами, так что Джад едва не пригнулась. Показалось, что сокол целится в нее. Но не может ведь...

«Перстень, — шепнул ей в ухо насмешливый призрачный голос. — Отдай его... Да скорее же, растапа!»

Перстень? Перстень Аусдрангов? Холодея от мысли, что сейчас произойдет, Джад торопливо стянула с пальца тяжелое кольцо, высоко подняла его на вытянутой руке. Вокруг нее вмиг образовалось такое же пустое пространство. Люди шарахнулись в стороны, а потом, напротив, кто-то издали кинулся к ней... Может быть, у нее хотели отнять перстень, а может, напротив, поддержать...

Хальгунд и Райгар выхватили мечи, разом превратившись в непроницаемую стену, сзади послышался спокойный негромкий голос Лилайна:

— Я прикрою. Давай, Джи! Делай, что нужно!

А потом возмущенно закричал Крумас, чтобы никто не смел даже пальцем! И про волю богов! И еще про что-то... Джад не слышала, потому что в целом огромном мире остался только шум крыльев, похожий на резкий свист, с которым сокол падал на нее. И клекот! И тяжелый удар воздухом и мягкими перьями, едва не сбивший ее с ног. Она так и не успела заметить, чем сокол подхватил перстень с ее ладони, клювом или когтями. На руке осталась глубокая царапина, мгновенно набухшая кровью, такой же алой, горячей и яркой, как рубин Аусдрангов.

— Воля богов! — зычно рявкнул Хальгунд и крутнул меч над головой.

— Воля! Воля богов! — азартно и громко поддержал его Райгар.

А потом кто-то еще, смекнув, что происходит, подхватил, и крики понеслись, расходясь от вершины холма к подножью, словно волны.

«Если сокол просто улетит с этим перстнем, нас разорвут на части», — холодно и отстраненно подумала Джад, не сводя напряженного взгляда с птицы, снова поднявшейся в небо, словно выглядывая кого-то.

Толпа вдруг стихла, как стихает шквальный ветер, словно набираясь сил, чтобы сорваться вновь. Сокол качнул крыльями и упал вниз. К вершине холма, но не к самой его середине, а немного поодаль. Туда, где у длинной, наспех сколоченной коновязи блестела богатая упряжь дворянских коней, лоснились начищенные крупы и чистые расчесанные гривы. Туда, где замер, задрав, как и все, голову в небо, рыжий мальчишка лет десяти, сирота-конюшонок, сын никому не известных Хальвера и Соны. Парнишка, которого любят лошади, собаки и птицы, друг любого живого существа... Тот, чей золотой Джад бросила к скале Всеядного Жи, попросив мальчику правильную судьбу.

Джиад увидела, как Эйдан закрыл лицо от налетающей птицы, и сокол, торжествующе клекотнув, вцепился в рукав его куртки, забив крыльями. «Как бы руку не проткнул, — ошеломленно подумала она. — Этим когтям одежда нипочем...»

А потом все мысли вылетели из головы, потому что толпа взревела жадно и неистово. Те люди, которые пришли сюда в надежде на чудо, увидели его и получили — настоящее, неподдельное, правильное! Перстень Аусдрангов, коронационная реликвия, оказался в руках нищего слуги.

— Так не бывает... — ошеломленно проговорил рядом Каррас. — Да я бы сам не поверил, Расскажи кто...

— Воля богов! — орала толпа, сходя с ума, пока опомнившийся Крумас приказывал стражникам оградить вершину холма. — Воля! Богов! Истинный король! Истинный!

«Ну разве не красиво получилось? — шепнул на ухо знакомый голос. — И очень правильно. Смотри, Джиад, смотри внимательно. Кольцо замкнулось, потоки вошли в прежнее русло, и справедливость восстановлена».

«Справедливость? — спросила она, не веря своим ушам и не понимая. — Какая? В чем она? Испортить жизнь этому мальчику тяжестью короны? Разве сможет он...»

«О, еще как сможет, — рассмеялся Жи. — И корона его по праву. Да взгляни же на него! Неужели не видишь сходства? У вас, людей, такая короткая память! Правда, вы и живете недолго, так что это прощительно. Волосы, глаза... ну?»

Ярко-рыжие волосы такого знакомого оттенка... На суше он, правда, кажется иным, так что понятно, почему она не заметила сразу. И синие глаза... Даже форма упрямого подбородка один в один, только лицо Эйдана расцеловано солнцем, усыпавшим его веснушками, и кожа загорелая, а не белоснежная, как у иреназе. Но теперь, когда она видела, куда смотреть, сомнений быть не могло. Ни малейших! Дюжина лет разницы и ноги вместо хвоста — такая мелочь... Кровь Ираэли кипела в Эйдане так же ярко, как в Алестаре!

— Но как это может быть? — от растерянности спросила она вслух. — У Эравальда же было два сына. Один вернулся в море, второй взошел на трон...

«Взошел, только не он, — хмыкнул Жи. — В суматохе мальчика подменили те, кто желал возвращения прежней династии. Это они оклеветали Ираэль, потом и сам Эравальд погиб, и на троне оказался его не сын от принцессы иреназе, а потомок того самого короля, которого потеснил первый Аусдранг. Бастард, но старой королевской крови. А сын Ираэли и Эравальда вырос среди прислуги, женился, у него появились дети... Все, как положено у вас, людей. И вот — последняя веточка едва не угасшего рода. Это он — истинный Аусдранг! Рожденный от крови людей и иреназе. Был, правда, еще один, боковая ветвь... Ну помнишь, тот рыжий герцог, который хотел свергнуть Торвальда. У него и правда имелись кое-какие права на престол, но права — это еще не все. В любом случае, твои клинки пустили ход истории по иному пути, и перстень сам сделал свой выбор, отправившись в море и позвав за собой тебя. Причудливы пути судьбы... Особенно, если ее хорошенько пнуть в нужном направлении».

— Зачем? — тихо спросила Джиад, не обращая внимания, что к ее словам прислушиваются не только Лилайн и его люди. — Зачем возвращать на престол именно кровь Аусдрангов? Или важна кровь иреназе?

«Важно то, что боги не решают за людей, — туманно отозвался Жи, противореча тому, что только что сделал. — Людям и самим хорошо бы думать о последствиях своих поступков. Одна глупая девочка триста лет назад решила, что любовь ей дороже всего, и страны, и своих подданных, и семьи, и даже жизни. Другой дурак поверил клеветникам и погубил ту, которую должен был любить и беречь. И страну почти погубил, и детей его разбросало. На триста лет, как видишь. А еще были глупые существа, которые думали, что краденая или силой отнятая корона принесет им счастье... И с ногами, и с хвостами, но одинаково — дураки. И те, кто поставил власть превыше всего. И те, кто вообще рехнулся настолько, что решил подергать за усы спящих Древних... Или за хвосты, или что там у них. Все равно не от великого ума! И еще много-много-много глупых существ... И только мне, умному и прекрасному, пришлось это исправлять! А теперь все правильно! На тронах Аусдранга и Акаланте потомки Ираэль и Эравальда, и только попробуйте мне забыть, что люди и иреназе от одного корня, дети двух сестер, Матери Море и Матери Земли! Я... я тогда не знаю, что с вами сделаю, вот! Ну все, хватит, — спохватился он. — Много будешь знать — богом станешь. А это хлопотное занятие, поверь мне. Но теперь все станет как надо. Какое-то время уж точно!»

«Обещаешь?» — молча спросила Джиад и почувствовала, как ее охватило мягкое ласковое

тепло, словно кто-то огромный, сильный и заботливый, обнял, согревая тело и душу.

Вокруг творилось что-то невыразимое. Джад увидела лорда Крумаса, который распоряжался стражниками, а по обветренному морщинистому лицу аристократа безостановочно текли слезы, смягчая жесткие черты. Толпа ликовала, люди обнимались и целовались с незнакомцами, и, кажется, все верили, что случилось настоящее чудо. А настоящие чудеса, как известно, добрые! Неурожаи, налоги и болезни, разбойники и продажные чиновники, жестокая гордая знать и жадные купцы — все, что было плохого в жизни, забылось, пусть и ненадолго. И Джад тоже понимала, разумеется, что даже самый лучший король, — а Эйдан будет отличным королем! — не вечен и не всемогущ. Но хотя бы прямо сейчас пусть все будет хорошо? И как можно дольше!

— Госпожа Джад, — услышала она знакомый голос, похожий на переливчатое журчание ручья, и обернулась.

Бывшая Санлия ири-на Суалана, а ныне госпожа Санлия Каррас стояла перед ней и выглядела великолепно. Смуглая кожа налилась ясным здоровым золотом, глаза сверкали ярко, как изумруды... Темно-зеленое платье подчеркивало стройную фигуру, и, похоже, ноги вместо хвоста не доставляли Санлии никаких неудобств. Держалась она с той же изысканной и изящной простотой, всегда ее отличавшей.

— Как я рада видеть вас, госпожа Джад!

Санлия протянула к ней руки, Джад приняла их и почувствовала тонкий аромат ее духов, пряный и сладкий, заставивший, почему-то, вспомнить тинкалу по-суалански. Джад вдруг подурнело. Изумившись, она сделала шаг назад, успела увидеть растерянное удивление и огорчение на лице Санлии, подняла руку, пытаясь объяснить, что дело совсем не в этом...

И тут ее вывернуло. Позорно и совершенно непонятно, словно от удара в солнечное сплетение или несвежей еды. Согнувшись, Джад выплюнула кислую горечь, порадовавшись, что в суматохе сборов забыла позавтракать, выпрямилась, виновато собираясь извиниться, и наткнулась на странный взгляд расширившихся глаз Санлии.

— Вы... тоже? — прошептала суаланка, коснувшись почему-то своего живота, совершенно плоского под темно-зеленым бархатом платья.

— Что — тоже? — не поняла Джад.

И тут ее осенило.

Глава 21. Солнце после шторма

— Не может быть, — ошеломленно проговорила Джад, растерянно поднеся ладонь ко рту. — Я же Страж Малкависа. Я не могу зачать...

Она запнулась, вспомнив лукавую мягкую улыбку Матери Море и горячие волны, прокатившиеся по телу, когда великая богиня изменяла ее внутреннюю суть.

— Не могла... — поправила она сама себя почти жалобно, и Санлия ответила ей понимающей улыбкой.

— Когда боги вмешиваются в дела людей, — сказала она, легко делая шаг вперед и беря Джад под руку, — совершаются разные чудеса. Но это чудо — самое благоприятное и великолепное из всех, что могут быть. Разве вы не желали этого ребенка, моя госпожа?

С присущей ей деликатностью, она не обратилась к Джад ни по королевскому титулу иреназе, ни назвав ее жрицей, а в сияющих изумрудных глазах, озаренных внутренним светом, будто льющим из глубин души Санлии, плескалось умиротворение и нежность. Джад больше не было нужды спрашивать, счастлива ли бывшая наложница, потому что Санлия излучала счастье, как пылающий в очаге огонь распространяет вокруг тепло.

— Желала, — тихо сказала Джад, отвечая Санлии таким же откровенным взглядом. — Желала всем сердцем, клянусь покровителем своим Малкависом. Но думала, что в книге моей судьбы нет строки об этом. Санлия, а вдруг это...

«Вдруг это случайность?» — хотела спросить она, невольно боясь, что недоверие к божественной милости может эту милость оскорбить.

— Всего лишь дурнота от воздуха, которым я отвыкла дышать? Или еще что-нибудь?

Бывшая наложница покачала головой, и ее длинные золотые серьги закачались, оттеняя красоту янтарно-смуглого лица.

— Разве вы сами не чувствуете, что это? — вскинула она брови. — Нужно больше доверять себе и великодушию богов, госпожа моя. Но раз уж вы боитесь ошибиться, поверьте хотя бы мне. С тех пор, как Мать Море и Мать Земля коснулись меня благодатью, мой целительский дар стал сильнее, и я многое вижу. Позвольте?

Джад кивнула, и Санлия легонько коснулась ее живота ниже пояса, нисколько не смущаясь тем, что под пальцами у нее оказалась тонкая, но плотная замша одежды. Несколько мгновений она словно прислушивалась, а потом снова улыбнулась, опять просияв чистой радостью.

— Сердце еще только начинает биться, — сказала она, убирая руку. — Но ошибки быть не может. Мать Море благословила вас привести в мир новую жизнь. Это великая радость для Акаланте и моего бывшего господина.

— Джи? — Каррас, все это время безмолвно стоявший рядом, несмотря на творящуюся вокруг суматоху, тоже широко улыбнулся, поймав ее взгляд. — Так это правда? Ты, получается...

— Ну, раз уж Санлия так сказала, — неловко пожала плечами Джад. — Но я ничего такого не чувствую! Дурнота уже прошла.

— О, она еще вернется, — вздохнула целительница иреназе. — Но я не вижу в вашем теле никаких тайных пороков, что могут помешать выносить и родить ребенка. Да и лекари Акаланте теперь, когда все ядовитые мурены переловлены, будут следить за вашим здоровьем как за величайшей драгоценностью королевства. Собственно, так оно и есть.

— А... срок? — встрепелась вдруг Джад, все еще не в силах поверить, но уже желая этого всей душой. — И... вы можете сказать, кто это?

— А какая разница? — улыбнулась Санлия. — Думаю, Алестара одинаково порадуют сын или дочь. Если же вы о наследовании трона, то ведь не обязательно ограничиваться одним ребенком. Вы молоды и сильны, а кровь Акаланте теперь приняла вас, хоть и без оков запечатления. Вы сможете родить столько детей, сколько пожелаете.

— Нет-нет, — замотала головой Джад, бросив сердитый взгляд на ухмыляющегося Карраса. — Я не буду думать о других детях! Хотя бы пока этот не родится. И нечего так улыбаться, Лил! Вот окажешься отцом, поймешь, каково это!

— Жду не дождусь.

Все так же расплываясь в ухмылке, алахасец подошел к Санлии сзади и обнял ее, положив руки на живот бережным и явно привычным движением.

— Сан говорит, что будет девочка, — сказал он самодовольно. — И уже выбрала ей имя в честь одной моей знакомой жрицы Малкависа. Я-то не против, девчонка — это хорошо! Но на пару сыновей потом тоже рассчитываю! Если дочка пойдет красотой в мать, кому-то нужно будет отгонять от нее мужчин. А то я постарею и могу не справиться с такими толпами!

— Болтун! — смешливо фыркнула Санлия, откидываясь спиной ему на грудь. — Госпожа Джиад, вы ведь не против? Я надеюсь, что ваше имя принесет моей дочери часть вашего благородства и силы.

— Это огромная честь для меня, — ответила Джиад, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы радостного смущения. — Но я в самом деле не представляю... Кем будут наши дети, если в их крови сольется наследие земли и моря? Что, если это окажется невозможным? Или сама судьба уже выбрала за них, какой стихии принадлежать?

— Пути богов неисповедимы, — спокойно и рассудительно ответила иреназе. — Но вы же не думаете, что они бросят нас на полпути после перенесенных испытаний? Мать Море и Мать Земля не для того помирились, отбросив старинную вражду, чтобы забыть о тех, кто стал залогом этого мира, о наших детях.

— Вот это меня и пугает, — пробормотала Джиад, оглядывая ликующую толпу народа. — Я чту богов, но знаю, что быть их любимцем — очень уж хлопотно. Лилайн, может быть, нам уйти отсюда? Избрание короля свершилось, перстень я отдала, и мой долг на этом выполнен.

На нее вдруг снова накатила легкая дурнота, воздух показался жарким и полным тяжелых запахов, а ветер — неприятно горячим. Сейчас бы в воду! Ну, хотя бы облиться полностью, чтобы не так сохла кожа...

Но толпа плотно сомкнулась вокруг вершины холма. Эйдана возвели на помост, чтобы показать подданным, но рыжик был слишком мал ростом, и четыре дюжих гвардейца ростом вряд ли меньше Хальгунда подняли на вытянутых вверх руках щит, на который посадили мальчика. Эйдан встал на нем, расставив ноги, сверкая на солнце ослепительно рыжей макушкой, и люди восторженно взревели, выкрикивая его имя. И Джиад увидела острым зрением Стража, что волосы Эйдана спорят блеском с золотым обручем, увенчавшим его голову.

— Эйдан! Эйдан! — неслось со всех сторон. — Король, избранный богами! Король-Справедливость!

Немного постояв на щите, Эйдан вдруг сел на его край и ловко спрыгнул вниз, снова оказавшись на помосте. Повернулся к лорду Гленарвилю, и канцлер кивнул, а потом жестом подозвал гвардейца. Солдат, выслушав приказ, сбежал по ступеням и принялся пробираться сквозь толпу как раз туда, где стояла Джиад и ее спутники.

— Кажется, это за нами, — подтвердил ее мысли Каррас. — Ну что ж, раз мы тут посольством от наших хвостатых друзей, надо и дальше прикидываться приличными людьми. Хотя и не нравится мне по старой памяти, когда вокруг столько стражи. Надеюсь, эти лорды слишком хорошо воспитаны, чтобы помнить, сколько королевских оленей съели мои люди и сколько золота утекло в наши карманы мимо королевской таможни.

— Думаю, охоту на оленей и контрабанду шелка тебе больше никто в вину не поставит, — улыбнулась Джиад. — Полномочный посол короля иреназе выше таких мелочей. А если попытаются, мы с Алестаром будем очень недовольны.

Она снова удивилась, как легко прозвучало это «мы». И поймала понимающий мягкий взгляд Санлии, доверчиво прильнувшей к широкому плечу Карраса. Видеть в объятиях алахасца золотокожую красавицу-иреназе было не обидно, как этого в глубине души боялась Джиад, а странным образом спокойно. Теперь все наконец-то встало на свои места, как меч входит в подогнанные именно для него ножны.

— Господин Каррас, прекрасные миледи! — склонился перед ними подошедший гвардеец. — Вас хочет видеть его величество!

Даже у этого гвардейца радостно и шало блестели глаза, будто парень хватил хмельного. И

Джиад, обменявшись с Каррасом взглядами, пошла к помосту. Санлия шелковой тенью следовала за мужем, скользя по утоптанной земле грациозно и совершенно бесшумно. Хальгунд и Райгар, как положено охране, шли по бокам, бдительно следя, чтобы никто не приближался.

— Все ли благополучно у его величества? — тихо спросила Санлия, пока они приближались к помосту. — И не согласитесь ли вы захватить с собой письмо и небольшой подарок для Леавары? Я нашла здесь краски, которые не размываются даже соленой водой. Думаю, ей должно понравиться.

— Наверняка, — кивнула Джиад. — Они с Эргианом замечательная пара, и Леавара не бросает своего любимого занятия. И у Алестара тоже все хорошо. Ну, насколько я могу судить...

Она слегка смутилась, в щеки бросилась кровь при воспоминании о Звездной ночи. И всех последующих. И о днях между этими ночами, когда Алестар выглядел действительно счастливым. Ведь она же себя не обманывает, ее супруг-иреназе действительно счастлив в браке?

— Ничуть не сомневаюсь, — серебряным колокольчиком прозвучал голос Санлии, и Джиад показалось, что суаланка улыбнулась. — И очень рада это слышать. О, так это и есть новый король Аусдранга?

Они остановились у лестницы, ведущей на помост, и гвардейцы, охранявшие ее, расступились. Каррас взбежал по деревянным ступеням первым и попытался подать руку Джиад, но усмехнулся, поймав ее возмущенный и удивленный взгляд. Что он себе возомнил? Она же не больна! И даже тяжести никакой пока не чувствует!

Зато Санлия, по которой тоже не было заметно никаких признаков беременности, вспорхнула по ступеням легко, но руку супруга приняла с благодарной улыбкой и как должное. Лилайн же бросил на нее такой гордый и заботливый взгляд, что Джиад поспешно спрятала улыбку. Вот, значит, какая жена стала истинным выбором Лилайна. Сильная внутренне, однако нежная и мягкая напоказ, будто шелк лучшей выделки, который льнет к рукам, но не рвется. А бывшему наемнику явно не хватает хвоста, как у иреназе, вот бы он его сейчас распустил!

Канцлер тоже встретил ее и Карраса поклоном, причем ухитрился в сторону алахасца выразить благосклонную учтивость, а в сторону Джиад — искреннее почтение. Санлию, скромно стоящую рядом с мужем, он словно не заметил, но Джиад про себя насмешливо подумала, что это ненадолго. Гленарвиль умен, он очень быстро поймет, кто в этой паре истинный посол иреназе и чье благоволение не помешает заслужить аусдрангской знати. Леди Санлия Каррас только с виду тихоня из тихонь.

Мимолетное сожаление коснулось ее души. Они с Санлией могли бы стать лучшими подругами, близкими, как сестры, но судьба распорядилась иначе, отправив суаланку на сушу, о которой та столько мечтала. Что ж, бывает, что люди разъезжаются далеко друг от друга, но это не мешает им оставаться близкими не по расстоянию, а по духу. Где бы ни жили Санлия с Лилайном, пусть счастье сопутствует им во всем! Да и не так уж далеко Акаланте от Аусдранга, всегда можно навестить тех, к кому тянется сердце.

— Миледи, я рад приветствовать... посланницу его величества Алестара!

Джиад коротко вернула поклон.

— Госпожа Джиад!

Эйдан подошел к ней, улыбаясь во весь рот, на его веснушчатом лице, позолоченном солнечными лучами, гордость мешалась с растерянностью, а обруч-корона был надет немного криво и явно великоват. Кажется, его сжимали в спешке, подгоняя под вихрастую голову избранника богов.

— Ваше величество...

Джиад низко и очень почтительно поклонилась мальчику, а когда выпрямилась, то увидела, что щеки Эйдана пылают от смущения.

— Это правда, госпожа Джиад? — спросил он, не обращая внимания на застывших в карауле гвардейцев и ярко разряженную знать, собравшуюся вокруг. — Все то, что они говорят? Будто я новый король?

Он растерянно посмотрел на перстень Аусдрангов, тоже слишком крупный для мальчишеской

руки, но каким-то чудом держащийся на указательном пальце с неровно обрезанным ногтем. Джад хорошо видела, какой крепкой и мозолистой, несмотря на размер, была эта рука, давным-давно привыкшая к постоянному тяжелому труду. Пожалуй, о новом короле Аусдранга многое можно было сказать, но никто не обвинил бы его в слабости даже сейчас, когда Эйдан был всего лишь мальчишкой.

— Я сама видела, что боги ясно выразили свою волю, ваше величество, — серьезно сказала она, глядя мальчику в глаза. — И счастлива поздравить народ Аусдранга с подобным выбором.

— Но я не хочу, — так же растерянно сказал Эйдан. — Я никогда и не хотел быть королем. Я думал, что вырасту и повидаю иреназе, а потом поеду путешествовать... Быть королем не так уж весело! Тут с одной конюшней-то умаешься за всем следить, а сколько хлопот с целым королевством! Надолго не отлучишься!

— Ваше величество хорошо понимает, что такое королевские обязанности, — кивнула Джад, заметив, что все вокруг напряженно прислушиваются к их разговору. — Вряд ли у вас получится много и далеко путешествовать, но в Аусдранге тоже есть, на что посмотреть, а собственную страну вам следует хорошо знать. И я помню о своем обещании пригласить вас в гости к иреназе. Теперь вы считаетесь братом его величества Алестара, ведь все короли — родственники по долгу и чести. И я уверена, он с радостью примет вас в Акаланте, как только позволят ваши дела здесь.

— Правда?

Глаза мальчишки вспыхнули еще ярче, словно небесную синеву в них пронизал солнечный свет.

— Ну, тогда ладно, — рассудительно сказал он. — Попробую привыкнуть. А вы передадите королю иреназе привет?

— Обязательно, — снова поклонилась Джад. — Вскоре его величество Алестар пришлет вам дары по случаю коронации, а лорд и леди Каррас привезут их во дворец вместе с новым союзным договором. Если захотите, леди Санлия, — она указала взглядом на целительницу, — расскажет вам о жизни в морских глубинах. Она ведь иреназе, которой боги пожаловали человеческий облик.

— Правда? — повторил Эйдан и жадно воззрился на Санлию, сложившую ладони перед собой и низко поклонившуюся. — Настоящая иреназе? А... как же хвост? Ой, простите, леди...

Он смутился, а по губам Санлии скользнула быстрая веселая улыбка.

— Если ваше величество позволит, — сказала она своим переливчатым серебряным голосом, — я буду счастлива служить дружбе между иреназе и людьми. Что же до хвоста, на суше с ним очень уж неудобно. Мать Море и Мать Земля, которым мы поклоняемся, подарили мне вместо него ноги.

— Ясное дело, у нас тут без ног никак, — солидно согласился Эйдан. — Госпожа Джад, вы ведь поедете с нами в город? Его светлость Гленарвиль, — он оглянулся на канцлера, — говорит, что будет большой праздник.

Джад заколебалась, не зная, что ответить. Да, она бы с радостью была рядом с Эйданом в этот день, когда начинается его новая жизнь. И по человеческому городу проехала бы с удовольствием... Да и пир наверняка будет хорош!

При мысли о пире внутренности скрутило уже знакомой тошнотой, рот наполнился слюной, и Джад вдруг поняла две вещи. Во-первых, она вряд ли сможет насладиться привычной человеческой едой, одно лишь представление о пудинге, жареном мясе, сладком пироге и прочих яствах грозило снова вывернуть ее желудок наизнанку. Любимые творожные сырники? Нет, их тоже не хотелось. Может быть, потом, но точно не сейчас!

А во-вторых, ей вдруг дико, до умопомрачения захотелось рыбы. Сырой рыбы, вымоченной в темном соусе иреназе, с ломтиком курапаро и... щупальцем маару! И немедленно!

И Алестар. Он ждет ее, волнуется, и каждый час промедления Джад стоит ее возлюбленному супругу лишней тревоги. И это он еще не знает!

— Простите, ваше величество, — виновато сказала она, — но все имеет свою цену. Мне теперь нелегко находиться на суше, и я буду благодарна, если вы позволите оставить вас. Лорд и леди Каррас будут представлять иреназе на всех церемониях и праздничном пире. А меня ждут в

море, где мой новый дом. Обещаю, мы еще увидимся.

Глаза Эйдана миготнули, но он с достоинством кивнул. Что такое долг, мальчик знал отлично, и Джад подумала, что Жи и вправду сделал прекрасный выбор.

— Ваше величество! — сказала она громко и ясно, вдруг поняв, чем следует завершить эту встречу. — Перстень, который послужил орудием судьбы при вашем избрании, прислан вам королем Алестаром. Он долго принадлежал династии Аусдрангов, но камень в нем — из глубин моря и станет символом братского единения между королевствами людей и иреназе. Но я хотела бы сделать вам подарок лично от себя, если позволите.

Она уронила ладони на рукояти мечей, последний раз чувствуя их привычную форму, так и льнущую к рукам. Сердце заняло горько-сладкой тоской, но в необратимости этого решения было что-то безупречно правильное и справедливое, нужное именно сейчас.

Щелкнули застежки, которыми ножны крепились к поясу, и Джад, взяв мечи, опустилась на одно колено, протянув их на вытянутых руках Эйдану. Вокруг стало тихо. Казалось, даже толпа вдалеке притихла, словно люди пытались разглядеть и понять, что происходит, а уж на помосте воцарилось полное безмолвие.

— Это мое оружие Стража, — негромко заговорила Джад, чувствуя, как тяжело и верно падает в тишину каждое слово. — Я получила его в храме Малкависа, принося клятву жрицы. На нем немало крови, но нет пятен предательства или трусости. Это хорошее оружие, Эйдан, сын Хальвера и Соны, честное и надежное. Моя судьба увела меня прочь от храма, вместо присяги Стража я приняла иные клятвы. И я прошу тебя принять эти мечи, потому что твоя судьба теперь — быть защитником своих людей и земель. Пусть они служат тебе так же верно, как мне.

— Госпожа... — прошептал Эйдан ломким и словно тающим голосом.

Шагнув вперед, он взял мечи из рук Джад как святыню. Один — длинный, второй — короче, но все равно еще не по росту мальчишке лет десяти. Однако Джад знала без тени сомнения, что умом и сердцем Эйдан уже дорос до собственного оружия, а рост, крепость рук и умение с ним обращаться — дело наживное.

— Миледи, ваш дар станет святыней королевства, — церемонно проговорил лорд Гленарвиль, и стоящий рядом с ним Крумас молча кивнул.

Если канцлер увидел за поступком Джад лишь красивый жест, призванный дополнить сегодняшнее торжество еще одной значимой деталью, то пожилой лорд, сам в прошлом воин, оценил подарок по достоинству.

— Главное, не вешайте их на стену в сокровищнице, — попросила Джад. — Это боевые мечи, а не церемониальные. Его величеству они быстро станут по руке, только найдите хорошего учителя. И если решите послать за ним в храм Арубы, я напишу письмо, в котором присоединюсь к вашей просьбе.

Она встала и поклонилась, а Эйдан, крепко прижимая ножны с мечами к груди, поклонился в ответ.

— Лорд Каррас, леди Санлия, — сказал он неожиданно взросло. — Я жду вас на празднике. — И обернулся к Гленарвилю. — Ваша светлость, может, поедет в город? День в самом разгаре, чего время терять?

— Да, ваше величество, — склонил голову канцлер и принялся отдавать приказы, которые Джад уже не расслышала.

Она торопливо отошла от замершего посередине помоста мальчика, чувствуя себя совершенно ненужной здесь — и абсолютно необходимой в другом месте.

— Лил, дашь мне сопровождение? — спросила она, и бывший наемник, а ныне посол иреназе укоризненно покачал головой.

— Сам провожу, — сказал он так уверенно, что стало ясно — спорить бесполезно. — Санлия, любовь моя, ты с нами?

— С радостью, — кивнула иреназе. — Море больше не зовет мою душу, но я всегда счастлива его увидеть.

Они спустились с вершины холма, и люди расступались, образуя коридор, кланялись, перешептывались. Отблеск славы сегодняшнего дня лег на Джад, словно увенчав ее невидимой короной, ничего общего не имевшей с реликвией Акаланте, возложенной на ее голову в море. Снова оказавшись в седле, Джад смотрела на толпу и точно знала, что этот день и есть один из тех, ради которых она была рождена.

«Великая участь — быть мечом бога, — шепнул ей в ухо знакомый голос. — Проводником высочайшей воли, камнем, который меняет путь колеса судьбы. Обычно истории такого рода пишутся кровью, но ее и так было довольно. Отчего бы мне для разнообразия не сделать эту сказку не только страшной, но и со счастливым концом?»

«Я буду только рада! — поспешно сказала Джад про себя и услышала беззвучный смешок, не издевательский, а веселый и понимающий. — Жи, зачем тебе дети иреназе и людей? Мать Море и Мать Земля спорили о первенстве, но ты-то в этой игре не участвовало? Что тебе пообещали?»

«Маленькая любопытная жрица, — улыбнулся, судя по голосу, древнее и вечно молодое божество. — Не отступишь, пока не получишь ответ? Ладно, в конце концов, это будут и твои дети тоже, так что ты имеешь право заглянуть в будущее. Но не сейчас!»

«А когда?» — упрямо спросила Джад.

«Месяцев через девять, — ехидно отозвалось лукавое божество. — И еще немного. А пока хватит с тебя моего обещания, что все будет хорошо. И не обижай мое воплощение! Пусть он станет родоначальником новых домашних зверей иреназе. Поверь, салру не так уж хорошо живется на свободе, а они заслуживают не исчезнуть в бездне времени, как многие другие обитатели суши и моря. Прощай, Страж Джад. Не думаю, что мы еще встретимся. Но я присмотрю за теми, кого вы с этим рыжим недоразумением приведете в мой мир. И когда-нибудь... О, когда-нибудь мир, который ты знаешь, изменится от их шагов и взмахов плавников. Будет в этом и твоя заслуга, Страж Малкависа, ставший Сердцем Моря. Потому что любовь сильна, она служит маяком во тьме времени и мостом через пропасть смерти. Любовь и верность — вот то, ради чего стоит жить, умирать и снова жить. Ну и немного хорошей шутки!»

Его голос растаял с очередным смешком, и Джад почувствовала пустоту, равной которой даже представить не могла. Всеядное Жи ушло из ее мыслей и ее жизни — как и предупреждало! Ну что ж, нельзя ведь вечно прятаться под чужим покровительством. Клятвы, связавшие Джад с Малкависом, разрушены, хотя она все равно чтит его, но не как хозяйина своей судьбы, а как почтительная дочь — любящего родителя. Мать Море тоже присматривает за ней, как за любым обитателем глубин, да и Мать Земля не отвергла ее совсем...

«Слишком много богов в моей жизни, — насмешливо подумала Джад. — Хотя я никогда не просила себе особенной судьбы, только своей собственной. И если моя судьба забрала у меня мечи Стража, взамен вручив корону, что ж, ей виднее. Она и так слишком щедра, подарив мне и любовь, и...»

Она прислушалась к себе, пытаясь уловить хоть малейший признак того, о чем говорила Санлия, легко и изящно едущая рядом на лошади. Тело молчало, только по-прежнему хотелось рыбы и курапаро. И воды — много воды вокруг! Ласковой, нежащей тело и душу... «Море плещется в моей крови, — подумала Джад, вспомнив обещание обеих богинь. — И я наконец-то дома».

Солнце плыло по небу мучительно медленно и еще далеко не дошло до края небес, а Алестар уже откровенно извелся. Он отпустил Джад, потому что поклялся ей и себе самому никогда не ограничивать свободу любимой супруги, но выполнить это решение оказалось тяжелее, чем принять. Вдруг на суше что-нибудь случится? Конечно, там Каррас и лорды, но... Жизнь уже слишком хорошо научила его, что самое страшное всегда происходит неожиданно!

«Мать Море! — взмолился он, переворачиваясь в воде, чтобы смочить сохнущую на солнце кожу груди и плеч. — Только бы с ней все было хорошо! Пусть все беды и неприятности, которые ей грозят, достанутся мне — я справлюсь! Только бы она была счастлива и в безопасности — всегда!»

Он шевельнул хвостом, удерживаясь на волне, и Серый, плавающий рядом в ожидании, лениво ткнул носом хозяйский бок. Алестар рассеянно почесал ему нос, оперся рукой о широкую спину салту и приподнялся в воде, вглядываясь в далекий берег. Солнце слепило глаза, но он разглядел всадников у самой кромки воды. Джад?! Почему так рано?! Неужели...

Он замотал головой и отбросил назад лезущие в глаза мокрые волосы. Еще пристальнее вгляделся в подыхавших, но коварный воздух хоть и был прозрачнее воды, очертания в нем выглядели совсем иначе. Кто-то из примерно десятка всадников был темноволос, но есть ли среди них Джад?

Мигом позже он увидел знакомый силуэт жрицы, легко прыгнувшей с коня, и еще пару людей, последовавших за ней, одним из которых был Каррас, а третьим... неужели Санлиа? Суаланка была в длинной одежде земных женщин, и Алестар даже представить себе не мог, как в этих нелепых туниках можно двигаться? А как люди ездят на этих огромных длиннолапых животных? Это же опасно! Кони в любой момент могут упасть, если запутаются в собственных длинных тонких конечностях. Или столкнутся один с другим... Да мало ли что может случиться на полной опасностей коварной суше?!

«Прекрати, — одернул он сам себя. — Не превращай заботу в сеть-ловушку. Земля была домом Джад многие годы, там она гораздо в большей безопасности, чем тебе кажется. И если ты попытаешься сковать ее свободу своими глупыми страхами, то сам задушишь любовь, которая только начала рождаться между вами».

Джад между тем что-то взяла у Санлии и прицепила к поясу, а потом обняла суаланку, и их темноволосые головы на миг соприкоснулись, когда бывшая жрица Малкависа поцеловала бывшую наложницу в щеку. Каррасу тоже досталось объятие, и Алестара уколола ревность, но он снова себя осадил, как плывущего не в ту сторону салту. Он ведь доверяет Джад! И уж точно она бы не сделала ничего предосудительного на глазах у Санлии, ставшей спутницей Карраса. Таковы людские обычаи, и нужно радоваться, что Джад и этот наемник расстались друзьями.

«Но обнимать ее на ложе сегодня буду я, — с томительным предвкушением подумал Алестар. — И завтра, и каждый день жизни, что нам отпущен по воле богов. И уж постараюсь, чтобы все остальные объятия в ее жизни остались лишь воспоминанием!»

Словно прочитав его мысли, Джад помахала рукой своим остальным спутникам и ступила в лодку, качающуюся у берега. Каррас прыгнул вслед за ней, соблюдая обещание не спускать с драгоценной гостьи глаз, и взялся за весла. А у Алестара снова сильнее забилося сердце, и он едва дождался, пока лодка, плывущая медленно, словно неторопливая медуза, приблизилась к нему.

— Возвращаю в полной сохранности, — шутливо окликнул его Каррас, опуская весла, и Алестар кивнул, а Джад встретила с ним взглядом, и показалось, что разлуки вовсе не было.

Отцепив от пояса небольшую кожаную сумочку, она что-то поискала взглядом, но Каррас виновато сказал:

— Твоя рубашка осталась на плоту, а эти бездельники уже рыбу ловят в соседней бухте. Может, поплывешь так?

— Нет, — покачала головой Джад. — Спасибо, Лил, но я, кажется, отвыкла от земной одежды.

И улыбнулась чуточку лукаво, но не бывшему наемнику, а Алестару.

Когда ее руки легли на пояс, Каррас понимающе отвернулся, зато Алестар не удержался, смотрел во все глаза, расплываясь в улыбке. Вот теперь прозрачность воздуха оказалась настоящим кстати! Разве можно не любоваться дивной плавностью любимого тела? Рассыпавшимися по плечам непокорными волосами, блестящей в солнечных лучах золотистой кожей...

Порывисто вздохнув, он заставил себя опуститься в воде чуть ниже, и Джад, бросив быстрый взгляд на его тело ниже пояса, сдержанно улыбнулась. Ну и что?! Желать собственную жену не постыдно! Совсем даже наоборот!

Раздевшись до тонкой короткой туники и того, что люди носят на бедрах, она одним плавным движением перемахнула через борт лодки, и уже через миг оказалась в объятиях Алестара. Возмущенно забарахталась, отбиваясь и поднимая брызги, но тут же притихла, позволив прижать себя, и только бросила выразительный взгляд на лодку, где Каррас как раз поворачивался к ним лицом.

— Привет Эргиану, — сказал он, бросая сумочку, которую Джад ловко поймала одной

рукой. — И этой светленькой, как ее, подружке Санлии.

— Передам, — кивнула Джаид и посмотрела Каррасу в глаза долгим взглядом.

Алестар замер, едва дыша. Если бы в этом взгляде промелькнула хотя бы тень желания или сожаления... Он и сам не знал, что стал бы тогда делать. Но Каррас смотрел на бывшую возлюбленную, как он сам глядел бы на Эруви — тепло и чисто. И ядовитая мурена, шевельнувшаяся было внутри Алестара, пристыженно издохла.

— Чистой воды, как у вас говорят, — негромко сказал Каррас, и Алестар с изумлением понял, что бывший наемник не делает различия между ним и Джаид, желая ей того же, что и ему, иреназе.

А потом поднял весла и направил лодку к берегу, ни разу не обернувшись.

— Ты так быстро завершила все дела, любовь моя? — спросил Алестар, обнимая Джаид и удерживая их обоих, потому что руки Джаид доверчиво обвили его шею. — И кто же теперь новый король Аусдранга?

— Лучший из всех возможных, — светло улыбнулась Джаид. — Оказалось, я его давно знаю! Помнишь монету, которую я оставила у жертвенника Всеядного Жи? Эйдан спас мне жизнь, когда я убегала от Торвальда, и я попросила, чтобы он нашел свою судьбу, а хитроумный бог этим воспользовался. Но это долгая история. Не ревнуй... — лукаво протянула она. — Алестар, ему десять лет. В нем течет истинная кровь Аусдрангов, и у него золотое сердце. Я все тебе расскажу дома, хорошо?

— Дома... — тихо согласился Алестар, утыкаясь лицом в ее волосы, глядя спину и бедра. — Прямо сейчас и поплывем. Вот сейчас, да!

И горестно вздохнул, когда вода неподалеку забурлила, и под ее поверхностью замелькали силуэты салту охраны. Вечно кто-то помешает!

Джаид глянула понимающе, но в глубине ее темных глаз Алестару вдруг почудилось что-то новое, неуверенное...

Пока они плыли в Акаланте, он почти решил, что ему это почудилось.

Но в спальне, раздевшись и расчесав волосы, она подплыла к ложу, на котором лениво нежился Алестар, и опустилась рядом, повернувшись к нему лицом, но избегая встречаться взглядами. То ли обеспокоенная чем-то, то ли расстроенная...

— Что случилось, сердце мое?

Алестар потянулся к ней, погладил по волосам и, дождавшись, пока сильное гибкое тело его возлюбленной расслабится, заключил ее в объятья.

— Ничего, — тихо отозвалась она. — Точнее... не то чтобы случилось. Изменилось — так будет вернее. Алестар, я должна тебе кое-что рассказать.

— Слушаю... — сказал он, глядя ее голову и спину теми же ровными ритмичными движениями, успокаивая, хотя собственное сердце уже застучало быстрее.

Кажется, он никогда не слышал такой неуверенности в ее голосе! Но будь это что-то важное и срочное, Джаид рассказала бы ему сразу! А она, вернувшись в Акаланте, послала за едой и долго утоляла голод, потом нежилась в теплой воде, потом долго причесывалась, будто... тянула время? Да что же там могло случиться на этой клятой суше?!

— Мне сегодня стало плохо, — так же тихо и словно виновато сказала она. — Я даже на пир из-за этого не осталась. Думать не могу о еде. О человеческой, в смысле... Морская очень даже идет.

— Плохо?! — Он встревоженно приподнялся на локте, вглядываясь в ее лицо. — Так нужно вызвать лекаря? Джи, почему ты сразу не сказала?!

— Ох, да подожди ты! — взмолилась она, глядя растерянно, но почему-то улыбаясь. — Лекаря — надо! Но потом. Хватит мне еще лекарей... Там была Санлия, и она сразу сказала, в чем дело. Я не поверила, но она подтвердила, да и... все сходится, в общем. Я только не знаю точно — когда. Но получается, что или в брачную ночь или сразу после...

— Что — в брачную ночь? — спросил Алестар, чувствуя себя совершеннейшим дураком.

Если не надо лекарей сейчас, то зачем они понадобятся потом? И что такого поняла Санлия? И... почему Джадд выглядит и в самом деле бледноватой, но глаза у нее сияют, будто кто-то взял два осколка Бездны и смешал их с чистейшим солнечным светом?!

— Ты правда не понимаешь или прикидываешься? — фыркнула она, заливаясь краской. — Меня тошнит от еды. А за щупальца маару и сырую рыбу я готова убивать. Вот насчет тинкалы еще не знаю... Сладкой точно не хочется, но кислую же у вас не варят? Алестар! Санлия клянется, что я... — Она покраснела еще сильнее, но закончила как-то совсем беспомощно, сказав то, о чем он и так уже догадался, боясь поверить: — Я ношу ребенка...

— Мать Море... — выдохнул Алестар. — Ты... уверена?!

— Я — нет, — честно ответила Джадд и вздохнула: — Но Санлии верю. А еще Всеядное Жи подтвердило на прощанье. Зараза ехидная. Наверное, божество жизни в таких делах точно понимает? Он что-то темнил, но пообещал, что все будет хорошо. Ведь будет же?

Она посмотрела на Алестара с той же неуверенностью и беспомощностью, которой он никогда не заподозрил бы в той Джадд, которую знал. Словно сильная и отважная жрица разом превратилась в обычную женщину, ожидающую поддержки и заверений в любви.

— Будет! — едва не крикнул Алестар, но, сдержавшись, привлек Джадд к себе и принялся осыпать поцелуями ее лицо, а потом зашептал: — Все будет лучше, чем хорошо, любовь моя. Клянусь тебе, все будет прекрасно! Благодарение всем богам на свете... И тебе, мое счастье, мое сердце, моя единственная... Что же ты сразу не сказала? Я испугался, что ты... Неважно. Все теперь неважно, кроме тебя и нашего малыша. Санлия не сказала, кто это?

— Нет... — слабо, но успокоенно улыбнулась Джадд. — Срок слишком маленький. Санлия говорит, что сердце только начало биться. Я считала... Но я могу и ошибаться! Я же не лекарь, Алестар! Но она говорит, что с ребенком все хорошо. Алестар, я так боюсь! Не за себя, за него! Я столько в своей жизни падала и дралась, меня били в живот... Санлия уверяет, что ничего страшного, но вдруг я не смогу его выносить? Или родить?

— Тш-ш-ш... — Алестар прижал ее крепче, зарылся лицом в темные мягкие волосы. — Все будет хорошо, сердце мое. Санлии можно верить, ее благословила Мать Море. И нас с тобой — тоже. Неужели ты не веришь ее милости? Все будет хорошо! Я люблю тебя, Джадд, моя избранная, моя единственная, навсегда моя... И уже люблю нашего первенца...

Он почувствовал, что губы сами собой расплываются в счастливой улыбке, а Джадд едва слышно фыркнула.

— Сговорились вы, что ли? — сказала она уже спокойно. — Санлия ждет девочку, а Лил говорит, что ему нужно много детей, видите ли! И ты про первенца. Жалко, что Мать Море не наделила мужчин способностью рожать.

— Жалко, — беззаботно согласился Алестар. — Тогда бы у нас было детей в два раза больше! Но начнем с одного, ладно уж! Ох, Жи!

Он плеснул хвостом, едва справляясь с желанием взмыть к потолку, метнуться по комнате, как взбесившийся салту, хоть как-то выплеснуть переполняющую радость и ликование. Так вот как это! Одна мысль, что в чреве любимой женщины зреет его дитя... Никакие победы на Арене или над врагами не сравнятся с этим! У них будет ребенок! Восторг рвался наружу, и Алестар прижался лицом к еще плоскому и упругому животу Джадд, лизнул нежную, солоноватую от воды кожу.

— Сумасшедший... — выдохнула она и жалобно попросила: — Подождем, что скажут лекари? Я тебя тоже хочу, но если нельзя...

— Подождем, — согласился Алестар, чувствуя, что утопает в горячей всепоглощающей нежности. — Но целоваться-то нам в любом случае можно?

И повел губами дорожку поцелуев вверх, к золотистым соблазнительным холмикам, увенчанным темными жемчужинами сосков. Зажмурился, ярко представив, как прильнет к этой груди ртом ребенок... Он всегда хотел Джадд. Сначала — зло и яростно, потом — виновато и беспомощно нежно, потом — с надеждой и горячим обожанием... Но никогда не мог даже представить, что эта страсть может переплавиться в нечто большее, разом изменившее всю его жизнь. Сначала ему казалось, что счастье не может быть более полным

после согласия Джад. Потом — после их первой брачной ночи и каждой следующей за ней. Оно восходило над жизнью Алестара, как солнце восходит над морем, освещая и согревая его глубины, становясь ярче и проникновеннее... И вот, наконец, достигло зенита. Или это сейчас так кажется?

«Буду ли я еще счастливее, если она подарит мне нескольких детей? — растерянно подумал он. — Когда наша с ней жизнь изменится, когда пройдут и отгремят неизбежные шторма первой ссоры, а может, и не одной... Когда дети будут взрослеть, становясь ее или моим подобием и в то же время совсем другими... Когда любовь станет расти, как жемчужина, и никогда не угаснет — я верю в это! Будет ли счастье увеличиваться или оно просто станет возвращаться в нашу жизнь снова и снова, как солнце приходит в небо каждый день? Я не знаю, но пусть оно, это счастье, будет у нас одно на двоих, что бы ни случилось. И если есть весы, на которых его можно взвесить, пусть чаша любви, здоровья и удачи, отпущенных Джад, всегда будет тяжелее...»

— Клянусь морем, что плещется в нашей крови, — сказал он, ложась рядом и заглядывая Джад в глаза. — Ты мой Страж, моя избранная, мое сердце. Твоя любовь — огонь, который сначала опалил меня, потом — переплавил, а теперь согревает каждое мгновение. Я знаю, ты не умеешь лгать, и приму правду, какой бы она ни была. Прошу, Джад, скажи мне, ты жалеешь о том, что мы встретились? Хотела бы ты иной судьбы, свободной от боли, что я тебе причинил, с другой любовью, может быть...

— Нет, — негромко и ясно сказала она. — Если бы я могла вернуться в тот день, когда все началось, я бы не изменила ни одного слова, ни одного поступка. Ничего, что могло бы увести меня на другую дорогу. Ты знаешь, Алестар, я тебя ненавидела. Но ненависть сгорела в том же огне, в котором переплавилась твоя душа. И я выбрала тебя сердцем и разумом. Как море вместо земли. Как судьбу твоей жены вместо судьбы стража. Знаешь, сегодня я отдала свои клинки. Я думала, что они будут со мной всегда, и я умру, не выпуская их из рук, как положено стражу. Но я рассталась с ними и не жалею. Море позвало меня твоим голосом, и я рада вернуться. Я хочу любить тебя и засыпать в твоих объятьях, а потом просыпаться рядом. Хочу носить и рожать наших детей. Хочу беречь тебя как страж и как жена...

Она прервалась, порывисто вздохнув, и Алестар, не отрывая взгляда, нащупал горячую ладонь с узкими жесткими пальцами и подушечками мозолей... Поднес к губам и поцеловал благоговейно, как нежнейший цветок или зелье, способное спасти жизнь.

— Когда-то ты сказал, что любовь рождается из боли, подобно жемчугу, — тихо сказала Джад, так же не отводя взгляда, словно смотрела Алестару в глубину души. — Теперь я знаю, что это правда. Я не иреназе, я страж и сказала бы, что любовь рождается подобно мечу. Она плавится в огне горна, принимая форму, тяжелый молот судьбы кует ее, выбивая слабость, ложь и недоверие, а потом ледяная вода закаляет клинок, и он готов к испытаниям на прочность. Наверное, у кого-то иначе. Чья-то любовь — хрупкая драгоценность, чья-то — хмельная трава, расцветающая легко и свободно, или пестрый мягкий шелк. А у нас получилось вот так. И я не жалею. И не хочу иной судьбы, где рядом не будет тебя. Ты — мое море...

— Ты — мое сердце моря, — отозвался Алестар и потянулся к ней.

Их дыхание встретилось на миг раньше, чем губы, став единым — крошечная искра тепла в бескрайнем море, вечном, как сама жизнь, и холодном, но согретом этой искрой любви, одной на двоих.

Эпилог

— Я ужасная мать, — вздохнула Джаид, ловко перехватывая маленькое толстенькое тельце, так и норовящее выскользнуть у нее из рук. — Иногда мне хочется надеть на них поводки, как на салру! И хоть несколько минут не думать, куда эти негодники прямо сейчас пытаются залезть. Ариэль, перестань!

Но стоило годовой хитрюге похлопать золотистыми ресницами над невинными синими глазками, Джаид не выдержала и улыбнулась, осторожно выпутывая цепкие пальчики из своих распущенных волос. Дочь, у которой забрали любимую игрушку, возмущенно засопела и, извернувшись, попыталась попробовать на вкус брачный браслет, при этом весьма чувствительно хлопнув Джаид хвостом по лицу. Руку с браслетом Джаид незамедлительно убрала, но это, оказывается, был хитрый маневр! Подкравшись сзади, Кассий поддержал сестру молниеносной атакой на волосы Джаид, но тут же оказался перехвачен Алестаром.

— Какие способные дети, — восхищенно умилился любимый супруг. — Джи, ты только посмотри, как они замечательно плавают!

— Как два юных салру, — согласилась Джаид, вручая ему в свободную руку дочь. — Все в тебя, муж мой. И поэтому будь добр, отвлеки их, пока я заплету волосы, иначе, Малкависом клянусь, не выдержу и снова постригусь. И не смотри так!

— Ты этого не сделаешь! — выдохнул Алестар со священным ужасом. — Только не волосы! Джи!

— Может, и не сделаю, — задумчиво согласилась Джаид, беря со столика золотой гребень. — Смотря как будут себя вести три хвостатые четверти нашего семейства.

Кассий и Ариэль увлеченно брыкались в отцовских объятиях, и Алестар, вместо того чтобы их удерживать, отпустил малышей, дал им, хохочущим, немного отплыть, а потом ловко поймал двумя руками за хвосты, грозно прорычав:

— Я стр-рашный ужасный маар-р-ру! Где тут непослушные дети, я их сожр-р-ру...

Близнецы в притворном ужасе завизжали, но Джаид, глядя на две улыбающиеся мордашки, им ни капельки не поверила. Два серебристых хвостика с толстыми детскими плавниками, еще и близко не похожими на сверкающую вуаль плавника Алестара, затрепыхались еще сильнее, близнецы изнемогали от хохота и, наконец, позволили «страшному маару» подтянуть себя ближе и обнять.

— У тебя отлично получается, — восхищенно заметила Джаид, неторопливо расчесывая волосы, уже достигшие пояса. — Вот что значит, прирожденный укротитель!

— О, неужели ты научилась лстить, жена моя? — улыбаясь, спросил Алестар, не переставая тискать детей, которых он попеременно то подкидывал вверх, то снова ловил.

Рыжая головка Ариэли и черноволосая макушка Кассия в лучах туарры блестели, как два драгоценных камня, и Джаид снова подивилась, как у нее родились такие непохожие дети. И ладно бы, малышка Ариэль пошла в мать, как положено дочери. Но нет, белокожая синеглазая плутовка — копия отца. Бедные юноши иреназе, когда она подрастет! Уже сейчас видно, что их с Алестаром дочь перевернет все море, добиваясь того, что ей захочется. А смуглый черноглазый Кассий основателен и серьезен, когда его не задирает бешеная сестричка. Может часами раскладывать перламутровые раковины и цветные камешки, пока Ариэль гоняется за рыбками или ловит крабов, а потом ревет и показывает пальцы...

Как? Ну вот как они получились такими?! И что теперь делать с тем, что впервые у Акаланте — черноволосый наследный принц! Джаид всерьез опасалась, что подданным Алестара это не понравится, но дражайший супруг заверил ее, что кровь Акаланте в мальчике чувствуется едва ли не ярче, чем в его рыжей сестре, и Сердце признает его, как только придет время.

— Я всего лишь отдаю тебе должное, — улыбнулась Джаид, заплетая косу и думая, что стоит воспользоваться случаем и выпить горячей тинкалы, пока дети с упоением терзают отца.

Да, она могла бы поручить их служанкам. И даже пробовала это сделать, чтобы освободить себе немного времени для помощи Алестару и восстановления после родов. Но быстро обнаружила, что малышам это не на пользу. Ни один иреназе решительно ни в чем не мог им отказать, а когда Джаид мягко просила не баловать принца и принцессу так сильно, на нее смотрели со священным ужасом.

О, теперь она хорошо понимала, как из Алестара выросло... в общем, то, что выросло. Наверное, Эргиана, который тоже воспитывался во дворце, спасло, что у короля Карианда детей было много, и каждый из них не считался божественным даром и величайшей драгоценностью. Нет уж, Джад не хочет своим детям судьбы избалованных с детства самовлюбленных чудовищ, а это значит, что заниматься ими она будет сама. Хотя бы первое время... Хотя нужно отдать Алестару должное, он возится с малышами с таким упоенным удовольствием и азартом, что сердце радуется.

Джад вспомнила, как незадолго до родов Алестар положил ей руку на огромный живот, погладил, успокаивая бунтующих внутри близнецов. Да, целители уже сказали, что детей двое, но определить, кто именно родится, не могли... Другой рукой он ласково коснулся ее осунувшегося лица и спросил, вглядываясь с тщательно скрываемым беспокойством:

— Как ты хочешь их назвать, любовь моя?

Джад задумалась, оценив его доверие. Те имена, что нравились ей в прошлой жизни, были частыми в Арубе, но для морских глубин вряд ли подходили. Нет, Алестар ей, конечно, не откажет, но...

— У меня на родине, — сказала она, устраиваясь поудобнее, — сына называет отец, а дочери дает имя мать. Если родится сын, как ты его назовешь?

— Не знаю, — вздохнул Алестар, ложась рядом и продолжая гладить живот, в котором дети притихли и успокоились, будто чувствуя его прикосновения. — Я бы назвал его Кариаллом, но не хочу ему отцовской судьбы. И дочь в честь моей матери назвать не попрошу по этой же причине. Ранняя смерть и жизнь в тоске — это не то, что я хотел бы рассказать своим детям о тех, кто носил их имена раньше.

— Понимаю, — откликнулась Джад. — А я хотела назвать дочь, если родится, Кассией.

— Правда? — Алестар заглянул ей в глаза и просиял изнутри взглядом и всем лицом, как умел только он. — Благодарю, любовь моя. Только такое сердце, как у тебя, могло это подсказать. Но знаешь... Говорят, если поменять имя на похожее, злая судьба не узнает его и заблудится. Я бы не хотел смотреть на дочь и думать о той, что ушла... Слишком больно. А вот сына я бы так назвал. Ты не против?

— Кассия... Кассий? — попробовала имя на вкус Джад. — Это красиво. На моем родном языке это означает копьё. Длинное оружие вроде лоура или остроги. Хорошее имя для мужчины, супруг мой.

— Значит, решено.

Алестар запустил пальцы в кончик ее косы и играл с ним, стараясь растрепать, но золотое кольцо-заколка — подарок Леавары — сидело прочно, туго перехватывая смоляной жгут волос.

— Сын — Кассий, а дочь... Может быть, Ираэль? Нет...

Его лицо омрачилось, и Джад, подумав, предложила:

— Ты же сам сказал, что имя можно изменить. Если не Ираэль, а... Ариэль? Звучит нежно, как музыка... Девочке подходит.

— Решено! — Алестар нежно обнял ее, подставляя плечо, и Джад опустила на него голову.

Боги, как женщины на земле вынашивают детей? Там ведь тяжесть чувствуется полной мерой. Санлия, правда, в письмах, исправно доставляемых людьми Лилайна, утверждала, что носит бремя будущего материнства легко, и Джад могла за нее только от души порадоваться.

Суаланка и родила раньше, написав, что на свет появилась прелестная девочка, черноволосая и смуглая, в обоих родителей, а вот какого у нее цвета глаза, пока еще непонятно, и они с Лилайном побились об заклад. Если малышка окажется голубоглазой, в отца, Санлия, так и быть, через годик подумает о втором ребенке. А вот если глазки будут зеленые, в маму, ждать второго малыша Лилайну придется года через два. Но что-то подсказывало Джад, судя по тону письма, что Санлия себя не будет считать проигравшей ни в каком случае...

Чего они с Алестаром не могли предположить, так это что Кассий, названный по-арубийски «копьем», окажется парнишкой не воинственным, а тихим и спокойным на удивление, зато нежное имя Ариэль достанется сорванцу в облике умильной лапочки. Может быть, позже характеры детей изменятся?

Родов она боялась. Не боли, разумеется, и даже не того, что может умереть. Впрочем, второго боялась, но не за себя, а за мужа. Запечатления у них не было, и ее смерть не утешила бы Алестара в бездну бесконечной тоски, как его отца, но все равно... И все-таки больше Джаид беспокоилась за детей, хотя целители уверяли, что малыши здоровые, судя по биению сердца и каким-то непонятным, известным только лекарям признакам.

Когда все началось, она от растерянности взмолилась Малкавису, как привыкла это делать всегда, хотя звать следовало Мать Море. Но то ли великая богиня, не обидевшись, присмотрела за ней, то ли Малкавис, к которому вряд ли часто обращались в родах, не смог пропустить такую необычную просьбу, родила Джаид легче, чем всегда себе представляла.

Лекарь хвалил ее сердце и мышцы, говорил, как правильно дышать, а приемы, усвоенные любым стражем, сняли часть боли, и, когда Джаид положили к груди два теплых мягких тельца, она заплакала от счастья. Теперь уже — полного и бескрайнего, словно море. Дети посапывали, чмокая молоком, а она смотрела на них и не могла поверить, что это все — ей! Ну и что, что хвостатые! У них самые лучшие хвостики на свете! Блестящие, толстые и короткие, с тугими гладкими плавничками... А потом, когда она увидела их глаза... И волосы, так похожие на рыжее пламя гривы Алестара и ее собственную смоляную черноту. Ее дети, ее продолжение и дар любимому мужчине...

Джаид вздохнула, выныривая из воспоминаний. Перекинула заплетенную косу назад и обернулась к постели. Алестар лежал на спине, и две головки, рыжая и черная, соединились у него на груди, перепутавшись волосами. Сын и дочь, намаявшись в неравной битве со «страшным маару», спали, устроившись с двух сторон от поверженного противника, и Алестар, улыбаясь, обнимал их, глядя голые гладкие спинки.

— Джи, — негромко позвал он, откровенно любуясь ею. — А давай сегодня все-таки оставим наших маленьких салру на прислугу? Сплываем в гости к Эргиану... Ты уже давно не играла в тосу, а я бы выпил земного вина и поговорил о чем-нибудь... не о делах, в общем. А потом вернемся к себе и...

Взгляд у него был очень многообещающий, и Джаид, слегка покраснев, кивнула. К Эргиану — это значит, что нужно будет нарядно одеться. Краситься не обязательно, все равно Леавара, ахая, утешит ее пробовать какие-нибудь новые мази для кожи, а потом непременно возьмет в руки кисточки с краской. И, пожалуй, стоит заглянуть к ней до начала вечера...

То есть одеться здесь, а потом ускользнуть немного раньше Алестара, чтобы он, приплыв к дражайшему родичу, увидел Джаид уже накрашенной и нарядной. Видят все боги, сколько их ни есть, возлюбленный супруг заслужил такие мелкие, но нужные радости семейной жизни, как веселая и красивая жена. Да и тосу...

Она действительно невероятно соскучилась и по игре, и по болтовне с Эргианом, и по тинкале, которую Леавара научилась у Санлии варить именно так, как нравится Джаид. А если еще позвать Эруви с Даголаром и Маритэль... Ох, это же настоящий праздник получится! И почему нет?

Отложив гребень, она улыбнулась, склонила голову набок и мягко мурлыкнула:

— Какое заманчивое предложение, муж мой. А знаешь, я тут подумала...

И осеклась.

Ариэль, вдруг забарахтавшись и закрутив хвостом, перевернулась животиком кверху, засопела, не просыпаясь, сморщила личико, всхлипнула... Алестар тоже посмотрел на дочь с беспокойством и ахнул.

— Джи... — позвал он дрожащим голосом, но Джаид уже и так торопливо подплыла к постели.

Взяла дочь на руки, не зная, будить ее или сразу звать целителей. Нет, она не из тех сумасшедших матерей, что в каждом чихе ребенка видят признаки смертельной болезни, но с Ариэль творилось что-то неладное. Она вдруг стала горячее, а по тельцу пробежали волны судорог. Выгнувшись, Ариэль открыла глаза и отчаянно завопила. А ее серебристый, покрытый чешуей хвостик стал каким-то плоским и особенно плотным. Плавник напрягся, упруго задрожал, и Джаид в ужасе увидела, как он расходится в разные стороны. И как хвост за плавником тоже раздваивается, превращаясь...

Дойдя до бедер, этот странный разрыв остановился, обе части хвоста округлились, примерно посередине каждой из них появилось утолщение, которое Джаид не могла не узнать, а

оставшаяся на конце часть хвостового плавника вывернулась, встав под непривычным углом и превратившись в крошечную ступню с пальчиками.

— У нее ноги... — прошептала Джаид и только теперь испугалась по-настоящему.

Что, если изменение затронуло не только хвост, превратившийся в две славные детские ножки, у которых от прежнего вида осталась только покрывающая их чешуя? Что, если Ариэль сейчас начнет задыхаться, разучившись дышать водой?!

Но узенькие жаберные щели на шее дочки, к которым Джаид привыкла так давно, что и не замечала их, трепетали как обычно. Мгновенно успокоившись, Ариэль свернулась у нее на руках, что-то по-детски мяукнула и снова безмятежно уснула.

— Ноги? — беспомощно повторил Алестар и внезапно встрепенулся, посмотрев на Кассия.

Тот безмятежно перевернулся на спину, слегка оттолкнувшись от отца, и Джаид с Алестаром безмолвно увидели тот же самый процесс, только без плача и почти без судорог. Их спокойный и невозмутимый, несмотря на возраст, сын превратил хвост в ноги, даже не проснувшись. Полежал так немного, а потом с недовольным выражением на спящем личике поерзал ногами, потер их друг о друга, и превращение случилось обратно. Прилипнув друг к другу, ноги срослись, обернувшись хвостом.

— Мать Море! — выдохнул Алестар. — Джи! Ты что-нибудь понимаешь?

— Да, — помолчав, сказала Джаид, осторожно устраиваясь на постели рядом с Алестаром и укладывая Ариэль у себя на коленях.

Дочка заворочалась во сне, опять скривилась, хныкнула, и все повторилось. Ноги обернулись хвостом, точно таким, как раньше.

— Я понимаю, что Всеядное Жи — тот еще... шутник! — возмущенно сказала она, едва сдерживая нервный испуганный смех. — Вот какой сюрприз он нам приготовил! Наши дети смогут жить на суше и в море — где захотят!

— А как же дыхание? — усомнился Алестар, но, поглядев на снова безмятежно уснувших малышей, вздохнул: — Да, шутка в его духе. Все-таки обернул по-своему то, что хотели сделать Мать Море и Мать Земля. Джи, но ведь это... неплохо? — Он тревожно взгляделся в лицо Джаид и снова заговорил: — Я хочу, чтобы наши дети остались здесь. В море, с нами... Но если они никогда не будут беспомощны на суше, мне станет чуть-чуть спокойнее за их судьбу. Интересно, а у Санлии?

— Узнаем, — твердо сказала Джаид. — Алестар, ты... правда считаешь, что это хорошо? Что они все равно... настоящие иреназе?

Ей вдруг подумалось, что другие жители моря могут совсем иначе взглянуть на то, что принц и принцесса Акаланте — оборотни в людей.

— Они мои дети, — улыбнувшись, спокойно сказал Алестар. — Отмеченные милостью богов, но это не делает их больше или меньше моими. То есть нашими, конечно, — поспешно поправился он. — И какой бы ни была их судьба, я молю богов об одном, чтобы они были умными, честными, отважными и великодушными, как их мать. Ну... и умели ездить на салту, как их отец, — лукаво усмехнулся он, и Джаид облегченно рассмеялась.

— У тебя еще очень много других талантов, муж мой, — сказала она, чувствуя, как падает с души камень. — Знаешь, давай поговорим с целителями. И предупредим прислугу, разумеется. А потом действительно сплавим в гости к Эргиану! Кажется, я тоже очень хочу вина, тосу и разговоров! А боги, судьба и великие деяния наших детей подождут, пока они вырастут!

Ей показалось, что она услышала далекий одобрительный смешок Всеядного Жи, но тут же эхо чужого присутствия исчезло, и в комнате остались только они с Алестаром и мирно спящее будущее этого мира, рыжее и черноволосое, полностью в родителей. «Мир, тебя ждут перемены. Надеюсь, они тебе понравятся», — усмехнувшись про себя, подумала Джаид и потянулась к Алестару за поцелуем.